Ю. В. Громыко

ВЕК МЕТА:

Современные деятельностные представления о социальной практике и общественном развитии

Москва

ББК 60.524
Г87

Работа выполнена при поддержке РФФИ,
грант № 04-06/80165

Редакторы книги:
О.Б. Авиловаб, Л.В. Голубцова

На обложке книги — фрагмент картины итальянской художницы Элиде Кабасси «Сквозь дерево», 1993

Схемы и рисунки в книге А*И. Олексенко*

Громыко Ю.В.

Г87 ВЕК МЕТА: Современные деятельностные представления о социальной практике и общественном развитии. — М., 2006. — 504 с.

ББК 60.524

ISBN 5-350-00118-3

© Ю.В. Громыко, 2006

Оглавление

Часть первая
МЫШЛЕНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. НА ПУТЯХ К ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫМ МИРАМ: ИССЛЕДОВАНИЕ И ПРОЕКТИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТНОЙ ПРАКТИКИ

ВВЕДЕНИЕ. **Социокультурное разнообразие как оселок деятельностного подхода** 8

ГЛАВА 1. **Почему изучение мыследеятельности — романтическое предприятие?** 10

1.1. Полидисциплинарный дискурс про деятельность и проблемы практики *(Аналитический обзор)* 38
1.2. Наследие теории деятельности и новая проблематизация 73
1.3. Метаязык деятельности как инструментальность *76*
1.4. Разнообразие и нормативность 77
1.5. Чувствительность к разнообразию 78
1.6. Клеточка структуры деятельности по Давыдову 81
1.7. Три подхода к деятельностному контексту 83
1.8. Мышление о деятельности как компонент деятельности 85
1.9. Деятельностная семиотика. Многопозиционные матрицы и решётки 87
1.10. Исследование и проектирование в деятельностных комплексах 89
1.11. Субъект деятельности (агент, носитель) 93
1.12. Мегапроекты в функции иллюстраций. Мегапроект 1: Сталелитейная компания. ОДИ в промышленном контексте 95
1.13. Разнообразие как столкновение разных нормативностей 104
1.14. Мегапроект 2: Инновационная волна в столичном образовании 105

1.15. Мегапроект 3: Идентичность, присвоение. Восстановление образования в потревоженных обществах 114
1.16. Организация процессов самоопределения в среднем образовании 118
1.17. Некоторые выводы 119
1.18. Что такое мышление: теория мышления, ее предмет.... 120
1.19. Мыследеятельность как наличное бытие, присутствие: сущность, существование, существенное 141
1.20. Сценарии и сценированные инициативы по развитию деятельности в различных организационных системах (к диалектической и драматургической методологии развития компетенций) 147

ГЛАВА 2. **Что такое тип? Человек как источник мыследеятельности. Мыследеятельность как институт. Два протоинститута по Корнелиусу Касториадису: легейн (логос) и теукейн (техне)** 165

2.1. Институционализм как основная метатрансцендентальность 174

ГЛАВА 3. **Проблема трансферта институтов (рынка, прав и свобод человека, революции) из одной страны (одной социокультурной системы) в другую** 176

ГЛАВА 4. **Век Мета — типы как фиксация состояний в процессах перехода. Или системы общественных практик во множественных зеркалах отражения** 183

4.1. Предметная форма организации мышления, распредмеченная форма организации мышления, метапредметная форма организации мышления 189

ГЛАВА 5. **Цивилизационное взаимодействие или борьба матриц. Другое понимание игровых форм конкуренции цивилизаций** 237

5.1. Новые действующие субъекты **и** ограничители возможностей действия: антропологическая матрица — институт **241**

ГЛАВА 6. **Антропотехники переорганизации мыследеятельностных систем и их переосвоения. Идея стратегических компетенций** 305

ГЛАВА 7. **Построение антропных онтологии — новая философская программа** 322

7.1. Системомыследеятельностный (СМД) подход Г.П. Щедровицкого и теория коммуникативного действия Юргена Хабермаса. Точки соотнесения и несопоставимости 332

7.2. Постмодернизм как вызов и как проблема современной психологии и политической антропологии 342

Часть вторая

АНАЛИЗ НА ОСНОВЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ РАЗЛИЧНЫХ ОБЛАСТЕЙ ПРАКТИКИ

ГЛАВА 8. **От проектного к сценарному подходу: технологии капитализации индивидуального продвижения. Немного о сценировании** 355

ГЛАВА 9. **Антропология корректирует экономику: контуры мыследеятельностного понятия собственности** 382

9.1. Антропологическая модель специалиста по развивающему консалтингу 389

9.2. Методологическая проблема развития полномасштабных производительных сил 396

9.3. Почему деятельность? Зачем нужны подобные онтологические построения? 402

9.4. Деятельностные и мыследеятельностные системы и мировой порядок 404

ГЛАВА 10. **Программа философско-антропологических исследований, обеспечивающих развитие практики развивающего образования** 409

10.1. Система мыследеятельностной педагогики — основа новой Российской образовательной школы «Мышление для всех детей!» 423

10.2. Постановка проблемы воспитания в России. Концепция эксперимента 429

ГЛАВА 11. **Политическая антропология транснациональной безопасности: можно ли предвидеть и исчислять террористические акты?** 445

11.1. О понятии транснациональной (как трансгосударственной) безопасности — продолжение глобализма? 445

11.2. Всё на продажу? Предпринимательские криминальные схемы и международный терроризм как два основных типа транснациональных преступных действий. Международный терроризм внутри предпринимательских схем нового типа 448

11.3. Постглобализация: глобализация на основе макрорегионализации 452

11.4. Трансграничная идентичность и транснациональная безопасность. Паксизация (от латинского pax — мир, world) национальных государств. Этносы за границами своего государства 463

11.5. Управление процессами идентификации и терроризм как предпринимательская схема 469

11.6. Метаинституциональный подход к анализу терроризма как символического действия 476

11.7. Стратегическая оборонная инициатива — последняя попытка создать структуру конвергентного всемирного развития на основе мобилизации сил всего человечества. Как завязать индикативное планирование, долгосрочные инвестиции и хаотический рынок? 483

Часть первая

МЫШЛЕНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. НА ПУТЯХ К ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫМ МИРАМ: ИССЛЕДОВАНИЕ И ПРОЕКТИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТНОЙ ПРАКТИКИ

ВВЕДЕНИЕ I Социокультурное разнообразие как оселок деятельностного подхода

. Данная работа направлена на решение фундаментальной проблемы психологии, философии, теории развития институтов, связанной с определением роли и функции деятельностных представлений в построении теории развития социально-общественной практики. В рамках предложенного отчёта мы выделяем несколько важнейших моментов. В первой части книги мы рассматриваем принципиальную важность деятельностных представлений для анализа условий процессов развития социально-общественной практики. К первой главе мы даём в качестве приложения анализ взглядов разных учёных о роли деятельностных представлений в изучении проблем современной общественной практики, которые рассматривались на четвёртом конгрессе Международного общества исследователей теории деятельности и культуры, проходившем в Архусе (1998). В главах 2-6 первой теоретической части представляем некоторые предварительные результаты теоретического анализа системно-типологического понятия различных областей практики и институтов на основе деятельностных представлений. В главе 7 мы формулируем проблему построения антропных онтологии.

Во второй части книги нами демонстрируется возможность использования разрабатываемых деятельностных представлений для работы в конкретных областях практики — обучение предпринимателей, создание новых подходов к практике общественного воспитания, разработка новых подходов к понятию безопасности и борьбе с терроризмом.

Нами решалась задача сопоставительного анализа роли и функций деятельностных представлений (о мышлении, коммуникации, действии, деятельности) для построения проектов развития различных фрагментов практики, а также задача выявления принципиальной возможности осуществлять подобное проектирование. В качестве определённой альтернативы-дополнения проектному подходу во второй части нашей книги в главе 8 мы рассматриваем представления

о сценировании. Более подробно нами были рассмотрены взгляды Ю. Энгештрёма (глава 1), К. Касториадиса (главы 2-6), Ю. Хабермаса, представителей постмодернизма (Бодрияра, Дериды и др.). Сопоставительный анализ взглядов Хабермаса и ряда представителей постмодернизма нами рассматривается в приложении к главе 7.

В качестве важнейших результатов, полученных в ходе работы над книгой, могут быть названы следующие:

1. Мы провели работу по построению системно-типологического понятия социальной практики на основе системомыследеятельностных представлений, позволяющую описывать антропологические механизмы развития социальной практики.
2. В качестве своеобразной метакогнитивной карты понятия социальной практики выступили типологические таблицы, в которых демонстрируется развёртывание системно-типологического понятия институтов и системомыследеятельностных процессов (мышления, коммуникации, действия). Это системно-типологическое понятие позволяет описывать антропологические механизмы развития социальной практики. (Прежде всего, главы 2-6 данной книги.)
3. При рассмотрении деятельностного подхода в структуре современного гуманитарного знания была выделена важнейшая оппозиция социальных наук: роль институциональных и антропологических представлений в описании процессов изменения общественной практики.
4. Был проанализирован комплекс мыследеятельностных представлений о самоопределении и формах идентификации субъекта при постановке и принятии задач общественного развития в системе социальных институтов (промышленность, безопасность, общественное воспитание).
5. Рассмотрены роль и функции знаний в деятельности для организации обучения менеджеров, работы бизнес-консультантов, создания новых подходов к практике общественного воспитания и разработки новых подходов к теории безопасности (главы 8,9,10,11).
6. Проделанный анализ структуры сознания и рефлексивного мышления в общественных системах практики позволил сформулировать новые подходы к анализу институциональных изменений (главы 3-6 данной книги).

Определённым дополнением к этой книге является вторая наша работа «Самоопределение и идентичность Russians в условиях глобализации», в которой мы рассматриваем проблему антропологических матриц сознания.

ГЛАВА 11 Почему изучение мыследеятельности — романтическое предприятие?

Мне, как и Иоахиму Ломпшеру, точку зрения которого я узнал из его недавно вышедшей замечательной книги[1], представляется, что теория деятельности переживает сегодня во всём мире своеобразный ренессанс и бурное развитие. Она стремительно развивается, и можно зафиксировать самые разнообразные направления продвижения. Конечно, самый интересный момент — это полидисциплинарные комплексные исследования проблем деятельности, предполагающие объединение результатов исследования теории деятельности — процессов мышления, коммуникации, действия, понимания, рефлексии воображения, сознания, включённого в процессы мыследеятельности в самых разных дисциплинах. С этой точки зрения, утверждения о том, что идеи деятельностного подхода никому неинтересны и что они сформировались под идеологическим прессом в Советском Союзе, нам представляются абсолютно неверными и надуманными. Деятельностный подход является самой живой и самой оригинальной формой философствования в России, хотя бы потому, что он оригинален и ниоткуда не заимствован. С другой стороны, огромное число людей, которые осваивают собственность, формируют механизмы информационной власти, развивают кадры в самых разнообразных областях производства, используют идеи деятельностного подхода. Правда, этот деятельностный подход не знаком сторонникам психологической теории деятельности. Другое дело, что может произойти так, чего лично нам очень бы не хотелось, что международный центр развития деятельностных представлений переместится из России в другую страну,

[1] *См.* Joachim Lompscher. Lernkultur Kompetenzentwicklung aus kulturhistorischer Sicht. Lernen Erwachsener im Arbeitprozess. Band 7. 2004. Я хочу выразить глубокую признательность Ломпшеру за предоставленную возможность получить эту очень важную книгу сразу после издания, а также за достаточно подробный анализ наших работ, связанных с обучением взрослых на основе организационно-деятельностных игр в корпорации «Северсталь».

например, в Финляндию или США. Возникает проблема, связанная с необходимостью ответа на целый ряд важнейших вопросов:

1. **Что, собственно, называть деятельностным подходом и теорией деятельности?**
2. **Каким понятием деятельности мы пользуемся?**
3. **Имеет ли смысл утверждать, что теория деятельности является прямым продолжением культурно-исторической теории?**
4. **Если мы, например, считаем, что теория интериоризации неверна, но при этом считаем себя деятёльностниками, то как в этом случае быть с подобной теоретической позицией?**
5. **Или, если мы считаем, что никакой психологической теории деятельности быть не может, поскольку изучение деятельности предполагает применение разнодисциплинарных подходов (семиотики, философии, психологии, лингвистики, теории менеджмента), как тогда характеризовать подобные деятельностные представления?**
6. **Если мы считаем, что никакого предмета деятельности не существует, но деятельностные разработки предполагают выявление специфической деятельностной предметности — своеобразной коммуникативно-семиотической знаково-символической среды, в которой развёртываются действия, понимание, мышление, как при этом изменяется наше представление о деятельности и общественной практике?**

Эти и целый ряд других вопросов необходимо специально обсуждать.

Мы очень много спорили с Василием Васильевичем Давыдовым в его последние годы жизни по поводу представлений об интериоризации. Василий Васильевич считал, что если отказаться от механизма интериоризации, то разрушаются базовые основы теоретических представлений. С другой стороны, он, как нам кажется, начинал отходить от жёсткого гальперианизма — замечательного и весьма продуктивного направления в отечественной психологии[1] — и подвергать сомнению тезис о тождественности внешней и внутренней структуры деятельности. Но, подвергаясь атакам с разных сторон по поводу проблемы интериоризации, Василий Васильевич вставал, как ему казалось, на проверенные и обоснованные позиции К. Маркса о примате материальной, физически представленной

[1] *См.* **Arievitch I.M. (2002) GaPperin's contribution to activity theory: A potential for an integrated view of development and learning & Amsterdam: Key-note address, 5 th Congress of ISCRAT, June 2002.**

чувственно-конкретной деятельности над психическими внутренними состояниями индивида. С другой стороны, сегодня очевидно, что финансовая деятельность, глобальные финансовые потоки не являются чувственно-конкретными, хотя именно они во многом определяют формы существования и закрепощения конкретного человека. Как нам кажется, если последовательно не прорабатывать и не просматривать данную проблему, а, не вдаваясь в анализ понятий, категорий и самого тупика, возникшего при рассмотрении проблем интериоризации, просто размышлять и про внутреннее и про внешнее на некоторых эклектических основаниях, мы построим очень интересный жанр гуманитарной популистики, напишем гуманитарные очерки, но вряд ли разберёмся с основанием нашего мышления и с его содержанием.

Сегодня мы всё в большей степени склоняемся к тому, что деятельность, особенно в развитых формах своего осуществления, у профессионалов, мыслящих, понимающих и намечающих действия на огромных скоростях, развёртывается вообще безотносительно к тому, как она внешне представлена и может быть описана. Это не означает, что не следует отрабатывать и формировать навыки. Человек, включающий более высокие механизмы сознания в деятельности, не экстериоризует, не демонстрирует более сложные механизмы сознания, но впервые их проявляет, в том числе для самого себя. Более того, видимо, в исходных первичных формах организации сознания разделение на внешнее и внутреннее вообще отсутствует, как и разделение на объект и субъект. Про это говорят все религиозно-антропологические тексты, например, Дхармакирти «Трактат о познании чужой одушевленности», известный русской читающей публике в переводе СИ. Щербацкого. Выделение механизмов сознания и способностей, действие которых может быть рассмотрено в определённом институциональном контексте, не предполагает разделение на внешнее и внутреннее, на определённые внешнепредставленные контексты, которые вращиваются внутрь.

Конечно же сразу возникает вопрос: а как быть с анализом генетических механизмов развития сознания ребёнка? Но и в этом случае мы видим определённую трудность использования понятия интериоризации. Не существует такой однозначно заданной внешней формы, объективной для взрослого наблюдателя и ребёнка, по поводу которой можно было бы говорить, что она вращивается внутрь сознания, входит во внутреннее пространство человека и там преобразуется. Сама психика, душа исходно существует «между», затрагивая внутренние интимные пространства человека и внешние.

Самое время вспомнить знаменитое платоновское «метаксю» — все процессы достоверно развёртываются между человеком и предметами, когда нельзя утверждать определённо про что-то существующее во вне и про что-то существующее внутри[1]. Внешнепредставленные предметы деятельности с самого начала существуют лишь как символы множественных экранов сознания и взаимодействий педагогов и учащихся[2]. Очень интересный анализ проблемы вращивания представлен в работе знаменитого немецкого египтолога Яна Ассмана («Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности». М., 2004, изд. «Языки славянской культуры»), в которой он показывает, что проблема интериоризации и вращивания характерна для определённых образцов культурной идентичности, связанных с переносом внутрь смыслов сакральных текстов и произошедших священных событий. Этот перенос во внутренний план содержания священных событий предполагает разрыв с существующей практикой жизни. Но отнюдь не переносом внутрь сознания деятельности и её структур. По отношению к деятельности должен осуществляться иной процесс. Но что также важно, Ассман показывает, что в структуре древнего мира можно выделить несколько совершенно разных принципов и образцов, образующих внутреннюю идентичность древнего человека. Интересно, что идентичность древнего грека строилась на создании ветвящейся сети текстов, по отношению к которой могут выстраиваться следующие типы текстов, на которые реагирует сознание, удерживающее принципы организации и построения данных текстов авторами. В этом случае возникает совершенно другая модель культурной идентичности структур сознания, связанная с вхождением в некоторую базовую каноническую среду и в формы, определяющие идентификацию человека в данной среде.

Мощные принципы и формы идентификации до сих пор давлеют над представителями разных культур. И не всегда просто выявить и определить, какой образец идентификации определяет тот или другой способ реагирования. Но, безусловно, нам хорошо понятно, что основная задача мыследеятельностного анализа и подхода состоит в том, чтобы выявить такие уровни организации сознания, которые вообще не определяются внешне задаваемыми и

[1] **Идея платоновского «метаксю» гениально проанализирована в работах Франца Бадера (Мюнхен, католический университет г. Айштедт). Следует ли из этого, что родоначальник деятельностных представлений Платон?**

[2] ***См,*** **работу Roy Pea «Mirrors of mind». London, 1990.**

фиксируемыми институционально-организационными структурами. Подобная позиция означает лишь следующее: мы при антропологическом анализе стоим на позициях радикального крайнего символизма, предполагающего, что любой факт и феномен жизни, любая вещь в ситуации требуют последовательного символического истолкования с точки зрения уровня организации одного из сознаний, с которым мы взаимодействуем. И сознание внешнего наблюдателя точно так же требует полной и радикальной реконструкции с точки зрения его принадлежности к определённой традиции, определяющей способы действия, способности, компетенции, уровни организации и формы построения. Подобный радикальный символизм означает, что всякая объективность есть не что иное, как принимаемый нами на веру или навязываемый нам способ восприятия мира.

Мы до сих склонны считать, что теория мыследеятельности, продолжающая развитие деятельностных представлений, а также ряда ключевых представлений Л.С. Выготского об овладении собственным поведением, является романтической теорией. Но что же такого романтического в мыследеятельностной теории? Романтизм противостоит цинизму. Важнейшая характеристика романтизма заключается в том, что он утверждает возможность тайны человеческого развития в мире, в существующих социокультурных условиях. Эта тайна оказывается прежде всего связана с обнаружением таких уровней организации сознания, которые определяют другие возможности действий или даже бездействия в существующих обстоятельствах.

Мы считаем, что два важнейших момента делают мыследеятельностную теорию действительно романтической. ***Первый момент заключается в том, что на основе теории мыследеятельности можно сценировать осуществление событий.*** Именно мыследеятельностная теория является принципом и типом сценарного режиссирования событийности. На основе мыследеятельностной теории можно подобраться к выделению ключевого события или предвидению события, появление и возникновение которого и обеспечивает кардинальный и радикальный сдвиг уровня организации сознания. Сценировать события можно лишь на основе выделения формы принципиально нового опыта, неизвестного и недоступного в данный момент другим людям и данному человеку. С этой точки зрения, именно событие в отличие от факта *{factum* — сделанное) определяет попадание человека в историю и самоопределение по отношению к историческим процессам. Таким

образом, сценирование предполагает, что именно на основе мыследеятельностных представлений можно построить ситуацию, в которой человек должен самоопределиться и начать действовать таким образом, что полученный им опыт выведет его на принципиально новый уровень личной организации.

Но почему вообще может быть создан такой сценарий, который определит ключевое событие, проживание которого, собственно, и выведет человека к новым горизонтам собственного движения. На наш взгляд, это определяется следующим предположением, которое было выдвинуто Г.П. Щедровицким и последовательно им защищалось: **развитое представление о деятельности-мыследеятельности является предельной онтологией.** ***В этом заключается второй момент, позволяющий рассматривать мыследеятельностную теорию как романтическую.*** Удержать, сохранить взгляд на мыследеятельностную теорию как на романтическую означает необходимость сохранить представления о мыследеятельности как о предельной онтологии, позволяющей связывать дифференциацию мыследеятельностных структур с дифференциацией и усложнением мира.

Всё, что происходит в мире, в котором существует человек, является миром мыследеятельностных процессов. Осуществляя Богопознание и познание природы, человек при этом организует литургическую мыследеятельность или мыследеятельность освоения природы и натурпознания. Таким образом, предельным онтологическим представлением, на основе которого могут описываться и анализироваться все другие процессы, являются развёрнутые представления о мыследеятельности. Углубление предельных онтологических представлений приводит к изменению всего комплекса представлений вообще. Но каким образом можно проверить посюсторонность и действенность мыследеятельностных онтологических представлений? Если мыследеятельностные представления так инструментально мощны и адекватны, необходимо продемонстрировать их действенность. Эта действенность заключается в попытке на их основе ответить на четыре ключевых вопроса:

- как на основе деятельностных представлений формируется общественное богатство, складываются механизмы собственности, в том числе и национальной индивидуально не приватизируемой собственности, но которую бессмысленно передавать бюрократическому государству;
- как на основе мыследеятельностных процессов описывается процесс формирования нового знания;

- как на основе мыследеятельностных представлений могут быть описаны механизмы общественного развития и формирования власти;
- как на основе мыследеятельностных представлений могут быть рассмотрены и описаны механизмы человеческого возрастания и повышения уровня организации сознания вплоть до достижения состояния бессмертия.

Собственно, раскрытие последнего пункта является для нас ключевым. Поскольку именно продвижение в анализе механизмов человеческого сознания, форм, уровней и принципов его организации позволяет нам ставить в эпицентр всех общественно-исторических процессов именно человека. В этом случае именно антропология, рассматривающая и анализирующая антропный фактор, а не экономика и не социология, становится главной, центральной и ключевой наукой XXI века.

Но, конечно, остаётся центральный и важнейший вопрос: а как, собственно, поставить человека в основу всех наук? Что мы должны выделить в качестве важнейших и принципиальных характеристик и особенностей человека? Вряд ли нам это может позволить сделать психология с её набором психических функций, доставшихся ей от поздней схоластики. Рассмотрение психических функций как объективно существующих сразу же отделяет человека от мира, а проблема антропологического рассмотрения состоит в том, чтобы выделить такой слой анализа, в котором бы не существовало исходного разделения на объект и субъект. Нам необходимо задать такие представления о человеке, которые позволяли бы вычленить всё, что происходит с миром, в виде специально выделяемого кристалла, соотнесённого с человеком. По всей видимости, речь идёт о рассмотрении **структур сознания и личности.** Поэтому другое название данной книги должно было бы звучать так: «Мыследеятельность, сознание, личность» или в привязке к антропологии: «Мыследеятельностная антропология, консциентология, персоналогия». Нам важно внутри мыследеятельностного подхода найти место этих способов рассмотрения и анализа мира.

Можно было бы сказать, что мыследеятельностная антропология отличается от традиционной психологии весьма простым, но ключевым обстоятельством. Она запрещает в качестве исходного допущения онтологическое полагание психических функций — ощущения, памяти, внимания, мышления, эмоций и т.д. Это не означает, что эти функции для культурантропологии и психологии не существуют. Они, безусловно, имеют место, собран огромный

материал по их изучению. Но их полагание не может рассматриваться первым моментом процедур анализа и рассмотрения. У Василия Васильевича Давыдова существовала идея, заключавшаяся в том, что необходимо имеющиеся традиционные представления, накопленные в психологии, переработать на основе деятельностного подхода (добавим от себя, системомыследеятельностного) и создать новое систематическое описание всех имеющихся психологических представлений. По этому пути пошёл Виктор Иванович Слободчиков, написавший три книги. Но, как справедливо отмечал Никита Глебович Алексеев незадолго до своей смерти, в этом случае получаются некоторые промежуточные результаты принципиального продвижения антропологической программы, связанные со смешением традиционно психологических представлений и новой полидисциплинарной антропологии развития. Скорее всего, проблема заключается в том, что придётся разрабатывать новые представления о функциях или способностях души. К подобному взгляду на развитие антропологических представлений склоняется и Олег Игоревич Генисаретский, утверждающий, что должно существовать отдельное направление антропологических работ, которое он называет психоматика.

Анализируя тип представлений о сознании, которые разрабатывает О.И. Генисаретский, своеобразные первичные протофункции сознания (процепцию, преосуществление образа), А.А. Тюков утверждает, что эти функции сознания следовало бы назвать неотражательными. В этом случае сознание берётся не с точки зрения традиционной для марксистской и шире - европейской гносеологии с точки зрения процессов отражения, но безотносительно к процессам отражения реальности. На наш взгляд, это весьма соответствует той мыслительной и практической ситуации, которую мы проживаем. В современном обществе, организованном на основе технотронных технологий воздействия на представления членов гражданского общества и манипуляции общественным мнением, сознание начинает обладать самостоятельным существованием. Отнюдь не функции отражения реальности являются центральными для так понимаемого сознания. Сознание с его системой представлений как бы «зависает», порождает потоки «самодвижущихся шумов» и может начинать рассматриваться безотносительно к реальности. В сложившихся условиях познания социальной практики возникает совершенно специфическая ситуация борьбы между плюралистическими и монистическими принципами развития общественного целого. Открытая для преобразования реальность, глобально реконструируемая

и создаваемая на единых основаниях в мысли, затем выделяемая в виде проекта и, наконец, реализуемая в действии, отсутствует. Мы перешли в ситуацию отсутствия единой картины миры. Единой картины мира больше не существует. Существует ситуация борьбы между разными точками зрения на мир. Именно поэтому такой важной становится проблема сознания, виртуалистики, проблема воздействия на сознание, а также споры о том, что представляет из себя предельная онтология и возможна ли она вообще.

Хотелось бы заметить, что в последние годы жизни Г.П. Щедровицкий считал необходимым разрабатывать новое представление об отражении. Это новое представление предполагает проработку механизмов формирования реальности и построения реальности — своеобразного прорыва к реальности, а не усвоения реальности объективно существующей и данной в готовом виде. При подобном подходе к механизмам отражения, которые, по мысли Г.П. Щедровицкого, ещё только нужно разрабатывать, сознание является силой, прорывающейся к реальности. В этом случае надо создавать сложный комплекс представлений о мышлении-сознании, или мышлении-сверхсознании в терминологии Станиславского, поскольку исторически вся работа мышления и связана прежде всего с тем, чтобы ответить на вопрос, что существует реально, а что представляет собой комплексы недействительных субъективных мифов и ограниченных представлений. Эта выработка представлений о реальности требует всей мощи процедур критики, анализа результатов, мыслительных и практических экспериментов, переработки опыта общественно-исторической практики, а также определённого уровня антропологического развития человека. Но в любом случае выделение механизмов сознания-мышления, на основе которых происходит прорыв к реальности, отличается от гипостазирования в качестве реальности имеющихся знаний. Границу освоенного на основе знаний представляет собой действительность, за которую приходится прорываться в том случае, если ставится задача выхода к реальности. Знания определяют то, что действительно, но не реально. Если осуществлять деавтоматизацию корней слов, то можно утверждать, что действительность характеризует заполненность мира нашей активностью - действовательностью, а реальность — это выход к вещам, поскольку реальность происходит от латинского корня *res* — вещь. Можно поразиться интуиции Г.Г. Шпета, считавшему, что кантианство утеряло представление об объективности вещей, которое содержалось в Лейбницианской философии и у его последователя Христиана Вольфа. Но, конечно, чтобы сегодня

обсуждать вещи, мы должны ещё определиться, о каких вещах идёт речь, имеем ли мы дело с утварью, одеждой — всем набором обиходных вещей, или нам надо будет разбираться со всем набором вещей мыследеятельности — символами, схемами, знаниями, сознанием, смыслами, ситуациями, ценностями, позициями — новыми весьма конкретными вещами, которые не могут быть произвольно конструируемыми, поскольку они обладают своим собственным бытием. Другой очень важной «вещью» мыследеятельности, являющейся и одновременно источником мыследеятельности, и мерой всех вещей мыследеятельности, является человек. Собственно, выделение и нахождение вещей в мыследеятельности и предполагает восстановление в своих правах мышление про деятельность (про мыследеятельность), обеспечивающее продвижение к реальности.

Это продвижение за действительность к реальности Г.П. Щедровицкий, на наш взгляд, связывал с процедурой проблематизации[1]. Событийность игр, которые планировал и осуществлял Г.П. Щедровицкий, была связана с тем, что в них осуществлялся прорыв к реальности на основе процедур проблематизации. Эта проблематизация была основана на необходимости получения новых отсутствующих представлений, знаний. То есть этот прорыв к реальности и связанную с ним драматургийную событийность можно было бы назвать, прежде всего, эпистемологическим. Но, по всей видимости, существует огромное число других прорывов к реальности — антропологических, институциональных, общественно-политических, технологических и т.д. Людям часто очень важно найти способ поведения в ситуации, выработать принципы своего действия, определить способы институциональных взаимодействий, осуществить ценностное самоопределение, выявить границы собственной идентичности и т.д.

Можно было бы утверждать, что основное назначение средств мыследеятельностного подхода состоит в том, чтобы создавать замысел, сценарий и драматургию события, осуществление которого обеспечивало бы получение принципиально нового опыта и позволяло бы человеку, группе людей занимать новую позицию в общественной практике. По всей видимости, новый поворот в формировании и создании практикоориентированного мыследеятельностного подхода состоит в том, чтобы на его основе создавать мыследеятельностные сценарии в различных областях общественной практики — прежде всего в промышленности, политике, науке,

[1] См.: Громыко Ю.В. Метапредмет «Проблема». — М: Пайдейя, 1999.

образовании[1], которые люди были бы готовы разыгрывать и осуществлять. Для того чтобы строить подобную мыследеятельностную драматургию, необходимо иметь проекты, но реализовывать созданные проекты следует в сценарной форме. Мыследеятельностная драматургия является формой и принципом сближения способов работы в гуманитарной науке, искусстве (методы театральной режиссуры), ритуально-литургического анализа в Богословии. И подобное продвижение отнюдь не произвольно и не случайно. Оно было намечено гениальной идеей Г.П. Щедровицкого, связанной с созданием организационно-деятельностных игр.

Но следующий шаг развития подобной методологии связан с необходимостью разработки сценариев, многопозиционных, завязанных на противоречивых отношениях между людьми, которые бы сами эти люди хотели реализовывать, выясняя отношения друг с другом.

На наш взгляд, именно создание подобной мыследеятельностной драматургии является современным способом изучения антропологии действия. Можно сказать, что организационно-деятельностные игры, созданные Г.П. Щедровицким и коллективом методологов ММК в 1979 году, методы изучения организации совместной деятельности, разработанные В.В. Рубцовым приблизительно в тот же период, предназначались для того, чтобы ввести элементы сценирования, которые были бы прежде всего жизненно важны и интересны методологам, организующим игру, психологам, получающим новое знание о действиях детей. Данные подходы позволяли выйти к принципиально новой практике работы с человеческим действием в силу одного простого обстоятельства. Они позволяли, во-первых, действие каждого человека ставить в отношение к множественному видению перспектив действия с позиций других людей. Во-вторых, организационно-деятельностные игры, созданные Г.П. Щедровицким, позволяли соотносить действие с коммуникацией, пониманием, рефлексией, мышлением, воззрительными механизмами сознания, общими сферными функциями процессов деятельности — функционированием, производством, воспроизводством, развитием, организацией, руководством, управлением. Ограничение разрабатываемых сценариев заключалось в том, что в них заранее, ещё до начала игры, не определялось, в чём состоит то ключевое противоречие, та харак-

[1] *См.* ст. Н.В. Громыко, Ю.В. Громыко. Сценирование в мыследеятельностной педагогике в коллективной монографии «Пушкинское слово». — М.: Пушкинский институт, 2004.

теристика события, которая задаёт интригу и смысл для каждого из участников будущей игры. Это предполагает, что в сценируемом событии важнейшим результатом является не только получение новых методологических результатов, не только новых психологических представлений, но разрешение жизненных проблем самих участников будущей игры, их антропологическое преобразование в ходе коллективной работы, которое для них самих является жизненно важно.

Из всего сказанного выше следует, что сценарий события должен разрабатываться как затягивающая в свою воронку группы людей интрига, которая им представляется жизненно важной и интересной, прохождение через которую меняла бы их способы действия и поведения, их принципы самоорганизации.

Когда мы говорим о мыследеятельностных представлениях, мы имеем в виду тот тип концептуального продвижения, который гениальный В.В. Давыдов называл поиском деятельностной единицы анализа. В качестве подобной единицы В.В. Давыдов выделял особую сращённость («конкрецию») следующих процессов: преобразовательного действия, обращения, существующего в процессах коммуникации и общения, воображения, рефлексии. Для нас предложенный В.В. Давыдовым набор процессов для конституирования единицы анализа имеет сходство с тремя базовыми процессами мыследеятельности Г.П. Щедровицкого — мыследействием, мыслекоммуникацией и мышлением - и опосредующими связь между этими тремя процессами рефлексией, пониманием.

Воспроизводство идей деятельностного и мыследеятельностного подхода как романтической теории предполагает, что задача разработки деятельностных представлений состоит отнюдь не в том, чтобы захватить и заполонить деятельностными средствами все типы практик, тем самым демонстрируя, что на основе деятельностных представлений можно оказывать воздействие на любые виды практической деятельности. Идея романтичности означает, что на основе деятельностных идей и представлений можно намечать цивилизационное развитие, которое являлось бы альтернативным сегодняшнему, а также ставить и решать проблемы, к которым люди не знают, как сегодня подобраться.

Деятельностные, мыследеятельностные идеи не являются просто средством повышения прибыли существующих фирм и усиления тем самым сложившихся форм эксплуатации, социального неравенства. Из этого следует, что один из важнейших вопросов употребления деятельностных представлений - это некоторый ценностный

заряд, ценностная программа их использования и реализации. Мыследеятельностные представления являются не только средством, инструментом, технологией, но их употребление предполагает ценностное самоопределение человека, который их употребляет. Мыследеятельностные представления связаны с самым скрытым и самым сложным вопросом, как создаются и как ликвидируются условия для самовозрастания и саморазвития человека в различных институциональных контекстах. Мыследеятельностные представления предполагают нормирование существующей практики. Выдвижение нормы, на наш взгляд, является наиболее существенным типом проектной идеи.

Таким образом, можно утверждать, что мыследеятельностный подход не связан с инновированием, включением, внедрением в общественную практику «готовых» мыследеятельностных (деятельностных, действовательных) представлений любой ценой. Задача заключается в том, чтобы в наиболее сложных и противоречивых социально-общественных контекстах создать условие для роста сознания участников практики и переоткрытия в этой ситуации принципиальных мыследеятельностных идей. Это оказывается возможным только в том случае, если участники практики могут самоопределяться по отношению к самым сложным общественным проблемам и коллективно вырабатывать необходимые решения.

Нам представляется, что в психологической антропологии произошло долгожданное событие — были, наконец, осуществлены переинтерпретация понятия мотива и переход от представлений о мотиве как о нужде, которая глубоко органически «сидит» в теле человека, к представлению о мотиве как о личностном смысле. Личностный смысл мы при этом понимаем очень просто — это результаты понимания, которые очень важны для данного конкретного человека. Смысл для нас в соответствии с представлением понимающей психологии и социологии, а также целого ряда идей Г.П. Щедровицкого является ничем иным как структурой понимания. Перевод процесса понимания в остановленную и закреплённую структуру соотнесённых характеристик мира и самого себя, собственно, и образует смысл. Таким образом, мотивирование предполагает возникновение у человека понимания своих собственных новых возможностей. Смысл начинает выполнять функцию мотива после того, как человеку удаётся поместить себя в горизонт понимания будущего. Но что противостоит и сопротивляется данному перемещению в горизонтах возможного? Конечно же не что иное,

как укоренённость в самых разнообразных полях жизнедеятельностных систем. То, как человек живёт и чем он живёт, это, собственно, и сопротивляется его возможностям абсолютно произвольно перемещаться в горизонтах будущего. Поэтому укоренённость человека в родовых системах жизнедеятельности в отдельных случаях тормозит его смысловые переходы, а в других случаях, наоборот, к ним подталкивает. Выделение поля родовых антропологических связей позволяет выделить набор ограничений и антропологических задач, которые определяют направленность сознания человека. В этой точке — точке анализа родовых задач и самоопределения человека по отношению к прошлому и будущему рода — мы видим выход за рамки психологических взглядов Л.С. Выготского и переход на позиции философской антропологии отца Павла Флоренского. Здесь в том числе и проблемы мотива — движителя психической жизни — начинают рассматриваться совершенно иначе: с точки зрения служения человека роду и с точки зрения его собственных личных задач преодоления смерти.

Если учесть, что родом человека являются не только кровные родственники, но род могут образовывать люди, близкие по духу, через которых происходят трансляция содержания и включение в традицию, то так понимаемая система родовых задач образует духовную основу всякого человека, включающегося в традицию. Здесь механизм трансляции культурного содержания, филиации идей по И.Г. Фихте, определяет переработанную и переделанную систему устремлений человека. Войдя в традицию, человек превращает себя в инструмент служения традиции, преодолевая самоограниченность собственного «Я». Именно подобная переделка приводит к тому, что человек превращается в живой воплощённый принцип — самодвижущееся понятие, абсолютное знание, все уровни реализации которого должны быть прожиты, реализующуюся схему мыследеятельности или воплощающегося в душе человека Христа — по словам апостола Павла, «не я живу, но во мне живёт Христос». И хотя между энергией Христа живого, присутствие которой ощущал в себе апостол Павел, и энергией откровения воплощающегося абсолютного знания по И.Г. Фихте лежит пропасть, это механизмы одного поля, связанного с вхождением в традицию и переделкой себя. В подобном пространстве самоопределения справедливо замечание Дзибеля не «cogito, ergo sum», но обнаруживаю систему родства, породняюсь — следовательно, существую. Не случайно по мысли этого учёного происхождение языка связано с механизмами установления родства.

По оценке многих зарубежных теоретиков деятельностного подхода (Ломпшер, Амано) наиболее развитые представления о деятельности представлены в работах Ю. Энгештрёма, который сумел собрать вокруг себя коллектив энтузиастов, создающих новые описания деятельности, которые в качестве инструментов можно внедрять в различные контексты общественной практики. Поэтому работы Ю. Энгештрёма безусловно представляют интерес с точки зрения анализа направлений развития деятельностного подхода. Безусловным достижением Ю. Энгештрёма является созданная и разработанная оригинальная *деятельностная семиотика.* Под деятельностной семиотикой мы имеем в виду схемы, при помощи которых можно разрабатывать представление об устройстве деятельностных механизмов практики.

Сопоставляя деятельностные схемы Ю. Энгештрёма со способами схематизации, разработанными в ММК, можно сказать, что это, прежде всего, концептуальные схемы понятийного состава теоретического языка, при помощи которого анализируется практика. На хорошо известной среди теоретиков деятельности схеме вписанных друг в друга треугольников представлены основные понятия, которые необходимо использовать при анализе всякой деятельностной системы *(см.* схему 1).

Основу видимого айсберга при деятельностном анализе составляет верхний треугольник, в вершинах которого обозначены субъект — предмет — инструменты, знаки. Но основанием большого треугольника, в вершине которого находятся инструменты, знаки, являются три других понятия — правила, общность, разделение труда. Эти три понятия — три точки, соединены линиями внутри треугольника с каждым из трёх предшествующих понятий. Таким

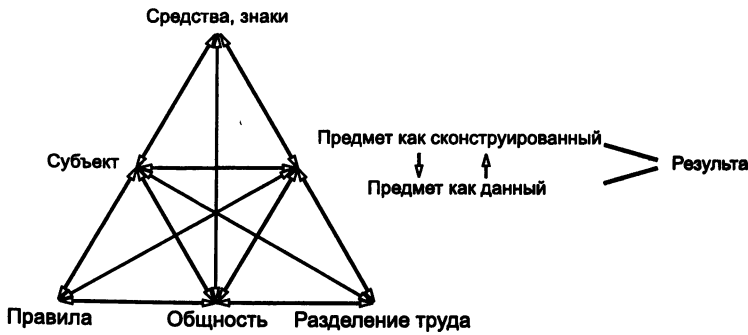

Схема 1. Общая модель деятельности по Энгештрёму

образом, перед нами налицо важнейший набор понятий, необходимых для изучения деятельностных систем.

Говоря о концептуальности предложенной «треугольной» схемы Ю. Энгештрёма, мы понятийный характер его схем противопоставляем феноменальным и онтологическим схемам. В отличие от концептуальных схем феноменальная схема выявляет непосредственное видение деятельностного контекста её участниками. Онтологическая схема претендует на описание сущностного устройства того объекта, который при помощи неё описывается. Поскольку сущность не всегда (или почти никогда) совпадает с явлением, приходится различать наше непосредственное восприятие ситуации и выделение онтологии. Использовать концептуальную схему, то есть схему, на которой обозначен набор понятий для описания данной системы деятельности, в функции онтологической, запрещено, как собственно и использовать феноменальную схему в функции онтологической. В результате подобного неверного употребления возникает ошибка, названная Г.П. Щедровицким формальной онтологизацией. Ошибка формальной онтологизации заключается в придании статуса сущности всего лишь наблюдаемым особенностям (при использовании феноменальной схемы в функции онтологической) или концептуальному языку, например, способам связи понятий друг с другом.

Основная сложность изучения деятельностных процессов заключается в том, что науку о деятельности не имеет смысла строить по образцу наук XVII-XIX веков, когда создаваемое в мышлении представление об объекте оказывается оторвано (или непонятно как связано) от нового способа действия в практической ситуации.

Это означает, что изучение сущности деятельностных процессов должно приводить к новому самоопределению деятеля в практической ситуации и выработке средства, обеспечивающего преобразование деятельностного контекста, в котором находится деятель. Этим новым средством, обеспечивающим преобразование привычного практического контекста, является либо организационно-деятельностная схема (схема, при помощи которой организуется деятельность), либо организационно-техническая схема (схема, содержащая описание техники организации деятельности). Но организационно-деятельностные и организационно-технические схемы опираются на выделение в сознании агента действия вещей и ситуационных обстоятельств, которые кажутся ему абсолютно очевидными, которые он непосредственно видит в данной деятельностной ситуации. Это означает, что организационно-деятельностные схемы и организационно-технические схемы являются феноменологиче-

скими схемами, которые предполагают выявление того, что с очевидностью существует в практическом контексте для действующего агента изменений или практика. Именно феноменологические схемы или схемы понимания[1], схемы того, что с очевидностью выделяется в сознании деятеля, являются основой преобразования или перефункционализации онтологических схем в организационно-технические (деятельностные) схемы. В отличие от феноменальных схем, на которых изображается любая мелочь, содержащаяся в сознании практика, феноменологические схемы являются результатом действия критики и феноменологического анализа, позволяющего выявлять то, что действительно понятно и очевидно.

Анализируя концептуальные схемы, следует сказать, что совершенно непонятно, как они могут быть преобразованы в феноменологические, онтологические и организационно-технические схемы. Но, осуществляя весьма успешную организационную и консалтинговую работу, коллектив Ю. Энгештрёма делает это, следовательно, механизм перефункционализации и преобразований концептуальных схем в онтологические, феноменологические и организационно-преобразовательные ими осуществляется. Наивно было бы считать, что данным исследовательским коллективом лишь формально онтологизируются концептуальные схемы — наборы понятий, которые предполагается использовать для анализа деятельностных систем. Очень важно поэтому понять, как коллективом Ю. Энгештрёма организуется практика деятельностного развития? Что при этом понимается под деятельностными механизмами общественной практики?

С нашей точки зрения, представления Ю. Энгештрёма на удивление близки целому ряду идей Г.П. Щедровицкого. Ю. Энгештрём поставил своей задачей создание технологии действительно инновационного практического преобразования деятельностных систем. При этом реальное практическое преобразование предполагает получение специальных целенаправленно вырабатываемых знаний о том, как преобразуются деятельностные практические системы. Поэтому Ю. Энгештрём заинтересован в создании специальных образцов преобразующих исследований, позволяющих рассматривать способы инноваций в различные поля практики. В качестве важней-

[1] **Другое мнение состоит в том, что феноменологические схемы — это схемы воображения. Поскольку эти схемы появляются за счёт того, что мы актуализируем образную ткань сознания, визуально-воззрительные констелляции, например, образные компоненты, которые скрыты за этимологией слов естественного языка. Эти феноменологические схемы могут рассматриваться в качестве схематизмов сознания *(см.* работы О.И. Генисаретского).**

ших идей финско-американского[1] исследователя и весьма продуктивно работающего его коллектива можно выделить следующие:

1) Идея расширяющегося обучения (expansive learning). Ю. Энгештрём критикует формы стационарного обучения, оторванного от преобразований в конкретных полях практики. Его задача состоит как раз в том, чтобы соединить выработку новых образцов практической деятельности и систему обучения. Как пишет И. Ломпшер в своей книге «Другими словами, речь идёт не о присвоении имеющихся запасов знаний (как при школьном обучении), но о генерировании новых знаний и умений в процессе деятельности, об овладении проблемами, для которых нет никакого решения, о производстве новых культурных образцов деятельности» (Joachim Lompscher. С. 168). Как пишет сам Ю. Энгештрём, «Расширяющееся обучение в труде производит новые формы трудовой деятельности» *(см.* Engestrom Expansive learning at work: toward an activity theoretical reconceptualization. Journal of Education and Work, 14(1), 133-156). На схеме цикла расширяющегося обучения *(см.* схему 2) обозначено

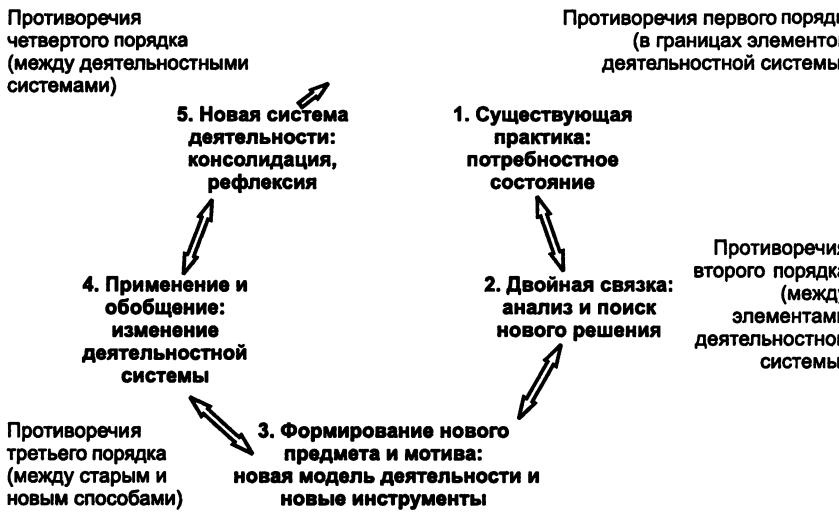

Схема 2. Цикл расширяющегося обучения

[1] **Ю. Энгештрём возглавляет центр изучения теории деятельности и исследований развития труда (Center for Activity Theory and Developmental Work Research) при Хельсинском университете и является профессором Калифорнийского университета в Сан-Диего, до этого в течение нескольких лет возглавлял основанную Майклом Коулом лабораторию сравнительного изучения человеческого познания (Laboratory of comparative human cognition).**

существующее состояние практики — критическое состояние; двойное связывание: анализ и поиск нового решения; формирование нового предмета и мотива: новая модель деятельности и новые инструменты; приложение и обобщение: изменение деятельностной системы; новая система деятельности: консолидация и рефлексия. Одновременно указывается на четыре порядка противоречий:

1. Противоречия первого порядка (в пределах элементов деятельностной системы).
2. Противоречия второго порядка (между элементами деятельностной системы).
3. Противоречия третьего порядка (между старыми и новыми способами действия).
4. Противоречия четвёртого порядка (между деятельностными системами).

Ю. Энгештрём характеризует цикл расширенного обучения как коллективный процесс. При этом процесс проходит через следующие этапы:

1. Усомнение существующего состояния.
2. Анализ прошлого развития деятельности и актуальных натяжений, затруднений и других феноменов (на основе исторических и актуально-эмпирических данных), которые определяют более глубокое понимание лежащих в основе противоречий и создают предпосылки для нового решения.
3. Новое решение первоначально осмысляется в модельной форме (как общая идея или зародыш решения).
4. Новое решение прорабатывается в деталях. Это связано с новым видением предмета, новым инструментарием, новыми образцами деятельности. Модель проверяется в борьбе мнений и обмене опытом (и при этом не всегда принимается).
5. При реализации новой модели должно быть преодолено сопротивление старых и новых противоречий.
6. Достижение согласования с соседними деятельностными системами и обеспечение рефлексии процесса в целом.
7. В дальнейшем создаётся новая практика и осуществляется консолидация. Это является или может стать начальной точкой нового цикла.

2) Модель осуществления инновационных преобразований» имеющая несколько разных форм реализации — лаборатория изменений, лаборатория компетенций, лаборатория осуществления (implementation laboratory), лаборатория пересечения границ (Boundary crossing laboratory). Данный тип инструментов создан

Ю. Энгештрёмом и его замечательным коллективом для того, чтобы выделить в структуре практики специально организованное пространство, внутри которого можно намечать и достигать реальные преобразования. Наиболее продуманным и хорошо зарекомендовавшим себя на практике инструментом является лаборатория изменений или сокращённо по-английски *change lab.* Как правило, работа в этой лаборатории начинается с создания зеркала, позволяющего сотрудникам фирмы увидеть себя и свою деятельность, посмотреть на себя со стороны. Выявляются актуальные проблемы и трудности, которые становятся предметом дискуссии. Обнаруживаются корни этих проблем в предшествующей практике и опыте, моделируется система деятельности. Осуществляется изучение противоречий актуальной практики. Затем осуществляется поиск средств изменения и вырабатывается видение будущей деятельности, которые на протяжении дальнейшей работы конкретизируются и по шагам реализуются. Стимулы к новым идеям, подсказки, провокации, информация поступают от исследователей, которые должны глубоко проникнуть в содержание работы, процессов и проблем *(см.* Joachim Lompscher. С. 285).

Для построения лаборатории изменений используются специальные средства. Например, Виркунен и Ахон предлагают использование системы из нескольких досок, на которых помещаются разные изображения:

а) доска под названием «зеркало», на которой помещаются видеоматериалы актуального состояния деятельности, интервью, описание случаев, достижений, статистические данные и т.д.;
б) доска, на которой располагаются модели и видения, в частности именно на ней помещается деятельностная модель Ю. Энгештрёма, изображающаяся в виде треугольников;
в) доска «идеи и инструменты», которая членится сама на три экрана — прошлое, настоящее, будущее и на которой помещаются диаграммы различного вида и содержания, планы текущей деятельности, фиксации, формулы вычислений, частичные решения проблем, опосредующие связь между настоящим и спроектированными преобразованиями или между настоящей деятельностью и формами, содержаниями будущей деятельности.

3) Одним из интереснейших понятий» разработанных Ю. Энгештрёмом и его группой» является понятие пересечения границ (Boundary crossing). Оно описывает особую ситуацию в инновационных процессах, когда для достижения нужного результата необходимо выходить в деятельностный ландшафт, который не закреплён

за данным институтом и сложившимся разделением труда. В этом случае профессионал должен выходить за рамки своих обязанностей, должностных инструкций и осваивать принципиально новые для него задачи. Развитие, по убеждению Ю. Энгештрёма, происходит не в центре деятельностных систем, а на периферии. Объединение нескольких деятельностных систем в единую мультисистему происходит не за счёт вертикальной, но за счёт горизонтальной интеграции. Именно на периферии может происходить пересечение друг с другом разных деятельностных систем, где они оказываются взаимозависимы, и для освоения подобных контекстов необходимо с позиции данной системы деятельности осуществлять перешагивание её границ, уходя в неизвестное и неосвоенное.

4) Ю. Энгештрёмом **при описании новых форм организации** деятельности **создаются и придумываются новые понятия** для того, чтобы выявить суть новых формирующихся деятельностных процессов в различных областях практики. Так, им было предложено называть особые механизмы коммуникативного действия при обслуживании психических больных группами врачей, социальных работников, сестёр «завязыванием узелков». Взаимодействуя друг с другом по поводу положения одного больного, различные группы специалистов устанавливают точки пересечения своих согласуемых действий, формируя вокруг одного человека своеобразную мультиинфраструктуру контактов. Но для того, чтобы эти контакты не были случайными и поддерживали данного конкретного больного человека, должны быть сделаны фиксации, связанные с тем, как конкретно оказывать воздействие на данного больного с разных сторон. Эти согласованные действия не могут быть превращены в жёстко контролируемые обязанности и в профессиональные задачи. Они, скорее, касаются координируемых в коммуникации видений, которые весьма подвижны и ситуативны.

Ю. Энгештрём является сторонником акцентирования роли механизмов горизонтальной интеграции деятельностных систем при формировании новой практики, а не вертикальной интеграции на основе управленческой иерархии и власти. При создании способов горизонтальной интеграции разных деятельностных систем друг с другом особую роль выполняют принципы сетевого взаимодействия.

Вслед за М. Бахтиным Ю. Энгештрём считает очень важным понятием, позволяющим выявлять специфику деятельностных систем, полифонию, многоголосие multi-voicedness. Построение деятельности на основе учёта и освоения реального многоголосия является

важнейшей характеристикой новых складывающихся форм практики. Многоголосие является достаточно сложным понятием, поскольку оно предполагает учёт множества интернализованных (овнутрённых) и экстернализованных (овнешнённых) голосов. Голос, на наш взгляд, — конкретно антропологическое понятие, не замещаемое мыслительно-схематическими представлениями. Голос должен быть выявлен как присутствие в данном деятельностном — коммуникативном, мыслительном, действовательном контексте конкретного индивида. Скажем, позиция, в отличие от голоса, является некоторым обнаруживаемым в коллективно-деятельностном пространстве способом действия, мышления, понимания, поэтому позиция принадлежит не конкретному человеку, а самому пространству мыследеятельностных возможностей, которое может присваиваться любым человеком. Выделенная и представленная позиция в пространстве коллективной работы может заниматься разными участниками коллективной мыследеятельности. Таким образом, полиголосие и полипозиционность принадлежат двум совершенно разным срезам анализа деятельности. Голоса характеризуют конкретную антропологию деятельностных систем, а позиционные структуры — выявленный нормативный план организации деятельности, с каких позиций и как можно действовать в данном контексте.

Нам представляется, что Ю. Энгештрёму достаточно близка мысль Г.П. Щедровицкого о том, что мыследеятельность является полиматериальной системой, в которой одновременно содержатся смыслы, машины и орудия, знаки, сознание и т.д. Ю. Энгештрём анализирует условия выработки и освоения нового шага продвижения в сложившейся форме деятельности. Условием этого шага является формирование нового предмета деятельности, который Ю. Энгештрём описывает на основе двойного инновационного цикла *(см.* схему 3), проходящего через следующие стадии: моделирование предмета деятельности, проверка предмета деятельности, консолидация предмета деятельности, распространение предмета деятельности.

Обсуждая весьма продуктивный подход Ю. Энгештрёма к инновации и преобразованию конкретных деятельностных контекстов, в том числе организацию долгосрочных изменений деятельностных систем, мы обратим внимание на несколько обстоятельств. У Ю. Энгештрёма абсолютно непонятным остаётся функциональное назначение понятия предмета деятельности. Непонятно, зачем нужно ему это понятие. В ряде работ Г.П. Щедровицкий специально показывал, что для акта действия не нужен никакой предмет деятельности. Введённый

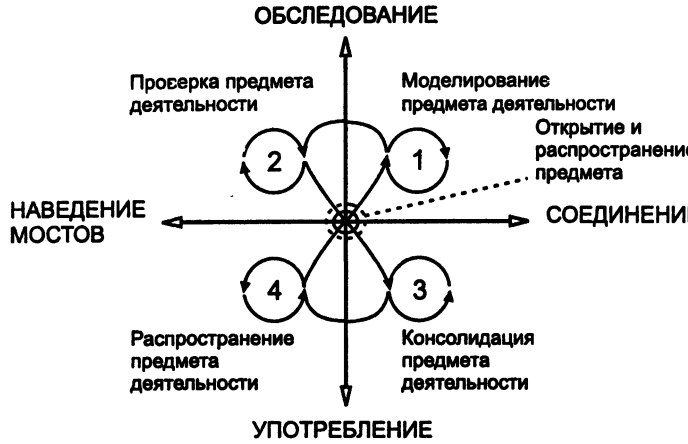

Схема 3. Двойной инновационный цикл

А.Н. Леонтьевым предмет деятельности, который на английский переводится как object и полностью совпадает со словом object, обозначающим объект, является лишним понятием. Object-предмет и object-объект в достаточно строгом языке Энгештрёма создают путаницу. Скорее всего, появление этого понятия, заложенного в онтологическую конструкцию представления деятельностных процессов, является неправомерным переносом в практический контекст исследовательского мышления, которое создаёт новые предметы анализа. Предмет деятельности — это на предмет анализа данной деятельности, вписанный в практический контекст. Таким образом, предмет деятельности — это конструкция, которая появилась в результате онтологизации исследовательского мышления про деятельность в слое самой практической деятельности, что, на наш взгляд, неправомерно. В практическом контексте действия предмет действия отсутствует, он просто не нужен действующему лицу. Как очень интересно пояснял этимологию этого слова Г.В. Богин, предмет — это то, что человек мечет перед собой, впереди себя. С этой точки зрения, под предметом, например, может пониматься проектное видение будущего продукта. В том случае, если действующий коллектив создаёт новый продукт и только намечает ещё его проект, то проект будущего продукта необходимо действительно специально учитывать. В отличие от понятия предмета нам представляется весьма важным символический термин, созданный В.В. Давыдовым, но не ставший понятием — «предметность» — Gegenstandlichkeit по-немецки. Понятием предметность В.В. Давыдов

обозначал материально-символико-знаковую организацию сред деятельности, в которой конкретная деятельность разворачивается. Если предметность при анализе конкретной деятельности отсутствует, то анализ деятельности является крайне абстрактным.

Ю. Энгештрём, обсуждая принципы изменения и преобразования деятельности в разных ситуациях, всё время говорит о выявляемых противоречиях функционирования данной деятельностной системы. Но откуда берутся противоречия в деятельностных системах. Они выявляются на основе специально реализуемых технологий проблематизации[1]. Например, сталкивая проектное видение будущей формы организации коммуникации, действия, мышления данного коллектива и ситуационного анализа способов его сегодняшнего функционирования, мы можем зафиксировать противоречие в устройстве деятельностной системы. Энгештрём не показывает, откуда в его деятельностном анализе берутся противоречия. Возникает такое ощущение, что они просто есть, как они существуют в гегелевской диалектике, в системе К. Маркса, в марксистско-гегелевской диалектике Э.В. Ильенкова. Но противоречия являются формой фиксации проблем. Сначала должна быть осуществлена процедура проблематизации, затем проблемы должны быть зафиксированы на основе специальных форм фиксации проблем в виде противоречий и парадоксов. Зафиксированные противоречия могут быть специально объективированы в теоретической системе на основе специальных процедур объективации. Безусловным продвижением деятельностного подхода Ю. Энгештрёма является использование исторических знаний о функционировании данной профессиональной деятельности. Эти исторические знания могут специально сталкиваться с создаваемыми видениями ближайшего шага развития профессиональной деятельности в данном контексте. В результате подобного столкновения могут фиксироваться противоречия. Нам кажется, что Ю. Энгештрём натурализирует противоречия, приписывая их существование форме организации деятельности профессионального коллектива в данном ситуативном контексте. Чем-то подобный способ анализа напоминает метод разрывов, применявшийся при анализе различных систем, например, семиотических систем, на первом логико-эпистемическом этапе развития представлений Московского методологического кружка[2].

[1] *См.:* Громыко Ю.В. Метапредмет «Проблема». М.: Пайдейя, 1998.

[2] См. работы Г.П. Щедровицкого и В.А. Лефевра.

Ю. Энгештрём нигде в своих исследованиях не осуществляет экономического анализа, а также анализа властных отношений. В беседах Ю. Энгештрём специально подчёркивает, что отношения власти его не интересуют. Но нам представляется, что разрабатывать сегодня деятельностный подход, не вскрывая отношений собственности и отношений стоимости, не проводя анализа отношений власти, невозможно. Без анализа устройства экономических институтов собственности и потестарных институтов власти реализовать деятельностный подход в современных системах практики не удастся. Говоря о реализации деятельностных представлений, мы различаем вслед за О. КШре методологическую процедуру онтологизации и реализации[1], то есть, попросту говоря, войти в разные деятельностные контексты и начать в них успешно изменять формы организации действия, мышления, коммуникации без умения анализировать современные институты собственности и институты власти невозможно. Ю. Энгештрём говорит о противоречии капитализма как противоречии меновой стоимости и потребительской стоимости, но, на наш взгляд, это противоречие характеризует капиталистическую архаику первых этапов возникновения капитализма и при помощи соотношения данных понятий вообще нельзя понять формы взаимосвязи, взаимодействия и борьбы финансового и промышленного капитала в период «постглобаль». Деятельностный анализ и деятельностные разработки могут быть связаны с выявлением новых форм организации деятельности, которые опережают сложившуюся стоимостную экономическую динамику и не являются на момент их создания закреплённой собственностью формирующего их коллектива. Но если разрабатываемые формы и способы деятельности являются результативными и эффективными, необходимо специально фиксировать, какая стоимость создаётся на основе данных технологий. Более того, может быть сформулирована совершенно особая задача реконструкции и описания институтов собственности и власти на основе мыследеятельностного подхода, реализация которой позволит проектировать нужный шаг изменения институтов собственности и власти. Деятельностные системы, полисистемы и поли-полисистемы с выявленными и описанными институтами собственности и власти позволяют на совершенно ином, более конкретном уровне проводить анализ форм организации и принципов построения деятельности.

[1] *См.* О. КШре. Die Realisierung. Bd.1-2.

Для нас неясным остаётся вопрос, как, собственно, включаются новые деятельностные представления, созданные коллективом Ю. Энгештрёма, в работу профессиональных практиков. Понятно, что шаг продвижения к более эффективно организованной практике разрабатывается совместно представителями данной профессиональной деятельности и сотрудниками центра Энгештрёма. Означает ли это, например, что представителей профессиональной практики интересует лишь конкретный продукт — новый проект организации их профессиональной деятельности и, например, совершенно не интересует метод анализа деятельностной системы коллектива Ю. Энгештрёма, при помощи которого был разработан данный проект. Если это так, то как представители профессиональной практики осуществляют самостоятельный поиск и доведение создаваемой новой формы организации деятельности до нужных параметров в меняющихся ситуационных контекстах? Если представителей профессиональной практики абсолютно не интересует метод поиска нужного решения, то они оказываются в очень сильной зависимости от консультантов, владеющих методами деятельностного анализа, и каждый новый поворот в ситуации, новое изменение требуют от них обращения к консультантам. Сами они оказываются абсолютно не способны к ситуативному изменчивому действию. Но если представители профессиональной практики начинают использовать методы деятельностного анализа, позволяющие рефлексивно описывать предмет своей собственной практики и формировать мышление про деятельности, то каковы гарантии того, что они не депрофессионализируются, не оставят свою собственную профессиональную практику и не превратятся в теоретиков деятельностного подхода? Не знаем, может быть, в сознание всех типов профессионального сообщества должны быть внедрены средства деятельностного подхода, но и подобная перспектива развития различных областей практики должна специально обсуждаться.

На наш взгляд, освоение новых методов и способов деятельности в очень сильной степени связано с процессами антропологического роста и подъёмом уровня сознания. Именно этот антропологический рост является некоторой обязательной предпосылкой, некоторым обязательным допущением того, что новые способы организации профессиональной деятельности, новые средства построения профессиональной деятельности будут охотно осваиваться. В отдельных случаях специально говорить о процессах антропологического роста оказывается не нужно, поскольку, создавая новую форму

деятельности, которая обеспечивает рост качества производства и ведёт к увеличению прибыли, люди непосредственно видят, какой им необходимо сделать шаг в развитии собственных способностей через создание новых форм деятельности, которые приведут их к профессиональному успеху. Но в том случае, когда этот путь извилист и построение новой формы деятельности сразу же не приведёт к социальным и экономическим выгодам, антропологический рост оказывается отделён от изменения форм организации деятельности, то есть в подобной ситуации развития общественной практики может так получаться, что антропологическое развитие, повышение уровня организации сознания напрямую, на одном шаге преобразований, не связано с экономической и деятельностной эффективностью. Эти замыкания антропологического роста и формирование эффективных деятельностных систем могут быть обнаружены через 2, 3 или 4 шага.

Но чтобы пройти через подобные преобразования, человек должен удерживать перспективу такого рода изменений, не отказываться от намеченных целей при каждом новом повороте ситуации. И, с нашей точки зрения, формой удержания контекста, в котором для участника сохраняются осмысленность изменения и повышение уровня организации сознания, является сценарий. Предметом подобного сценария является содействие и соучастие в изменениях нескольких автономных, имеющих свои собственные цели и видение перспективы «игроков». С этой точки зрения, задача профессионала, разрабатывающего средства мыследеятельностного подхода для преобразования разных практических систем, состоит в том, чтобы построить схемы сценариев соучастия в изменениях. В рамках этих сценариев должна содержаться интрига выхода за рамки сложившейся ситуации на основе поиска синергии совместных действий.

Огромное значение подобные сценарии имеют в условиях глобализации, когда в единое взаимодействие необходимо включать субъектов, существующих в разных удалённых контекстах, между которыми нет до настоящего момента связей. Именно в этих условиях поиск пробных прощупывающих сценариев взаимной игры-проверки участников становится принципиально важным. Задача подобных сценариев состоит в том, чтобы соединить в едином пространстве взаимодействия разноцивилизационных, разноэтнических, разноконфессиональных субъектов.

Кто сможет разрабатывать подобные сценарии? Как нам представляется, прежде всего, комплексные междисциплинарные группы,

владеющие средствами мыследеятельностного подхода. Именно на основе мыследеятельностного подхода можно предлагать нестандартные решения соучастия и содействия антропологически по-разному организованных субъектов. Но этот контекст глобального мирового сценирования по способам и методам работы ничем не отличается от сценирования локального, когда необходимо создать ситуацию для взаимодействия и взаимопонимания группы ведущих менеджеров (топ-менеджеров) единой корпорации или коллектива фирмы, разрабатывающей новую предпринимательскую схему. Действие в подобной сценарно-организованной ситуации предполагает использование антропологических моделей развития мышления, сознания, рефлексии, понимания, действия, личностных структур участников взаимодействия. На базе подобных антропологических моделей могут быть организованы тренинги преобразования границ собственных действий и выхода в новый контекст взаимодействия с участниками локальной ситуации.

Нам представляется, что новый этап преобразования и изменения элементов общественной практики на основе деятельностных представлений, прежде всего, связан с переосмыслением подходов к самому преобразованию общественной практики. На место проектного подхода, в соответствии со средствами которого полагается единое видение организационного преобразования или выстроенное видение будущего, приходит сценарный подход, задача которого состоит в том, чтобы предложить осуществить взаимодействия участникам ситуации, у каждого из которых есть собственный способ проектного продвижения. Подобный сценарный подход предполагает включение в гуманитарные науки театральных методов анализа и сближение гуманитарных технологий с режиссурой. С другой стороны, самостоятельной задачей становится разработка антропологических моделей профессионального продвижения участников взаимодействия и создания специальных тренингов, хэппенингов для культивирования способностей и компетенций на основе данных моделей. Мыследеятельностное описание практических контекстов становится дуальным и расслаивается на два описания: организационных форм деятельности и способностей — компетенций, обеспечивающих реализацию данных форм организации деятельности. С одной стороны, способности и компетенции должны чётко соответствовать форме организации деятельности, но, с другой стороны, они могут обладать определённой независимостью от организационного или инструментально-целевого языка описания. Подобная дуальность деятельностных представлений

создаёт новые возможности для развития систем деятельности в практических контекстах.

В заключение ещё раз подчеркнём: романтизм деятельностного подхода состоит в том, что следующий шаг его развития на основе уже освоенных сообществом игровых методов приближает нас к театрально-литургической антропологии. Основная задача театрально-литургической антропологии состоит в разработке сценарных схем экспедиционных предприятий, которые людям хотелось бы осуществить и выполнить, вступая во взаимодействия с другими людьми. В какой-то мере эта формирующаяся драматургия взаимодействий отвечает задачам, стоящим перед жителями России, представителями многих профессиональных сфер (предпринимательским сообществом, образовательным сообществом, политической элитой), — сыграть в глобализацию на своих собственных основаниях.

1.1, Полидисциплинарный дискурс про деятельность и проблемы практики *(Аналитический обзор)*

В июне 1998 года в г. Ахусе (Дания, Arhus) прошёл четвёртый конгресс Международного общества исследования теории деятельности и культуры. В конгрессе приняло участие 600 делегатов из 37 стран, было подготовлено около 400 докладов. Университетом г. Ахуса в 1999 г. была издана книга «Теория деятельности и социальная практика: культурно-исторические подходы», в которой собраны отредактированные ключевые лекции участников конгресса и доклады приглашённых выступающих для организации панельных дискуссий.

В значительной мере данный конгресс связан с именем В.В. Давыдова, который, являясь одним из приглашённых ключевых лекторов данного конгресса, умер весной 1998 года и не смог принять участие в его работе. «Василий Васильевич Давыдов был активной личностью и центральной фигурой в установлении контакта между исследователями Востока и Запада, работающими в рамках традиции Выготского и Леонтьева...», — пишет во введении в данную книгу президент четвёртого конгресса ISCRAT Мариана Хедегаард. Для этого конгресса В.В. Давыдовым был подготовлен доклад, в котором он излагал новую постановку проблем развития теории деятельности. Этим докладом открывался конгресс, и он занимает важное место в данной книге.

Во вступительной статье «Теория деятельности и социальная практика: вступление» Мариана Хедегаард, Сет Чаклин и У. Ю. Йенсен дают анализ положения дел в данной области. Прежде всего они подчеркивают полидисциплинарный характер исследований проблем теории деятельности и культурно-исторического подхода, выделяя работы представителей данного подхода в антропологии, теории коммуникации, теории изучения компьютеров, в педагогике, философии и психологии. В качестве важнейших тем, которые структурируют проблемное поле исследований по теории деятельности, ими выделяются отношения между человеком и животными, природа институциональной практики в развитии человека, формы знания и педагогические методы развития теоретических форм знания.

Так, понятийное определение человеческой природы являлось, по мысли авторов, ключевой проблемой исследований Л.С. Выготского при построении им культурно-исторической дисциплины. Его объяснение было сфокусировано на способности человека создавать орудия, используемые в социальном взаимодействии для преобразования условий жизни. Орудия и процедуры передаются в форме знаний следующим поколениям, и таким образом развитие ребёнка является одновременно социальным и культурно-историческим процессом. А.Н. Леонтьев, продолжая линию Л.С. Выготского, сформулировал понятие деятельности. С точки зрения теории деятельности, человеческие мотивы и сознание являются продуктом культурно-исторического развития и таким образом человеческие мотивы качественно отличаются от мотивов животных. Понятия деятельности, действия, операции, ведущего типа деятельности являются важнейшим инструментарием представителей деятельностного подхода.

Д.Б. Элькониным в качестве важнейшего источника психического развития рассматривалась институциональная практика. Институциональная практика определяется доминирующими в ней типами деятельности. Доминирующая деятельность в определённом институте приобретает роль ведущей деятельности в различные периоды жизни личности. Именно Д.Б. Эльконин переместил теоретический фокус анализа с общих характеристик психологического развития к пониманию разнообразия человеческого развития, соотнесённого с традициями общественных институтов практики. Вместе с В.В. Давыдовым Д.Б. Эльконин сформулировал педагогические принципы развивающего обучения.

Важнейшей заслугой В.В. Давыдова является основанное на работах Э.В. Ильенкова о природе идеального различение эпистемоло-

гических и психологических аспектов знания. Различая «идеальное» (знание) и индивидуальное сознание, В.В. Давыдов в своей диссертации описал и проанализировал эмпирические и теоретические формы знания. Эмпирическое, или категориально организованное, знание доминировало в науке и образовании на протяжении веков и продолжает доминировать сегодня. Теоретическое знание включает как условия и процедуры, так и абстрактные характеристики понятийных отношений знаньевой системы. Диссертация В.В. Давыдова, переведенная на немецкий язык в 1977 году, сделала доступным эти идеи для европейских исследователей и послужила источником вдохновения для некоторых скандинавских исследователей, работающих в педагогической психологии. Было организовано несколько семинаров скандинавских исследователей, которые завершились проведением в 1982 году в Эспоо (Финляндии) Первой конференции по теории деятельности (президент-организатор — Ю. Энгештрём) и на следующий год в Ахусе (Дания) Второй конференции по теории деятельности (президент-организатор — Мариана Хедегаард) по теме «Обучение на научной основе — восхождение от абстрактного к конкретному», в 1984 году в Утрехте (Нидерланды) Третьей конференции по теории деятельности (президент-организатор — Э. Бол). После этих конференций £тало очевидно, что проблемы теории деятельности должны быть расширены за рамки образовательных исследований для обсуждения всех проблем общественной практики. Результатом этого понимания стала организация Первого международного конгресса по теории деятельности в Берлине, организованного в 1986 году Георгом Рюкримом и Альфредом Мессманом. На этом конгрессе был создан международный постоянный комитет по теории деятельности. Второй конгресс по теории деятельности был организован в 1990 году в Лахти (Финляндия), президентом которого был Юрьё Энгештрём. Тема второго конгресса «Индивидуальность и преобразование». Третий конгресс, президентом которого был В.В. Давыдов, проводился в Москве в 1995 году по теме «Теория деятельности и социальная практика». Четвёртый конгресс, который проводился в 1998 году в Ахусе (Дания) и президентом которого была Мариана Хедегаард, имел то же название, что и конгресс в Москве. На нём продолжилось обсуждение ряда проблем, которые рассматривались на третьем конгрессе, и были сформулированы новые проблемы.

Принципиальным на четвёртом конгрессе стал вопрос о проведении более строгого различения в рассмотрении деятельности как объекта исследований и деятельности как определённой методологии

развития и преобразования социальной практики. Ещё раз было подчёркнуто, что социальная практика не является придатком к теории деятельности — «она лежит в сердце концептуальной структуры теории» (С. 19). Для претворения в жизнь этого понимания необходими специальный анализ многих конкретных форм деятельности и систематическое изучение разнообразных социальных практик. Очень важным становится представление о вмешательстве в социальную практику, когда формы этого вмешательства, направленные на теоретическое осмысление и революционное преобразование этой практики, отличаются от нормативных описаний, закрепляющих сложившееся функционирование социальных институтов. Очень важными темами данного конгресса стали проблемы культуры, пола, этики, национальных различий и идентичности с точки зрения анализа разных форм и типов деятельностей в системе общественных институтов, определяющих различие в способах мышления и принципах взаимодействия между людьми.

Среди важнейших направлений, намеченных в ходе работы конгресса развития теории деятельности, можно перечислить:

1) сближение деятельностного подхода с другими гуманитарными традициями — идеями самоорганизующихся систем Пригожина и Стенгера, культурно-исторической философией М. Вартофского, подходом повествований о социальной практике (Bruner, 1986) и др.;
2) дальнейшее развитие самого понятия деятельности и, в том числе, новых измерений этого понятия по линиям:
   - анализа процессов коммуникации в структуре коллективной деятельности по отношению к нашим идеальным представлениям о возможности других в коллективе;
   - роли эмоций и нужды в деятельности;
   - рассмотрения проблем субъективности в деятельности;
   - рассмотрения структурной единицы деятельности в системе различных социальных практик.

Представленные доклады данного конгресса открываются личными воспоминаниями дочери Льва Семёновича Выготского, Гиты Выготской, в которых она эмоционально и очень ярко передаёт бережно собранные и художественно обработанные детские впечатления об удивительной атмосфере жизни в одной комнате с гениальным исследователем — своим отцом, а также свои детские восприятия его творчества, обсуждений с коллегами и личных разговоров с ним.

Статья «Новый подход к интерпретации структуры и содержания деятельности» В.В. Давыдова[1] воспроизводит доклад, подготовленный замечательным психологом, педагогом и философом накануне своей смерти для четвёртого конгресса в Ахусе, который и был на нём зачитан. С точки зрения В.В. Давыдова, в формальную структуру деятельности А.Н. Леонтьева для её конкретизации необходимо ввести нужду, волю и эмоции как обязательные компоненты её анализа наряду с мотивами, целями, операциями, средствами, действиями. Нужда является глубинной основой потребности, и задача анализа деятельности состоит в том, чтобы проследить, как нужда переходит в потребность. Собственно воля отвечает за реализацию намеченного пути достижения цели в процессе решения мнемических, перцептивных, креативных и прочих задач. Эмоция является способом постановки жизненной задачи человека, охватывающей всю его личность, одновременно выявляя наличие или отсутствие у человека всего набора средств для решения данной задачи. Практически ещё никто не описал сколько-нибудь развёрнуто целостную деятельность с её нуждами, потребностями, эмоциями, задачами, действиями, мотивами, средствами, познавательными планами, волей. Предлагая свой вариант устройства «исходной клеточки» деятельности, Давыдов выделил следующие элементы:

1. Преобразование действительности коллективным субъектом в их коллективной деятельности.
2. Материальное и духовное общение, в различных видах и формах которого только и осуществляется любая коллективная деятельность.
3. Обращение отдельных индивидов к другим членам коллектива для коллективного осуществления той или иной деятельности.
4. Это обращение предполагает наличие у отдельного человека воображения, обеспечивающего представление возможностей окружающих людей на основе идеального плана. Воображение, которое функционирует для реализации идеального плана, Э.В. Ильенков называл сознанием.
5. Рефлексия над собственным действием и возникающая из этой рефлексии индивидуальная сознательная деятельность индивидуального субъекта.

В этом контексте, по мнению В.В. Давыдова, очень важно вернуться к понятию интериоризации и рассмотреть его совершенно особо

[1] **С полным русским текстом доклада желающие могут познакомиться в сб.: Давыдов В.В. Последние выступления. — М., 1998.**

как механизм возникновения индивидуальной сознательной деятельности из коллективной. Считая деятельность предметом полидисциплинарных исследований, В.В. Давыдов в качестве психологического аспекта изучения деятельности выделил сферу возможного, вычленяемую человеком на основе поиска и опробования в идеальном плане.

Бернд Фихтнер в своём докладе «Возвращение к деятельности как объяснительному принципу и объекту изучения — старые границы и новые перспективы», вводя различение, введённое в своё время Э.Г. Юдиным (1978), обращает внимание на то, что дальнейшее развитие культурно-исторической теории деятельности возможно только, если будет осуществляться изучение конкретных деятельностей на эмпирическом уровне. Деятельность как объяснительный принцип не является понятием, объясняющим самое себя, но его следует развивать как философскую теорию деятельности, важнейшая предпосылка которой состоит в том, что реальность определённым образом является недетерминированной. Особый методологический потенциал культурно-исторической школы для Б. Фихтнера состоит в том, что её основные понятия конституируют одновременно три разных уровня разработок: философский уровень, уровень конкретной дисциплины и практико-педагогический или клинико-терапевтический уровень. Деятельность как объяснительный принцип и как предмет изучения взаимодополнительны и выступают по отношению друг к другу в качестве взаимных предпосылок их обособленного автономного развития. Важнейшими проблемами дальнейших разработок теории деятельности являются:

1. **Проблема рассмотрения развития как направленности, что предполагает выделение особой формы — рамки организации процессов деятельности в виде столкновения разных тенденций и своеобразного диалога с окружением.**
2. **Анализ человеческого действия как коммуникативной и речеязыковой структуры, что предполагает выделение для анализа прежде всего циклических, «возвратных» фрагментов процессов деятельности, а также миметической (подражательной) и репрезентативной форм действия.**
3. **Выделение при анализе процессов происхождения деятельности двух разных типов действия с разными формами опосредования: инструментально-технического, нацеленного на изменение реальности, и производство продукта, опосредованного орудиями и знаками, с одной стороны, и подражательно-репрезентационного, опосредованного в живой материи поведения ритуальными репрезентациями, такими как танец и художественные изображения.**

Доклад Петера Тульвисте «Деятельность как объяснительный принцип в культурной психологии» переворачивает постановку вопроса классических исследований А.Н. Лурии. Вместо рассмотрения того, как можно объяснить понятийные различия между людьми, принадлежащими разным культурным традициям, он ставит проблему анализа того, как деятельность, в которую включён человек, влияет на его способ мышления. С точки зрения автора данной статьи, люди во всех культурах никогда не включены только в одну какую-то деятельность, но в множество разных типов и видов деятельности и в распоряжении человека имеется много разных форм и способов мышления, а отнюдь не какой-то один. Мышление человека в любой культуре гетерогенно по своей природе. Включаясь в различные типы деятельности, люди решают различные задачи, используя различные семиотические средства или орудия, имеющие общественное происхождение и употребление. Использование этих различных орудий и определяет различные формы и стили мышления. Таким образом, налицо единство теоретического комплекса идей Л.С. Выготского, А.Н. Лурии и А.Н. Леонтьева, позволяющих показать, что высшие семиотико-опосредованные психические функции человека детерминированы культурой. Поскольку невозможно описать или объяснить работу сознания, не принимая во внимание семиотическую систему, которая служит средством или орудием в функционировании психических процессов, насущной задачей является создание по аналогии с линеевской Systema Animae Системы Культуры, основу которой должны составить таксономии деятельностей и знаковых систем. Это системное пересечение таксономических форм деятельности, осуществляемых в групповой или индивидуальной форме в определённом социокультурном контексте с семиотическими системами, позволит строить конкретные описания осуществления процессов мышления. Идея освоения семиотических средств, необходимых для организации высших психических функций, является той деятельностной основой, которая позволяет перебросить мостик от психологии развития к общей психологии, поскольку идея средств, осваиваемых детьми в ходе специально организованного возрастного развития, позволяет понять культурную обусловленность процессов функционирования человеческого сознания.

Статья У. Ю. Йенсен «Категории в теории деятельности: философия Маркса как раз вовремя» поднимает очень важный вопрос о философско-методологическом обеспечении научно-предметных

понятий в теории деятельности. Предлагаемый автором подход, который он называет «философия как раз вовремя», должен играть конструктивную роль в науке и практике, обеспечивая критическую рефлексию науки и практики, одновременно изменяясь сам и меняя конкретную научную дисциплину и практику. Исследователи теории деятельности нуждаются в подобном философском подходе, поскольку они весьма редко отдают себе отчёт в том, как их понятия и теории включены в конкретную институциональную деятельность. В качестве прототипа подобной работы У.Ю. Йенсен выделяет философскую работу К. Маркса, развёрнутую им в ходе построения политической экономии на примере преобразования понятия «гражданское общество» в понятие «человеческое общество». Для того чтобы преодолеть точку зрения гражданского общества, необходимо быть участником социального порядка, который характеризуется типом практики, не совместимой с практикой гражданского общества. Таким типом практики, обеспечивающим трансцендирование за рамки гражданского общества, для Маркса являлись научно-исследовательская деятельность в структуре научной общности и политическая деятельность, олицетворявшие всеобщий труд. Эти деятельности предполагают использование определённых стандартов форм организации труда в общности, а также категорий, организующих их мышление. Эти категории не существуют как априорно вменённые метафизические данности. Они выявляются в ходе научной и философской деятельности, организуемой в определённых общностях. Представители международной общности, разрабатывающей теорию деятельности, должны осознавать подход Маркса к анализу категорий, например, при анализе личности и сознания в рассматриваемом контексте деятельности. Так, сегодня неразработанной категорией является понятийное представление об индивидуальном субъекте, способном преобразовывать определённый контекст общественной практики. Эта проблема становится понятной при понимании того, что категория «субъекта» существенно отлична от категории индивида, предзаданного представлением о гражданском обществе. Именно благодаря марксистскому взгляду на трансцендирование за рамки представлений о гражданском обществе и индивидуализме, встроенном в это представление, теория деятельности является научной революцией в психологии.

Статья В.А. Лекторского «Историческое изменение представления о деятельности: философские предпосылки» является расширенной редакцией доклада, сделанного им на пленарном заседании

конгресса. В своём докладе В.А. Лекторский анализирует принципиальные изменения философского представления о деятельности, которые могут быть зафиксированы при анализе философских текстов XVII-XVIII веков, работ представителей немецкого идеализма в начале XIX века и, наконец, работ К. Маркса. Представления о деятельности в духе философии XVII-XVIII веков всё ещё продолжают быть весьма влиятельными, при этом марксистские идеи деятельности, несмотря на всю их плодотворность, до сих пор остаются непринятыми некоторыми гуманитарными дисциплинами. В то же время гуманитарные науки сталкиваются с новыми проблемами, решение которых предполагает развитие некоторых марксистских представлений о деятельности и определённых добавлений к этому представлению.

В соответствии с данным планом В.А. Лекторский достаточно строго выстроил разделы своей статьи. В первой её части автор показывает, что в философии XVII и XVIII веков под деятельностью понималось прежде всего познание. При этом само познание рассматривалось как конструирование. Появление подобного взгляда на устройство человеческой деятельности определялось подъёмом экспериментальной науки Нового времени, в основу которой был заложен целый ряд важнейших предпосылок. Эти предпосылки, заложенные в основу экспериментальной науки и определившие во многом её принципы, могут быть суммированы следующим образом:

1. Представление о веществе природы как ресурсе человеческой деятельности и простом пластическом материале, допускающем человеческое вмешательство и преобразование в интересах человека.
2. Рассмотрение устройства природы как огромного механизма, познание которого предполагает разложение его на более элементарные части и последующую сборку.
3. Опора на систематическое конструирование идеальных объектов для организации экспериментов, позволяющих выявить «поведение» изучаемого объекта, противоречащее непосредственно наблюдаемому в опыте.
4. Введение проектно-конструкторского отношения как основы современного научно-исследовательского мышления.

Философия XVII-XVIII веков, выявляя и анализируя эти предпосылки и допущения, пришла к ряду важнейших выводов:

1. Тотально конструируемые, производимые и контролируемые возможности природы лишаются для человека очевидности их естественного натурального существования.

2. **Самоочевидность существования связывается с субъективностью и сознанием человека. Но при этом бытие человека, его сознание точно так же не могут рассматриваться лишь как нечто данное, но выступают как продукт постоянно воспроизводимой его собственной активности.**
3. **Идея тотального контроля на основе знания за поведением изучаемого объекта в эксперименте при распространении её на область человеческой свободы выступает как «воля к власти», как подчинение своему контролю внешнего для человека окружения, и приводит к доминированию идеала рационализации, понимаемому как контроль за спонтанными естественными и социальными феноменами.**
4. **Идея обретения полного контроля над всеми операциями мышления приводит к представлению о методе как универсальной и общей процедуре, обеспечивающей производство и конструирование знания.**

Немецкая идеалистическая философия конца XVIII - начала XIX веков наследовала принципиальные идеи философии XVII-XVIH веков, понимая познание как конструирование. Но в то же время её представителями были введены новые важнейшие элементы понимания деятельности:

1. **Введение понятия субъекта (Трансцендентального субъекта у Канта и Фихте, Абсолютного Субъекта у позднего Фихте, Абсолютного Духа у Гегеля) как агента исторического развития человеческого духа и практической деятельности, не соотносимого с представлением об эмпирическом индивиде.**
2. **Преодоление оппозиции внешнего-внутреннего как изначально заданной и неизменной на основе понятия объективации субъективной творческой деятельности, творящей одновременно внешний мир и самого субъекта.**
3. **Отнесение сущности деятельности к сфере субъективности и духа.**

Подлинным наследником традиции немецкого классического идеализма являлся К. Маркс, сумевший преодолеть субъективизм немецкой классической философии. Его революционные взгляды на природу опосредованной практики в коллективной общественной деятельности включали следующие важнейшие положения:

1. **Исходной точкой отсчета, обеспечивающей понимание конкретного человеческого существа, является не деятельность сознания, но реальная эмпирическая деятельность, практика, обеспечивающая преобразование природного и социального окружения человека.**

2. Исходной формой субъективности человека является не его самосознание, не его «Я», но субъект коллективной деятельности (группа, общность, команда).
4. Преодоление противопоставления внешнего и внутреннего мира происходит не в сфере трансцендентального сознания, но в реальной человеческой практике. Самоизменение человека, изменение человеческой деятельности совпадают с преобразованием внешних обстоятельств.
5. Создавая мир артефактов, человек удваивает себя и создаёт возможность для взгляда на себя со стороны. Мир артефактов, начиная с орудий труда и заканчивая системой языка, опосредует все человеческие отношения и все проявления человеческой субъективности.

Влияние идей Маркса о деятельности как использовании созданных человеком предметов, опосредующем отношения между человеческими существами, сыграло важную роль в психологии XX века, повлияв, прежде всего, на ключевые положения теории Л.С. Выготского о культурном опосредовании высших психических функций, о роли коммуникации между ребёнком и взрослым. Теория деятельности, созданная в советской психологии, является продолжением идей Выготского, хотя отношения между теорией Выготского и теорией деятельности не являются непосредственными и простыми.

В теории деятельности был разработан целый ряд представлений, который отсутствовал у Л.С. Выготского (отношения между деятельностью, действиями и операциями, интериоризация внешней деятельности и т.д.). Вместе с тем в теории деятельности практически не исследовались проблемы деятельности как коллективного процесса, что предполагает анализ процессов взаимодействия и коммуникации между её различными участниками, поскольку в центре внимания представителей теории деятельности были индивидуальная деятельность и индивидуальные действия. Сам же Л.С. Выготский рассматривал, прежде всего, коммуникацию между взрослыми и детьми, но не коллективную деятельность. Сегодня именно изучение коллективной деятельности оказывается в центре внимания многих исследований, проводимых в России и за границей. На основе анализа этих исследований может быть сформулирован целый ряд новых проблем:

1. Коллективная деятельность не является просто расширением и распространением индивидуальной деятельности на других участников, так как она предполагает установление отношений

между её участниками на основе взаимодействий, понимаемых как коммуникация.

2. Процесс интериоризации в системе коллективной деятельности должен быть понят не как результат преобразования индивидуальной деятельности, но как присвоение индивидом коллективных форм деятельности.
3. Коммуникация между участниками коллективной деятельности не может быть редуцирована к языковой коммуникации, но она предполагает своеобразные формы обмена действиями. Значения этих действий могут пониматься точно так же, как значения языковых выражений, и по аналогии с языковыми играми (Wittgenstein) можно говорить о практических играх.
4. Эксперимент в психологии, обязательно включающий в своё устройство коммуникацию между экспериментатором и испытуемым, является формой конструирования новой социальной реальности всеми участниками эксперимента, и поэтому изучение психических феноменов возможно лишь в процессе их формирования. Предмет изучения не существует до коммуникации. Это соответствует идеи «развивающего эксперимента» Л.С. Выготского.

В докладе антрополога Теренса Тернера «Активизм, деятельность и новая культурная политика: антропологическая перспектива» рассматриваются проблемы влияния глобальных политико-экономических изменений на жизнь коренных жителей Южной Америки, а также способы противостояния этим изменениям, организуемые антропологами совместно с коренными жителями. За последние тридцать лет весьма существенно изменились функция и роль антропологии и активистского проекта антропологов, вызванные глубокими преобразованиями современного мира в результате глобальной экспансии капитализма в форме транснациональных корпораций, а также глобальной интеграции финансовых рынков. Эти изменения привели к широкому внедрению по всему миру, включая Россию, неолиберальной социальной и экономической политики, к внутренней политической трансформации суверенности национального государства. Ещё не так давно антропологи рассматривали себя как послов современности, приносящих будущее людям, пойманным в капкан отсталости их различными культурами. Миссия прикладной антропологии заключалась в преодолении культурных отличий как необходимое условие помещения представителей отличных, более «примитивных» культур в общий временной горизонт с современным миром. Но произошедшие изменения привели к

тому, что культурные отличия, классифицировавшиеся по прогрессистско-эволюционной шкале «более развитые, более отсталые», стали рассматриваться благодаря воздействию антропологов как признаваемые компоненты общего социального пространства. Всё дело в том, что глобализация, в сущности, означает построение сферы транснациональных капиталистических экономических операций вне рамок регулирующего контроля государства. Для неё характерными оказываются следующие моменты:

1. Усиление разрушения окружающей среды на основе так называемых «экономических проектов развития», приводящих к нанесению ущерба социальным и политэкономическим интересам и культурной непрерывности местного населения.
2. Появление огромного числа негосударственных и частных организаций, неподконтрольных государственным агентствам, приватизирующих функции осуществления социальных услуг и «проектов развития».
3. Разделение всех государств на удачливые, экспортирующие финансовый капитал, и относительно неудачливые, экспортирующие дешёвый труд.
4. Хищническое разрушение маргинальных зон капиталистической системы, населённых представителями коренных меньшинств, которые стремятся остаться вне капиталистической динамики, связанной с куплей-продажей рабочей силы.
5. Разрушение идеи национального государства как единой системы сконструированной идентичности для всех разнородных групп населения страны.
6. Переход от представлений культуры как единой системы к выделению минимальных единиц культуры, фиксирующих различие или разницу.
7. Замена политической озабоченности классовыми отношениями, коренящимися в производстве, индивидуальными отношениями потребления привела к разрушению культурной гомогенности и созданию бесконечного разнообразия стилей жизни и форм идентификации, вызвав одновременно непредусмотренный эффект признания социального статуса этнических меньшинств и племенных объединений коренных народов.
8. Формирование глобального гражданского общества в виде латентной сети дифференцированного набора акторов — этнических меньшинств, диаспор, племенных групп, локальных корпоративных объединений, защищаемых от произвола государства международными организациями.

На обрисованном фоне процессов глобализации современной финансовой экономики могут быть обозначены основные задачи современного активистского антропологического проекта. Они, представленные в Декларации антропологии и прав человека, распространяемой Комитетам по правам человека Американской антропологической ассоциацией, в основных чертах, по мысли Теренса Тернера, сводятся к следующим важнейшим моментам:

1. Утверждение различий между людьми в качестве важнейшего критерия прав человека, поскольку различия предполагают свой специфический способ индивидуальной и коллективной реализации универсальной человеческой способности к производству самих себя.
2. Катализация новых форм активизма в поддержку коренных народов и других меньшинств (организация местного многоканального телевидения и видеоантропологических проектов, кооперативное обеспечение экотуризма, воспроизводимое потребление природных ресурсов, билингвистическое образование на основе дидактических материалов, предполагающих использование традиционных знаний, картография и мониторинг территории, специализированное обучение административным и управленческим навыкам для контроля за местным производством и маркетингом, создание систем связи и транспорта между изолированными друг от друга группами населения четвёртого мира и т.д.).
3. Прямая защита воспроизводства неэкономических социальных, личностных и природных аспектов жизни коренных народов.
4. Разработка более широкого понятия о производстве, включающего в себя представление о тотальном производстве человеческой жизни, общества и природного окружения, в противовес узкому экономическому представлению о производстве, встроенном в глобальную капиталистическую систему и неолиберальную доктрину.

Статья Этель Тобах «Эволюция, генетика и психология: кризис в психологии — новое обращение к Выготскому, Лурии, Леонтьеву» посвящена ключевому моменту, определяющему в сегодняшней ситуации судьбы развития психологии — проблеме отличия человека от животного. По мысли автора статьи, кризис психологии, который описывал Л.С. Выготский, и современный кризис психологии в США связаны с философскими и идеологическими процессами, которые имели место семьдесят два года назад и налицо сегодня:

1. **Непонимание различий между человеком и животным.**
2. **Навязчивое обращение к процессам наследственности для понимания человеческого поведения.**
3. **Отделение жизни людей с их повседневными проблемами от редукционистских лабораторных исследований, проводимых психологами.**

Анализируя причины психологического кризиса в США, Этель Тобах обращает внимание на то, что психологическое сообщество в США сегодня расколото. Психологи, которые работают с условиями актуальной жизни людей, отделены от психологов, которые имеют дело с орудиями, редуцирующими жизнь людей до продаваемого товара в медицинской, фармацевтической промышленности и генной инженерии. Развитие таких областей исследования, как нейрокомпьютерные технологии, современный синтез теории эволюции и генетики, углубило традиционное членение психологии на научную и прикладную. Расколотое психологическое сообщество не способно осознать философские изъяны, являющиеся базой редукционизма в психологии, которая манипулирует сознанием людей в целях наживы.

Психологи США, пишет Этель Тобах, принимая идеи генетического детерминизма, который используется для поддержки и дискриминации уязвимых групп населения и выражается в расизме и сексизме, пошли на услужение современным потребностям индустрии, не принимая во внимание благосостояние людей. Этот шаг подрывает их интеллектуальную свободу и экономическую безопасность и предаёт цель психологии, которая должна обеспечивать подъём благосостояния людей. Это предательство создаёт кризис идентичности для многих психологов, которые выбирали это поле деятельности для того, чтобы помогать другим людям.

Условием преодоления кризиса в психологии США, считает автор, является обращение к наследству Выготского, Лурии и Леонтьева, к идеям деятельностного подхода, а также к изучению сходств и различий более раннего кризиса в советской психологии, зафиксированного Выготским, с кризисом в современной американской психологии. Этель Тобах считает, что одной из причин советского кризиса в психологии был тот же самый генетический детерминизм и редукционизм, которые можно обнаружить сегодня в американской психологии. Широкое распространение в США в последние десятилетия таких дисциплин, как социобиология, синтез теории эволюции и генетики, является попыткой экстраполировать биохимические, морфологические и физиологические закономерности на анализ социокультурного поведения человека.

Выявлением оснований подобных редукционистских концепций является обращение к проблеме различий человека и животного. Средством демонстрации путаницы, необоснованного переноса и распространения концепций одного уровня анализа на другой является чёткая фиксация уровня интеграции и организации понятий и представлений, которые она включает внутрь себя. Собственно, эта категория и определяет принципы анализа. Понятия и термины, включённые внутрь данной категории, не могут определять принципы анализа предмета. Так, категория социокультурного поведения включает внутрь себя понятие животного организма, но поведение в социокультурной ситуации не может быть сведено к особенностям строения организма.

Л.С. Выготский искал психологию, которая сделает своей основой обращение к практике и деятельности. Полученная из работы с данной практикой информация станет основой для развития диалектической материалистической психологии. Только сталкиваясь с актуальной деятельностью на производстве, в учреждении образования, в клинике, психолог мог стать материалистом, опирающимся на материалистическую теорию развития общества для формирования методологии и философии практики.

Л.С. Выготский и А.Н. Леонтьев противопоставляли биологическую эволюцию материалистической теории развития общества, которая, по их мнению, была более адекватна задачам развития психологии. Хотя наследие биологической эволюции в психике человека является частью их мышления об общей психологии.

Обсуждая перспективы преодоления мирового кризиса в психологии, Этель Тобах считает, что развитие общественного сознания до настоящего момента является плохо понимаемым процессом. Именно дальнейшая разработка теории деятельности и общественно-исторической теории будет способствовать преодолению генетического детерминизма в гуманитарных науках и исключит непреднамеренное использование психологии для осуществления античеловеческой политики.

В своей работе «Публичная философия и международный феминизм» Марта Нуссбаум, являясь профессиональным философом, описывает свой опыт участия в проекте по повышению качества жизни женщин в развивающихся странах, организованного Мировым институтом исследований экономического развития при ООН. Автор анализирует возможности применения философской работы для построения политики в области повышения качества жизни женщин. С её точки зрения, философия обеспе-

чивает очень нужный сегодня противовес упрощенческому экономизму.

Попав в институт, который был создан для рассмотрения экономического развития в более сложном междисциплинарном контексте, включая социологию, политическую теорию и антропологию, Марта Нуссбаум столкнулась с необходимостью обсуждать проблему соотношения экономического роста, социального развития и традиционализма. Сотрудники института Стефен Марглин и Фредерик Марглин, справедливо настаивая на том, что рост не всегда означает развитие, делали поспешный вывод, что никакая традиция не должна быть изменена и преобразована и что экономическое развитие и модернизация сельского хозяйства должны быть отклонены на том основании, что они приводят к разрыву с традицией. Они также, сочленяя постмодернистский жаргон и реакционную политику, романтизировали такие традиционные практики, как менструационные табу, детскую храмовую проституцию, традиционное разделение труда на основе принадлежности к полу и даже отсутствие вакцинации против оспы. В противовес подобным псевдоромантическим подходам и модной постмодернистской лозунговости (trendy sloganeering), характерным для многих американских исследователей, не имеющих никакого отношения к действительному содержанию народных традиций, Мартой Нуссбаум был предложен подход анализа возможностей как меры качества жизни данной нации. Этот подход Марта Нуссбаум связывает с идеями Аристотеля о человеческом функционировании и о возможностях как основе политического распределения, а также рецепцией ряда положений политической теории Аристотеля ранним К. Марксом. Результатом этой рецепции стало понятие К. Маркса «подлинного человеческого функционирования». Может быть, точно так же в этой связи упомянут Джон Стюарт Милль в связи с его развитием аристотелевского представления о человеческом процветании, осуществлённом в третьей главе его трактата «О свободе».

В соответствии с данным подходом отнюдь не достаточно спрашивать людей о том, удовлетворены ли они своей жизнью, поскольку удовлетворение может стать простым результатом адаптации к плохому положению дел или, наоборот, привычки к роскоши. Недостаточно также фиксировать наличие или отсутствие ресурсов, даже когда принимается во внимание их распределение, поскольку люди отличаются своими потребностями в различных видах ресурсов, а также способностью обращать ресурсы в тип осуществляемой жизнедеятельности, имеющей ценность. В соответствии с данным

подходом следует рассматривать не сложившийся тип функционирования, но набор возможностей, которыми реально обладает индивид, чтобы осуществлять определённую жизнедеятельностную функцию. Эти возможности должны пониматься не формально, но как совокупность определённых материальных предпосылок, которыми должен обладать индивид до того, как кто-нибудь захочет сказать, что данный человек обладает действительной возможностью пойти в школу или получить работу. Совокупность подобных возможностей людей является мерой качества жизни, и центральной целью политики должно быть обеспечение всех граждан минимальным базовым уровнем возможностей. Марта Нуссбаум считает необходимым различать:

- базовые возможности, или прирождённое оснащение человеческих существ достаточной заботой и поддержкой, создающее условия для достижения более высокого уровня возможностей;
- внутренние возможности, или состояние людей, которое в определённых обстоятельствах могло бы оказаться достаточным для осуществления соответствующего функционирования;
- комбинированные возможности, или внутреннее состояние, соединённое с внешними обстоятельствами, обеспечивающими осуществление функции.

Возвращаясь к вопросу о нужности философской работы в построении политики повышения качества жизни женщин в развивающихся странах, Марта Нуссбаум утверждает, что разработка политики требует большей, чем принято сегодня, тонкости и строгости различений и понятий, а также разбора всех предлагающихся альтернатив. Только в подобном мыслительном климате могут быть преодолены примитивные монодисциплинарные экономические подходы, утверждающие максимизацию богатства в качестве единственной цели общественного развития и настаивающие на превращении экономики в нормативное теоретическое руководство.

В докладе Веры Джон-Стайнер «Социокультурная и феминистская теория: взаимность и адекватность» рассматривается оппозиция индивидуализма и социальной взаимозависимости как весьма важной и даже определяющей и для культурно-исторической теории деятельности, и для феминистской теории. Эти теории при рассмотрении человеческого развития и действия осознают важность выхода за рамки анализа индивидуальных процессов. Для них обеих важно подчёркивание роли контекста и взаимозависимости. Так, в культурно-исторической теории Л.С. Выготским постоянно обращается внимание на динамическую взаимозависимость индивидуальных

и коллективных процессов, а также на развитие, соконструирование, синтез, преобразование знания и семиотическое опосредование. В ряде феминистских теорий пол понимается как отношение между мужчиной и женщиной, а не как свойство, которым мужчина или женщина могут обладать независимо от представителя другого пола. С точки зрения автора, фиксируемые отличия в стилях поведения, способах мышления и предпочитаемых социальных функциях в группе связаны с социализирующими и образовательными практиками и весьма быстро меняются. Наибольшие различия между полами наблюдаются в таком социокультурном контексте, где весьма распространены стереотипы восприятия особенностей поведения, соотносимые с полом. Контекст необходимо рассматривать не просто как окружение некоторого поведения, но как динамическое движение между системами деятельностей, которые культурно и исторически конституируют контекст. Системы деятельности, конституирующие контекст, не совпадают с институциональной формой, в которой находится индивид. Так, датский антрополог Hasse выявила, что различия между юношами и девушками при обучении теоретической физике в университете связаны с большим вовлечением девушек в образовательную деятельность, а юношей в деятельность по подготовке к научной работе.

Можно выделить четыре темы, исследования которых весьма важны для обеих теорий:

- социальные источники развития;
- культурная детерминация практики и властных отношений;
- речь и голос;
- взаимно конституирующая роль «Я» и общности.

С точки зрения автора, в настоящий момент в теории деятельности достигнут незначительный прогресс в развитии культурно-исторического синтеза между познанием и мотивацией. Вместе с тем мотивация, эмоции весьма важны для современных феминистских теорий. Введение проблемы мотивации в контекст культурно-исторической теории для дальнейшего развития, например, понятия «зона ближайшего развития», предполагает использование представлений об идентификации и сопротивлении. Подобные представления позволяют значительно лучше понять формы эффективной взаимозависимости и траектории взаимности в системах совместной деятельности представителей разных полов.

Оба типа теорий имеют большой интерес к лонгитюдным исследованиям. Лонгитюдные исследования обычно требуют сотрудничества. Социокультурная теория обеспечивает теоретическую основу

для изучения взаимозависимости в партнёрстве. Она конкретизирует некоторые связи между соконструированием и присвоением, а именно включение совместно созданных идей в индивидуальное существование человека. Через взаимное присвоение партнёры расширяют свои знания, навыки, видение. С другой стороны, очень жаль, что различные представители социокультурной теории не имеют некоторого единого подхода, который бы все они разделяли. Это отсутствие отражает сложность исследовательской общности представителей теории деятельности.

В целом автор отмечает, что обе теории выделяют социальный источник развития или, выражаясь иначе, «Я в отношении к» в качестве центрального момента своих концепций. Могут быть выделены общие темы и взаимодополнительность, но и разные акценты в группах представителей этих двух разных теорий.

Статья Джерома Брунера «Детство и культура: одна история» представляет прочитанный им на конгрессе доклад. В этом докладе-эссе знаменитый американский психолог подытоживает свой 34-летний опыт размышления над проблемами детства, выделяя ключевые исследовательские вехи, изменившие его понимание этого сложнейшего антропологического феномена. Он начинает свои размышления с экспериментов Билла Кессена (1965), посвященных изучению внимания ребёнка. Было обнаружено, что внимание ребёнка избирательно, и эта избирательность определяется выбором ребёнка объектов наблюдения, сложность восприятия которых соответствует границам его возможностей. Выбрав соответствующий объект, ребёнок затем работает с границами собственных возможностей. Это переворачивало все распространённые в то время представления о детстве как о «цветущей звенящей спутанности».

Затем были сделаны открытия, демонстрирующие, что ребёнок не только может контролировать своё собственное внимание, но вполне способен действовать инструментально, чтобы изменить стимульный мир вокруг него, добиваясь соответствия этого мира требованиям, возможностям собственного внимания. Именно в этот период в 60-е годы получили поддержку научные идеи, требующие улучшения образовательных программ в раннем детстве, проводником которых был, в том числе, и автор данной статьи.

Следующий поворот в рассказываемой истории был сделан в сторону интерсубъективности, в сторону проблемы изучения того, как мы можем «читать» чужое сознание и с чего это начинается. В совместном исследовании Скэфа (Scaife) и Брунера было показано, что ребёнок следует линии взгляда взрослого, осуществляя

поиск предмета, на котором сосредоточено внимание взрослого. Таким образом, от исследований, связанных с изучением компетентного «соло» ребёнка, осваивающего окружающий мир, был сделан сдвиг в сторону изучения проблемы: как ребёнок осваивает другие сознания в достаточной степени для того, чтобы жить в человеческой культуре.

Изучение неспособности аутичных детей притворяться в играх, изображать кого-нибудь показало, что причиной этого является неспособность больных детей понимать другого человека, приводящая к невозможности притворяться быть другим. Эти исследования вызвали, в свою очередь, ряд интересных работ по приматологии, например, по изучению намеренного обмана у высших приматов. Но подлинно революционизирующим было исследование по окультуриванию молодого бабуина Канцзи. Бабуина обучали упрощённому языку, а также он был своими человеческими воспитателями доведен до уровня признания их «интенциональных состояний»: намерений, желаний, верований, ожиданий. В этом исследовании было показано, что важнейшим принципом всякого окультуривания является такое отношение к существу, как будто у него есть состояние сознания и как будто он знает, что у вас есть состояние сознания, которое, вы знаете, он поймёт. Это означает признание того, что интенциональные состояния опосредуют то, что мы делаем. Нечто похожее происходит и при выращивании ребёнка с самого рождения, когда родители испытывают особую радость, «обнаруживая», что их маленькое чадо имеет такое же сознание, как и они. Сохранение «застывшего лица» в ответ на изменение выражения ребёнка вызывает у последнего стресс и слёзы, как это показано в исследованиях Стехлера и Латца (Stechler and Latz, 1966). Нечто подобное произошло и с Канцзи, когда он, выросший вместе со своей сестрой, был фрустрирован ею неспособностью к интерсубъективной ответчивости.

Культура требует фундаментальным образом, делает вывод Джером Брунер, чувствительности не только к тому, что человек делает, но и к тому, что он намеревается делать, не только к тому, что говорят, но и к тому, что имеют в виду, когда что-то говорят.

Подобный прорыв в области механизмов детского развития к проблемам интенциональности человеческого сознания позволяет Джерому Брунеру высказать в духе данной идеи философскую мысль об устройстве культуры в качестве тонкого баланса как канонического, ожидаемого и нормативного, с одной стороны, и воображаемых возможных миров, с другой.

Очень интересно исследование механизмов включения в социальную жизнь Дании детей турецких иммигрантов, описанное в статье Марианы Хедегаард «Институциональные практики, культуральные позиции и персональные мотивы: представления турецких родителей-иммигрантов о школьной жизни их детей». Более широкой рамкой по отношению к исследованиям, описанным в статье, является исследовательская цель попытаться выяснить, как знание, освоенное дома, соотносится с изучаемым в школе. Для выяснения этого соотношения очень важно точно так же разобраться, какие существуют противоречия между практикой, осуществляемой в школе, и практикой, в которую включён ребёнок дома и в общности. Задача Марианы Хедегаард состояла в том, чтобы проанализировать взгляды, отношения и ожидания по отношению к своим детям и их будущему со стороны турецких родителей.

Автор статьи выделяет две наиболее распространённые модели интеграции детей иммигрантов в датское общество и взаимодействие турецкой общности и семей с датской школой: ассимиляционную модель и мультикультуральную модель. Мариана Хедегаард подчёркивает, что реальная практика обучения всегда строилась на ассимиляционной модели, мультикультуральная модель ещё ни разу не была реализована в полном объёме. Основная проблема обучения иммигрантов в Дании состоит в организации баланса между общими для всех членов общества демократическими правами и правом быть отличным, быть другим. В мультикультуральной модели уделяется слишком большое внимание праву быть другим в ущерб социальным правам в обществе. Очень важно организовать обучение, чувствительное к культурным отличиям, обращая внимание на различия в практике частных институтов (дом, неформальные общности) и публичных институтов.

Автор статьи обращает внимание на то, что вопросы типа «Кто Я?», «Каковы мои корни?» очень важны для человека, принадлежащего к группе меньшинств. Проблема же учителя состоит в том, как принимать во внимание эти вопросы таким образом, чтобы не «запереть» человека на основе культурной и этнической идентичности внутри специализированной жизненной формы, сделав для него недоступными социальные отношения, важные для его развития. Очень важно отнестись к культурной практике серьёзно и одновременно не сделать культуру главным объяснительным принципом развития. Этого можно достичь, если принять во внимание различные институциональные структуры, которые опосредуют связь человека и общества. Для анализа этого процесса Мариана Хедегаард

использует введённое А.Н. Леонтьевым различение общественного значения и личностного смысла. Сам человек вырабатывает личностный смысл, а в социальных институтах (школе, общности, семье) ему предлагается система общественных значений, при помощи которых не всегда можно выразить личностный смысл и связанные с ним мотивы поведения и действия. Практики в различных социальных институтах, связанные с определённой традицией, могут быть представлены как позиции. Столкновение между позициями может приводить к появлению конфликта мотивов у ребёнка. Автор описывает результаты анализа интервью семи семей турецких иммигрантов, позволившего выявить три типа конфликтов:

- конфликты между различными позициями, которые являются конфликтом значений;
- конфликты между мотивами, связанными с разными практиками, которые являются конфликтами смыслов;
- конфликты между публичными позициями и личностными мотивами, которые являются конфликтами значений со смыслами.

Последний тип конфликта особенно труден для анализа и для педагогической проработки.

Общая образовательная стратегия может состоять в том, утверждает автор, чтобы через предметное обучение предъявить ребёнку знания об обществе: как современном, в котором он живет, так и о том обществе, в котором формировались его родители. Очень важно предъявить ребёнку знание о турецкой иммиграции, которое позволяет преодолеть стереотипы.

Статья «Социальное взаимодействие, культурные орудия и зона ближайшего развития: в поисках синтеза» нашей соотечественницы Анны Стеценко, работающей в Швейцарии, посвящена попытке объединить несколько принципиально разных предметов деятельностного анализа, которые были внутренне взаимосвязаны и для самого Л.С. Выготского. Этими предметами анализа являются: понятие социального взаимодействия; понятие культурных орудий; понятие зоны ближайшего развития. В теории Л.С. Выготского связи между этими тремя понятиями не были объяснены в достаточной степени, поэтому не случайно, что эти три понятия часто выступают основанием для трёх отличных друг от друга исследовательских традиций в рамках культурно-исторического подхода.

Одна из линий культурно-исторических исследований, представленных в США, сконцентрирована на социокультурных моделях обучения и определяется выдвижением на передний план совместной деятельности и социального взаимодействия. Понятие сокон-

струирования значений (совместного понимания, взаимопонимания) является центральным для подобного взгляда. Если сравнивать работы американских исследователей в этом направлении со сходными исследованиями представителей школы Гальперина, то у американских коллег недостаёт одного важного звена — анализа субъективизации новых деятельностей учащимся в процессе учения-обучения. Остаётся не исследованным, как компетентный, самоэффективный и независимый субъект возникает в совместной деятельности.

Вторая линия связана с изучением культурных орудий и их функциональной роли в развитии ребёнка. Здесь принципиальное значение имеют работы П.Я. Гальперина, В.В. Давыдова, Д.Б. Эльконина.

Третья линия связана с исследованием зоны ближайшего развития (ЗБР) и помощи учителя ребёнку в рамках ЗБР. В западных исследованиях появился термин, уподобляющий форму взаимодействия педагога и учащегося в ЗБР возведению подмостков, необходимых для строительства здания — scaffolding. В огромном числе работ, посвященных исследованию зоны ближайшего развития, проводится анализ прежде всего качества взаимодействия взрослого и ребёнка, но не качества культурных средств, являющихся интегральной частью этого взаимодействия (что отличает исследования Гальперина от исследований западных коллег).

По мысли автора статьи, эти три линии исследования могут быть синтезированы при введении понятия исходной клеточки — «зародыша» интра- и интерпсихологических процессов, которой является преобразование целенаправленной и предметно-ориентированной деятельности. Именно дополнительное введение подобного способа рассмотрения позволяет понять нерасторжимую связь между интер- и интрапсихологическими процессами, осуществить синтез различных измерений человеческого развития.

В статье Фернандо Л. Гонзалеса Рея «Личность, субъект и развитие человека: субъективный характер человеческой деятельности» выделяется наиболее непроработанное, с точки зрения автора, понятие в теории деятельности — понятие личности. С точки зрения автора, личность следует рассматривать как теорию индивидуальной субъективности, которая является комплексной системой значений и субъективных смыслов, которые конфигурируются многообразными способами на протяжении развития человека. Для того чтобы рассматривать личность как субъективно-конституируемый феномен, необходимо принимать во внимание следующие принципы:

1. Личность не есть предзаданная сущность. Личность одновременно и внутреннее и внешнее образование, она существует в непрерывности реактуализации, реконституируя себя в каждом социальном взаимодействии.
2. Результатом индивидуального выражения является комплексная сеть динамических факторов, внутри которых различные личностные конфигурации приобретают субъективный смысл.
3. Источником построения теоретических конструкций, описывающих личность, является изучение единичных случаев, поскольку личность индивидуализирована.
4. Личность имеет социальный генезис, она развивается одновременно и в социальном и в историческом субъективном индивидуальном пространстве.
5. Необходимо говорить о социальной субъективности, описывая субъективные феномены внутри процессов социального взаимодействия.

Автор статьи выступает против современных постмодернистских концепций, стремящихся свести социальные процессы к дискурсивным практикам, внутри которых не остаётся места действию. Заявление постмодернистов о том, что субъект умер и что он должен быть замещён дискурсом, который представляет собой надиндивидуальную сущность, не оставляет места анализу личности. Л.Г. Рей считает, что субъект задаёт сценарии, внутри которых реализуется конкретная личность. Основными функциями субъекта, исследованными в работах автора, являются принятие решений, конструирование личных проектов, восприятие противоречий. Кроме того, развитие не может быть понято как процесс без субъекта, хотя он и осуществляется внутри коммуникативно-дискурсивных сценариев.

С точки зрения Л. Гонзалеса Рея, краеугольным камнем конституирования личности являются эмоции. Сложное эмоциональное целое, внутри которого «сплетены» друг с другом динамические реакции на социальный контекст, меняющие личностный смысл и приводящие к удовлетворению одних потребностей и обнаружению других, автор называет субъективной конфигурацией личности. Подобные конфигурации являются результатом процесса субъективации социальной и культурной жизни.

Амелия Альварез и Пабло дель Рио в статье «Культурный ум (mind) и культурная идентичность: проекты для жизни в теле и духе» ставят проблему анализа в рамках культурно-исторической психологии проблемы идентичности, поскольку до настоящего времени

все остальные разделы психологии избегали анализа этой темы. И это не случайно, поскольку именно культурно-историческая психология исходит из того, что психологическое развитие конструируется на основе средств культуры.

В статье излагаются результаты исследовательской программы, ставящей своей задачей изучить мотивы человеческого действия, укоренённые в культуре, на примере манифеста la generacion del 98, в котором испанские теоретики в 1898 году определяли основу кастильской идентичности наряду с другими типами культурной идентичности в Испании. Авторы данного исследования, опираясь на ряд идей теории Л.С. Выготского, считают, что конституирование личностной идентичности развёртывается в нескольких планах сознания: в плане непосредственно ситуативной идентичности и в плане символической идентичности. К ситуативной идентичности авторы относят: «вынесенный вовне мозг», синкретическую зону репрезентации, культурные «скорлупки» и символическое сознание — социально и культурно распределённую идентичность. Символическая идентичность структурируется в соответствии с принципами понимания внутри историй, повествований, понятийных категорий. Исследователи считают необходимым также различать социально опосредованную идентичность и инструментально опосредованную идентичность. Авторы рассматривают идентичность как единицу отношения и признания, реагирования и проецирования, подразумевающуюся и явно выраженную, основанную на принадлежности и участии, непосредственно ситуативно осуществляемую и опосредованную специфическими культурными пространствами и временами.

Вводя своё понятие идентичности, авторы обращаются к идее и понятию романа Унамуно. В соответствии с данным понятием утверждается, что сама жизнь является романом и что каждый человек воспринимает рассказ о своей жизни так же, как профессиональный писатель воспринимает свой роман. Но при этом рассказ про жизнь, история жизни конкретного человека, всегда оказывается переплетён с историей человечества. В одном романе одновременно присутствуют три романа: роман личной жизни, роман национальной жизни и роман человечества. Унамуно, вводя это понятие, использует двойной смысл испанского слова historia (сходный в этом отношении со смыслом русского слова «история»), которое одновременно обозначает и историю и рассказ.

Исследователи анализируют конструкцию кастильской идентичности испанской нации на примере дебатов 1898 года—поворотного

момента для космологической картины миры испанцев, когда после поражения в американо-испанской войне стало очевидно, что Испания перестала играть роль ведущей геополитической державы и возникла острая необходимость ответить на вопрос, что значит быть испанцем и какие черты испанской личности привели к катастрофе. Слабости и добродетели, достижения и провалы, гордость и позор испанцев были проанализированы в дебатах la generacion del 98 по отношению к другим странам мира. Исследователи выделили несколько моментов этих дебатов, которые образуют структурную основу идентичности:

1. **Идентичность определяется одними интеллектуалами как культура Испании и Кастилии, другими — как история и личные повествования.**
2. **Проблема кастильской идентичности является проблемой исторической идентичности, но точно так же и «эпистемикой» идентичности, психокультурным мышлением по поводу идентичности.**
3. **Анализируя кастильскую идентичность, многие интеллектуалы утверждают, что Кастилия дала своё культурно-историческое содержание Испании в целом, и, тем самым она опустошила себя физически и психически. Излив свои ресурсы и идентичность, она осталась экономически угнетённой без своего отличительного определения.**

Проводя изучение кастильской идентичности на основе этнографических исследований трёх поколений мужчин и женщин, проживающих в сельской местности и городах, исследователи делают вывод, что кастильцы более старших поколений конструируют свою идентичность в ритуалах и действиях, встроенных в повседневные формы жизни. Более молодые кастильцы при построении действия опираются в основном на модели, предлагаемые средствами массовой информации.

Известный российский психолог образования Виталий Рубцов в своей статье «Современные тенденции развития образования в России и роль теории деятельности для построения школьного образования» анализирует основные стратегии и механизмы инновационной деятельности в образовании. Инновационная деятельность опирается на образ и понятие конкретного образовательного института, обязательно включающих подход к построению содержания образования, методы и техники работы с подобным содержанием, требования к подготовке учителей, реализующих данное содержание образования, образовательно-дидактические материалы, а также

систему научной и методической поддержки и обеспечения инновационной работы. В.В. Рубцов выделяет семь типов школ в современной структуре образовательного пространства, к которым относятся:

1. Традиционная школа.
2. Специализированная школа, предназначенная для интенсивного изучения одного или комплекса учебных предметов.
3. Гимназии и лицеи.
4. Инструментальная инновационная школа (основанная на освоении методов, которые были открыты талантливым педагогом, на новых методах обучения, на использовании специфических педагогических технологий).
5. Школа, ориентированная на складывание конкретной педагогической системы (Вальдорфской педагогики, педагогики Монтессори и т.д.).
6. Школа развивающего обучения.
7. Культурно-историческая школа (обеспечивающая интенсивное освоение гуманитарных компонентов знания на основе «диалога культур», Библер, 1969).

Дав краткую характеристику каждого из типа школ, автор статьи подробно описывает ступени и устройство культурно-исторической школы. Важнейшей характеристикой её строения является выделение, с одной стороны, содержания учебных предметов, а с другой стороны, форм действия, которые должны быть освоены. Сама культурно-историческая школа организуется как последовательность четырёх ступеней: школа мифопроизводства, школа-мастерская, школа-лаборатория и школа проектирования. В школе мифопроизводства содержанием учебных предметов являются качества и отношения вещей, непосредственно чувственно воспринимаемые и визуально представленные, а также формы знаково-символического выражения. Осваиваемой формой действия является реализация ролевого поведения в соответствии со сценарием. В школе-мастерской учащиеся осваивают общие качества и отношения окружающей среды с точки зрения их отражения в исторически сформировавшихся культурных и специализированных типах деятельности. Одновременно они реконструируют методы выявления общих качеств и отношений из непосредственно данных качеств вещей, а также упражняются в навыках. Предметным содержанием школы-лаборатории являются теории и методы постановки экспериментов, а осваиваемыми формами действия являются исследование, изучение, экспериментирование. В школе проектирования учащиеся учатся соотносить данные различных наук и опыт различных деятельностей

с практикой, а также осваивают проектирование, создание экспериментальных образцов, практические расчёты и построение программ координации коллективной деятельности.

Группа финских исследователей Ю. Энгештрём, Р. Энгештрём, Т. Вэхэахо в статье «Когда центр не удерживает: важность завязывания узлов (knotworking)» рассматривают совершенно особый тип организации труда, при котором требуется активное конструирование постоянно меняющихся комбинаций людей, средств и продуктов деятельности на длительных отрезках времени и широко раскиданных в пространстве. Эти формы организации работы не соответствуют стандартным определениям команды в силу весьма большой нестабильности постоянно меняющихся групп людей. Не соответствуют они и определению сети, поскольку не обладают устойчивой структурой индвидуальных и коллективных центров переплетения. Вводя понятие узла, исследователи имеют в виду быстро пульсирующую, распределённую и частично импровизационную оркестрацию сотрудничества между деятелями и деятельностными системами, которые в условиях выявления специальной задачи практически не связаны между собой. Поэтому «завязывание узлов» характеризуется как пульсирующее движение завязывания, развязывания, нового завязывания при других условиях обособленных нитей деятельности. При этом завязывание и распускание узла коллективной работы не может быть сведено к обязанностям отдельного индивида, фиксированной организационной структуре или центру контроля. Локус инициативы постоянно движется и плывёт по структуре полей деятельности.

Примеры подобного «завязывания узлов» могут быть обнаружены как в хорошо институционализированных практиках, таких как юридическая деятельность в суде, так и в инновационных нововведениях, связанных с происходящими сейчас историческими изменениями в организациях. С точки зрения исследований, завязывание узлов следует соотносить с пятым последним типом в ряду эволюции форм организации труда, выделяемых (Victor and Boynton, 1998): ремесло, массовое производство, повышение уровня организации процессов, массовое потребление и соконфигурацию. Именно соконфигурация наиболее характерна для «завязывания узлов». Её критериями являются: адаптация продукта или услуги; постоянные взаимоотношения между основными «актантами» (исйользуя термин Натура, 1996) — заказчиком, производителем продукта или услуги и компанией; продолжающийся процесс конфигурирования или подгонки услуги ко всё новым выявляемым требованиям

заказчика; активное включение заказчика; множество сотрудничающих производителей; взаимное учение от взаимодействия между включенными сторонами участников. В соответствии с данными критериями «завязывание узлов» может рассматриваться как возникающая интеракционная основа соконфигурации.

Исследователи описывают деятельность по «завязыванию узлов» на примере работы с психическими больными, когда возникает необходимость соорганизовывать работу участкового врача из муниципального центра здоровья, психиатра из клиники, службу социального обеспечения, сиделку и т.д., и осуществляют схематизацию фрагмента деятельности.

В качестве важнейших характеристик формы организации сложных полисистемных взаимодействий в виде «завязывания узлов» исследователи выделяют следующие:

1. «Узел» не является просто единичным действием. Он выступает в качестве пучка плотно взаимосвязанных действий и функционирует как самосознающий агент.
2. Ситуации «завязывания узлов» являются достаточно хрупкими, потому что они опираются на быстро осуществляющееся интерсубъективное понимание, распределённый контроль и скоординированные действия между факторами, которые вне данной ситуации практически не взаимодействуют друг с другом.
3. В ситуации «завязывания узлов» комбинации людей и содержание задач меняются постоянно.
4. Каждая «нить» в «узле» может быть понята как система коллективной деятельности.
5. «Завязывание узлов» имеет несколько измерений: социопространственное, временное, этическое. В рамках социопространственного измерения рассматриваются отношения между различными системами деятельности, включёнными в формирование узла. В рамках временного измерения анализируются последовательные шаги, эпизоды на траектории «завязывания узла». С точки зрения этического узла необходимо постоянно анализировать перераспределение и переосмысление контроля, ответственности и доверия.
6. Возникновение такой формы организации труда, как «завязывание узлов», усомневает сложившиеся формы иерархии и сегментации профессиональной и организационной власти.
7. Возможна институционализация деятельности по «завязыванию узлов» на основе составления соглашения между всеми включёнными в ситуацию сторонами.

Авторы статьи выделяют в качестве важнейших направлений дальнейшего анализа данной темы следующие:

1. **Очень важно рассмотреть, как в системе «завязывания узлов» устанавливается связь между дискурсом и практикой, между коммуникацией и инструментальными аспектами деятельности.**
2. **Необходимо проанализировать, как в ситуации «завязывания узлов» осуществляются рефлексивное обучение и реконфигурация, как они определяют траекторию и последовательность «завязывания узлов».**
3. **В ходе «завязывания узлов» осуществляется пульсация, которая сжимает и разуплотняет различные деятельностные потоки, результатом чего является разрушение заданных представлений об ответственности и власти.**

Мы сделали достаточно подробный обзор приведенных нами работ с тем, чтобы читатель мог вместе с нами проследить за некоторыми размышлениями о состоянии теоретических и практических разработок в данной области.

1. Мы считаем, что материалы деятельностных исследований следует прежде всего рассматривать как полидисциплинарный дискурс, предметами которого является деятельность и практика. Само состояние и уровень организации данного дискурса представляют очень интересную область анализа. Очень важно, что авторы различают и не смешивают деятельность и практику, понимая под практикой сложный полиинституциональный социокультурный контекст жизнедеятельности человека и деятельность, рассматривая их как плацдарм конструктивного вторжения в практику.

2. Само соединение самых различных предметов и тем свидетельствует о том, что в области деятельностных исследований сталкиваются два принципиально разных направления. Одно направление определяется стремлением превратить теорию деятельности и культурно-историческую теорию в «нормальную науку» со своими очень жёсткими парадигмальными отработанными критериями научного знания и в соответствии с принципами данной науки построить затем «нормальную» практику. Другое направление до сих пор пытается рассматривать теорию деятельности как романтическую авангардную дисциплину, на основе введения принципов и положений которой запущен некоторый революционизирующий теоретические разработки и систему практики поворот, который до сих пор ещё не закончен и продолжается. С этой точки зрения, основной вопрос состоит в том, что необходимо «позитивизировать»

теорию деятельности, «дискурсивизировать» (в стиле постмодернизма) деятельность и действие, всё сводя к коммуникации и общению, или запустить новую революционную волну изменений в гуманитарных областях.

3. Нам представляется, что центральной проблемой данного дискурса является вопрос, каков преобразовательный потенциал деятельностного подхода и деятельностных теорий. И здесь бы мы хотели зафиксировать основной свой тезис: международное сообщество, занимающееся изучением деятельности и разработкой её теорий, не дошло до важнейшего положения о том, что социокультурные системы **деятельности являются предметом проектирования.** Но как только мы делаем подобное утверждение, мы с неизбежностью попадаем в очень непростую ситуацию, когда нам помимо проектных предложений и полаганий неминуемо необходимо организовывать процессы воспроизводства тех исходных форм и систем мыследеятельности, которые оказываются затронутыми проектными преобразованиями. И собственно вот это соотношение проектно-конструктивных полаганий и специально организованных процессов воспроизводства и составляет для нас проблему общественного развития.

4. Очень важный вопрос состоит в том, что должно стать в деятельности предметом конктруктивного преобразования. Нам представляется, что именно из этой посылки возникают наиболее содержательные и неожиданные утверждения. Дело в том, что в деятельности всё может стать предметом переработки и переорганизации, поэтому, собственно, и возникает вопрос о том, а что должно стать предметом подобных преобразований и на каких условиях. Наша основная гипотеза состоит в том, что сегодня предметом подобных преобразований становится вся в целом конструкция человека в общности, в коллективно-общественной мыследеятельности: его сознание, его идентичность, его субъективность и его субъектность. В этой области и в этой плоскости возникают наиболее сильные и принципиальные гипотезы. Точно так же, как за счёт идей конструктивизма и операционализма в одних областях, эпистемологических исследований и деятельностного подхода в других исчезло представление о знании как о непосредственно данной вещи, стало очевидно, что знание — это сложные структурные формы связи и организации процессов мышления, понимания, рефлексии (вынесем пока за скобки проблемы отношения знания **и** сознания — sic!), так теперь точно так же становится непонятно, что такое человек. Участвующий в общении и непосредственно воспринима-

емый собеседник не позволяет нам ответить на вопрос, как с кем мы с ним сталкиваемся в общении и коммуникации — с позицией, ролью, личностью, индивидуальностью или, к сожалению для нас, с «пустым местом» — чёрным квадратом Казимира Малевича. Нам представляется, что важнейший поворот состоит в том, что на место исследующего сознания, уверенного в заданности объекта — основной структуры Нового времени, приходит проектное сознание с особой ролью функции воображения. И с этой точки зрения, нам кажется очень важной концептуальная идея В.А. Лекторского, поднимающая важнейший дискуссионный вопрос о схематизме познания, созданного в Новое время и в немецкой классической философии[1]: осуществлялось ли познание в форме конструирования или исследования, а точнее, каково место конструирующего отношения в структуре исследовательской деятельности. То, что Новое время и современный сциентизм остаются в рамках исследования как единственного типа деятельности, нам представляется бесспорным. В зависимости от способов ответа на этот вопрос нами тем или иным образом будут рассматриваться перспективные направления развития мышления и познания. Очень знаменательным нам представляется основной результат размышлений о детстве, предложенный Джеромом Брунером. Этот замечательный философ возвращает нас к основным идеям трансцендентального идеализма И.Г. Фихте, рассматривавшего способность индивида схватывать чужую интенцию в системе интерсубъективного взаимодействия как принципиальный факт организации человеческого сознания и конструирования общества[2]. Поэтому чувствительность к намерениям другого человека, о которой говорит Дж. Брунер, действительно фундаментальный факт окультуривания-проращивания детского сознания. Этот момент показывает, насколько плотно мы помещены в основные результаты философского и методологического мышления Нового времени.

5. Основной слабостью данного сборника нам представляется отсутствие в нём работ о способах и принципах мышления о деятельности, о деятельностной семиотике (знаки, символы, схемы про деятельность и в деятельности), деятельностной эпистемологии (знания о деятельности и в деятельности), деятельностной персоналогии. Хотя совершенно очевидно, что, например, деятельностная

[1] ***См.*** **соответствующие работы Ю.М. Бородая, П.П. Гайденко и др.**

[2] **В кн.: Reinhard Lauth «Transzendentalt Entwicklungslinien (von Deskartes bis zu Marx und Dostoewski)», статья «Die transzendentale Konstitution der gesellschaftlichen Erfahrung». S. 196-208, Hamburg, 1989.**

семиотика как прикладная техническая дисциплина, разрабатывающая схемы анализа, проектирования и переорганизации деятельности, развивается и в работах Ю. Энгештрёма, и в работах последователей Г.П. Щедровицкого — Н.Г. Алексеева и его учеников, в наших работах, работах С.В. Попова и др. Из подобного утверждения возникает и вторая проблема: а каково соотношение **деятельности и мышления,** как мышление представлено внутри мыследеятельности и какое место оно занимает наряду с действием и коммуникацией. Собственно, попытка представить деятельность как сложную единицу из процессов мышления, коммуникации и действия с обеспечивающими их взаимосвязь процессами рефлексии и понимания и представляет основу системомыследеятельностного подхода, разрабатывавшегося Г.П. Щедровицким и его последователями[1]. В данном сборнике проблему единицы деятельности очень интересно и очень близко к идеям Щедровицкого, но по-своему и, как всегда, неожиданно новаторски поставил В.В. Давыдов, рассмотрев коммуникацию прежде всего, как обращение, а также вводя в структуру единицы деятельности процессы воображения.

6. Одна из важнейших проблем, которая возникает при осмыслении тематизмов данной книги, связана с рассмотрением проблемы развития и определением роли социальных институтов, с одной стороны, и человека во множестве его ипостасей (личности, актора, позиции, субъекта) в деятельности — с другой, в развитии общественной практики. Из очень интересной работы Энгештрёма и группы исследователей становится понятно, что ключевая проблема развития общественно-институциональной практики состоит в определении ближайшего шага развития, ближайшей зоны развития форм организации деятельности и труда. Именно не предзаданные, а лишь проектируемые подобные формы организации труда и начинают определять новые функции человека в деятельности, а также особую роль тонких интеллектуальных процессов — взаимопонимания, рефлексии, воображения. Что остаётся невыявленным при постановке подобной проблемы — это чёткое понимание, что эти складывающиеся новые формы организации труда, тип «завязывания узлов» и соконфигурации не предзаданы, не существуют натурально, а должны быть ещё только спроектированы с точки зрения обнаружения и развития новых способностей и возможностей человека, в том числе его ипостасно-личностной природы. Преодоление

[1] ***См.:*** **Г.П. Щедровицкий. Избранные труды. — М., 1995; Г.П. Щедровицкий. Философия. Наука. Методология. — М., 1997.**

функционально-ведомственных барьеров, границ узких специализаций в новых институциональных контекстах практики, где очень важно координировать выполнение разных деятельностных задач, возможно только на основе развития понимания человека и его способностей «сшивать» разные функции в межпрофессиональной коммуникации и обнаруживать новые позиционные возможности действия.

7. Именно данное направление работ, связанное с выявлением шага развития в формах организации деятельности и труда, с введением новых социокультурных институтов практически во всех областях практики, делает теорию деятельности невероятно перспективным направлением разработок. Для того чтобы перевооружать практику в России и её технологии, необходимы практически во всех областях и системах практики проекты новых перспективных форм организации труда. Эти проекты форм организации труда должны быть антропообразными, то есть учитывать развитие способностей и форм организации сознания человека. Человек должен хотеть сам развивать практику — проекты должны быть смыслоориентирующими. Создание подобных проектов не может осуществляться некоординированно и частично. Поэтому основная идея, которая возникла у нас при чтении данного тома, состоит в том, что в России нужен независимый международный институт деятельностно-антропологического проектирования систем практики. Этот институт должен создать совместно с профессионалами в разных областях деятельностные проекты преобразования, фактически, всех систем общественной практики, обеспечивающие цивилизационный сдвиг жизни в России. Создание подобных проектов невозможно без внимательнейшего учёта и анализа международного опыта, анализа западных институтов и форм организации личности, действующих внутри подобных институтов. И здесь коллеги из ISCRAT могут нам существенно помочь, предоставляя результаты своих проектов развития общественной практики в разных странах. Результатом деятельности данного института должна стать проектная энциклопедия «Мыследеятельностных наук и практик», представляющая своеобразный атлас,' в котором оказываются описаны проекты развития разных областей практики и разных научных дисциплин. Вокруг подобного института должна быть создана система экспериментальных площадок и инновационных зон, на которых выращиваются новые проектируемые системы практики и приживляются новые институциональные структуры. Провал с введением в России института рынка во многом определялся нарушением

принципов инновационных процессов. Не были выделены специальные экспериментальные площадки[1], на которых следовало вырастить жизнеспособные образцы практической институциональной деятельности для их дальнейшего распространения и переноса в инновационные поля практики.

Перевооружение различных областей общественной практики возможно на основе теории деятельности, обеспечивающей формирование целого ряда гуманитарных технологий. Именно подобное отношение к теории деятельности и формируемой на её основе новой социокультурной институциональной гуманитарной инженерии отличает так понимаемый деятельностный подход от неомарксизма с его обязательным поворотом в сторону классовой борьбы, колониализации сознания или абстрактно-дискурсивным постмодернизмом.

В качестве своеобразного продолжения конспекта содержания, рассматриваемого на конгрессах Международного общества исследования теории деятельности и культуры[2], мы приводим свой доклад в качестве ключевого выступающего от России, который был нами сделан в 2002 году на пятом конгрессе в Амстердаме.

1.2. Наследие теории деятельности и новая проблематизация

Перспективы и горизонты теории деятельности и деятельностного подхода связаны с именами двух выдающихся и невероятно продуктивных российских мыслителей — Василия Давыдова (1930-1998) и Георгия Щедровицкого (1929-1993). Они оба являются моими учителями в теории деятельности.

Очень важно представить позицию В.В. Давыдова по отношению к теории деятельности с точки зрения двух моментов — эпистемологического и онтологического. Эпистемологический аспект его позиции может быть воспроизведен следующим образом: деятельность не является предметом монодисциплинарного исследования,

[1] Подобная технология инновационной работы была построена в системе столичного образования *(см.* нашу книгу «Проектное сознание». — М., 1998), и сейчас нами делаются попытки реализовать эту схему при работе с промышленными предприятиями.

[2] На конгрессе 2005 года данное международное общество было переименовано. Теперь оно называется — Международное общество по исследованию культуры и деятельности (International society culture and activity research).

деятельность нельзя и невозможно изучать в какой-то одной дисциплине. Деятельность не является исключительно областью изучения со стороны научной психологии, но она представляет собой междисциплинарный научный комплекс разных дисциплин. Семиотика, социология, герменевтика, философия, антропология, лингвистика, анализ дискурса, теория сознания — каждая из этих дисциплин внесла свой вклад в разработку моделей различных типов и форм деятельности. Онтологический аспект позиции В.В. Давыдова можно представить следующим образом: современная общественная практика — все виды, все отрасли этой практики (финансовые, образовательные, военные свершения) имеют форму деятельности. Эти двуединые аспекты позиции В.В. Давыдова позволяют выявить ядро программы В.В. Давыдова, связанной с развитием теории деятельности на основе классического философского наследия.

Но как деятельность конституирует структуру современной практики? Мы в России сегодня находимся в новой ситуации, организуя дискуссии о результатах и перспективах развития деятельностных идей и подходов. Лично для меня эта новая ситуация конечно же связана со смертью выдающегося и блестящего русского учёного, моего учителя В.В. Давыдова. Он был ревностный пионер деятельностных исследований и разработки теории деятельности в России. Его работы, составившие эпоху, помещают нас в весьма определённый контекст понимания проблем деятельности, поскольку для В.В. Давыдова деятельность была связана, прежде всего, с идеями общественно-исторической практики и возможностями изменять, преобразовывать, проектировать фрагменты и единицы этой практики. Его смерть поставила нас лично в ситуацию необходимости очертить основные проблемы и темы, связанные с развитием деятельностного подхода. Для всех нас, кто находился под большим влиянием работ В.В. Давыдова, очень важно обсудить перспективы деятельностных исследований в достаточно новой ситуации.

Мне представляется, что в разработке представлений о деятельности за предшествующие годы мы прошли через три ситуации или три периода использования деятельностного подхода.

Первый период был связан с разработкой общих деятельностных схем и понятийных различений в работах С.Л. Рубинштейна, А.Н. Леонтьева, П.Я. Гальперина, позднее В.В. Давыдова, В.П. Зинченко, В.А. Лекторского, А.В. Брушлинского (продуктивного критического мыслителя, развивавшего точку зрения С.Л. Рубинштейна), но точно так же и Г.П. Щедровицкого и Н.Г. Алексеева.

Второй период был связан с возможностью конструировать деятельностные артефакты и внедрять их в общественную ситуацию жизни различных общностей, создавая альтернативу для изменения локальных полей практики. В образовании подобный способ действия был прежде всего связан с идеей учебной деятельности В.В. Давыдова и с разработкой новых учебных предметов и образовательных программ для начальной школы. В промышленности эргономическая организация деятельности на рабочем месте изучалась в работах В. Зинченко, В. Мунипова, В. Дубровского и Льва Щедровицкого (брат Г.П. Щедровицкого).

Третий период, в котором мы как раз и находимся, связан с критическим отношением к пониманию того обстоятельства, что мы работаем с деятельностью и как вообще существует деятельность. Лично для меня проблема существования деятельности невероятно важна. Но необходимо признаться, что данный онтологический вопрос об общественно-исторических формах и механизмах существования деятельности не является чересчур новым. Он был поставлен 30 лет назад глубоким русским философом из Киева В. Ивановым, который обращался с данным вопросом к сторонникам психологической теории деятельности. Он отвергал все попытки делать выводы об общественном существовании деятельности после исследования индивидуального поведения в качестве деятельности в экспериментальной ситуации. Но мы сегодня в России находимся в новой ситуации социальных изменений, и этот контекст является весьма стимулирующим для переосмысливания деятельностных постулатов. Таким образом, мы движемся от положения наивной веры в существование деятельности к ситуации понимания того, как деятельность существует и что возможно делать с деятельностными изменениями и трансформациями, какой тип аксиологии связан с деятельностью и структурами сознания в деятельности. Ясно, что деятельность не существует естественным образом как вещь, она не может быть произведена наподобие товара или продукта. Мне хочется в этом контексте специально отметить роль Владимира Зинченко — нашего блестящего психолога в проблематизации деятельностных идей. Он обычно подчеркивает, что все наиболее интересные и заслуживающие внимания продвижения в психологии связаны с действием и механизмами действия. Понятие же деятельности являлось данью формальной марксистской идеологической доктрине и это понятие совершенно пустое и выхолощенное. Но действительно ли это так, что понятие деятельности абсолютно неэффективно и бессодержательно?

1.3. Метаязык деятельности как инструментальность

В России несколько лет назад было разработано очень важное различение натуралистического подхода — деятельностного подхода. Идея натуралистического подхода была связана с критикой позитивистского технократического отношения к миру в работах В. Зинченко, Г. Щедровицкого и В. Давыдова. С точки зрения подобного различения абсолютно очевидно, что деятельность невозможно изучать так, как мы исследуем фрагменты природы. Деятельность не существует независимо от исследователя и преобразователя структуры деятельности. Иначе, деятельность не существует как вещь изолированно и отдельно от исследователя и общности, которая является агентом и реальным субъектом деятельности. Деятельность существует в общественном контексте как инструментальность, как система средств, которые выделяются на основе рефлексии деятеля и им осознаются как набор средств, необходимый для осуществления деятельности, но точно так же и как человеческие способности и возможности.

В данном контексте мы можем сказать, что деятельность — это специальный метаязык, который может быть использован различными общностями (профессиональными, школьными, политическими и т.д.) для того, чтобы понимать структуру жизни общности и перепроектировать её организацию. Когда мы вводим понятие метаязыка, мы дополнительно подчёркиваем важность рефлексивного мышления в деятельностной структуре.

Основная задача состоит не только в возможном описании различных типов деятельности в различных контекстах при помощи деятельностного метаязыка, но точно так же и в исследовании, что мы делаем, когда мы пытаемся использовать деятельностный язык. Или что же мы делаем, когда внедряем деятельностный язык в жизнь общности для блага различных её групп, не только богатых и процветающих, но также изолированных, несчастных и бедных людей. Поскольку это употребление деятельностного метаязыка имеет различные цели и назначения, а также возможности достижения очень важных результатов изменения (развития) деятельностных структур в жизнедеятельностном контексте.

Основная проблема при этом оказывается связана с различными способами объективации и субъективации использования деятельностного языка представителями профессиональных групп из различных сфер практики. И хорошо понятно, что в социальном контексте существует множество возможностей увидеть, как деятельностный

язык используется представителями различных профессиональных позиций, чтобы организовать свою работу с различными группами людей, чтобы изменить форму своей жизнедеятельности.

Существуют два способа введения деятельностных представлений в практические системы — на основе построения проекта будущей структуры работы и на основе проблематизации или постановки проблемы сложившегося способа действия. Проблема в данном контексте связана с выявленным отсутствием средств, возможностей, инструментов достижения поставленных целей в данных выявленных ситуационных условиях. Поэтому в подобном контексте деятельностный метаязык используется для конструирования проектов или прорисовки и выявления того, что означает отсутствие средств для эффективного действия в ситуации.

1.4. Разнообразие и нормативность

Мы можем сегодня перечислить несколько основных возможностей выявления разнообразия в социокультурной деятельностной системе:

- коммуникация между исследовательской деятельностной системой и деятельностной системой — предметом изучения, которая обладает уровнем сложности, сопоставимым с исследующей деятельностной системой;
- инновационные волны переходов из прошлого в будущее, вызывающие столкновение различных принципов организации и построения деятельностных систем;
- диссоциация и распад исходных деятельностных систем;
- появление множества конкурирующих соревнующихся центров, которые определяют темп и величину изменений.

В этом контексте необходимо различать разнообразие роста и нездоровое патологическое разнообразие — разнообразие дезинтеграции.

Для русской философской и психологической традиции деятельностного подхода большое значение для анализа разнообразия имеет понятие нормативности. Генетически по своим истокам данное понятие связано с идеями Соссюра различения речи и языка (langue et parole). С этой точки зрения, можно утверждать, что система деятельности организована как язык. Данные представления о деятельности были разработаны русским методологом Г.П. Щедровицким. Его основная идея состояла в том, что при анализе социокуль-

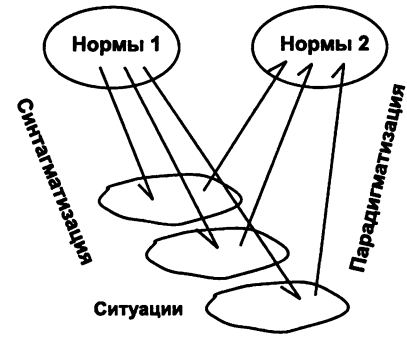

Схема 4. Нормативность систем

турных систем деятельности необходимо различать процесс парадигматизации, когда нормативность конструируется и предъявляется, и синтагматизации, когда нормы реализуются в ситуации *(см.* схему 4).

Напряжение между нормативностью и разнообразием составляет одну из основных проблем всех видов деятельностных систем. Для того чтобы понимать, как устроены и как действуют подобные системы, очень важно описывать не только выявляемые и предъявляемые правила и нормы, но также скрытые и спрятанные не твёрдые, но мягкие структуры, такие, например, как значения в оппозицию личностным смыслам, которые внутренне регулируют действия. В противоположность обыденной точке зрения описание и выявление подобных норм отнюдь не обязательно ограничивают или зажимают процессы диверсификации. На практике нормы часто оказываются невыраженными и существуют лишь имплицитно, и поэтому остаётся невыраженным пространство для выявления разнообразия. В подобных практических ситуациях обнаруживаются лишь псевдовариации вместо подлинного разнообразия. Экспликация этих норм позволяет вводить различные нормативные описания, которые могут стимулировать процесс критического мышления по поводу систем практики.

1.5. Чувствительность к разнообразию

Но как одновременно быть чувствительным и к разнообразию, и к нормативности и быть способным работать одновременно с этими двумя образованиями?

В соответствии с подходом Г.П. Щедровицкого, подчеркивается необходимость описывать и дифференцировать в деятельностной системе процесс мышления и так называемую «подсистему мышления», «подсистему коммуникации» и «подсистему действия» *(см.* схему 5).

Все эти подсистемы получают возможность быть интегрированными друг с другом на основе процессов рефлексии и понимания. Г.П. Щедровицким была предложена схема системы мыследеятельности для того, чтобы выявлять реальную сложность всякой деятельностной ситуации. Можно показывать, что и мышление, и коммуникация, и действие являются отдельными самостоятельными системами, в этом случае мыследеятельность будет описываться как полисистема.

Мы могли бы сказать, что уже подобный анализ деятельностных систем (мультисистем или полисистем) на основе использования подобного языка схем может открыть для нас реальное живое разнообразие деятельностных систем. Во-первых, поскольку мы как исследователи можем дифференцировать в деятельностном контексте эти три подсистемы — организацию коммуникации, мышления,

Схема 5. Деятельностная система

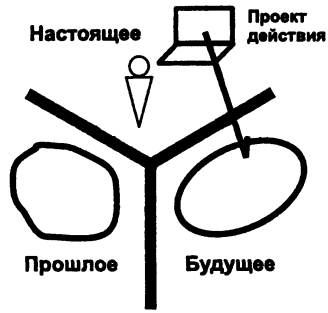

Схема 6. Момент перехода из прошлого в будущее

действия в конкретной ситуации. Во-вторых, поскольку структура мышления, коммуникации, действия организована по-разному в разных типах мыследеятельности: проектировочная мыследеятельность нетождественна исследовательской мыследеятельности, или мыследеятельности конструирования, или мыследеятельности управления. И, наконец, в-третьих, поскольку агенты деятельностных систем на основе понимания и рефлексии условий, а также способов собственного действия, работая совместно с исследователями деятельностных систем, начинают сначала проектировать новые средства осуществления различных процессов деятельности, а затем реализовывать различные проекты. Важно отметить, что как раз эта возможность графически изобразить существующую структуру общности, являющуюся носителем коллективной мыследеятельности, может быть первым шагом организации проектирования

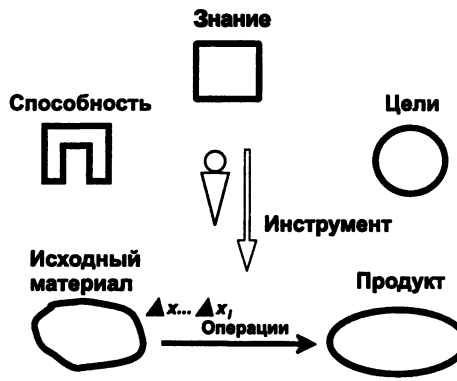

Схема 7. Акт процесса деятельности

будущей системы мыследеятельности, а также процесса инновационного перехода членов рабочей группы из прошлого в будущее. Сама идея построения различных деятельностных и мыследеятельностных схем позволяет говорить о деятельностной семиотике, потому что эти различные деятельностные схемы имеют различные функции и возможности употребления в реальном жизненном контексте *(см.* схемы 6 и 7).

1.6. Клеточка структуры деятельности по Давыдову

В.В. Давыдов в своих последних работах высказал ряд новых идей, когда он обсуждал «клеточку» деятельности (например, в «Activity Theory and Social Practice», 39-50, Aarhus University Press, 1999, 39-50.)

В.В. Давыдов обсуждал единицу деятельности, которая состоит из ситуации преобразовательного действия, обращения одного участника коллективной работы к другому, рефлексии средств деятельности и воображения, на основе которого формируется внутренний план действия. В.В. Давыдов обращал внимание на специфическую проблему идеальности деятельности, которая отличается от идеальности вещей. Предложенный тип анализа В.В. Давыдовым связан с поиском структурной «клеточки» теории, конструируемой на основе методов восхождения от абстрактного к конкретному. Предметом теоретического поиска являются не формальные различения между деятельностью, действием, операцией, но система, в которой целостная личность, деятель, конкретное лицо могут существовать. Поэтому проблема состоит отнюдь не в том, чтобы объяснить некоторые субъективные процессы, способности, то есть фрагменты деятельности, но ввести целостную личность в мир деятельности и выявить, как данное конкретное лицо, деятель могут жить в этом мире и могут конструировать этот мир. С этой точки зрения, деятельность рассматривается как жизненный горизонт, структура мира, в котором деятель конституирует себя как позицию или субъект.

Весьма любопытно сравнить эти идеи В.В. Давыдова с рядом важнейших представлений Г.П. Щедровицкого, который точно так же настаивал на определённом типе клеточки, важной для анализа и проектирования практических деятельностных систем. Таким образом, этот поиск онтологической «клеточки» для конструирования общественно-исторической теории деятельности важен для обоих

мыслителей. Но, безусловно, эта онтологическая клеточка является первым шагом в восхождении к конкретной теории общественно-исторического развития и сама выступает как финальный завершающий результат реализации длительной исследовательской программы, нацеленной на то, чтобы выделить единицу, которая является базой для понимания и конструирования всех типов современных практик. Для Г.П. Щедровицкого было очень важно выявить объективное присутствие полной мыследеятельностной системы в общественной практике. Полная мыследеятельностная система содержит три важнейших субстанциальных процесса — мышление, действие и коммуникацию и также два вспомогательных процесса — рефлексию и понимание. Можно выделить различные типы редукций мыследеятельностных систем, когда тот или другой типомыследеятельностный процесс (мышление, коммуникация, действие) отсутствует, сдавлен или, наоборот, раздут — происходит его инфляция. Мы в этом случае имеем искажённую мыследеятельностную систему. Поскольку Г.П. Щедровицкий был логиком, а не психологом, для него не был столь важен анализ деятельностных систем. Но именно анализ происхождения различных деятельностных образований имел принципиальное значение для В.В. Давыдова.

Преобразование средств может существовать для В.В. Давыдова во вполне определённом контексте. Например, образование поиска нового средства на основе преобразования известного связано с так называемой учебной задачей, когда учащийся должен поставить задачу преобразовать собственный способ действия или мышления. Для Г.П. Щедровицкого преобразование средств связано с проектированием новых структур деятельности в специально организованных средах, решением проблем и задач в условиях неполной информации и коллективного мыследействования, которые он называл организационно-деятельностными играми.

Таким образом, оба мыслителя были уверены, что современный уровень развития деятельностных теорий позволяет нам лишь «подкрасться» к территории будущей, пока ещё не существующей теории общественного развития, которая будет построена на основе понятия деятельности. Впереди у нас достаточно долгий путь исследований для выработки подобной теории. Сама же клеточка этой будущей теории не является произвольно выбранной абстрактной предпосылкой дальнейшего поиска, но выступает в качестве результата понимания современных проблем общественных изменений как целого.

1.7. Три подхода к деятельностному контексту

Для того чтобы описать реальный жизненный мир на основе деятельностных принципов, мы вместе с Н.Г. Алексеевым подчёркиваем необходимость выделять и дифференцировать в его устройстве деятельностную систему, жизнедеятельностную систему и мыследеятельностную систему *(см.* схему 8).

Нетрудно заметить, что само слово «деятельностный» является своеобразным средним, общим термином, который связывает эти три принципиально различных понятия. Слово «деятельностный» выполняет функцию своеобразного медиатора, поскольку этот элемент является общим для всех трёх понятий в триплете. На основании данной функции медиатора мы может в соответствии с принципами аристотелевского силлогизма сделать суждение.

Но мы может группировать эти три концептуальных элемента в триплете и по-другому. Когда мы хотим осуществить реальные изменения, как раз мыследеятельность является средним термином и медиатором между жизнедеятельностью, своеобразным этнографическим концептом реальной работы в конкретном социальном контексте и формальным деятельностным описанием различных нормативных систем. Прежде всего, следует отметить, что как раз жизнедеятельностные системы включены в реальный ситуационный контекст и их невозможно вообразить или понять без реального коммуникативного контакта с участником локальной ситуации.

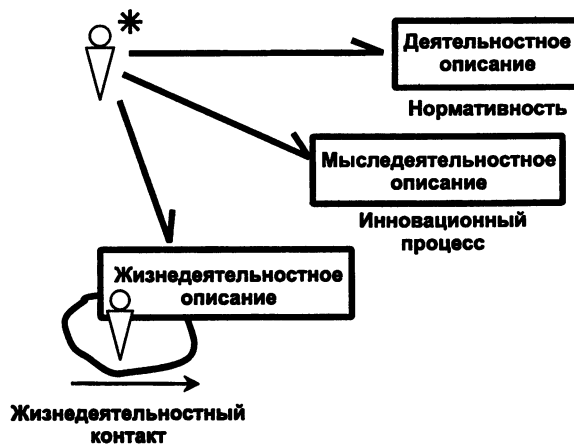

Схема 8. Три системы деятельности

Этнографические и антропологические исследования различных жизнедеятельностных систем невероятно важны и продуктивны для получения знания о локальных ситуационных контекстах.

Деятельностная система основана на воспроизводстве и технологизации весьма подвижных и диффузных интеллектуальных и духовных процессах. Поэтому деятельностные процессы связаны с институтами и организационными формами, которые конституируют поддерживаемую инфраструктуру работы, обучения, а также исследовательских процессов и стабильной нормативности. Таким образом, формальная нормативность, а также отношение между системой средств, целей, ценностей и институциональным контекстом — знаменательный момент в описании деятельностной системы. При анализе взаимодействия различных подсистем и процессов системы мыследеятельности друг с другом мы можем выявить реальную организацию работы как жизненного мира, нормативность мышления, нормативность институциональной организации и точно так же предъявить активным агентам действия выявленные и обнаруженные особенности мышления, коммуникации, действия как предмета изменений и проектирования.

Обобщая приведенные различия между этими тремя концептуальными элементами, мы можем сказать, что жизнедеятельностные системы зависят от контекста, опираются на скрытое этнографическое знание, накопленное в жизни участников жизненного мира, определяются диалектными элементами понятий и схем, используемых в данном контексте деятельности. Очень часто функция исследования в жизнедеятельностном контексте состоит в проблематизации одной единственной нормативности и в востановлении понимания ситуации и контекста работы.

Поэтому, когда подчёркивается функциональный характер проектируемых средств и способов деятельности на основе дифференцированного использования различных предметов, то имеются в виду прежде всего характеристики систем жизнедеятельности, где функция может быть обнаружена только на основе коммуникации и контакта с участниками в специфическом контексте. Понятие средства, безусловно, функциональное понятие, поскольку в функции средства в мыследеятельности могут использоваться очень разные образования — схемы, понятия, знания, смыслы, цели и т.д.

В отличие от жизнедеятельностного мира деятельностные системы предполагают воспроизводство и возможность технологизации. Мы можем говорить о деятельностной системе в контексте, где специфическое действие, единичный мыслительный процесс или

коммуникативный процесс могут быть воспроизведены и оформлены в соответствии с принципами нормативности. Неоформленные, уникальные, невоспроизводимые особенности человеческой субъективности в процессах мышления, коммуникации, действия оказываются связаны прежде всего с живой практикой мыследеятельности.

В период противоречивых тенденций процессов глобализации — локализации и глокализации - формальный деятельностный язык и деятельностная нормативность могут связывать различные способы работы и действий в жизненных контекстах огромного разнообразия. Системомыследеятельностный подход позволяет изменять жизненный контекст и нормативность самих участников ситуации. Жизнедеятельностные процессы являются средой, порождающей деятельность, сквозным образом пронизывающей самые разнообразные системы и миры. С этой точки зрения, деятельность как целое является порождающей реальностью — своеобразной natura naturans, которая связана с генезисом действия в каждом слое мыследеятельности.

1.8. Мышление о деятельности как компонент деятельности

В организованной журналом «Вопросы философии» в 2000 году дискуссии по проблемам понятия деятельности Валерием Лазаревым была выражена весьма оригинальная точка зрения, заключающаяся в том, что существование деятельности может быть выявлено только из позиции управления деятельностью. Не существует, по мысли В. Лазарева, деятельность функционирования. Допущение о существовании деятельности связано с возможностью описывать и организовывать процесс развития деятельности. Это позиция развития деятельности может быть осуществлена и реализована как индивидуальным, так и коллективным субъектом деятельности. И сама общность в соответствии с культивируемой в ней системой ценностей может принять или отвергнуть предложенный проект развития.

Но, с другой стороны, мышление о вариативной многоплановой структуре деятельности является также слоем и элементом самой системы мыследеятельности *(см.* схему 9).

Таким образом, мы имеем дело с рефлексивным мышлением о деятельности, на основе которого можно осуществить трансценденцию (И.Г. Фихте, Р. Лаут, Н.Г. Алексеев) по отношению к сложившейся

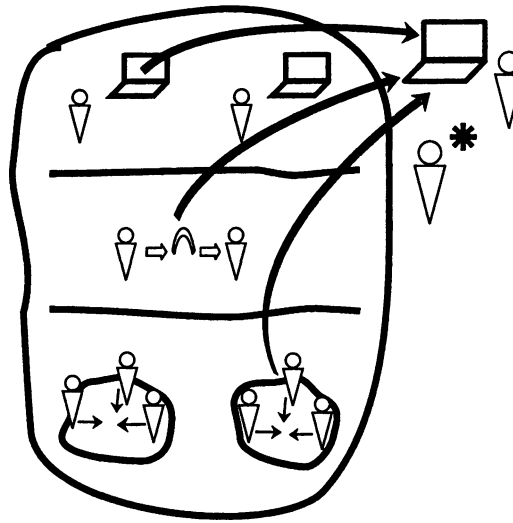

Схема 9. Мышление о деятельности

деятельностной системе. Эта трансценденция оказывается возможна на основе специальных деятельностных схем.

Мышление по поводу деятельности является особой моделирующей и имитационной возможностью деятельностного языка. И поскольку это язык, то возникает возможность организовывать диалог по поводу форм действия между участниками ситуации. Но одновременно деятельность — это не только язык — это тип реальности, в которой социальный исследователь и проектировщик могут испытать возможность индивида или общности, команды, выработать новые средства, организовать эволюцию институциональных структур.

В жизнедеятельностном контексте деятельность рассматривается как специально организованная реальность. В этой реальности субъекты деятельности (индивидуальные и коллективные) обладают возможностями реконструировать организацию коллективного и индивидуального мышления, действия и коммуникации, затем проблематизировать (поставить проблемы, которые связаны с отсутствием средств и знания), обнаружить противоречия в организации этих процессов и предложить проект изменений на основе преобразования средств и аксиологии. Так, организуемая реальность мыследеятельности позволяет рассматривать её в качестве своеобразной жизненной ткани, которая позволяет участникам наращивать воз-

можности действия, поскольку мыследеятельность позволяет связывать жизненный контекст и макронормативность. С определённой точки зрения реальность деятельности и деятельностного языка может пониматься как современная универсальная форма Пайдеи, если использовать платоническое слово, введённое в современный контекст Вернером Йегером[1].

Трансценденция за границы процессов функционирования деятельности (Н. Алексеев, Ю. Громыко) связана с функциями деятельностной семиотики. Сегодня нам совершенно очевидно, что наиболее продуктивный путь мышления о деятельности — это схематизация мыследеятельностных структур в форме мультипозиционных матриц. Обычно подобные схемы являются необходимым инструментом самоорганизации общности на основе понимания структуры общности как многопозиционного субъекта деятельности. Существуют различные типы многопозиционных схем:

1. Схемы личностного самоопределения (самоидентификации) в отношении к различным подходам, обеспечивают понимание данной ситуации на основе ценностей и средств действия, коммуникации, мышления.
2. Проектные схемы будущей совместной организации деятельности.
3. Схемы ситуационного анализа.

Таким образом, мыслить по поводу деятельности для нас означает использовать схемы, изображающие деятельностные позиции и предъявляющие в коммуникации деятельностную нормативность.

1.9. Деятельностная семиотика. Многопозиционные матрицы и решётки

Именно в данном контексте мы говорим о деятельностной семиотике — специфических схемах организации деятельности, которые конструируются для организации действия общности.

Мы различаем несколько разных предметов схематизации и дальнейшей проработки на основе деятельностной семиотики:

1. Прежде всего вы выделяем пять типов деятельности — проектную, исследовательскую, деятельность конструирования, различные типы управления (оргпроектирование, программирование, прогнозирование, планирование, организацию, руководство) и

[1] *См.:* **Вернер Йегер «Пайдейя», тт. 1-2. — М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1997-2001.**

деятельность критики. Эти типы деятельности образуют типодеятельностную матрицу, которая используется для понимания деятельностного контекста.

2. Все типы деятельности имеют различные механизмы реализации в конкретной ситуации на основе типомыследеятельностных процессов — коммуникации, действия, мышления и взаимосвязи этих процессов друг с другом на основе рефлексии и понимания.
3. В ходе создания языка описания различных профессионально-деятельностных полей была выделена такая единица организации деятельности, как сфера, на основе которой могут описываться масштабные деятельностные системы, например, образование как сфера, военная служба как сфера, медицина как сфера и т.д. В устройстве каждой сферы профессиональной мыследеятельности оказываются соорганизованы и завязаны пять процессов — производство, воспроизводство, функционирование, развитие, управление. И все эти процессы имеют совершенно разные формы организации деятельности.
4. Мы можем выделять в структуре процессов деятельности различные морфологические образования (своеобразные «вещи» деятельности) — проблемы, схемы, знания, знаки, символы, значения, цели, понятия, категории, при помощи которых можно соорганизовывать мышление и действие.

Невероятно интересно сравнить использование деятельностных схем на разных этапах жизненного цикла схемы — от их введения до включения в работу общности с фильмами и видеопротоколами, которые осуществляют воздействие на сознание людей в различных группах и командах. Подобное сопоставление может оказаться весьма продуктивным, поскольку схемы, с одной стороны, фильмы и видеопротоколы — с другой, являются разными типами средств овнешнения и объективации процессов поведения и деятельности в ситуативном контексте при организации процессов развития. Используемая Ю. Энгештрёмом и его коллегами идея применения видеопротоколов в лаборатории, стимулирующей изменения (change laboratory), может рассматриваться в качестве весьма интересного примера, провоцирующего целую систему сопоставления функции этих протоколов при организации изменений с функцией графических знаковых элементов деятельностной семиотики, пока ещё не доведенной до уровня мультипликации.

С другой стороны, наш рефлексивный анализ и наблюдение за различными реакциями зрителей на фильм замечательного русского режиссёра и религиозного мыслителя Е.Л. Шифферса «Путь царей»

могут проиллюстрировать разницу между онтологической и организационной функцией схем. Основной замысел данного фильма состоял в том, чтобы воспроизвести и восстановить последние минуты жизни святых мучеников — членов царской семьи, которые были зверски убиты большевиками в Ипатьевском подвале в Екатеринбурге по прямому приказу Ленина. Автор фильма назвал данный жанр кинопродукции «несимулятивное кино», подчёркивая моделирующие функции киноматериалов. Моделирующая функция фильма «Путь царей» связана со стремлением его автора выявить и продемонстрировать муки и мытарства души мученика-свидетеля перед смертью и после смерти. Экстериоризация внутреннего плана сознания и неосознаваемый поток образных элементов оказались возможными только на основе использования особого символического языка, когда, например, внешнее пространство — вращающиеся комнаты Ипатьевского подвала — превращаются в четырехкамерное сердце, переходя во внутреннее пространство. Это трагическое событие — убийство личностей, являвшихся персонализированным выражением традиции русской государственности, которое связано с реальным разрывом жизни поколений в России, может выступать сегодня своеобразным средством разделения различных групп людей и различных слоев самоопределения на основе их самоопределения. Подобный эффект дифференциации может быть приписан онтологической схеме деятельностной структуры, которая в противоположность деятельностной схеме не просто сопровождает курс действия в ситуации, но выявляет, что может достичь лишь метафора, ценности и скрытые личностные и консциентальные (связанные с сознанием) структуры. Таким образом, в рамках деятельностной семиотики мы вслед за Г.П. Щедровицким считаем очень важно различать онтологические схемы и организационные схемы. Основная идея схем последнего типа состоит в организации действия в соответствии с принципами, изображёнными на данных схемах.

1.10. Исследование и проектирование в деятельностиых комплексах

Но каким образом можно взаимосоорганизовать и завязать друг с другом исследование, анализ, с одной стороны, и проектирование, преобразование — с другой, стремясь объяснить, что мы пытаемся делать с деятельностными системами. Деятельностный метаязык вводится в ситуации профессиональной работы в деятель-

ность участников для инициации рефлексии ситуации, достижения понимания, а затем для построения новых принципов организации совместной деятельности, которые используются самими участниками коллективной работы.

В нашей работе идея анализа деятельностных систем, как правило, оказывалась связанной с возможностью выйти за границы сложившегося понимания, имеющихся исследовательских знаний, а также привычных представлений об устройстве деятельности, распространенных между членами общности. Подобная процедура в методологии называется распредмечиванием — преобразованием организации дисциплины и преодолением границ предмета изучения. Таким образом, для нас деятельностный подход связан с возможностью вмешательства в потенциальные системы развития деятельности в практической ситуации для организации понимания сложного деятельностного комплекса и для выхода за границы представлений, сложившихся на основе существовавших схем и опробованного знания о данном типе деятельности. С этой точки зрения, мы рассматриваем деятельность как жизненную реальность в противоположность действительности знаний о деятельности.

Очень важно подчеркнуть, что для нас существует не всего одна потенциальная система деятельности, но много разных деятельностных систем. Идея А.Н. Леонтьева о том, что происхождение действия (и самой деятельности!) связано с ситуацией обмена деятельности, может оказаться весьма продуктивной в данном контексте. Генезис деятельности оказывается связан с взаимодействием различных деятельностных систем (иногда скрытых деятельностных систем), которые вытесняют друг друга из переплетающегося поля взаимодействий. В любом практическом контексте мы сталкиваемся с соревнованием, конкуренцией различных деятельностных систем и проблема состоит часто в том, чтобы выявить столкновение потенциально различных систем деятельности, а также пересечение их границ и нормативностей. Поэтому очень важно понятие границ деятельности, ее горизонтов. Мы можем делать подобную работу по выявлению сталкивающихся деятельностных систем, описанию их границ на основе деятельностной семиотики, зарисовывая позиционные деятельностные структуры и дифференцируя сами позиции.

Изложенные идеи мыследеятельностного подхода позволяют нам высказать ряд дискуссионных замечаний по поводу ряда важнейших положений построения теории общественного развития на основе теории деятельности. В складывающуюся технотронную эру

манипулирования общественным сознанием на основе средств массовой информации и овеществления единиц информации на основе отрыва их от диалогической формы обсуждения очень важно различать нарративы (О.И. Генисаретский предложил их называть на русский манер «сказами») — изолированную от полной системы мыследеятельности коммуникацию и включение коммуникации в процессы мышления, мыследействования. Приведение мыслекоммуникации в соприкосновение с мышлением, действием позволяет связать результаты понимания текстов и высказываний с рефлексивным сознанием результатов действия, проблематизации и тем самым освободить процессы понимания от различных форм внушения. Но, рассматривая включение коммуникации в мыследействование и в мышление, мы можем говорить о двух разных типах включений. С одной стороны, у нас может быть включение мыслекоммуникации в мышление или мыследействование, но с другой стороны, мышления в мыслекоммуникацию, мыследействования в мыслекоммуникацию.

И это как раз весьма важный вопрос, который мы могли бы адресовать Юргену Хабермасу[1]. С точки зрения системомыследеятельностного подхода не до конца понятно, какой тип перехода имеет в виду данный философ. Когда Юрген Хабермас обсуждает коммуникативное действие, исследует ли он мыслекоммуникацию в контексте мыследействования или, наоборот, процесс мыследействования в мыслекоммуникации, который, став компонентом рамочного процесса, оказывается подчинён реализации его целей. Мы бы хотели ещё раз подчеркнуть этот момент — работая теоретически со схемой мыследеятельности, у нас появляются две совершенно разные возможности: «выворачивания» мыслекоммуникации в слой мыследействования и, наоборот, выворачивания мыследействования в слой мыслекоммуникации, которые создают недифференцированный, теоретически неясный момент. Именно в подобном контексте мы должны специально анализировать категории и понятия, которые нами используются.

Таким образом, в теории Юргена Хабермаса, когда мы говорим о коммуникативном действии, мы имеем дело с действием или с коммуникацией? С действием в форме коммуникации или с коммуникацией в форме действия? С процессом действия, механизмом которого является коммуникация, или с коммуникативным процессом,

[1] **J. Habermas. Theorie des kommunikativen Handelns. Band 1, Band 2. Frank - fuhrt am Main, 1997/1998.**

механизмом которого является действие? И т.д. Само понятие «коммуникативный» означает форму действия или содержание, в то время как формой является действие. Но без подобных дифференциаций невозможно построить развитую теорию общественного развития.

В настоящий момент я очарован попытками В.П. Зинченко вернуть после коммунистического перерыва понятие души в психологию. Сама идея построить многофасетное представление о душе и притягательна и интересна. Разрабатывая понятие о душе, широкоизвестный российский психолог обращает внимание на весьма специфический «геном» души, единицу души, которая включает три взаимопереплетающихся компонента — слово, образ и действие. Мы понимаем очевидную важность этих трёх выбранных компонентов. Но с другой стороны, может быть мы немножко торопимся, анализируя специфическую морфологию души? Эти три выделенных компонента выступают как своеобразные вещи, а нам следовало бы начать анализ с мыследеятельностных процессов. Подобно тому, как мыследеятельностные процессы образуют онтологическую единицу всех возможных форм общественных деятельностей, мы должны выявить аналогичную трансфинитную единицу в структуре души. Редуцируя полную мыследеятельность исключительно до чистого мышления, в котором нет ни коммуникативных процессов, ни элементов действия, мы получаем созерцательное схватывание, «интеллектуальную интуицию», о чудесных свойствах которой подчёркивал И.Г. Фихте. Это как раз и есть созерцательная, идеирующая душа, которая связана с созерцательной жизнью, являющейся истинной задачей подлинных философов по Аристотелю.

Редуцируя полную мыследеятельность исключительно до процессов действия, в которых нет ни коммуникативных процессов, ни элементов мышления, мы получаем волевую произвольность в реализации и осуществлении действий, деяний, поступков, ключевым элементом которых является «Фиат», знаменитое Господне «Да будет!».

И, наконец, последнее по порядку, но не менее значимое: редуцируя полную мыследеятельность до коммуникативных процессов, в которых нет ни компонентов мышления, ни элементов действия, мы получаем способность схватывать новую интенциональность, направленность умственных образов и мыслеформ, которую Платон определил как основу диалектики — «диалог души с самой собой». Таким образом, собственно созерцательность, волятивность и отзывчивость — чувствительность к интенциональности процессов

сознания - формируют наиболее важные исконные функции души. Возможность связывать, интегрировать в одно живое органическое целое эти три функции или, наоборот, невозможность привести их в согласие определяют функционирование четвёртой исходной функции души — аффективности.

В этом контексте обсуждения процессов мыследеятельности и функций души важно вспомнить сторонника теоретических взглядов Сергея Леонидовича Рубинштейна Андрея Владимировича Брушлинского, который был убит в 2002 году в подъезде заброшенного дома. У Андрея Брушлинского было большое подозрение по поводу существования процессов интериоризации. Он совершенно справедливо считал, на наш взгляд, что для целого ряда процессов невозможно различить внешнее и внутреннее пространство. И понятие присвоения не может помочь нам в этом контексте. Генезис различных новых духовных функций, выработка нового голоса в общности не могут быть связаны с механизмом присвоения. В соответствии с основными идеями так называемой «Книги мёртвых», или Упанишад, сознание и протофункции души действуют таким образом, что творение мыслительного процесса является одновременно творением Вселенной.

1.11. Субъект деятельности (агент, носитель)

Очень важная проблема деятельностной релятивности (отсутствие одной единственной общей структуры деятельности для всех контекстов) связана с личностной идентичностью и антропологической подлинностью идентичности. Я согласен с уважаемым коллегой, профессором Берндом Фихтнером, что сегодня идентичность является пластилиновым словом, не имеющим содержания. Но в российском контексте проблема идентификации связана с возможностью обретения корней различных культурных и общественных традиций. Мы различаем конфессиональный, гражданский, культурный и политический индентификационные процессы. В ситуации искусственного конструирования «общности золотого миллиарда» различные группы людей отлучены от доминирующей нормативности. Сторонники теории деятельности, работающие на политических площадках, могут помочь представителям этих групп выявить их собственную нормативность деятельностных процессов в соответствии с ядерными элементами их культурной традиции. Именно в подобном контексте проблема идентификации очень важна и

оказывается связана с возможностью выражать содержание собственной культуры в форме универсальной нормативности.

Работа с этничностью, которую проводит Мариана Хедегаард, и подобная работа в России — понимание конфессиональности и её структур в ситуации поликонфессионального диалога его участников, организация коалиции между образованием, представителями системы здравоохранения и системы социальной защиты, демонстрируют весьма значимые перспективы деятельностного исследования.

Описание деятельности и различные деятельностные схемы не могут рассматриваться в качестве произвольных конструкций по отношению к антропологическим способностям самих исследователей теории деятельности и практиков, реализующих принципы деятельностного подхода. Эти деятельностные схемы не существуют подобно физическим фактам независимо от антропологии команды и членов общности, которые используют данные схемы. Именно специально культивируемые способности, компетенции, которые укоренены в традиции конкретной общности, являются своеобразной предпосылкой существования деятельностной семиотики в виде описаний деятельности и её употребления. Другими словами, для того чтобы действовать в соответствии с демонстрируемыми схемами, необходимо, чтобы существовала личность, которая умеет строить и реализовывать подобные схемы. Деятельностная структура в социальном практическом контексте связана с возможностью понимать и организовывать деятельность.

В условиях невероятной сложности и запутанности деятельностных комплексов имеет смысл вернуться к замечательным идеям выдающегося русского религиозного философа П.А. Флоренского — к идеям органопроекции человеческой антропологии на структуру средств и орудий. В практическом контексте, когда команда или группа должны схватить или понять процесс деятельности, сама структура процесса оказывается связана с возможностями сознания. Эта возможность сознания запечатлеть собственное место в деятельности и деятельностные полипроцессы является современной переформулировкой знаменитого принципа взаимосвязи макрокосма и микрокосма. Таким образом, в данном контексте необходимо обсуждать проекцию не физических органов, но структур сознания, например, воззрительность сознания на предмет работы. Подобная организация предмета работы оказывается чрезвычайно важной в контексте коммуникации и формирования виртуальных групп.

1.12, Мегапроекты в функции иллюстраций. Мегапроект 1: Сталелитейная компания. ОДИ в промышленном контексте

Для того чтобы проиллюстрировать некоторые из наших идей, мы хотели бы представить несколько наших исследовательских мегапроектов. Деятельностный исследовательский мегапроект представляет собой интеграцию средствами деятельностного подхода различных сфер анализа: экспериментальное среднее образование и образование взрослых, инновационную деятельность в сталелитейной индустрии, в социальной работе, научных институтах и потревоженных обществах, что сегодня очень важно делать в России. С другой стороны, очень интересно связать друг с другом инновационную работу, образование взрослых и повышение квалификации и исследования по теории деятельности. Чуть более детально мы сможем охарактеризовать лишь три наших мегапроекта.

Первый проект связан с работой с «Северсталью» — крупнейшей сталелитейной фирмой — в конвертерном производстве. Основная ситуация в российской промышленности состоит, с нашей точки зрения, в необходимости дифференциации двух различных подходов. Первый подход предполагает использовать так называемые преимущества российской экономики, которые являются, по сути, провалами и слабыми местами. Они, например, могут быть связаны с использованием низких цен на сырьё, например, на электроэнергию. Так, например, российские алюминиевые гиганты используют политику демпинговых цен на алюминиевые блоки (очень низкие по сравнению с мировыми ценами) и на основе подобных трюков они могут конкурировать с западными фирмами. Второй подход очерчивает основные возможности обеспечения конкурентоспособности с западными и отечественными фирмами. Для этих целей необходимо наращивать качество производства и, прежде всего, качество управления. Это означает, что должны быть организованы процессы технодинамики, социодинамики и институциональной динамики[1] для того, чтобы обеспечить переход от одних институциональных форм к другим, более развитым.

Наше включение в работу с одной из российских компаний было связано с организацией и проведением ОДИ для реструктурации и изменения деятельности ряда проектных групп Дирекцией по

[1] В России подобные идеи развивает доктор экономических наук, профессор М.Д. Дворцин.

стратегическому планированию (далее — ДСП). Один из проектов, который был организован и осуществлялся ДСП, был связан с внедрением в работу этой компании европейских стандартов Всеобщего качества управления (далее — ВКУ), в частности, в конвертерном производстве. Очень важная часть данной инновационной деятельности связана с организацией из рабочих команд качества в соответствии с идеями Деминга (США) и Шибы (Япония). Предполагается, что эти кружки качества могли бы стать активными субъектами предлагаемых изменений организации труда.

Но в оппозицию этим воображаемым перспективам управленческая бюрократия сдавливает и «гасит» все инициативы на основе требований бесконечного числа инструкций. С другой стороны, очень часто предложения команд качества не без основания критикуются за слишком примитивный и обыденный подход по введению весьма поверхностных изменений, которые оказываются оторваны от глубоких научных идей. В подобной ситуации мотивация агентов инноваций и развития очень быстро гаснет и испаряется, инновационные команды рассыпаются. У участников инновационного процесса исчезает энергия, и они переходят в пассивную позицию.

И последнее, но не менее значимое по важности — общее введение методов ВКУ в систему российских производств оказывается пустым и поверхностным, поскольку существует разрыв между отечественной формой организации российского производства и зарубежным стилем управления. Никому ещё в России не удалось внедрить стандарты ВКУ в организацию процессов промышленного производства. И даже хорошо известная и уважаемая фирма Мак-Кинзи отказалась выполнять эту работу — внедрять методы ВКУ в организацию российской промышленной системы, поскольку представители этой фирмы посчитали, что может пострадать престиж данной фирмы.

Под внешним покровом данной задачи внедрения методов ВКУ в организацию российской промышленности мы можем различить более сложную и трудную проблему — технологического и социокультурного трансфера. Это очень важная проблема для всех стран, продвинутых групп технологического и социокультурного развития, которые пытаются организовать импорт новых технологий или принять и освоить новые технологии и связанные с ними принципы и приёмы деятельности в специфическом социокультурном контексте. Мы считаем, что ВКУ является специально организованным управленческим стандартом для промышленности, сфор-

мированным в виде набора инструментов и инструкций, который должен быть перенесен и «пересажен» в новый жизненный контекст.

На основе теории деятельности и деятельностного подхода мы знаем, что технологии и средства в противоположность вещам — понятия функциональные и что они приобретают их специфическое назначение и смысл только на основе понимания ситуации и в ходе коммуникации с её участниками. Поэтому реализация стандартов ВКУ в структуре существующих рабочих процессов (work flow) предполагала организацию специально выращиваемой эволюции институциональных и организационных процессов, различных рабочих групп.

Наше предложение, обращенное к менеджерам «Северстали», которое было впоследствии принято ими, включало создание группы игротехников из членов ДСП. Это означало, что технология ОДИ, которая была изобретена Г.П. Щедровицким и затем переосмыслена на основе практических работ его учениками (Юрием Громыко, Сергеем Поповым, Петром Щедровицким — младшим), может быть очень важным инструментом для переноса и освоения различными инновационными группами корпорации «Северсталь». Существует даже специальное предложение организовать специальный центр игровых компетенций в структуре корпоративного университета «Северсталь» для использования технологии организации ОДИ в целях организации инновационных процессов.

ОДИ является одной из гуманитарных технологий, которую необходимо анализировать и рассматривать наряду с другими инновационными технологиями, например, такими, как технология построения лаборатории изменений, созданной Ю. Энгештрёмом. Основные характеристики технологии ОДИ состоят в следующем:

Специально создаваемая искусственная деятельностная среда. Создание подобной среды предполагает, что все процессы в ОДИ организуются при помощи деятельностного понятийного языка. Стратегическое видение и понимание ситуации, новые цели вырабатываются на основе деятельностных понятий и средств деятельности.

Представленность макроситуации в микроситуации. В ОДИ обязательно реализуется следующий принцип организации событий: все события, происходящие в ходе игры здесь и теперь, отражают макроситуацию — например, ситуацию поведения или рабочего стиля в корпорации или конвертерном производстве. Поэтому события, то, что произошло в ситуации, так называемые голые факты

могут быть поняты на основе рефлексии и просмотрены в разных направлениях, при правильно организованной рефлексии могут быть выявлены скрытые проблемы различных рабочих групп.

Специально организованные процедуры рефлексии событий каждого дня игры. Даже формально организованная рефлексия помогает нарастить осознанность рабочих процессов и социального контекста, основных противоречий, понятий и средств, которые используются при построении рабочих процессов.

Проблематизапия. На основе проблематизации выявляются и описываются тупики в рабочих процессах, противоречия и отсутствие знания. На основе подобного анализа создаются новые средства мыслительной работы и действия в ситуации.

Деятельностная семиотика. Основу деятельностной семиотики составляют результаты схематизации реальной ситуации работы, способов и принципов мышления и действия, форм самоорганизации.

Полифокусное управление. В ОДИ, помимо одного единственного руководителя игры, управленческий фокус может занимать любой участник ОДИ, если он на основе сначала рефлексии, а затем схематизации может выявить противоречия и разрывы организации рабочего процесса, а затем предложить перспективный способ совместной деятельности.

Работа с будущим в ситуации настоящего. Проектирование и протипирование возможностей. Проектирование и протипирование будущих институциональных форм работы в реальной конкретной ситуации здесь и теперь, то, что В.В. Давыдов называл методологией поисково-опробовающего действия, является спонтанным проявлением субъективной активности человека и связано с удачными находками в ходе специально организованного действия. Участники ОДИ могут вырабатывать реальные институциональные и организационные схемы будущего действия и могут реализовывать эти схемы прямо сейчас в конкретной ситуации для того, чтобы понять преимущества и недостатки новых способов работы.

ОДИ организовывается как вариант мозгового штурма (мозговой атаки) при помощи специальных процедур имитации и моделирования институционального и организационного контекста. В ходе ОДИ организуются сессии для всего коллектива участников, разрабатывается специальная последовательность тем этих общих заседаний (тематическая программа), а также групповых заседаний. Разрабатывается специальный оргпроект игровых групп, когда на-

звание каждой группы обозначает определённую позицию и оказывается соотнесено с её местом в организации и в структуре рабочего процесса.

Очень важная техника ОДИ связана с инициацией процессов самоопределения участников и постановкой целей. Сам процесс перехода от групповой работы к общей работе всего игрового коллектива, а также от темы к теме может создать условия для более глубокого понимания институционального контекста работы и позволить найти новые возможности действия. Сама последовательность тем должна отражать специально разработанную стратегию по созданию новых условий действия.

Можно было бы сказать, что технология ОДИ связана, прежде всего, с наращиванием возможностей действия на основе выработки нового видения институционального контекста и новых средств, которые связаны с конструированием специальной деятельностной семиотики — схем, используемых в качестве средств организации действия и мышления. Основным условием нахождения и обнаружения новых возможностей действия в институциональном контексте являются осознание и рефлексия основных противоречий организационной структуры и несвязанных видений различных участников рабочего процесса. Для выявления и предъявления подобных противоречий в ситуации коммуникации, а затем и перевода этих противоречий в предмет осознания и рефлексии участников групповой работы мы используем технологию проблематизации. Можно было бы даже сказать, что ядро гуманитарной технологии, стимулирующей изменения в ситуации действия, мышления и понимания, связано, прежде всего, с процедурами проблематизации.

Для передачи технологии ОДИ инновационным менеджерам ДСП «Северстали» мы организовали серию ОДИ. В этих играх инновационные менеджеры последовательно реализовывали разные позиции. В первой игре они были участниками — рядовым игроками. Во второй игре они вместе с коллективом игротехников организовывали рефлексию в группах, в третьей ОДИ они выполняли функцию соруководителей групп и исполняли задачи игротехников-стажёров, работая в группах вместе с опытными игротехниками. Поскольку те же самые люди, которые осваивали ОДИ как гуманитарные технологии, являлись одновременно ответственными за организацию инновационных процессов в конвертерном производстве, у них была специальная возможность сравнить видение ситуации, которая складывалась на игре и была связана с обсуждением инновационных

процессов в конвертерном производстве, и видение ситуации, которую они получили на основе коммуникации с рабочими из конвертерного производства.

Наша исследовательская группа (СП. Усольцев, Ф.М. Морозов, Ю.В. Крупнов, И.С. Павлов, Н.Г. Алексеев) специально интервьюировала членов кружков качества и менеджеров различного профиля, чтобы выявить основные трудности организованной работы по внедрению стандартов ВКУ.

Мы отнюдь не стремились выполнять задачи, которые знаменитая Мак-Кинзи отказалась выполнять. Мы поставили наши собственные цели — поддержать усилия инновационных менеджеров из ДСП. Наша главная цель по перепроектированию данного проекта была связана с идеей построения особой инновационной инфраструктуры на основе команд и кружков качества. Осуществление различных задач в данной инновационной инфраструктуре должно позволить инновационным агентам приобрести опыт организации изменений двух видов: сначала сконструировать схему проектируемых изменений, а затем реализовать данную схему. С точки зрения формируемой инновационной инфраструктуры, в конвертерном производстве каждый рабочий, участвующий в командах качества, представлен в конвертерном производстве в двух различных позициях: во-первых, как рабочий со специфической функцией в рутинных рабочих процессах и, во-вторых, рабочий в команде качества как инновационный агент *(см.* схему 10), который может рефлектировать структуру процессов функционирования, может проектировать схемы изменения и может изучить возможность реализовать предложенные им схемы.

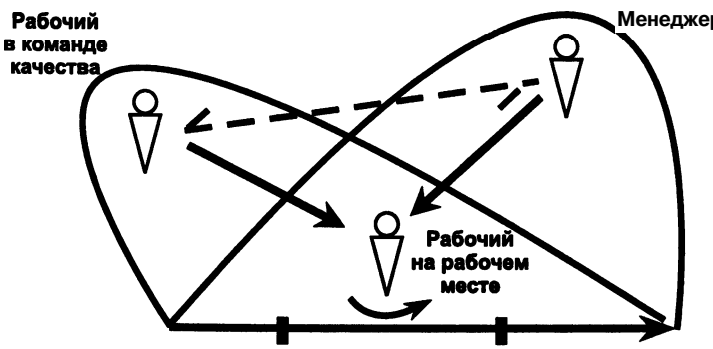

Схема 10. Две позиции рабочего в конвертерном производстве

Одна ОДИ была специально связана с организацией институционального пространства для исследования членами команд качества — рабочими различных возможностей позицианировать себя как агентов инновации. Менеджеры различных уровней и различных профилей позиционировали себя в ОДИ как экспертов, участвующих в дискуссии и критике схем изменений, которые были предложены рабочими — агентами инноваций. Но затем была организована специальная рефлексия для менеджеров с тем, чтобы выявить, как они могли бы использовать команды качества для планирования и реализации своих видений инноваций на различных уровнях.

В России любая идея, связанная с видением того, как развивать рабочие профессии на основе образования взрослых и, прежде всего, в сфере материального производства и промышленности, весьма значима. Конечно, очень важно организовать переход от функции рабочего как «винтика» в механизме военно-промышленного комплекса к позиции инновационного агента, который может исследовать, проектировать изменения и затем реализовывать схемы этих изменений. На сталелитейном производстве большинство рабочих имеют дипломы университетов и вузов, а некоторые из них имеют даже два диплома — технического вуза и Высшей экономической школы.

Очень важный вопрос состоит в том, что, собственно, исследователь делает в инновационном контексте, когда он является ответственным за организацию изменений, как исследователь выявляет и конструирует предмет исследования, что он, собственно, делает, когда проводит исследование? В контексте нашей работы предметом исследования выступают основные противоречия между различными позициями в инновационном процессе. Именно эти противоречия первоначально были выявлены участниками ОДИ, а затем стали предметом рефлексии и осознания при проектировании изменений. Таким образом, для нас интеграция исследования и коллективно осуществляемого проекта изменений выступает в качестве специально реализуемой стратегии.

Для каждой сессии ОДИ мы проводили специальное исследование по выделению основного противоречия в организации инновационного процесса. Так, для ОДИ, в которых участвовали команды качества, организованные из рабочих, было обнаружено, что основное противоречие в работе команд качества было связано с осознанием важности функций команд качества в инновационном процессе, с одной стороны, и отсутствием стабильного институционального места в организационной структуре корпорации — с другой (в данном случае — конвертерном производстве). Решение игрового кол-

лектива (менеджеров различных уровней, а также рабочих из конвертерного производства) состояло в том, чтобы сконструировать специальный институциональный элемент в инновационной инфраструктуре — так называемый «кипящий слой» для рабочих из команд качества (на схеме 11 выделено серым фоном) вокруг функционирующего производственного процесса в конвертерном производстве одновременно со специальной группой поддержки — управленческой группой экспертов, консультационной группой, обучающей группой для обучения членов команд качества осуществлять исследования.

В том случае, если подобный институциональный элемент — кипящий слой будет создан, рабочий — член команды качества может как бы удвоить своё существование. Он теперь может существовать на производстве в двух сферах: во-первых, он функционирует на своём обычном рабочем месте и, во-вторых, он может разрабатывать. И это второе его существование может быть даже более важным для его карьеры и профессионального развития, поскольку именно на его основе он может приобретать новое видение и новые возможности действовать и достигать определённый социальный статус.

Организация деятельностной инновационной инфраструктуры в другом проекте связана с реализацией методов статистического контроля за процессами для выявления параметров, которые влияют на качество продуктов. Контролирование этих параметров вводится в управление рабочим процессом на основе специальных контрольных карт, на которых обозначаются новые характеристики рабочего процесса. При помощи данных карт инициируется коммуникация по поводу этих параметров членами команд качества. Помимо технологии ОДИ мы использовали некоторые методы Энгештрёма, которые он обозначил как «лаборатория изменений». В лаборатории изменений мы снимали на камеру рутинные процедуры работы и затем демонстрировали видеоматериалы членам команд качества. Члены инновационных команд обсуждали данные видеоматериалы и сравнивали рутинную организацию рабочего процесса с проектируемой на основе рабочих карт. В данном контексте, конечно, огромную роль играет деятельностная семиотика, которую невозможно игнорировать. Очень важно различать различные функции видеоматериалов, контрольных карт и деятельностных схем для понимания структуры рабочего процесса и проектирования новой структуры. Для понимания того, как различные единицы деятельностной семиотики позволяют выявить и обнаружить реальное разнообразие формирующихся инновационных процессов.

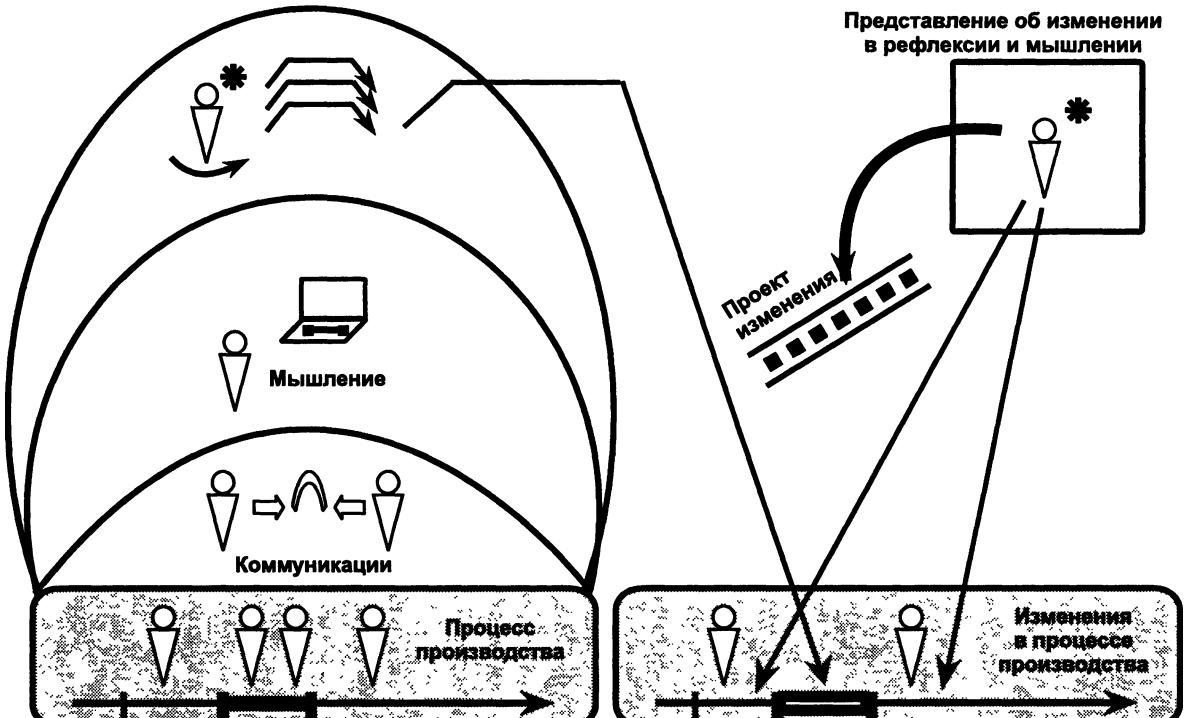

Схема 11. ОДИ в конвертерном производстве

1.13. Разнообразие как столкновение разных нормативностей

В данном контексте нами было выявлено, что стандарты ВКУ содержат свою собственную нормативность, и эта нормативность принципиально отличается от обычных норм организации производства на советском предприятии. Для того чтобы реализовать принципы ВКУ, группа менеджеров должна организовать эволюционные процессы пошаговых изменений и способов действия и видения для различных позиций на рабочих местах и вокруг них. Эти инновационные эволюционные изменения могут состоять в формировании собственной нормативности, которая отличается от нормативности ВКУ, с одной стороны, но также отличается и от диффузной, несвязной, но очень жёсткой нормативности советской промышленной системы, которую наследует постсоветское производство, с другой стороны.

Тем не менее, эти три нормативности, которые встроены в рабочий процесс, и оказываются связаны с различными группами людей, являются основой для специфического разнообразия, которое имеет большое значение при организации инновационных циклов. Мы даже можем сказать, что нормативность, доставшаяся по наследству от советской промышленной системы, до настоящего момента образует слой жизнедеятельностных процессов со специфическим скрытым («молчаливым») знанием, навыками и весьма специфическим видением. Данный тип нормативности представляет собой старую технократическую культуру и одновременно привитый элемент нового экономизма. В соответствии с принципами этого монетарного экономизма люди не могут планировать технологические и социальные инновации, если они не могут определить, в чём будет состоять возврат инвестиций. Стандарты ВКУ образуют деятельностный слой нормативности со специфическим формализмом целей и средств, который определяет основное направление изменений и продвижения. И, наконец, инновационные изменения представляют мыследеятельностную нормативность, когда способы мышления, преобразовательные действия и коммуникативные процессы связаны с организацией новых инновационных шагов. Основная функция коммуникации и мыслительного процесса в этом типе нормативности состоит в обозначении реальной структуры действия и рабочего процесса определения возможностей достижения намеченных изменений.

Поэтому очень важно определить функции и возможности исследования и оргпроектирования в изменяющейся среде. Эти функции

связаны с возможностями выявить институциональные, коммуникативные и когнитивные механизмы изменений, которые пронизывают рабочий процесс. После этого очень важно найти конкретные перспективы для каждого участника ситуации.

Конечно, мы можем прорисовать особенности коммуникации, мышления, мыследействия для каждой из выделенных реальностей — деятельностной, жизнедеятельностной, мыследеятельностной. Но для нас важно ещё раз подчеркнуть, что именно мыследеятельностные процессы следует рассматривать как такой тип реальности, в которой человек пытается проанализировать ситуацию, поставить цели и отрефлектировать основные характеристики используемых средств, а затем также получить обратную связь и диагностику уровня развития способностей, необходимых для организации инновационных сетей. Мы могли бы обобщить основные идеи этой части нашего доклада в следующей таблице:

Таблица 1

Различные типы нормативности и их реализация	**Нормативность постсоветской промышленной системы**	**Нормативность стандартов ВКУ**	**Нормативность инновационных процессов**
Субъекты, агенты, действия	Рабочие и менеджеры различных отделов	Инновационные менеджеры из ДСП	Участники организованного инновационного процесса
Типы деятельностного языка	Язык жизнедеятельности	Формальный деятельностный язык	Мыследеятельностный язык
Видение	Как функционировать?	Куда идти?	Как осуществлять изменения?
Знание	Скрытое, выявляемое этнографическими методами	Формальное предписывающее знание	Рефлексивное знание, связанное со средствами
Действие	Рутинное, ситуационное, связанное с функционированием	Формально аситуативное	Ситуативное развивающее

1.14. Мегапроект 2: Инновационная волна в столичном образовании

Второй мегапроект связан для нас с идеями В.В. Давыдова и с наследием В.В. Давыдова. За 10 последних лет под руководством Московского департамента образования была организована сфера

экспериментального образования. Активный субъект этой инновационной инициативы — Экспертный совет по экспериментальному образованию. Этот совет в различные периоды его деятельности объединял работу многих выдающихся московских и российских деятелей образования, таких как В.В. Давыдов, Н.Г. Алексеев, В.В. Рубцов, В.И. Слободчиков, Е.А. Ямбург, и многих других. Экспертный совет предложил дифференцировать в сфере экспериментального образования различные специально организованные зоны: экспериментальные площадки, инновационные сети и стабильные образовательные институты массового образования *(см.* схему 12).

Различные зоны экспериментального образования имеют различные функции. Так, основное назначение экспериментальных площадок состоит в создании новых образцов педагогической деятельности, нового содержания образования, новых образовательных программ, новых структур образовательных институтов, методов диагностики образовательных результатов. Основная цель инновационных сетей связана с распространением новых образцов содержания, учебной и обучающей деятельности, новых типов организации образовательного процесса. Очень важная функция стабильно функционирующих образовательных институтов состоит в повышении качества образовательного процесса.

В соответствии с идеями В.В. Давыдова мы (последователи В.В. Давыдова) имеем достаточно ясное видение, в чём состоят направления

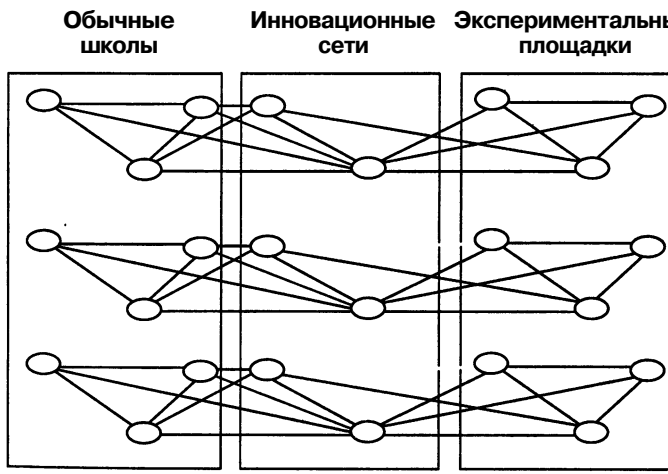

Схема 12. Различные специально организованные зоны в сфере экспериментального образования

развития образовательной практики в России. Прежде всего, по В.В. Давыдову, и это соответствует нашей позиции, определение принципов построения нового содержания образования и создание образцов такого содержания является главным направлением развития образовательной практики. Если мы говорим о содержании образования нового поколения (а не просто о некотором подновлении старого содержания образования), то речь должна идти о деятельностном содержании образования, о деятельностной дидактике и мыследеятельностной педагогике. В соответствии с основными идеями мыследеятельностной педагогики[1] учитель демонстрирует учащимся в определенной ситуации образец понятийного мышления, анализа ситуации и проектного замысла действия в ней, образец коммуникации и понимания позиций различных участников ситуации.

Сегодня в Россия у нас идут дискуссии о различии языка компетенций для выявления образовательных результатов и языка мыследеятельностных способностей, таких как воображение, различные типы мышления (исследовательское мышление, проектное мышление, рефлексивное мышление, управленческое мышление), различные типы действий (перспективно ориентированное действие, ситуативное действие), понимание, рефлексия. На наш взгляд, компетенции являются более прагматически ориентированными образованиями и подобно навыкам непосредственно связаны с возможностью специализированного действия в конкретной ситуации специфического типа на основе способностей, которые, по В.В. Давыдову, связаны с общим способом действия — человек может сформулировать много специальных частных задач и сформировать целые связки (гроздья) компетенций на базе одной фундаментальной способности. В соответствии с российской образовательной традицией содержание образования, основанное на развитии способностей, связано с более высоким уровнем формального образования. Образовательная стратегия перед революцией 1917 года была связана с элитарным образованием. Содержание образования, основанное на приобретении компетенций, является как раз идеей сторонников материального образования. В настоящий момент в России очень многие педагоги стремятся не дать снизить уровень образования для больших контингентов людей, поэтому вопрос о различии компетенций и способностей, это не просто академические тонкости.

[1] **Громыко Ю.В. Мыследеятельностная педагогика. — Минск, 2000.**

Наша группа создала экспериментальную площадку по разработке нового содержания образования, на которой мы создали несколько новых учебных предметов, так называемые метапредметы «Знак», «Знание», «Проблема», «Задача». Идея метапредмета была нами специально разработана для того, чтобы обучать детей мышлению и интеграции знаний из разных областей. Но это всего одна экспериментальная площадка, а всего в Москве более 100 экспериментальных площадок, на которых разрабатываются новые типы содержания образования, новые учебные программы в соответствии с разными принципами организации экспериментальной деятельности. Работа на этих площадках была организована в течение 10 лет в соответствии со специально созданными программами. Работа коллективов на экспериментальных площадках была проведена через множество ступеней экспертизы и переформулирования программ, изменения направления экспериментальной работы. Были разработаны специальные процедуры диагностики и аудита для выявления достигнутых образовательных результатов.

Некоторым из экспериментальных площадок было предложено создавать инновационные сети для переноса образовательных технологий в другие школы на основе мастерских и педагогических форумов осознания. Ядро инновационных сетей сформировано экспериментальными площадками и группами педагогов, заинтересованными в овладении и освоении новых образцов педагогической мыследеятельности, новых программ, нового содержания образования, новых учебников и учебных пособий, новых методов преподавания, которые предлагаются командами экспериментальных площадок. Инновационные сети обеспечивают взаимодействие и коммуникацию между учителями экспериментальных площадок и обычных школ и разрабатывают специальные конкурсы учащихся для выявления уровней развития различных способностей (понимания, рефлексивного мышления) и освоения знаний, которые достигаются на основе экспериментальных программ. Одна и та же школа может быть институциональным элементом нескольких инновационных сетей для обновления и повышения уровня педагогической мыследеятельности.

Помимо экспериментальных площадок и инновационных сетей, выделена группа школ, которые участвуют в институциональной модернизации массовой школы. Нам было предложено провести ОДИ для разработки направлений институциональной модернизации массовой школы в системе столичного образования. В результате данной работы был предложен в качестве средства модернизации

специальный технологический пакет, который должен включать набор технологий, необходимый для осуществления выбранного направления модернизации образования. Нами были выделены наиболее важные направления модернизации:

- разработка индивидуальных учебных планов для каждого учащегося в соответствии с его интересами.
- организация на основе обычной массовой постсоветской школы профилированных школ, разрабатывающих содержание определённого профиля часто вместе с высшим учебным заведением.
- построение так называемых школ здоровья.
- преобразование образовательного пространства на основе информационных технологий.
- введение в содержание образования элементов исследовательской и проектной деятельности.

Мы могли бы назвать эту часть целостного пространства преобразований формальной нормативностью процесса модернизации. Эта формальная нормативность модернизации может быть выражена в административном бюрократическом языке, но может быть представлена и в деятельностном языке. Таким образом, мы приходим к тому же моменту, сходному с нашей работой в корпорации «Северсталь». С позиции обычной массовой школы мы должны различать три типа разных нормативностей: жизнедеятельностную нормативность функционирования педагогического коллектива школы, формальную нормативность направлений модернизации российской школы и, наконец, мыследеятельностную нормативность экспериментальных площадок и инновационных сетей, которые владеют технологией организации эволюционного развития обучающей и учебной деятельности в соответствии с принципами нового содержания и новых методов образования. Без подобных взаимодействий между экспериментальными площадками и инновационными сетями обычная массовая школа, даже будучи оснащённой технологическим пакетом, может инициировать только формальные организационные изменения. Поэтому мы должны завязывать «узелком» (используя термин Ю. Энгештрёма) вокруг конкретной школьной команды — субъекта инновационного развития в единую общность:

1. Сеть школ, работающих в рамках данного направления институциональной модернизации массовой школы.
2. Экспериментальные площадки, выявляющие и представляющие новые образцы педагогической практики — новые способы обучения и учебной деятельности.

3. Инновационные сети, обладающие технологией трансляции и нового содержания образования, образцов обучающей и учебной мыследеятельности от экспериментальной площадки к школе — реципиенту.

Взаимосвязь или «завязывание в узел» школьных команд, заинтересованных в институциональной модернизации массовой школы с этими тремя различными инновационными локусами, создает инновационную волну или масштабный инновационный сдвиг в столичном образовании. Средством «завязывания узелков» является технология ОДИ, на основе которой школьные команды в коммуникации и взаимодействии с другими участниками могут проимитировать шаги развития обучающей деятельности.

Но как можно сопоставлять и сравнивать различные формы образовательной практики в подобном невероятно сложном контексте инновационной деятельности? Мы разработали специальное представление об условиях организации экспериментальной площадки для развития нового содержания образования и новых образцов обучающей и учебной деятельности в соответствии с различными теоретическими подходами. Для того чтобы организовывать экспериментальное развитие образовательной практики, необходимо проделывать специальную работу в трёх кластерах позиций — дидактическом, методологическом и антропологическом.

Работая в позициях первого кластера, участники экспериментальной команды должны понимать, как конструировать новые типы содержания образования. Занимая позиции методологического кластера, они должны освоить идеи, связанные с представлениями о том, как можно изобретать и конструировать новые методы и технологии преподавания для реализации образцов нового содержания образования. Занимая позиции антропологического кластера, они должны вырабатывать специальные средства диагностики развития способностей, которые достигаются учащимися в результате обучения на основе специально разработанных образовательных программ и сконструированных учебных материалов.

Таким образом, если школьная команда педагогов хочет использовать образцы нового содержания образования, они должны учить членов своей команды понимать дидактические принципы, проводить анализ методологических средств своей работы, выбирать и разрабатывать средства для диагностики развития способностей у учащихся. Но данную работу, связанную с деятельностью дидактических, методических и антропологических позиций, можно осуществлять многими разными способами. Например, в дидактическом

кластере позиций можно осуществлять инструкционный дизайн, не дифференцируя и не специфицируя более конкретно типы проектных процедур, обеспечивающих создание нового типа содержания образования.

Но когда у нас есть разные коллективы экспериментальных площадок, которые разными способами осуществляют инструкционный дизайн, и есть коллективы реципиенты, осваивающие образцы деятельности, выращенные на экспериментальных площадках, которые хотят разобраться в разных типах инструкционного дизайна, мы должны дифференцировать саму позицию инструкционного дизайнера. И она при этом из точки сама превращается в кластер. Позиция инструкционного дизайнера раскладывается на целый кластер позиций, включающих дидактического эпистемолога, который конструирует различные знаньевые системы для использования в образовании; дидактического семиотика, который подготавливает специальные схемы, знаки и символы; дидактического герменевта, который разрабатывает специальные средства развития понимания. С точки зрения позиций методического кластера, очень важным шагом развития практики обучения является переход от формальной инструктивной деятельности, когда учитель произносит заготовленные тексты и задаёт задания к организации учебной и обучающей ситуации, к тому, когда команда учащихся и учителей имеет разные позиции при организации совместной учебной деятельности. Эта позиция может быть названа «организатор ситуации учения/ обучения». Но сама эта позиция образует кластер позиций и может быть разложена на целую семью подобных позиций.

Например, очень важной является позиция разработчика сценариев учебной/обучающей ситуации, а также позиция конструктора средств педагогической деятельности, которая обеспечивает на основе рефлексии выявление средств, которые использовал учитель в данной ситуации.

В антропологическом кластере позиций очень важно осуществить переход от использования формальных тестов к разработке средств, обеспечивающих выявление развития способностей. Но сама эта позиция точно так же может быть развёрнута в целый кластер позиций. Мы можем иметь позиции диагноста лонгитюдов, экспресс-диагноста, но у нас точно так же может быть позиция по проектированию сдвига развития для отдельного человека или целой группы. В этом случае мы движемся не от позиции инструкционного дизайна через позицию конструктора средств педагогической деятельности к позиции диагноста, выявляющего результаты, достигнутые на

основе новых учебных материалов, но в обратном направлении — от проектирования зоны ближайшего развития к специальной дидактике и методологическим средствам обеспечения данной задачи. В подобной ситуации мы имеем дело с взаимодействием различных инновационных культур, которые представлены деятельностными ансамблями и должны сравнивать результаты своей работы. Развитие же деятельностной системы может быть представлено как многопозиционная матрица с дифференцирующимися клетками *(см.* схему 13).

В ситуации, когда команда школы в процессе инновации контактирует с различными экспериментальными площадками и инновационными сетями, она сталкивается с различными конкурирующими нормативностями, а также с различными вариантами синтагматической реализации одной и той же нормативности. Так, например, если бы мы стали сопоставлять учебную программу для школы развивающего образования академика В.В. Давыдова и деятельность реальных конкретных школ, работающих на основе данных программ, мы бы увидели, что школа — реципиент в инновационном процессе — стремится построить свои собственные варианты реализации данной программы (хотя педагогическому коллективу это не всегда удаётся). Даже и сами учащиеся должны дифференцировать на основе рефлексии средства описания процесса мышления, а не пользоваться неким единым шаблоном.

Василий Давыдов на основе разработки представлений о понятии как способе деятельности и через введение своей идеи о строении мыслительного акта создал своё собственное нормативное описание организации процесса мышления, которое реализуется в определённый возрастной период и связано с вполне определённым предметным материалом (например, на материале специально разработанных курсов по математике и русскому языку, а позднее на материале предметов эстетического цикла). Но эта парадигматическая норма организации процессов мышления имеет различные синтагматические варианты реализации в различные возрастные периоды и в различных ситуативных контекстах. В контексте инновационной деятельности эта парадигматическая норма может быть противопоставлена различным вариантам её реализации, обнаруживая социокультурное разнообразие. Но в то же самое время основная проблема состоит в том, как соотносить это нормативное представление о мышлении с другими представлениями о других типах мышления — рефлексивном мышлении, проектном мышлении,

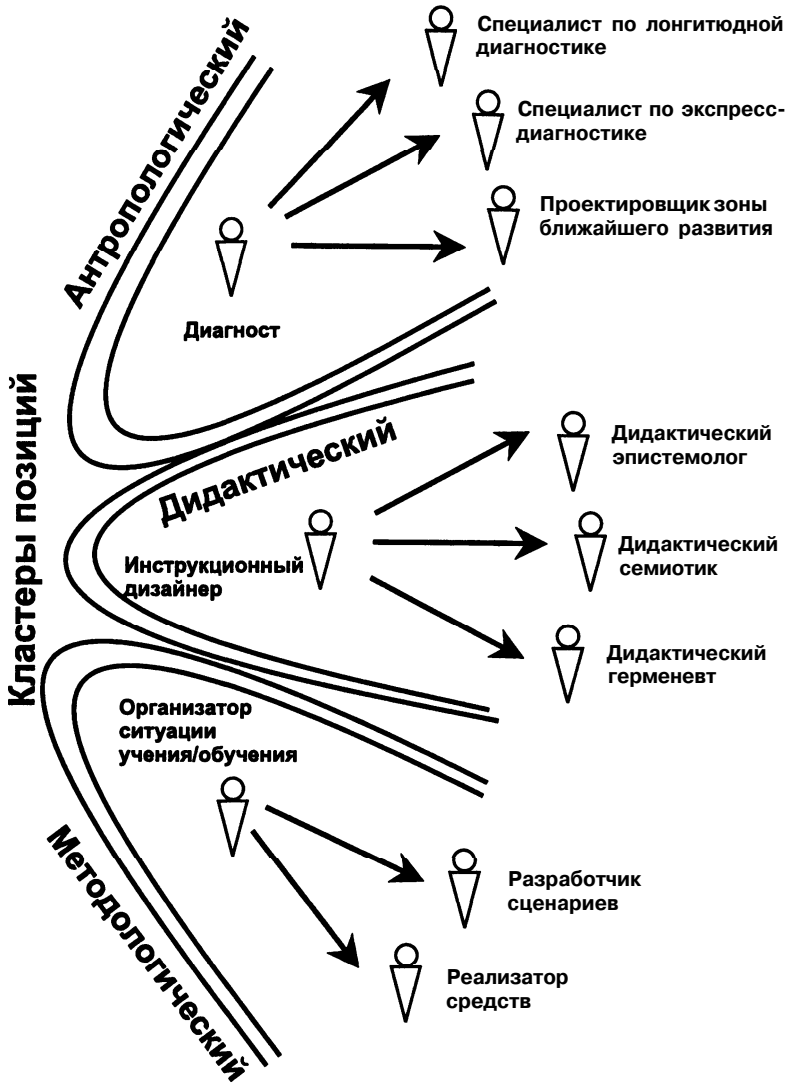

Схема 13. Развитие деятельностной системы как многопозиционной матрицы с дифференцирующимися клетками

конструирующем мышлении, критическом мышлении, проблематизирующем мышлении, а также мышлении в ситуации диалога и действия, в других типах деятельности — в проектировании, исследовании, управлении, разведке и т.д.

В подобной ситуации эта ориентация в разнообразии и различных типах нормативности, прежде всего, связана с культивированием многомерного, а не плоского сознания, которое способно дифференцировать и различать:

- различные инновационные культуры;
- различные ценности и аксиологию;
- различные принципы мышления, коммуникации и организации действия;
- нормативное описание и синтагматические варианты реализации, которые связаны прежде всего с индивидуальными характеристиками организации данного процесса.

1.15. Мегапроект 3: Идентичность, присвоение. Восстановление образования в потревоженных обществах

Памяти Андрея Брушлинского…

Очень важные возможности деятельностного подхода, имеющие отношение к работе с различными нормативностями и реальным разнообразием, связаны с инициацией процесса самоопределения (идентификации) субъекта действия в проблемной ситуации. Эта возможность определения себя является не раз и навсегда данной и готовой идентичностью, которая может использоваться автоматически. Она связана с проблемой генезиса способности самоопределения[1]. Из подобного утверждения не следует, что самоопределение и идентификацию следует рассматривать как исключительно социальный конструкт. Безусловно, идентификация проявляется в социальных ситуациях, но она не является произвольно конструируемым элементом. В ситуациях самоопределения человек намечает возможный способ действия, который он затем сравнивает с возможными образцами действия в подобных ситуациях, принимая решение о своём собственном пути.

В постсоветский период в России мы постоянно сталкиваемся с растревоженными обществами, выведенными за рамки нормальных условий воспроизводства и существования (Чеченская Республика, брошенные территории севера России, территории экономического

[1] ***См.:*** **Глазунова О.И. Психологические условия и механизмы развития способности самоопределения у старшеклассников/Автореф. дисс. на соискание учёной степени канд. психологических наук. — М., 2002.**

кризиса, иммигранты из бывших советских республик, русская диаспора в новых постсоветских государствах). Как раз в подобных обществах очень важно реконструировать процесс идентификации для участников ситуации. Вторым парным процессом, который важно иметь в виду для анализа и оценки процесса идентификации, является процесс аутентизации — определения подлинности и, наоборот, искусственной произвольной сконструированности идентичности. Мы можем в ситуации генезиса процесса самоопределения иметь дело с конструированной идентичностью, которая выступает в качестве социального протеза, костыля, но оценивается человеком как не аутентичная, не подлинная. Условие генезиса идентичности выявляется на основе демонстрации абсолютных ценностей и на основе использования этих ценностей в качестве основы для собственного действия.

Наиболее уязвлённым, кровоточащим обществом в Российской Федерации являются общины жителей в Чеченской Республике. Под эгидой и при поддержке ЮНЕСКО мы (в качестве главного редактора оценочного доклада) участвовали вместе с деятелями образования из Чечни в подготовке оценочного доклада, анализирующего условия восстановления образования в Чеченской Республике[1].

Система образования в Чеченской Республике является очень сложным предметом, потому что в реальной ситуации мы имеем дело:

- с результатами жестокости предыдущих конфликтов в Чечне, реальной болью и унижением взрослых и детей;
- с разрушенными связями образования с повседневной жизнью людей, с профессиональной работой;
- с образовательной системой в Чеченской Республике как таковой в качестве объекта нашего анализа со всеми разрушениями материальных объектов и с процессом восстановления материальной инфраструктуры;
- с необходимостью реабилитации людей, которым нужна помощь и поддержка, с мужеством чеченских деятелей образования и их реальными подвигами.

В подобной ситуации важно не только собирать информацию, но понимать, как люди могут собирать информацию, что эта информация реально означает и каким образом можно интерпретировать информацию вместе с деятелями образования Чеченской

[1] **Assessment report. Education in the Chechen Republic: conditions, problems, perspectives of restoration and development. — Moscow — Grozny, 2002.**

Республики.Точно так же было необходимо понять рамки нашей совместной работы и, с этой точки зрения, для нас было очень важно определить и понять миссию образования в постконфликтной ситуации в Чечне. Мы исходили из предположения, что в сложившейся ситуации образовательная система может быть ключевым фактором восстановления гуманитарного измерения процессов жизни в республике, и именно образование может стать мобилизатором и организатором процессов восстановления жизни в республике.

Основная проблема подготовки оценочного доклада состояла в следующем: смогут ли «образователи» Чеченской Республики самостоятельно собрать информацию о детях Чечни, включенных в учебный процесс, о состоянии материальной инфраструктуры, смогут ли они доказать достоверность данной информации в соответствии с разными критериями. Именно эта возможность может продемонстрировать, что деятели образования и образовательная система могут быть субъектом, особой позицией, связанной не только с выполнением своих собственных целей, но и восстановлением процессов нормальной жизнедеятельности в республике.

Очень важным аспектом является безопасность в Чечне, о чём говорили все деятели образования в наших разговорах о проблемах восстановления образования в республике. Образовательная система, Министерство образования Чеченской Республики при содействии Российского Министерства образования могут стать штабом восстановления процессов жизни в Чечне, включая проблемы обеспечения здоровья, восстановления исследовательской работы со студентами и даже организацию промышленных производств в рамках образовательной системы.

Важно продолжить эту работу и провести анализ качества процессов образования в республике, чтобы увидеть реальные потери и результаты. Очень важным вопросом является мотивация к учёбе. Мы смогли увидеть, хотя мы и не проводили специального исследования, очень высокий уровень мотивации к учёбе у чеченских детей. Они хотят учиться, иногда в большей степени, чем их ровесники-москвичи. Например, в Чечне дети не прогуливают занятия, они иногда вынуждены отсутствовать по внешним причинам. Но необходимы специальные исследования отношения населения к образованию, прежде всего детей и учителей.

Очень важная проблема — квалификация учителей, поскольку переподготовка учителей была остановлена во время конфликта в республике. Поэтому сейчас задача состоит в том, чтобы связать

переподготовку работников образования с новыми образовательными результатами, накопленными в РФ за эти годы.

Основная идея нашей работы состояла в том, что только когда деятели образования могут предложить меры, на основе которых они могли бы сами быть активными субъектами по восстановлению образования и условий жизни в Чечне в этой драматической ситуации геноцида и жестокости, они могли бы восстановить свою идентичность и способность действовать. Позиция действия в ситуации Чеченской Республики для деятелей образования связана с устремлениями не только восстановить материально и технически разрушенную систему образования, но предложить план развития образовательных процессов, рассматриваемых как своеобразный фундамент для перехода от военной операции к миру.

В оценочном докладе было также очень важно продемонстрировать, что деятели образования Чеченской Республики могут контролировать ситуацию, материальные ресурсы и детей, посещающих учебные заведения. На основе демонстрации этих возможностей в дальнейшем вполне вероятно сделать следующий шаг, представляя образовательную систему Чечни как главного субъекта по восстановлению экономики республики, когда все основные материальные и финансовые ресурсы могут двигаться в Чеченскую Республику через сферу образования — в этом случае образование должно стать главнейшей ресурсопроводящей сферой на основании кадровых и образовательных программ. Как раз наделение властью и возможностями действовать с профессиональной позиции представителей образования может в острой ситуации быть первым шагом организации процесса самоопределения. Таким образом, возможность действовать в ситуации может быть условием восстановления прежде всего гражданской идентичности.

Точно так же в ситуации организации инновационных процессов мы можем различать идентичность изменений и идентичность сохранения. Иногда эта социокультурная идентичность, обнаруживаемая в контексте инновационных процессов, более важна для взаимоопределения людей, чем этническая идентичность. У нас была прямая возможность осознания этого факта на основе работы и консультирования, проведения ОДИ и тренингов для лидеров русской диаспоры в новых независимых государствах, а также в результате работы с общностями малочисленных народов России. Идентичность сохранения, консервации часто связана с ностальгией и желанием просто вернуть прошлую жизнь, что невозможно в данном конкретном контексте. Восстановление этнической идентичности

как осмысленной основы действия очень часто возможно только, если человек находит способность восстановить традиции и традиционный способ жизни в новых условиях. Среди процессов самоопределения, которые осуществляются в контексте планирования и анализа изменений, мы можем различить идентификацию, которая направлена на интеграцию изменений и традиции, воспроизводство традиции в новых рамках изменений, то есть так называемую идентичность неотрадиционализма.

1.16. Организация процессов самоопределения в среднем образовании

Инициация процесса самоопределения, создания условий для его генезиса в противоположность идентичности как готовой вещи имеет огромное значение для образования нового поколения граждан России. Так, например, если преподавать историю русской революции в рамках школьного курса отечественной истории (что на самом деле произошло в России в 1917 году?), очень важно создать специальные условия для работы с самоопределением. Подобное многолетнее исследование, направленное на изучение генезиса процессов самоопределения на материале специально разработанной программы в рамках метапредмета «Проблема», было проведено О.И. Глазуновой[1].

Так, в истории русской революции мы имеем три совершенно разных позиции с их собственным отношением к событию и собственным пониманием события. Это либералы, монархисты и социал-демократы (большевики). Эти три позиции опираются на совершенно разную историософию (философию истории) в трактовке этого события и вводят совершенно разные названия одного и того же события. Либералы называют это событие переворотом, монархисты связывают это событие с заговором, а большевики с революцией. Для того чтобы инициировать процесс самоопределения по отношению к столь сложному предмету, необходимо было сконструировать специальную проблемную ситуацию в рамках метапредмета проблемы, когда учащиеся должны были прочесть оригинальные тексты социальных мыслителей и очевидцев этих событий, а не только пересказ чужих точек зрения авторами учебника. Затем они должны были выработать понимание точки зрения каждой из пози-

[1] *См.:* **Глазунова О.И. Указ. соч.**

ций участников процесса русской революции, а затем предложить свою собственную позицию к данному событию. Данная работа была организована О.И. Глазуновой, командой учащихся и командой учителей таким образом, что было необходимо коммуницировать друг с другом и оценивать различные отношения и понимания данного события, предлагавшиеся участниками образовательной ситуации.

В этой невероятно сложной ситуации выработка собственной позиции для учащегося предполагает, прежде всего, выявление собственного голоса в ситуации по поводу данного события в ансамбле голосов различных участников. Обретение и обнаружение собственного голоса не может быть сведено просто к освоению готового образца поведения или действия, внешнего влияния на основе внутренних условий. Внешнее — внутреннее / освоение — приобретение предполагает существование чего-либо в ситуации: что может быть транформировано, но предполагается, что это в той или иной форме уже существовало. Но в ситуации потревоженных обществ, потревоженных общностей и несформированной идентичности сначала необходимо создать голос — сознание должно быть открыто для новых возможностей.

Здесь нет ничего, что можно было бы осваивать или имитировать. Первоначально необходимо выявить собственный голос. В подобной ситуации эта возможность обретения собственного голоса—собственного понимания очень сходна с диалогом души с самой собой — так Сократ называл диалектику. Сознание существует в подобной ситуации с самого начала в контексте коллективности, где предполагается, что участник ситуации может быть понят и услышан. Но он должен вытерпеть и выдержать испытание ничего не имитировать и не повторять. Необходимо первоначально породить собственный голос. Мне кажется, что именно с этой позиции Андрей Брушлинский яростно протестовал против формальности интериоризации.

1.17. Некоторые выводы

1. Прежде всего, мы рассматриваем разнообразие с позиций деятельностного подхода как противоречие между относительностью деятельностных принципов и их универсальностью.
2. Работа с разнообразием предполагает работу с нормативностями.
3. В ситуации работы с различными нормативностями мы должны дифференцировать специфические структуры деятельностного

подхода: жизнедеятельность, которая предполагает этнографический анализ контекстов жизни, работы, игры и повседневного поведения; формальность деятельностного подхода, обеспечивающего возможность анализировать цели, средства и институциональные структуры, и инновационного мыследеятельностного подхода для рассмотрения деятельности как предмета и изменения её в практических ситуациях.

4. Для нас очень важно развивать деятельностную семиотику для изображения деятельностных структур и для наделения возможностями действия участников ситуации.
5. Реальный вызов деятельностному подходу состоит в умении работать с процессами самоопределения в противоречивых социальных контекстах.
6. Мы находимся на пороге организации специальной энциклопедии для специальных сопоставительных изучений различных деятельностных систем в разных странах.

Я хочу выразить признательность Берту ван Ёрсу — президенту пятого конгресса Международного общества исследования теории деятельности и культуры за его добрую поддержку и организацию моего визита в Амстердам, Мариане Хедегаард — блестящему учёному, президенту предыдущего конгресса в Архусе, а также прекрасному учёному — её мужу Сету Чаклину за их помощь.

1.18. Что такое мышление: теория мышления, её предмет

Выдающийся российский методолог, философ, создавший несколько теорий в гуманитарных науках, Георгий Петрович Щедровицкий, для того, чтобы показать важность для человека мышления и рефлексии, всегда приводил пример с бароном Мюнхгаузеном, вытаскивающим себя вместе с конём из болота за волосы. Мышлением необходимо заниматься потому, что на основе этого духовного процесса человек может спастись — банально бытовым образом, попав в определённую передрягу, и духовно религиозно. Человек может осознать, куда он попал, и осуществить правильные действия по разрешению данной ситуации. (Человек, выбираясь из возникшей ситуации, может поставить запредельные вопросы религиозного спасения и бессмертия.)

Поэтому приобретение учителя, который может продемонстрировать формы практикования мышления, — это всегда счастливое

событие для любого ученика, которому удалось найти учителя, духовного наставника, лидера. Счастье встречи с мышлением как реальной духовной практикой, энергийными токами, движущимися сквозь историю, огромно. Если ты будешь служить мышлению, превратишь себя в его инструмент, оно переплавит, переделает тебя. Здесь момент забвения себя, отказа от самости действует с невероятной силой, как в никакой другой области. И он прямо противоположен преодолению стадности и связан с заявлением своей позиции, своих ценностей, своего отличия от других в общественно-политическом пространстве. Пройдя через смирение и став инструментом мышления, ты обретёшь многое — если, конечно, это удастся — ты сможешь стать мыслесообразен, светозарен и прозрачен. Введение в традицию мышления равнозначно идее спасения. Поэтому память о своих духовных учителях — это важнейший акт вечного поклонения и верности тому духовному делу, которому служишь.

Как никто другой идею духовного наставничества и «выращивания» людей, способных мыслить, реализовывал другой выдающийся методолог, мыслитель Н.Г. Алексеев, которому и посвящена наша конференция. Наша конференция не носит мемориального характера, который очень не любил Никита Глебович, считая, что лучшая память о мыслителе — это попытка его последователей сделать некоторые самостоятельные шаги на границе того, что известно, и того, что неизвестно, что они могут и чего сделать они ещё не смеют. И нас, собственно, интересует возможность тоже попробовать продвинуться в определённом направлении, наметив проблемы, разработка которых необходима для построения современных теорий мышления, и зафиксировав те зоны трудностей и сложностей, где предстоит достаточно большая и серьёзная работа.

Я не собираюсь в своём докладе обсуждать состояние теорий мышления, описывающих процессы решения проблем и задач. Кстати, в этой области достаточно многое удалось сделать Н.Г Алексееву совместно со своими учениками — В.К. Зарецким, И.Н. Семёновым и другими сотрудниками. Г.П. Щедровицким точно так же в своё время была сформирована замечательная программа «Решение проблем и задач в условиях неполной информации и коллективного мыследействования», в рамках которой удалось сделать несколько важнейших шагов, связанных с описанием нормативной структуры процесса проблематизации, различением задачной, знаньевой и проблемной формы организации мыследеятельности и т.д. Мне кажется, что сегодня значительно более важно обсудить онтологию мышления, сущностно-реализационное строение процессов

и актов мышления и заново попытаться ответить на вопрос, что такое мышление и какая теория мышления нам нужна для оформления и культивирования новых-традиционных, «старых» феноменов мышления.

Вопрос о том, что такое мышление, для нас неразрывно связан с вопросом, кто мыслит, кто способен регулярно или, наоборот, разово и катастрофично реализовывать акты мышления — прозрения. Мышление, в отличие от «думанья», является коллективно-соборным феноменом, и его субъектом является общность. Поэтому продолжение определённой традиции мышления и возможность додумать целый ряд вопросов, который был поставлен предшественниками, формирование собора живых мыслящих голосов в традиции являются очень важным моментом воспроизводства способности мышления. Именно вопрос о месте и условиях, при которых проявляется мышление, тесно связан с вопросом о том, что такое мышление. Мы прекрасно понимаем всю грандиозность данного вопроса и не собираемся, отвечая на него заново, перечислять все имеющиеся разнообразные определения того, что такое мышление. Эти определения даны на основе разных теоретических подходов и, по сути, почти что бесполезны. С этой точки зрения, пытаясь ответить на вопрос, что такое мышление, мы хотим лишь наметить те проблемы, в рамках которых анализ проблем устройства мышления может нас продвинуть к введению представлений о несколько новом взгляде на мышление.

Можно утверждать, что под воздействием очень многих постмодернистских работ, часто очень интересных и неожиданных, стало считаться, что проблема мышления должна быть заменена и замещена проблемой мыслекоммуникации и живых мы<!лекоммуникативных взаимодействий. Понимающая социология и психология, герменевтики разных типов и видов, учения о коммуникативных актах как бы подталкивают к необходимости в центр духовных проблем поставить именно коммуникативные взаимодействия людей в ситуации, их сообщительность. Интересно, как человек слушает, как он говорит. Но на это только кажущееся радикальным утверждение «не мышление, а мыслекоммуникация», нам представляется, есть очень интересный и правильный ответ, который был дан Г.П. Щедровицким на основе введения схемы мыследеятельности. Поскольку в соответствии с идеями системомыследеятельностного подхода необходимо различать и устанавливать взаимосвязи между мышлением, мыслекоммуникацией и мыследействованием *(см,* схему 14).

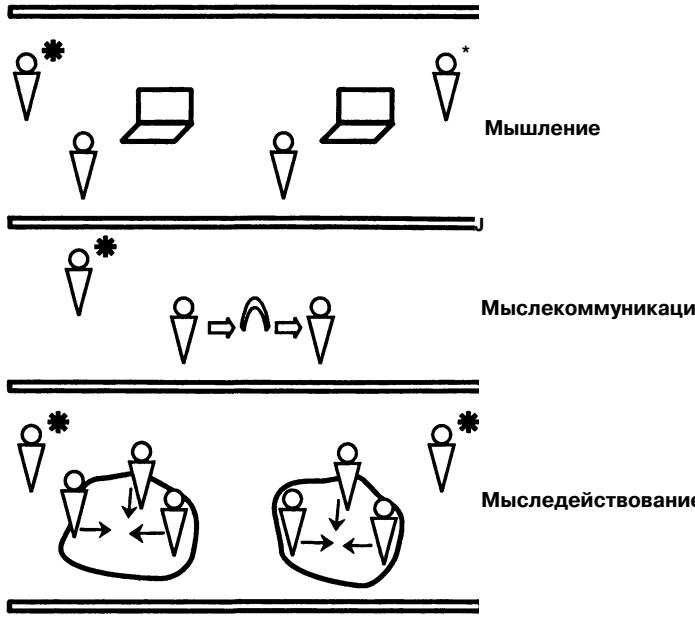

Схема 14. Схема мыследеятельности

Но конкретизация данной схемы, собственно, и позволяет заново поставить проблематику мышления, не отбрасывая проблемы мыслекоммуникации. Для того чтобы описывать и анализировать мышление, для того чтобы его осуществлять, необходимо выделять мышление внутри процессов мыследеятельности. Поскольку мышление пронизывает и процессы мыслекоммуникации, и процессы мыследействования, а с другой стороны, процессы мыслекоммуникации и процессы мыследействия в виде ряда своих образований входят в само внутреннее устройство процессов мышления, то анализ мышления сегодня — это выделение границ между процессами мышления и другими процессами, таким образом — это прежде всего проблема делимитации мышления по отношению к другим процессам, сходным с мышлением и сплавленным с ним, прежде всего коммуникации, действия, а также рефлексии, понимания, воображения. Таким образом, мышление, с одной стороны, противостоит этим процессам, а с другой — оказывается сплавлено с ними, пронизывает их, входит в пересечение с перечисленными процессами, реально порождая новые способности и компетентности *(см.* схемы 15 и 16).

Схема 15. Усложнение схемы мыследеятельности

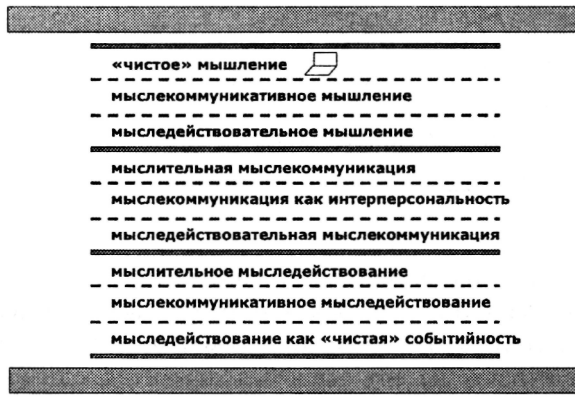

Схема 16. Результат усложнения схемы мыследеятельности

Поскольку каждый из трёх процессов мыследеятельности — собственно мышления, мыслекоммуникации, мыследействования — проходит через остальные и реализуется внутри них, то, кроме делимитации процессов мышления по отношению к процессам коммуникации и действия, нам ещё необходимо различать коммуникативное мышление от мыслительной коммуникации, мыследействовательное мышление от мыслительного мыследействования. Эти процессы невероятно похожи, хотя и имеют разную природу и разное устройство. В одном случае речь идёт о коммуникативном содержании, которое представлено в мыслительной форме, в другом случае речь идёт о мыслительном содержании, которое реализуется в коммуникативной форме. В одном случае речь идёт о коммуника-

тивном процессе, механизмом которого, определяющим реальность, является мышление, в другом случае речь идёт о мыслительном процессе, но имеющем коммуникативную «природу», реальность которого связана с коммуникативными формами.

Возникает вопрос, а почему мы вдруг от процессов мышления перешли к анализу совершенно других образований: к соотнесению процессов мышления, коммуникации и мыследействования. Мы стали объединять в некое целое, в своеобразный сплав, амальгаму эти все разные процессы. Поскольку мы вслед за Г.П. Щедровицким и поздним В.В. Давыдовым (в его набросках о строении единицы, «клеточки» деятельности) считаем, что эта взаимосвязь, своеобразно пропущенная друг через друга сеть этих процессов, этих тяжей мыследеятельности, и образует конкретизованное представление о деятельностной природе процессов мышления. Мышление принадлежит этому мыследеятельностному универсуму, живёт в нём; даже в тех случаях, когда мы анализируем мышление, изолированное от мыслекоммуникации, закрытое, некоммуникативное мышление, то сама его особенность закрытости, коммуникативной невычитываемости и несхватываемости определяется на контрасте с мышлением, которое включено в процессы мыслекоммуникации, пересекается с ними, входит в их внутреннее устройство.

Деятельностная природа процессов мышления, духовных практик мышления во всём своём величии и объёме выступает важнейшим завоеванием советско-российской, русской философии, антропологии, психологии. Когда мы говорим о деятельностной природе — это означает одновременно и то, что мышление можно построить, сделать, что в мышлении есть слой, составляющая, напрямую зависящая от человеческого участия, от прямых человеческих действий используемого языка, введённых понятий и категорий, создаваемых специальных средств культивирования мышления, но в мышлении есть и слои, которые не зависят от человеческих усилий, более того, то, что происходит с самим человеком, определяется процессами мышления, в которые человек включён. С одной стороны, мышление можно формировать и создавать, с другой стороны, человек, его состояние и его сознание формируются на основе включения в коллективное мышление.

Когда мы говорим о деятельностной природе мышления, безусловно, важно понимать, что деятельность — это не мыследеятельность. Практическая деятельность — это технологизируемая, повторяющаяся система процедур и операций, выделенная и описанная организационная структура некоторого института, которая

позволяет данный процесс воспроизводить. Но именно в этом месте нас ждёт основной подвох. Уверены ли мы, что хоть что-то в мышлении может повторяться? И даже если мы примем замечательную формулу Н.А. Бернштейна, предложенную для описания физиологии движений — «повторение без повторений», можем ли мы быть уверены, что в мышлении что-то повторяется, или в мышлении всё неповторимо и единично. Но, с другой стороны, если в мышлении всё уникально, единично, существует в виде одного единственного экземпляра: никогда такого не было и вновь не повторится, то не является ли эта своеобразная уникальность и неповторимость мыслительных процессов постоянно воспроизводимым маревом разорванности и несводимости предшествующих актов к последующим? Именно поэтому для нас огромную ценность представляет человек одной мысли, одного, постоянно воспроизводимого духовного порыва, одной интонации. Точно так же как для Платона в диалоге «Парменид» основной антиномией мышления являлось противоречие единое/многое (einai kai pollu), так для современного мышления этой антиномией является оппозиция воспроизводимого и единичного, неповторимого. Если в мышлении ничего не повторяется, всё там в первый раз и единично, то мышление превращается в некоторое ощутительно-переживательное марево, подверженное тирании момента *(см.* Эриксен «Тирания момента»). Императив «здесь и теперь» именно сейчас и сразу вызывает своеобразную исступлённую истерию, не позволяющую смысло-энергийному организму даже просто охватить происходящее. Если в мышлении хоть что-то повторяется, то именно в меру этого повторения и воспроизведения мышление перестаёт быть творческим актом, реакцией на исключительные события данного момента.

В процессах повторения мышление глохнет и слепнет, превращаясь в рутинообразный, слепой, не воспринимающий ситуацию процедуризованный ритуал процедур. Поэтому можно было бы сказать, что мышление не может существовать, не являясь единичным, неповторимым исключительным актом мышления, и одновременно мышление не может существовать, если в нём хотя бы что-то повторяется. За этим противоречием как раз стоит различение мыследеятельности и деятельности. Практика воспроизводится и повторяется в той мере, в какой она является операционализируемой и технологизируемой деятельностью. Общественная практика является абсолютно неповторимой и невоспроизводимой, но каждый раз случающейся заново в той мере, в какой мы понимаем, что она организована как система мыследеятельности — в виде сово-

купности пересекающихся процессов мышления, мыслекоммуникации и мыследействия. И в одном случае, мы и на мышление пытаемся смотреть, как на технологизированную воспроизводимую деятельность, но мышление таковым не является, а в другом случае мы связываем мышление с ситуацией действия, пониманием других людей, воззрительными образами того ландшафта, в котором развёртываются процессы мышления.

Очень интересно, что граница между тем, что воспроизводится, и тем, что не воспроизводится и не повторяется в мышлении, проводится изнутри самого мышления и определяется его способом организации. Мышление — это повторение без повторений, которое, вглядываясь в свою собственную неповторимость, стремится повториться и, наоборот, застряв на постоянно возобновляемом цикле, выявляет уникальность понятого, как то, что не может быть подведено ни под какую из имеющихся форм. Короче говоря, мышлению всё время приходится жертвовать уникальностью понятого для того, чтобы построить себя как операциональную воспроизводимую практику. И пускаться в авантюры выражения предельного мировидения, рискуя перестать быть мышлением. Мышление как бы отстраняется от части своего осмысляюще-прозревающего содержания для того, чтобы воспроизвести доказуемые подтверждающиеся результаты.

Момент уникальности мышления, прежде всего, выступает в идее следа, трассы, по которой было осуществлено путешествие и продвижение. Восстанавливая метод мышления, можно восстановить сам способ движения, саму форму.

Но возможны и другие типы и формы мышления. Когда мы говорим о мышлении, мы как бы строим наше рассуждение про мышление вообще, выражая при этом всего лишь опыт мышления, хоть в какой-то мере знакомый нам. А ведь вполне может существовать мышление по типу прозрения, самадхи, когда весь деятельностный опыт направлен на то, чтобы подвести человека к возможности подобного опыта. Это такой акт мышления, где единственным содержанием является ключевое, наивысшее состояние сознания типа религиозного прозрения, которое невозможно хотеть, но можно лишь вымолить, а всё остальное является лишь сложновыстроенной оградой, лесами, внутри которых оказывается возможным воспроизводство данного состояния или даже просто приближение к нему.

Можно утверждать, что важнейший сегодняшний вызов построения подходов, оснащающих практику мышления, состоит в необходимости выделить и различить типологические миры мышления —

своеобразные организмы мышления, в которых обнаруживается разное функциональное присутствие самого мышления. Это его отличающееся присутствие, с одной стороны, позволяет обнаружить весьма разные контексты реализации мышления, а с другой стороны, выделить некоторую единую типологическую матрицу мышления как субстанцию, представленную в разных практических мирах *(см.* схему 17).

С одной стороны, — это мышление, которое представлено во всех слоях процессов мыследеятельности, которое осознаёт и присваивает это своё присутствие во всех мыследеятельностных процессах. Таким образом, это рефлексивное мышление над мыследеятельностью в целом, рефлексивное мышление про присутствие мышления в разных мыследеятельностных слоях: мышление в мыслекоммуникации, обеспечивающее развёртывание и осуществление различных мыслекоммуникативных стратегий, мышление в мыследействовании, разрабатывающее сценарий события в ситуации, наконец, это мышление безотносительно к ситуации действия и коммуникативному оппоненту, с которым необходимо построить взаимопонимание, — так называемое «чистое мышление». Это мышление, угадывающее и обнаруживающее свою соприродность в других процессах, отличных от самого мышления. Собственно, мышление, которое осознаёт множественность природ процессов мышления и множественность своего присутствия в разных слоях и тяжах мыследеятельности, это и есть своеобразное мышление во Славе, которое не умертвилось до невысказываемого, а лишь переживаемого созер-

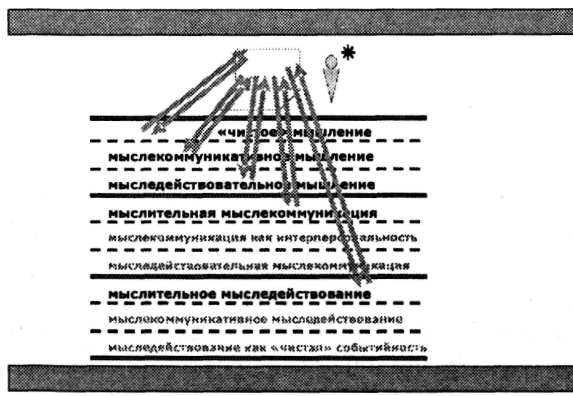

Схема 17. Рефлексивное мышление, находящееся во взаимодействии со всеми типами мышления

цания, это посюстороннее мышление, которое одновременно позволяет понимать оппонента и строить стратегию переговоров с ним, это мышление, которое позволяет реализовывать стратегии действия.

Но всё-таки рефлексивность и вхождение в саму субстанцию мысли, включённость в схожую природу мышления — это разное. И здесь, собственно, на наш взгляд, начинают очень сильно различаться теория мышления и теоретико-мыслительный подход, который постоянно подразумевает, что для описания практики мышления должен быть обязательно опыт реального осуществления мышления в разных областях практики: либо имитируемый, но реально проживаемый опыт, либо действительный опыт.

Но, с другой стороны, можно утверждать, что только наличие мышления, реализуемого безотносительно к ситуации действия и безотносительно к оппоненту, который выслушивает нас в коммуникации, позволяет нам сохранять свою собственную позицию в коммуникации и свои собственные цели в ситуации действия. Если отсутствует «чистое мышление», которое позволяет конституировать свою собственную позицию, то эта позиция затем стирается и перестаёт существовать и в коммуникации, и в ситуации действия. Таким образом, мы здесь подходим к очень важному моменту конституирования действенности мышления через позиционирование, через введение и полагание позиции мыслящего. Поскольку, с одной стороны, позиция мыслящего основана на его совершенно особом видении предмета или ситуации, но, с другой стороны, это видение доведено до совершенно **отдельного идеального конструктива,** который в безразличном, незаинтересованном мышлении может быть отличён и противопоставлен другим конструктивам. Позиция в мышлении конституируется как видение, мыслеобраз и идеальный символ. Но, оставаясь идеальным символом, подобная позиция, за которой, возможно, если и стоит видение, не может стать предметом коммуникации, она не может быть представлена на плацдарме, она остаётся предметом в себе, не становясь предметом для другого — ив этом в общем-то и заключается работа мышления в мыслекоммуникации — представить позицию в мыслекоммуникации как определённый голос, который отличается от других голосов и противостоит им, но одновременно сообщителен и понятен другим позициям. Наконец, роль и смысл идеальной позиции в слое действия состоят в том, что именно эта позиция начинает реализовываться в ситуации, становится элементом сценария, за ней обнаруживается принцип действия при столкновении с другими позициями, держателями ресурсов ситуации. Таким образом, позиция — это

мыслеобраз идеального видения, мыслекоммуникативный голос в полиголосии других голосов и принцип, манера, стиль действия, отнесённые к реализуемому в ситуации знаку-схеме.

С другой стороны, мышление, представленное в других слоях мыследеятельности — мыслекоммуникации, мыследействования в ситуации, должно быть отличено от мыслекоммуникации, представленной в мышлении, и мыследействования, представленного в мышлении *(см.* схемы 18 и 19).

Это разграничение мышления от мыслекоммуникации и мыследействия, в которых присутствует мышление в виде мыслительной

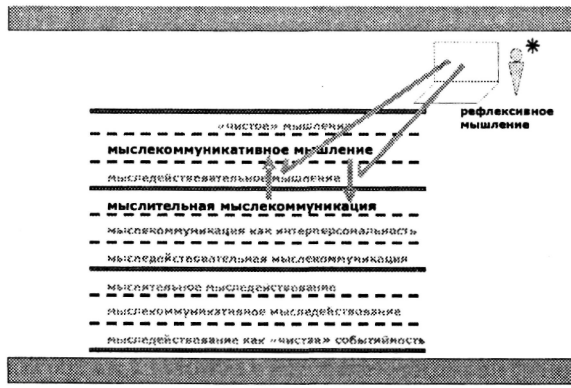

Схема 18, Взаимоотношения мыслекоммуникативного мышления и мыслительной мыслекоммуникации

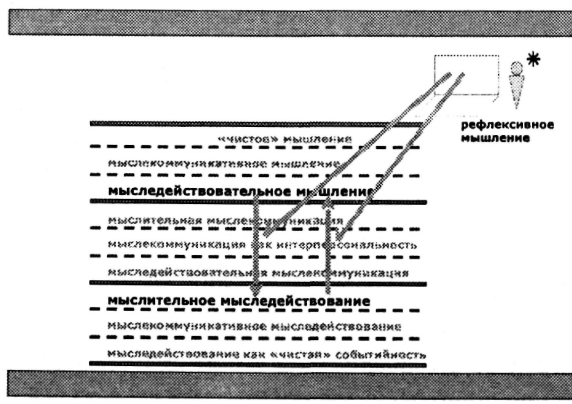

Схема 19. Взаимоотношения мыследеятельностного мышления и мыслительного мыследействования

мыслекоммуникации (то есть коммуникации, имеющей мыслительную стратегию) и мыслительно-организованного мыследействования (то есть действия, у которого есть замысел), имеет огромное значение. Поскольку только представленность мыслекоммуникации в мышлении и мыследействования в мышлении позволяет присвоить и познать результаты коммуникативных стратегий и успешности или, наоборот, бессмысленности замысла действия, то есть получить знание о способах взаимодействия. Таким образом, мыслекоммуникативное стратегирование и мыследействование, основанное на реализации замысла, являются реальностью по отношению к мышлению, в действительности которого только и могут быть рассмотрены и оценены разные стратегии и различные замыслы как таковые.

Отличие мыслекоммуникации от других процессов — мышления и действия, состоит, прежде всего, в том, что в ней происходит выделение позиции другого человека, отличной от собственной. Участник коммуникации выходит за границы своего собственного «Я» и понимает другого человека как несводимого к собственным мыслям и представлениям, он улавливает другого человека как принципиально иную интенциональность, направленность на другой мыслительный предмет.

Эта возможность понимания другого, улавливание интенций его сознания не могут быть подменены актами мышления, процессами мысли. Но осмысление и осознание, в чём заключается, собственно, выход за рамки и границы собственного сознания, предполагающий демонтаж Ego, преодоление границы «Я», осуществляется в мышлении (Selbstlose personlichkeit). Точно так же занятие нравственной позиции, отстаивающей определённые принципы, противостояние её другой позиции осуществляется в мыследействовании, имеющем определённый замысел. Но содержание этого противостояния выделяется лишь в мышлении. Таким образом, мышление является реальностью выхода за границы собственного «Я», осуществлённого в действительности коммуникации, и именно мышление является реальностью обнаружения отличия принципов собственного действия, реализуемых в действительности ситуативного действия. Подобная постоянная перефункционализация парных процессов мышления и мыслекоммуникации, мышления и мыследействования:

- мышления, в которое втянуто мыслекоммуникативное содержание и мыслекоммуникации, в котором реализуется мыслительная стратегия;

- **или мышления, в которое втянуто содержание мыследействования и мыследействия, в котором реализуется мыслительный замысел, когда то один процесс выступает в качестве реальности для действительности второго, то, наоборот, второй процесс выступает поставщиком реальности для первого и преобразует его содержание, свидетельствует о создании своеобразной формы эксперимента и получения нового знания об общественно-институциональной мыследеятельности.**

То, что мы выделяем в мышлении в виде замысла действия, разрушается в практике самого действия, то, что мы формулируем по поводу стратегии коммуникации, девальвируется в ходе самой коммуникации, но и, наоборот, ограниченность существующей формы коммуникации определяется весьма примитивной стратегией и ограниченными возможностями понимания, которые могут быть выявлены нами в мыслекоммуникативном мышлении. Весьма примитивный, хотя и усложнённый, замысел анализируется нами в мыследействовательном мышлении, в котором мы ещё раз отсроченно-мыслительно проживаем произошедшее действие.

Кстати, подобная же пара процессов образуется и у Юргена Хабермаса *(см.* схему 20) в его теории коммуникативного действия, поскольку неясно, различает он или нет мыслекоммуникативное действие и действовательную мыслекоммуникацию, где в одном случае сложившиеся речевые обращения и устанавливаемое взаимопонимание образуют эффективный способ действия, а в другом

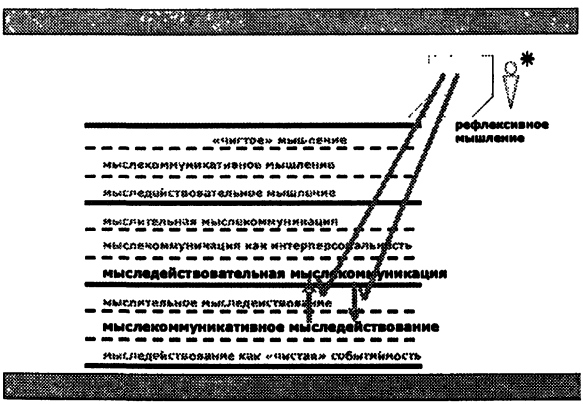

Схема 20. Взаимоотношения мыследействовательной мыслекоммуникации и мыслекоммуникативного мыследействования

случае псевдоритуализированное действие формирует лишь коммуникативную форму перформанса, своеобразное представление «общества спектакля» Дибора. Но также возникает и следующий вопрос, выделяет ли он саму единицу из двух контроверзных процессов, где то, что лишь намечается в мыслекоммуникации, затем реализуется в мыследействовании и, наоборот, где то, что достигается в ситуации действия, становится предметом понимания в ситуации мыслекоммуникации.

Наличие подобных контроверзных противопоставляемых пар определяется не только задачей различения и дифференциации разных отличающихся сущностей — момент логический, но и возможностью удержать свободу собственного действия в каждом из данных процессов (момент онтический и реализационный). В том случае, когда коммуникативное действие не соотносится для рефлексии и сознания человека с действовательной коммуникацией, человек оказывается лишён возможности восстановления живой способности понимания и преобразующего действия как такового. Его поведение и активность оказываются подчинены либо уже сложившимся коммуникативным формам (коммуникативное действие), либо ролевым и статусным стереотипам действия (действовательная коммуникация). И лишь осознание того, что он никого не понимает, лишь воспроизводит ожидания, заложенные в статус и роль, и ничего не преобразует, но лишь говорит, могут вернуть его к проблеме овладения своими собственными возможностями действия в различных институциональных контекстах.

На наш взгляд, подобным образом — в виде замыкания различных мыследеятельностных процессов, прежде всего, мыслительной мыслекоммуникации и коммуникативного мышления, сделана Топика Аристотеля (одного из самых нетрадиционных сочинений Стагирита), своеобразное средство разметки, выделения топов — мест диалектического диалога, позволяющее человеку готовиться к участию в коммуникативном взаимодействии, а затем осмыслять результативность построенной стратегии. Только в том случае, если «проталкивать» в мышление саму коммуникативную фактуру и осмыслять её, превращая в факты и элементы мышления, а в коммуникацию — сценированную коммуникативную стратегию, созданную в мышлении, можно восстановить реакцию на поведение человека в символических средах. В противном случае отсутствие сопротивляемости символических сред создаёт своеобразный феномен втянутости человека в фиктивные симуляционные среды, где выявить собственную позицию невозможно.

Подобные парные перефункционализации процессов, которые могут взаимопроникать и влиять друг на друга, говорят о необходимости своеобразного экспериментирования, основанного на новых эффектах и новых формах практики содействия и взаимопонимания. Таким образом, дополнительно к первому организму мышления, когда мышление присутствует во всех типах процессов мыследеятельности, выделяются ещё два организма из парных соотносящихся процессов — мыслекоммуникативного мышления и мыслительной мыслекоммуникации; мыследействовательного мышления и мыслительного мыследействования. По типу данных парных процессов, которые требуют специального различения, построены и следующие — мыследействовательная мыслекоммуникация и мыслекоммуникативное мыследействование, рефлексивное понимание и понимающая рефлексия, мыслительно-организованное понимание и понимающее мышление и т.д.

Эти парные столкновения — противопоставления процессов говорят об одном, что эффекты общественно-институциональных взаимодействий требуют практического экспериментирования и освоения, погружение себя в новые возможности, что общество, в котором мы живём, ещё в каком-то смысле не является обществом, что оно, как и человек, этнос, государство, находится в становлении[1].

При этом задача состоит не в том, чтобы создать формальную алгебру общественного развития, начав манипулировать общественными процессами, которые уже были в истории, переставляя их по формальной оси из прошлого в будущее, но двигаться к выделению новых общественных эффектов и к новым антропологическим возможностям, преодолевая границу разрушения человеческого в человеке. Это так называемые новые общественные эффекты и антропологические возможности, наверное, и существовали в истории, но, скорее, как удивительные феноменальные исключения и экстраординарные факты, поэтому их нужно каждый раз заново восстанавливать и культивировать.

Здесь мы подходим к очень важному вопросу переорганизации общественных институтов на основе перевоспроизводства общества в интеллектуальном усмотрении, интеллектуальном воображении при помощи понимания и выделения мыследеятельностных процессов — процессов мышления, мыслекоммуникации, мыследействования. Подобное перевоспроизводство является ключом

[1] ***См.:*** **Громыко Ю.В. Время вышло из пазов. — М., 2000.**

к овладению институтами и институциональным поведением. Эта работа уже во многом проделывалась Корнелиусом Касториадисом и может быть продолжена на основе принципов мыследеятельностного подхода. Именно процессы мыследеятельности образуют тот важнейший набор иероглифических ключей, взаимопропускаемых друг через друга и уточняемых, которые и образуют специальный язык для выделения человеческого в человеке и общественного в обществе при том понимании, что и человеческое и общественное является плывучим и может постоянно откатываться в сторону варварства, за границу потери человеческой формы, разрушая все надежды и упования по поводу линейности и необратимости прогресса.

В этом мы видим одну из важнейших задач современной теории мышления или теоретико-мыслительных подходов. Смысл этого культивируемого понимания-усмотрения, воображения состоит в том, чтобы выделить те рефлексивно-мыслительные предметы, которые лежат в основе общественных взаимодействий и связей. Введение подобных рефлексивно-мыслительных предметов или метапредметов позволяет отличить простую линию силового рефлексивного манипулирования, продолжающую паноптическую дисциплинарность (Мишель Фуко) контроля за сознанием в новых формах, которое сегодня связывается в обществе с распространением так называемых политических технологий, пиаром (связи с общественностью), джиаром (связи с правительством) и т.д., от действительно новых общественных феноменов. Паноптическая дисциплинарность политтехнологов является консциентальной (связанной с воздействием на сознание). Она отличается от репрессивной паноптической бихевиоральной дисциплинарности (связанной с контролем за поведением). Хотя обе эти формы направлены на разрушение символического, укоренённого в повседневном поведении человека и создание «голого» человека, лишённого символического покрова, что составляет основу современной биополитики, по мысли Джиорджио Агамбена, подробно изложенной им в работе Homo sacer. В этом новом случае индивиду предоставляется право самому утонуть в мареве вынесенных на экран ложных и фиктивных образов, развенчивающих ценности и разрушающих покров символизма.

Выделение метапредметных организованностей и образует важнейший тип онтики общественного, специально оформляемых и осваиваемых в форме схем мыслеобразов, на основе которых человек понимает и выделяет строение мыследеятельностных процессов, конституирующих институциональный порядок. Отличие здесь

усмотрения от воображения — в равной степени процессов понимания, основанных на выделении идеальных мыслеобразов, — определяется общими подходами семиотики схем, различающей принципы работы на схеме, в схеме и со схемой. С этой точки зрения, усмотрение есть выделение в структуре идеального мыслеобраза, значимых характеристик, а воображение есть помещение себя в структуру данного образа.

Онтика здесь отличается от онтологии тем, что онтика имеет, прежде всего, антропологическое измерение и опирается на типы мыслеобразов и предварительных идеологически не закреплённых в функции общезначимых видений, которые есть у осуществляющих действие людей. Онтология — это онтика (то есть система сущностных мыслеобразов, имеющих выявленные принципы функциональной задействованности), получившая общезначимый эпистемический статус и начавшая на этих условиях осваиваться в институциональных структурах. При этом всегда существует возможность осуществить диверсию против установленной онтологии и выявить реально используемую онтику у участников институционального мыследействования, подготавливая сброс вновь введённой и утверждённой онтологии.

Таким образом, мы в данном случае утверждаем следующее: способность помыслить различные институциональные структуры на основе мыследеятельностного подхода, то есть на основе выделения базовых мыследеятельностных процессов и их переплетений, связана одновременно с необходимостью выделять онтику, то есть функциональные мыслеобразы, которые есть у людей по поводу данных мыследеятельностных процессов. Функциональность данных мыслеобразов говорит об одном: они являются важнейшей составляющей осуществления и реализации данных процессов. Мыслеобразы могут быть переведены в схемы и таким образом выявлены и превращены в предмет целенаправленного оборота в организации. В этом случае мы и перейдём к анализу knowledge management когнитивных институтов и эпистемических сообществ, включённых в структуру самых разнообразных организаций или противопоставленных им.

Вместе с тем, осуществляя работу по переорганизации и пересборке институциональных структур на основе мыследеятельностного подхода, необходимо выявить и зафиксировать протоинституциональные структуры общества, а также метаинституты, Протоинституты позволяют выявить границу воспроизводства и реализации человеческой формы как таковой и начало культуральной

социальности, в рамках которых человеческие способности и возможности культивируются и осуществляются как, собственно, человеческие без провалов в дикость, варварство и зверство. Эта система протоинститутов задаёт более высокий уровень интенсивности процессов сознания, различных мыследеятельностных процессов, чем обыденная социальность. Метаинституты позволяют выделить существующие сегодня ограничения по отношению к сложившимся формам социальности — этнической, государственной, цивилизационной и наметить поля, в которых могут начать формироваться институты нового социального уклада. Поскольку и выявление сложившихся зафиксированных границ функционирующих институтов, и понимание устройства способов действия протоинститутов, и выявление метаинститутов осуществляет человек, то в этом случае мы имеем дело с человеческим мышлением и сознанием, которое не подвластно институциональной детерминации. Сознание и возможности человека в этом случае не могут быть сведены к продуктам функционирования и действия сложившихся институтов. С другой стороны, можно утверждать, что протоинституты — это и есть культура, которая не сводится к существующим сложившимся сегодня отношениям в социуме, а метаинституты — это есть особого типа рефлексивно-мыслительная проектность, которая намечает возможные формы снятия сложившихся институтов — образования, политики, промышленности и т.д. и выходы за их границы.

Проблема анализа метаинститутов связана с попыткой уйти от тотального контроля за действиями индивида и социальной метафоры транспарентности (прозрачности) и всенаблюдаемости или паноптичности. Тотальному всеобщему контролю за всеми, наблюдению в замочную скважину противостоит возможность понимания и осознания того, как действуют существующие социальные институты, как функционирует человек, находящийся в них, к какому типу существования он редуцируется и, наоборот, как человеку вырваться за границу того существования, которое предлагается ему существующей системой институтов — финансовых, экономико-производственных, культурно-образовательных. Подобная метаинституциональная рефлексия обязательно дополняется антропологическим видением альтернативного устройства социума. И, собственно, культивирование альтернативного видения является условием возможности отрефлектировать и осознать существующее устройство и тип действия социокультурных институтов. Поэтому метаинституциональный подход и антропологическое видение являются условием альтернативного цивилизационного проектирования и

сценирования. С другой стороны, метаинституциональный подход связан не только с анализом и обнаружением, как действуют сегодняшние существующие институты, но и с нормативным установлением, как они должны действовать. Но для того, чтобы не превратить метаинституциональный подход в ещё одно более мощное средство контроля на основе рефлексивного познания за действием существующих институтов, в том числе за пониманием того, как представитель другой позиции понимает данную ситуацию, важно создать среды, в которых человек мог испытать и выявить новые формы взаимодействия и новые типы средств. Нужны среды, в которых бы то или иное образование впервые бы проявилось как «вещь сама по себе», где можно было бы разобраться, как действует тот или ной принцип — экспертиза, экранная технология и т.д. Для нас построение и формирование подобных сред, где новые культурные вещи обнаруживают циклы своего существования, является преодолением десубстанциализации вещи и её полной спиритуализации, начатой, с точки зрения Густава Густавовича Шпета, кантианской философией.

Основой метаинституционального подхода являются метаэпистемические практики, которым соответствует позиция И.Г. Фихте, осуществившего введение в философию «знающего себя знания» в отношение к абсолюту. Отличие метаэпистемических практик от эпистемических состоит в том, что для функционирования первых необходимы рефлексия и осознание агентами действия, субъектами этих практик, как устроено знание и как оно употребляется. Таким образом, метаэпистемические практики предполагают не только наличие знаний про объект, но также и анализ форм и способов их употребления в деятельности. В метаэпистемических практиках знания не используются сами собой по типу природных процессов, они как бы «проталкиваются» к нужному их употреблению рефлексией и осознанием того, как устроено знание и как оно в данном контексте может быть использовано. Собственно, началом данной позиции введения метаэпистемических практик, безусловно, можно считать идеи Николая Кузанского, одновременно и родоначальника межконфессионального межцивилизационного диалога о знающем незнании, то есть форм и способов проблематизации известного. Можно утверждать, что все важнейшие типы сегодняшнего профессионализма в различных областях практики являются метаэпистемическими, поскольку понимание, как устроено знание в неизвестной дисциплине, для чего оно нужно, на каких онтологических допущениях оно построено, является важнейшей пред-

посылкой достижения взаимопонимания в межпрофессиональном диалоге и при организации полидисциплинарного коллектива.

Метаинституциональный подход позволяет проанализировать и проследить, что происходит с человеком в определённом типе практики при его функционировании в сложившемся типе институтов, а также предложить другой вариант использования данного института. Мы продемонстрируем данное положение на примере всего двух институтов — метакультуры и метаполитики.

Вводя представление о метакультуре и метаполитике, можно было бы очень интересно переформатировать название начинания П. Щедровицкого «Школа культурной политики». Например, помимо ШКП могут ещё быть три учреждения: Школа метакультурной метаполитики, Школа культурной метаполитики (мы пока оставляем в стороне вопрос о различении школы и меташколы, поскольку получается уж слишком трудночитаемое словосочетание — «Меташкола культурной метаполитики», что и соответствует, на наш взгляд, новому укладу международного университета). Нам представляется весьма перспективной Школа метакультурной метаполитики.

Итак, о чём же идет речь, когда мы говорим о метакультуре? Как минимум о четырёх следующих вещах:

- о понимании того, что такое культура вообще — трансляция высших образцов-достижений действия, речевыражения, мышления, форм организации сознания и личности, обращенных к преодолению смерти и спасению данного народа;
- о сегодняшнем состоянии культурпрактик, о феномене массовой культуры, основанной на превращении обычного массово распространённого поведения в образец для подражания, своеобразные «культы личности» очень средних социально успешных людей;
- о возможности реализации культурпрактик другого уровня, резко расширяющих возможности человека;
- о способности относить особенности поведения, действия, мышления, мыслекоммуникации представителей других цивилизаций к культурным образцам своей собственной традиции и представителей других традиций в поле взаимодействия, то есть о возможности цивилизационного распредмечивания.

На наш взгляд, имело бы смысл различить метаинституциональный (или даже трансинституциональный) подход к практикам культуры и метакультурный подход к различным общественным институтам. В первом случае мы фактически утверждаем, что культурное содержание, связанное с трансляцией традиции и воспроизводством куль-

турной идентичности, реально не может быть сведено к действию отдельных и даже всех вместе взятых институтов, оно превышает это действие институтов. Воспроизводство культуры и человеческого в человеке предполагает наличие конкретного носителя, продолжателя традиции, действующего в повседневности. Подобная антропологическая трансинституциональность является одновременно и метаинституциональностью, поскольку подобный человек, который так же, как Фихте, утверждает, что «самосознающее себя знание — это Я» или «гидрогенерация сегодня в России — это Я», или «образование — это Я», способен выявить реальные границы сложившейся институциональной практики.

Во втором случае речь идёт о восстановлении культурного содержания и способов культурного действия за рамками сложившихся и действующих социальных институтов. То есть это как бы восстановление исходных оснований культуры и традиции заново в социальной ситуации, когда нельзя оперировать культурными, религиозными и другими содержаниями как само собой разумеющимися, а необходимо заново обнаруживать их исходный смысл в обращении к тем, для кого этих культуральных содержаний не существует или они не действительны.

Когда мы говорим о метаполитике, мы фактически предполагаем, что у нас есть средства и возможности выйти за рамки традиционного политического действия, основанного на прямой мобилизации и демонстрации власти, и перейти к анализу и включению в игру механизмов, опосредующих эту демонстрацию и мобилизацию. В условиях кризиса представительных партийных систем, наведенной и специально конструируемой «телевизионной» идентичности, формирования симуляционных сред сознания, которые вообще не выполняют функции отражения реальности, механизмы, опосредующие мобилизацию и демонстрацию власти, становятся основными и играют всё более важную роль в организации самой власти.

Но эти механизмы фиктивной метаполитичности и рефлексивного управления с бесконечным набором угроз и «киданий» (нарушений продекларированных намерений) отступают на задний план, когда мы сталкиваемся с проблемами цивилизационного контакта или цивилизационного геополитического передела. С этим мы столкнулись на Украине, где речь не шла о тривиальном использовании разных типов политтехнологий для разных групп — предметов манипулирования. Здесь имел место именно геополитический передел.

На наш взгляд, именно об этом говорит Линдон Ларуш, когда он выделяет в качестве цивилизационной миссии России возможность удержать в её взаимодействии с Германией, Китаем, Индией и Ираном масштаб развития всей Евразии. Но для того, чтобы удерживать этот масштаб развития, должна быть предложена программа развития Евразии с позиции России. И здесь ключевыми моментами являются феномен прорывной российской фундаментальной науки и выход за рамки существующего британско-голландского монетарного порядка и существующих финансовых институтов.

С этой точки зрения, принцип метаполитики состоит не в том, чтобы встраиваться в существующий социальный, финансовый и экономический порядок, но задать новые принципы межцивилизационного соразвития. И языком соразвития мог бы стать язык мыследеятельности, которая позволяет, с одной стороны, выделять и анализировать процессы происхождения мысли, мыслекоммуникации и действия в европейских и евразийских культурах, заново реконструировать категориальные основания, лежащие в основе феномена возникновения мышления в разных цивилизациях, а с другой стороны, намечать новые прорывные технологические проекты, обеспечивающие перевооружение промышленных укладов на основе фундаментальной практико-ориентированной науки и образования.

Выход в этот слой метаполитики предполагает проведение специальной работы по межцивилизационному распредмечиванию, когда обращение к представителям другой цивилизации не связывается с вынесением в общее поле взаимодействий отработанных структур коммуникативного действия, но создаются условия для действительного понимания.

1.19. Мыследеятельность как наличное бытие, присутствие: сущность, существование, существенное

Можно утверждать, что основная проблема современной теории мышления состоит в том, что это формирующееся и становящееся мышление про общественную институциональную деятельность, институциональную мыследеятельность, как об этом говорил Г.П. Щедровицкий, должно представить институциональную мыследеятельность как предельную онтологию. Подобное утверждение содержит в себе весьма сложную и противоречивую проблему, по-

скольку данное утверждение отрицает, например, тройственную онтологию Бог (Дух, Персональность), Природа, Деятельность, настаивая на том, что лишь в истории развития мышления именно таким было шествование Объективного Духа. Предельная онтология Бога — Средние века. Предельная онтология природы — Новое время. Предельная онтология мыследеятельности — Современность. Но, придя к точке построения предельной онтологии мыследеятельности, мы уже не можем существовать в плюралистической онтологии, поскольку в этом случае мир рассыпается или мы находимся в процессе постоянных колебаний. Поэтому перед нами грандиозная задача, которая уже частично проделана, она должна быть только заново понята и осознана. Мы находимся внутри онтологии мыследеятельности — мыследеятельности, объединяющей в своей организации:

1. Технологическую мыследеятельность с веществом природы и природными энергиями и одновременно мыследеятельность с объективным знанием про вещество природы и природные энергии.
2. Институциональную общественно-историческую, социальную и политическую мыследеятельность.
3. Духовную мыследеятельность, включающую молитвенную мыследеятельность пастырей, святых и провидцев, и литургическую мыследеятельность общин, исповедующих христианскую веру.

С этой точки зрения, мыслить в рамках предельных онтологии Природы и Бога невозможно, поскольку невозможно на сегодняшнем уровне развития знания про природу и общество вернуться к предельной онтологии Бога или предельной онтологии Природы, но это не означает, что в рамках предельной онтологии мыследеятельности не должно быть природы, точнее, технологического действия с веществом и энергией природы и Бога, еще точнее, литургической и молитвенной деятельности. В этом контексте можно было бы попробовать использовать способ мышления великого Спинозы, утверждая, что природа, общественно-историческое человечество и Бог — это просто разные модусы единой субстанции мыследеятельности. Правда, при этом надо держать очень сложный и серьёзный ответ. В каком смысле мыследеятельность является субстанцией?

И основная проблема здесь состоит в разъяснении представления о том, как можно мыслить мыследеятельность и что означает, что мыследеятельность необходимо мыслить? Возможность мыслить мыследеятельность определяется парадоксальным обстоятельством:

мыследеятельность можно мыслить тем конкретнее и определённее, чем более богатым является опыт проживания мыследеятельности, опыт организации и преобразования мыследеятельности. Хотя, с другой стороны, сам опыт проживания мыследеятельности не является конечно же мышлением, поскольку опыт проживания мыследеятельности есть инобытие мышления.

И, собственно, здесь перед нами развёртываются важнейшие принципы метода философии И.Г. Фихте, связанные с идеями знающего себя знания и мышления как дела-действия. Знаменитая пятиричность фихтевского «Наукоучения 1804 и 1805 года» (рассмотренная Хансом Гливицким в предисловии к «Наукоучению 1805 года»[1], где Ханс Гливицкий говорит даже о возможной семиричности) связана с постановкой проблемы: каким образом может полагаться объект при осуществлении актов мышления, когда само это объектное полагание, объективация не являются своеобразным «бельмом», слепотой, закрывающими доступ к полагаемому объекту мышления? Когда мышление — это не просто произвол всё конструирующего мышления, сквозь которое мы нечто знаем, но и противостоящая нашему конструирующему мышлению, не зависящая от нас, обнаруживаемая разумность осваиваемого материала, парение между двумя моментами и соорганизация переходов — от вводимых нами конструктивных принципов (сценариев, проектов, схем) к неучитываемой и выявляемой исходно более сложной разумности понятого и, наоборот, переход от понятого к конструируемым и вводимым принципам.

У Г.П. Щедровицкого есть замечательная работа на эту тему — логико-эпистемологические структуры объективации, онтологизации, реализации. Смысл этой работы состоит в необходимости различить и противопоставить объективацию и онтологизацию объектно-онтологических схем, а также субъективацию и реализацию мыследеятельностных схем. Таким образом, у нас возникает своеобразная четвёрка: объективация — субъективация, онтологизация — реализация. Онтологизация есть продолжение процессов объективации, а реализация — продолжение и конкретизация процессов субъективации. При этом процессы объективации и субъективации, осуществляемые одновременно по отношению к ситуации действия, коммуникации и мышления, собственно, и определяют форму и

[1] **Einleitung von Hans Gliwitzky fuer Wissenschaftslehre 1805 von Joh. Gottl. Fichte, seiten XLIII-XLIX «Die Hilfskonstruktion der "Fuenfachheit" zur Behauptung formal-diskursiver Vollstaendigkeit der WL».**

способ освоения мыследеятельностных систем. Здесь мы подходим к важнейшей проблеме сегодняшнего развития теории мышления: к необходимости развивать представление о мышлении про мыследеятельность, когда мыследеятельность является одновременно предметом и продуктом мысли, своеобразным стратегическим проектом или ситуативным сценарием, который реализуется в мыследеятельностной ситуации, источником опыта, не захваченным и не проработанным набором имеющихся у нас схем. А мышление, с одной стороны, мыслит мыследеятельность как отстранённый противопоставленный мышлению объект, а с другой стороны, участвует в формировании и складывании самой мыследеятельности. Своеобразие мышления про мыследеятельность состоит в том, что мышление про мыследеятельность одновременно присутствует внутри мыследеятельности как её элемент, представленный как один из процессов мыследеятельности, а с другой стороны, мышление существует как процесс вне рассматриваемого предмета познания и преобразования — системы мыследеятельности. Именно этот процесс мышления или рефлексивного мышления всей системы мыследеятельности позволяет осуществлять трансцендирование за рамки и границы сложившейся практической системы мыследеятельности, одновременно имманентно принадлежа системе мыследеятельности, укореняясь в ней. (Трансцендирование связано с определённым направлением имманетизации.) Это рефлексивное мышление, собственно, и является этим самым знаменитым актом барона Мюнхгаузена по вытаскиванию себя из болота за волосы, поскольку это мышление может познавать практическую систему мыследеятельности и противонаправлять мышление на всю систему мыследеятельности, которой, в том числе, принадлежит и данное мышление. При помощи мышления деятель познаёт, какой формации, какой структуре мыследеятельности он принадлежит и при каких условиях и как он её может перепроектировать и менять *{см.* **схему 21).**

Можно было бы утверждать, что коллективная мыследеятельность общности при определенных условиях может восприниматься как хайдегеровское наличное бытие, как бытие здесь, присутствие — Dasein — в этих условиях и обстоятельствах. Поэтому наша «заброшенность» и есть принадлежность к той или иной реальной конкретике процессов мыследеятельности, в которые мы включены. Поэтому основная задача рефлектирующего и трансцендирующего мышления состоит в том, чтобы прорваться к общественному действию и истории через мышление. Это оказывается возможным в том случае, если мышление сценирует события, в которых происхо-

дит столкновение представителей разных позиций. А с другой стороны, мышление в этом случае соотносится не только с деятельностью и мыследеятельностью, о чём мы говорили раньше, но с феноменом жизни как таковым.

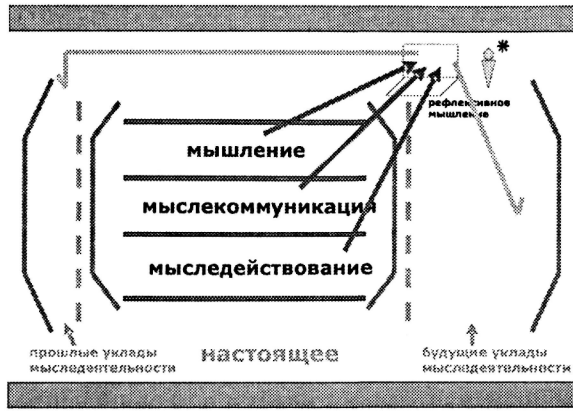

Схема 21. Схема трансцендирования

Но для того, чтобы подобное трансцендирование к истории и общественному действию было возможно, общественно-коллективная мыследеятельность, к которой принадлежит данный мыслитель-деятель или группа мыслителей-деятелей, должна быть для него прозрачной. А, как правило, подобной прозрачности не существует. Этой прозрачности не существует из-за принципиальной разорванности мышления и действия. Попытка мыслить слой технологической деятельности или ситуативного действия адекватно самому этому слою не удаётся. Можно сказать, что огромное число попыток общественных наук и различных теорий менеджмента и было принципиально связано с тем, чтобы начать адекватно и соответствующим образом мыслить общественно-историческую практику. Интересно, что в европейском ареале мышления нет специальной философской традиции, которая бы осмысляла и обсуждала принципиальную разорванность и взаимосвязь мышления и действия. С этой точки зрения, можно сказать, что подобное трансцендирующее мышление над мыследеятельностью есть не что иное, как мыслящая себя мыследеятельность. Но когда мы подобным образом организуем игру понятий, для нас остаются скрытыми механизмы и основания, которые являются весьма конкретными, связанными с борьбой за власть и ресурсы выхода мышления в отношение по поводу мыследеятельности, которой принадлежит само мышление.

Итак, что же такое мыследеятельность как взыскуемый DASEIN?

Мышление о мыследеятельности как поиск наличного бытия из существования, из собственной жизнедеятельности как способности коммуницировать, действовать и мыслить в наличном бытии и быть одновременно больше, чем само это бытие. Но любой критик в ответ на подобное размышление сильно удивится и спросит, стоило ли городить подобный сыр-бор, если речь опять же идёт о некоторой абстрактной спекулятивной способности произносить слова и вызывать определённые мыслеобразы, которые неочевидны и неясны многим окружающим, которые человек всегда может подбирать по своему самоусмотрению, подравнивая и прилаживая их под свои собственные способности и возможности? Видимо, здесь совершенно по-другому понимаются мышление и возможности самого мышления. Это, прежде всего, мысль и совокупность мыслеобразов, направленных на преобразование себя и коллективной общности в собственном наличном бытии, возможность сделать своё существование прозрачным направленному на него мышлению. Следовательно, проблема заключается в следующем: может ли группа или конкретный индивид увидеть и понять, каким образом они могут преобразовать самих себя, свои собственные способности действовать, мыслить, коммуницировать. Причём это преобразование должно быть такого типа, что оно должно выводить группу, способную коллективно реализовывать мышление, в общественно-исторический процесс.

В чём же заключается основная задача мышления по поводу мыследеятельности? Она состоит из прямо противоположных противоречивых тенденций, которые чисто энергийно должны быть удержаны. Мышление про мыследеятельность, с одной стороны, стремится войти в толщу разнообразных типомыследеятельностных процессов, имманентизироваться в них, стать им сообразным и проникнуть за их непрозрачную среду, растворив и размыв эту непрозрачность в системе смысловых отношений и связей, с другой стороны, оно стремится их отнормировать, прожить и построить по-другому, то есть переделать и изменить, подняв их в осмыслении либо до уникального-героического и святого, либо до правильного и стандартизованного. Таким образом, в своей основе мышление про мыследеятельность чем-то напоминает песенный дар В.С. Высоцкого, который в своих песнях прожил множество профессиональных жизней, превращая чужой профессиональный опыт в среды опыта, открытые для присутствия и участия его собственного сознания. Внутри многих из этих профессиональных жизней

В.С. Высоцкий для осмысления и творческого проживания выделял предельные ситуации, которые требовали от него самого некоторой ситуации возвышения над самим собой, антропологического трансцендирования. Эти предельные ситуации масштабом своего интенсивного проживания задавали возможность осмыслить и понять обычные массовые случаи. Мышление про мыследеятельность, с одной стороны, пытается охватить и вобрать в сферу осмысления множественные поля общественной практики, которые невозможно прожить одному человеку или даже группе, но эти поля всё равно необходимо удерживать как предмет мысли и преобразования, с другой стороны, оно подтаскивает человека к такой антропологической интенсивности проживания, при которой он оказывается способен предельно реально и конкретно осмыслить структуру общественной практики. И выход за границы того, что реально может быть эмпирически прожито, с необходимостью требует введения онтики.

Таким образом, мышление про мыследеятельность движется одновременно в общественно-историческую, социально-институциональную ширь и антропологическую высоту и глубину. С этой точки зрения, мышление про мыследеятельность является формой и способом антропологической, социокультурной и институциональной переработки сложившихся полей практики. Мышление про мыследеятельность вырабатывает антропологическое и институционально-социологическое знание о существующих формах мыследеятельности общественной практики и условиях их переработки.

1.20. Сценарии и сценированные инициативы по развитию деятельности в различных организационных системах (к диалектической и драматургической методологии развития компетенций)

1) Мышление, мыслекоммуникация и мыследействие в ситуации мыследеятельности как единица анализа.

В соответствии с идеями выдающегося русского психолога, философа и педагога В.В. Давыдова невозможно изучать деятельностные процессы естественным образом, просто «наблюдая» деятельность. Изучение деятельности предполагает создание и использование специальных средств исследования — идеальных моделей, схем, понятий. Деятельностные процессы и деятельностные системы не существуют подобно природным явлениям и вещам.

Можно выделить множество различных методологических проблем, которые связаны с построением феноменологии деятельностных процессов, недоступностью смысла деятельностных процессов внешнему наблюдателю (хотя исследователь деятельности очень часто занимает внешнюю позицию по отношению к процессам, которые он исследует), трудностями вхождения исследователя внутрь ситуации деятельности, невозможностью преобразовать включённое наблюдение в объективные структуры знания, различием понимания результатов исследования представителями научного сообщества и заказчиками данного исследования. Одним из проявлений ловкости и сноровки исследователя является его способность перевести и превратить внешний заказ пользователя в проведении специфического исследования в часть внутреннего предмета деятельностного исследования.

Так, если тренер заинтересован в выполнении краткосрочных прогнозов, позволяющих ему предсказать результативность выступления своих воспитанников на ближайших соревнованиях, например, стрелков из лука, он ищет исследователя, который способен сделать подобные прогнозы. Это может означать, что у существующего процесса нет точных критериев и он не выстроен должным образом. Поэтому тренер вынужден гадать на кофейной гуще в этой весьма неясной ситуации. И он привлекает исследователя, чтобы опереться на мнение исследователя. Очень часто исследователь должен проблематизировать сам заказ и предполагаемую заказчиком форму употребления результатов исследования.

Давыдовым была выдвинута и реализована идея создания специального метода анализа условий построения новой практики образования, так называемого формирующего эксперимента. Так, если исследователь хочет изучать определённые способности или компетенции, конкретные интеллектуальные процессы — мышление, рефлексию, действие, — то для этого необходимо организовать специальное вмешательство, чтобы инициировать появление этого процесса, затем организовать специальную ситуацию, чтобы культивировать функционирование этих процессов. С этой точки зрения, можно сказать, что эти различные процессы — предмет исследования — не существуют независимо от специальных усилий исследователя создать условия для их организации и существования. Эти специальные усилия исследователя могут быть представлены в проекте образовательной ситуации.

Подобный подход был разработан в совершенно другом контексте российским социальным философом и методологом Т.П. Щед-

ровицким. В соответствии с его идеями невозможно изучать деятельностные процессы и системы, не реализуя и не организуя саму деятельность, не создавая средства организации и преобразования деятельностных процессов. Г.П. Щедровицким была создана специальная средовая организация изменения и преобразования практических процессов, которая была названа «Организационно-деятельностные игры» (ОДИ).

Основная идея ОДИ состоит в рефлексии, описании и схематизации деятельностных процессов в ситуации принятия реального решения в конкретном практическом контексте или в анализе ситуации, связанной с вызовами и рисками, или в необходимости найти способы преобразовать функционирование конкретной организации, выявить и обсудить возможность реализовать проект новой организации, разработать новую стратегию, создать новый сценарий действия руководства корпорации в конкретной политической и организационной среде.

Все перечисленные случаи связаны с двумя наиболее важными характеристиками организации изменений: пониманием ситуации, в которой эти изменения организуются, и постановкой тактических и стратегических целей для претворения в жизнь этих изменений. Поэтому можно двигаться от сложившейся ситуации, где привычное функционирование оказывается невозможным, к постановке целей или от постановки цели и разработки стратегии к ситуации достижения целей.

Как в этом контексте методологами и игротехниками может вводиться деятельностный язык? — Для прорисовки ситуации предполагаемых изменений, инициирования рефлексии участников игровых сессий, организации понимания того, что происходит в ситуации, схематизации организационной структуры деятельностных процессов, выработки проектов изменений в ситуации? В этом контексте методологические понятия системо-мыследеятельностного подхода и мыследеятельностный язык (в виде схем), прежде всего вводятся как средства и инструменты организации рефлексивного мышления по поводу практической деятельности и возможности её преобразования. Эти средства являются эффективными, когда при их помощи удаётся понять, что происходит в конкретной ситуации с участниками, прорисовать изменения и осуществить намеченные преобразования *(см.* схему 22).

В ситуации организации преобразований и изменений конкретных практических систем мы имеем дело с выделенной и введённой Г.П. Щедровицким единицей анализа. Эта единица анализа была

названа Г.П. Щедровицким системой мыследеятельности, включающей действия в ситуации, коммуникативные процессы, мыслительные процессы, а также процессы рефлексии и понимания, обозначенные на схеме значками позиций со «звёздочками». Эта единица анализа и преобразования фрагмента практической деятельности очень близка к идее единицы анализа, предложенной В.В. Давыдовым как раз перед его смертью, включавшей коммуникативное обращение, преобразовательное действие, рефлексию, воображение и рефлексивное мышление.

Понятно, что данная единица анализа не является системой деятельности, которая существует сама по себе (в себе и для себя), но её имеет смысл рассматривать в качестве специфического сложного средства, позволяющего методологам, использующим схемы мыследеятельностного подхода, включать практиков в преобразования и изменения. Для того чтобы эти средства могли использоваться в контексте практической деятельности методологами и игротехниками, должны быть инициированы дискуссии и организованы попытки осуществить конкретные институциональные изменения. Например, эти изменения могут быть связаны с разработкой техни-

Схема 22. Система мыследеятельности

ческой политики большой сталелитейной фирмы или с «выращиванием» особой профессиональной позиции менеджера активов, определяющего систему технических воздействий на актив на разных этапах его цикла жизни и опосредующего связь между системой финансово-экономических позиций и инженерных позиций в новой большой гидроэнергетической компании.

Здесь мы можем констатировать, что никогда не можем сказать, как устроена деятельность безотносительно к нашему преобразующему вмешательству, и даже единица анализа не имеет никакого онтологического значения без этой стратегии вмешательства.

2) Две различные перспективы исследования деятельности в практическом контексте: деятельностная (мыследеятельностная) семиотика и ситуационные игровые тренинги.

Мы можем кратко охарактеризовать две различные перспективы организации мыследеятельностных исследований, связанных с преобразованием практической деятельности. Первая состоит в разработке и внедрении деятельностных схем для прорисовки, выявления структуры деятельностной организации и последующего её преобразования. В этом случае мы используем мыследеятельностную семиотику и мыследеятельностный язык в форме схем для понимания практического контекста и возможных направлений его преобразования. При помощи данного языка участники коллективной работы могут предъявлять своё видение в сложившейся ситуации и направления её преобразования своим коллегам. В этом случае процессы схематизации и предъявления схем оказываются связаны не только с бахтинским «многоголосием»[1], но и с «мультивизионерским» обменом видениями, которое достигается при помощи взаимной демонстрации схем — продуктов прорисованного воображения, на которых представлены различные способы преобразования сложившейся ситуации. Подобный обмен различными семиотическими продуктами — схемами, на которых демонстрируются различные видения контекста организации, различные возможности преобразования организационной структуры, является важным условием инновационных гуманитарных стратегий преобразования организации. Само же вхождение в сферу восприятия «мультивизионерства» на основе построения собственных схем и понимания чужих схем обеспечивает расширение сознания участников.

[1] **На важность подобного многоголосия, разработанного в гуманитарной методологии М. Бахтина, указывает, например, в своих работах Дж. Вёрч.**

При подобном обмене схемами для участников коллективной работы базовыми процессами выступают коммуникация между разными участниками организационных изменений, рефлексивное мышление по поводу организационной структуры деятельности, проспективное мышление, намечающее проекты изменений. Участники организационных изменений и разработчики гуманитарных стратегий изменения, использующие средства мыследеятельностного подхода, выявляют организационную структуру сложившейся деятельности, проблематизируют имеющееся знание о данном локусе деятельности или форме деятельности. Участие же в последовательных этапах конкретного проведения изменений весьма ограничено. При подобной форме работы участники включаются в особый процесс, который можно было бы назвать мышлением о деятельности. Данный тип воздействий на конкретную практическую систему осуществляется при помощи особой гуманитарной технологии, которая получила название «Организационно-деятельностная игра» (ОДИ).

Конкретная структура ОДИ форматируется организационным проектом игровых групп (как распределять участников игры по группам), последовательностью форм групповой и общей работы, тем обсуждения, представлением об игровом и рабочем процессе. В ходе групповой работы участники группы вырабатывают позицию группы для общей панельной дискуссии и обсуждения.

Для нас ОДИ является типом гуманитарной технологии наряду с другими инновационными гуманитарными технологиями, такими, например, как лаборатория изменений Ю. Энгештрёма.

Можно выделить следующие **важнейшие характеристики** этой технологии:

- **Специально разработанная искусственная деятельностная среда в форме метаязыка.** Это означает, что всё, что происходит в ОДИ, организуется при помощи понятийного мыследеятельностного языка — видение и понимание ситуации, новые цели ставятся на основе деятельностных понятий и деятельностных средств.
- **Представленность макроситуации в микроситуации. В** ОДИ **все** события, происходящие в игровой ситуации, отражают макроситуацию — организационное поведение, стиль работы. При помощи специально организованной рефлексии то, что происходит в игровой ситуации, может быть понято и проинтерпретировано с точки зрения различных перспектив. В результате подобной рефлексии выявляются скрытые проблемы организации повседневной производственной деятельности.

- **Специально организованные процедуры групповой и общей рефлексии событий данного игрового дня.** Даже формально организованная рефлексия позволяет повысить осознанность конкретных практических процессов, выявить их основные противоречия, а также понятия и средства, которые необходимы для более эффективной их организации.
- Проблематизация. На основе проблематизации выявляются тупики в организации рабочих процессов, фиксируется отсутствие знаний, вырабатываются новые средства, обеспечивающие преодоление выделенных противоречий.
- **Деятельностная семиотика.** Деятельностная семиотика связана с возможностью схематизации ситуации деятельности, способов и принципов мышления и действия, а также с введением и употреблением схем как средств самоорганизации.
- **Многофокусное управление игровыми процессами.** Помимо руководителя игры, каждый участник игры может занять позицию управления игрой, если он может отрефлектировать и схематизировать противоречия и «нестыковки» рабочего процесса в игре и предложить другую перспективу совместной деятельности.
- **Работа с будущим в текущей ситуации. Проспективное видение.** Участники игровой работы могут создавать институциональные и организационные схемы будущего действия, затем реализовывать их в конкретной ситуации, выявляя преимущества и недостатки нового способа действия.

ОДИ организована как «мозговой штурм», в ходе которого имитируется и моделируется реальный организационный контекст. В ОДИ работа организуется в форме групповых и общих заседаний. Названия групп выбираются таким образом, чтобы представить важные позиции и места в организационном контексте. Последовательность тем общих заседаний образует тематическую программу игры и строится на основе специально продумываемой стратегии продвижения содержания в игре. Важнейшей техникой организации игрового коллектива являются процессы самоопределения и постановки целей, которые инициируют игротехники в группах.

Сами переходы от групповых сессий к общим заседаниям и от одной темы обсуждения к другой организуются таким образом, чтобы обеспечить более глубокое осмысление институционального контекста данной практической деятельности и найти новые возможности действия. Технология ОДИ, прежде всего, связана с наращиванием возможностей действия на основе формирования нового

видения институционального контекста и новых средств. Эти новые средства создаются в виде деятельностной семиотики — схем, обеспечивающих самоорганизацию действия, коммуникации, мышления. Основным условием обнаружения и расширения возможностей действия в институциональном контексте являются осознание основных противоречий организационной структуры, разрывов в несвязанных видениях у разных участников, а также рефлексия недостающих средств, обеспечивающих преодоление этих разрывов. Для того чтобы обнаружить подобные противоречия в ситуации коммуникации и затем преобразовать их в предмет осознания и рефлексии участников игры, мы используем техники проблематизации. Можно даже сказать, что ядро гуманитарной технологии ОДИ, стимулирующей изменения в действии, коммуникации, мышлении, связано, прежде всего, с организацией процессов проблематизации.

Другой способ организации воздействия на представителей конкретной практической области, обеспечивающий повышение уровня их профессионального мышления, понимания, действия, коммуникации, связан с разработкой **игровых антропологических тренингов.** Эти тренинги организуются как открытая игровая среда и сценируются на основе ролевых и позиционных схем. В этой открытой игровой среде участники предпринимают провокативные и рисковые операции, решаются организовывать специальные экспедиции для достижения желаемых результатов. Ситуация в этом случае не определяется лишь регламентом групповых заседаний и общими межгрупповыми дискуссиями. Каждый участник, находящийся в игровой среде, должен решить, какой тип альянса он может организовать с другими участниками, какой тип экспертизы и знания различных участников можно использовать, чтобы достичь здесь и теперь желаемых результатов, какой тип сценария может быть разработан для структурирования игровой среды.

Так, например, чтобы суметь управлять активами на разных этапах их цикла жизни — ремонтировать, модернизировать или оснащать гидроэлектростанции новыми турбинами и в этом случае убеждать финансистов в необходимости направлять значительную часть прибыли на покупку новых агрегатов, — менеджеры, обладающие экономическим мышлением, должны разработать различные решения и спровоцировать обсуждение этих решений с главными инженерами, работающими на разных гидроэлектростанциях. Поскольку главные инженеры являются важнейшими держателями так называемых «невесомых активов» — знаний о состояния оборудования, их экспертиза предлагающегося типа воздействия на оборудование яв-

ляется решающим аргументом при оценке последствий эффективности данного типа воздействий.

Участники данной игровой среды сами должны решать, что в данной ситуации делать и как организовывать свои инициативы. Их инициативы и действия не определяются какими-либо рекомендациями, непосредственно главные инженеры не могут включаться в ситуацию коммуникации с экономистами. Но без подобного типа коммуникации невозможно получить контроль над активами и овладеть циклом жизни активов. Мы оставляем за скобками специфическую ситуацию в российской экономике. Эта ситуация связана с переходом от административной технократической плановой экономики, в которой доминирующую роль играл военно-промышленный комплекс с ключевой фигурой главного инженера в этой экономической системе отношений, к неолиберальной экономике. В неолиберальной экономике ключевую роль играют отделы маркетинга и финансовые департаменты. Обычно главные инженеры являются пожилыми людьми и они не хотят участвовать в обсуждении «финансовой софистики», как они называют стиль мышления финансовых менеджеров. С другой стороны, главные инженеры сами не в состоянии принять обоснованное инвестиционное решение о замене старой турбины на новую, а также определить варианты принципиально новых технических решений. В то же время после отключения электричества в Москве в результате аварии на станции в Чагино Анатолий Чубайс изменил приоритеты экономического развития для энергетических корпораций. Важнейшим приоритетом стали надёжность функционирования оборудования и отсутствие отказов при его эксплуатации, а отнюдь не финансовый успех и увеличение прибыли, как это утверждалось до данной аварии.

Для того чтобы достичь важных для корпорации результатов и предложить интересные решения, участники игры должны решиться на то, чтобы предпринять своеобразные «экспедиции», действия в игровой среде и вступить в коммуникацию с позициями, которые обычно исключаются из обмена мнениями. Очень часто личное скрытое знание (tacit knowledge) и экспертиза предложенного решения являются важнейшим элементом при формировании нового стратегического видения. Для понимания различия между легко изменяемой средой игровых антропологических тренингов и структурированными ОДИ следует отметить, что в игровых антропологических тренингах каждый участник должен действовать в соответствии со своими притязаниями, самооценкой и возможностями

для того, чтобы достичь результатов, которые он смог бы предъявить.

Различие между гибкой изменчивой средой игрового антропологического тренинга и ОДИ как специфической организационной формы состоит в следующем:

- **Специально разработанная искусственная деятельностная среда как особого типа маршрут.** Участники тренинга понимают, что в организованной ситуации есть возможность сделать определённые ходы: подготовить проекты, обсудить эти проекты с ключевыми фигурами и предложить новые решения. Можно ограничить себя до обязательных задач в рамках бюрократических функций. Вы можете осуществлять ходы, а можете их не делать. В этом случае ваши компетенции и ваши возможности будут использованы другими участниками.
- **Игровая среда как резервуар ресурсов.** Ситуация организована таким образом, что имеется возможность обнаружить требуемые компетентности и получить экспертизу новых предлагаемых решений у различных участников. Это можно получить на основе коммуникации и включения во взаимодействие с новыми участниками. Делая интересные предложения, можно получить доступ через участие в различных дискуссиях к новым профессиональным позициям и институциональному статусу. Пустые и никчемные предложения приведут к понижению статуса и уменьшению возможностей занять важные профессиональные позиции.
- **Специально организованная индивидуальная рефлексия личностной игровой стратегии в тренинге и процесса её осуществления.** Специально подготовленный тренер-игротехник инициирует у участников тренинга рефлексию выбранной личностной стратегии и форм её реализации. При помощи такой рефлексии участники получают обратную связь и осознают то, что они делают.
- **Иерархия компетентностей в профессиональной общности против бюрократической иерархии должностей.** В игровой среде возможно очень быстро выявить иерархию компетентностей при помощи планирования действия и его осуществления, а также на основе оценки замысла действия, его результатов и последствий. Все недостатки организации действия могут быть выявлены: расхождение между предлагаемыми новыми идеями и неумением их реализовать, личная сноровка ситуативного действия и неспособность сообщить в коммуникации идею действия другим членам команды, коммуникативные умения и неспособность действовать в соответствии с заявленной стратегией. В живой

действующей общности в оппозицию к формальной бюрократической организации существует иерархия компетентностей.

- **Размывается граница между игровой средой тренинга и конкретной практической работой.** Участники продолжают реализовывать некоторые новые идеи действия и способы реализации действия, которые были найдены во время игрового тренинга за рамками этого тренинга. Некоторые организационные или политические ситуации, которые были проиграны, — проваленные переговоры, корпоративные и рефлексивные войны — становятся предметом тренинговых процедур.

3) Двойная возможность мыследеятельностного метаязыка.

На основе системомыследеятельностного подхода (теории мыследеятельности) можно строить, как минимум, два различных описания практической ситуации. Первое позволяет описывать данную ситуацию в языке организационной структуры и институциональных принципов. Объективное мыследеятельностное описание направлено на то, чтобы выявить организационные схемы, которые позволяют управлять различными рабочими процессами при помощи норм и стандартов, средств и способов, которые обеспечивают форму организации работ в различных практических контекстах.

Так, например, мы проводили специальную ОДИ по выявлению различных возможностей IT-групп, работающих в различных энергетических компаниях, для того чтобы структурировать поле деятельности членов IT-сообщества. Было зафиксировано, что можно выделить три принципиально разных уровня, три принципиально разных уклада профессиональной деятельности по обслуживанию информационных технологий.

Для первого уровня профессиональной организации содержанием IT-деятельности является выполнение поставленных технологических заданий по введению в действие информационных технологий и их поддержке. Как правило, в этом случае специалисты, работающие с информационными технологиями, не выделены даже в отдельное подразделение. Специалисты, выполняющие задание, как правило, говорят на своём профессиональном языке, который непонятен пользователям информационных технологий. Находящиеся на данном уровне профессиональной деятельности специалисты по информационным технологиям считают, что формой построения единого ГГ-пространства должно быть создание единой административной структуры, определяющей все работы по IT в энергетике и посылающей команды из единого центра.

Для второго уровня профессионального развития IT-деятельности характерна работа с пользователем информационных технологий на уровне услуги. При данном уровне организации ГГ-деятельности существуют отдельно выделенные подразделения. На данном уровне профессионального развития специалисты по IT-деятельности стремятся говорить с заказчиком на его языке, обеспечивая перевод стандартных ГГ-решений в представления, понятные заказчику. Для представителей данного уклада IT-деятельности формой построения единого IT-пространства является сетевая компания, имеющая централизованный орган, разрабатывающий единые стандарты предмета работы (услуги), стандарт качества работы, стандарты 1Т-бюджета, стандарты менеджмента.

Для третьего уровня, третьего уклада профессиональной IT-деятельности характерна попытка использовать IT-подходы для управления бизнесами, к которым относятся рационализация бизнеса (создание для хаотически формирующегося бизнеса рациональной формы его воспроизводства), снижение издержек, управление воспроизводством активов, управление процессами слияния и поглощения, особенно знаньевых активов, и т.д. При данном уровне организации IT-деятельности существует сетевая структура со специализированными функциями агентов сети. На данном уровне профессионального развития специалисты по IT-деятельности стремятся сформулировать на языке собственника принципиально новые предпринимательские решения, которые лишь после их принятия бизнесом будут оформляться как IT-решения. Для представителей данного уклада IT-деятельности оптимальным способом интеграции различных ГГ-групп в энергетике является предпринимательская корпорация, в которой у каждого из участников есть значительное поле собственной деятельности, бизнес-решения, ресурсы, наработанные стандарты, сетевые группы. Общие же задачи представителей предпринимательской корпорации связаны с формированием единой идеологии, согласованием стандартов и определением принципов единой политики.

После того, как эти три уровня профессиональной организации IT-деятельности были выделены, они стали своеобразным рефлексивным языком для выявления принципов собственной организации и взаимоопределения между участниками, принадлежащими к одному и тому же или разным ГГ-укладам. Таким образом, подобный анализ позволяет выявить организационную структуру деятельности, которая определяет уровень сложности мыследеятельности в этих трёх различных типах 1Т-групп.

Но системомыследеятельностный подход точно так же может быть использован для того, чтобы выявить и описать компетентности участников в ОДИ и игровых антропологических тренингах. Подобное описание может быть весьма полезным, когда участники игровой работы действительно хотят изменить свой статус и развить новые компетентности. Подобный субъективный мыследеятельностный анализ компетентностей связан с выявлением способов и средств мышления, форм понимания и коммуникации, принципов действия, способов воображения, типов рефлексии. Подобный компетентностный анализ весьма полезен, когда участники проектируют личностную сдвижку в их способе работы в конкретной организационной ситуации. Можно также выявить и описать различные уровни иерархии компетентностей. Таким образом, для работы с конкретной организацией мы используем специальную иерархическую шкалу для оценки компетентностей.

Прежде всего, мы используем мыследеятельностный метаязык для оценки типа компетенций в коммуникации, действии, мышлении, используемых конкретным человеком *(см,* схему 23).

Мы различаем пять уровней компетентностей действия:

1. Выполнение задания (задание ставится для данного исполнителя его руководителем).
2. Достижение целей (данный человек может сам поставить цель).
3. Постановка и решение задач (на основе поставленных целей).
4. Возможность действовать в изменчивой, неопределённой и размытой среде.
5. Способность выявить проблему, её зафиксировать и разложить на задачи (различие между задачей и проблемой состоит в отсутствии разработанных культурных средств, необходимых для решения проблемы).

Можно различить пять уровней коммуникативных компетентностей:

1. Способность строить коммуникацию только внутри собственной профессиональной общности — внутригрупповую коммуникацию, монопозиционную коммуникацию, моноязычную коммуникацию и понимание, монопозиционную, но многофункциональную групповую коммуникацию — способность коммуницировать и понимать различные функции в команде.
2. Межгрупповая, но внутрикорпоративная коммуникация (внутри одной корпорации), многопозиционная, полиязычная коммуникация и понимание.

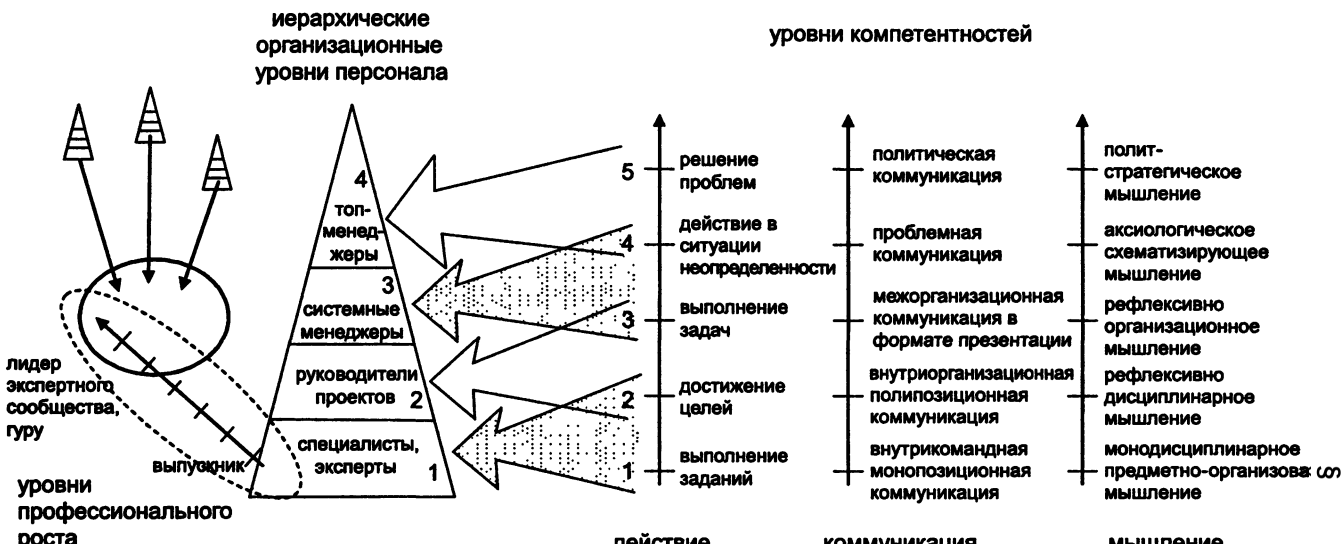

Схема 23. Использование мыследеятельностного метаязыка

3. **Коммуникация, ориентированная на передачу определённых ценностей, презентационная, межкорпоративная, представительская, мультипозиционная, мультидисциплинарная коммуникация.**
4. **Способность осуществлять коммуникацию в проблемной ситуации, в которой имеются противоречия между различными участниками и отсутствуют выработанные средства и знания.**
5. **Политическая коммуникация в разностатусной среде, способность консолидировать и выявлять социальную миссию.**

Выделяются пять уровней мыслительных компетентностей:

1. **Дисциплинарное предметно-ориентированное мышление.**
2. **Рефлексивное дисциплинарное мышление, позволяющее выявлять и фиксировать форму организации мыслительного процесса и структур знаний в данной предметной области.**
3. **Рефлексивное мышление, позволяющее понимать способы действия различных специалистов, недостатки, ограничения и преимущества «носителей» разных типов мышления, разных коммуникативных стилей.**
4. **Аксиологическое и схематизационное, ориентированное на построение и употребление схем мышление, при помощи которого можно конструировать предпринимательские схемы, создавать организационные машины из людей и одновременно понимать потребности и ценности людей.**
5. **Политическое стратегическое мышление, которое организовано вокруг сценариев, способное инициировать события, организовывать рефлексивные и интерпретационные игры между держателями ключевых ресурсов ситуации.**

Мы используем эти пять уровней компетентностей для процессов действия, коммуникации и мышления, чтобы описать четыре иерархических уровня персонала в корпорации. Организационные слои между этими уровнями достаточно просторные, и множество должностных функций и мест располагается в каждом слое. Но основная идея данного языка, дифференцирующего компетентности, состоит отнюдь не в том, чтобы приписать некоторую выделенную компетентность определённой должности в бюрократической иерархии, но для того, чтобы организовать профессиональное и организационное продвижение людей по уровням организации на базе роста компетентностей. Если человек хочет или вынужден изменить организационный уровень, он будет вынужден развивать новые компетентности, чтобы достичь нового компетентностного уровня. И мы используем ОДИ и игровые антропологические тренинги,

чтобы наращивать компетентности или инициировать выращивание новых компетентностей.

Мы выделяем четыре иерархических организационных уровня персонала в корпорации.

Первый уровень представляет специалистов со специфическими знаниями в различных профессиональных полях: в инженерии, финансах, бухучёте, IT и т.д. Этот уровень имеет свои собственные измерения дифференциации и роста вне корпорации: от выпускника вуза, только что получившего диплом, до профессионального гуру и пандита-эксперта в различных внешних экспертных сообществах. Но внутри корпорации этот уровень предоставляет возможность применения специализированного знания. Обычно первый и второй иерархический уровни компетентностей соответствуют этому организационному уровню.

Второй организационный уровень конституируется руководителями проектов — менеджерами, которые могут инициировать, разработать и организовать реализацию проекта, а также создать сеть взаимодействий между «обладателями» редких компетентностей. Люди этого уровня могут находить финансовые и интеллектуальные ресурсы, консолидировать людей для достижения выделенных целей, а также презентировать содержание проекта и его основные достижения членам правления корпорации. Обычно второй и третий уровни компетентностей мышления, коммуникации и действия соответствуют этому организационному уровню.

Системные менеджеры, координаторы нескольких проектов и корпоративных операций находятся на третьем этаже корпоративной иерархии. Эти люди могут конструировать из различных проектов важнейшие функции корпорации, создавать резервуары ресурсов для новых и новых проектов, вступать в коммуникации с внешними людьми, представителями других корпораций, политиками, прессой по поводу интересных результатов, полученных на основе проектов. Обычно третий и четвёртый уровни компетентностей коммуникации, действия и мышления соответствуют этому организационному уровню.

Вершину организационной пирамиды занимает так называемая «команда наверху» — pyramid is formed by team at the top. Она состоит из главных менеджеров-политиков, которые могут конструировать и управлять интегральными функциями организации, обеспечивают её связность и устойчивость функционирования, могут формировать внешний политический ресурс, который жизненно важен для компании. Обычно они обладают личным видением будущего

корпорации в данной профессиональной области, а также пониманием миссии корпорации. Четвёртый и пятый уровни компетентности коммуникации, действия и мышления соответствуют этому организационному слою.

Соответствие между уровнями компетентностей и слоями организации построено таким образом, что возникают отнесения компетентностей одного и того же уровня к разным слоям организации. Подобные отнесения обеспечивают непрерывность развития компетентностей при переходе от одного организационного уровня к другому, организационный уровень конституируется задействованностью одновременно двух уровней мыследеятельностных компетентностей.

Почему же в период так называемого сетевого общества (Мануэл Кастеллс) и уплощённых организационных структур, мы говорим об иерархии компетентностей и пирамидах организационных слоев? Потому что мы считаем, что в многоуровневой хаотической сетевой организации информационного общества зависимость от иерархии компетентностей много выше, чем в период доминирования иерархических бюрократических организаций. Но выявить реальную иерархию компетентностей — структуру символического капитала, по Бурдье, своеобразный vojioq dypctcpoc; (неписаный закон) более трудно, чем считывать очевидный и демонстративный статус в организации.

Мы понимаем, что наша идея иерархии компетентностей, которую мы используем в ОДИ и игровых антропологических тренингах, в некотором роде является корпоративным мифом. Потому что люди в организациях часто имеют статус не благодаря наличию у них компетентностей и способности достигать важных результатов, но вопреки им. Но подобный миф имеет очень важную ориентационную функцию при включении молодых людей в деятельность корпорации и при организации изменений. Поскольку на основе мобилизации и развития компетентностей множество людей достигают более высокого ранга в организации.

Остаётся очень важный вопрос, насколько глубоко мы проникли в природу компетентностей в нашем анализе при использовании мыследеятельностного подхода?

Тут можно привести очень важный пример об организации компетентности мясника, который приводится в третьей главе даоского канона знаменитого «Чжуан Цзы>>. Этот мясник был поваром царя Вэнь-хоя, он замечательно разделывал туши быков. Во время визита царя Вэнь-хоя на кухню мясник отвечал на вопрос царя об уровне его мастерства. Мясник сказал: «Ваш слуга любит Путь, а он выше

обыкновенного мастерства. Поначалу, когда я занялся разделкой туш, я видел перед собой только туши быков, но минуло три года — и я уже не видел их перед собою. Теперь я не смотрю глазами, а полагаюсь на осязание духа, я перестал воспринимать органами чувств и даю претвориться во мне духовному желанию. Вверяясь порядку, устроенному Небом, я веду нож через главные сочленения, непроизвольно проникая во внутренние пустоты, следую лишь непреложному и потому никогда не наталкиваюсь на мышцы или сухожилия, не говоря уж о костях»[1]. В своём комментарии к этому знаменитому месту в «Чжуан Цзы» русский китаевед и философ Владимир Малявин настаивает, что в данной ситуации мы имеем дело с описанием весьма специфического состояния сознания. Выражение «осязание духа» (по-китайски «шэнь хой») является ничем иным, как состоянием священного трепета в «пространстве вселенской сообщительности»[2]. «Здесь сознание и объект», — пишет В.В. Малявин, — «нож и рассекаемая им туша взаимно исчезают друг для друга в беспредельном континууме ритмизированной пустоты»[3]. С нашей точки зрения, очень важный уровень описания компетентностей связан с возможностью выявлять состояния сознания, антропологическую матрицу сознания. Но первый уровень описания компетентностей как раз связан с возможностью реконструировать средства различных интеллектуальных процессов — мышления, коммуникации, действия.

[1] Цитируется по кн.: Малявин В.В. Китай управляемый. Старый добрый менеджмент. М.: Европа, 2005. С. 166.

[2] Там же. С. 169.

[3] Там же.

ГЛАВА 2 Что такое тип? Человек как источник мыследеятельности. Мыследеятельность как институт. Два протойнститута по Корнелиусу Касториадису: легейн (логос) и теукейн (техне)

Обсуждая проблему типов и типологий, мы сталкиваемся со следующим вопросом: а зачем вообще нужны типы и почему они с необходимостью формируются в науках? Что позволяют вычленять и анализировать типологии, типономики, типотевтики и типоэйдетики в мышлении и в мыследействии?

Как это может показаться ни парадоксально, но тип это есть своеобразная форма разграничения зон мыслимости, которая не позволяет в данный момент прожить на одних и тех же мыслительных основаниях одновременно разные предметы практики. Тип обозначает некоторый объём возможного мыслительного освоения предмета, который не может быть промыслен и реализован одновременно с другим предметом. Тип не позволяет произвольно проецировать одну и ту же схему, один и тот же способ действия на совершенно разные по формам организации. Тип как бы отрицает одновременность проживания и освоение практики действия с (как минимум двумя) разными предметами. И хотя мы можем создать символическую математику исчисления смыслов, но в этом случае мы лишь будем именовать типы, а отнюдь не одновременно проживать их. За идеей работы с типами стоит методологическая процедура «расщепления волоса», когда, казалось бы, в единой вещи обнаруживается существование множества миров.

Разрабатывая систему типов, мы сталкиваемся с важнейшей проблемой гуманитарного знания XXI века: как, собственно, можно разделить и разграничить институты — формы организации общественной и государственной жизни и людей — антропологию, формы организации и типы личности. Анализируя и разделяя типы, мы собираемся теоретически решать именно эту проблему — как в анализе намечаемых и осуществляемых общественных изменений соотносить и разделять организационно-институциональные структуры и антропологические, персоналистические системы из личностно-организованных людей и возможности действия самих людей.

Намечая подобную проблему, мы одновременно понимаем, что за её решением стоит необходимость не смешивать представления об институте и социологию, представления о человеке и психологию, представления о человеке в социальной организации и социальную психологию. Требования различать дисциплинарные поля и предметную организацию наук XIX века (социологию и психологию) являются для нас очень важными. Мы предполагаем, не погружаясь в уже существующие ограничения этих предметов, данных научных дисциплин, наметить проблемы развития общественной практики, происхождения личности и сознания.

Современные типологические и системно-типологические исследования являются для нас важнейшим ядром анализа вопроса о форме.

Основная проблема развития системомыследеятельностного (СМД) подхода сегодня состоит в рассмотрении его институциональных и антропологических оснований. Что такое человек в мыследеятельности, как устроены институты и институциональные структуры?

Одной из важнейших проблем СМД-подхода являются взаимосвязь и соотношение мыследеятельности и истории. Реальность мыследеятельности — это то, что мы можем строить, чем мы можем управлять, и то, в чём мы находимся сегодня. История — это то, что не может быть мыследеятельностно перепроиграно, перепланировано, заново прожито и осуществлено. История не знает сослагательного наклонения. История осуществилась — она произошла. Но в осуществившейся истории содержится потенциал для развёртывания и осуществления новых ходов в будущем.

С другой стороны, существует жесточайшая борьба за будущее и поэтому за выявление и оформление смысла истории мыследеятельностных механизмов, на основе которых строилось историческое действие в прошлом. Создаваемые всё новые и новые интерпретации исторического прошлого нацелены на то, чтобы перепроиграть и изменить смысл произошедшего. Заново перепроиграть историю невозможно, но каждый раз вскрывать в новой исторической ситуации смысл исторического действия необходимо, поскольку именно на основе подобного смысла можно разобраться с тем, что имело место в прошлом. В человеческом обществе постоянно идёт борьба за переоформление результатов исторических действий. Почему в учебниках по новейшей истории для средней школы, создаваемых голландскими авторами, вымарано всё, что касается роли Советского Союза в победе над фашизмом? По одной простой причине — именно этот момент голландским авторам учебников хочется иско-

ренить и стереть из сознания наших школьников. Чтобы мы не смели гордиться силой духа русского солдата во второй мировой войне. Но хотя пониманием исторических событий можно манипулировать и на этом строится, в том числе, попытка управлять историческими процессами, это манипулирование не бесконечно. Извращение имевших в истории исторических деяний и попрание смысла жизни умерших героев приводит к тому, что люди теряют свою историческую миссию и связь в своих деяниях с личным бессмертием. В результате живущие поколения оказываются отлучены от исторического смысла существования. Это, как правило, заканчивается восстанием масс и социальными разрушениями.

Относясь к историческому знанию с точки зрения системомыследеятельностного подхода, мы могли бы сказать, что история, с точки зрения используемых категорий, не мыследеятельностна, но системна. Это означает, что она не может быть промыслена как актуальная система мыследеятельности — мы не можем тут же броситься в прошлое и задать наши версии действия, мышления, коммуникации участников прошлых событий. Это предполагало бы, что мы можем переделывать своё прошлое — вторгнуться в историю и её переиграть, перемоделировать или ввести сослагательное наклонение в анализ исторических событий. Но история системна — в ней могут быть выделены процессы, материал, требующий переосмысления. На основе произошедших событий развёртываются и осуществляются следующие события. Произошедшие события в прошлом позволяют людям не повторять их в будущем. Прямое же повторение событий, как правило, связано с деградацией памяти людей и, следовательно, с изменением самого антропологического механизма включённости людей в историю. Сам момент произошедшего, случившегося в истории как результата творчества больших групп людей является условием следующего шага творчества. Люди не повторяют произошедшего, но в новой ситуации на основе осмысленного и освоенного строят новый способ действия, пытаясь воспроизвести близкий их духу образец действия в прошлом. История является сокровищницей духовных деяний и результатов деградации, провалов в человеческих устремлениях. Вопрос заключается лишь в следующем: человечество просто тратит и прожигает, изводит и уничтожает отпущенную ему животворную субстанцию или стремится перейти к воспроизводству живого и преодолению смерти? При подобном подходе, анализируя результаты прошлой мыследеятельности в истории, мы не можем ничего переиграть, ничего поправить. Но мы можем анализировать исторические процессы,

системные процессы, которые имели место в истории. И эти исторические процессы представляют собой акты формирования и созидания человеческих установлений — институтов, которые движутся через историю, и являются закреплением результатов человеческих устремлений и действий. Способность выделять подобные человеческие установления, институты и понимать, как они движутся — очень важна, потому что в этом случае у нас появляется возможность выделять своеобразных акторов истории. Реальная история конечно же не является механическим полем взаимодействия бездуховных институциональных акторов. Подобный взгляд на историю, что в ней самодействуют институты, не был бы ничем иным, как своеобразным институциональным натурализмом, который как всякий натурализм — семиотический — когда представляется, что в истории самодействием обладают схемы и знаки, — является ошибкой. Всякая история — это всегда живая история столкновений и борьбы взаимодействующих и сталкивающихся в ней сил в виде конкретных борющихся людей. Живые люди, получая доступ к институтам или создавая формы организации мыследеятельности, становятся реальными игроками и действующими силами истории. Проблема очень часто состоит в том, что человек так долго пробирается в первые ряды действующих институтов, чтобы обеспечить принадлежность к правящему классу и стать реальным участником исторических событий, что он под конец приобретает все стереотипы господствующей группы людей и ничего экстраординарного в плане социокультурного действия он предложить не может. Его сознание становится отягощено всеми основными стереотипами и характеристиками сознания правящего класса. Подобная неоднородность и различённость институциологии и антропологии, собственно, и делает очень интересной проблему истории. С этой точки зрения, ни один социальный институт государств мира не может быть оценен безотносительно к людям, стремящимся действовать от его имени. Так, например, институт президентства Соединённых Штатов является площадкой напряжённой борьбы выбранных президентов за их возможность выдвигать и реализовывать автономные суверенные цели государства США, не подчинённые и не подвластные влиянию никакой социальной или профессиональной группе. Именно отсутствие подобных суверенных самостоятельных целей или, наоборот, их наличие является основным критерием оценки действий президента США. Анализируя способность действующих президентов США ставить и реализовывать подобные суверенные государственные цели, мы сразу же

выделяем Франко Делано Рузвельта, Джона Кеннеди. И нам становится понятен смысл сексуального скандала с Билом Клинтоном, за счёт которого последний был поставлен под контроль для целого ряда финансовых олигархических групп, а также появление самого глупого в истории Америки президента (как его называют сами американцы — the most dummy president in American history), контролируемого весьма своеобразным окружением — Кондолезой Райе, Волфовицем, Чейни, Пауэлом, Рамсфельдом, Ашкрофтом.

Таким образом, системо-мыследеятельностный подход по отношению к истории предполагает, что мы не будем стремиться вычитать из истории мыследеятельностных характеристик, но мы должны анализировать процессы изменения важнейших институтов, действующих на протяжении достаточно длительных исторических периодов. При этом анализ данных институтов предполагает, что мы должны различить сами институты и действующих в системе институтов и от их имени людей.

Но как же можно выделять институты, которыми являются особые специальные установления принципов общественной жизни людей? Мы согласны с мыслью философа Корнелиуса Касториадиса, что социальные институты устроены таким образом, чтобы их собственный генезис был скрыт от людей. Поскольку если происхождение институтов становится понятно, то, во-первых, можно создавать новые институты, во-вторых, можно менять и преобразовывать существующие институты. Подобные преобразования позволяют преодолеть возникшие типы господства и подчинения. Подобный взгляд на природу и устройство институтов чем-то весьма схож с идеей предпринимательской схемы.

Предпринимательская схема существует лишь до того момента, пока она не была создана и реализована. Будучи публично продемонстрирована и освоена сообществом, она уже не может быть использована, поскольку теперь каждый знает о её существовании и устройстве (СВ. Попов, СБ. Чернышёв). Поэтому каждый может претендовать на заложенную в её устройство предпринимательскую ренту и её использование. Правда, можно утверждать, что люди, создающие предпринимательские схемы, могут владеть классом предпринимательских схем. И в этом случае им достаточно просто менять конкретный вариант предпринимательской схемы на другой. Следует при этом отметить, что предпринимательская схема, ориентированная на получение прибыли, может быть никак не связана с развитием мыследеятельности. В основе её создания и получения лежат обыкновенная жадность и стремление разбога-

теть. В этом случае предпринимательская схема направлена на разрушение существующей системы институтов. Нечто подобное мы наблюдаем сегодня в системе разросшихся схем финансовых спекуляций, приведших к тому, что разрушается одна из самых могущественных мировых экономик — экономика США.

Но есть и ещё один важнейший момент, делающий выделение и обнаружение институтов весьма трудным занятием. Обнаружить и вычленить происхождение первичных институтов не так-то просто. В своей книге Корнелиус Касториадис «Общности как институты воображения» говорит о двух исходных для европейской цивилизации институтах, так называемых протоинститутах Aeyeiv и TeuKsiv, где результатом деятельности одного института является «логос», а результатом деятельности второго института является «Техне» — искусство, техника, орудия. Именно эти два института, обеспечивающие получение двух вышеуказанных продуктов, являются, с точки зрения Корнелиуса Касториадиса, двумя важнейшими исходными институтами европейской человеческой цивилизации.

Соглашаясь с автором в оценке фундаментальности двух вышеуказанных институтов, мы бы попробовали поставить вопрос о важности и значимости третьего института — института 'Opaoo, продуктом деятельности которого является идея или теория. Конечно, выделение данного института, на первый взгляд, кажется весьма непривычным. Ведь глагол 'opaco обозначает простое смотрение, вглядывание. Но поскольку результатом этого смотрения является идея, предполагающая выделение идеального предмета, а также теория — исходно этимологически буквально — восприятие Бога или незаинтересованное вглядывание, всматривание в Бога, важнейший для европейской цивилизации институциональный продукт, приведший к созданию платоновской Академии и аристотелевского Ликея, то нам представляется весьма уместным настаивать на необходимости выделения института 'Opaco в качестве важнейшего третьего исходного институционального образования в истории человечества. Именно введение данного института привело к необходимости различать «докса» (мнение) и «эпистеме» в условиях софистической революции, приведшей к возможности продавать знания за деньги. Сегодня мы переживаем следующую эпохальную революцию в рамках данного института, приведшую к возможности создания особой сферы знаний и знаков — семиоэпистемосферы, в которой знания и знаки существуют и вращаются независимо от человеческого сознания. То есть человеческое

сознание является дополнительно инвестируемой энергией, необходимой для существования этой сферы. В связи с этим появляются попытки приватизировать фрагменты и куски семиоэпистемосферы, ограничивая к ней доступ целых выделенных групп людей. Но теперь, если мы заново выделим три первичных исходных института: институты Asyeiv, 'Ораю и Teoxxiv и сопоставим их со схемой мыследеятельности, то мы увидим, что эти три исходных института есть не что иное, как исходные институциональные корни схемы мыследеятельности. Институту Aeyeiv соответствует мыслекоммуникация, институту 'Opaco соответствует чистое мышление, институту Teoiceiv соответствует техника и искусство.

Само подобное сближение и соотнесение трёх базовых процессов мыследеятельности с тремя типами институтов нуждается в комментарии. Но если сближение института Aeysiv (за которым стоят проблемы анализа логосов) с мыслекоммуникацией и TeuKSiv (за которыми стоят техники) с мыследействием более менее допустимо, то отнесение процессов 'Opaco к чистому мышлению непонятно. Означает ли это, что в данном случае речь идёт о происхождении мышления из чувственного восприятия и ощущения? Конечно же нет. Мы вслед за нашим учителем Г.П. Щедровицким, принадлежащим фихтеанско[1]-платонической традиции, считаем, что мышление существует вовне головы человека и что оно объективно. Собственно, из подобной постановки вопроса и рождается проблема формы — принципиально новая, отличающаяся от рассмотрения представлений о форме в аристотелевской философии и в марксизме. Фихтеанская проблема формы кладёт в основу подобного рассмотрения анализ формы как процесса или полипроцесса (многопроцесса) — движущейся живой процессуальности.

Правда, весьма знаменательно, что эти три института выделяются и полагаются на основе существования трёх вещей, зафиксированных древнегреческой цивилизацией отчуждаемых и выделяемых из природы и человека — логосов, теорий (и идей), техник. Этот момент внешней отдельной от человека объективации продуктов деятельности институтов содержит с самого начала возможность отчуждения.

[1] **Называя Г.П. Щедровицкого неофихтеанцем, мы отделяем неофихтеанцев от неокантианцев, поскольку именно для неофихтеанцев оказывается принципиально важен акцент на деле-действии, а не на объяснении уже свершившегося. Именно в этой точке мы видим очень серьёзную проблему различения и противопоставления фихтевской философии и кантианской философии.**

И, собственно, проблема восстановления исходной соприродности этих институтов человеку предполагает необходимость генетического анализа и выявления механизмов и условий происхождения этих институтов. В этом случае мы должны будем перейти к анализу вещей, не отделяемых и не отчуждаемых от самого человека, например, самой телесной организации человека, системы символических образов или мыслеобразов, выделяемых в сознании, звучащей речи. Тело как инструмент и как предмет воздействия относится к мыследействию, символические образы или мыслеобразы, движущиеся независимо от чувственно-образного восприятия предметов, — к мышлению, звучащая речь, содержащая сопереживание и обращение к мыслекоммуникации. При этом мы, безусловно, должны понимать, что, осуществив подобную проекцию мыследеятельностной онтологии как протоинститута в генетические слои происхождения человеческого в человеке, мы получаем институциональные реальности, некоторые движущиеся круги над толщей воды, которые живут своей собственной жизнью. Телесная организация и тело как инструмент во всех его проявлениях — индивидуальное тело, социальное тело корпорации и космическое вселенское тело-универсум ещё должны быть переоформлены как зона и слой действия с необратимыми событиями и членением времени, с формами энергетических взаимодействий человека с окружением. Образы, содержащие световые прозрения, ещё должны вокруг себя начать концентрировать мысли и упорядоченные формы дискурса. Для этого световые прозрения ещё должны стать экраном референций (отнесений) и интендирования (направленности сознания). А звуковые мыслекоммуникативные сигналы, разрывающие фон индивидуального сознания, ещё должны стать звучащей речью, собирающей собственную и чужую эмоциональную энергию.

Этот проточеловеческий родовой слой постоянно переосваивается человеком на разных этапах онтогенеза. Но основная масса людей, пройдя через эти процессы овладения речью, мыслью, действием, затем навсегда утрачивает память об этих прожитых процессах. И лишь выдающиеся личности способны сохранить или даже восстановить память о родовых протоинституциональных условиях своего существования. Освоение или, точнее, раскрытие тайны подобных процессов предполагает погружение себя в особое марево (как этот слой называет В.В. Малявин) или магму (как об этом говорит Корнелиус Касториадис) энергийно-светоносных связей с людьми, которые уже ушли, и людьми, которые ещё не появились.

Не случайно Флоренский, обращаясь к истокам платоновского идеализма, считал, что идея есть не что иное, как зрак ушедшего первопредка, относительно которого выстраивается в ряд фамильная череда ликов моих родственников, всего их ряда, в том числе еще и не родившихся. Таким образом, идея коллективной фотографии Гальтона, получающаяся при накладывании друг на друга различных изображений, может оказаться верной, но только при том условии, что надо уточнить, какие фотографии накладываются друг на друга. Должны накладываться фотографии родственников разных поколений и типизироваться сама энергийная маска лица родственника. Это марево-магма образует своеобразное Зазеркалье скрытых в толще истории первичных институтов. Таким образом, стремление Андрея Тарковского и Льюиса Кэрролла забраться за ту сторону зеркала предполагает восстановление на самом себе, как члене поколенной чреды процесса генезиса исходных институтов, вступление во взаимодействие со всей системой энергийных связей родственников друг с другом. Подобное вхождение в Зазеркалье есть не что иное, как попытка пробраться к процессу генезиса сознания как энергийного источника, связанного с обладанием одновременно с другими людьми общим виденьем и общей вестью, то есть совестью. Только осуществляя подобную попытку и пытаясь приблизиться к позиции первопредка (занять которую невозможно, это отсутствующая, «выколотая» точка зазеркального пространства), человек получает возможность отделить себя от существующих и сложившихся социокультурных институтов. Задача подобного отделения постоянно стоит перед человеком. И мы на протяжении всех глав будем стремиться определять условия подобного отделения, поскольку только в этом случае человек действительно оказывается свободен. Возможность освободиться от институтов и овладеть ими может быть связана только со специальной работой по их всё новому и новому перепостроению, перевоспроизводству и пересозданию. Человек освобождается от чего бы то ни было, лишь сумев искусственно и искусно сделать это. В этом, собственно, заключается идея деятельностного подхода, представленная в работах Канта — познать вещь означает суметь сделать вещь.

Надо сказать, что обычно помещение себя в слой, где осуществляется перевоспроизводство институтов, особенно генетических исходных институтов, о которых говорит Корнелиус Касториадис, не происходит. В этом случае необходимо отвечать на систему достаточно сложных вопросов: каков механизм происхождения сознания, в чём заключается генезис мыслеобразов, как формируется

способность слышать голоса предков и разговаривать с потомками, как создаются инструменты и как тело превращается в уникальный инструмент, в систему всевозможных инструментов, в инструмент всех возможных инструментов. Человек встаёт на другой путь, связанный с созданием форм организаций, при помощи которых он учится овладевать способами действия институтов. Институты являются первичным, исходным, естественным слоем существования мыследеятельности, своеобразной второй телесной органикой. Формы организации являются специально создаваемыми искусственными изделиями, которые научается порождать и конструировать человек. С этой точки зрения, институты принадлежат истории, а формы организации находятся в социальном пространстве, которое создаёт и которым овладевает человек. Но именно историко-органическое существование институтов делает осмысленным конструирование форм организаций.

Безусловно, при овладении формами организации для человека оказывается недоступным процесс прослеживания исходного происхождения института, исходного перевоспроизводства институтов. Он замещает институты удобными для него формами организации и стремится овладеть институтами на основе работы с данными формами организации.

2.1. Институционализм как основная метатрансцендентальность

Вводя организации как продукт деятельности человека в отличие от институтов, являющихся результатом исторических изменений, важно было бы уточнить о формах организации «чего» в данном случае идёт речь? Мы имеем в виду прежде всего самые разнообразные формы организации мыследеятельности — военно-производственной мыследеятельности, промышленной, банковской, культово-религиозной, общественно-политической и т.д. Попадая в эти организации, человек занимает в них определённое место, он оказывается встроен и помещён в определённую организационную структуру, выполняя внутри неё зафиксированные функции. Но человек может занимать и определённую позицию по отношению к организациям, превращая их в предмет преобразования. Для того чтобы овладеть организацией, человек должен суметь поместить себя вовне организационного контекста, стать больше в рефлексивном мышлении и понимании, чем организация, в которую он

включен. Выстраивая организацию как предмет понимания и преобразования, человек попадает в поле рефлексивных противостояний и борьбы, поскольку не он один в хаотическом, неупорядоченном социуме вступает в противодействие и борьбу по поводу будущего данной организации. С этой точки зрения, получается, что всякая организация оказывается покрыта как бы особым рефлексивным туманом, своеобразным полем, в котором сталкиваются разные участники противодействий, стремящиеся понять и представить данную организацию как предмет дальнейших преобразований. Как маленький человек может стать сильнее и больше какой бы то ни было организации? Только одним образом, включив данную организацию в контекст многих организаций, в каждой из которых он может занимать определённое место.

ГЛАВА 3 Проблема трансферта институтов (рынка, прав и свобод человека, революции) из одной страны (одной социокультурной системы) в другую

Важнейшая проблема анализа типологий — это возможность помыслить опыт мирового общественного действия как свой собственный и перенести его в поле собственной практики. И осуществляя подобную работу, мы уже, естественно, не может полагать, как это делало всё неокантианство, психологию в качестве царицы наук, которая задаёт предельные онтологические основания изменения души. С другой стороны, было бы неверным вообще исключить те важнейшие изменения, которые происходят сегодня с человеком, и впасть в социологизм или логицизм. Изменения человеческого сознания, способностей и сверхспособностей являются важнейшей реальностью просматриваемых изменений общественных процессов. И люди, обладающие разными антропологическими характеристиками и занимающие разные места в социальных институтах, будут давать абсолютно разные оценки происходящим изменениям.

Для того чтобы присвоить опыт мирового общественного действия, необходимо нарисовать ландшафт происходящих общественных событий и определить собственную идентичность на его фоне. Необходимо ответить на два очень непростых вопроса: что происходит с миром как с целым и как мы определяем самих себя как игроков в системе мировых процессов? Для того чтобы отвечать на подобные вопросы, мы должны различить разные типы игр, которые могут осуществляться и ведутся в мире. До каких-то игр нам не дотянуться, и они для нас невозможны, какие-то игры для нас неинтересны, какие-то игры уже являются давно ушедшим прошлым, а мы, продолжая в них играть, тратим собственные ресурсы и возможности.

Россия, официально наследуя права и опыт СССР и царской России, сохраняет возможность осуществлять игру любого уровня. Но необходимо ответить на вопрос, имеет ли смысл присутствовать в данной выбранной игре. Например, следует ли играть в игру глобализации или глобализация должна стать всего лишь фоном,

относительно которого следует вести свою собственную игру совершенно другого уровня.

Ответы на данные вопросы даются совершенно по-разному в зависимости от того, считаем ли мы, что Россия встраивается в вожделенный благоустроенный райский Запад или встроиться никуда не удастся, поскольку мы в настоящий момент переживаем жесточайший мировой кризис, и поэтому никакие встраивания куда бы то ни было нам не помогут, поскольку этой неподвижной точки образца, относительно которого можно было бы мерить успешность своего продвижения, просто не существует. Вернее, та точка навигации, относительно которой мы ориентируем свой корабль «Россия», является выдуманным фантомом команды штурманов. По мере приближения к ней туман рассеивается и становится очевидно, что выдуманная далёкая блаженная страна не существует и мы попадаем в новые очень тяжелые реалии бурь, мелководий и т.д. С этой точки зрения, Россия может перемещаться, продвигая одновременно представляние о том, куда должна направляться вся мировая метацивилизация как коммуникация и взаимодействие многих цивилизаций в целом. В этом смысле задача России состоит в создании представления о метацивилизации, которая позволяет рефлектировать и опознавать разные цивилизационные реалии и включаться с представителями разных цивилизаций в диалог по поводу будущего. У России для этого есть все основания — она за последние сто лет прошла полный цикл, сменив основные типы всех возможных политических систем: родовую династическую монархию на социалистическое авторитарное государство и затем на президентскую либерально-демократическую республику. Россия, с этой точки зрения, уже побывала во всех возможных политических системах и для неё нет никакого запретного плода, она может сочленять и комбинировать из имеющихся типов, но, самое главное, у неё появляется возможность понимать другие цивилизации.

Осмысляя возможность выхода России в зону глобализации и освоения глобального пространства, необходимо чётко понять, что гибелью для России в этих условиях становится автаркия и изоляция от мирового целого. Поскольку это означает, что Россия выключается и выпадает из перспективных возможных зон взаимодействия и общения. С другой стороны, безусловно, понятно, что задачей России является не размазывание — растягивание потенциала русского населения по всему миру и тем самым изничтожение его, но построение форм, при которых, присутствуя в разных качествах на других континентах, осваивая перспективные рынки, осваивая

новые опережающие технологии, перенося на другие континенты собственные технологии и институты (например, институт фундаментальной разработческо-прорывной науки), Россия может заново обживать собственные территории.

Это означает, что корпорация или политическое руководство России должно осмыслять свои действия по всему миру, вводя специальное средство — представление о плацдармах, стадионах, театрах, форумах идентичностей, площадках, то есть специализированных деятельностных зонах, на которых могут развёртываться разнообразные типы взаимодействий. Плацдармы — это специально выделенные пространства для силовых столкновений и борьбы, стадионы — это зоны состязательности корпораций, стран, политических групп, театры — это обустроенные зоны восприятия и предъявления жестовых и символических форм действия, которые требуют осмысления и понимания, форумы идентичностей — это точки пространства, обустроенные для осуществления межпозиционного, межконфессионального, межцивилизационного диалогов. Выделение подобных зон и пространств обеспечивает обустройство разномасштабных систем действия вне территориального пространства страны. Чёткое осознание того, что страна открылась и существует за своими территориальными границами в виде её представленности на других территориях и конкретных действий в других странах, требует выделения и прорисовки подобных зон. Более неопределённым и одновременно многофункциональным термином является понятие площадки. Для корпорации или страны могут существовать разнофункциональные площадки — специально выделенные и организованные фрагменты пространства, которые могут использоваться в совершенно разных функциях. В соответствии с выделяемыми функциями площадки могут получить соответствующие названия: эксплуатационные площадки, накопительные площадки (термины, предложенные Линаром Габдулхаковичем Закировым), демонстрационные площадки, переговорные площадки, экспериментальные площадки, площадки продвижения, площадки включения. Построение типологических рядов — открытых рядов, которые окончательно не заполнены, но лишь могут заполняться, обустройство пространства под формируемую и складываемую деятельность — является важнейшим принципом пространственного развития и освоения пространства. В том случае, если корпорация или страна находятся в глухом, не функционализированном пространстве, которое слиплось комком в однофункциональный тип территории владения, то следующими этапами

жизни страны и корпорации будет болезнь и смерть. Более того, страна-противник, корпорация-противник, находящаяся в состоянии борьбы или противоборства с другой страной или корпорацией, уверенно и обязательно выигрывает, если пространство её собственной деятельности функционализировано и она эту функционализацию умеет видеть в неразделённой и неразведённой пространственной организации страны и корпорации противника. У кого в большей степени функционализировано пространство, тот и выигрывает.

В этом контексте мы бы попробовали ввести представление о так называемом постстратегическом синдроме, о котором последнее время говорит и пишет О.И. Генисаретский. Для нас постстратегический синдром связан с проецированием в бесконечную даль всё более мощных и всё более громоздких перспективных целей без попыток изменить антропологический уровень сознания и личностности тех общностей, общин и групп, которые осуществляют стратегирование. С этой точки зрения, стратегирование является очень простым феноменом — заполнение всего пространства возможного, связанного прежде всего с попыткой заполнить отсроченное будущее актом проектного продуцирования (бесконечного создания всё новых и новых проектов), при котором субъект не приобретает новый опыт, связанный с реализацией данного проекта в ситуации и с последующим изменением средств собственной работы, форм организации сознания, личностной организации и аксиологических матриц. Таким образом, стратегирующая группа заваливает себя громоздкими нереализуемыми целями. В этом контексте мы говорим про постстратегический синдром в тех случаях, когда группы, акторы, субъекты, осуществляющие построение стратегий, не меняют собственной организации, собственной мерности, уровня собственного потенциала. В этом случае мы имеем дело со стремлением заполнить всё возможное пространство постановки целей таким продуктом, который не даёт нам возможности сдвинуться и нарастить собственный потенциал. Данному типу проектного полагания противостоит программный тип движения, при котором, проходя через анализ и разрешение ситуаций, через постановку проблем и создание средств их разрешения, группа, коллектив, общность проживают ситуации кризиса и невозможности дальнейшего движения. Можно утверждать, что наиболее общезначимой единицей сегодняшней работы — формой работы, которая требуется на всех уровнях менеджерального и политического управления, является сценирование—построение сценариев действия в ситуации. Именно построение и создание сценариев действия в ситуации

предполагает координацию действий между всеми участниками ситуации, которые оказываются способны осуществлять независимые проектные полагания. Включить всех участников ситуации в один монопроект невозможно как раз потому, что у каждого из них есть свой собственный проект, и они могут, учитывая модификации и изменения проектов, предлагаемых другими участниками, создавать свои собственные улучшенные проекты, в которых учтены предложения других участников. Именно поэтому возникает задача разработки сценария совместного действия, направленного на взаимоопределение и выявление потенциала каждого из участников взаимодействия.

Обсуждая вопрос о трансферте институтов из одной страны, из одной социокультурной системы в другую, например, идей буржуазной революции, представлений о рыночной экономике, корпоративных стандартов управления, нам важно понять, что в этом случае страна, осуществляющая экспорт, предлагает своеобразную интерпретационную упаковку всего набора событий в стране-акцепторе на своих собственных основаниях. Она предлагает и передаёт своеобразный оператор понимания и усмотрения происходящего. Для того чтобы этот оператор сработал все альтернативные способы интерпретации, рассуждения хотя бы на время должны перестать действовать. Хорошо понятно, что основным агентом этих опережающих интерпретаций предлагаемой цивилизационной упаковки всех событий, происходящих в стране-акцепторе, является интеллигенция. Именно интеллигенция быстро и молниеносно, заимствуя язык и культуру другой страны, считает её более развитой, более передовой, более перспективной. По всей видимости, здесь происходит приблизительно следующее. Затратив время на изучение языка и социокультурных особенностей другой страны, люди, желая подчеркнуть свою нужность и не дать обесценить затраченный ими труд, пытаются навязать культурные стереотипы другой страны в своей собственной как более продвинутые и более высокие. Возникает специально формулируемая задача догнать более быстро движущуюся страну, а затем её обогнать.

Можно утверждать, что проблема экспорта нидерландской революции в Англию, английской революции во Францию, остановленных и неудавшихся попыток экспорта французской революции в Германию[1]

[1] **Напомним только хотя бы выразительное высказывание Бисмарка: «Что подобное действие (революцию!!!) можно осуществлять со страной, которую не жалко».**

и экспорт модели французской революции в Россию осмыслялись европейской интеллигенцией, и именно результатом этого осмысления и стало понимание особой роли психологии в интерпретации и анализе исторических событий. С сегодняшней позиции мы могли бы здесь заметить только одно: речь идёт не об абстрактном психологическом знании о системе психических функций или способностей души, образующих основу исторической событийности, но о навязывании определённой точки зрения значительным группам населения на восприятие и осмысление исторических событий. Выдающимся русским философом Густавом Густавовичем Шпетом[1] было показано, что идея, состоящая в том, что психологические представления могут выступать онтологией или онтологической моделью исторических процессов, не выдерживает никакой критики. Но именно эта идея пронизывает произведения практически всех кантианцев, представителей понимающей психологии европейского гуманитарного знания. Нам представляется, что причина подобных взглядов кроется в осознании простого обстоятельства: что непонятное, ничем не обоснованное возвеличивание некоторых принципов и форм жизни в соседней стране и стремление их перенести в собственную страну даже путём ужасающих разрушений и крови, предполагающих уничтожение значительной части населения, требует анализа реальностей жизни общностей, форм организации сознания отдельных людей. Почему вдруг общности, население страны отказываются от некоторого предназначения и начинают действовать против него? Не связано ли это с некоторыми внутренними механизмами души, работой сознания, астрономическими циклами, определяющими астрологические расчёты, и т.д.?

Наш ответ на этот вопрос вслед за Г.Г. Шпетом состоит в том, что подобные происходящие процессы не имеют никакого отношения к академической психологии, изучающей психические процессы. Но ответ на этот вопрос следует искать в сложной системе взаимоотношений человека и институтов, форм самоопределения человека, его социокультурной и институциональной идентичности. В рамках современного полидисциплинарного анализа эта проблема должна осмысляться с точки зрения взаимосвязей и соотнесений социокультурной институциологии и политической антропологии.

[1] *См.:* Шпет Г.Г. История как предмет логики. — М., 2001. Не случайно название данной книги. Густав Густавович, являясь одним из наиболее талантливых учеников Гуссерля, противопоставляет вслед за своим учителем логику, логицизм психологии и психологизму.

Каким образом люди оценивают один тип институтов как абсолютно непрогрессивный, нехороший, отсталый, а другой тип институтов как, наоборот, страшно прогрессивный, за которым будущее, который определяет горизонт возможного развития? Как, на основе каких обобщений люди определяют некоторые изменения как общецивилизационную тенденцию, а от других видов изменения просто отвлекаются и стараются их не замечать? Ведь, собственно, это и означает, что определённые тенденции люди начинают признавать в качестве необходимых и обязательных, действующих с неотменяемой железной необходимостью. Например, что в XX веке смешно жить в монархическом (или социалистическом), а не правовом государстве. Что абсолютно бессмысленно и утопично развивать экономику, не имея системы рыночных отношений и т.д. Как правило, подобные утверждения делаются не на основе некоторых абсолютно проверенных доказанных знаний, но некоторой системы верований, убеждений, предрасположенностей, склонностей. Эти утверждения делаются очень небольшими группами людей, но затем принимаются на веру и начинают исполняться весьма значительными массами людей. Следовательно, речь идёт о формировании особых групп влияния — своеобразных «властителей умов», которые оказываются способны осуществлять воздействие на значительные по численности контингенты. Эти воздействия воспринимают как манипулирование сознанием. Но само это слово «манипулирование» ничего не объясняет. Хотя бы потому, что сознание не схватишь рукой, а в термине манипулирование присутствует латинский корень этой самой руки — «manus».

ГЛАВА 4 Век Мета — типы как фиксация состояний в процессах перехода. Или системы общественных практик во множественных зеркалах отражения

Можно утверждать, что основной главенствующей формой общественного сознания, которая складывается и формируется именно в настоящее время, является рефлексивное мышление. В отличие от рассудочной рефлексии, которую Георг Гегель выделял в «Философии религии» в качестве главенствующей формы сознания в эпоху Просвещения, рефлексивное мышление в какой-то мере не только сознание. Рефлексивное мышление как форма познания позволяет значительным группам людей осознавать и понимать, что они делают, когда они осуществляют познание и действие на основе рефлексивного мышления. Рефлексивное мышление является не рассудочной, а разумной рефлексией именно в той мере, в какой оно остаётся мышлением, то есть духовным, развёртывающимся отнюдь не в сознании, а вовне сознания процессом, которое создаёт новое содержание.

Для того чтобы порождать содержание, мышление должно иметь свою собственную предметность и свои собственные институциональные механизмы воспроизводства. Являясь рефлексивным, данный тип мышления надстраивается над имеющимися практиками разных типов деятельности и предметного мышления, превращая их в предмет анализа и осмысления. Мы имеем дело с рефлексивным мышлением всякий раз, когда не просто осуществляем, например, управленческую или политическую деятельность, но когда для её осуществления нам необходимо анализировать на основе каких средств и методов политическую деятельность осуществляют другие люди и что они, собственно, делают, когда они считают, что осуществляют управленческую или политическую деятельность. Безусловно, возникает вопрос: а при каких условиях и почему практикам, людям серьёзным и занятым исключительно проблемой эффективного действия, от которых зависит и их прибыль, и карьерный рост, вдруг приходится вместо того, чтобы как носорог упёрто и определённо следовать своей собственной цели, не обращая вни-

мания ни на кого, вдруг постоянно оглядываться по сторонам и размышлять, а что делают другие люди вокруг, насколько эффективно и как они осуществляют свою управленческую практику? Объяснить это обстоятельство можно целым комплексом причин:

- **Окончательной гибелью монопредметных языков мышления и деятельности.**

Несинтетический монодеятельностный профессионализм начинает вытесняться разнодеятельностными гибридными типами профессионализма, сложенными из самых разнообразных связок специализаций. Знаток бухгалтерского учёта должен овладевать методами портфельных инвестиций, осваивать методологию венчурных инвестиций, осваивать языки программирования и изучать институционально-корпоративные стандарты. И этот переход из экономиста в компьютерщики, а затем в прикладные социологии, происходит практически незаметно. Сегодня приходится работать в команде из разных профессионалов и специалистов, осваивая их языки, их принципы организации мышления и деятельности. Вхождение в любую соседнюю дисциплинарную область показывает безграничность предметного знания, и сам профессионал — политик, управленец должен понять, когда он должен остановиться для того, чтобы просто не вылететь из своей области практики, где он занимает определённое значимое место. Сам профессионал отвечает за сохранение идентичности себя как профессионала. Но поскольку в мире разнопрофессионального хаоса движется не только он, но точно так же его партнёр и его конкурент, то важнейшим условием роста профессионализма являются принципы анализа самого хаоса, в котором происходит становление и формирование данной профессиональной позиции. Управленцу, политику надо опознавать как управленца и политика самого себя, отличая свой тип профессиональной гибридности от других гибридных форм. Поэтому в этих условиях профессиональная деятельность может развиваться только на основе рефлексивного мышления форм и способов работы в данном профессионально-предметном поле.

- **Сближением в социокультурном поле взаимодействия представителей различных традиций, вероисповеданий, этносов, переселением в чужие поля представителей других этносов, конфессий, цивилизаций.**

В этих условиях особенно важной становится проблема рефлексии и осознания принципов, определяющих собственную идентичность и меру аутентичности (подлинности) предъявления и демонстрации собственной идентичности. Человек, попадая под влияние других

традиций и неотрадиций, должен заново самоопределяться и отвечать на вопрос, что он целенаправленно и обязательным волевым образом помнит. В этих условиях, как пишет Е.Л. Шифферс, человек сам отвечает за то, в качестве кого он будет воспроизводиться. Именно с этим обстоятельством — со своеобразным «сплющиванием» в ситуации межцивилизационных контактов представителей разных этносов, конфессий, народов, цивилизаций, которые до этого никогда и не взаимодействовали друг с другом, на наш взгляд, оказывается связаны публикация и всеобщее предъявление до этого скрытых и тайных различных доктрин и учений. Те учения, которые до этого относились к таинственной, священной сути антропологии данного конкретного этноса, теперь попадают в общий доступ публикаций и всевозможных прочтений. Это оказывается, прежде всего связано с тем, что от самого человека теперь зависит, что будет делаться с этим содержанием, будет ли оно просто просматриваться в сканирующем режиме или станет осознанной практикой реализации и воспроизводства данной антропологической формы.

- **Увеличением выше всяких пределов искусственной составляющей в формировании социальных процессов.**

Такая в высшей степени искусственная страна, как США (впрочем, не более искусственная, чем СССР), требует всё новых и новых ресурсов для её искусственного поддержания. Символом этой ущербной искусственности являются рассыпающиеся, расползающиеся кожные покровы лица Майкла Джексона, которые уже не могут самостоятельно сохраняться и поддерживаться, но требуют специальных медицинских процедур, каждодневного ухода на уровне гормональных и хирургических операций. Рассыпающееся, специально сконструированное лицо Майкла Джексона — это символ начавшегося XXI века. Искусственное проектирование и преобразование вне выявления специальных механизмов естественного воспроизводства оказывается в высшей степени затратным и разрушительным по отношению к окружающей среде. Поэтому необходима специальная рефлексия, направленная на выявление того, в какой мере созданный и искусственно сконструированный продукт может после этого начать жить своей жизнью, то есть обрести свой собственный «эйдос», правильную форму созерцания, связанную с его самосуществованием, и стать вещью. Именно в этой точке становится очень интересной критика Густавом Густавовичем Шпетом[1] кантианской философии, связанной с последовательным

[1] ***См.:*** **Шпет Г.Г. История как предмет логики. — М., 2001.**

разрушением представления о вещи, построенного в философии Лейбница и Христиана Вольфа и собирающего традицию платонической и нововременной философии.

- **Формированием на основе средств массовой информации экранной культуры, когда одно и то же событие может по-разному интерпретироваться и изображаться, преломляться в разных изданиях, представляться на телеэкране, предъявляться на сайтах мировой паутины.**

В этом случае всё время сознание потребителя информации вынуждено различать само событие и формы его представления. Человек, который живёт в системе экранной культуры, должен понимать, что восприятие события определяется множественными типами отношения к событию. Чтобы выразить своё отношение к происшедшему, человек в подобной ситуации вынужден всё время рефлектировать основания (ценностные; позиционные—профессиональная позиция, гражданская позиция; возрастные; социокультурные), определяющие данный тип отношения. Более того, возникает в какой-то мере парадоксальная ситуация: само событие становится лишь поводом для демонстрации определённого набора разнообразных отношений. Центр внимания и интереса переключается на типы отношений к событию, а само событие микшируется и уходит из центра на периферию.

- **Возникновением слоистых систем деятельности и экономик.**

В настоящей ситуации возникает возможность выделять в виде отдельных самостоятельных предметов, осуществлять обособление[1] определённых элементов экономических технологий и превращать их в самостоятельный оператор управления всей производственной деятельностью в целом. Например, сталелитейное производство, его технологические циклы и временные режимы становятся подчинены и полностью определяются деятельностью отдела маркетинга и продаж. В этом случае технологический слой сталелитейного бизнеса функционирует как определённый слой, но управляющим оператором по отношению к данным производственным процессам становится маркетинг сталелитейной продукции. В качестве особого самостоятельного слоя могут быть выделены процессы перевооружения более передовыми инновационными технологиями основных фондов существующих систем производства. При этом

[1] **О понятии обособления см. коллективную монографию Г.П. Щедровицкого, О.И. Генисаретского, Б.В. Сазонова и др. «Дизайн в сфере обособляющегося проектирования».**

следует отметить, что существующая система экономики является невероятно слоистой, когда каждый из слоев стремится занять управляющую позицию по отношению к другому слою. Мы можем выделить: сырьевую экономику, индустриальную экономику, инструментально-индустриальную экономику (станкостроение), аппаратно-агрегатную индустриальную экономику, экономику информационных систем, экономику опережающих систем изготовления (advanced manufacturing systems, основанную на соединении разработки информационных систем с новым типом прибором и агрегатов), экономику знаний и патентов, экономику брэндов, экономику венчурных инновационных проектов, экономику социокультурного опыта, финансовую экономику и т.д. Каждый из выделенных слоев стремится подобрать под себя остальные слои, собрать из них стопочку и взгромоздиться на самый верх получившейся горки из слоев. Смысл подобного желания оказаться наверху состоит в том, чтобы стать управляющим оператором во всей сложной самодвижущейся системе из многих, обособившихся и нашедших свою форму экономик.

Как увидит читатель в дальнейшем из текста нашей книги, в подобной возможности занять место в связке различных социокультурных процессов, придать произвольной комбинаторике элементов определённую форму и захватить функцию оператора управления состоит основная стратегия перехвата управления цивилизационными процессами. На подобных принципах строится игровая цивилизация, в которой мы оказались. Основная особенность игровой цивилизации состоит в том, что до этого упорядоченные и существовавшие в определённой последовательности процессы сегодня обрели самодвижение, полную субъектную самостоятельность и стремятся захватить роль субъектов, полагающих стратегию для всех других процессов. То, что происходит в этом случае, чем-то напоминает многомерную многоуровневую конструкцию из пазлов, которые создаются на разных уровнях, где строительный элемент, который вы используете для складывания пазла на выбранном вами уровне, одновременно используется ещё другими конструкторами на других уровнях. Поскольку строительные элементы существуют в единственном числе, то картинка каждого из пазлов на разных уровнях представляет собой смесь из элементов и системы дыр — отсутствующих элементов с указательными табличками, на каком уровне, при создании каких пазлов в данный момент времени они используются. Подобное построение одновременно множества пазловых картинок на разных уровнях при использовании ограничен-

ного набора элементов является, на наш взгляд, хорошей иллюстрацией системы знаньевой экономики. Знаньевая экономика в этом случае предполагает, что, работая с определённым экономическим слоем, вы знаете, в чём функция других слоев и как они могут быть связаны с данным конкретным слоем.

Именно в подобных условиях всёувеличивающейся хаотизации и марева (В.В. Малявин), магмы (Корнелиус Касториадис), расплавляющей привычные старые формы: типов мышления и профессиональной деятельности, знаний, институтов, личностной организации и организации сознания, принципов понимания и действия — возникает неизбывное желание снять, «содрать» с себя призматические очки, сквозь которые мы смотрим на мир, и попытаться увидеть мир таким, каков он есть на самом деле, забывая при этом, что это знает только Господь Бог. При подобном испытании, первое, конечно, что забывает человек, — это то, что он является узником пещеры в соответствии с известным мифом Платона, прикованным спиной к источнику солнечного света. Человеку хочется повернуться от теней, пляшущих на стенке пещеры, к солнцу, всё потрогать руками, дать жёсткую однозначную оценку происходящим событиям. Поэтому именно в подобных условиях, когда необходимо начать различать действительность, фактуальность, сделанность различных событий на основе профессиональных представлений, личных восприятий, мнений и реальности происходящего, человек очень часто старается получить доступ к чувственным переживаниям вместо того, чтобы осознать, что ему придётся разбираться со сложившимися типами познания и конструировать новый тип действия. Человек в подобной ситуации должен осознать ограниченность сложившейся формы мышления. Ситуация пещеры является прототипической цивилизационной ситуацией, поскольку в подобной ситуации человечеству приходится заново начинать изучать не внешний объект и внешний мир, не изолированное от внешнего мира себя самое, но собственные реакции на внешний мир, собственные взаимоотношения с внешним миром.

В подобной прототипической ситуации, которую мы бы рискнули назвать «Назад в Платонову пещеру!», собственно, и возникает обращённость к рефлексивному мышлению, как к той необходимой характеристике всех и всяческих мышлений: и научных, и политических, и управленческо-экономических. То, что сегодняшнее время может быть названо временем рефлексивного мышления, означает, что любой тип практики требует освоения рефлексивного мышления как обязательное условие успешности данной практики.

Но если мышление не является своеобразным психосоматическим наростом в человеке, совокупностью условных рефлексов (как считали ранние бихевиористы), но особого типа реальностью, то изменение реальности должно проявиться буквально во всём: в изменении институтов, форм организации мышления и деятельности, изменении типов знания, форм профессиональной работы и способов личного поведения.

«Совершенно верно», — согласимся мы с читателем. Эти изменения и происходят. Просто, возможно, мы их не умеем выделять и осознавать. Но весь набор подобных тенденций может быть намечен и обнаружен. Более того, эти изменения мы могли бы попробовать представить в системе меняющихся типов, на основе которых описывается некоторый процесс — тенденция социокультурных изменений. Задаваемая таким образом типономия демонстрирует некоторый циклический процесс, в котором намечаемое изменение может быть соотнесено с некоторой исходной точкой, относительно которой, собственно, и фиксируется процесс изменения. Мы называем набор типов каждый раз типономией, поскольку нам удалось выделить несколько подобных наборов и, как нам кажется, в каждом из этих наборов сама последовательность перехода от типа к типу является одной и той же, фиксирующей некоторый общий принцип изменения.

Рассматривая сначала то, что сегодня происходит с научно-предметной формой организации мышления и деятельности, мы видим следующий ряд происходящих изменений.

4.1. Предметная форма организации мышления, распредмеченная форма организации мышления, метапредметная форма организации мышления

Предметная форма организации мышления характеризуется создаваемой знаньевой моделью, на которую опирается мышление внутри данной научной дисциплины, или определённой предметной науки. Собственно эту модель мышление и может выбрасывать впереди себя, выносить перед собой, а затем на неё опираться. В устройстве самой модели упакованы важнейшие категориальные расчленения, система понятий, тип графического языка (например, язык геометрии Евклида), идеализация. Научно-предметная форма мышления является важнейшим завоеванием естественных наук Нового времени, но у нее есть один очень существенный недостаток.

Любую предметную модель невероятно трудно, практически невозможно, соединить с другой предметной моделью. Так создавались науки в Новое время, что практически каждая из них выступала в виде автономной самодостаточной монады, которую невозможно соорганизовать и связать с другой монадой. В тех же случаях, когда мы вынуждены соединять разные представления, осуществляя полидисциплинарные комплексные[1] исследования и разработки, например, в гуманитарных науках, когда нам постоянно необходимо связывать представления об институтах и представления о формах организации сознания человека, а всё это ещё соединять с семиотическими представлениями об используемых знаках, символах и схемах, то связать разные предметные модели оказывается практически невозможно. Или сама подобная методологическая задача оказывается на два, а то и на три порядка более сложной, чем анализ какой-то одной предметной модели.

Именно в подобной ситуации и появляется особая тенденция, связанная с осуществлением мышления в распредмеченной форме. Распредмечивание предполагает, что мы от опоры на устойчивую знаньевую модель переходим к попытке сформировать смысловое видение интересующей нас проблемной области. Это смысловое видение, например, особенностей поведения человека в организации или институциональных механизмов закрепления собственности, опирающееся на определённые термины, слова и выражения, опирающееся на интуитивно или дискурсивно выделяемые принципы происхождения ключевых терминов (этимологический анализ), связано с использованием ключевых категориальных расчленений. Данное смысловое видение связано с выделением некоторой ключевой проблемы в данной области, которая может быть зафиксирована в виде парадокса, определённой несогласованности видений данной сферы практики разными профессионалами, в виде отсутствия средства для осуществления действия в этой области. В дальнейшем эта ключевая проблема, осмысленная в результате построения смыслового видения, может быть переведена в наборы решаемых задач. Само смысловое видение для того, чтобы стать предметом работы, должно быть схематизировано и представлено в виде изображения.

[1] **Полидисциплинарность и комплексность — это разные понятия. Полидисциплинарность связана с осуществлением синтеза знаний из разных дисциплин, а комплексность с соорганизацией профессиональных мышлений и мыследеятельностей, в которых употребляются данные знания. В одном случае мы идём к построению синтетического объекта, в другом случае к организации коммуникации между носителями разных мышлений.**

Таким образом, само распредмеченное мышление оказывается значительно более сложным или, по крайней мере, сопоставимым по сложности с мышлением, опирающимся в своей работе на предметные модели. Поскольку распредмеченное мышление должно создавать и порождать модели, просматривая и интуитивно прощупывая саму проблемную область. Но освоением самой этой формации — распредмеченного философско-гуманитарного мышления — исторический процесс изменения типов мышления не заканчивается. Можно выделить некоторый следующий шаг продвижения: за распредмеченным мышлением может быть выделено метапредметное мышление. В чём необходимость метапредметного мышления в отличие от распредмеченного?

Предполагается, что метапредметное мышление — это мышление, которое не отказалось от построения моделей, полностью перейдя в ситуацию обмена текстами и всё более изящными и тонкими формами выражения, плывущими смысловыми высказываниями и всё более нечёткой, расплывчатой терминологией. Именно данная ситуация, связанная с утерей в гуманитарной области понятийной жёсткости, чёткости и определённости, и связывается повсеместно с постмодернизмом[1]. Метапредметное мышление, с одной стороны, сохраняет характеристики распредмеченного мышления, опирающегося на живое созерцание и умозрение, категориальный, понятийный анализ, этимологические обследования, проблематизацию, постановку задач, схематизацию. А с другой стороны, метапредметное мышление стремится дать строгий ответ и предложить некоторое модельное представление всех тех средств — категорий, понятий, знаний, схем, проектов, конструктивов, типов, терминов, проблем, задач, ценностей, сознания, личности, которые используются в мыслительной работе как инструменты и опора мышления. Таким образом, метапредметная форма организации мышления является по своей сути парадоксальной антиномичной формой организации мышления. С одной стороны, оно не опирается только лишь на готовые модели и существующее знание, оно осуществляет проблематизацию и распредмечивание готовых моделей, а с другой стороны, оно вырабатывает осознание, формирует осмысление и создаёт схематическое представление всех тех организованностей,

[1] **Мы не вполне согласны с подобным утверждением. В значительно большей степени нам кажутся справедливыми утверждения В.В. Малявина, который предлагает рассматривать постмодернизм как своеобразную философско-религиозную диагностику сознания эпохи.**

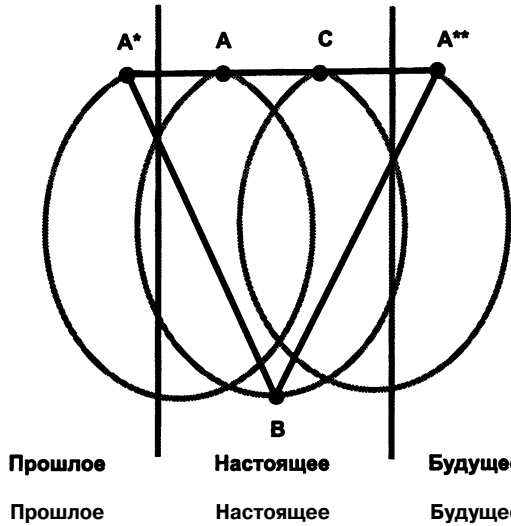
своеобразных вещей мышления, которые используются в мыслительной работе. Метапредметное мышление, осваивая некоторую область, например, рассматривая, как формируются новые механизмы закрепления собственности или что из себя представляет институциональное поведение, одновременно прорабатывает устройство схем, понятий, категорий, знаний, языка, ценностей и сознания, которые абсолютно необходимы при освоении данной области. Таким образом, метапредметное мышление — это мышление, которое стремится познавать, как устроены «вещи», использующиеся и живущие в потоке самого этого мышления. При этом под познанием понимается и построение моделей этих вещей, и проектирование новых принципов организации самого мышления.

Выделение самого данного ряда из трёх элементов: предметная форма организации мышления, распредмеченная форма организации мышления, метапредметная форма организации мышления — позволяет проанализировать процесс смены типов в целом. Именно в силу того, что можно выделять процесс, речь идёт о системно-типологическом методе анализа, поскольку в этом случае отдельные типы начинают складываться в систему и образовывать отдельные процессы. Но, намечая в рамках данного процесса противопоставление предметной и распредмеченной форм организации мышления, которое затем снимается в третьем синтетическом элементе — метапредметной форме организации мышления, мы можем выделить четвёртое и пятое состояния процесса развития форм организации мышления. Четвёртое и пятое состояния в какой-то мере тождественны друг другу, что представляет собой внепредметное мышление. Единственное колоссальное отличие между ними состоит в том, что внепредметное как допредметное мышление и внепредметное как постметапредметное мышление — это разные концы сложного спирального цикла развития организмов и формаций мышления.

Внепредметное как допредметное мышление — это религиозно-философское мышление, ещё не научившееся строить мыслительные предметы и не знавшее научной формы мышления. Внепредметное как постметапредметное мышление—это синтез методологического, философского, религиозного и научного мышления, освоившего и снявшего научно-предметный тип познания. Внепредметное как постметапредметное мышление — это мышление, овладевшее в такой степени принципами предметизации на основе выделения идеализации и схематизации, что в любой точке смысловой мыслительной среды может выделяться и создаваться предметная

модель и намечаться контур предмета. Постметапредметное мышление — это мышление в очень густых, невероятно концентрированных смысловых средовых организмах. Сегодня предметное мышление строится в средах, где переход от проработанной модели, от твердой структуры знания к словесно-смысловой пустоте практически ничем не опосредован, и всякий сверхспециалист может провалиться и из области знания тут же попасть в область бредней и глупости. Твёрдое модельное, основанное на категориальных и понятийных различениях и принципах схематизации знание тут же переходит в формы ничего не имеющего под собой словесного проговаривания. Постметапредметное мышление — это мышление, где любая точка смыслового организма может быть развёрнута в предметную схему и знание. Метапредметное и постметапредметное мышление — это посткантианское восстановление фактуальности и реализма «вещей» — твёрдой, фактурной, оформленной материи в мыслительно-смысловых организмах. Культивирование того или иного типа мышления определяется формой организации коллектива, осуществляющего процесс познания. Полидисциплинарный коллектив, обладающий достаточно высоким уровнем философского мышления, принципами проектного действия и религиозной этикой утверждения личного бессмертия, способен осуществлять подобную работу. Преодоление постмодернизма как стиля и знака эпохи, связанного с выходом за рамки тоталитаризма узко предметного академического мышления, предполагает последовательное освоение метапредметного методологического мышления, а затем и постметапредметного, внепредметного мышления, хотя очень многим нравится поплавать и побарахтаться в бесконечном наборе словес, символических метафор и мететекстов постмодернистской эпохи, хочется насладиться переживанием вседозволенности.

Нам важно указать в данном случае на структурацию процесса развёртывания типов *(см.* схему 24). У нас в результате процесс оказывается составлен из пяти типов форм организации мышления, что представляет собой своеобразную пентактиду мышления: внепредметная как допредметная (А* элемент) — предметная (А элемент) — распредмеченная (второй элемент В) — метапредметная (третий элемент С) — внепредметная как постметапредметная (пятый элемент — А). Данный процесс изображается при помощи спирали, где элементы А, В, С описывают один виток колечка спирали, в котором элементы А и С являются точками перехода от витка одного уровня к витку другого уровня, а элементы А* и А** обозначают целые группы витков в прошлом и будущем. Элементы А***

Прошлое Настоящее Будущее

Схема 24. Структурация процесса развертывания типов

и A позволяют определить место шага перехода от витка к витку в элементах A, B, C на спиральной нарезке в целом. Вся данная система из пяти элементов может быть обозначена как типологическая пентактида развития мышления по аналогии с тетрактидой А.Ф. Лосева. Важнейшим моментом устройства пентактиды является своеобразное выделение сферы, внутри которой происходит разрешение противоречия между первым (A) и вторым элементом (B) при построении третьего (C). Эта сфера выделяется за счёт полагания элементом, имеющих отношение к предшествующей (A* элемент) и последующей (A** элемент) формации мышления.**

Данный типологический ряд, описывающий возможное цивилизационное продвижение, может быть применён точно так же для анализа форм развития промышленно-производственных процессов.

В этом случае типологический ряд из ядерных трёх элементов выглядит следующим образом:

Промышленная экономика — постиндустриальная — метапромышленная экономика. Полная же пентактида имеет следующий вид: внепромышленная система хозяйствования (как доиндустриальная ремесленная) — промышленная экономика — постиндустриальная экономика (глобального информационного общества) — метапромышленная экономика — внепромышленная как постметапромышленная экономика. Собственно, выделение промышленной формы экономики и является одновременно обособлением

систем производства в виде отдельной сферы, выделенной из жизнедеятельности, и формированием института капитала (К. Маркс), отличающегося от института денег (СБ. Чернышёв[1]). Можно утверждать, что появление института капиталистического предприятия в Новое время впервые и формирует экономику как самостоятельную и отдельную сферу человеческого бытия. До этого родовая система, вплетённая в стратифицированные системы общества, а также институты власти и политического господства, подчиняла себе экономические процессы. Обособление экономики в виде самостоятельной сферы, а затем превращение её в главенствующую сферу общественной жизни означают, что имевшие до этого самостоятельное значение характеристики человека (происхождение и родство, статус, принадлежность клану или страте), выделяемые, накапливаемые и культивируемые в системе родовых, общественных и политических институтов, превращаются в предметы купли-продажи и извлечения прибыли. Это означает, что сфера экономики начинает подчинять себе и разрушать всю систему неэкономических институтов. Мы не собираемся кратко пересказывать на трёх страничках содержание колоссальной работы, проделанной К. Марксом, выделившим и описавшим роль и функции капитала в европейской и мировой цивилизации. В настоящий момент мы находимся в системе постиндустриальной экономики, которая связана, на наш взгляд, с управляющей, главенствующей формой финансового капитала по отношению к промышленному[2]. Именно финансовый капитал, заинтересованный в одномоментной информации о том, сколько стоит валюта на разных биржевых рынках, обеспечил создание информационных технологий и сформировал опыт перемещения финансового капитала по всему миру, создав тем самым глобализацию.

Но глобализация является процессом построения прежде всего информационной и знаньевой среды, в которой могут появляться новые игроки, в том числе противостоящие финансовому капиталу и знающие, как использовать финансовые инструменты для своих собственных целей. Можно сказать, что в настоящее время мы постепенно перемещаемся в постглобальное состояние мира[3] с появлением своеобразных устойчивых архипелагов в океане финансовых

[1] *См.:* Чернышёв СБ. Россия, собственность, идея. — М., 2004.

[2] *См.:* Гильфердинг Р. Финансовый капитал. — М., 1916; Громыко Ю.В. Стыки. — М., 1993; Время вышло из пазов (Стыки-2). — М., 2000.

[3] Mario Deaglio Postglobal. Roma. «Gius. Laterza and Fgli». 2004.

турбулентностей и крахов, связанных с общей неустойчивостью мировой финансовой системы[1]. Замечательный российский экономист М.Д. Дворцин предлагает выделить процесс макрорегионализации в качестве основного механизма глобализации. С его точки зрения, основу этого процесса составляет формирование полномасштабных производительных сил, объединяющих институты промышленности, образования и науки в единую мультисистему. Способность стран объединиться в макрорегион для того, чтобы стать глобальным игроком, определяется не политическими решениями правительств, а сопоставимостью и сомасштабностью уровней развития институтов промышленности, науки и образования в этих странах. С этой точки зрения, объединение государства Европы и реактивация проекта США (Соединённых Штатов Европы) определяются не мудростью политической элиты этих государств, но сопоставимостью уровней развития промышленности, науки и образования в этих странах. Можно утверждать, что именно в силу отставания институтов промышленности, науки и образования в странах Восточной Европы, недавно вступивших в Евросоюз, эти страны ждёт большая «зачистка» по аналогии с той, которая была проведена в Восточной Германии при объединении её с Западной. Промышленные предприятия будут уничтожены и созданы пустые зоны: либо для экспансии сюда промышленных фирм и предприятий из Западной Европы, либо для создания зон рекреации, отдыха и туризма, ну, и конечно, для формирования своеобразного санитарного кордона для контроля за процессами иммиграции из Россию и через Россию. Включение в основной способ производства процессов образования и практико-ориентированных проектных научных разработок является только одной из важнейших тенденций переосмысления роли и функции промышленного капитала по отношению к финансовому. Другая тенденция состоит в использовании информационных технологий в качестве средства управления процессами обновления основных фондов промышленных предприятий на основе знания циклов жизни машин и механизмов. Третья тенденция развития;промышленного капитала проявляется в формировании так называемых «продвинутых систем изготовления» — advanced manufacturing systems — когда информационные системы становятся важнейшей составляющей автоматизации промышленно-

[1] ***См.:*** **работы Линдона Ларуша и его группы, а также соображения советских экономистов-практиков и аналитиков (Геращенко, Делягина, Анисимова), вызванных, на наш взгляд, интервенцией материалов Ларуша в Россию.**

производственных процессов. Четвёртая тенденция предполагает создание промышленных технологий на основе открытия новых физических принципов, которыми должны постепенно замещаться действующие промышленно-производственные процессы. Собственно эта четвёртая тенденция и связана для нас с так называемыми принципами инновационной экономики. В этом случае вожделенной отдаленной перспективой являются не бесконечные безлюдные фабрики-автоматы[1], делающие ненужным людской труд, но создание новых мультитехнологических инструментов, по-новому организованных в техно-природно-эпистемической среде, в которой мыследеятельность человека незаменима и неуничтожима. Создание более эффективных технологий, действующих на основе новых физических принципов, предполагает постоянный процесс преобразования всех существующих производственных технологических систем. Этот процесс замещения и перетехнологизации более эффективными технологиями имеющихся промышленных технологий мы и называем метапромышленностью. На место старым токарным станкам, даже станкам с числовым программным управлением, приходят лазерные полиинструментальные комплексы, на место вакуумному литью стали, вытесняющему доменное и конверторное литьё, приходит технология cast-strip, позволяющая разливать сталь сразу в листы, минуя слябы, в ядерной энергетике появляются газотурбинные гелевые реакторы с холодным охлаждением, наконец, появляется технология поездов на магнитной подвеске, движущихся со скоростью 500 км/час. Подобное замещение хорошо проверенных промышленных технологий технологиями, которые основаны на использовании новых физических принципов, предполагает создание специальных финансовых инструментов — института длинных инвестиций, лизинга и т.д. Но самое главное — в рамках метапромышленности меняется сама функция и само назначение труда. Труд превращается в сплав исследовательской, проектно-разработческой, финансово-проектировочной, менеджеральной и инженерно-испытательской мыследеятельности. При этом труд непосредственной эксплуатации машин, технологий и автоматов всё более сокращается. Но объём вышеперечисленных типов мыследеятельности неудержимо и бесконечно расширяется. Основная задача метапромышленности состоит в том, чтобы создать устойчивую систему инфраструктурного освоения биосферы и ноо-

[1] Эту тенденцию описывал и Карл Маркс, а из сегодняшних авторов имеет смысл упомянуть Jeremy Rifkin. The work disappeared. — N.Y., 1998.

сферы на основе правильного размещения производительных сил и территориальной выраженности экономики. Метапромышленность может существовать только как мультисетевая глобально-мировая инфраструктура.

Хорошо известно, что допромышленной формацией являлся сельскохозяйственный и ремесленный труд, включенный в естественные системы жизнедеятельности. Поэтому внепромышленная (допромышленная) система хозяйствования образует четвёртый тип. Может быть выделен пятый тип — внепромышленная как постметапромышленная система хозяйствования, являющаяся сложным гибридным сплавом, мультисредой, в которой «плавают» автоматизированные технологические системы, исследовательские поисковые группы, изучающие новые физические принципы и эффекты, группы автоматизаторов и технологизаторов, разработчики новых финансовых технологий, разработчики новых образовательных технологий. В подобной среде возможно формирование новых синтетических решений при замыкании одних элементов на другие. Но переход к подобной внепромышленной среде, в которой экономика услуг, экономика создания технологий и экономика производства товаров оказываются слиты в единое целое, возможен только после освоения метапромышленной экономики. В метапромышленной экономике основной единицей анализа являются не товар и не услуга, но технология: создание технологий на основе использования новых физических принципов, замещение старых технологий новыми, собственно, и становятся предметом изучения в метапромышленной экономике. Это означает, что все основные инфраструктуры, обеспечивающие нормальную жизнедеятельность: пищевые, транспортные, энергетические, строительные, жилищно-эксплуатационные, ресурсо-добывающие, машиностроительные и пр., к которым и привязаны разнообразные технологии, должны быть выделены в виде пространственного предмета анализа и преобразований. Технологии, существующие в системе разветвлённых инфраструктур, имеют обязательную пространственную выраженность. Глобальный земной шар есть не что иное, как система инфраструктур, в одном месте находящихся в гибели и запустении (ср. русские деревни), в другом месте непрерывно наращивающихся и совершенствующихся (сравните поселения вдоль российско-китайской границы). Попытка уже сегодня заявить о существовании информационной технологии, которая отменяет создание технологий на основе открытия новых физических принципов и построения инфраструктур, где используются данные технологии —

в виде коридоров развития, техноэкополисов, академгородков, страновых мостов, является ошибкой, а точнее, преждевременным объявлением финансового капитала о своей полной и окончательной победе. Мы вступаем в период метапромышленной экономики и должны будем достаточно долго заниматься формированием пространственных инфраструктур и пространственным размещением полномасштабных производительных сил, объединяющих производство, науку и образование в системе городских поселений. Но под производством не следует понимать пыльный грязный завод, в котором грохочут станки, вывезенные из Германии после Великой Отечественной войны, под наукой — советское НИИ, в котором невозможно понять, кто чем занимается, а под образованием — вуз, результаты обучения в котором оценить весьма трудно. Ещё необходимо специально ответить на вопрос, на основе каких специально спроектированных организаций должен эффективно функционировать уклад метапромышленной экономики.

Обсудив вторую пентактиду, мы нарисовали ещё один процесс перехода от типа к типу, в котором постиндустриальная информационная экономика является для нас всего лишь некоторым противочленом, контртезисом к форме эффективного движения промышленного капитала, но не окончательным приговором Суда Истории о том, что происходит. Собственно, в этом и состояла наша задача — врисовать сегодняшнюю тенденцию развития финансового капитала в некоторое движение типов, в котором мы усматриваем определённую цивилизационную тенденцию, которую надо специально замыслить и спроектировать. Выделяемые нами последовательности типов отнюдь не являются чем-то само собой разумеющимся и самореализующимся. Наоборот, построение третьего типа, третьего элемента в пентактиде требует проектного полагания. Таким образом, в подобном выкладывании типов мы видим соединение гегелевской диалектики с элементом проектного полагания — действия. Это элементарное дело-действие, включённое в единичку типологического мышления, позволяет нам надеяться, что мы реализуем деятельностный подход и неофихтеанскую программу.

Следующий процесс, описывающий переходы между типами, характеризует то, что сегодня происходит со сферой политического. Набор здесь трёх основных выделяемых типов выглядит следующим образом: политическое, деполитизированное, метаполитическое. А полный набор типов пентактиды имеет следующую форму: внеполитическое (общинно-семейно-родовое) как дополи-

тическое, политическое, деполитизированное, метаполитическое[1] и внеполитическое как постметаполитическое.

Распад социалистического лагеря и прекращение противостояния двух систем, казалось бы, нас автоматически передвинули в мир деполитизированного. Победа мира капитализма привела к уничтожению форм идеологического господства. В мире деполитизированного даже как-то неловко, некорректно, неудобно, что ли, говорить о политическом. Это показатель дурного вкуса и плохого воспитания. Идеология как система идей больше не действует: главное зарабатывать, делать деньги, извлекать прибыль, а дальше надо нанять пишущих людишек, и они за наёмную плату проследят твою генеалогию от древнекняжеского рода (как однажды уже охарактеризовал подобную ситуацию Н.В. Гоголь). Другое дело, что у очень многих возникает ощущение, что в условиях борьбы двух идеологий у многих было значительно больше свободы не присоединяться ни к одной из идеологий, а на поле их противопоставления и брани находиться в ситуации свободного самоопределения и выбора. В условиях противопоставления двух идеологий возможно было очертить ту зону, в которой ни одна из идеологий не срабатывала. В настоящий момент у многих людей возникает ощущение, что мы находимся не в ситуации деполитизированного государства и общества, но в ситуации побеждённой страны, которой навязывается упрощённый и примитивизированный вариант идеологии и ценностей страны-победительницы. Тем более, очень часто с этих позиций действует российское официальное телевидение. Возможно у каких- то групп населения и существует подобное восприятие сегодняшней ситуации, но мне оно представляется ложным. Как я уже писал в другом месте[2], русские люди почувствовали второй раз за 80 лет, первый раз это было в праздник Победы в Великой Отечественной войне, что они — русские и у них есть свой тип государственности, который может быть восстановлен и с позиции которого они и могут осуществлять глобальное действие в современном мире. Но вот извлечь этот российский архетип государственности и русское самосознание из-под системы идеологических представлений не так-то просто. Поскольку в ситуации гибели социалистической системы, во-первых, неизбежно возникает чувство ресентимента — обиды и озлобленности,

[1] Если понятие метапредмет и метапромышленность было предложено нами и первоначально стало использоваться в наших работах, то понятие метаполитики было введено В.В. Малявиным.

[2] *См.:* Громыко Ю.В. Сценарная паноплия. Новая повестка дня для президента. — М.„ 2004.

во-вторых, стремление реваншизма и желание отыграться. Отсюда возникают лозунги: «Создадим СССР-2!». Очень важно понять, что никакого продолжения СССР быть не могло, необходимо было запускать процессы развития, отбирать власть у КПСС, создавать условия для самодеятельности разнообразных профессиональных групп. Другое дело, что пришедшие к власти в результате ошибок и трусости М.С. Горбачёва ельцинисты стали разрушать страну. Осознанный демонтаж социалистической системы как самостоятельное целенаправленное действие с одновременным укреплением и развитием российского государства в современном глобальном мире дал бы огромные преимущества нашей стране и народу. Не случайно И. Валлерстайн утверждает, что сегодня глобальный мир-экономика переживает распад американской миросистемы. Переживание населением США чувства страны — победителя в холодной войне только усилило слепоту истеблишмента, сделало его невосприимчивым к выявлению слабостей экономических и социальных процессов национальной экономики. Войны в Ираке и Афганистане являются формой и способом сохранить американскую империю с её мессианским чувством вечности.

Основная проблема жизни в деполитизированном обществе и деполитизированной стране—это возникающая иллюзия, что любая система ценностей и любые архетипы сознания в равной степени законны и притягательны для их провозглашения и реализации. На таком размытом фоне «всякости» ценностных пустопорожних утверждений и предъявления всяческих кредо кажется просто невозможным осуществление некоторого сверхусилия по мобилизации общенационального архетипа самосознания. Реализация через экранную мультителевизионную культуру принципа вседозволенности и пропаганды любых самых немыслимых заверений и образцов поведения, казалось, делает невозможным осознание и понимание, что существует некоторая система сверхценностей, отстаивание которых и превращает нацию в сверхмобилизованного субъекта для действия с непрекращающимся напряжением в глобальном мире. Более того, возникает ощущение, что никакого национального архетипа самосознания и не существует. Вернее, его можно свести к сусальному ковырянию в каких-то предельно индивидуализированных формах восприятия наших Великих Предков отдельными допущенными к этому личностями — Никита Михалков, молодцевато скачущий на лошади в самообольстительном, а внешне неловконесуразном образе Государя, и писатель-драматург, который, кажется, уже рассказал скабрезности про всех сановитых особ, и какой-то

искатель-следопыт, который доказал, что ничего не было: ни Ледового побоища, ни битвы под Москвой. Деполитизированное общество, устало развенчивающее очередной «возвышающий обман»[1] и организующее мотивационную катастрофу в точке, где должен обнаруживаться неиссякаемый источник мотива служения, — это и есть общество, где победила идеология постмодернизма. Основу этого общества образует форум причудливых, замысловатых идентичностей, каждая их которых показывает, что она уже через минуту не тождественна самой себе.

Именно в подобной ситуации возникает необходимость в метаполитике как в способе обустройства особой позиции, из которой могут быть сформулированы объективные требования к антропологическому образцу данного народа, находящемуся во взаимодействии с другими цивилизациями, этносами, конфессиями. Метаполитика — это есть не что иное, как способ пробуждения в антропологическом слое мобилизационной активности и принцип обнаружения и актуализации цивилизационного архетипа данного народа. Поскольку XXI век является веком конкуренции здоровых сознаний, метаполитик — это тот, кто может анализировать и выявлять точку схождения и взаимопроникновения различных цивилизационных тенденций и выявлять требования к представителям данного этноса с точки зрения условий межцивилизационного, межэтнического и межконфессионального взаимодействия. Метаполитика — это деятельность по очерчиванию и выделению ресурсов, на основе которых национальная мультиобщность может формировать и строить свою собственную идентичность в открытом поле взаимодействий с другими общностями — общностями, закрывающими новое поле цивилизационных контактов, и общностями, открывающими эти поля. Таким образом, метаполитика оказывается своеобразной областью, в которой могут обнаруживаться скрытые латентные возможности и особенности общественных групп и общностей, которые могут взять на себя задачу проявить национальный архетип при опоре на некоторые религиозные и исторические сверхценности. Как правило, эти латентные скрытые ресурсы обнаруживаются перед лицом возможной гибели, очень серьёзного испытания и экзистенциального риска. Обнаружение энергий, которые лежат в основе типа национального сознания, предполагает вхождение в область протосоциальную и протоязыковую, в область

[1] **«Тьмы тёмных истин нам дороже / нас возвышающий обман» (А.С. Пушкин).**

прикровенного сакрального познания, в которой символически укрыт процесс генезиса национального архетипа. Метаполитическая деятельность предполагает выделение символов и исторических образцов, опора на которые может обеспечивать в межцивилизационном, межэтническом, межконфессиональном контакте энергетический рост сознания представителей данной общности, способствующих обнаружению её миссии и задачи.

Можно утверждать, что в сегодняшнем деполитизированном а-идеологическом российском обществе публичная политика как деятельность оказывается невозможна и не нужна. Публичная политика приобретает форму политтехнологического дизайнирования и вбрасывания специально сконструированных имиджей, которые за счёт их тиражирования и введения в плотную среду информационных потоков обеспечивают доступ к общественному сознанию населения, выражающуюся в узнаваемости данной фигуры для значительных групп населения. Публичный политик не является самостоятельной фигурой, он не субъектен при осуществлении своего действия. Сегодняшний общественный политик — это существо, которое создало имидж-протез, брэнд-липучку, обеспечивающую его присутствие в воронках доступа к общественному сознанию. Специально фабрикуемая публичность с её формируемой методами коммерческой рекламы откликаемостью уничтожает сферу публичной политики. Но именно в этой ситуации становится весьма востребованной мыследеятельность метаполитики.

Мыследятельность метаполитики предполагает ответ на вопрос о трансграничной идентичности данного этноса, мультинациональной и конфессиональной общности. Эта трансграничность является и пространственной и символической. Пространственная трансграничность предполагает ответ на вопрос, как проявляется идентичность за границей проживания данной общности, когда она оказывается совершенно в ином пространственном ареале. Символическая трансграничность предполагает выявление энергетических ресурсов общности при выходе за свои собственные границы. Одним из типов такой символической трансграничности является ответственность общности за воспроизводство и спасение мира в целом, внутри которого существует данная общность наряду с другими. Фактически, постановка подобного вопроса означает забегание общности в горизонт собственной смерти и выворачивание её в позицию, где она отвечает за воспроизводство целого, внутри которого она возникла и существовала. Поэтому само сочетание «символическая трансграничная идентичность» имеет очень простое

понимание — знание о тождестве самому себе в горизонте смерти. При попытках обнаружения общностью символической трансграничной идентичности возникает соблазн демонического мессианства — когда общность, реально не взяв на себя ответственность за воссоздание целого, вместе с тем начинает поддаваться энергии избранничества и выделенности. Снятие комплекса одержимости демоническим мессианством осуществляется очень просто, если данная национальная мультиобщность или конфессиональная общность признаёт точно так же за другой общностью право на символическую трансграничную идентичность. Более того, так называемый межконфессиональный или межцивилизационный диалог, направленный на выявление межцивилизационный синергии, осуществляется только из позиции символической трансграничной идентичности, которая либо актуализирована у данной нации, либо она у неё отсутствует. Актуализация позиции символической трансграничной идентичности не предполагает вынесенность этой позиции в некоторое далёкое трансцендентное потустороннее поле. Нам очень близка позиция В.В. Малявина, который, реконструируя духовную антропологию китайской мультинации, утверждает, что идентикогенные основы китайской мультинации представлены в повседневности, в формах повседневной жизнедеятельности. Именно в повседневной жизнедеятельности и должна существовать позиция символической трансграничной идентичности, которая является живым энергийным знанием о способности нации, общности мобилизоваться.

Собственно, в этой позиции и может быть получено знание об архетипе данной нации в отношении к другим нациям. Известный политический философ, неофихтеанец Карл Хан[1], опираясь на представления о нации по позднему И.Г. Фихте, утверждает, что в отношениях друг с другом Франции, Германии, России проявляются ценности — справедливости, истины и святости. Не имея в данном месте возможности осуществлять реконструкцию подобных утверждений, укажем на ряд кардинальных характеристик русского самосознания, которые выделяются из позиции символической трансграничной идентичности. Этими характеристиками являются:

1) способность понимать другие этносы в их важнейших внутренних собственных духовных основах, с точки зрения их наиболее существенных сильных сторон. Умение, не принижая себя,

[1] Лекции Карла Хана прочитаны в Московском методологическом университете.

увидеть у другого этноса то, чего у тебя нет, является важнейшим условием находиться в общении с другими этносами на равных, а не принимать роль раба или прислужника. Именно эта способность позволяет русскому этносу быть государственно образующим, включая в работу по строительству государственности, как пути спасения (преодоления смерти) и развития, другие этносы;

2) **проявляться одновременно связками, гроздьями важнейших национально-государственных служений: святого и ратоборца (Сергий Радонежский и Дмитрий Донской), святого и гениального поэта-учёного (Серафим Саровский и Александр Пушкин);**
3) **чувствовать свою принадлежность одновременно к разным духовным континентам — считать себя западной оконечностью индоарийского мира (смотрите работы Топорова), преемницей Византии в Европе и выразителем христианских идей в Азии, тем самым формируя совершенно особый духовный мир, самостоятельный континент.**

Эти предварительно намечаемые характеристики и целый ряд других, видимо, и образуют то, что, по мысли В.В. Малявина, могло бы быть оформлено в виде чина, таксиса (порядок, строй) русской нации.

Собственно, мыследеятельность метаполитики и состоит в том, чтобы наметить акапунктурные (связанные с возможностью точечного воздействия) пучки ценностей, воздействия на которые способно актуализировать самообраз и архетип самосознания, лежащего в основе данной нации.

Четвёртым и пятым элементом рассматриваемой пентактиды является внеполитическое — в одном случае дополитическое (четвёртый элемент), в другом случае постметаполитическое (пятый элемент). Внеполитическое очерчивает границу существования института власти, который однажды возник и однажды исчезнет.

Рассмотрев три процесса смены типов, которые определяют изменение форм мышления — познания, экономики — хозяйствования, политики, мы приближаемся к принципиальному и важнейшему четвёртому процессу смены типов, определяющих то, что происходит с человеком. Выделенные четыре процесса сами могут быть соорганизованы в определённую матрицу, при помощи которой могут описываться основные цивилизационные изменения. В качестве упорядочивающего принципа по отношению к трём выделенным выше процессам смены типов мы используем схему мыследеятельности, которая позволяет нам в известном прибли-

жении отождествлять изменение форм мышления-познания, происходящих в науке, философии, методологии с чистым мышлением систем мыследеятельности, изменение форм экономики — хозяйствования с процессами мыследействования, изменение форм политического с процессами мыслекоммуникации. Подобное соположение и сориентация разных процессов друг с другом являются абсолютно условным моментом, при котором функциональные, реляционные, соотносительные характеристики берут верх над вещно-морфологическими абсолютными. Замыкание разных процессов в матрицы их соподчинения друг другу, собственно, и определяет, что данные процессы представляют собою. Эта тема станет предметом нашего специального анализа в следующих главах, в данном месте нам лишь важно указать на следующее. У нас появляется ещё четвёртый процесс, описывающий изменения, которые происходят с человеком, ставящим его в особое положение по отношению к выделенным процессам. Но общая структура смены типов в самом процессе изменения человеческой формы оказывается в какой-то мере тождественной с общей структурой перечисленных процессов. Три основных типа, определяющих сам процесс изменений, следующие: индивидуальность — личность — ипостасности Индивидуальность характеризует процесс выделения в человеке некоторой обособляющей особенности, неповторимой уникальности, неважно, связана ли эта уникальность с моментом и местом рождения, с уникальными папиллярными узорами и тембром голоса или с особыми мыслями, приходящими в голову данному лицу. Собственно, подобной индивидуальности противостоит личность как специально сконструированная маска-лицо, ставящая человека в особое отношение с другими людьми в момент жизни и после смерти. Данная маска может быть увековечена и сохранена, тем самым фиксируя разделённость человека как тела с определёнными неповторимыми телесно-физиолого-коммуникативными характеристиками и маски как идеального символа, которой человек стремится служить и соответствовать. Идеальный символ-маска и есть то сверхсоциальное предназначение человека, которое человек может, подобно проекту, выбрасывать в будущее. Этот идеальный проект может быть больше имеющихся возможностей человека, в этом случае человек стремится наращивать свой собственный потенциал, чтобы соответствовать данным возможностям. В служении своему идеальному символу обнаруживается преодоление человеком страха смерти. Вынесенная и выброшенная вперёд идеальная сущность может пережить своего носителя. Точнее, можно было бы сказать, что идеальный знак личности человека вообще не подвержен

уничтожению и гибели. Он может перестать быть значимым для социального окружения и просто забыт. Идеально-символическое уничтожается и умирает совершенно иначе, чем вещно-телесное. Личность человека связана с выявлением неповторимой уникальности данного лица, выводящего его в отношение к роду, семье, коллективу, общности. Так понимаемая «личность» в значительной степени определяет формирование самосознания европейского человека и его «Я». Самосознание и «Я» = EGO определяет огромные мобилизационные возможности европейского человека, способного вырвать себя из общности и привычного мира, противопоставить себя сложившемуся миру и начать строить новый мир, положив себя, свою интуицию, своё самоощущение в качестве точки отсчёта. Подобная возможность обособления и индивидуализации лежит в основе творчества европейского человека, способного разрывать с традицией, предлагать принципиально новые нестандартные решения. Но основная проблема, конечно, состоит в том, как при этом понимается и осмысляется творчество. Не случайно В.В. Давыдов — замечательный русский психолог, педагог и философ образования утверждал, что неразработанность в психологии проблемы личности определяется неразработанностью подходов к изучению творчества. На наш взгляд, для упрощения можно было бы сказать следующее: всё определяется тем, связывается ли проблема творчества с обязательным моментом воспроизводства традиции или при определении творчества удовлетворяется введением новых, нестандартных взглядов, соображений, возможно, формулируемых безотносительно к традиции. За этой проблемой воспроизводства традиции оказывается скрыт принципиальный религиозно-родовой момент. Творцом является, прежде всего, гений в антично-родовом смысле — человек, выступающий сначала создателем, а затем хранителем рода. Человек, который разрушает и предаёт род, не может являться творцом. Но, с другой стороны, совершенно очевидна опасность уничтожения общности не через попытку предложить нечто кардинально раскольническое, новое как инородное для традиции, но под предлогом защиты и заботы о традиции — полный отказ от какого бы то ни было творчества, от предложения самостоятельных решений. В этом случае традиции грозят потеря живых истоков и полное окостенение. Поэтому в творчестве должны соприкасаться постоянное возрождение, обновление, оживление и воспроизводство сложившейся традиции и принципов движения.

Важнейшим для нас моментом конечно же является способность воспроизводить традицию. Воспроизведение традиции, собственно, и связано с забеганием личности в смерть, когда она на себя бе-

рёт ответственность за воспроизводство того целого, в котором она формировалась и возникала. Эта ответственность за нравственное действие, направленное на воспроизводство целого, и образует, начиная с Платона, основную проблему практики и практического, противостоящих поэзису, связанному с безответственным порождением новых средств и орудий. Но, с другой стороны, создание новых средств и орудий и образует основной тип творчества, которое исповедует европейское человечество последние 300 лет. А проблема соорганизации праксиса и поэзиса как двух совершенно разных и обособленных типов мыследействования, собственно, и является основным моментом в определении механизма развития. Для того чтобы выпятить весьма ограниченный характер творчества как поэзиса, достаточно перечислить другие типы творчества, такие как:

1) творение ценностей, например, в буддистской японской традиции, выделяемых буддистской политической организацией «Сокко гакай»;
2) творение общностей разного типа и формирующихся на их основе институтов;
3) творение языка и языковых форм выражения;
4) творение образов и видений;
5) творение форм самоопределения и типов идентичности.

Поскольку средство — понятие функциональное, средством в мыследеятельности является всё то, что можно использовать в функции средства, то все перечисленные образования (ценности, формы организации и институты, формы самоопределения и идентичности, формы организации сознания, язык) можно подвести под особый тип средств, можно отнести к особому типу инструментов. Но всё-таки каждое из перечисленных образований по своей исходной функции не является орудием. Это, на наш взгляд, доказывается очень просто — момент употребления различных вещей как средств является их вторичной характеристикой по сравнению с их употреблением в исходной базовой функции. Так, например, то, что является ценно — исходно не утилитарно, а всегда самоценно и самозначимо. И эта самоценность и самозначимость различных лиц и взаимоотношений выявляется на основе любви. Христианская традиция, объединяющая людей, крестившихся в крестную смерть Христа и верующих в его Воскресение, создаёт зону непредзаданности и свободы для каждого человека, готового на нравственное духовное действие. Воспроизводство целого не задано, и человек, напрягая свои силы и забегая за границы своих возможностей в

смерть, только лишь верует в преосуществление (В.Н. Соколов) как основу исторического действия. Символические вино и преломленные хлеба должны преосуществиться в нём во время Евхаристии в реальные кровь и плоть Христову. Любовь к общности и целому, за которой стоит любовь к творцу и истине (а мы помним поправку Спасителя, обращенную к Понтию Пилату, — «Кто есть истина?» — то есть совершенный человек — Христос), должна позволить человеку, отвечающему за целое, воспринять дополнительную энергию, необходимую для того, чтобы вернуться из забегания в смерть. Основу восприятия этой дополнительной энергии составляет преодоление собственного «Я», «Эго» на основе сострадания всему живому и возможности преодоления собственного солипсизма через сопереживание любому другому члену общности и, прежде всего, Христу. Но при этом очень важно, что эта энергия — отнюдь не то, что творит сам человек своей силой, забегая в собственную смерть. Эта энергия есть глас, обращенный к человеку в специально длимый момент богооставленности:

Как труп в пустыне я лежал,
И Бога глас ко мне воззвал...
(А.С. Пушкин)

Поэтому лишь частично прав замечательный культуролог, исследователь древнекитайских духовных традиций и философ культуры В.В. Малявин, связывающий проблему идентичности с состоянием богооставленности, с восклицанием Второй Ипостаси, обращенной к Первой: «Или! Или! Лама савахвани?» Процесс идентификации развёртывается в зазоре, на стыке этого восклицания и следующего восклицания «Быть по-твоему!» Именно между этими восклицаниями Вторая Ипостась Троицы что-то услышала (не важно, в форме электромагнитных, световых или звуковых колебаний) — обращенный к ней Глас Первой Ипостаси. И то, что она услышала, и связано с метаноей — то есть с переменой ума. Но из этого следует, что Спаситель нас учит на кресте постоянно выходить за рамки собственного «Я» — привычного сложившегося восприятия себя и своих возможностей — и обнаруживать обращенный к нам Глас одной из Ипостасей Святой Троицы. Эта способность услышать хотя бы раз в жизни Лицом к Лицу Глас Бога или верить в то, что этот Глас можно услышать, и образует в человеке то, что мы называем «ипостасностью» — способностью быть обращенным к восприятию Ипостасей Святой Троицы. Но, следовательно, подобная способность

отличается от идеи личности как формируемой и создаваемой социально-символической маски. Ипостасность является своеобразной металичностью, позволяющей человеку разламывать маску, «личину» и преодолевать границу собственного «Я», единство самосознания, затем вновь формировать новую маску и выходить в мир людей, вновь эволюционно проращивать единство самосознания. Видимо, эта идея и содержится в словах Спасителя «Я есмь жизнь, истина и путь». В ходе пути «Я» подлежит постоянной декомпозиции и преобразованию для возможностей нового действия. Таким образом, индивидуальность, личность и «ипостасность» как металичность образуют три типа, сменяющих друг друга в рамках данного процесса. Идея металичности или «ипостасности», которая определена как программа христианской антропологии, не только не оказалась реализованной и «снятой» за 2000 лет, но всё ещё является принципом, который требует своего выявления.

Если идея индивидуальности предполагает непосредственное естественное выявление и обнаружение естественно сложившихся характеристик, то идея персоны, личности предполагает активное конструирование и искусственное формирование символизма собственного «Я», вбрасываемой в социум символической маски. Пределом реализации этого принципа является чётко опознанный в русской исторической традиции феномен самозванства (Гришка Отрепьев, «Борис Годунов» А.С. Пушкина)[1] или произвольное перекомбинирование масок-лиц, которые надевает на себя человек. Это — тот принцип, который в эпоху интернета целым рядом исследователей был назван «protean personality» — протеепддобная личность, личность, способная быть текучей и постоянно менять в разных общностях свою представленность и свои маски. От обычного разыгрывания протееподобная личность отличается тем, что она не знает, «забывает», входя в своеобразное состояние «почивания» — сна наяву, кто она есть на самом деле. Никакой аутентичной личностной формы протееобразная личность не знает.

Очень важно, что подобный тип личности для Джереми Рифкина возникает в условиях формирования нового типа собственности в

[1] Феномен самозванства в традиционной антропологии связан с ролью особого мифологического героя — трикстер£, пересмешника, которую очень часто исполняют люди, родившиеся под знаком Близнецов. Эти люди склонны к постоянному разыгрыванию различных ролей и быстрому отождествлению с любыми комбинациями этих ролей, забывая, кто они есть на самом деле. Нечто подобное наблюдалось в определённые исторические эпохи, например, в немецком романтизме в XVIII веке.

мировой экономике, связанной с доступом к сознанию потребителя и новой экономики «опыта», когда, приобретая новый продукт или новую услугу, человек получает возможность получить новый опыт. Тем самым человек приобретает опыт не через самостоятельное испытание возможности нечто создать, но через подражание осмысленной и самоответственной деятельности другого человека и имитацию чужих достижений. Именно при подобных условиях «наползания» культа потребления на возможность приобретать опыт ценой личного испытания и экзистенциального риска появляется возможность произвольно себя обозначать в самых разнообразных социальных контекстах.

Протееподобная личность проявляется и при использовании политических технологий, когда лицо, которое должно быть избрано на заданную должность, вообще не участвует в выборах и его социальную маску конструирует группа политтехнологов и имиджмейкеров. Феномен социального конструирования протееподобной личности является продолжением идеи фюрерства в национал-социализме и большевизме. Фюрер, вожделенный вождь, является специально сконструированной социальной ролью, почитание которой необходимо для слабых средних людей, которые нуждаются в образце поведения в сложной противоречивой ситуации. Фюрер, вождь, является средством мобилизации массы. И сегодня, используя средства-интернета, многим так и хочется наконструировать новых партий и себя обозначить в качестве вождей. Подобному произвольному социальному самоконструированию противостоит религиозная практика, связанная с забеганием в смерть, покаянием и стяжанием благодати через протоготовность к восприятию Божьего Гласа. Возможность услышать обращенный лично к тебе Божий Глас предполагает осуществление события, которое нельзя срежиссировать и сконструировать. То, что мы в данном случае называем ипостасностыо, в традиции классической немецкой философии, прежде всего у неофихтеанцев, называется selbstlose Personlichkeit — асамостная личность. Этот момент преодоления зацикленности на собственное «Эго», собственное «Я» и составляет момент металичностного плана, поскольку личностное может сохраняться, а переживание самостности и «Я» может преобразовываться и меняться.

Что противостоит так представленному процессу смены типов изменения форм самосознания и самоорганизации человека? — Исходная точка, по отношению к которой может быть зафиксирована индивидуальность, и конечная точка, позволяющая выйти за рамки личностных форм, обеспечивающих преобразование «Я»,

«самосознания», «Эго». Эти два типа могут быть названы как индивидная доэготивность и личностная постэготивность. В случае первого типа речь идёт о самоорганизации человека, не предполагающей наличия самосознания. Второй тип самоорганизации человека основан на постоянном процессе изменения и преобразования самосознания, когда сложившаяся форма организации самосознания является предметом непрерывной, непрекращающейся работы. В этом случае «яйность» (Ichheit — термин Иоганна Готлиба Фихте), «эготивность» больше не задают определённости человека и его способа самоорганизации. Таким образом, четвёртый и пятый тип задают точки входа и выхода за рамки обозначенного процесса изменения трёх выделенных типов, основу которых составляет определённость самосознания.

Охарактеризовав четыре перечисленных пентактиды, мы фактически задали определённый набор формационных изменений, определяющих некоторые исторические тенденции изменения в универсуме, а также проектный шаг — направленность данных изменений. Проектный шаг, предположение о будущих преобразованиях, точно так же является достаточно важным учитываемым в типологиях результатом, поскольку включение проектов в типологии позволяет выделять и прорисовывать не только то, что есть и существует, но и то, что будет. Если мы рассмотрим в целом четыре прорисованных процесса, то получится, что три первых пентактиды могут быть связаны с изменениями процессов мыследеятельности в их разнофункциональных характеристиках: процессов мышления, мыследействия, мыслекоммуникации. Очень важно, что каждая из пентактид по отношению к другой выступает в функции мышления или мыследействования. Закрепление за каждой из пентактид характеристик одного из типов мыследеятельности не абсолютно, не морфологически, но функционально. Так, изменение процессов производства по отношению к политическим процессам может рассматриваться как изменение процессов мыследействия по отношению к процессам мыслекоммуникации. Но при этом нельзя сказать, что сами процессы постиндустриального производства, например, являются мыследействованием. В них содержится достаточно много мыслекоммуникативных характеристик. Как, собственно, и в процессах политических есть много не только мыслекоммуникативных характеристик, но чисто мыслительных и мыследействовательных. В каждом из процессов мышления есть помимо собственно мыслительных мыследействовательные и мыслекоммуникативные характеристики, в каждом из мыслекоммуникативных процессов есть мыслительные

и мыследействовательные наряду с мыслекоммуникативными, а в каждом из мыследействовательных есть соответственно, кроме собственно мыследействовательных, мыслекоммуникативные и мыслительные — в каждый процесс «выворачиваются»[1] все другие процессы. Таким образом, определение типа мыследеятельности того или другого общественного процесса или сферы связано с функционально-иерархическими отношениями этих сфер друг с другом, что и задаёт характеристику цивилизации (что мы попробуем показать в следующей главе). В данном месте нам важно указать лишь следующее, что три из четырёх пентактид описываются при помощи схемы мыследеятельности, а четвёртая пентактида характеризует изменения, происходящие с человеком. Таким образом, в целом структура из четырёх пентактид может быть охарактеризована как отношение мыследеятелЬности к антропологии.

Изменения, которые происходят с системами практики, могут быть одновременно описаны и в системомыследеятельностном языке, и в антропологическом. При этом антропологический язык ни в коей мере не может рассматриваться как редукция мыследеятельностного языка. Он обладает всем набором самостоятельных характеристик. Это, прежде всего, проявляется в том, что те же самые мыследеятельностные процессы — различные типы мышлений, мыследействования, мыслекоммуникации могут описываться как способности и возможности действовать, коммуницировать, мыслить определённым образом применительно к конкретному человеку. Именно в этой точке мы видим существенный прорыв в мыследеятельностной[2] антропологии по сравнению с академической психологией. В мыследеятельностной антропологии по сравнению с психологией всё начинается не с гипостазирования факультативностей (способностей) души, но с выявления феноменально фиксируемых возможностей действия, мышления, коммуникации в

[1] **Процедура «выворачивания» всех элементов схемы в выделенный её элемент в Московском методологическом кружке была предложена Сергеем Валентиновичем Наумовым. На других основаниях и в соответствии с другими принципами она описывается Константином Кедровым в книге «Инсайдаут». Процедуру выворачивания в своих собственных типологиях использует СБ. Чернышёв. Поскольку и СВ. Наумов и СБ. Чернышёв заканчивали Физтех, можно предположить, что методы начертательной геометрии и типологии, усвоенные ими в этом вузе, собственно, и переносятся в другие гуманитарные области.**

[2] **Когда мы говорим о системно-типологической мыследеятельностной антропологии, мы имеем в виду, что эта антропология подчинена задаче выявления и описания процессов коллективной мыследеятельности, которые осуществляет конкретный человек — член группы, общности, коллектива.**

ситуации. Способности души тоже должны быть описаны, но они являются не исходно гипостазируемым и полагаемым предметом, но специально конструируемыми гипотетическими функциями на основании знания процессов мыследеятельности[1].

Собственно, в этой возможности описывать любую ситуацию одновременно в двух языках — в языке типов мыследеятельностных процессов и в языке способов действия конкретных людей — мы видим реальное продвижение и развитие системомыследеятельностной онтологии. Но здесь может быть сформулирован вполне резонный вопрос: а что остаётся для описания при помощи мыследеятельностного языка, когда выявлены и охарактеризованы конкретные способы действия конкретных людей, вполне определённых групп? Никаких процессов мышления, мыслекоммуникации, мыследействия вообще не существует. Мы всегда имеем дело с конкретными способами действия конкретных людей. Это обстоятельство в своих работах постоянно подчёркивал Н.Г. Алексеев.

На наш взгляд, конкретным способам действия конкретных людей противостоят формы организации мышления, мыследействования, мыслекоммуникации. Данные формы организации могут реализовываться по-разному разными людьми, но при этом они продолжают сохраняться как формы организации. Собственно идея форм организации мыследеятельности сегодня переживает свой ренессанс в концепциях, проектах институционального подхода. Институциональный подход в экономике, институциональный подход в социологии становятся сегодня общепринятым модным словом.

Чем отличается форма организации от института? Тем, что форма организации является выявленным и мыслительно сконструированным предметом преобразования и организационного творчества. Институт характеризует скрытые сложившиеся установления, положения взаимосвязей и взаимодействия людей, которые, сложившись, лишь затем могут осознаваться, познаваться, рефлектироваться.

Отношение институтов и форм организации тождественно отношению идентичность и самоопределение. Самоопределение выявляет сложившийся тип культурной, конфессиональной, политико-гражданской идентичности. Иногда на основе самоопределения, понимаемого как самостроительство, проектируется и назначается новый тип идентификации, который ещё должен состояться и сложиться.

[1] *См.:* **Громыко Ю.В. Метод Давыдова. — М., 2003. С. 143-145.**

Именно в силу того, что самоопределение не совпадает с идентичностью, появляется ещё одно понятие — аутентичность, которое фиксирует меру подлинности и адекватности осуществлённого самоопределения идентификационному принципу. Самозванство и произвольное самоназначательство не являются аутентичными идентификациями, хотя на основе интернета и издательской политики они могут заполонить все публичные пространства. Человек может себя считать неизбранным, но полновластным президентом, властителем дум, гениальным пророком и в соответствии с подобным самообозначением вбрасывать в публичное пространство любые тексты самоопределения.

Рассматривая институт в соответствии с подходами институциональной экономики как пучки собственности и связки контрактов, нам важно сегодня учитывать те переопределения с понятием собственности, которые происходят во всём мире, и в том числе в России. Собственность, понимаемая и рассматриваемая как доступ к сознанию людей и стратегическому знанию:

- о механизмах и формах производственной деятельности,
- движения финансов,
- способов инженерной и фундаментальной исследовательской деятельности,
- о технологиях образования,

предполагает, что механизм собственности сегодня прежде всего связан с умением воспроизвести, а не просто с зафиксированным правовым образом принципом владения, держания земли, зданий, станков и других активов. В силу переходного процесса в России от одной общественной системы к другой внезапно обозначившиеся формы гигантских владений людей, которые не владели до этого ничем, вряд ли удастся зафиксировать и укоренить в общественных формах жизни только на основе сложившейся системы законодательства. Юридическая клаузальная казуистика расходится с системой естественного права, которая определяется этическими нормами справедливости, принципами святости. Справедливость сегодня предполагает гражданский и человеческий подвиг, нацеленный на зосстановление производственного геоэкономического потенциала в России. А это означает, что узкое понимание института в соответствии с экономическими теориями как связки контрактов не может быть принято, поскольку преобразуется сам механизм собственности, связанный, прежде всего, с процессами воспроизводства. Но как только мы начинаем рассматривать процессы воспро-

изводства — не экономического узкого воспроизводства движения капитала, но социального воспроизводства систем и форм общественной жизни, мы вторгаемся в область политической идентичности на основе культурной памяти[1].

В сегодняшних условиях глобализации и усиливающегося взаимодействия различных стран, этносов, представителей разных цивилизаций и конфессий вопрос сохранения собственной идентичности — это вопрос выживания этносов. Как пишет Ян Ассман: «Воображаемое национальной общности требует преемственности воображаемого, уходящей в глубь веков»[2]. И у представителей разных этносов, разных цивилизаций свой собственный принцип восстановления этой преемственности. Впрочем, всё то же самое было и в высоких культурах древности. Ян Ассман выделяет принципы конституирования политической идентичности, которые расходятся у египтян, древних евреев, греков и хеттов. *(Ср.* Платон «Законы». 656-657), противопоставляет грекам Египет как образец ответственного отношения к традиции, к которой, как к сосуду уже обретённой истины, «ничего нельзя ни прибавить, ни изменить», в то время как в Греции — Платон, также подчёркивая уникальность Египта, как Иосиф[3] уникальность евреев, говорит: «вообще во всём остальном мире — художникам предоставляется свобода сколько угодно изобретать новое»[4]. Институты исчезают, несмотря на свою крайнюю успешность, если включённые в них индивиды перестают сохранять собственную идентичность на основе специальных процедур самоопределения. С этой точки зрения очень интересен тип утверждаемой идентичности древних израильтян, сформированной на основе текстов Второзакония, которую Ян Ассман называет «контрпрезентантной» — противостоящей непосредственно данному настоящему. Её суть сводится к следующему: «От народа требуется своего рода фокус: сохранение памяти о прошлом, не подтверждаемом никакими «рамками» сегодняшней действитель-

[1] ***См.*** **замечательную работу выдающегося современного египтолога Яна Ассмана «Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности». М., 2004.**

[2] **Это наша редакция данной фразы *(Ю.Г.)*. В книге написано «Воображаемое национальной общности требует воображаемого преемственности, уходящей в глубь веков». — Там же. С. 142. Видимо, опечатка.**

[3] **Речь идёт об Иосифе Флавии.**

[4] **Там же. С. 293.**

ности. Требуется оставаться чужаками в собственной стране и в собственном настоящем. Приспособление означало бы забвение»[1].

Выделение процессов идентичности показывает соотносительные возможности и автономность человека (антропологического фокуса или космоантропологического) по отношению к институтам. Не удерживаемая человеком идентичность, отсутствие миссии приводят к поглощению существующих институтов новыми институтами и распаду существующих форм организации.

Попробуем наметить смену типов форм организации и прорисуем ещё одну пентактиду. Три типа, образующих основу процесса изменения, следующие: форма организации технологической деятельности, коммуникативные сети, метаорганизация на основе организационных схем.

Организация возникает за счёт построения воспроизводимой технологизированной деятельности. Основу европейских организаций образует капиталистическое предприятие. Сама организация может быть представлена как система мест, которые занимают индивиды, осуществляя целенаправленную деятельность, обеспечивающую получение кодифицированного продукта. Организация может быть описана как совокупность инструментов, использование которых обеспечивает перевод исходного материала в продукт, организационное устройство может быть выявлено в разных функциях элементов организации, уровнях (иерархии) руководства и управления. В сочетании «форма организации» есть очень важное слово «форма», которое позволяет очертить и охватить структуру осуществляющейся деятельности. Очевидно, что форма организации технологизированной деятельности как раз охватывает область, которая задается четырьмя знаменитыми аристотелевскими причинами — causa finalis (целевой причиной), causa instrumentalis (инструментальной причиной), causa materialis (материальной причиной), causa formalis (формальной причиной). Выделение целей, средств достижения целей, материала, из которого изготавливается нужный продукт, и, наконец, формы в целом, которая фиксируется при помощи понятий и категорий, определяет форму организации технологизированной деятельности. При подобном подходе организация деятельности, прежде всего, описывается при помощи категориальной оппозиции форма — материал. Люди, включённые в организацию, являются материалом деятельности, на который накладывается форма.

[1] Там же. С. 244.

Именно в данном контексте возникает известное суждение Георгия Петровича Щедровицкого, вызвавшее так много нареканий среди гуманистически мыслящей филологической общественности о том, что человек является материалом деятельности. Андрей Александрович Андрюшков предложил следующую трактовку этого тезиса — «Георгий Петрович вводил тезис* в соответствии с которым сам человек добивается того, чтобы быть, по крайней мере, строительным материалом деятельности, чтобы на нем, в том числе, реализовывалась деятельностная форма. Альтернативой этому является никчемное существование, вне всякой реальности. Требование, состоящее в том, что человек должен быть материалом деятельности, является минимальным требованием, которое отличает вегетативное или животное недеятельностное существование от деятельностного». Безусловно, функция материала в деятельности — это только исходный начальный шаг. Следующим продвижением является понимание того, что человек удерживает форму деятельности через её смысл, через понимание ситуативного контекста, задач и целей деятельности. В этом случае речь уже идёт не о деятельности, а самодеятельности — автопоэзисе, когда сам человек полагает границу деятельностной форме. Смысл является сложившейся, связанной структурой процессов понимания, а понимание возможно только в мыслекоммуникации с другими участниками ситуации. Поэтому форма самодеятельности выделяется и вырезается в контексте взаимодействия с другими людьми. В этом случае важнейшим различением является категориальная оппозиция форма — смысл. Наконец, последний этап состоит в том, что деятельность начинает обладать собственным самодвижением, выделяемым через её идеальное содержание. Само понятие «содержание» при этом может иметь две трактовки. Одна из них заключается в следующем: «Содержание как совместное держание, в силу того, что мыследеятельность является коллективной, то именно то, что удерживается коллективно и совместно, то и является содержанием». Но есть ещё и другая расшифровка данного понятия: «Содержание как у-держание в силу наличия выделяемой формы, как то, что выделяется-удерживается одновременно с выделением формы, у которой появляется самодвижение». В этом случае форма деятельности должна быть переведена в предмет мышления. А результатом подобного перевода является возникновение мышления про деятельность. Таким образом, само понятие формы через его последовательное противопоставление материалу, смыслу, содержанию шаг за шагом проходит через его употребление в деятельности, коммуникации, мышлении.

В том случае, когда важнейшим категориальным определением организации становится оппозиция форма — смысл, мы, собственно, и переходим к выявлению коммуникативных сетей в отличие от технологизированной, машинообразной организации деятельности. Вписывание организации через коммуникативные взаимодействия в ситуативный контекст её деятельности определяет важнейший этап развития представлений об организации, когда, например, отделы маркетинги и сбыта определяют ритмы функционирования и действия организации, а отнюдь не технологические принципы построения производства. Предполагается, что развитие технологий и автоматизированных систем производства уже достигло такого уровня, что владение режимами регулирования технологий является достаточно произвольным и определяется коммуникативными контактами и взаимодействиями с потребителями продукции. Именно режимы потребления, устанавливаемые через коммуникативные взаимодействия, определяют эксплуатацию технологического оборудования. Основная тенденция подобного развития заключается в том, что все производственные процессы технологизируются и автоматизируются, превращаются в естественно функционирующую рутину, а «живым» слоем деятельности в этом случае являются процессы коммуникации. На наш взгляд, подобные изменения процессов производства позволяют проявить всего лишь одну из тенденций развития. Поскольку другая тенденция заключается в том, что именно в слое промышленных процессов происходит выявление и опробование всё новых и новых физических и технопроизводственных эффектов на основе открытия новых физических принципов. Подобная тенденция, собственно, и связана с идеей К. Маркса о «превращении науки в непосредственную производственную силу». С этой точки зрения, процессы автоматизации и информатизации процессов производства направлены не на то, чтобы создать оболочку для переозначкования уже сформированных технологических процессов, а для того, чтобы на основе управления пространственно-временными параметрами физических процессов получать новые физические эффекты, которые могут стать основой для новых технологических систем. Собственно, в рамках подобных тенденций и розникают системы опережающего изготовления (advanced manufacturing systems).

Подобное расщепление возможных направлений развития процессов производства, когда в одном случае производственные процессы технологизируются и автоматизируются, превращаясь в автономно функционирующие фабрики-автоматы, а в другом случае

промышленно-производственные системы являются предметом экспериментального применения новых физических эффектов и освоения новых физических принципов, приводит к невозможности опираться на естественно сложившиеся дорефлексивные представления об организации. Организационный дизайн, организационное проектирование и перепроектирование становятся непрерывно осуществляемыми процессами. В одном случае необходимо создание организационных схем для правильной взаимосвязи коммуникативно-сетевых и производственных процессов. В другом случае необходимы специальные организационные схемы, которые позволяют переоснащать производственные фонды и осваивать новые инновационные технологии, меняя принципы построения производственного процесса. Поскольку перепроектирование осуществляется в определённом организационном контексте, то его продуктом могут быть лишь специально создаваемые под конкретный случай, под конкретную ситуацию организационные схемы. Сама же организация, в которой развёртываются процессы непрерывного перепроектирования, создаются новые организационные схемы, которые внедряются в разные элементы организационного контекста, является метаорганизацией. Метаорганизация — это своеобразный многорукий Шива, у которого в руках новые организационные схемы, а под танцующими, пляшущими ногами черепа раздавленных ими организационных форм. Частным типом организационной схемы является предпринимательская схема, частным типом метаорганизации является предпринимательская корпорация. Основная идея организационной схемы предполагает, что любое коллективно деятельностное усилие не является больше заданным, некоторым сложившимся стереотипом организационного поведения, но оно может быть заново замышлено и реализовано. Основная идея метаорганизации состоит в том, что любое уже сложившееся организационно оформленное усилие её членов может стать предметом перепроектирования и переоформления. Подобные любого типа организационные переформирования могут казаться бесконечными, но они возможны и имеют смысл лишь в том случае, если за организацией стоит определённый институциональный уклад. Этот институциональный уклад и осваивается человеком за счёт того, что он превращает определённые институциональные особенности в выявленный за счёт организационной схемы предмет преобразований. Человек и познаёт общественное бытие за счёт того, что он в непонятном и скрытом для общественного сознания, только ещё формирующемся институциональном контексте начинает создавать

организационные схемы и на основе этих схем осваивать данный институциональный контекст.

Собственно, в этом пункте и проявляется самый интересный и самый трудный момент человеческой свободы и мыследеятельностного трансцендентализма, поскольку всё, что человек может помыслить о своём бытии, определяется институциональным опытом, через который человек прошёл. Но, с другой стороны, человек способен становиться свободным от институтов и преобразовывать институциональные контексты. Получается, что он способен выходить за границы своего сложившегося сознания и опыта, менять некоторую деятельностную общественную подоснову, которая определяет особенности его сознания и опыта. Таким образом, с одной стороны, скрытый от человека институт, в который он включён, (например, финансового капитала) определяет сознание и мышление человека. Но, с другой стороны, создавая новую организационную схему, человек оказывается способен трансформировать сам институциональный контекст общественного бытия, если подобная схема будет принята и поддержана другими общественными группами. Безусловно, этот момент преобразования социальных институтов связан с общественной борьбой, рефлексивным противоборством, но не в малой степени он определяется результатом точного понимания и проектного воображения, направленным на предложения более справедливого общественного бытия. Конечно же убогий и узкий критерий институциональной экономики, состоящий в том, что фирма является средством снижения трансакционных издержек, не позволяет самый важный общественный контекст-продвижение к более справедливой и более содержательной общественной жизни.

Выделенные нами три типа, образующих процесс изменения институтов: форма организации технологической деятельности, коммуникативные сети, метаорганизация, следует дополнить ещё двумя типами, позволяющими выделять пентактиду процессов институциональных изменений в целом. Эти два типа следующие: доорганизационные институты, посторганизационные институты. Эти два выделяемых типа позволяют лучше сфокусировать наше внимание на изменениях, происходящих с организационными институтами. К доорганизационным институтам, на наш взгляд, относятся прежде всего род и система родства, а также товарищества[1].

[1] ***См.*** **фундаментальные работы, посвященные проблеме товариществ в немецкой истории Otto von Gierke.**

К посторганизационным институтам — различные формы поисково-коммуникативного общения: форумы, спонтанные типы взаимодействия и т.д. Конечно, выделение рода в качестве доорганизационного института может вызвать самые разнообразные возражения, состоящие, например, в том, что планирование родства на основе заключаемых браков является целенаправленно осуществляемой задачей. Нам представляется, что в случае матримониального планирования институты рода и родства оказываются подчинены внешним для них задачам, например, действию экономических институтов, институтов власти (династические браки и т.д.). Сам же институт рода является доорганизационным. Он оказывается задан человеку и предлежит перед ним как предмет познания. Посторганизационные институты начинают возникать там, где резко возрастает плотность содержательных людей, обладающих разнообразными компетенциями. И в такого типа местах спонтанные взаимодействия оказываются эффективней специально организованных форм деятельности. Прорисовывание данной институциональной пентактиды направлено на то, чтобы выделить основную содержательную оппозицию сегодняшних процессов развития по отношению к предшествующей антропологической пентактиде. Именно оппозиция антропологии и институциологии определяет основные проблемы общественного развития. Основная задача современного общественного человечества состоит в овладении общественными установлениями, то есть институтами. На основании чего может осуществляться подобное овладение общественно-институциональным бытием? Например, на основе осмысления того, что происходит со знанием. Процесс изменения знания, представленный в виде смены типов, может быть изображён в виде следующей — эпистемической — пентактиды.

Важнейшие три типа, которые образуют ядро эпистемической пентактиды, следующие: знание, понятие и. метазнание[1]. Наиболее значимая характеристика знания состоит в том, что знание строится на основе знаковой модели (или нескольких соорганизованных и взаимосвязанных знаковых моделей), позволяющей(-их) выделять и фиксировать при помощи знаков определённые характеристики предмета действия. Существенная характеристика понятия состоит в том, что оно обеспечивает коммуницирование содержания знания

[1] Сама структура («жизнь») знания, включающая рассмотрение знания, понятия и метазнания, может быть представлена в виде структуры метапредмета. *См.:* Громыко Н.В. Метапредмет «Знание». — М.: Пушкинский институт, 2000.

на основе понятийных различений, выделения и предъявления инструментальной функции знания. С этой точки зрения, опираясь на точку зрения Макса Шелера, понятие можно было бы назвать образовательным знанием, знанием, переоформленным на основе процессов его освоения конкретным человеком в конкретной ситуации. Метазнание является не просто рефлексивным знанием, направленным на самого себя (автореференционным). Важнейшим предметом «знающего себя знания» (И.Г. Фихте) является различение в структуре знания идеализации и модели, при помощи которой выражено содержание данной идеализации. Идеализация определяет обособленность и изолированность некоторого умозрительного предмета рассмотрения, а также анализ — развёрнутое промысливание условий подобной его изоляции[1]. Двумя другими элементами эпистемической пентактиды являются дознаньевое понимание и постзнаньевое понимание. Эти два элемента пентактиды позволяют подчеркнуть, что собственно знание формируется в контексте понимания, с одной стороны, а, с другой стороны, понимание не тождественно узнаванию освоенного знания.

Выделение эпистемической пентактиды позволяет нам рассматривать в процессах мыследеятельности наряду с человеком другую «вещь», в данном случае такую, как знание. Но кроме человека и знания могут быть выделены и ещё другие вещи, такие как знаки, сознание, цели, ситуации, средства, задачи, смыслы и пр. Выделение подобных «вещей», существующих в мыследеятельности, вполне реально, осязаемо и конкретно позволяет наметить программу, обозначенную Густавом Густавовичем Шпетом в его замечательной книге «История как предмет логики», связанную с восстановлением понятия вещи, которая была потеряна в кантовской философии. Вещь при этом должна пониматься не как только лишь рассудочная схема категории, под которую подводится аффицируемая чувственность, но реально существующий предмет мыследеятельности, имеющий свои собственные циклы жизни в мыследеятельности. Конечно, особой вещью мыследеятельности остаётся человек, который, с одной стороны, является источником мыследеятельности, а с другой — обеспечивает её преобразования. С этой точки зрения, понимание того, что вещь является не только морфологическим сгустком, но и процессом, но и функциональной структурой, изменяющей понимание и даже природу других вещей, не меняет конк-

[1] *См.:* Зиновьев А.А. Восхождение от абстрактного к конкретному (на примере «Капитала» К. Маркса) / Рукопись канд. диссертации.

ретности восприятия и познания самой вещи. Единственное изменение, которое является важнейшим в структуре мыследеятельностного универсума, состоит в том, что центральной вещью, от которой зависит структурация всех других вещей, является предмет, сделанный из вещества природы. Не менее важной (а на наш взгляд, значительно более важной) организованностью является человек или знание. Но изменение представлений о веществе природы, безусловно, влияет и на устройство знания, и на устройство человека. Морфологический разрез мыследеятельности, связанный с выявлением взаимозависимости разных вещей друг от друга, требует специального рассмотрения.

Столкнув друг с другом институциональную и антропологическую пентактиды, а на примере эпистемической пентактиды рассмотрев возможность выделения в мыследеятельности других «вещей», нам теперь необходимо вернуться к вопросу о том, а что позволяет удерживать вместе и устанавливать взаимосвязь между институтами и человеком, процессами изменения институтов и процессами изменения человека? Это единство схватывается процессами мыследеятельности — действия, коммуникации, мышления, рефлексии, понимания. Эти процессы существуют, с одной стороны, как организационные формы, укоренённые в определённом институциональном укладе, с другой стороны, как способности людей эффективно действовать в рамках этих организационных форм, их преобразовывать. Для этого следует рассмотреть мыследеятельностную пентактиду. Тремя основными элементами, описывающими процесс изменения мыследеятельности, являются деятельность, мыслекоммуникация, мыследеятельность. А в целом деятельностная пентактида имеет следующий вид: додеятельностная жизнедеятельность, деятельность, мыслекоммуникация, мыследеятельность как метадеятельность, постмыследеятельностная жизнедеятельность. Возникновение деятельности предполагает, что деятельностные механизмы, до этого включенные и встроенные в непосредственную жизнедеятельность, начинают выделяться в качестве самостоятельного предмета преобразования и планирования. Это происходит с возникновением капиталистического общества, когда продукты, например, производятся не для самообеспечения, а на продажу. Этот феномен ещё раз специально был рассмотрен после Маркса, например, Бурдье, анализировавшим возникновение капиталистического общества у кабилов в Алжире. Помимо циклическо-временных закономерностей, безусловно, наибольший интерес представляет проблема превращения самих механизмов деятельности в предмет

проектирования, конструирования и планирования. В этом случае происходят как бы своеобразное «выпаривание» и «кристаллизация» собственно деятельностных механизмов, включённых и как бы растворённых в жизнедеятельности в отдельный предмет. Именно появление подобной деятельностной действительности, обволакивающей и окутывающей жизнедеятельность, позволяет ориентироваться не на непосредственные интересы жизнедеятельности — удовлетворение потребностей в еде, безопасность, защиту и т.д., но на совершенно другие специально сконструированные потребности — изменение социального статуса, увеличение богатства и т.д. Таким образом, именно капиталистический способ производства позволяет начать выделять деятельность как особый целенаправленный предмет работы[1]. Но это не способ развития деятельности по законам (принципам, нормам) самой деятельности, это — прежде всего, возможность планировать и развивать деятельность по законам наращивания капитала, то есть присваиваемую через деньги возможность увеличивать объёмы производимых продуктов, имеющих спрос, создавать новые продукты и т.д. Возможность развивать деятельность по законам (принципам, нормам) самой деятельности — это социализм, строй, не связанный с идеей увеличения прибыли и капитала за счёт увеличения производимых объёмов продукции. Впервые подобная возможность зародилась в Германии — именно Германия является родиной социализма, как реализуемой внутри капиталистического способа производства другой возможности. Очень важно понимать, что так организуемый и налаживаемый принцип движения связан с определёнными возможностями управления и определённой концепцией человека. Не случайно прусская бюрократия выделялась в качестве одного из важнейших условий (наряду с американским развитием техники) социализма. Железный бюрократический порядок, идеальная форма чиновничьего контроля являются обязательным условием развития деятельности по законам самой деятельности. Поэтому Освальд Шпенглер и выделяет прусский социализм в качестве принципа, противостоящего англо-саксонскому капитализму. Основным условием реализации данного деятельностного принципа является человек-винтик (cog) гигантских, хорошо организованных деятельностных машин. Идея Г.П. Щедровицкого о том, что человек является

[1] Важнейший вопрос, связанный с обсуждением темы: а при каких условиях абстракция деятельности превращается в реальность, был поставлен замечательным киевским философом В.П. Ивановым ещё до всяких перестроек.

материалом деятельности, исторически и социокультурно принадлежит именно данному типу практики. Для того чтобы человек являлся «винтиком» огромных деятельностных машин, необходимо иметь строго организованное корпоративное общество с жесточайшим единым порядком, которое поддерживается единой общей идеологией. Социализм в целом и российский большевизм в частности и возникают как попытка построить на данных принципах тотальную мировую систему, преодолев прусскость как национальную специфику немецкого социализма. Национал-социализм является близким по внешнему виду, но совершенно другим по своей внутренней природе принципом. Национал-социализм является попыткой включить все народы в обслуживание единой немецкой фабрики, определяя расовую сортную пригодность других наций и этносов включаться в высокоорганизованное на прусских принципах производство. Российский социализм и большевизм, задавивший троцкизм и перманентную революцию как антирусскую по своей сути идеологию Бронштейна (на русской крови распространять катехизис революционера по всему миру), стремился к выявлению всеобщих генетических принципов генезиса социализма на своих собственных национальных основаниях во всех странах. Представители других этносов и наций должны были осознать принцип социализма и построить его на своих собственных основаниях. Этим и должна была заниматься в дальнейшем специально организованная система образования типа Университета Дружбы народов. Поэтому, на наш взгляд, сближение гитлеризма и сталинизма совершенно неправомерно. Национал-социализм был организован финансовым олигархическим капиталом, который вкладывал деньги в предприятие по распространению технологии построения немецкой фабрики на весь мир. Финансовый капитал в форме немецкого национал-социализма использовал промышленный капитал для того, чтобы задавить идею социализма. Это использование состояло в предложении тиражировать определённую национально-этническую (прусскую) модель[1] организации промышленных предприятий на весь мир. Национал-социализм не был готов осознать огромное разнообразие взаимодействующих друг с другом этносов, цивилизаций, конфессий и антропологических культур. Восприятие цветущего антропологического разнообразия ему недоступно.

[1] Эта модель является замечательной. Но она не может быть единственной. Тем более в жертву ей не могут быть принесены гениальные родовые первопредки любых народов.

Таким образом, мы и приходим к выводу, что фашизм является общественным порядком, организованным олигархическим финансовым капиталом. Поскольку фашизм был построен на идее национальной исключительности, то, столкнувшись с социализмом СССР, он вызвал к жизни пробуждение русской идентичности. Те, кто сближают советский социализм (но не русский социализм!!!) с гитлеризмом, делают это специально, чтобы не обсуждать роль олигархических финансовых групп (контакты Ялмара Шахта с американскими и английскими банкирами, в частности с дедушкой сегодняшнего президента Прескоттом Бушем-старшим) в формировании национал-социализма. Советский социализм не был организован финансовым капиталом (Ульянову удалось локализовать деятельность Парвуса-Гельфанда), поэтому он был направлен на уничтожение финансового капитала как такового. Другое дело, что в основе советского социализма лежала операция немецкого Генерального штаба по организации саботажа и измены на русско-германских фронтах, в дальнейшем приведшая к убийству русского царя, царской семьи и подрыву русской национальной идентичности. Поэтому оккультно теологически борьба с фашизмом являлась формой восстановления русской национальной идентичности.

Финансовый капитал выигрывает (конечно же временно!) это противопоставление динамики социализма — деятельности и динамики капитала прежде всего в битве за душу человека, за идентичность и антропологию, создавая общество потребления. Но, собственно, общество потребления, общество формируемых услуг — это и есть коммуникация и общение, направленные на конкретного человека, с которым за деньги начинают общаться и разговаривать, предлагая ему систему выборов-опций. Технологизированной, в дальнейшем автоматизированной деятельности оказываются противопоставлены общение и коммуникация. Здесь мы и переходим ко второму члену типологической пары деятельность — общение. Поэтому мы можем сказать, что когда группы психологов, объединяющиеся вокруг В.В. Давыдова и Б.Л. Ломова, в жёстких столкновениях и спорах противопоставляли и отстаивали принцип деятельности или принцип общения, обсуждалось на самом деле будущее социализма, его судьба: идея автоматизированного предприятия фабрики и потребительское общество услуг с поставленным в центр homo consumens. Гегельянец Давыдов не мог положить в основу развития практики какие-то разглагольствования — разговорчики. И мы можем сказать, что провиденциально исторически он был прав. А конкретно социально, выстраивая всё на идее технологизируемого

производства, мы всё проиграли. Гениальный Г.П. Щедровицкий сразу наметил синтез принципа деятельности и принципа общения в идее системомыследеятельностного подхода, но человечеству, к сожалению, необходимо проживать каждый из принципов как отдельный урок. Более того, в анализе Г.П. Щедровицким социально-производственных систем наряду с подсистемой производства выделялась подсистема клуба, в которой люди существуют не как винтики, но как действующие и общающиеся личности. С этой точки зрения, можно сказать, что финансовому капиталу через систему маркетинга и надо было подобраться к этому клубу, чтобы заставить его участников обсуждать только одно — потребление новых вещей и услуг. Советская коммунистическая бюрократия в своей основной массе не стала осуществлять свою собственную игру, развивать на собственных принципах формы потребления и коммуникации: сдала общественный строй и перешла к попытке встроиться в мировую финансовую элиту (куда её не принимают и, более того, будут образцово-показательно судить при усиливающихся попытках занять хоть некоторое место в рядах мировой финансовой элиты за то, что она по своему происхождению не западная. Отсюда совершенно чёткий вывод: просто встроиться в сообщество западной элиты не удастся. Единственное условие встраивания — это компрадорство. Поэтому российская финансовая элита вынуждена становиться национально-укоренённой!!!).

Мы должны сделать достаточно важную оговорку. Обсуждая каждый из типов в пентактиде: додеятельностную жизнедеятельность, деятельность, коммуникацию, мыследеятельность как метадеятельность, постдеятельностную жизнедеятельность, мы должны чётко понимать, что в каждом из этих типов присутствует ещё одна реальность, обладающая собственной субстанциальностью, — мышление. С одной стороны, присутствующее в каждом из типов мышление обладает ограниченностью той субстанциональной реальности, на которой оно вырастает. Так, деятельностное мышление отличается от коммуникативного мышления, а оба они, в свою очередь, отличаются от мыследеятельностного мышления. А с другой стороны, поскольку мышление является своеобразным взрывом, то оно стремится выскочить за ограничения того субстанциального слоя, на котором оно **вырастает. И мышление во всех** типах остаётся мышлением, **некоторой идеально-провидческой формой, которая** стремится **прозреть основания своего собственного бытия и условия** спасения — **бессмертия. Можно с уверенностью сказать, что человечество** мыслит, **а отдельный человек думает только для того, чтобы**

стать бессмертным. Но условием бессмертия является не квиетизм и отказ от реализации своих целей и задач здесь на земле, но полная переделка себя (борьба с собственной испорченной природой) и полная реализация обнаруженных собственных возможностей на земле. Таким образом, пентактида в развёрнутой, расширенной форме имеет следующий вид: додеятельностная жизнедеятельность — мышление, деятельность — мышление, мыслекоммуникация — мышление, мыследеятельность — мышление, постдеятельностная жизнедеятельность — мышление.

Второй ядерный тип пентактиды — это мыслекоммуникация. Собственно, складывающаяся сегодня базовая форма активности в мире и связана с приматом и главенством мыслекоммуникации. Конечно, эта выявляемая и превращаемая в предмет действия мыслекоммуникация интересует финансовый капитал прежде всего в той мере, в какой на основе мыслекоммуникации можно узнавать потребности людей, особенности потребительского поведения и в дальнейшем управлять им. С другой стороны, в создании телекоммуникаций заинтересован прежде всего финансовый капитал, поскольку для того, чтобы управлять финансовыми потоками, необходимо знать стоимость денег в каждой точке земного шара. Это пронизанность всего мира телекоммуникационными сетями и составляет основу сетей взаимодействия и общения. Можно утверждать, что информационное постиндустриальное общество это и есть общество глобальных телекоммуникационных сетей и мультипорталов, зуммерящих расплывающихся экранов.

Конечно, в этом обществе возникает проблема контента, посылаемого по каналам содержания сообщения, на основе которого коммуникация только и оказывается возможной. В силу того, что коммуникация и общение подчинены не решению проблемы раскрытия коммуникативно-сообщительной природы самого человека, которая лежит в основе человеческого бытия как такового, но использованию самого коммуникативного принципа для управления сознанием человека, возникают новые формы невиданного отчуждения и новых господств. Предметом одного из формирующихся господств и возможных продаж становится сама отражающая природа сознания человека. Сама способность человека откликаться и реагировать на что бы то ни было становится областью целенаправленного действия политтехнологов. Способность человека произносить тексты, выкрикивать их из глубин подсознательного на основе неосознаваемого прорабатывается в пиаре и рекламе. Процессы коммуникации и общения отщепляются от мышления и действия человека

и становятся предметом эксплуатации и продаж. Собственно в этой ситуации появляется постмодернизм как философия, осмысляющая отщепление способности производить тексты любого типа — бессмысленно-делерические (в форме бреда), галлюцинаторные, упорядоченные от институционализированной всеобщей деятельности, мышления и действия. Можно утверждать, что классическое философское мышление формируется как осмысление глобальной тотальной деятельности человечества — прежде всего, деятельности познания, но также и всех видов целокупной деятельности. Но, конечно, деятельность познания, помещённая Г.В.Ф. Гегелем в исторический контекст, является образцом всеобщей деятельности. Гипертекст, дискурс и нарратив[1] становятся предметами изучения, анализа и основным продуктом философской работы постмодернизма. Важнейшая задача состоит в другом — понять, что происходит с природой человека, который попадает в стеклянную гиперсферу финансового капитализма, где визуализирующие возможности его сознания оказываются подчинены иррациональным формам коммуникативных реактивных обменов. По мысли Жака Бодрияра, в этом мегаполе обменов знаки теряют всякий денотат и всякую обозначаемость, они обмениваются просто для того, чтобы постоянно обмениваться.

Конечно, так развёртывающаяся коммуникация ни в коей мере не соответствует глубинным потребностям общения человеческой души. Эта потребность же может заключаться в открытии своего собственного мира другому человеку и в обнаружении для самого себя мира другого человека. Это единение с другими людьми в пределе со всеми живыми и ушедшими людьми внутри собственного сердца составляет основу человеческой сообщительности и универсальности. Как и в случае возникновения капиталистического принципа, выделившего деятельность в предмет специального преобразования, но осуществляющего это преобразование в соответствии с задачей увеличения капитала, финансовый гиперкапитализм редуцирует мыслекоммуникацию до сигнальных взаимодействий и превращает эти обмены сигналами в средство овладения не только потребительским поведением всякого человека, но и возможностями представления предмета собственных вожделений и желаний. Заранее программировать то, что человек способен сам естественно захотеть, в том числе и узнать про самого себя, в этом и заключается

[1] **О.И. Генисаретский весьма удачно предложил переводить этот термин словом «сказ».**

подлинная матрица знакового уловления любых колебаний, любых проявлений человеческой спонтанности. Человек ещё только в будущем, может быть, захочет узнать, каков он, а в него уже закладывается матричная рамка выявления бездн человеческой природы, в которой он и будет вынужденно искать ответ про самого себя. Попав в этот страшный кокон запрограммированности и заданности, человек расщепляет собственное сознание на кванты мыслежеланий, которые энергетически существовать и колебаться заставляет отнюдь не он. Они выводятся на экраны репрезентации иной, противостоящей ему силой. Поэтому постмодернизм и начинает интересовать реакция человека на любые разорванные и упорядоченные тексты сознания. Как верно замечает В.В. Малявин, постмодернизм обнаруживает новый более глубокий распад и грехопадение человеческого в человеке. Просто постмодернизм не осознает свой способ действия в рамках некоторой возможной религиозно-спасительной программы. У постмодернизма отсутствует религиозная рефлексия самого себя.

Очень важно отметить, что развитие мыслекоммуникации и коммуникативной сообщительности по законам самой коммуникации собственно и составляло один из принципов построения идеального коммунистического общества в соответствии с идеями Карла Маркса. Die Entwicklung der Verkehrungsformen — развитие форм общения — это и есть не что иное, как коммунизм, где, конечно, немецкое Verkehr может обозначать общение и как коммуникативное взаимодействие, и как транспорт, средство сообщения, что в общем-то тоже верно, поскольку ликвидация в нужный момент пространственной удалённости является средством обеспечения общения. Освоение капиталом принципов коммуникативного взаимодействия, подчинение их своей собственной логике, конечно, не является развитием форм общения по Марксу. Речь, скорее, идёт о формировании «спрута» потенциального связывания человека с любой точкой географического, но также и потенциального виртуального пространства, где желание к предмету связывания начинает определять сам способ подобного связывания. Человек начинает вожделеть через предъявленный ему экран, на котором репрезентированы — представлены предметы вожделений, и этот экран с удовольствием подсказывает ему, о чём следует вожделеть и как удовлетворять свои вожделения. Человек в результате взрывается от тысячи открываемых им самим в себе мерзостей и бездн. Подобно тому, как Г.В.Ф. Гегель утверждал, что лучшее, что может сделать ребёнок с игрушкой, это её сломать, поскольку в этом акте

разрушения игрушки ребёнок обнаруживает свою взрослость. Точно так же наилучшее действие, которое может осуществить человек сегодня с галлюцинирующим телеэкраном, это сначала выключить его. Именно в этом акте человек демонстрирует, что он может овладеть подсовываемым ему коммуникативным спрутом. Но для того чтобы свободно включать и выключать экран телевизора и компьютера, человек должен быть религиозным существом, стремящимся к спасению. Поэтому прав русский религиозный философ-богослов Сергей Николаевич Булгаков в своей критике К. Маркса, утверждающий, что религиозное благобытие человека должно быть не в прошлом в виде оставленных суеверий и не в будущем в виде преображённого завтра, а прямо сейчас в настоящем, в сегодня. Ибо, если человек не будет ощущать насущность задачи спасения, у него никогда не обнаружится сил, необходимых ему для преобразования формы практики, в которую он включён в данный момент. В противном случае человек в поте лица будет осуществлять тяжёлую для него работу, являясь рабом вменённого ему дела. Это означает, что религиозная антропологическая форма, сохраняющая духовное существование человека как такового, должна присутствовать как реальность в каждой форме развития практики. Поэтому, на наш взгляд, абсолютно неверным является описание процесса, при котором человек должен дойти до последней ступени изничтожения и развала, некоторого безопорного и безосновного существования с тем, чтобы лишь после этого начать благообразно создавать и созидать. Обязательное прошагивание всех ступеней непредзадано, человек (человечество) за счёт религиозного подвига и дерзания может перешагивать ступени. Мы при описании каждой пентактиды выкладывали в качестве её ядра три типа: тип, отошедший в ближайшее прошлое за счёт его отрицания новым, сегодня доминирующим типом, и наше представление об отрицании данного типа следующим новым типом ближайшего будущего. Таким образом, в смене трёх типов мы в какой-то мере осуществляли принцип отрицания отрицания и одновременную организацию трёх типов по временным модальностям — прошлого, настоящего и будущего.

Но в чём может проявляться и воплощаться это духовное тяготение к собственному спасению? Прежде всего, в осознании границы самой навязанной человеку коммуникативности и в обнаружении других типов мыследеятельностных процессов, которые не тождественны коммуникации. В этих других типах мыследеятельностных процессов человек обнаруживает другие грани своей духовности. Это, прежде всего, процессы действия и мышления, которые невоз-

можно заместить коммуникацией и общением. Обнаружение себя включенным в определённые ситуации действия и осуществляющим процессы коллективного мышления, позволяет человеку открепить себя от экрана телевизора и восстановить реальность. В этом, на наш взгляд, и состояло открытие Г.П. Щедровицкого, обнаружившего новую деятельностную подоснову духовного существования человека в виде единства трёх процессов — мышления, мыслекоммуникации и мыследействия, пронизанных процессами рефлексии и понимания. Система мыследеятельности является метадеятельностью, поскольку именно на её основе можно увидеть и описать, при каких редукциях мыследеятельность может быть превращена в воспроизводимую технологизированную деятельность: фиксированный набор средств, регулярно и воспроизводимо используемый работником, имеющим определённого типа способности, для перевода стандартизованного материала в кодифицированный продукт составляет основу подобной технологизации. Мыследеятельность является и метакоммуникацией, поскольку она позволяет выявить условия, при которых мыслекоммуникация является духовным процессом. Это — наличие у человека собственной идентичности, заключающейся в возможности осуществлять мышление на собственных основаниях и самостоятельно строить действие. Поэтому духовная мыслекоммуникация возможна между людьми, владеющими разными способами мышления и разными способами действия. Но самое главное заключается в том, что именно **мыследеятельность задаёт зону свободной непредзаданности,** внутри которой человек может самоопределяться по отношению:

- к процессам развития форм организации мышления;
- к процессам развития производства;
- к процессам развития политического;
- к социально-экономическим институтам;
- к изменению форм организации человека;
- к изменению строения знания, а также многим другим «вещам» мыследеятельности — средствам, знакам, денежной счётности и т.д.

Именно поэтому данная седьмая пентактида, развёртываясь одновременно с шестью предыдущими, является онтологически объемлющей по отношению к ним всем. Именно на основе данной седьмой пентактиды и могут строиться сценарии действия, которые для нас очень сильно отличаются от прогнозных предзаданных описаний, которые почему-то называются сценариями.

Сама же система мыследеятельности, выступая в качестве зоны свободной непредзаданности, позволяет двигаться не по законам

уже имеющихся бизнес-решений, включаясь в созданные институты рынка, но создавать предпринимательские схемы (в смысле СБ. Чернышёва[1]), предлагая новые типы продуктов, услуг и новые типы капитализаций.

Но, что ещё более важно, мыследеятельностная организация позволяет осознавать происходящее как глобальный цивилизационный кризис, для осмысления и осознания которого необходимы принципиально новые формы и способы мышления. Мы имеем дело с весьма своеобразным кризисом, который заключается в продлении в будущее сложившегося способа экономического действия, уничтожающего людей[2], природу, культурное многообразие. Этот сложившийся способ экономического действия укоренён, прежде всего, в системе мировых финансовых институтов, в сложившихся формах потребления и системе функционирующей власти. Эту закреплённую форму институционально-экономического существования невозможно превратить в предмет преобразования, поскольку ею охвачен весь мир, и она стремится себя тиражировать в будущее. Причём это тиражирование осуществляется с огромной скоростью, включая в свою орбиту преобразования и антропологию, в том числе и за счёт превращения в предмет преобразования подосновы воображения и понимания. Проблема состоит в том, как в хорошо структурированной самоподдерживающейся целостности найти свободную зону для самоопределения и преобразований. Именно на основе схемы мыследеятельности можно осуществлять три важнейшие вещи, обнаруживая незанятое метацивилизационное пространство своеобразной пустотности. Это пространство пустотности может быть сформировано, если:

- заимствовать новые прорывные инновационные технологии, которые не употребляются ещё сегодня в существующей системе производств, и придумывать способы их употребления в разных мультиинституциональных средах, модернизируя сложившуюся систему промышленных производств и формируя зоны новых выращиваемых практик;
- осуществлять научные прорывы, выходя на новый класс ещё не существующих технологий в любом спектре социальной деятельности, особенно там, где, казалось бы, уже решён вопрос о пакете так называемых критических технологий;

[1] *См.:* **Чернышёв СБ. Россия, собственность, идея. — М.: Росспэн, 2004.**

[2] **Это уничтожение осуществляется и физически, и через невозможность завести многодетную большую семью.**

- создавать систему межцивилизационных взаимодействий в виде форумов идентичности, стремясь выделять зоны принципиально разного, расходящегося цивилизационного, конфессионального и этнического самоопределения. Предметом анализа на первом шаге является отнюдь не поиск межцивилизационной синергии, о чём мы писали раньше, ссылаясь на идею Олега Генисаретского[1], а выявление форм неприятия существующего миропорядка с точки зрения цивилизационно-культурных оснований.

Можно было бы сказать, что важнейшим условием выявления сегодняшнего цивилизационного кризиса является формирование пространства свободных решений, которые не могут и не должны быть заполнены сложившимися способами действия существующих институтов. С другой стороны, эти пространства свободных решений существуют очень короткое время, как экзотические новые трансурановые элементы системы Менделеева. Если в заданный промежуток времени, характеризующийся как мгновенный акт решения, новый способ не предлагается, продолжает воспроизводиться старый порядок. Основой этих незаполненных пространств являются расходящиеся векторы движений, за которыми стоят разные цивилизационные формы. Фактически, речь идёт о переделке космического корабля в процессе его полёта. Остановить корабль и вернуться на землю к исходной точке возникновения цивилизаций не удастся — не хватит горючего, единственный выход — продолжать лететь. Анализ генезиса цивилизаций, уточнение видения протоцивилизационных форм должны постоянно осуществляться в мышлении для лучшего представления об устройстве данного космического корабля. Нужны заранее заготовленные варианты другой институциональной организации систем практик, которые могут вводиться в общественное сознание в качестве сценариев общецивилизационного продвижения. Альтернативой подобным необходимым действиям является инициация гражданской мировой войны, которая как некоторая форма всё расширяющейся и усиливающейся мятежевойны[2] является постоянно нас сопровождающим цивилизационным фоном. Расширяющаяся мятежевойна имеет совершенно иную природу, нежели традиционные мировые и межгосударственные войны, и является рамкой антисоциального хаоса, внутри которого

[1] ***См.* например, нашу книгу «Сценарная паноплия». — М., 2004.**

[2] ***См.* замечательную работу Е.Э. Месснера «Всемирная мятежевойна». — М., 2004.**

и существует цивилизационное движение. При определённых условиях устойчивость цивилизационных процессов может быть подорвана и тогда вместо следующей по счёту мировой войны возникнет единая антицивилизационная мятежевойна. Ответственность за то, чтобы человечество в целом не сорвалось бы в мятежевойну, несёт каждый мыслящий человек планеты.

Рассмотрение типомыследеятельностных процессов — мыследействия, мыслекоммуникации, мышления — невольно подталкивает к мысли, что в докапиталистических системах организации хозяйства практики организовывались как типы подобных процессов. С этим можно было бы согласиться с одним условием, практики не могут у докапиталистических народов рефлектироваться в типомыследеятельностных формах и типомыследеятельностные формы не могут стать предметом целенаправленного преобразования.

Практически в каждой из семи пентактид мы выделяли тип, связанный с действием рефлексивного мышления, обеспечивающий особый способ преобразования и переотражения систем практик. Речь идёт о так называемых метатипах: метапредмете, метапромышленности, метаполитике, метаорганизации, метазнании, метадеятельности. Основная особенность этих метатипов состоит в том, что при формировании слоя рефлексивного познания сама структура этого слоя не является простым повторением и отражением предшествующей формы. Так, метаполитика не есть просто традиционная политика, взятая в её рефлексивном отображении и в формах осознания техник политической деятельности, метапредмет не есть обычная структура предметного мышления, отрефлектированная и осознанная в виде схем работы с моделями, формами систематизации знаний, метапромышленность не есть промышленные процессы, взятые в рефлексии, и т.д. Выделение метасфер означает преобразование исходного слоя практики, который начинает особым образом преломляться в системе этих метасфер. Основная особенность метатипов состоит в том, что они являются, по меньшей мере, двухслойными образованиями. В структуре метатипа оказывается представлен сам процесс перехода от традиционного типа практики (традиционных форм предметного мышления, политики, промышленных процессов) к способу его представления в системах отображения. Можно было бы сказать, что метатип — это человек, который постоянно носит перед собой систему своего отображения и пытается менять свое поведение, корректируя свой образ в системах отражения. Такой человек видит себя сразу и в зеркале, и со стороны вне зеркала и ещё знает, что существует до конца не улавливаемая им связь его и зеркала.

ГЛАВА 5 | Цивилизационное взаимодействие или борьба матриц. Другое понимание | игровых форм конкуренции цивилизаций

Разговоры, что человечество находится в пятой мировой войне, является своеобразным типом истерии человека, у которого выключилось мышление. «Литератор» начинает взвинчивать всех и паниковать, допуская выплёскивание своей паники на окружающих. Но ничего данный невроз и истерия не добавляют. Мобилизации не возникает. Возникают растрачивание впустую последних ресурсов и удар, направленный в никуда или в нетуда. При подобном подходе, в том числе, не удаётся додумать реальные, может быть, более страшные обстоятельства, в которых находится современное человечество. Зиновьевский человейник[1], из которого не вырвешься, на наш взгляд, более страшная вещь, чем пятая мировая война. На войне чётко всё поляризуется — кто свой, а кто враг. А в структуре «человейника» более страшный враг — твоё запрограммированное бессознательное и твоя испорченная природа, которая включена в сформированные системы потребления информации и удовлетворения специально смаркетированных потребностей.

Хотя и заокеанские братья по разуму — точнее, по безумию — считают «холодную» войну третьей мировой, она не являлась войной, хотя при этом и осуществлялось противоборство двух систем. Распад социалистического лагеря и СССР не является спланированной победой, потому что после этой победы в ситуацию кризиса попадает «победитель» — США. США перестали для всего мира быть страной-лидером, носителем высоких идеалов и демократических ценностей, поскольку разваливается и сама идея демократического проекта. США превратились в страну-паразита, которая живёт за счёт потребления того, что производят другие страны. Сегодня весь мир переживает дезинтеграцию американского миропорядка, как на это совершенно справедливо указывает Иммануэль Валлерстайн[2].

[1] Понятие и символ, созданные социальным философом А.А. Зиновьевым.

[2] См.: Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века. — Москва: Логос, 2003.

Следовательно, завершение холодной войны связано с тем, что произошло обрушение системы межцивилизационных взаимодействий и США сегодня являются жертвой этого глобального системного развала. Находясь в подобном положении, данная страна может предпринимать различные неадекватные действия и другие страны могут быть жертвой подобных действий. Но называть подобные метания США, стремящихся остаться единственной империей, мировой войной не приходится.

При этом, анализируя и рассматривая подобную мировую социальную динамику, мы сталкиваемся ещё с одним обстоятельством. В середине XX века военными теоретиками выявляется феномен так называемой маленькой неправильной войны «Klein Krieg», «Irregular warfare». Автором этого термина является Freiherr von Heidt — легендарная личность, командовавшая у Гитлера особым парашютным полком. Как в своё время их правильно назвал Ю.В. Крупнов, это маленькие локальные войны без дна. Под неправильными войнами, прежде всего, понимаются партизанские и террористические действия диверсионных групп, которые не подчиняются никаким ограничениям законов или конституционного права. В эпицентре действия локальной маленькой войны могут осуществляться любые бесчинства и античеловеческие действия. Задача Klein Krieg состоит в том, чтобы устрашить и вызвать у населения переживание ужаса. В своё время нами была высказана идея об использовании локальных войн в глобальных геополитических переделах. Но возникает весьма своеобразный вопрос: а на какой, собственно, ресурс может опираться маленькая война, какой ресурс она потребляет? И мы должны здесь со всей определённостью сказать, что маленькая война потребляет ресурс общественной социальной жизни, установленного социального порядка, с которым связана охрана государства от любых антисоциальных нападений, бунтов и насилия. Речь при этом не идёт только лишь о разного типа преступности — грабежах, воровстве. Но в условиях маленькой войны, основной задачей которой является террор как таковой, происходит общее озверение людей на основе попрания всего набора важнейших ценностей.

Как известно, государственный строй может быть разрушен не только за счёт внешних захватов, но и взрыва и разрушения социальной повседневности как таковой, государство может быть удушено разгулом антисоциальных зверств всех видов, которые уничтожают сложившуюся социальную повседневность. Пройдя через подобную мясорубку человеческого озверения, люди затем должны специально восстанавливаться и реабилитироваться. Этот ресурс естественно

сложившегося социального порядка, который заложен в усилия людей по каждодневному его поддержанию, не безграничен. Такое пребывание в этом естественном порядке обычно и называется «обывательщиной», естественным планом жизнедеятельности, сложившейся социальной повседневностью. Не случайно В.В. Малявин постоянно подчёркивает особую значимость и роль структур повседневности для китайской цивилизации. Это — оестествившийся, превратившийся в бытовую, почти физиологическую жизнедеятельность план человечески высоких деяний. И может быть, прошедший через смерть, воскрешённый человек прежде всего возвращается к жизни в своём повседневном бытовании, в своей оестествлённой жизнедеятельности. Когда Г.В.Ф. Гегель в «Философии права» утверждал, что государство образуется из двух исходных базовых структур: корпорации и полиции, охраняющей социальный порядок от бытовой преступности, стремящейся его разрушить, он очень чётко понимал, что социальный порядок должен удерживаться и охраняться. С этой точки зрения, использование маленьких, но бездонных войн направлено на террор населения, разрушение привычного повседневного порядка и лежащих в его основе базовых ценностей. Современный терроризм с захватом заложников, взрывами домов и поездов является продолжением маленьких неправильных войн. Его результатом является разрушение социального порядка как устойчивой системы. В результате подобных действий социальный порядок превращается в колеблющуюся, неустойчивую, постоянно плывущую магму, расползающееся неопределённое марево. На огромных территориях всего мира устанавливаются формы социального порядка, которые по своим особенностям невозможно отнести ни к миру, ни к войне. Они являют собой «восстание масс» (Ортега-и-Гассет), мятежевойну. Если традиционные войны различных государств друг с другом, мировые войны — это как бы войны по горизонтали, то мятежевойны, социальные бунты, разрушающие и уничтожающие социальный порядок, — это войны по вертикали, уходящие в бесконечную глубь, подрывающие сами сложившиеся основы сформировавшегося социального бытия и культуры. Действия США в Афганистане и Иране привели к появлению огромных территорий, на которых идёт мятежевойна. Разрушение социального порядка может стать тотальным, и тогда мятежевойна охватит всю планету, став мятежевойной всей планеты, то есть тотальной мятежевойной, но и в этом случае её нельзя считать войной, которую ведут суверенные государства друг с другом. Мировая мятежевойна это не мировая война, в которую втянуты суверенные

государства. Тотальная мятежевойна — это не классовая гражданская война. Может так получиться, что в XXI веке мир провалится в первую мировую мятежевойну в своей истории. Это будет не четвёртая и не пятая мировая война, но первая тотальная мятежевойна.

Непосредственно к мятежевойне подталкивает и любой тоталитарный режим, основанный не на создании возможностей раскрытия высшего сверхчеловеческого в человеке, но на страхе и тем самым на попрании ключевых человеческих ценностей. Человек, работающий в ужасе и страхе, — не полноценный человек. Именно поэтому сталинизм является формой подготовки хрущевизма, брежневской дегенерации и горбачёвского слома. В сегодняшних условиях США, пытаясь сохранить имперскую форму своего собственного существования, осуществляют слом множества сложнейших социальных и цивилизационных порядков, сами того не замечая, США, дезинтегрируясь, втягивают мир в первую мировую мятежевойну.

Но что может быть страшнее призрака приближающейся войны, страха войны, который программирует, кстати, на неизбежность войны — «ведь человек — это система, превращающая опасения в явь», как сказал однажды один из родоначальников теории рефлексивных процессов В.А. Лефевр. Более страшным является существование внутри заданной и определённой матрицы, развёртывание которой неизбежно ведёт к уничтожению природы, народа, традиции и цивилизации. Наделавший много шума и специально раскрученный фильм «Матрица» интересен художественным образом, представленным в первой серии, когда самовосприятие человека вдруг разрушается, поскольку оно оказывается иллюзорным, и он прорывается сквозь своё абсолютно иллюзорное видение к восприятию реальности, внутри которого он существует просто вставленным в определённый куб-рамку, где его сознание галлюцинирует. Подобное осознание не просто даётся и оно дорогого стоит. Как однажды сказал методолог Виталий Владимирович Дубровский: «Уж, осознавший, что он — уж, взлетел».

Что это означает? Это означает, что существуют антропологические матрицы[1], которые определяют горизонты возможной организации и развития человека в заданных границах и направлениях движения. Это устойчивое русло, сам тип продвижения, «берега» движущейся цивилизационной реки определяются динамикой

[1] О понятии антропологической матрицы *см.* кн.: Громыко Ю.В. Метод В.В. Давыдова. — М.: Пушкинский институт, 2003. Как мы выяснили, понятие антропологических матриц в своих работах независимо от нас и значительно раньше разрабатывал В.В. Малявин.

институтов. Каждый из типов цивилизаций, по всей видимости, имеет собственный органический код изменения и последовательных преобразований из одного типа в другой. Итак, появляются два важнейших понятия, которые определяют границы того, что может происходить с человеком, с одной стороны, — антропологические матрицы, с другой стороны, — институциональные оболочки, своеобразные остовы, в которых существуют антропологические матрицы.

5.1. Новые действующие субъекты и ограничители возможностей действия: антропологическая матрица — институт

Что же определяет антропологическая матрица? На основе устройства антропологической матрицы можно установить всё поле возможностей, допустимых преобразований и самопреобразований человеческой формы в заданных институциональных пределах. Это — то, что человек способен вообразить и принять про себя в некоторых заданных границах. Эти заданные границы и определяются возможностями институтов и их трансформаций. С этой точки зрения, можно было бы сказать, что институты — это выявленные пределы возможностей общественного человечества, которые задают границу преобразований и возможного воображения человеком пределов поиска самого себя. По отношению к простому напряжению — мобилизации, которые тратят и подрывают человеческий потенциал, институты задают горизонты, за которые индивиду или группе невозможно вырваться. Прежде всего, потому, что отдельный индивид, коллектив или группа не способны переиграть и переопределить общественный опыт, который лежит в основе реальности сознания и действия. Институты для самоопределяющегося человека или группы выступают в функции противостоящей реальности. Напрямую взять и отменить институциональный порядок человек не может. Человек может создать притягательный образец для подражания всего человечества и на основании воплощения и сознательного осуществления данного образца вырваться за данную институциональную реальность к построению и формированию нового институционального порядка. Или вывести себя из подчинения (из под чина — таксиса) данному социальному порядку, став святым — мудрецом, отшельником и т.д.

Очень важно при этом понимать, что институты и деятельность человека, коллектива, общности сделаны из одного и того же мате-

риала. Этим материалом является коллективная мыследеятельность — процессы мышления, коммуникации, мыследействия. Просто в случае анализа и рассмотрения институциональных систем должны быть выделены такие принципы организации коллективной мыследеятельности, которые не могут быть изменены и преобразованы каким-то конечным набором актов коллективной мыследеятельности. Институциональная реальность характеризуется тем, что она не может быть осмыслена и охвачена из горизонта коллективной мыследеятельности. Поскольку институциональная реальность — это институциональная мыследеятельность.

Но вместе с тем мы продолжаем настаивать на том, что основная задача человека состоит как раз в том, чтобы овладевать институтами и строить своё действие так, чтобы оно было со-институциональным, чтобы человек превращал институты в средство своей деятельности. Так, например, институт плебисцитарной демократии, который позволяет человеку, избранному на основании народного волеизъявления (плебисцита), затем полновластно определять действия всего набора политических институтов страны — правительства, парламента, сената, был выделен Максом Вебером, и новое возникновение интереса к этому институту в России было вызвано работами Андроника Миграняна. А.М. Мигранян считает, что в России в настоящий момент в какой-то мере сформирована именно плебисцитарная демократия. Избранный населением страны президент после парламентских выборов 2003 года имеет неограниченную полноту власти. И так называемая оппозиционная партия — КПРФ, попав в ситуацию раскола, спешит вместе со своим генеральным секретарём Г.А. Зюгановым, убедить президента, что именно они — полноценные борцы с существующим режимом, обвиняя «раскольника» Семигина в сговоре с Кремлём. Совершенно нормальным выглядит этот разговор, а не гебефреническим бредом и умопомрачением, если понимать, что президент — это одновременно и Кремль, и позиция над Кремлём, включающая непримиримых противников режима. Основная задача самых разнообразных других политических институтов в условиях плебисцитарной демократии состоит в том, чтобы ослабить президента, сделать всё, чтобы он не мог мобилизовывать всю полноту власти. В США[1] это достигается либо за счёт моральной дискредитации (Б. Клинтон), либо за счёт выбора на

[1] **У Макса Вебера был целый ряд предубеждений против того мнения, что институт президентства в США — плебисцитарная демократия. Но по важнейшему набору признаков, на наш взгляд, президентство в США соответствует определению института плебисцитарной демократии.**

место президента человека с пониженными мыслительными способностями. Но, попав в условия действия подобного института, человек становится заложником его функционирования. Выход состоит только в одном: то, что до впадения в маразм в Горках делал В.И. Ленин — бороться за партию, выступая против всей партии.

Именно различного типа институты (правовые, социальные, политические, экономические) являются контуром антропологической матрицы, определяющей горизонты и возможности изменения человека. Но сегодня в условиях глобального мира мы попадаем в совершенно особые условия. Глобализация обеспечивает возможность для представителей разных народов и цивилизаций возвести общие подмостки — общую сцену глобального театра взаимодействий, на которых должны предъявляться образцы самосознания и самоопределения представителей разных наций и разных национальных государств. Именно поэтому главным институтом этих взаимодействий должен стать форум идентичностей[1]. В этих условиях появляется важнейшая проблема управления общецивилизационным развитием всего человечества, определения контуров этого общецивилизационного развития. Способ и форма движения всего человечества в будущее не заданы. Поэтому возникает проблема — формировать и складывать этот общий тип продвижения на основе межцивилизационного диалога и поиска межцивилизационной синергии, либо предлагать и навязывать собственные представления и возможности движения в будущее. Именно в этой точке — в зоне возможностей определить общие контуры движения глобального мира и развёртывается настоящая мировоззренческая борьба, связанная с попытками определить, что такое человек, каковы принципы его развития и организации. Так называемая поверхностная американизация, не имеющая никакого отношения к американской культуре, является всего лишь одним вариантом управления глобальным разноцивилизационным развитием. Но на основании чего можно определять форму организации сознания человека?

К общецивилизационному взаимодействию представители разных народов пришли не с пустыми руками. В самой трансформации различных общецивилизационных институтов заложен опыт представителей разных цивилизаций. Можно утверждать, что те народы, за которыми стоит опыт формирования государственности, владеют определёнными цивилизационными антропологическими

[1] **Именно форум идентичностей мы предлагаем сделать основой будущего международного университета, например, Русского Международного Университета.**

матрицами, которые определяют горизонты поиска того, кем может быть человек в современном мире. Из этого не следует, что надо закрепощать и подчинять имеющимся цивилизационным антропологическим матрицам народы, которые не смогли сформировать свою собственную государственность или чья государственность была утеряна. Государственность — не высший критерий ценности народа. Вообще народы и священные роды, давшие им жизнь, не могут оцениваться по принципу, кто выше, кто ниже, кто лучше, кто хуже. Они все собираются в едином горизонте взаимодействующего братства всех живших на планете людей для того, чтобы вершить свой высший суд нас, живущих и действующих на земле людей, которые ответственны перед ними и будущими поколениями всего за одну вещь — сохранение и продолжение жизни. Всякий народ владеет своим секретом преодоления смерти, и эти секреты всем нам — всему человечеству — либо уже понадобились, либо однажды понадобятся. Но те народы, которые обладают опытом формирования государственности, которые прошли через этап построения царств и империй, могут предлагать свои общецивилизационные антропологические матрицы всему населению планеты, как бы выносить эти матрицы на общецивилизационный суд, предлагать свой вариант общепланетарного переустройства. Но это вбрасывание, введение общецивилизационных образцов и антропологических матриц происходит часто до определённого момента неосознаваемо, в кризисных ситуациях как предъявление и предложение единственного варианта выхода из сложившегося положения и т.д. Но именно в данный период складывается ситуация общенеобходимого момента диалога по поводу общецивилизационных антропологических матриц. Что это означает? Лет пятнадцать назад специалисты в области сакральной и социокультурной антропологии обратили внимание на то, что в научный оборот стали вводиться тексты самых различных религиозных традиций, которые до этого считались тайными и скрывались от профанного человечества: авестийская астрология, священные книги майя, техники толкования сновидных песен (dream songs) австралийских аборигенов. Все канонические книги мёртвых стали предметом анализа и толкований огромным числом специалистов и учёных. На это наше внимание в своё время обратил Е.Л. Шифферс, гениальный религиозный философ[1], создатель особого жанра — неиллюзионного

[1] В настоящий момент готовится издание наследия Е.Л. Шифферса в двух томах. Вышел первый том: Е.Л. Шифферс «Смертью смерть поправ. Автобиография. Эдип и Иисус. Версия о трансмиграции». — М., 2005.

кинематографа. Подобный факт может быть интерпретирован двояко: эсхатологически и коммуникативно-экспансионистски. В соответствии с первой интерпретацией мы приближаемся к последним временам, поэтому людей гениальные религиозные культуры, в лице святых, наблюдающих за нами за гробом, вооружают знанием о загробном измерении, о возможности пройти через последнее испытание — через мытарства души после смерти. В соответствии со второй интерпретацией происходит коммуникативное вторжение в личностные пространства представителей разных цивилизационных традиций. В этом случае различные эрзац-культурные образования начинают становиться средствами самоопределения, вытеснения исходных форм воображения и репрезентаций. Подобный процесс связан с разрушением периода «цветущей сложности» по Константину Леонтьеву и наступления времён всеобщих смешений[1]. Такого типа изменения в какой-то мере отражены в практике движения New Age.

Но эти две разные интерпретации не исключают друг друга и не противостоят друг другу. Всё определяется уровнем организации человека, который попадает в поле межцивилизационных взаимодействий. Если человек способен выдерживать уровень межцивилизационного диалога, для него высшие образцы святости и духовности другой культуры являются сверхзадачами продвижения на собственных основаниях, обнаружения и открытия собственных сверхспособностей. Если человек не способен выдерживать этого напряжения, то он, как правило, оказывается порабощен средствами чужой цивилизации. Это постоянно происходило в истории, когда страна-агрессор, захватывая территорию чужой страны и уничтожая высший слой государственной и религиозной элиты, перенимала религию данного народа и формы его мировидения: китайские принципы государственности, усвоенные монголами, Аристотель, алгебра и возрождение, пришедшие в христианскую европейскую цивилизацию через арабов, восточные единоборства (каратэ, кюдо, кэндо), синтоизм, заполонившие США после победы над Японией во второй мировой войне. Освоение чужой территории и неподчинение чужим цивилизационным принципам — почти что невозможная задача. Хорошо известно, с какими трудностями столкнулось советское партийное руководство, заселяя Калининградскую область после второй мировой войны — немецкая форма поселения и орга-

[1] **Того процесса, который позже Шпенглером был обозначен как «Закат Европы».**

низация пространства Кенигсберга мстили победителям. Поселившиеся в немецких квартирах русские переселенцы из Киева, Брянска и Калуги через два года начинали превращаться в почтенных самодовольных бюргеров. И только лишь в российских барачного типа хрущёвках, построенных на месте разрушенных шикарных особняков старого Кенигсберга, восстанавливался советский человек со всеми его специфическими характеристиками — коллективной общественной жизнью, стремлением к мобилизации и свершениям.

Каким же образом может осуществляться восприятие другой цивилизации, которое может завершаться цивилизационной перевербовкой? Очень просто — человеку подсовывают восприятие его самого и мира, внутри которого он находится, целый ряд ответов на вопросы, которые ему не могла дать его собственная цивилизация и культура. И принимая эти ответы, человек делает шаг по изменению собственной идентичности. Неважно, что эти ответы могут быть неправильно сформулированными, исходят из ложных посылок. Если ответ воспринимается не как проблема, которую вопрошающий должен разрешить средствами своей собственной культуры, а буквально, в соответствии с заложенным в нём смыслом и призывом к действию, человек сдвигается на позиции другой цивилизации. Конечно, вступление в контакт с другой цивилизацией всегда связано с определённым цивилизационным риском, вызовом, преодолением солипсизма и ограниченности этнических, религиозных, цивилизационных оснований той общности, которой принадлежит данный человек. Другая цивилизация, с которой сталкивается человек, только тогда осуществляет цивилизационную перевербовку, когда она рассказывает человеку не про самою себя, а про него. Это означает, что в ситуации межцивилизационных контактов и межцивилизационной разведки всякая цивилизация для того, чтобы управлять самоопределением, должна предоставлять средства рефлексии и осознания человеку, вступающему с ней во взаимодействие. Это означает, что любое новое поле цивилизационного освоения выступает по отношению к группе, осуществляющей цивилизационную экспансию, в функции зеркала или системы зеркал. Но подобная ситуация имела место в условиях белых пятен на карте, неохваченности мира как глобального целого и т.д. В настоящий момент важнейшей является именно цивилизационная экспансия, цивилизационная перевербовка людей, а не захват территорий. Именно этот период мы связываем с войнами, развёртывающимися в других пространствах — с консциентальными или, (если использовать корни романского языка) ментальными, войнами.

Как раз задачи этих войн заключаются в том, чтобы осуществить цивилизационную перевербовку.

С точки зрения Г.П. Щедровицкого, сделавшего принципиальное продвижение совместно с членами ММК при разработке проблем рефлексии и сознания, природа сознания состоит как раз в зеркальности и в возможности отражать в разных измерениях и в разных направлениях то, что происходит. По мысли Г.П. Щедровицкого, впервые тщательно проработанной им и прорисованной в лекциях «Методологическое пространство рефлексии», по своему сущностному устройству сознание является зеркалом. В этом и заключается величайшая загадка бессубстанциальности сознания. У отражательных процессов сознания есть своя субстанция и есть своё строение, но не в них дело. Сначала надо определиться с основной важнейшей функцией сознания. Сознание не схватишь рукой, у него нет собственной природы. Сознание не является субстанцией. Эта особая совокупность процессов отражения и отражательности. «Сознание приобретает свойства того, на что оно направлено...», как сказано в одном из первых буддистских психологических трактатов «Абхидхармапитакка» в переводе А.М. Пятигорского. Конечно, эта мысль, высказанная Г.П. Щедровицким, не является абсолютно новой, никем до него не высказанной. В самых разных направлениях религиозной и философской мысли высказывались подобные соображения. Здесь и учение о латунном зеркале сознания в раннем китайском буддизме[1], например, у Сэн Джао, взятое из традиции даосизма, и учение о зеркалах сознания в работах мусульманских мыслителей[2], и учение об эффекте зеркальца у Кули (looking-glass effect) и т.д. Идею зеркал сознания последовательно развивал в своих работах В.А. Лефевр — им была предложена комната кривых зеркал как модельная ситуация работы человеческого сознания. Представители разных цивилизаций, взаимодействуя друг с другом, выставляют для организации самовосприятия у участника межцивилизационного диалога зеркала, в котором каждый представитель другой цивилизации видит своё собственное отражение. Но чем же так могут отличаться эти образы-самовосприятия, ведь каждый раз предлагается всего лишь зеркало, в котором каждый увидит своё отображение?

Действительно, в феномене самой зеркальности как бы отсутствует возможность разбираться с самим механизмом отражения как

[1] ***См.:*** **Громыко Ю.В. Метод В.В. Давыдова, гл. «Интеграция содержания образования: панацея или тупик спутанности?» — М., 2003.**

[2] **Игнатенко Александр. Зеркало Ислама. — М.: Русский институт, 2004.**

таковым. На поверхность зеркала попадает то, что и есть в ситуации и в реальности. Ситуация связана с позицией действующего и теми взаимодействиями, в которые вступают участники ситуации. А характеристики реальности определяются мышлением, оно структурирует и выявляет строение реальности. Но если мы переходим к антропологическим характеристикам, то следует отметить, что осознать и выявить определённые особенности с тем, чтобы затем их сделать предметом преобразования, можно только в определённой среде. Эта наша мысль очень тесно связана с определённым набором идей Корнелиуса Касториадиса[1]. Вывести в план воображения в определённых социокультурных условиях человек может только вполне определённые вещи. Другие вещи: характерные особенности собственного поведения, вожделения, устремления, ценности — вывести в план осознания в данной социокультурной среде не удаётся. У человека не возникают образы, которые он может экстериоризировать и затем на них сам посмотреть. Подобное цензурирование сознания связано с репрессивным действием социокультурных институтов. Они, вошедшие в плоть и кровь человека, не позволяют возникать и складываться определённым процессам предъявления, отнесения, намерения — всему тому, что определяет разного типа направленности сознания, которые оказываются возможно реализовать только на определённом воззрительном и речевом материале. По всей видимости, рече-языковый и образный материал и всевозможные типы отнесений, взаимосоотнесений и образуют то, что О.И. Генисаретский предложил называть схематизмами сознания[2] — странные кольца, циклы, круги, разводы, которые иногда возникают на блестящей стальной поверхности зеркального металла, рябь, которая иногда пробегает по поверхности воды, в которой можно увидеть отражение. Эти самопроизвольные и спонтанные отнесения, выявления, образные представления, которые оказываются возможны только в определённой среде с заданными качествами зеркальности, и определяют возможность отражений. Для того чтобы описывать отражающую способность сознания, первоначально необходимо рассмотреть неотражательные его функции. Эти неотражательные функции сознания состоят в порождении наглядной воззрительности, образов, звучащих мелодий и слов. Из всего этого набора звучащей речи и воззрительных фрагментов

[1] **Cornelius Castoriadis. World in fragments. Writings on Politics, Society, Psychoanalysis, and the Imagination. Stanford University Press.**

[2] ***См.:*** **Генисаретский О.И. Навигатор и расширитель.**

набирается материал, в котором сознание формирует и создаёт формы отражения.

Для того чтобы эти фантазмы, голоса превратились в отражение, в сознание, должен срабатывать принцип сопереживания, соуподобления, совместного знания, совместного восприятия образов, фраз вещующей речи. Эти фразы, образцы-картинки должны обращаться на самих себя, относиться к самим себе. И результаты подобного отнесения, которое осуществляет каждый участник этого действия, становятся общим достоянием. Проделанное каждым человеком тут же должно сопереживаться другими участниками коллективной ситуации. Эта возможность сообщительности состояния через сострадание, сопереживание является обязательным условием возникновения сознания как коллективно-совместное, общественное моделирование при помощи образов и мелодики речи, происходящее с самим собой. Замечательный социальный философ, неофихтеанец из Мюнстерского университета Карл Хан утверждает, что возникновение трагедии в Древней Греции связано с важнейшими моментами демонстрации всем соприсутствующим важности происходящего, сопереживанием этого демонстрируемого состояния и затем предложением коллективного преобразования каждым себя. В так описываемом процессе участия в мистериальной трагедии Карл Хан фактически проанализировал процесс возникновения сознания как особого режима или практики взаимодействия членов общности в пределе нации. Собственно, этот режим взаимодействия и лежит в основе происхождения сознания и совести. Для подобной практики характерно:

- высвечивание некоторого выводимого в поле общего внимания образца переживания, действия и самообраза данного действия, которое закрепляется за протагонистом;
- уподобление данному образцу всех членов коллектива;
- сообщение о результатах подобного уподобления;
- сопереживание полученным результатам.

В знаменитой работе Фридриха Ницше «Рождение трагедии из духа музыки» рассматривается переплетение двух начал, лежащих в основе строения древнегреческой культуры, в частности трагедии, связанной с двумя богами — Аполлоном и Дионисом. «...Прекрасная кажимость сновидческих миров, порождая которые каждый из людей выступает как художник в полном смысле этого слова, есть предпосылка всего изобразительного искусства...

Эта радостная необходимость сновидческого опыта выражена и греками в их Аполлоне: Аполлон, бог сновидений, вместе с тем

и бог прорицаний и искусств. По корню своего имени — он сияющее божество света, однако он же царит и над прекрасной кажимостью мира сновидений. Высшая истина, совершенство этих состояний в противоположность действительности дня, вразумительной лишь от части, — далее, глубокое сознание целительной силы природы, — она лечит сном и сновидением, — всё это символический аналог как способности прорицания, так и вообще художественного дара, благодаря которым жизнь обретает ценность и будущее становится настоящим...» (Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки. М., 2001/Пер. А.В. Михайлова. — С. 65-68).

«Дионисийское возбуждение способно наделять таким художественным даром целую толпу, и та видит себя окружённой подобными же толпами духов, с каким чувствует себя внутренне единой. Процесс, происходящий с хором трагедии, — это прафеномен драмы: видеть себя преображённым и действовать так, как если бы ты действительно перешёл в другое тело, другой характер» (Указ. соч. — С. 154). Выбрасываемый вперёд, высвечиваемый образ принадлежит Аполлоническому началу, отнесение к самому себе, оборачивание на самого себя, отождествление себя с выявляемым образом или с особого типа опеванием, сопровождением образа через забвение себя — начало Дионисийское. Фантазма — образ воображения — объединяет непосредственно воспринимаемое и наблюдаемое во сне. Ткань сознания, живущая своей жизнью во сне, являющаяся своеобразным живым органом, выносится на поверхность сознания, становится тем, что может быть предъявлено самому себе и другим. Для нас это близко к тому, что О.И. Генисаретский называет процепцией. Но есть ещё задача соотнесения себя с этим образом, отождествления себя со средой и сферой, в которую помещён образ через забвение себя через выход за узкие рамки самого себя. Это требует подключения к другим источникам энергии, к иной энергийной струе. *Ср.* «Вот состояние аполлинийского сновидения: мир дня покрывается пеленою, и в непрестанной смене рождается у нас на глазах новый мир, отчётливее, понятнее, трогательнее прежнего и всё же более него подобной тени. Сообразно с этим мы распознаём в трагедии проходящую сквозь неё стилистическую противоположность: язык, цвет, движения, динамика речи — всё это совершенно отделённые друг от друга и расходящиеся сферы выражения: в дионисийской лирике хора, с одной, в аполлинийски-сновидческом мире сцены, с другой.» (Указ. соч. — С. 110). Вот это единство фигуры и фона, образа и его среды, сцены и хора по Ницше, которые могут перефункционализироваться и меняться местами, и образует основу сознания.

Анализируя процесс возникновения сознания, мы дошли в своём анализе до его материальных составляющих: образно-воззрительной ткани и энергийных слоев, о которых в символическо-метафорической форме и сообщается через миф о Дионисе и Аполлоне. Идея выхода к анализу материальных систем мыследеятельности была нами обозначена в нашей работе «Проектное сознание» (М., «Пайдейя». 1998) как методология № 5 (в отличие от сформированных и проработанных в Московском методологическом кружке методологии теоретико-мыслительного периода, методологии теоретико-деятельностного периода, методологии мыслекоммуникативного периода, методологии системомыследеятельностного периода). Собственно, в рамках этого анализа и происходят поляризация и последующая интеграция институциологии и антропологии, театра с его спонтанностью и карнавальностью и строгого жёсткого мышления, человека с его способностями, компетенциями и организационных систем.

В условиях взаимодействия представителей разных цивилизаций и необходимости построения схемы, определения принципов межцивилизационных взаимодействий практика генетического воспорождения сознания является необходимой. Только представители разных цивилизаций имеют в соответствии со своими религиозными практиками разные принципы организации сознания, разные системы образности и сновидного опыта, разные формы спонтанности энергийного поведения. Это означает, что участники межцивилизационных взаимодействий имеют перед собой не одно зеркало, а систему зеркал, не одно представление о практике порождения сознания, а несколько образцов практики воспорождения сознания. Эти разные конкурирующие зеркала, эти разные конкурирующие представления о сознании сталкиваются в данной ситуации. Это означает, что в подобной ситуации приходится обращаться не к теориям сознания, и даже не метатеории сознания[1], а к практике метасознания. Практику метасознания не следует рассматривать как всего лишь абстрактную рефлексивность над разными формами сознания, представленными в разных цивилизациях. В данном случае практика метасознания предполагает понимание, что в подобной ситуации используется множество зеркал и множество принципов изображения: латунный с патиной китайский жертвенный сосуд,

[1] ***См.*** **знаменитую книгу, с которой в своё время началось наше движение в методологию: Пятигорский А.М., Мамардашвили М.К. Три беседы о метатеории сознания.**

сталь арабского клинка, старое венецианское зеркало повешены в одной комнате, и всем представителям разных цивилизаций предлагается глядеть в эти зеркала. Таким образом, воспроизводится ситуация, о которой в своё время говорил В.А. Лефевр — ситуация комнаты смеха с множеством самых разнообразных зеркал.

Но вывешенные данные зеркала являются ничем иным, как табло, досками и экранами, на которых может представляться и изображаться форма поведения, мышления, действия представителей другой цивилизации. Отличие табло или экрана от зеркала, сделанного из стали, латуни, воды, стекла, состоит только в одном: на табло или экране предъявляется аспектизированное изображение. Табло или экран сохраняют свой функциональный аспект предъявления изображения в отличие от функциональных аспектов других досок или экранов. С этой точки зрения, можно сказать, что табло или экран являются идеальными действительностями мышления по аналогии с действительностями различных научных дисциплин, в которых всё целое, весь мир может быть изображен и представлен с определенной позиции, в заданном наборе расчленений, в определённом аспекте.

Таким образом, комната зеркал есть не что иное, как комната множественных экранов, досок, табло рефлексивного мышления. То, что развёртывается на досках, задаётся в соответствии с принципами организации мышления. Отнесение содержания доски к позиции действующего обеспечивается процессами рефлексии, которые однажды Пётр Щедровицкий определил как чистую коннективность, способность простраивать связи. А собственно отнесение, реляционное^ себя, возникающего образа у человека к экрану или доске определяются пониманием. Построение самих образов, нахождение самих интонаций, звучащих слов — процессы уже следующего уровня системного анализа, они обеспечиваются образопорождением и воображением — вхождением в образ. В данной комнате могут появиться зеркала, которые в том числе отражают и саму комнату множественных зеркал, это уже отражение следующего уровня, отражение отражения.

Подобная ситуация оказывается возможна, поскольку мы имеем дело сегодня с человеком, стоящим перед лицом глобализационных процессов. Это означает, что сближенный и сведённый в одно целое мир подготавливает и определённого человека, определённого жителя этого мира. Этот человек оказывается способен смотреть в разные цивилизационные зеркала и воспринимать свой собственный образ через эти разные зеркала. ***То есть этот человек может***

вообразить своё существование в другой цивилизационной матрице. Он как бы способен получить опыт жизни, которой он не жил. Это является важнейшей характеристикой сегодняшней политической антропологии. То, что раньше для человека было закрыто и недоступно, прикровенно и таинственно, сокрыто от него, возможно, для его же спасения, сегодня раскрыто, рассекречено и разоблачено. Человек, являясь представителем европейского христианства, может вообразить и прожить своё новое зачатие в буддистской или мусульманской семье во Вьетнаме или Египте. Над современным человеком оказывается накручена огромная «аура» прожитых в воображении (но всё-таки прожитых) не его жизней. И современный человек всё время живёт не своими, но чужими жизнями. И уже, кажется, не способен различить, где его жизнь, а где чужая. Ментальная жизнь, жизнь в сознании становится не менее важной и реальной, чем телесная жизнь. Нот этой ментальной жизни, жизни в воображении становится невозможно отвлечься.

Процессы глобализации формируют человека, способного нырять и погружаться в разные цивилизационные экраны, табло, «окошки». Это происходит за счёт того, что мы имеем достаточно обобщённые знания о разных цивилизациях, конфессиях, этносах, которые позволяют выходить при анализе цивилизационных процессов на уровень антропологических матриц, то есть нормативных требований, определяющих, каким должен быть данный человек по отношению к некоторой системе цивилизационных институтов. Некоторую условную заданность человека, принадлежащего любой цивилизации, определяет не знание об институтах этой цивилизации, но его самоопределение, предполагающее его умение строить данную цивилизацию, занимая позицию в мире. Протагоровское «человек есть мера всех вещей, сущих, поскольку они — суть, не сущих, поскольку они не суть» характерно для человека, обнаруживающего в себе самом, в своём самоопределении способность строить цивилизацию. Это означает, что выстоит или не выстоит та или другая цивилизация, определяется активностью человека, сверхслабым, но абсолютно искренним его импульсом, возможно, всего лишь его интонацией, его дыханием.

Возникает вопрос, почему, обсуждая проблему межцивилизационных взаимодействий, мы ничего не говорим об американском порядке, о том, что никакого свободного самоопределения цивилизаций нет, а есть достаточно жёсткое подчинение представителей различных цивилизационных форм — великой китайской циви-

лизации, индийской цивилизации, ирано-персидской цивилизации, европейской цивилизации, российско-русской цивилизации американскому способу жизни? Это, прежде всего, связано с тем, что американская цивилизация, существующая в форме империи, находится на грани развала. Об этом говорят очень многие уважаемые авторы, например, Эммануил Валлерстайн, Emmanuel Todd[1]. Сегодняшний мир переживает процесс декомпозиции — дезинтеграции и развала американской империи. Как на это справедливо указывает Эммануэль Тодд: американское государство постепенно превратилось из нации-производителя в государство-паразит, из защитника высоких образцов демократии в государство, нарушающее демократические нормы для захвата регионов, богатых ресурсами. С этой точки зрения, США очень сильно напоминают Римскую империю после второй пунической войны. Но как справедливо говорит кандидат в президенты от демократической партии США Линдон Ларуш, США — это Рим, но Рим не в период могущества, а на изломе, с подорванной экономикой, Рим, который вожделеет circens et panem — хлеба и зрелищ и ничего уже не может производить. Но, конечно, в этих условиях появляется идеология аутсорсинга и экономики «знаний» наоборот, «поскольку мы знаем, как производить, то мы можем ничего не производить, мы можем понуждать производить других, управляя на основе финансовых механизмов этим производством». Поразительно, но многие российские экономисты ловятся на эту удочку.

Как пишет Эммануэль Тодд, всё больше государств размышляет над превратностями исторического процесса: а не станет ли прошедшая через преобразования Россия — в прошлом символ страшного тоталитарного режима, разрушитель демократических свобод, защитником норм демократии во всём мире, прежде всего, от нападок обезумевших США? Безусловно, ревнителем пресловутой американской демократии — своеобразного тарана для разрушения суверенных государств — Россия никогда не станет. Слишком дорого для неё стоили нормы демократии, вызвавшие сумятицу в российских умах, позволившие в очередной раз разграбить и опустошить страну. А вот защитником мультицивилизационного порядка, суверенности государств Россия вполне могла бы стать. Если так называемые квасные патриотические «долбостуки» и «долбосмыслы»[2],

[1] **Emmanuel Todd Apres L'Empire. Essai sur la decomposition du systeme americain. Gallimard. 2002.**

[2] **Данная словоформа является творением О.И. Генисаретского.**

исходя из наилучших соображений и высших ценностей, борясь против американского протектората в России, не натравят её на США. Разваливаясь, американская империя обязательно кого-нибудь потянет в пропасть за собой.

Было бы сверхглупостью влезть в не нашу войну с США. Не надо спешить, господа! У вас неуёмное желание действий: столицы хотите за полярный круг переносить, переворачивать реки, обратите свой взгляд на собственный двор, там есть чем заняться. Европейские регулировщики: не очень жалующие русских прибалты, Израиль, да и Великобритания с лучшим другом В.В. Путина Тони Блэром с удовольствием вас затолкают в национал-патриотическую войну с США. А нужна ли нам она? Мне кажется, нет. Более того, в условиях возрастающих антиамериканских настроений в Европе нам было бы неплохо встать на защиту интересов настоящей Америки — страны безграничных возможностей в прошлом и принципов демократизации через самоуправление, Америки, на защиту которой в своё время встал Александр II и которую открыл Алексиус Токвиль[1]. С этой точки зрения, обсуждая межцивилизационные взаимодействия, мы готовим людей не к борьбе с Америкой и не к развалу американской империи. Эта задача является бессмысленной и не заслуживающей никакого внимания. Зачем делать то, что разрешится само собой и для чего важнее принцип недеяния — знаменитое китайское «у вэй» и принцип Лао Цзе «Велик тот человек, кто научился опираться на вещи». Нас интересует вопрос, как взаимодействующие на равных разные цивилизации представлены в разноцивилизационных зеркалах отражения, как можно управлять и переопределять цивилизационное развитие, перепрограммировать предлагающиеся формы и способы общецивилизационных продвижений разных цивилизаций на разных основаниях. Именно к подобной ситуации должен себя готовить русский человек и Россия. Мы уже писали в другом месте[2], что XXI век будет веком состязательности здоровых сознаний. К этой состязательности русский человек и должен себя готовить.

Итак, современный человек, с точки зрения представлений политической антропологии, является существом, сформированным телеэкраном и телепорталами интернета, который способен, по крайней мере в воображении, переходить с одной цивилизационной матрицы в другую, менять поле, в котором он сформировался

[1] **Алексиус Токвиль. Демократия в Америке. — М.: Прогресс, 1992.**
[2] **Громыко Ю.В. Проектное сознание. — М.: Пайдейя, 1998.**

и родился, на совершенно другой тип антропологической матрицы с другими цивилизационными институтами.

Такая имагинативная (вообразительная) подвижность современного человека является одновременно огромным преимуществом и недостатком. Преимущество состоит в том, что современный человек оказывается чувствителен ко всему тому, что происходит в любой точке земного шара, и может откликаться на любые изменения, происходящие с другими народами, государствами, цивилизациями. Недостаток же заключается в том, что современный человек перестаёт понимать, кто он такой, где у него «родное пепелище и отеческие гробы». Комплекс американца, оставившего отеческие гробы за океаном, становится комплексом всякого современного человека.

Но что же содержится и прорисовывается на предъявляемых множественных экранах вступающих во взаимодействие представителей разных цивилизаций? Во-первых, нам ещё очень важно повторить и указать, что этих экранов много и эти экраны заполняются одновременно. Во-вторых, есть такое допущение, что разные цивилизации проработали приблизительно единый алфавит (или набор иероглифических ключей, или набор слогообозначителей), который может одновременно выноситься на множественные экраны сознания. Поэтому на каждом из экранов в соответствии с типом цивилизации и направлением её движения, а также стремлением показать общее движение для всех цивилизаций будут присутствовать совершено разные содержания. Таким образом, игра экранов сознания — это игра типологий, выстраивание типов, типоформ, типоэйдетиков, типономий, на основе которых предполагается давать рефлексию пройденного пути каждой из цивилизаций, а также намечать шаг перехода в ближайшее будущее. Понимание, что системная типология — смена типологических алфавитов — развёртывается на множественных экранах, обращенных к представителям разных цивилизаций, собственно, и образует план разноцивилизационного метасознания. Межцивилизационное метасознание — это сознание участников диалога цивилизаций. По своему устройству оно есть не что иное, как игра различных цивилизационных типов, сменяемых иерархий, на основе которых человечество пытается осознать своё прошлое и предугадать своё будущее. Говоря о межцивилизационном метасознании, мы не имеем в виду сознание масонов или другие типы конспиралогических сознаний субъекта, который на основе заговора пытается захватить власть над миром. У нас нет стремления стать властителем умов. Но реально сознание, которое стремится охватить содержание взаимодействующих

цивилизаций, основывается на типологическом мышлении, поскольку только на его основе оказывается возможно представить разноцивилизационные тенденции и обмен разноцивилизационными возможностями. Подобное разнотипологическое мышление составляет основу цивилизационного распредмечивания, о котором мы писали выше[1], когда основное цивилизационное видение может быть выделено в его ограничениях.

Что же может быть положено в основу подобных матриц? Как мы об этом писали выше, анализируя исходные первичные институты по Корнелиусу Касториадису, основу подобных матриц, прежде всего, образуют процессы мыследеятельности — мыследействие, мыслекоммуникация, мышление. Эти три типа мыследеятельностных процессов лежат в основе рассматриваемых типов. Но для того чтобы получить типы для анализа, необходимо пересечь данные типомыследеятельностные процессы с ними самими, но взятыми в другой форме. Это взятие тех же самых процессов, но в иной форме, позволяет призматически разложить (как призмой разлагается свет), аспектизировать данные типомыследеятельностные процессы. Подобная аспектизация становится очевидной хотя бы потому, что гипотетически переобозначенные и выделенные новые типы можно пересекать с исходными типомыследеятельностными процессами.

Покажем эту процедуру на реальном примере. В соответствии с тремя типомыследеятельностными процессами мы предлагаем выделить три типа пространств: литургико-родовое, общественно-политическое и производственно-экономическое. В какой-то мере эти три пространства могут быть поставлены в соответствие типомыследеятельностным процессам: соответственно, мышлению, мыслекоммуникации и мыследействию. Действительно, процессы производства в большей степени являются процессами действия, процессы организации политической жизни являются процессами мыслекоммуникативными, процессы литургической организации являются процессами мышления. Хотя с другой стороны, хорошо понятно, что в каждом из этих пространств содержатся все три типа мыследеятельностных процессов — и мышление, и мыслекоммуникация, и мыследействие. То есть каждое из данных пространств является системомыследеятельностным, а не типомыследеятельностным.

[1] *См.:* Громыко Ю.В. Сценарная паноплия. Новая повестка дня для президента. — М., 2004, а также ст. Громыко Ю.В. «Конциентальная безопасность: фактор региональных транстраничных идентичностей» в коллективной монографии «Азиатско-тихоокеанские реалии, перспективы, проекты: XXI век ». — Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 2004.

Но основной вопрос заключается в другом: всё зависит от того, по отношению к чему берётся каждое из этих пространств. Так, например, В.Н. Топоров совершенно справедливо указывает, что пространство ритуала является пространством действия, если его сопоставлять, например, с мифом. Поскольку миф принадлежит мыслекоммуникации — речи и слову вообще. Это может означать, что сам ритуал, миф и литургическое служение прорисовываются внутри собственно литургико-родового пространства. А есть ещё вопрос: литургико-родовое пространство в целом прорисовывается по отношению к общественно-политическому и экономико-производственному? Таким образом, всё определяется тем, в какие противопоставления и сопоставления будет помещаться каждое из различений.

В соответствии со сказанным исходное пересечение типов мыследеятельности и типов пространств имеет следующий вид *(см.* таблицу 2).

Что принципиально для данной таблицы? То, что она претендует на описание всей совокупности цивилизационно-исторических институтов как системы мыследеятельности[1]. Никакой природы и Бога, в виде ли развития или какой-то сущности вне процессов

Таблица 2

Базовый тип МД — от действия к преосуществлению	**Мыследействие**	**Мыслекоммуникация**	**Мышление**
Литургико-родовое пространство (теория)			
Общественно-политическое (логос)			
Производственно-экономическое (техне)			

[1] **Идея типологически описать все типы цивилизационных институтов принадлежит СБ. Чернышёву, наша мысль заключается в другом: построить пересечение в своём анализе мыследеятельностиых процессов и институтов. Собственно это пересечение и предполагает построение отношений между институтами и антропологией, поскольку эти процессы могут осуществлять лишь люди, имеющие способности и компетенции.**

мыследеятельности, не существует. Это отнюдь не означает, что для нас как человека православного вероисповедания, осуществляющего покаяние и молящегося за Славу России, Бога нет. Просто мы его обнаруживаем через структуру человеческой мыследеятельности, в частности через процессы и способы литургико-родовой мыследеятельности, молитву, церковную литургию, создание икон, строительство храма[1]. Точно так же и вещество природы, и космос, который ориентирует всю нашу жизнедеятельность и её природные циклы, не существуют вне процессов и систем мыследеятельности, в частности вне процессов производственно-экономической мыследеятельности. Если вдруг оказывается, что сложившиеся формы мыследеятельности уничтожают материал природы и можно предложить альтернативные типы производств, которые будут в меньшей степени наносить вред природе, при помощи них будет осуществляться более глубокое проникновение в загадку вещества природы (в том числе и его воспорождение), то такие типы производств будут вытеснять существующие. С этим может быть связана очередная техносоциокультурная революция, то, например, о чём пишет Джереми Рифкин в одной из своих работ — Hydrogen revolution. Это революция предполагает замену нефти и газа в качестве потребляемых энергетических ресурсов водородом. Таким образом, все основные драмы, связанные с Богопознанием, Богооткровением, более глубоким проникновением в вещество природы, развёртываются не вне данной таблицы, представляющей всю совокупность мыследеятельностных процессов, а на ней самой, на различных её полях и клеточках. Схватывание какой-то невероятной благодати развития или Богопознания является ничем иным, как определённым способом заполнения клеточек данной таблицы.

В представленных названиях строк слева мы ввели обозначение базовых, первичных для европейской цивилизации институтов по Корнелиусу Касториадису — техне, логос, теория, но с нашей небольшой добавкой (что касается института теории — института Боговидения-теорао — Корнелиус Касториадис такого института не выделяет)* Эти институты должны члениться, дифференцироваться, образуя всю сложнейшую сеть мировых институциональных установлений. Взятые по отношению к ним процессы мыследеятельности, фактически, определяют способы их реализации.

[1] Идеи формирования специальной дисциплины теменологии, исследующей вопросы происхождения храма, изложены Ш.М. Шукуровым. *См.:* Шукуров Ш.М. Образ Храма. Imago Templi. — М.: Прогресс. Традиция, 2002.

Каким должен быть способ продвижения в данной типологической таблице? Он заключается отнюдь не в том, чтобы перемещаться и переходить от нижней строчки к верхней и затем вдруг оказываться в нижней строчке, поскольку вполне возможно, что сами строчки (как и столбцы) свёрнуты в цилиндрические замкнутые пространства — своеобразные «тубусы»[1]. Подобное движение является недействительным на нашей таблице, поскольку цивилизация характеризуется наличием полной системы мыследеятельности. Группы людей, у которых не было мышления, или мыслекоммуникации, или мыследействия, или, например, отсутствовали религия или общественно-политическая жизнь, не могут считаться принадлежащими к носителям цивилизационной формы, а скорее, их можно назвать цивилизационными инвалидами (от латинского *invalidus* — недействительный). Поэтому цивилизация для нас характеризуется обязательным наличием всех типов процессов мыследеятельности и всех выделенных пространств.

Но как же в этом случае осуществляется продвижение в табличке, если она описывает определенное цивилизационное состояние? Прежде всего это связано с процессом конкретизации матрицы. Эта конкретизация предполагает «выворачивание», своеобразное включение одних процессов в другие и обнаружение там их совершенно особого существования — принципов протекания и способов осуществления, способностей и компетенций, обеспечивающих формы их реализации. Так, если мы возьмём процессы мыследеятельности, то мы обнаружим, что внутри процессов мышления существуют и представлены: процессы мыслекоммуникации, процессы мыследействия. Но это будут совсем другая мыслекоммуникация и другое мыследействие. Мыслекоммуникация в мышлении — это дискурс, с демонстрацией аргументов, проговоры, обращения, суждения, размышления, которые с самого начала несут мыслительную функцию. Мыслекоммуникация, взятая в отношении к мышлению и мыследействию, как противостоящий им равноправный процесс, обнаруживает такие особенности и характеристики, которых нет ни в процессах мышления, ни в процессах действия, например, постоянное улавливание расхождения между высказанной мыслью и тем, как она понята участником диалога. Это совсем другое, нежели мыслекоммуникация, задача которой обнаруживать очевидность определенных представлений. То же самое следует сказать и про мыслекоммуникацию и про мыследействие. Внутри мыслекоммуникации

[1] Так таблицы рядов в своих работах предлагает толковать СБ. Чернышёв.

Таблица 3

Базовый принцип — от действия к преосуществлению	Мыследействие			Мыслекоммуникация	Мышление
	Мыследействие	Мыслекоммуникативное мыследействие	Мыслительное мыследействие		
Литургико-родовое пространство (теория)					
Общественно-политическое (логос)					
Производственно-экономическое (техне)					

есть мышление и мыследействие, которые по своей организации отличаются от внемыслекоммуникативных мыследействия и мышления. Внутримыследействовательные мышление и мыслекоммуникация имеют другие принципы построения, нежели мышление и мыслекоммуникация как однопорядковые с процессами мыследействия. Последний случай продемонстрирован на следующей таблице *(см.* таблицу 3).

Подобная конкретизация таблицы сразу задаёт определённую несимметричность и требует последующего восполнения в конкретизации всех столбцов, поскольку, как мы уже сказали, все процессы мыследеятельности выворачиваются во все другие процессы. Проделав подобное выворачивание, мы получаем следующую таблицу *(см.* таблицу 4).

В появившихся новых парах типа: мыследействовательная мыслекоммуникация и мыслекоммуникативное мыследействие или мыслительное мыследействование и мыследействовательное мышление, прилагательное обозначает содержание данного процесса, а существительное — форму. В мыслительном мыследействии и мыслекоммуникативном мыследействии, несмотря на мыслительный характер

Таблица 4

Базовый принцип — от действия к преосуществлению	Мыследействие			Мыслекоммуникация			Мышление		
	Мыследействие	Мыслекоммуникативное мыследействие	Мыслительное мыследействие	Мыследействовательная мыслекоммуникация	Мыслекоммуникация	Мыслительная мыслекоммуникация	Мыследействовательное	Мыслекоммуникативное	Чистое мышление
Литургико-родовое пространство (теория)									
Общественно-политическое (логос)									
Производственно-экономическое (техне)									

первого и мыслекоммуникативный характер второго, перед нами всё равно мыследействование по своей функции и своему назначению. Но с другой стороны, вторгающаяся в мыследействие мыслекоммуникация и входящее в него мышление имеют совершенно другую природу и представляют другую реальность.

Мыслекоммуникация в первом случае и мышление во втором являются механизмом процесса мыследеятельности. Как писал Г.П. Щедровицкий, в категориальной паре процесс — механизм понятие «механизм» обозначает поставщика реальности. Понятийная пара процесс — механизм постоянно перефункционализируется и меняется местами: процесс определяет параметры для второго процесса, который выступает в функции механизма. Но затем сам второй процесс определяет параметры первого процесса, который выступает в функции механизма. Эту понятийно-категориальную перефункционализацию можно охарактеризовать следующим образом: сначала мышление или мыслекоммуникация вторгаются в процесс мыследействия и определяют особенности процесса мыследействия. Но затем мыследействие подчиняет своим собственным задачам и процессы мыслекоммуникации, и процессы мышления. Получается,

что мыследействие как бы подтягивает содержание этих процессов к решению своих собственных задач, забегает в ту зону, где ни у мыслекоммуникации, ни у мышления нет средств для осуществления замысленного.

Своеобразие отношений данных процессов можно рассмотреть на примере осуществления процессов политического действия, которое заключается, прежде всего, в реализации и проведении определённой ценностной позиции. Выделение этой ценностной позиции осуществляется в мышлении. Именно мышление способно простроить идеальное содержание ценностей, которые должны быть переведены в некоторое ценностное кредо. Но затем это ценностное кредо должно быть реализовано в действии. Это не просто знание, но принцип, в соответствии с которым должно реализовываться действие. Политическое действие при реализации принципов выходит в зону, которая не известна и заранее не продумывалась в мышлении. Но предварительно выделенные и зафиксированные в мышлении ценностные принципы политического действия находят здесь полную реализацию. Другое дело, что практически никто не сможет понять, какие собственно принципы были заложены в данное политическое действие (за исключением специального дешифровальщика), если действие не было проработано в соответствии с возможностью его сообщительности, в соответствии с мыслекоммуникативными принципами. Для того чтобы политическое действие воспринималось, оно должно быть демонстративно, изобразительно и миметично[1]. Необходимо, чтобы данное действие могли понять, чтобы ему хотели подражать.

В том случае, когда мы имеем дело с мыслекоммуникативным мыследействованием, то именно его основная задача состоит в том, чтобы обеспечить понимание и на его основе восприятие содержания действия. Таким образом, мыслекоммуникация как механизм политического мыследействия, прежде всего, и связана с тем, чтобы принципы действия и позиция действующего легко бы вычитывались из ситуации реализации действия. Именно здесь огромную роль играет политическое воображение по В.В. Давыдову и Э.В. Ильенкову — восприятие себя глазами другого. Но само действие с определённого момента должно определять мыслекоммуникативную форму его реализации. Очень интересным является тезис Н.Г. Алексеева: исторический результат действия возникает и присваивается лишь в его оформлениях. Но это одновременно очень опасный тезис,

[1] От древнегреческого «мимезис» — подражание.

в соответствии с которым может возникнуть желание, ничего не совершая, только всё коммуникативно закреплять и оформлять, лишь намечая действие или, вернее, на него намекая. Если не будет самого события действия, в том числе энергетики самого действия, но окажутся представленными лишь мыслекоммуникативные способы его оформления, то действие будет сведено к разговору, трёпу, беседе.

Рассматривая разграничения и внутреннюю организацию мыследействия, мы внутри него самого должны различать собственно мыследействие в отличие от мыслекоммуникативного действия и мыслительного мыследействия. Это всё разные типы мыследействия, за которыми стоит энергетика действия, при помощи которой человек может удерживать ситуацию управления парламентом, войском, аудиторией. Политическое мыследействие всегда реализуется при построении политической речи — политик не работает за станком (если только у него нет собственных ремесленных интересов, как у Петра Первого), он не осуществляет построения метафизических философских систем (в том случае, когда он это делает, политик реализует, помимо политической функции, ещё и другую -— собственно теоретико-философскую). Мыслекоммуникативн&я форма состоит не в том, что политик организует и строит специальный политический дискурс (или читает речи, которые за него написаны другими). Это — материал, на котором строится политическое действие. Мыслекоммуникативное политическое действие, в отличие от мыслительного мыследействия и мыследействования как такового, состоит в том, что оно направлено на формирование понимания принципов, лежащих в его основе. Оно по своей сути относится к гражданско-политической Пайдее[1] и является педагогическим. Мыслительное политическое мыследействие связано с формированием новых ценностей и введением образцов такого действия, а также обнаружением на основе мышления исторической связи и преемственности. Чистое же политическое мыследействование предполагает обращение к существующим устойчивым ценностям и стереотипам поведения для их актуализации, на основе которых оно может быть реализовано. В посткоммунистической России огромным дефицитом являются политическая Пайдея и воспитание членов общества, способных к восприятию политических действий. Но мыслекоммуникативное мыследействие необходимо отличать от мыследействовательной мыслекоммуникации или мыследействовательных

[1] **Выращиванию политиком граждан, исповедующих принципы доблести.**

мыслекоммуникативных актов, вещей невероятно близких, но абсолютно разных по своей сути. Наш упрёк Юргену Хабермасу[1] как раз и состоит в том, что, говоря о коммуникативных действиях и рассматривая их возникновение через призму европейской истории, он не отличает их от действиесоотнесённых, действиеобозначающих коммуникативных актов — в этом и состоит собственно мыследействовательная коммуникация. А различие это — огромно. В одном случае речь идёт о действиях — событиях, реально трансформирующих и изменяющих ситуацию, в другом случае — лишь разговоры по поводу действий, обозначение действий, на чём сегодня строятся различные так называемые политтехнологии. Например, по ничтожному поводу развёртывается сложнейшая мыслекоммуникативная технология выборов, хотя различия между программами кандидатов практически отсутствуют. Сама по себе мыследействовательная коммуникация важна и имеет огромное значение. На её основе люди могут делать предметом обсуждения смысл действий в ситуации. Совсем другое дело, если мыследействовательная мыслекоммуникация начинает использоваться для того, чтобы подменять собой действие. В этом случае в обществе ничего не происходит. Вместо преобразования и преображения налицо консервация существующего цоложения дел в виде бесконечных обсуждений уже сложившейся и сохраняющейся ситуации. Коммуникация важна для уяснения и понимания, но ею невозможно заместить преобразовательное действие. В том случае же, когда надо замять и спрятать отсутствие действия, может быть использована как раз прагматика мыследействовательной коммуникации, которая, на первый взгляд, трудноразличима с мыслекоммуникативным мыследействованием. Хотя даже для здравого смысла это различие очевидно, в одном случае, одни разговоры и никаких преобразований, в другом случае — именно преобразование, которое необходимо ещё осмыслить.

На данном примере видно, что выворачивание мыследеятельностных процессов в разные создаёт целый набор сложноразличимых типов, дифференциация которых и представляет собой каждый раз основную проблему анализа:

- мыслекоммуникативное мыследействие и мыследействовательная мыслекоммуникация. В одном случае мыследействие задаёт требования к построению мыслекоммуникации, в другом случае мыслекоммуникация определяет способ построения мыследействия;

[1] *См,:* Громыко Ю.В. Метод Давыдова. — М.: Пушкинский институт, 2003.

- мыслительное мыследействие и мыследействовательное мышление. В одном случае мыследействие подчиняет своей организации мышление, в другом случае мышление навязывает свою организацию мыследействию;
- мыслекоммуникативное мышление и мыслительная мыслекоммуникация. В одном случае мышление подчиняет своим задачам мыслекоммуникацию, в другом случае мыслекоммуникация подчиняет своим задачам мышление. Эти случаи, собственно, и требуют различения и разведения.

Но подобная дифференциация, которую мы здесь наметили, — это дифференциация по столбцам, но для того, чтобы удерживать общую заданную мерность таблицы, необходима дифференциация и по строкам. Для выполнения подобной дифференциации по строкам необходимо определить, чем специфическим отличается каждое из пространств социокультурных институтов в отличие от других пространств, какими важнейшими характеристиками определяется данный тип социокультурных институтов и как он может быть спроецирован в систему других институтов. Если мы рассмотрим пространство производственно-экономических институтов, то его важнейшими характеристиками являются физические принципы и эффекты природного вещества, вселенной (практика — деяние), на основе которых строится производственно-экономическая мыследеятельность, формы организации и разделения производственной мыследеятельности и труда (организация — коммуникативное взаимодействие) и, наконец, изобретение средств, инструментов, орудий (техника — мысль). Если мы обратимся к общественно-политическому пространству, то его важнейшими членениями являются закон (мысль), определяющий принципы человеческого общежития, речевая деятельность и язык (слово), обеспечивающие понимание между людьми, и власть (действие). Наконец, если мы перейдём в литургико-родовое пространство, то его разделение будет строиться на основе членений на ритуально-родовую форму практики (дела и деяния), обеспечивающую преемственность между поколениями и трансляцию культуры, на мифологическо-молитвенную форму практики (слово) и на идеально-духовную практику (мысль).

Институциональные пространства являются принципиально открытыми к новым эффектам и феноменам космоса и природы, людских взаимодействий и особенностей человеческого сознания и Духа, определяющего рост сознания и подъём уровня мышления. Эта открытость означает, что неправильно считать, что человечество «разобралось» с природой и космосом и теперь ему предстоит

разбираться со структурой общественных отношений. Линдон Ларуш совершенно справедливо показывает в своих работах, что освоение дальнего космоса позволяет открыть новые физические принципы, например, организации света, которые затем могут быть использованы для построения хозяйства на Земле.

Проникновение в тайны космоса и природы бесконечно, и разрушение или резкое изменение природных явлений, тонких природно-космических процессов в любой момент может обрушить сложное человеческое общежитие. Человечество в целом может просто исчезнуть. Такой же тайной, конечно, являются и человеческое общество, и Дух, определяющий изменение форм организации сознания и мышления людей. Проникновение в тайны Духа и духовных энергий, формы организации человеческого общежития и космическо-природного вещества изменяет принципы жизнедеятельности человечества. Но более того, человечество может продвигаться в освоении принципов организации природно-космического вещества на основе того, что оно стало глубже понимать и тоньше использовать духовные энергии, формы общественных взаимоотношений. И наоборот, продвижение в познании принципов одного типа — например, природных, неизбежно приводит к тупику, поскольку оно оказывается оторвано от продвижения в освоении духовных и общественных принципов организации жизни. Разделение социокультурных институтов на типы определяется двумя приёмами мыслительной работы: это, с одной стороны, обнаружение в каждом из институциональных пространств основных типомыследеятельностных членений: дела — действия, слова, мысли, а с другой стороны, — это проецирование разных институциональных пространств друг в друга. Так с определённой натяжкой, но всё-таки можно утверждать, что в производственно-экономическом пространстве общественно-политическое пространство представлено в виде форм организации и разделения труда, литургико-родовое пространство выступает в образе магико-поэтической способности создавать новые средства и орудия. В общественно-политическом пространстве производственно-экономическое пространство представлено в виде институтов власти, а литургико-родовое — в виде закона[1]. Наконец, в самом литургико-родовом пространстве общественно-политическое пространство выступает в виде молитвенно-мифологических практик, а производственно-экономическое — в виде ритуально-родовых. Как мы уже писали выше, подобные

[1] Огромная масса литературы о естественном праве и естественном законе.

проецирования являются результатом не смешения вещных материальных природ, но обнаружением тонких функционально смысловых разделений и соотнесений. В целом же усложнённая таблица 5 имеет следующий вид:

Таблица 5

Базовый принцип — от действия к преосуществлению		Мыследействие			Мыслекоммуникация			Мышление		
		Мыследействие	Мыслекоммуникативное мыследействие	Мыслительное мыследействие	Мыследействовательная мыслекоммуникация	Мыслекоммуникация	Мыслительная мыслекоммуникация	Мыследействовательное	Мыслекоммуникативное	Чистое мышление
Литургико-родовое пространство (теория — творао)	Йдеально-духовная практика Молитвенно-мифическая практика Ритуально-родовая практика									
Общественно-политическое (логос — леугейн)	Закон Язык Власть									
Производственно-экономическое (техне — теукейн)	Изобретение средств (техника) Формы организации (организация) Физические эффекты и принципы (праксис)									

Что представляет собой данная таблица и как с ней работать? При помощи данной таблицы мы впервые можем выразить принципиально важный момент для философского анализа целей чело-

вещества: взаимоотношения между личностным развитием человека, его духовным возрастанием, и ответственным овладением силами природы — с другой. Это взаимоотношение и должно прослеживаться во всём наборе переходов и опосредовании между верхними и нижними этажами таблицы. Собственно открытость человека Духу, с одной стороны, и космоприроде, загадке живого космоприродного (солнечного) вещества, с которым человек на протяжении всех тысячелетий учится работать, с другой, и составляет основную проблему жизни на Земле. Основная важнейшая задача человечества состоит в том, чтобы научиться воспроизводить феномен жизни, достичь физического бессмертия, зажечь новое солнце и выйти в космос, приступить к его освоению и заселению. Данный постулат, который имеет множество различных трактовок и прочтений, называется космическим императивом. Для того чтобы этот постулат осуществить, человечество должно научиться овладевать новыми физическими эффектами. Но для того чтобы эти физические эффекты не разрушили человека и природу, сложность которой до сих пор недостижима для современного научного сознания человека, должны осуществляться непрерывный духовный рост и личностное возрастание каждого человека на Земле. Но духовный рост и поиск новых физических принципов не имеют никакого значения для развития общественной практики и являются задачей отдельных изолированных сектантских групп (не ведут к созданию всемирно-исторической общественной космопрактики), если не происходит роста народонаселения Земли.

Линдоном Ларушем было выдвинуто странное, весьма противоречивое, но именно поэтому крайне интересное (и, как нам кажется, абсолютно верное) предположение. Критерием правильного развития и правильного управления страной в тот или иной цивилизационный период является абсолютный рост народонаселения в этот период. И, наоборот, ошибочность и ложность экономических и политических представлений выражается в геноцидальном синдроме, связанном с уменьшением численности населения. С этой точки зрения, абсолютно очевидны оценки политической деятельности Ельцина[1]. В результате именно его правления в России был сформирован геноцидальный синдром[2], из которого мы до сих пор не можем выбраться. В соответствии с данным представлением отнюдь

[1] См.: Громыко Ю.В. Слыки. Как перейти из одной общественно-политической системы в другую. — М.: Независимый методологический университет, 1992.

[2] См.: Глазьев С.Ю. Геноцид. — М., 2002.

не следует, что общий демографический рост населения страны должен делаться в ущерб качеству народонаселения, связанному с воспроизводством национальной гениальности, которое, по мнению замечательного религиозного мыслителя Е.Л. Шифферса, является показателем безопасности страны[1]. Речь также не идёт о том, чтобы превратить женщин страны в детепроизводящих рабынь, а семьи, в которых больше трёх детей, поставить на грань нищеты. Должны быть созданы такие производственно-экономические условия, в результате которых население страны будет хотеть расширенно воспроизводиться и иметь к этому побуждение. Эти условия связаны с обнаружением новых физических принципов и эффектов, на основе которых может строиться более эффективное производство. Но как мы уже сказали, эти новые физические принципы и эффекты требуют другого уровня организации сознания и личности. В противном случае вторжение в работу с ядерными энергиями, генетическим веществом, энергиями сознания приведёт к обезображиванию и едва ли не уничтожению живого.

При помощи данной схемы обозначена следующая тенденция — человек всё больше открывается Духу и Богу, с одной стороны, и всё глубже проникает в тайны вещества космоприроды. Опосредование и связь этих двух процессов обеспечиваются за счёт общественных взаимодействий, в ходе которых всё большее число людей на основе расширяющихся форм общения (die Verkehrungsformen) могут переосмыслять результаты познания природных эффектов и Духа. Именно общественно-политическое пространство институтов обеспечивает присвоение самых разнообразных знаний и результатов познания всем обществом в целом. Подобное присвоение делает возможным перепроверку в ходе осуществления самых разнообразных практик результатов открытия многих разных групп людей. Если подобного опосредования не происходит, то и область духовного познания и самосовершенствования, и область обнаружения новых физических принципов оказываются закреплёнными за узкими группами и перестают принадлежать всему современному обществу в целом. Возможно, результаты познания этих узких групп будут присвоены обществом будущего в дальнейшем, но в настоящий момент они недоступны для освоения различным членам современного общества. Это означает, что и изобретение новых

[1] **Замечательная мысль, не правда ли: «Национальная безопасность обеспечивается воспроизводством национальной гениальности», — воспроизведите гения, а уж он вам подскажет, чего опасаться и как достигать безопасности.**

средств, инструментов, орудий и духовное развитие без общественного освоения разрушает существующую общественную практику, поскольку оказывается никак не связано с воспроизводством целостной жизни людей.

Из необходимости общественного освоения, обнаруживаемых новых физических принципов и духовного развития, правда, не должно следовать противоположного момента, чтобы **деспотия ленивого» ничего не желающего делать социального большинства** определяла границы, в которых должно осуществляться познание природы и духовных принципов человеческого самовозрастания. Очень часто почему-то деспотия пассивного социального большинства называется демократией.

Общественное опосредование является непрерывно развёртывающейся социально-политической борьбой между разными группами за сферы влияния, за возможности достигать свои собственные цели, ставить новые нестандартные задачи или же осуществлять воспроизводство общества в целом. В настоящее время в России идёт борьба за возможность занять позицию по отношению к социальному воспроизводству общества в целом.

Для того чтобы новые физические принципы построения общественного производства и принципы духовного развития превращались в элементы общественной практики, они должны становиться содержанием общественной коммуникации. А формы мышления и действия, которые вырабатываются в ходе построения новых форм производств, новых типов духовной практики, должны демонстрироваться в ходе общественных коммуникативных взаимодействий, становиться предметом освоения и превращаться в содержание общественного образования.

В том случае, если процессы духовного познания и поиск новых физических принципов построения системы общественного производства прекращаются, а общественная коммуникация продолжает развёртываться с невероятной интенсивностью, мы оказываемся в ситуации формирования своеобразной застойной коммуникативной «опухоли», которая, на наш взгляд, и характеризует появление информационного общества[1].

Эта коммуникативная «опухоль» образуется за счёт редукции полной системы мыследеятельности к коммуникативным процессам. В результате этой редукции происходит разрушение, прежде всего,

[1] **Данная гипотеза была нами впервые изложена в 1998 году. *См.* Громыко Ю.В. Проектное сознание. М., «Пайдейя», 1998.**

автономных центров «чистого» (незаинтересованного) мышления и преобразовательного действия. Формирующиеся зоны коммуникативных контактов на основе средств массовой коммуникации начинают целенаправленно контролироваться и, таким образом, возникает новая форма воздействия на общественное сознание. С этой точки зрения, информационное общество является формой более сложного контроля за общественным сознанием и манипулирования им.

Это манипулирование общественным сознанием заключается отнюдь не в преследовании инакомыслящих или в запрете высказывать собственную точку зрения, отличающуюся от общепринятой. Информационное общество является особого рода упорядоченным разрастающимся хаосом, и поэтому никто не знает, какая точка зрения общепринята. Контроль за общественным сознанием состоит в вытеснении на периферию и шумовом заглушении результатов духовного продвижения и развития, а также общественной деятельности по разработке промышленно-производственных проектов действия на основе новых физических принципов. Информационное общество является обществом носителей мнений, самопредоставленных самим себе, которых никто не решается нормировать и определять.

На представленной таблице отсутствуют процессы познания принципов организации общественной практики, как раз те рефлексивные метауровни, о которых мы говорили в предыдущей главе. Это объясняется очень просто. На данной таблице нами изображены институциональные пространства практик — производственно-экономической, литургико-родовой, общественно-политической. Метауровни познания и воздействия на эти типы практик следует изображать не внутри таблицы, а на ортогональной по отношению к ней плоскости. На этой плоскости могут быть выделены все типы знаний и специфические институты, обеспечивающие их получение, культивирование и употребление — методика, наука, инженерия, проектирование, методология, философия. Собственно, эти разного типа знания и связанные с ними специально оформленные инструментальные средства обеспечивают преобразование сложившихся институтов практики.

Мы уже выше сказали, что в России сегодня осуществляется борьба за социальное воспроизводство в целом. Но эта борьба всегда велась и ведётся в истории. Она, на наш взгляд, представляет собой попытку различных общественных групп предложить механизм воспроизводства всего общества по своему собственному образцу. Это оказывается возможно в том случае, когда данное пространство

институтов осваивает все типы мыследеятельности — мыследействие, мыслекоммуникацию и мышление, а точнее, все типы мыследействий, все типы мыслекоммуникаций и все типы мышлений. В этом случае складывается полный типомыследеятельностный «ордер» организации социальных институтов данного пространства. Важнейшая характеристика подобного ордера заключается в том, что антропология начинает очень чётко соответствовать всей системе институтов в данном ордере. Антропология и институцио-

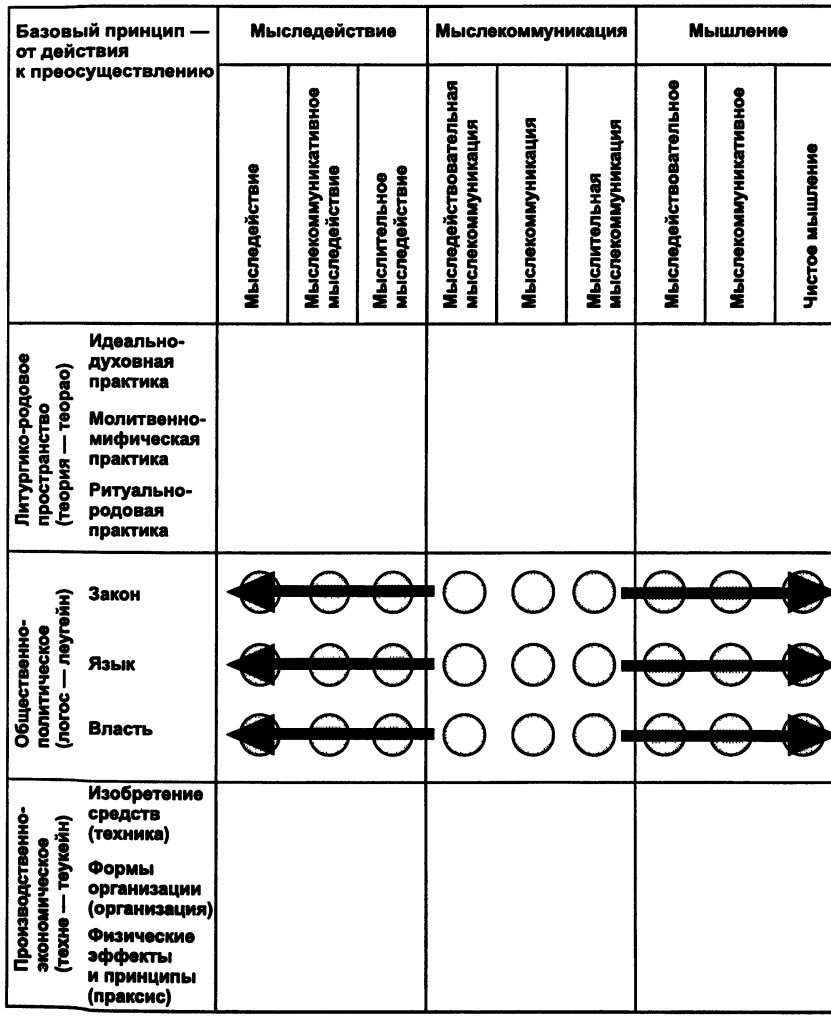
Таблица 6

Базовый принцип — от действия к преосуществлению		Мыследействие			Мыслекоммуникация			Мышление		
		Мыследействие	Мыслекоммуникативное мыследействие	Мыслительное мыследействие	Мыследействовательная мыслекоммуникация	Мыслекоммуникация	Мыслительная мыслекоммуникация	Мыследействовательное	Мыслекоммуникативное	Чистое мышление
Литургико-родовое пространство (теория — теорао)	Идеально-духовная практика									
	Молитвенно-мифическая практика									
	Ритуально-родовая практика									
Общественно-политическое (логос — леутейн)	Закон									
	Язык									
	Власть									
Производственно-экономическое (техне — теукейн)	Изобретение средств (техника)									
	Формы организации (организация)									
	Физические эффекты и принципы (праксис)									

нальные системы оказываются полностью взаимосвязаны и соотнесены. Пример подобной взаимосвязи показан в таблице 6.

Нарисованная на таблице стрелка обозначает, что данный тип институтов простраивается из идеальных систем сознания до всей полноты форм деятельности и действия. С этой точки зрения, заполнение общественно-политического пространства институтов осуществляется иначе. Процесс идёт от мыслекоммуникативного слоя в обе стороны к слоям мыследействия и мышления *(см.* таблицу 7).

Таблица 7

В том случае, если речь идёт о заполнении производственно-экономического пространства институтов, то процесс идёт от мыследействовательного слоя к мыслекоммуникации и мышлению *(см.* таблицу 8).

Теперь, если суммировать все выделенные нами механизмы вместе, то мы получим следующую картину (см. таблицу 9).

Выделенные три типа тенденций движения от мыследействия к мышлению через мыслекоммуникацию, от мышления через мысле-

Таблица 8

Базовый принцип — от действия к преосуществлению		Мыследействие			Мыслекоммуникация			Мышление		
		Мыследействие	Мыслекоммуникативное мыследействие	Мыслительное мыследействие	Мыследействовательная мыслекоммуникация	Мыслекоммуникация	Мыслительная мыслекоммуникация	Мыследействовательное	Мыслекоммуникативное	Чистое мышление
Литургико-родовое пространство (теория — теорао)	Идеально-духовная практика									
	Молитвенно-мифическая практика									
	Ритуально-родовая практика									
Общественно-политическое (логос — леутейн)	Закон									
	Язык									
	Власть									
Производственно-экономическое (техне — теукейн)	Изобретение средств (техника)									
	Формы организации (организация)									
	Физические эффекты и принципы (праксис)									

коммуникацию к мыследействию, от мыслекоммуникации к мышлению и мыследействию характеризуют основные способы ассимиляции и захвата институтами каждого из пространств всех институциональных и антропологических сред общества.

Как мы уже писали выше, институтам ни одного из пространств не удаётся захватить и подчинить своему действию все институциональные и антропологические среды общества. Как правило, охват всех институциональных и антропологических сред общества, обеспечивающий социальную интеграцию, происходит на основе взаимодействия институтов всех трёх подпространств (это показано на той же самой таблице стрелками). Движение одновременно осуществляется от мыслительных процессов литургико-родовых институтов общества к процессам мыслекоммуникации и от процессов мыследействия производственно-экономических институтов общества — к процессам мыслекоммуникации. Затем осуществляются одновременно нисхождение и восхождение к пространству общественно-политических институтов: нисхождение от процессов коммуникации литургико-родовых институтов к коммуникации в общественно-политических институтах и восхождение от коммуникации в про-

Таблица 9

Базовый принцип — от действия к преосуществлению	Мыследействие			Мыслекоммуникация			Мышление		
	Мыследействие	Мыслекоммуникативное мыследействие	Мыслительное мыследействие	Мыследеятельностная мыслекоммуникация	Мыслекоммуникация	Мыслительная мыслекоммуникация	Мыследеятельностное	Мыслекоммуникативное	Чистое мышление
Литургико-родовое пространство (теория)									
Общественно-политическое (логос)									
Производственно-экономическое (техне)									

изводственно-экономических институтах к коммуникации в общественно-политических институтах. Таким образом, общественно-политические институты обеспечивают соединение и сплав всех форм и видов мыслекоммуникации всех типов институциональных и антропологических сред.

Литургико-родовые институты общества являются стратегическим институциональным пространством по своему назначению, поэтому они помещены нами в верхней строке. Именно эти институты обеспечивают воспроизводство идентичности общества, а также именно в этом подпространстве рождаются новые мыслеобразы и новые состояния сознания. С другой стороны, для того чтобы выполнять подобную стратегическую функцию, литургико-родовые институты общества должны перерабатывать формы мышления и состояния сознания, которые формируются и вырабатываются и в пространстве производственно-экономических институтов общества, и в пространстве общественно-политических институтов. Должен существовать взаимообмен процессов, результатов и типов мышления, состояний сознания между институтами всех трёх подпространств. Но именно в стратегическом типе институтов литургико-родового пространства все типы мышлений и состояний сознания должны перерабатываться и переосмысляться с точки зрения сохранения идентичности и формирования новых форм организации мышления.

Представленное на таблице расположение различных институциональных пространств соответствует формированию традиционного общества, которое является обществом религиозным. Данная таблица, о чём мы уже писали выше, конституирует механизм воспроизводства общества при условии освоения новых форм и способов познания природы, выделения новых форм и типов сознания, воспроизводства идентичности на религиозной основе и организации взаимодействия между носителями разных типов сознания.

Когда мы говорим о стратегических институтах общества, мы говорим о самых влиятельных институтах, но не имеющих наибольшие властные полномочия. Власть не случайно помещена нами в пространство общественно-политических, или, можно сказать, общественно-коммуникативных институтов. Стратегические институты реализуют влияние, но отнюдь не власть. Это обеспечивается за счёт реальных практик роста сознания и развития персональности, фактически, за счёт особого религиозно-антропологического института святости. Состав этих институтов может не

являться крайне многочисленным, но уровень влияния его членов может быть весьма высок благодаря вполне определённым способностям и компетенциям. Более того, именно попытка превратить стратегические институты в институты власти приводит к потере данными институтами их стратегических функций. Они «спускаются», если анализировать данный процесс на приведенной таблице в следующую строку пониже, а их место сразу же пытаются занять другие общественные объединения, предлагающие себя в качестве держателей стратегии. Фактически, подобный процесс произошёл в католической церкви, чья претензия на власть и способность «вязать и решать» в царстве кесаря была усомнена Мартином Лютером, что вызвало разрушение единого пространства западных религиозно-литургических институтов. С другой стороны, стремясь занять место стратегических институтов, различные протестантские группы не могли представлять единство религиозного института с его иерархией власти. Следовательно, на место в определении стратегии стал претендовать не единый религиозный институт — Вселенская католическая церковь, но множество враждующих друг с другом сектантских группочек и групп. Либо было необходимо признать, что каждая из них является носителем осколка истины, либо выбрать какую-то одну религиозную секту в качестве главной, а все остальные произвольно подчинить ей или просто истребить. Принятие первого утверждения делает невозможным рассматривать церковь в качестве стратегического института. Поскольку установление отношений между религиозными группами в этом случае осуществляется не на основе монополии на истину и иерархии авторитета, а по принципам коммуникативных технологий, выборов, роли и функций голосующего большинства. Результатом Реформации и явилось перемещение в пространство стратегических институтов общественно-политических институтов, а не в общественно-коммуникативное пространство литургико-родовых институтов.

Осуществляя подобные перемещения институтов из строки в строку, мы тем самым должны отделить функциональные назначения каждой из строк от заполненности строк конкретным типом институтов. Так, мы уже задали в качестве функции верхней строки — определение стратегии. Верхняя строка — это пространство институтов стратегирования. В том случае, когда в верхнюю строку помещены литургико-родовые институты, то этот тип стратегирования осуществляется прежде всего за счёт воспроизводства антропологической идентичности, установления соответствия образцам мышления и сознания, транслируемым сквозь историю.

Это очень важное обстоятельство, на которое мы бы специально хотели обратить внимание. Поскольку мы сегодня настолько привыкли к тому, что стратегирование осуществляется за счёт определения шага перехода в будущее, что для нас недостижимо понимание чего-то иного. Стратегирование сегодня — это заглядывание, бесконечное забегание до сумасшествия в будущее. А то, что стратегирование может осуществляться за счёт возврата к антропологическому архетипу, за счёт воспроизводства прошлого — для нас это выглядит просто невозможным.

Но невротические попытки вытолкнуть из своего формализованного воображения будущее, не изменяя себя, собственно, и приводят, на наш взгляд, к тому, что социальный философ и культуролог О.И. Генисаретский называет постстратегическим синдромом. Выдумщикам будущего в какой-то момент непонятно, что ещё надо стратегировать. А с другой стороны, изменение антропологической организации человека потребует новых проспективно-рефлексивных полаганий, направленных на будущее. С одной стороны, будущее всё уже исчерпано нашей формализованной фантазией, а, с другой стороны, лёгкая трещинка в нашем сознании и «крак!» — придётся строить будущее заново. Но может быть тогда стратегия — это рамки изменения сознания антропологических типов и групп?

Превращение общественно-политических институтов в институты стратегирования предполагает, что важнейшим элементом этого стратегирования является, с одной стороны, общественный договор, консенсус — согласие, а с другой стороны, понуждение к этому договору несогласных с ним меньшинств и представителей небольших групп.

Функция второй строки — это институты, обеспечивающие коммуникативно-общественные связи, информационно-коммуникативные машины, обеспечивающие связность различных групп общества. В Древней Греции такими важнейшими коммуникативно-информационными машинами являлись агора, на которой собирались все жители Афин, и театр. Например, в царской России важнейшей такой коммуникативно-информационной машиной являлись отнюдь не средства массовой информации, но церковь. Именно во время проповеди в церкви человек мог получить наиболее достоверную информацию о том, что происходит с властью и обществом. Так, с точки зрения Е.Л. Шифферса, важнейшим моментом расшатывания устоев и подготовки социального взрыва в обществе являлось изменение канонической литургии Русской православной церкви: прекращение

поминания Августейшей Семьи во время молебнов и вычёркивание с антиминсов Августейших имён. Для огромного числа простого люда в удалённых приходах это явилось сигналом измены верхушки русского общества и знаком снятия всех запретов. Больше ничего народ не удерживало от разграбления имущества властьпридержащих.

Помещение литургико-родовых институтов в пространство информационно-коммуникативных машин, обеспечивающих воспроизводство общественных связей, закрепляет за ними функцию распространения информации и поддержания общественных связей на основе коммуникативных взаимодействий.

Функцией третьей строки таблицы, в которую помещены производственно-экономические институты, является обеспечение формирования и закрепления жизнедеятельностного уклада различных групп общества и самого общества в целом. Важнейшим механизмом формирования и закрепления жизнедеятельностного уклада различных групп общества является производство ими кодифицированных полезных продуктов, которые подлежат обмену при сложившейся в обществе системе разделения труда. В том случае, если перемещать общественно-политические институты в пространство жизнедеятельностного уклада, то эти институты начинают там выполнять функцию поддержания функционирования некоторых жёстко отграниченных друг от друга сложившихся слоев и каст. С другой стороны, если производственно-экономические институты перемещать из третьей строки во вторую, то в этом случае производственно-экономические институты начинают обеспечивать информационно-коммуникативную функцию между различными общественными группами по поводу распределения и обмена произведенной продукции, а также по поводу циклов простого и расширенного воспроизводства производственных процессов.

Наконец, литургико-родовые институты тоже могут быть помещены в пространство жизнедеятельностного уклада общества. В этом случае их основная функция будет сведена к обозначению этническо-культурных, конфессионально-культурных особенностей, своеобразных ограничений жизнедеятельности различных групп населения.

Итак, в результате проделанной работы, связанной с рассмотрением возможностей перемещения институтов с уровня на уровень, мы выделили функции строк, за которыми стоит название институциональных уровней, имеющих по отношению друг к другу определённые функции. Это представлено в таблице 10:

Таблица 10

Базовый принцип — от действия к преосуществлеиию	Мыследействие	Мыслекоммуникация	Мышление
Институты стратегирования			
Институты общественных связей и коммуникативно-информационные машины			
Институты жизнедеятельностных укладов			

Из таблицы 10 следует, что кластеры (функциональные группы, связки) институтов могут перемещаться с уровня на уровень, захватывая те или другие функции и подчиняя их возможностям собственного действия. Институты движутся в некоторой определённой функциональной общественной матрице, которая должна обеспечить наличие некоторых устойчивых укладов, общественно-политическую связность и стратегирование общественного целого. Идея перемещения связок институтов состоит в том, что институты могут брать на себя функции, которые за ними отнюдь не были закреплены в структуре условно-традиционного общества. Оно обозначено нами в таблице 4. Границы общественного целого, его связность очень сильно зависят от того, какой кластер институтов берёт на себя какие функции.

Мы уже обсудили одну из возможностей изменения исходной таблицы *(см.* табл. 3 и 4). Она состоит в том, что после Реформации и религиозных войн в целом в ряде государств Европы произошло перемещение в стратегическое пространство общественно-политических институтов. Литургико-родовые институты были перемещены в коммуникативно-информационное пространство. Это изменение общественной матрицы институтов представлено в таблице 11.

Именно в ситуации фундаментального сдвига институциональной иерархии при подобном перемещении происходит то, что Макс Вебер называет оречевлением сакрального (Versprachlichung dor Sakralen). Речевое и сакральное перестаёт быть специально куль-

Таблица 11

Европейская цивилизация после Реформации и религиозных войн	Мыследействие	Мыслекоммуникация	Мышление
Общественно-политические институты			
Литургико-родовые, религиозные институты			
Производственно-экономические институты			

тивируемым умонастроением и состоянием сознания, но превращается в специально и целенаправленно сказанный текст.

Следующий тип изменений связан с нидерландской, английской и, прежде всего, с Великой французской революцией, он заключается в том, что производственно-экономические институты перемещаются в пространство информационно-коммуникативных машин и институтов общественной связности. Литургико-родовые, религиозные институты оказываются перемещёнными в пространство институтов, закрепляющих жизнедеятельностный уклад. Данные изменения представлены в таблице 12.

В результате подобного перемещения литургико-родовые институты низводятся до уровня хранителей этнографических особенностей, позволяющих различать и дифференцировать различные группы людей, закреплять их специфику и их особенности в специфических формах уклада. Производственно-экономические институты начинают полностью определять принципы и способы коммуникации различных групп людей. Предметом этой коммуникации становится прибыль от создаваемой и продаваемой продукции. Общество интегрируется и объединяется в единое целое, прежде всего, на основе представлений о создаваемом общественном богатстве и формах его распределения.

Следует отметить, что начальный зарождающийся промышленный капитализм и социализм описываются на основе таблицы 12. Для этих типов общества характерно то, что общественно-политические институты берут на себя функцию стратегирования. Интеграция и связывание общества в единое целое осуществляются на

Таблица 12

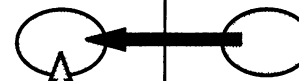
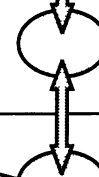
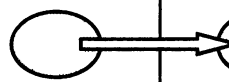
Европейская цивилизация после буржуазных революций, прежде всего после Великой французской революции	Мыследействие	Мыслекоммуникация	Мышление
Общественно-политические институты			
Производственно-экономические институты			
Литургико-родовые, религиозные институты			

основе коммуникации по поводу процессов производства, повышения производительности труда и эффективности производственных процессов.

Но различие капиталистического и социалистического общества оказывается весьма существенным, если мы вернёмся к рассмотрению форм взаимодействия и взаимосвязи всех трёх выделяемых и анализируемых институциональных пространств. Как мы показывали в таблице 9, равноправное действие институтов всех трёх пространств состоит в том, что в нижнем пространстве осуществляется переход от мыследействия к мыслекоммуникации, затем от мыслекоммуникации второго пространства осуществляется переход к процессам мыслекоммуникации первого и третьего пространств и, наконец, в институциональном третьем пространстве осуществляется движение от мышления к мыслекоммуникации третьего пространства. Взаимосвязи между первым, вторым и третьим пространством не случайно обозначены двойными стрелками. Двойные стрелки в данном случае символизируют процесс равноправного взаимодействия институтов из разных институциональных пространств, а отнюдь не подчинение институтов одного из пространств институтам другого. Этот момент равноправного взаимодействия институтов разных пространств обозначен в таблице 13.

Вместе с тем, если мы теперь рассмотрим таблицу 12, то различие между социалистическим и капиталистическим обществом будет определяться закрепощением институтами одного пространства

Таблица 13

Базовый прицип — от действия к воплощению	Мыследействие	Мыслекоммуникация	Мышление
Институты стратегирования			
Институты общественных связей и коммуникативно-информационные машины			
Институты жизнедеятельностных укладов			

институтов других пространств. Так, для капиталистического общества (представленного в таблице 14) в различных его разновидностях характерно подчинение общественно-политических институтов, выполняющих функцию стратегирования, и литургико-родовых институтов, выполняющих функцию закрепления и воспроизводства жизнедеятельностных укладов, производственно-экономическим институтам.

Таблица 14

Европейская цивилизация после буржуазных революций, прежде всего после Великой французской революции	Мыследействие	Мыслекоммуникация	Мышление
Общественно-политические институты			
Производственно-экономические институты			
Литургико-родовые, религиозные институты			

На данной таблице обозначено, что производственно-экономические институты, выполняя функцию коммуникационно-информационных машин и институтов общественных связей, начинают определять функционирование практически всех институтов различных пространств. Если мы сравним данную таблицу с таблицей 15, на которой обозначено устройство институтов социалистического общества, мы обнаружим весьма существенную разницу.

Эта разница состоит, прежде всего, в том, что если на таблице 14 существует несколько автономных институциональных точек, которые посылают импульсы в различные институциональные подпространства, то общество, представленное на таблице 15, характеризуется тем, что центр импульса, из которого уходят сигналы во все редуцированные институциональные подсистемы, всего один. Общество на таблице 15 удерживается закостенелой идеологией, которая определяет его становление и формирование. Вместе с тем общество, изображённое в таблице 14, при его колоссальном отличии от общества в таблице 15 очень на него похоже. Оно точно так же стремится к гегемонии и подчинению всех институциональных пространств действию производственно-экономических институтов. Можно утверждать, что общество, изображенное в таблице 15, строилось, чтобы остановить и «заклясть» процессы формирования общества в таблице 14.

Конечно, общество, изображённое в таблице 15, на порядок более заорганизованное и искусственное, в то время как общество, пред-

Таблица 15

Европейская цивилизация после буржуазных революций, прежде всего после Великой Французской революции	Мыследействие	Мыслекоммуникация	Мышление
Общественно-политические институты			
Производственно-экономические институты			
Литургико-родовые, религиозные институты			

ставленное в таблице 14, основано на развёртывании и осуществлении естественных процессов, естественных тенденций, естественных стремлений значительного числа людей. Хотя, с другой стороны, эти естественные процессы и эти естественные тенденции на следующем шаге, о котором мы скажем ниже, приводят к формированию ещё более искусственного и абсолютно химерического общества. Таким сверхискусственным обществом, в основе которого вообще отсутствуют механизмы органической самоорганизации и воспроизводства, является, конечно, американское общество, как его, например, описывает Бодрияр в своей книге «Америка». С другой стороны, общество социализма, чувствуя свою полную безосновательность, неопёртость на религиозный культ предков, на пространство русской антропологической святости, отсутствие естественно складывающихся механизмов воспроизводства, имело возможность мечтать, причём мечтать очень высоко о достижении бессмертия для всех, всего человечества. Вот как об этом очень, на наш взгляд, точно и удивительно одухотворённо пишет Проханов: «Советский проект является абсолютно «никоновским проектом». Это выделение советской истории из всей остальной истории. Создание альтернативного человека, альтернативного социума, альтернативного пути к абсолютно иной цели. Советский Союз — это выделение части земли из традиционной Земли. Существует теория, по которой Луна вырвалась из Земли. В южном полушарии есть впадина, залитая океаном, откуда вихрем была вырвана Луна, выброшена на орбиту, чтобы существовать как небесное тело, альтернативное Земле. Советский Союз был той Луной, которая была вырвана «красным вихрем» из мировой истории. Смысл советского периода — предложить иной вариант человеческого развития. Абсолютно асимметричный, не связанный с традиционной историей, путь — к Абсолюту, к идеалу, к коммунизму. Это абсолютно идеальное, трансцендентное бытие, для достижения которого и была создана советская империя, универсальный «советский проект».

В чем же Абсолют? Среди частного, дробного, случайного в человеческой жизни, стремящейся к концу, к завершению, к праху, есть абсолютная мечта — **это бессмертие** (выделено нами — *Ю.Г.),* Божественный идеал, к которому стремится все живое и смертное, созданное по образу и подобию бессмертного Бога. Всякое живое и смертное тяготится своей смертностью, ужасается ей, усматривает в ней несправедливость и абсурдность Вселенной. **Проблема смерти — есть главная проблема человеческой истории и культуры. Абсолютное бытие — в преодолении смерти** (выделено нами — *Ю.Г.)*$_{у}$

преодолении индивидуальной смерти, коллективной смерти, смерти Вселенной, преодолении энтропии, когда целые участки Вселенной на глазах затягиваются в «черные дыры». Коммунизм — это не огромное лоскутное одеяло, под которым спит все человечество. Не машина, которая плодит бесконечное количество товаров. Не «доска почета» с фотографиями ударников. Это преодоление смерти. Эта задача ни разу не была сформулирована коммунистическими политиками — ни Марксом, ни Брежневым, ни Сталиным. Но весь пафос советской футурологии, советской технократической мысли направлен на создание «эликсира бессмертия». Все, что вменяется «советскому проекту» ортодоксальной христианской мыслью как греховное, безбожное, как строительство новой Вавилонской башни, как гордыня, является на самом деле глубинным проникновением в замысел Божий. Откровение Иоанна говорит о преодолении смерти, о воскрешении из мертвых, о создании такой ситуации в земной истории, когда мертвые восстанут из гробов. Это будет сделано Господом во время Второго Пришествия, когда сотворятся Новая земля и Новое небо. Однако вся история человечества связана с тем, что Господь делегирует человечеству все большее количество своих «полномочий». На заре человечества все зависело от Господа. Он карал неправедных потопами и землетрясениями, напускал саранчу и засуху и, наоборот, одарял праведных «тучными» годами, обильным плодоношением стад и полей. Но чем дальше, тем больше Господь доверял человеку. Вершил дела людские людскими руками — на провинившийся народ насылал другой карающий народ, в спину неправедного властителя вонзался клинок мстителя. Изобретая колесо, огонь, машину, человечество получало эти колесо, огонь и машину из рук Господа, увеличивая возможности управлять своей судьбой и историей.

Чем дальше, тем больше происходит трансляция божественных задач людям. Самой главной божественной задачей — была задача воскрешения из мертвых. Была искупительная жертва Христа, следовать которой призывает людей христианство.

Теперь, может быть, Господь поручил человечеству совершить акт воскрешения руками самого человечества. Соединить для этого огромные ресурсы расплодившихся на земле людей, весь химический, физический, генетический потенциал, всю энергетику, все интеллектуальные и духовные ресурсы. «Советский проект» в своем сокровенном звучании таил в себе эту сверхзадачу. Именно она проглядывает в облике Красной площади, в красном пантеоне, хранилище «красного смысла» с мощами «красных героев». Мистерии парадов 1941 и 1945 годов есть мистерии победного воскрешения.

Здесь опять начинает звучать фуга Федорова, который являлся предтечей советского человека, был главным неназванным теологом советского строя. Именно он объяснил, каким образом эта огромная вселенская задача воскрешения из мертвых может быть передана Богом человечеству. Разработал регламент этой работы вплоть до мельчайших подробностей.

«Красный смысл» является смыслом жизни. Смысл жизни — в ее развитии, распространении в бесконечность во все улучшающемся качестве. Высшее качество жизни — бессмертие. Высшая правда — преодоление смерти, преодоление гниения, смердящего, тварного. Превращение твари в Творца.

Советский глобализм имел цель не в том, чтобы в каждой стране на троне сидел верный кремлевский вассал, а в том, чтобы колоссальные ресурсы планеты — китайские, африканские, европейские, — все языки, все религии, все представления об Абсолюте были проинтегрированы. Чтобы в этом объединенном полифоническом человечестве просиял Абсолют. «Красная идея» изначально материализовалась на просторах Российской империи и распространилась по всему миру. Это было объединение человечества для решения грядущей сверхзадачи. Сейчас провозглашение коммунистического идеала в атмосфере филистерства, скептицизма, циничного гедонизма выглядит профанически. Но филистеры не всегда управляли общественным сознанием, и были времена, когда слово «коммунизм» звучало как «Аллилуйя», воспринималось многими людьми как призыв к бессмертию. Наука и техника также были направлены на раскрытие этой тайны. Не «философского камня», превращающего глину в золото, а на создание идеального, то есть бессмертного человека. Конечно, наивно такого человека конструировать из запчастей. Бессмертный человек будет создан не из одной материи, средствами техники, химии, энергетических полей. Он может быть создан из грандиозного мистического, культурного, религиозного, революционного, дерзновенного порыва всего человечества, объединенного для великого Добра и Света. В эту реторту, где станут синтезировать бессмертного человека, будет подключен не только электрический ток или ядерное излучение, или «живая вода», но вся гигантская энергетика верящего и любящего человечества, сказки народов мира, нагорная проповедь, учение Швейцера о благоговении перед жизнью. Это огромное чаяние, огромная линза, которая сфокусирует историю, и на выходе появится луч, который и создаст нового человека.

Важно, конечно, понимать, что эти слова были написаны Прохановым не в советский период истории, но после гибели советского

государства. В данном случае, опять по Гегелю, Сова-Минерва вылетела порхать в сумерки, когда история рисует серой краской по серому. Поддержать сам советский проект такой антропологической энергией веры в созидание бессмертия было невозможно. По крайней мере, точно не удалось. Но это не отменяет истинности слов Проханова. Вполне возможно, что без должного осознания самими исполнителями советское общество строилось именно для того, чтобы в определённый момент восстановить измерение традиционного общества. Во всяком случае, нам данная мысль нисколько не кажется безумной. Дохождение до предела обыскусствления (артификации) общества неизбежно толкает к проблематике всеобщего коллективного спасения, возможности выскочить в зазор незакреплённости и свободы. Другое дело, что смысл советского проекта — это следует из слов Проханова — заключался не в нём самом, но в рывке к бессмертию, то есть к восстановлению традиционного общества, которое живёт ради бессмертия.

Приблизительно та же самая мысль высказывается удивительно глубоким философом, антропологом, этимологом, лингвистом В.Н. Топоровым в его исследовании Петербургского текста русской литературы. Обсуждая принципиальную вымороченность, искусственность города Петербурга, который порождал у живущих в нём гениальных людей тягостные, фантастические, ирреальные состояния, исследователь обращает внимание на появление внутри этого текста тем (и, соответственно, состояний) прорыва в вечность и в бессмертие[1].

Системе социальных институтов, изображённых в таблице 13, не удалось остановить тенденции глобальных изменений, которые проявились в преобразовании и трансформации институтов, изображенных в таблице 12. Развитие этих тенденций привело к тому, что именно экономические институты стали претендовать на захват стратегических функций развития глобального мирового целого, отождествляемого с эволюцией западной цивилизации. Место инсти-

[1] *Ср.:* «Петербургский текст — мощное полифоническое *резонансное* пространство, в вибрациях которого уже давно слышатся тревожные синкопы русской истории и леденящие душу «злые» шумы времени. Значит, что этот великий текст не только «напоминал» о своём городе, а через него и обо всей России. Но и *предупреждал* об опасности, и мы не можем не надеяться, по крайней мере, не предполагать, что у него есть ещё и *спасительная* функция, знамения которой были явлены уже не раз за последние без малого два века» (в кн.: Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы. — СПб: Искусство, 2003. — С. *66)*.

тутов, обеспечивающих общественную связность, заняли социально-политические институты. Литургико-родовые институты были окончательно оттеснены на стабилизационные функции по сохранению и поддержке сложившихся жизнедеятельностных укладов. Собственно, подобная расстановка институциональных сил и обеспечила формирование того, что сегодня называют глобализацией. Институциональный скелет глобального общества изображён в таблице 16.

Производственно-экономические институты, захватывая и подчиняя себе стратегическую институциональную позицию, превратились в финансово-экономические институты. Именно мировые финансы, их движение и циркуляция образуют сегодня глобальную третью природную среду после первой природы — окружающей среды и второй природы — глобального знания. Налицо формирование четвёртой природы — глобализированного, управляемого на основе информационных технологий искусственного мирового сознания. Любой тип сознания, который не принадлежит формируемому полю глобального сознания, объявляется маргинальным и вытесняется на периферию общественного внимания, подлежит забвению. Именно финансовый капитал безразличен к границам национальных суверенных государств, он формирует технологии тотального символического обмена знака на знак *(см.* Бодрияр), из которого невозможно вырваться любому конфессиональному,

Таблица 16

Мировая цивилизация после развала СССР и мировой соцсистемы	**Мыследействие**	**Мыслекоммуникация**	**Мышление**
Финансово-экономические институты			
Общественно-политические институты информационного общества и общества потребления			
Ритуально-производственные и религиозные институты			

этническому сознанию. Подчинение общественно-политических институтов стратегиям движения финансового капитала предполагает разрушение общества производителей и замену его обществом потребителей. Производство ритуализируется и низводится до уровня абсолютно учтённых и означкованных процессов, в которых не может быть ничего случайного. Оно перестаёт выступать средством познания физических принципов и практическим обнаружением новых природных эффектов. Идеалом эволюции процессов производства является фабрика-автомат, делающая ненужным человеческий труд, а не промышленно-производственная экспериментальная сфера, в которой человек открывает всё новые и новые физические принципы, переходя, в конце концов, к воспроизводству природного вещества, а не его растрачиванию.

В таблице 16 представлен тип глобальной институциональной среды, который перестаёт отождествляться с суверенным национальным государством. Движущиеся по всему миру капиталы используют национальное государство, прежде всего, для защиты прибыли транснациональных корпораций. «То, что хорошо для United Fruit, то хорошо для Америки» — знаменитое высказывание, обнаруживающее принцип подчинения национального государства работе международных финансовых институтов. При подобной организации глобальной институциональной среды абсолютно лишней, никому ненужной становится этноконфессиональная, цивилизационная и гражданская идентичность. Она, в лучшем случае, дополнительный маркёр человека, некоторая интимная информация о его особенностях, принадлежности к выделенному жизнедеятельностному укладу, но отнюдь не источник его силы и определённости.

Переход от таблицы 8 к таблицам 11,12, 14,15, 16 содержит весь набор переходов, связанных с разрушением традиционного общества. Европейская цивилизация, прежде всего, содержит в себе опыт движения традиционного общества к смерти на основе разрушения природы и человеческой души (сознания). Рост технических возможностей цивилизации не завершился пока некоторой формой этического самоопределения и полагания, связанных с точным ограничением того, что можно делать, а что делать ни в коем случае нельзя. Растущие технические возможности человека пока никак нескоординированы с принципиальным религиозным осознанием, выявляющим задачи человечества, состоящим в том, чтобы стремиться познать замысел творца и на его основе воспроизвести жизнь; как говорил выдающийся советский русский философ Эвальд Васильевич Ильенков, «зажечь ещё одно солнце». Поэтому превращение

таблицы 16 в своеобразный глобально-цивилизационный скелет, в соответствии с которым должно быть наращено единообразное цивилизационные мясо, является американо-европейским цивилизационным тоталитаризмом или империализмом.

Но в отличие от захвата земель и власти институциональный империализм организован совершенно другим образом. Он навязывает людям в качестве единственно возможных определённые образцы общественного поведения и социализированной жизнедеятельности в области экономики, права, культуры, международных отношений, за которые невозможно вырваться, поскольку эти формы коллективно-общественного поведения являются культурой, противостоящей варварству. Споры с представителями КНР о правах человека, требования феминистских европейских организаций раскрепостить и освободить женщин Ирана от ношения чадры, жёсткие требования полной свободы для владельцев крупной частной собственности и для представителей финансового капитала в России — это всё примеры жёсткого напористого действия со стороны институционального империализма, чётко определившего на сегодняшний момент прерогативы и приоритеты действий самых разнообразных институтов, определяющих антропологическую матрицу, в которую оказывается помещён современный человек. Поскольку эти требования выдвигаются на институциональной основе, им очень трудно возразить. Они формулируются как единственно возможные с позиций просвещающей варваров культуры. Варвары должны встать под флаги предлагающейся им цивилизационной формы и расстаться навсегда со своими формами жизни. Правильная форма возражения подобным требованиям может состоять лишь в предъявлении другой культуры, иной цивилизационной основы.

Мы склонны предположить, что способность чувствовать разные цивилизационные основы, цивилизационную укладность должна быть свойственна России, которая за период меньше века ухитрилась побывать в структуре всех возможных общественных формаций: династической феодальной монархии, капитализма, бюрократического тоталитарного социализма, олигархо-бюрократического капитализма. Смысл этих саморазрушительных переходов может быть только в одном: осознать всё пространство исходов и чувствовать многовекторность, непредзаданность самого пространства исходов, к которым обращены представители других народов, иных цивилизаций.

Но изображённые нами таблицы упорядоченных институциональных сред, на основе которых формируются и складываются антропологические матрицы, никто не определяет высочайшим

властным декретом, никто их не разрисовывает в виде устава или правил уличного движения. Они выявляются на основе социологического воображения в ходе социально-философского познания. Где и как вообще существуют эти институциональные поля? Кто их конституировал, утвердил, упорядочил? Они существуют в исторической реальности. Закрепление определённых ключевых функций за некоторым набором институтов складывается историко-эволюционно, в результате вполне конкретной, крайне жестокой по своим последствиям общественно-политической борьбы разных групп людей за место и функции в формировании и распределении общественного богатства. Эта борьба, не прекращаясь, идёт всё время. Она часто незаметна, но это не означает, что её нет. Возможность перемещений институциональных связок (кластеров) по строкам в таблице означает, что группы людей, представляющие тот или иной набор институтов, способны захватывать в определённый момент времени ту или иную функцию, передавая свою функцию представителям других институтов. Или в определённый момент группы людей стремятся закрепить за собой как можно большее число институциональных функций, что приводит к кардинальному изменению и перерождению институтов.

Но возможность закреплять за институтами разные функции: стратегические, коммуникативно-информационные, закрепляющие уклад жизнедеятельности, означает, что существующие институты, помимо своих специфических функций, например, производственно-экономических, могут захватывать внешние для них функции и перефункционализироваться. После Французской революции и чем дальше, тем в большей степени институты перестают существовать как устойчивые фиксированные вещи и всё в большей степени начинают определяться через динамические, подвижные, меняющиеся функции по отношению друг к другу. Поскольку на наших таблицах набор функций ограничен (если только не осуществлять разворачивание самих таблиц, осуществляя выворачивание в каждый столбец всех других столбцов и в каждую строку всех других строк), то эти функции могут оспариваться различными институтами по отношению друг к другу и захватываться.

Вполне возможно, что причиной исчезновения из философии Канта вещи, размывания её устойчивости и определённости, своеобразной спиритуализации и субъективации представлений о вещи после Христиана Вольфа и Лейбница (о чём очень ясно написал в книге «История как предмет логики» Густав Густавович Шпет) является этот кардинальный сдвиг институциональных структур,

который почувствовал и с которым внутренне согласился Иммануил Кант. Этот принципиальный момент европейской истории, связанный с тем, что институт всё в большей степени перестаёт быть телом, единой корпорацией (от латинского *corpora* — тело), теряет этот объём общей телесности и всё больше становится номинальным функциональным знаком в ряду других функций, из области телесно-физических эффектов всё больше перемещается в область языково-математических знаковых выражений.

Как это ни парадоксально, эта метаморфоза институциональных структур очень хорошо может быть охарактеризована на основе категориального различения «юн» и «ти» (употребление и тело), используемого оригинальным китайским философом Сюн Ши Ли. Если сравнить эту категориальную пару «юн» и «ти» с категориальным различением, скажем, Эрнста Кассирера: понятие о субстанции — понятие о функции, то становится очевидна существенная разница этих разных категориальных определений. Понятия «субстанции» и «функции» в большей степени описывают наши способы мышления, неподвижного и противопоставленного нам объекта. Понятия же «юн» и «ти», принадлежа так же, как и предыдущая пара понятий, тому же региону категории системы, а именно противопоставлению функционального — морфологического, в большой степени характеризуют способ действия. Этот способ действия в одном случае задаётся через употребление, а в другом — через материальную представленность и телесность, через материально зафиксированные и закреплённые, ставшие «плотью и кровью» предшествующие способы употребления, то есть морфологизированные функции. Можно было бы сказать, что при помощи данного определения в какой-то мере **функционализация морфологии** (употребление, использование, применение «юн») противопоставляется **морфологизации функций** (определённое тело — «ти»). Именно при помощи данного различения наиболее удобно описывать функциональные изменения, которые происходят с институтами. Институты, теряя свою определённую телесность, «корпоральность», начинают закреплять за собой новые функции, смещая в едином общественном поле взаимодействий функциональную определённость других институтов.

Подобная «подвижность» институтов приводит к возможности обмена всего на всё, отождествления всего со всем, что Жак Бодрияр и связывает с важнейшим определением глобального финансового капитализма, создавшего систему примитивных уравниваний любых знаковых форм друг с другом на основе отрыва от знака денотата.

Знак ничего не обозначает, он автореференционен — представляет самого себя, являясь при этом знаком, то есть, по Г.П. Щедровицкому, калиткой к предмету.

По всей видимости, финансовый глобальный капитализм, сформировавший для решения собственных задач и удовлетворения своих потребностей глобальное информационное общество, является наиболее разрушительной за все периоды истории системой для сущности человека. Человек в период финансового капитализма теряет свою всяческую определённость, он должен быть любым, всяким, никаким. Выигрывает не тот, кто быстрее и более умно продаётся, но тот, кто стирает всяческую определённость в актах обмена, растворяясь в предложенной ему схеме, не оставляя от себя никаких следов. Джереми Рифкин называет соответствующую данному типу поведения модель личности протееподобной личностью. Человек должен сравняться в изощрённости личных метаморфоз, уподоблении себя со всем с древнегреческим Богом изменчивости Протеем. Предметом потребления становится не услуга, но некоторый незнакомый для потребителя означкованный, символизированный опыт другого социально значимого потребительского героя (рок-певца, спортсмена, киногероя). Появляется экономика опыта (Дж. Рифкин).

Глобальный капитализм создаёт своеобразные «хороводные» цепочки из любых исторических персонажей, представителей всех институтов, враждующих партий, этносов, государств, замыкая их друг с другом в виртуальном знаковом пространстве всеобщей представляемое™ и осваиваемого опыта. Всё, что может быть воображено и означковано, может быть обменено на денежный эквивалент или услугу в настоящий момент или в будущем. Никого не интересует мера подлинности (аутентичности) представленного знака. Главное, чтобы была откликаемость и действовали обмены. Либо ты участвуешь в постоянно движущейся семантике обменов, либо придумываешь новые цепочки обменов, либо тебя не существует. Единственное спасение от подобных виртуальных экранов предъявленное™ для последующих означкований и обменов — это анонимность. То, что не выявлено, не может стать предметом символико-знакового освоения.

Подобная всесильность финансового капитализма состоит в том, что он построил вторичную и третичную денежную семиотику, фактически метаденежную семиотику финансовых облигаций (бондов), векселей, денежных суррогатов-акций, позволяющую ему контролировать перемещение финансов, прибыль от инвестиционных вложений разного типа, в том числе рискованных финансовых вложений,

покупку продуктов до их актуального изготовления (фьючерсы) и т.д. Возможность в данный актуальный момент фиксировать будущую прибыль и осваивать её сейчас, создавая третичную денежную семиотику страхования рисков от подобной уверенности по поводу неизменного будущего, приводит к построению объемлющей финансовой семиотической сферы, в которую включены действия правительств, работающая промышленная инфраструктура, поведение религиозных и этнических лидеров. Всем нужны кредиты, все потребляют деньги. Слабым местом данной системы является определение стоимости самих денег, при помощи которых определяется стоимость всего остального. Отмена в результате Бреттон Вудовских соглашений 1972 года стабильного обмена денег на фиксированный золотой эквивалент и формирование «плавающего» курса обмена валют приводит к исчезновению чётких измерителей изменения стоимости денег в зависимости от уровня эффективности действия систем национального производства и национального потребления. Подобная глобальная финансовая экономическая система характеризуется крайней неустойчивостью.

В настоящий момент, по мнению целого ряда экспертов, представителей Шиллеровского института, мировая финансовая система находится на грани коллапса, поскольку в ней циркулирует огромное число ничем не обеспеченных долларов и денежных заместителей (суррогатов). Рост денежной массы обгоняет рост продуктов физической экономики. Собственно, этот процесс кризиса мировой финансовой системы и обнаруживает иррациональный характер финансовых институтов, несущихся к своей гибели, предоставленных самим себе и захвативших стратегическую функцию цивилизационного развития. Существующая финансовая система может быть реорганизована мировым сообществом только на основе объявления банкротства долларовой системы и определения принципов, в соответствии с которыми будет осуществляться процесс банкротства. Линдон Ларуш предлагает, например, для проведения банкротства мировой финансовой системы сформировать из представителей разных суверенных государств сообщество, реализующее единые принципы (community of principles).

Вместе с тем, захват финансово-экономическими институтами фокуса стратегирования означает, что вся масса людей, проживающих на земном шаре, оказывается подчинена способу движения финансового капитала, определяющего динамику потребления продуктов и услуг. Это означает, что стратегическая функция состоит отнюдь не в обнаружении новых физических принципов, создании

инфраструктур, которые могли бы улучшить жизнедеятельность огромного числа населения на земном шаре, она состоит не в раскрытии состояний сознания и форм мышления, которые обеспечивают личностный рост, духовное возрастание человека. Смысл стратегической функции заключается в поддержании своеобразного «статуса кво» — неизменного состояния практически во всём:

- **количестве живущих на земле людей (или даже их сокращении) под предлогом уменьшения нагрузки на природу;**
- **состоянии знаний и технологий — научный прогресс и открытие новых физических принципов, позволяющих работать со всё более тонкими энергиями и генетическим кодом человечества, обнаруживает морально-нравственную неготовность людей вторгаться в эти области;**
- **сохранении неизменными фокусов власти, прежде всего, со стороны групп финансово-олигархического капитала, власть которых всё возрастает.**

В целом можно было бы сказать, что финансово-олигархический капитал стремится к сохранению и закреплению сложивших форм господства путём нещадной эксплуатации всего человечества. Очень интересно ответить на вопрос, кто является пресловутым носителем рычагов господства. Ясно, что в соответствии с таблицей 16 различные формы господства закреплены отнюдь не за национальными государствами. Выход в стратегическую позицию финансово-экономических институтов обрушивает господство суверенных национальных государств, как в своё время выход в стратегическую позицию общественно-политических институтов разрушил позицию стратегического господства церкви и религиозных сообществ.

Носителями господства в новом глобальном мире являются международные финансово-олигархические группы, которые проникают в структуру любых правительств и государственного аппарата разных стран, включаются в представительства любых локальных, конфессиональных и этнических сообществ. Представители этих маленьких сетевых финансово-олигархических групп проходят сквозь любые другие сообщества, организации, группы, клубы. Свободное проникновение и вхождение в любые институциональные пространства, собственно, и превращает финансово-экономические институты в средство подчинения всех институтов действию финансово-экономических институтов. Представители финансово-экономических организаций проникают в любые другие институты, а представители любых других институтов оказываются невхожи в систему финансовых организаций. Те группы, которые закрывают свои границы

для свободного в них вхождения, объявляются сектантскими, клеймятся, как враги открытого общества, нарушающие права и свободы человека. Они подлежат осуждению и остракизму.

Именно представители финансово-олигархических групп могут легко учинить погром государственных органов, резко ограничивая их полномочие и всевластие. Для этого достаточно натравить и финансово поддержать группы самоуправления, группы локальных сообществ против бюрократии централизованных государственных органов. Ограничением же полномочий государственного аппарата могут воспользоваться представители сетевых финансово-олигархических групп. Таким образом, борьбу с государством ведут прежде всего группы, которые существуют вне государства. Будучи построены по сетевому принципу, они свободно выходят за его границы. Это борьба оказывается эффективной, поскольку внегосударственные сетевые организации цользуются поддержкой сообществ и групп самоуправления, которые находятся под властью государственных органов. Находясь вне досягаемости со стороны государства, сетевые организации вполне могут координировать продажу и распространение наркотиков, торговлю оружием, ядерным сырьём. Как финансово-олигархическим организациям им ничего не стоит создать схемы по легализации доходов и отмыванию «наркоденег», «киднэппинговых» денег, денег, получаемых от незаконной иммиграции и проституции, торговли оружием.

Выделение финансово-олигархических организаций в качестве субъекта полномасштабных исторических действий, конечно, может очень серьёзно поменять наши представления об истории. Финансово-олигархические организации стремятся стать полновластным субъектом истории и определять смену государственных правительств, разрушение национальных валют и т.д. Последним боем, который удалось выиграть национальным правительствам против финансово-олигархических групп, являлся пакт Рузвельта и Черчилля против так называемого синархистского движения (движения «сопринципности» или «соначальности», если переводить на русский язык это древнегреческое слово). Синархизм как международное движение был раскрыт и разоблачен группой Ларуша за счёт доступа к секретным документам ЦРУ, который Ларуш получил, являясь советником Рейгана в период разработки и продвижения идей Стратегической Оборонной Инициативы. Синархические группы были тесно связаны с целым рядом банковских группировок во Франции, Испании, Германии, Великобритании, США (можно даже сказать, что они и были организованы подобными группировками), с

движением во флоте во Франции, Германии, Великобритании, с руководством фашистской Германии, с генералом Франко в Испании, с рядом леворадикальных коммунистических групп. Именно синархические группы выступили в качестве посредника между Ялмаром Шахтом, Монтэгю Норманном и банкирами Америки (например, Морганом). Синархические группы пытались организовать фашистский переворот в Мексике перед началом второй мировой войны, что, собственно, и подтолкнуло Рузвельта на контакт с Черчиллем. С точки зрения Шиллер-института и группы Ларуша, в США возникновение синархизма начинается после наполеоновских войн (фактически в период после Французской революции). Последователи его успешно действуют и сегодня.

Совершенно очевидно, что управление движением всего глобального мирового целого не может осуществляться на основе соорганизации институтов, представленной в таблице 16. Глобализированное человечество не является идеалом и образцом для подражания для огромного числа народов и стран. С другой стороны, данная таблица изображает в известном смысле дохождение до предела изменений и метаморфоз, которые произошли по отношению к функциям и месту институтов в традиционном обществе (таблица 5). Сохранение формы цивилизационного порядка, при котором функцию стратегирования продолжают занимать финансово-экономические институты, грозит всему человечеству разрушением определённости человеческой формы как таковой. Человек превращается в гибкий мягкий пластилин, из которого может быть вылеплено всё, что угодно. Отсюда известное восклицание: Identity is plastic word. Точно так же, как постмодернизм показывает разрушение понятия жанра и жанровую сцепленность полярно разных текстов, глобализованная экономика нанизывает на шампур движущихся вокруг земного шара одновременно в разных временах финансов любые антропологические определённости. Корреспондируется, смешивается и замыкается на интернет-странице всё со всем. Вполне возможно, что именно постмодернизм почувствовал и попробовал выразить этот ужас всеобщего смешения, в который погружается современный мир. Поэтому прав В.В. Малявин, воспринимающий постмодернистский текст как текст религиозной самодиагностики современного сознания[1]. С одной стороны, всё есть текст и всё есть дискурс,

[1] **Конечно, тема «Постмодернистский текст как средство диагностики сознания в условиях господства финансового капитала» требует специальной целенаправленной разработки и обсуждения.**

как на языке финансово-олигархических институтов, — всё есть финансовый поток, всё есть инвестиция, сумма которой должна быть возвращена из роста прибыли. С другой стороны, в этом поле текстов, в этом поле дискурсов могут быть уравнены любые содержания, в том числе и уничтожающие, и взрывающие друг друга. При прямом контакте носителей этих разных содержаний произошли бы взрыв и аннигиляция этими содержаниями друг друга. Но в системе дискурсов они мирно уживаются друг с другом. Так и в чартерах движущихся капиталов террористический акт подпольной группы и борьба с терроризмом государственной структуры, распространение живого товара в виде проституции и воскресная телевизионная религиозная проповедь аскетизма в равной мере учтены и заранее проплачены. Кассеты капиталов движутся по законам увеличения цифровой выраженности капиталов. А для своего движения они подравнивают конфликты людских судеб, народов, религий, государств.

В подобной системе, конечно, высшим типом собственности становится не владение, но доступ, как об этом пишет Дж. Рифкин[1], во-первых, к держателю ворот сознания потребителя (gatekeeper of consumer conscious-ness), во-вторых, к лицу, принимающему решение о логистике финансового потока. Владеть самим потоком невозможно, для этого надо было бы остановить финансовый поток и тем самым его уничтожить. Но можно принимать решение о направлении и времени его протекания через нужные точки, обозначенные в виде номеров банковских счетов. Это и определяет снимаемый процент с потока и реальное овладение его движением.

Продвижение от таблицы 5 к таблице 16 показывает, что все основные типы институтов побывали в разных институциональных позициях. Следовательно, этот опыт институциональной перефункционализации — захват институтами новых для себя функций и смещение других институтов в позицию других функций — присутствует в форме общественно-исторического понимания и знания. После «дохождения» до таблицы 16 человечество практически знает все основные цивилизационные исходы, точно так же, как Россия на своём разрушительном опыте познала все основные общественно-политические исходы. В этой ситуации можно выбирать направления развития и определять векторы цивилизационного продвижения. Для этого, правда, необходимо рефлексивно осознавать самое строение общего институционального поля и представлять, каким обра-

[1] *См.:* Rifkin Jeremy. The age of access. — N.Y. 2000.

зом оно общественно-исторически формировалось и складывалось. Собственно, это осознание институционального строения западной цивилизации является важнейшим условием межцивилизационного диалога, определяющего возможные направления общецивилизационного продвижения. Но необходимо сразу оговориться, что важнейшего диалога, определяющего принципы и ценности общецивилизационного продвижения, ещё не было.

В этих условиях, когда мы, например, говорим о стратегиях цивилизационного продвижения, из рассмотренных нами таблиц становится ясно, что могут предлагаться, как минимум, три совершенно разных по форме и содержанию стратегии. Могут предлагаться глобальные стратегии из позиции финансово-экономических институтов, из позиции общественно-политических институтов и из позиции литургико-религиозных институтов. Поскольку речь идёт о глобальных стратегиях, то вопрос не может быть решён просто разделением этих стратегий на типы: финансово-экономические стратегии, политические стратегии, религиозно-культурные стратегии. Занятие стратегической позиции каждой группой институтов означает, что другие типы институтов будут низведены со стратегического уровня. Так, литургико-религиозные институты, заняв стратегическую позицию, переводят финансово-экономические институты в позицию формирования общественных взаимосвязей и построения общества, опирающегося на результаты экономического роста и развития для всех групп общества, хотя и по-разному. Общественно-политические институты, удерживая стратегическую позицию, низводят экономические институты на роль обеспечивающих механизмов построения общества, необходимого для воспроизводства данного типа государственности. Межцивилизационный диалог — это фактически игра и одновременно борьба разных цивилизационных предложений с позиции разных институциональных групп. Эти институциональные предложения сначала должны быть адекватно поняты. Движение же от глобального финансового капитализма как некоторого деструктивного конца, цивилизационной пропасти предполагает осторожное возвращение к механизмам традиционного общества со стратегическим первенством вопросов религиозно-этического плана.

Подобная межцивилизационная игра-борьба — это, конечно, не столкновение (clash) цивилизаций по Хантингтону. Сегодня у всех цивилизаций существуют многовариантные возможности институциональных предложений, своеобразных уходов от невыгодных для них ответов. На стратегические финансово-экономические предложения могут даваться стратегические общественно-политические

или литургико-религиозные ответы. Для того чтобы разные цивилизации начали бы сталкиваться в слое однотипных институциональных предложений, их взаимодействие должно быть специально именно таким образом организовано. Например, если группе государств станет понятно, что ей не удастся вырваться из своеобразного экономического гетто за счёт механизма, например, спекулятивного роста внешнего долга, не будет возможности создать свои национальные институты науки и промышленности, то в этом случае вполне вероятно, как об этом пишет Эммануэль Валлерстайн, использование принципа радикального воинственного религиозного самоопределения, исключающего другие подходы и возможности. Выход заключается, конечно, только в преобразовании международных финансовых институтов, исходя из других общецивилизационных общественных стратегий или этико-религиозных стратегий. А это предполагает признание возможности общественно-политическим институтам и литургико-религиозным институтам занимать стратегические позиции.

Фактически, выход за рамки глобального финансового империализма, например, на основе формирования макрорегиональных субъектов предполагает игровое межцивилизационное выяснение возможностей институтов разного типа занять стратегические позиции в определении совместного вектора движения. И в этом игровом взаимодействии необходимо цивилизационное распредмечивание[1] для каждой из взаимодействующих сторон, которое предполагает выявление всего набора институтов, анализа их функций, а также выявление лежащих за этими институтами антропологических матриц.

Межцивилизационное разпредмечивание в этой игре обменов образами глобальных цивилизационных перспектив и выдвигаемыми принципами общецивилизационного продвижения предполагает, что тот или другой стратегический ответ, обращенный ко всем цивилизациям, должен быть правильно отнесен к типу института и его функциям.

Но говоря об институтах и особой конфигурации, специфической для той или иной цивилизационной формы, например, для западной цивилизации, сформировавшей глобальные рынки финансового капитала и крайне неустойчивую мировую денежную систему, мы в сердцевине институтов предполагаем рассматривать

[1] **О цивилизационном распредмечивании ш. кн.: Громыко Ю.В. Сценарная панoплия. Новая повестка дня для президента. — М., 2004.**

и выделять антропологические матрицы. Институты определяют границы и контуры антропологических матриц, но не могут подменить собой действие, мышление и понимание человека. Человек должен учитывать институциональные условия, но очень часто действовать вопреки им. Личностная организация человека, его персональность несводима к институтам и нередуцируема ими. Основная задача современного человека — это овладение институтами, возможность перестраивать институциональные контексты и действовать независимо от организационных условий. Точно так же, как Лев Семёнович Выготский в работах «Мышление и речь», «Орудие и знак» выдвигал в своё время в качестве важнейшей задачи человека «овладение собственным поведением», точно так же сегодня можно было бы сказать, что основная важнейшая задача человека — это овладение институциональными контекстами мыследеятельности и институциональным поведением. Человек постоянно находится в определённом организационно-институциональном контексте, но как только ему удаётся выделить организационную схему, которая стоит за данным институциональным контекстом, она тут же становится предметом преобразования.

Между институциональными контекстами, институциональными средами и живой субъективностью человека постоянно возникает определённое напряжение. Человек может опираться на целый ряд внешних опор, которые формируются в институциональных контекстах, но в этом случае человек перестаёт воспринимать реальность — рефлектировать свою собственную деятельность и понимать ситуацию и процессы мыследеятельности. Это равносильно тому, если вместо понятийной речи и схем, предназначенных для описания и очерчивания видения объекта, человек начинает использовать литературные примеры и метафоры. Роль метафоры в литературе огромна, и её невозможно переоценить. Как считает Линдон Ларуш, именно за счёт метафоры человек стремится выразить мыслительное содержание, для которого ещё не созданы языковые средства выражения. Но в мышлении человек использует понятийно-категориальные различения и схемы. «Всякое понятие символично», — так совершенно справедливо утверждал Павел Флоренский в своей замечательной статье «Наука как символическое описание». Всякое понятие и схема метафоричны, добавим мы, но мы должны при описании сложных явлений использовать именно понятия и схемы, а не литературно-смысловые образы. Литературно-смысловые образы хороши и бесценны в литературном творчестве.

Своеобразными опорами человеческого институционального поведения в различных организационных контекстах являются своеобразные знаково-эпистемические среды, при помощи которых различные институциональные контексты подчиняют себе процессы мыследеятельности. О существовании подобных сред в своей работе «Теория коммуникативных действий» размышляет Хабермас. В качестве подобных знаково-эпистемических сред могут быть выделены деньги, право, знание, финансово-инвестиционный капитал. Деньги, право, знание, капитал являются знаково-знаньевыми вещами особого рода, которые, вырабатываясь в одних институтах, затем могут функционировать совершенно в других.

ГЛАВА 6 Антропотехники переорганизации мыследеятельностных систем и их переосвоения. Идея стратегических компетенций

Как мы уже указали выше, важнейшая оппозиция, которая развёртывается сегодня в гуманитарных науках, — это противопоставление института и человека. Институциональный подход к экономике, институциональная политология, учение об институтах в социологии заставляют с необходимостью признать, что индивиду не удаётся приписать ни действие, ни мышление. Действие и мышление осуществляются каждый раз в определённых институциональных рамках. Выделение этих институциональных рамок и задаёт тот своеобразный социокультурный ландшафт, на котором развертывается активность человека. Но введение институциональных представлений в гуманитарных науках может выполнять совершенно разную роль по отношению к учению о человеке. В одном случае институциональные представления выступают важнейшими ограничителями и рамками, по отношению к которым и должен рассматриваться анализ условий человеческого действия и поведения. В другом случае институциональные механизмы и формы организации практики диктуют и определяют, как должно строиться поведение человека. Если в первом случае мы ставим человека перед необходимостью решения важнейших социокультурных задач, которые всегда предполагают действие в определённом институциональном контексте, то во втором случае мы осуществляем институциональную редукцию в учении о человеке, лишая его, по сути, свободы воли. Но каким образом можно показать, что человек, с одной стороны, учитывая институциональные контексты собственного действия, коммуникации, мышления, с другой стороны, может овладевать институциональной структурой и перестраивать её, исходя из собственных целей и задач? Это, прежде всего, становится очевидно при анализе проблем развития, когда человек на основе имеющихся у него компетенций и способностей начинает формировать институциональные контексты форм поведения и действий, которые ещё в достаточной степени не сложились и не стали общепринятыми.

Подобное «забегание» в будущую, ещё не сложившуюся институциональное™, в новый, только ещё намечающийся социальный порядок и ставит принципиальный вопрос: как и за счёт чего подобное «забегание» может осуществляться?

Обратимся к деятельности предпринимателя. Находясь в институционально-структурированном поле, предприниматель вынужден простраивать отношение к системе традиционных знаково-семиотических образований (знаков и знаний), таких как инвестиционный проект, расчёт будущей прибыли на процент вложенного капитала, определение взаимных прав между участниками инвестиционного проекта, инвестируемый в проект капитал и временная схема возврата данного капитала (так называемый ROI- return on Investment). Все подобные схемы и инструменты имеют огромное значение для действий предпринимателя, но не следует забывать, что это — лишь общий «джентльменский набор», который знает каждый предприниматель. Но при этом почему-то одни предприниматели, используя ту же самую технику, разоряются, а другие получают значительную прибыль. Два предпринимателя заполняют один и тот же формуляр инвестиционного проекта, но у одного предпринимателя проект — мёртвый уже в момент рождения, а у другого — он будет жить.

Рассматривая все возможные финансовые техники, специалисты в области управления предпринимательской деятельностью отказываются рассматривать очевидные вещи, которые у них перед глазами. Одной из таких очевидных вещей является работа предпринимателя с будущим. Мы настолько привыкли ко всяким стратегированиям, проектированиям и прогнозированиям, что нам начинает казаться, что построение представлений о будущем — это создание некоторого документа, знака, но отнюдь не работа воображения и сознания. Настоящий талантливый предприниматель, как и политический деятель (а, на наш взгляд, существует и политическое предпринимательство в области разработки стратегии и тактики действия в ситуации. В.В. Путин, например, — это гениальный ситуационист-тактик, но отнюдь не стратег. Что, с нашей точки зрения, связано с его увлечением «мягким путём» — дзюдо, для которого важно, чтобы в ситуации был противник, загруженный определённым замыслом и техникой действия, а не «опустошённый». С опустошённым противником, который то ли пришёл на поединок, то ли напеть новую мелодию или рассказать стихотворение, то есть никаким, дзюдоист не знает что делать), проживает будущее заранее, и в этом, собственно, тайна их профессии. Будущее, которого ещё нет, оказывается дано сознанию предпринимателя так же явно, как

большинству из нас восприятие находящихся под нашим носом предметов. Другое дело, уважаемый читатель, что и находящиеся перед нашими глазами предметы мы, как правило, не видим, они нам, скорее, «мнятся» — мы привыкли считать, что их видим. При этом это мнящееся «якобы знание» отнюдь не есть сон как особое состояние раскрытия сознания.

Проживание будущего до самого будущего — это дар открытого сознания и воображения. Сначала энергийное сознание, поскольку этот «ожог» от энергийной информации о будущем должен быть пережит на уровне эмоции или аффекта, затем образное сознание и лишь затем дискурсивная речь и мыслительные операции. Будущее, которого нет, но оно уже есть, должно быть пережито как суперреальность. Собственно, в этом аффекте и заключено скоростное проигрывание образа будущего. А воображение, как это записано в схеме русского и немецкого слов «во-ображение», «Ein-bildungskraft» (по-немецки у Канта «сила или мощность вхождения в картинку», сравните, кстати, перевод знаменитой китайской «qi» как «Lebenskraft») — это вхождение в реальность данного образа на дословесном уровне.

Но если образ — это дорефлексивная дословесная среда, то аффект — это дообразная среда. При этом уровень концентрации энергии, из которой сделан аффект, приблизительно в тысячу раз выше, чем уровень концентрации энергии, из которой сделан образ. А уровень концентрации энергии образа приблизительно в 1000 раз выше, чем уровень концентрации энергии словесной обычной жвачки. Концентрация энергии означает одновременно и скорость. Поэтому с точки зрения физики более правильно эти состояния описывать при помощи категории «мощность-энергия» в единицу времени, что и содержится в немецком слове «Kraft».

С этой точки зрения, предприниматель — это существо, которое способно пережить в своём сознании маленький ядерный взрыв по поводу приближающегося будущего в тот момент, когда для обычного человека никакого будущего нет. Этот взрыв предприниматель вызывает у себя в определённом коллективном поле, а отнюдь не отрешившись вообще от всех человеческих связей и привязанностей. В этом случае мы бы имели дело с работой сознания святого или религиозного аскета. Предприниматель же удерживает своим существом всё поле глубинных человеческих связей и вместе с тем именно в этом поле приводит себя в такое состояние, когда он выскакивает за границы обыденной человеческой формы, характеристиками которой являются болтовня, следование социальным

условностям, различение в поле восприятия объекта и субъекта, культ «Эго». Предприниматель же, переживая энергийный взрыв и вроде бы находясь в контакте с нами в ситуации, выскакивает за рамки своего «Я» и за рамки того, что подлежит немедленному осознанию и словесному отчёту. Это мы постоянно тираним себя необходимостью каждую секунду давать себе отчёт и выражать в словесной форме, что мы переживаем, почему мы это переживаем, какие из этого будут последствия для нас и нашей семьи. Действуя подобным образом, мы превращаем себя в вербальные автоматы с гипертрофированной функцией контроля на основе поверхностной осознанности, осознанности уровня различения сна и бодрствования. Если мы не можем себя подобным образом контролировать, мы боимся.

Предприниматель — это такое существо, которое не боится и выходит в уровень энергийной матрицы сознания, которую, скорее, следовало бы назвать единством подсознания и сверхсознания, то есть собственно досознания. Поскольку в этом энергийном единстве подсознания и сверхсознания:

1. **нет структуры «Я» и самосознания,**
2. **нет деления на объект и субъект,**
3. **нет сформированных речевых автоматизмов,**
4. **будущее одновременно представлено с прошлым**
5. **и существует выделенное поле нашего исчезновения — нашей смерти.**

Подобное состояние досознания — это, конечно, транс, где обычные наши членения на сон и бодрствование, к которым мы привыкли, наблюдая за ними из состояния бодрствования, не работают. Таким образом, предприниматель — это консциентальный (от англ. *conscience*— сознание) разведчик бытия (Хайдеггер) в чётко определённом институциональном контексте. Но антропология такого предпринимателя намного сильнее институциологии, поскольку он здесь и не здесь, он включён в институт и выключен из него, поскольку он может переходить сквозь рамки и границы любой институциональной формы.

Как же это может происходить? Для ответа на подобный вопрос необходим специальный анализ, показывающий, каким образом человек или группа людей (коллектив или общность), перемещаясь, могут формировать новую институциональную форму или новую институциональную рамку. Размышляя подобным образом, мы считаем, что новая институциональная форма создаётся через сложное сочленение-замыкание мыследеятельностных процессов: мышления,

Таблица 17

	Мышление	Мыслекоммуникация	Мыследействие
Мышление (строка 1)	"Чистое" мышление	Мыслекоммуникативное мышление	Мыследействовательное мышление
Мыслекоммуникация (строка 2)	Мыслительная мыслекоммуникация	"Чистая" мыслекомуникация	Мыследействовательная мыслекоммуникация
Мыследействие (строка 3)	Мыслительное мыследействие	Мыслекоммуникативное мыследействие	"Чистое" мыследействие

коммуникации, действия или более сложной матрицы мыследеятельностных функций, которые показаны в таблице 17.

Данная матрица функций мыследеятельности возникает на основе «выворачивания»[1] всего набора базовых мыследеятельностных процессов друг в друга. Мы последовательно выворачиваем в мышление все мыследеятельностные функции (строка 1) и получаем соответствующий набор процессов. Мышление, вывернутое в самое себя, приводит к выделению чистого мышления. Дальше мы получаем мыслекоммуникативное мышление, мыследействовательное мышление. Соответственно во второй строке мы получаем новые мыслекоммуникативные функции, а в третьей — мыследействовательные. Подобные процедуры усложнения мыслекоммуникативных процессов были предложены Г.П. Щедровицким и обсуждались, в частности, на наших докладах по проблемам исследования мыслекоммуникации на семинарах под его руководством в 1982 и 1983 годах. Частично результаты подобного взаимного выворачивания мыследеятельностных процессов описаны в нашей монографии «Проектное сознание» (М., 1998).

Но основная проблема, конечно, заключается в способах интерпретации получающихся новых системомыследеятельностных функций. В результате каждого из выворачиваний возникает проблема интерпретации новой появляющейся функции. Например, что такое мыслекоммуникативное мышление? Что в этой функции от мышления, а что от мыслекоммуникации?

Появившиеся новые названия мыследеятельностных процессов требуют, прежде всего, интерпретации функции существительного

[1] Данный приём работы со схемами был предложен С.В. Наумовым и обсуждался на семинарах Московского методологического кружка 1979-1982 гг.

и прилагательного в возникших новых сочетаниях. Эти функции частей речи в данных сочетаниях могут быть по-разному интерпретированы на основе разных категориальных пар. Например, пары — «форма — содержание» и пары «процесс — механизм»[1].

В случае использования категориального различения форма — содержание мы можем анализировать данные новые процессы следующим образом. Существительное в каждом из сочетаний характеризует форму, а прилагательное определяет то содержание, которое ассимилируется и осваивается данной формой. Так, например, мыслекоммуникативное мышление сохраняет форму мышления, преобразуя и осваивая внутри себя мыслекоммуникативное содержание. Мыслительная мыслекоммуникация строится по форме как мыслекоммуникация, преобразуя и включая внутрь себя мыслительное содержание, разыгрывая это содержание в форме позиционных диалогов. Мы говорим о «чистом» мышлении, «чистой» мыслекоммуникации, «чистом» мыследействовании, когда форма и содержание оказываются одноимённы, то есть перед нами мыслительный по форме и мыслительный по содержанию процесс мышления или мыслекоммуникативный по форме и мыслекоммуникативный по содержанию процесс или мыследействование, которое и по форме и по содержанию является мыследействованием.

В случае использования категориального различения процесс — механизм мы можем рассматривать выделенные процессы иначе. Существительное в каждом из названий новых мыследеятельностных функций (например, «мыслительная мыслекоммуникация») обозначает механизм, то есть принцип той реальности, с которой мы в данном случае имеем дело, в отличие от обозначенных прилагательным внешних характеристик того процесса — явления, с которыми мы имеем в данном случае дело. В случае мыслительной мыслекоммуникации мы выстраиваем процесс мышления, но реально, по сути, прорываемся сквозь мышление к взаимодействию с оппонентами, коммуницируем с ними. Таким образом, при интерпретации новых мыследеятельностных функций (мыслительной мыслекоммуникации, например) на основе категориального различения процесс — механизм мы фактически описываем прохождение через один тип функции (мышление) к другой (мыслекоммуникации).

[1] В ходе семинарских обсуждений цикла 1982-1983 гг. СВ. Наумов предлагал интерпретировать эти сочетания при помощи категориальных пар форма — содержание, нам более адекватным казалось категориальное различение процесс — механизм.

Если первая функция, закреплённая в прилагательном («мыслительная»), сквозь которую мы проходим, фиксирует условия и обстоятельства нашей активности, то вторая функция «мыслекоммуникация» фиксирует смысл нашего действия и реальные условия нашего существования.

Основное отличие использования категориальных различений процесс — механизм и форма — содержание для проработки парных сочетательных названий новых мыследеятельностных функций состоит в следующем. В случае использования категории форма — содержание мы предполагаем, что процесс, обозначенный существительным в данном парном сочетании (например, мышление в сочетании «мыслекоммуникативное мышление», мыслекоммуникация в сочетании «мыслительная мыслекоммуникация» и т.д.), имеет чётко выделяемую, описываемую и фиксируемую форму, он может быть отрефлектирован и могут быть выделены средства его осуществления, то есть этот процесс для нас полностью познаваем, и он рационален. В случае же применения категориальной пары процесс — механизм мыследеятельностное образование, обозначенное существительным в рассматриваемых сочетаниях, выступающее в качестве механизма (например, мышление в сочетании «мыслекоммуникативное мышление», мыслекоммуникация в сочетании «мыслительная мыслекоммуникация» и т.д.), до конца не может быть выделено, отрефлектировано, схвачено. Оно в какой-то мере является для нас иррациональным, непознанным по сравнению с мыследеятельностным образованием, обозначенным прилагательным и выступающим в качестве процесса.

Подобное понимание разных аспектов содержания, выделяемых на основе двух категориальных различений «процесс — механизм» и «форма — содержание» при анализе новых мыследеятельностных функций, представленных в таблице, позволяет поставить вопрос о возможности их соорганизации и связи. Категория «процесс — механизм» позволяет нам работать с иррациональными, то есть непознанными, до конца неосвоенными и, следовательно, с необъяснёнными процессами, форма которых ещё не определена. Категория же «форма — содержание» позволяет нам выделять границы чётко устанавливаемой и прорабатываемой формы. Но, следовательно, при переходе от описания новых мыследеятельностных функций на основе категории «процесс — механизм» к их описанию на основе категории «форма — содержание», то есть при категориальном переопределении происходящего, мы сталкиваемся с моментом формообразования. Когда мы выделяем в устройстве новой функции её

механизм (например, мышление в сочетании «мыслекоммуникативное мышление», мыслекоммуникация в сочетании «мыслительная мыслекоммуникация» и т.д.) и связываем его с типом реальности, мы не можем определить форму данного мыслительного или мыслекоммуникативного процесса. Но когда мы используем категориальную пару форма — содержание для описания данного процесса, предполагается, что мы уже можем выделять форму.

Что из себя, по сути, может представлять этот переход от мыследеятельностной функции, которая для нас неопознана и иррациональна, не имеет своей формы, к описанию функции или процесса, у которых мы выделяем форму. Это именно тот самый переход, о котором писал Деррида в «Грамматологии» и говорит Агамен, обсуждая проблему генезиса формы при проработке следа процесса. Деррида в связи с подобной проблематикой, как известно, предложил даже создать специальную дисциплину — ихнологию (от древнегреческого *xxvoC,* — след), цель которой изучать следы[1].

Процесс формообразования, генезис формы связаны для нас с возможностью на основе оставленного следа произошедшего воспроизводить данный процесс. След мыследеятельности — процессов мышления, действия, мыслекоммуникации — может запечатлеваться в знаках, символах и сознании людей на основе понимания, рефлексии и памяти. Здесь, собственно, перед нами очень сложная грань выхода к форме, к проблематике «эйдоса». При этом, конечно, нам необходимо различать форму вещи (эйдос вещи), форму производственно-деятельностного или технологического процесса, форму общественного социального процесса с включённым в этот процесс сознанием людей. Как утверждает Корнелиус Касториадис, человечество упорно прячет и скрывает способы и методы выявления и построения формы, особенно формы социального процесса. И это обстоятельство нам хорошо понятно. Поскольку как только форма может быть выявлена — чего бы то ни было — она тут же становится предметом проектного преобразования и изменения[2]. Если же форма не выделена, не выявлена и не построена, то и преобразовывать нечего. Вот как об этом пишет сам Касториадис:

«Серьезность и объём данного вопроса таковы, что мы должны подойти к более глубокому его анализу, оставаясь в рамках нашего изложения. Что можно сказать о тех открывках, где Платон в про-

[1] ***См.:*** **Громыко Ю.В. Метапредмет «Знак». — М.: Пушкинский институт, 2003.**

[2] ***См.:*** **Громыко Ю.В. Проектное сознание. — М, 1998.**

тивовес всему, что он говорил ранее, а также той точке зрения, которую мы приписываем традиционной онтологии, утверждает, что существует творение (poiesis) и оно есть "причина продвижения от небытия к бытию", есть то, что приводит предшествующее не сущее к последующему бытию субстанцией сущего. Контекст не оставляет никаких сомнений в том, что они могут быть правильно поняты и интерпретированы лишь в том случае, если мы поймём смысл этого продвижения, из чего оно исходит и куда оно ведёт. Платон замечает, что незаконно ограничивать значения слов «творец» и «творение» (poetes, poiesis), сводя их к тому, что есть только часть «поэтического» (то, что касается «музыки» и «метрики»), в то время как любой труд, подчинённый мастерству (techne), является в собственном смысле слова поэтическим и ремесленники, его выполняющие, — суть творцы — poietai. Но в чём состоит этот труд и что значит techne? В чём ремесленник есть ремесленник и как таковой «творец»? Он является творцом в той мере, в какой придаёт бесформенному куску материи её форму, её eidos (и здесь мы в одинаковой мере можем пользоваться и словарём Платона, и словарём Аристотеля, поскольку Аристотель в этом отношении лишь уточнил и дополнил мысль Платона). Именно благодаря этому eidos'у, этой форме дерево превращается в стол, бронза в статую, глина в вазу. Однако бронза есть бронза, какой бы ни была её форма. Но статуя есть статуя лишь благодаря своей форме. Её бытие — статуей, её сущность — это eidos. Утверждать, что мы создаём статую (онтологически) имеет смысл только в том случае (речь идёт о скульпторе, не занимающемся копированием других), если мы создаём eidos этой статуи, если мы творим eidos. Статуя создаётся как статуя и именно как данная статуя, если изобретают, воображают, выдумывают и утверждают её eidos исходя из ничего. Если мы запечатлеваем на куске бронзы данный нам eidos, то мы всего лишь повторяем то, что по сути своей в качестве сущности — eidos'а уже существовало, мы ничего не создаём, мы имитируем, мы производим. Верно и обратное: если мы «фабрикуем» другой eidos, то это уже не продукт, а творение. Вращающееся вокруг оси колесо — это абсолютное онтологическое творение. Оно обладает большим онтологическим весом, чем новая галактика, появившаяся вчера вечером между Млечным Путём и Андромедой, поскольку уже существуют миллиарды галактик, но тот, кто изобрёл колесо или знак письменности, ничего не имитировал и не повторял.

Итак, подобное творение eidos'а в контексте общественно-исторического действия и посредством него, обусловленное существованием ремесленника, — например, тот факт, что ремесленник может

быть ремесленником, лишь создавая eidos, а не имитируя eidos, созданный другим ремесленником (или если брать другую область, создание polis'a есть не имитация или повторение, а сотворение eidos'a) — подвергается полнейшему забвению и оказывается исключено из рассмотрения традиционной мыслью на протяжении всего развития западной философии, начиная с Платона и Аристотеля. Причина заключается в том, что творение разрушило бы определённость бытия и идею бытия как определённости, которая с необходимостью должна найти своё выражение в неизменности, незыблемости и неизменяемости eide, как закрытой в себе и заданной целостности, системы и иерархии, исключающей проникновение других eide и оставляющей нетронутым уже в ней имеющееся. Но каких других и на основе чего? Чтобы ясно видеть ситуацию, совсем не нужно затевать дискуссию об истоках eidos'a, которые созерцает, имитирует, репродуцирует земной ремесленник. Необходимо рассмотреть то, что составляет парадигму любого ремесленника, сказать о том, чьей бледной имитацией является ремесленник, — о самом Демиурге, который «творит», то есть на деле производит, продуцирует мир. В *Тимее* он зовётся как демиургом (производящим, ремесленником), так и поэтом (творцом). Но на самом деле он отнюдь не является поэтом: он «смотрит» на модель (парадигму) и в соответствии с этой моделью формирует мир, который с «необходимостью становится чьим-то образом» (ananke tonde ton kosmon eikona tinos einai). Объяснение мира требует проведения границы между образом и его парадигмой. Эта парадигма есть вечно Живое, умопостигаемое и завершенное (pantelei). Сотворение мира Демиургом — не творение, не переход от небытия к бытию, оно выверено по предсуществующей, предопределённой парадигме через eidos, который оно имитирует, повторяет, репродуцирует. В полном соответствии с этой точкой зрения Софист скажет: «вещи, которые считаются таковыми по природе (physei), созданы божественным искусством» (theia techne). «Творение» мира восходит к techne в том смысле, что оно имитирует модель. Аристотель, доводя в этом отношении мысль Платона до предела, находится здесь ещё за границами или только переступает границу греко-западной мысли, и некоторые из его формулировок относительно techne ставят под сомнение всё здание, возведённое традиционной философией, но что касается центрального момента, то он не сказал ничего другого. Творческое искусство по преимуществу, которое, как говорит Платон, в конце концов монополизировало термин poesis — поэзия и трагедия, — будет им определено как имитация.

Если мы приступим к перечислению последствий, вытекающих из этой фундаментальной позиции, мы никогда не закончим. В определённом смысле почти вся современная мысль Запада, включая самые «разрушительные» течения, неразрывно связана с ней и наполняется смыслами только в соотношении с этой позицией. Наиболее показательный, по нашему мнению, пример — это сокрытие воображаемого и общественно-исторического, продиктованное всегда отрицанием творчества и необходимостью во что бы то ни стало свести историю к повторению и представить это повторение как нечто детерминированное извне — физически, логически или онтологически. Так, Хайдеггер и «марксисты» самым удивительным образом сходятся (по-видимому) в вопросе о «производстве», смысл которого, вполне очевидно (pro-ducere, hervor-bringen, про-извести, вы-двинуть, вы-делить), не может быть трактован иначе, как того требует хайдеггеровская онтология: «разоблачение», выдвижение того, что осталось скрытым, но, безусловно, уже существовало. Где было скрыто пианино во время неолитического периода? Оно было в возможностях бытия. Это означает, что его сущность была «уже здесь». Кант также называл воображение продуктивным, а не творческим. Это полностью соответствовало роли, которую он должен был с необходимостью ему отводить: всегда производить одни и те же формы, имеющие ценность лишь постольку, поскольку они выполняют определённые функции в познании реальности. Таким образом, наконец, в связи с неизбежными следствиями подобного рассмотрения вопроса и как проявление бесконечной *Комедии ошибок* «материализм» постоянно превращается в «идеализм», а «идеализм» в «материализм». Я уже достаточно проиллюстрировал первый вариант. Вот иллюстрация второго. Почему для Канта и для Хайдеггера (на деле для любой философии) человек — «конечное существо»?

Человек рассматривается как «конечное существо» не на основании таких банальностей, как смертность, «пространственно-временная» связанность и т.д. Если перенести этот вопрос в философский план, то человек есть «конечное существо», прежде всего, потому, что *он ничего не может создать.* Но создать что? Речь на самом деле идёт о создании хотя бы миллиграмма материи. Когда человек создаёт институты, поэмы, музыку, орудия, языки — или же что-нибудь чудовищное, например, концентрационные лагеря и т.д., — то он не создаёт ничего... Безусловно, всё это eide, следовательно, он творит eidos. Но эта идея немыслима в перспективе традиционной мысли, eidos есть akineton, истинные формы незыблемы, нетленные, непо-

рождаемы ничем другим. Кто же в таком случае их мог бы создать? Создаваемые человеком формы суть продукты, изготовленные на основе. ..и в соответствии с той или иной формой-нормой. Следовательно, человек не создаёт eide. И не обладая способностью «интуитивного постижения», как говорил Кант, он не способен схватить чувственной интуицией то, что думает или представляет (воображает), и не может сделать *ощутимым* (то есть превратить в действительно существующую материю) то, что он мыслит и воображает, — просто и только осмысляя и воображая»[1].

Мы привели столь пространную цитату этого замечательного мыслителя, поскольку, на наш взгляд, в данном рассуждении К. Касториадиса достаточно полно представлена вся проблема отсутствия на настоящий момент методологии и философии создания и порождения форм, eide. Это методология связана, на наш взгляд, с процессами схематизации, с возможностью построения схем[2] и в дальнейшем реализацией этих схемоформ. Очень близко к подобной идее подходит и Касториадис, который, правда, сам никаких схем не создаёт: «Общественно-историческое созидает себя как фигуру, следовательно, как расположенное в пространстве и как инаковость — изменение фигуры, следовательно, темпоральность.[3]»

Важнейшей характеристикой следа в общественных процессах является событие[4], которое может быть разной значимости и иметь разные уровни организации. Поэтому сегодня проблема выделения и построения формы общественного действия - это вопрос о воспроизводстве и сценировании событий[5]. Собственно, в магме[6] событий и мареве повседневности[7] и осуществляется специфическая, особая работа по вычленению формы общественного действия.

[1] **Корнелиус Касториадис. Воображаемое установление общества. — М.: Гнозис, Логос, 2003. — С. 252-255.**

[2] ***См.:* Громыко Ю.В. Метапредмет «Знак». — М., 2003.**

[3] **Корнелиус Касториадис. Воображаемое установление общества. — М. 2003. — С. 278.**

[4] **О выходе на событие и работе с событийностью очень интересно размышляет и пишет О.И. Генисаретский.**

[5] ***См.:* Громыко Ю.В. Сценарная паноплия. Новая повестка дня для президента. — М., 2004.**

[6] **Об общественном как «магме магм» *см.* работы Корнелиуса Касториадиса. «Общество — это отнюдь не множество, не система и не иерархия множеств (или структур). Оно есть магма магм», в кн.: Корнелиус Касториадис. Воображаемое установление общества. — М., 2003. — С. 287.**

[7] **О мареве событий пишет замечательный культуролог, философ-китаевед В.В. Малявин.**

Возвращаясь к проблематике сочленённых мыследеятельностных функций, можно утверждать, что всякий мыследеятельностный процесс имеет две разновидности своего осуществления: спонтанно-непредсказуемое развёртывание и воспроизводимое на основе сценария. После того, как мы поняли, что выход к событию определяется сценарной формой, реализуя всякий сценарий, мы можем стремиться выходить в поле случайного и спонтанного, которое не предусмотрено сценариями. Это новое случайное и спонтанное, которое и находит своё выражение в новой событийности, мы можем затем оформлять и закреплять в новых сценариях. Случайное, непредсказуемое, спонтанное воспринимается и осознаётся как иррациональное. То же, что можно закреплять, оформлять и воспроизводить, в дальнейшем технологизируется и выступает как исключительно иррациональное. Таким образом, нам представляется очень важным цикл переходов от спонтанного неоформленного к оформляемому с одной стороны, и выход за рамки закреплённого, оформленного и технологизируемого к непонятному, спонтанному, ситуативному. Но собственно эти два типа перехода и связаны для нас с категориальными переопределениями. В том случае, когда мы рассматриваем переход от спонтанного, неоформленного к оформляемому и воспроизводимому, мы имеем дело с переопределением категории процесс — механизм на категориальную пару форма — содержание. В том случае, когда мы рассматриваем выход за воспроизводимое и технологизируемое к спонтанному и непонятному, мы наоборот, меняем категориальное определение форма — содержание на категориальное различение процесс — механизм. Таким образом, мы постоянно можем рассматривать смены категориальных определений:

Ф-С ->Пр-Мех и Пр-Мех -> Ф-С.

Но подобные смены категориальных переопределений нам важно фиксировать и рассматривать не в рамках одной сочленённой мыследеятельностной функции типа мыслекоммуникативное мышление или мыследействовательная коммуникация, а на переходах от одной пары к другой. Поскольку наша основная гипотеза состоит в следующем: человек выходит за рамки существующих институтов и овладевает системой институциональных связей за счёт того, что он проделывает скачки и переходы из клетки в клетку в таблице 17, перетаскивая содержание из одного мыс'ледеятельностного процесса в другой, переорганизовывая его за счёт подобных переходов. **Освоение новых институциональных контекстов происходит»**

Таблица 18

	Мышление	Мыслекоммуникация	Мыследействие
Мышление (строка 1)	"Чистое" мышление	Мыслекоммуникативное мышление 2	Мыследействовательное мышление 4
Мыслекоммуникация (строка 2)	Мыслительная мыслекоммуникация 5	"Чистая" мыслекоммуникация	Мыследействовательная мыслекоммуникация 1
Мыследействие (строка 3)	Мыслительное мыследействие 3	Мыслекоммуникативное мыследействие 6	"Чистое" мыследействие

на наш взгляд, в том случае, если человек или коллектив вырывается в новую пока ещё не оформленную событийную реальность, получает опыт проживания этой реальности, а затем через какое-то время осмысляет эту новую реальность и вырабатывает средство действия на неё, например, в виде мыследеятельностных сценариев. В этом, собственно, для нас и состоит антропологический метод выхода за рамки существующих социальных институтов и освоения новых институциональных контекстов.

Подобные перемещения могут быть представлены как своеобразные переходы по клеточкам таблицы 18.

В таблице 18 обозначена последовательность переходов от функции к функции, которая образует процесс выхода человека или коллектива в новую институциональную реальность и её освоение. В целом система переходов может быть представлена следующим образом:

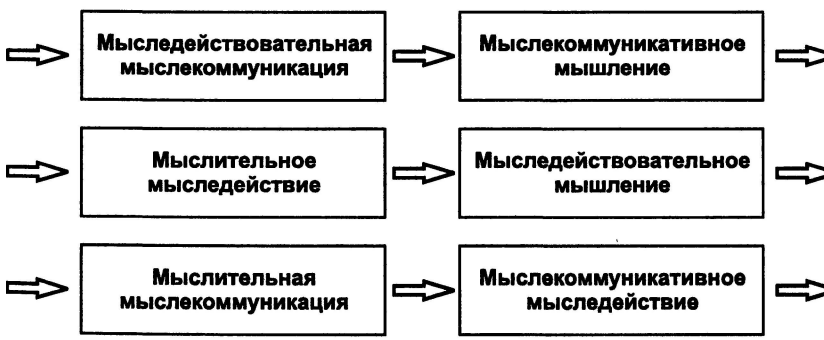

Схема 24. Система переходов от функции к функции

В чём состоит общая логика намечаемых процессов перехода? Она может быть представлена и описана следующим образом. Первоначально коллектив или группа, осуществляя действие, выходят к реальности новой коммуникации. Они специально делают себя беззащитными и обрекают на возможное непонимание, выходя за рамки отработанного и технологизированного действия. Именно мыследействовательная мыслекоммуникация связана с обнаружением собственной идентичности и поиском синергии при обращении к другому возможному коммуниканту при входе за рамку отработанного и сложившегося действия. Выделяя в качестве исходного первого шага мыследействовательную коммуникацию, мы противопоставляемся здесь основной базовой идее Юргена Хабермаса, рассматривавшего в качестве основного базового процесса развития современной западной цивилизации коммуникативное действие. Коммуникативное действие может быть лишь циклом завершения и оформления нового институционального контекста, но отнюдь не началом нового цикла продвижения в неизведанное. Коммуникативное действие по Юргену Хабермасу представлено у нас в шестом блоке и названо на нашем языке «мыслекоммуникативноемыследействие». Полагание же именно коммуникативного действия в основу системы сразу же приводит нас к основному тупику развития западной христианской цивилизации — рационализму и технологизму. Идея мыследействовательной коммуникации состоит в том, что человек добровольно разоружает себя и выходит за границы эффективного и простроенного коммуникативного действия к непредзаданной с неопределённым результатом коммуникации. Выявляя ценности подобного взаимодействия, исходную неопределённость контекста, человек сталкивается с отношением к нему других участников коммуникации.

Первоначально коммуникация выступает как смысл и реальность того, что развёртывается в ситуации мыследействия в соответствии с категориальным определением процесс—механизм. Затем ставится задача определить форму данного процесса, в котором всё, что имеет отношение к действию, рассматривается лишь как содержание. Именно возможность рассмотреть при смене категориального основания (с категориального различения процесс — механизм на категориальное различение форма — содержание) мыследейстовательную коммуникацию как форму процесса делает возможным в дальнейшем перейти от первого блока ко второму — к мыслекоммуникативному мышлению. Мыслекоммуникация, будучи выделена как форма процесса, становится предметом осмысления. Во втором блоке мыслекоммуникация представлена как процесс, но реальностью

и смыслом является мышление, в котором имитируется и рассматривается мыслекоммуникация. «Втянуть» и охватить мыслекоммуникацию процессами мышления оказалось возможно, поскольку в предыдущем блоке в результате перекатегоризации была выделена форма мыслекоммуникативного процесса.

Таким образом, связь между каждыми двумя из представленных блоков в выделенной последовательности обеспечивается за счёт того, что процесс, который был формой в предыдущем блоке, становится содержанием в следующем блоке:

мыследействовательная коммуникация —> коммуникативное мышление -» мыслительное мыследействование -» мыследействовательное мышление -> мыслительная мыслекоммуникация -> мыслекоммуникативное мыследействование —> мыследействовательная коммуникация.

Подобная категориальная перефункционализация, когда процесс, который был формой в предыдущем блоке, становится содержанием в следующем блоке, оказывается возможной за счёт акта трансцендирования и выхода через границы формы данного процесса к реальности следующего процесса. Так, при переходе от первого блока ко второму мыслекоммуникация трансцендирует в мышление. От второго блока к первому мышление трансцендирует в мыследействие, затем при переходе от второго блока к третьему мыследействие трансцендирует в мышление, затем мышление трансцендирует в мыслекоммуникацию, затем мыслекоммуникация трансцендирует в мыследействование и, наконец, мыследействование трансцендирует в мыслекоммуникацию. Таким образом, движение по данной матрице при переходе от клетки к клетке позволяет проследить трансцендирование всех исходных процессов мыследеятельности — мышления, мыслекоммуникации, мыследействования во все. Безусловно, при рассмотрении процессов трансцендирования открытым остаётся вопрос, является ли трансцендирование какой-то особой мыследеятельностной функцией, как считал Н.Г. Алексеев, или само трансцендирование представляет собой соорганизацию и связь понимания и рефлексии. На основе понимания проживаемый процесс, по отношению к которому осуществляется трансцендирование, превращается в онтику — видение объекта. Эта онтика охватывается новым процессом, форма которого рефлектируется.

Но в чём смысл именно представленной в таблице 18 последовательности переходов? Смысл представленных переходов может быть прояснён следующим образом.

В результате мыследействовательной мыслекоммуникации человек или группа попадают в ситуацию новых взаимодействий, где отработанные сложившиеся технологические схемы действия не срабатывают. Человек или группа погружают себя в новую реальность взаимодействий. Затем при осмыслении этого содержания в мыслекоммуникативном мышлении выдвигается первая гипотеза метода и способа действия, адекватного для данной ситуации. Этот намечаемый способ действия опробовается в мыслительном мыследействовании (блок 3), которое строится на основе жёстких мыслительных ограничений и выделенных рамок. Затем полученный опыт подобного действия на основе предварительно выделенного способа рефлектируется и прорабатывается в мыследействовательном мышлении (блок 4). В результате этой ещё одной мыслительной проработки содержания выдвигается уточнённое представление нового способа взаимодействия, который опробовается в мыслительной мыслекоммуникации (блок 5). Мыслительная коммуникация организуется на основе сценарного шаблона коммуникативных взаимодействий. Этот мыслительный шаблон проблематизируется на основе коммуникативных взаимодействий и после этого у нас появляется сценарий мыслекоммуникативного мыследействия — новое адекватное и сильное средство, обеспечивающее эффективное действие в новом институциональном контексте. Таким образом, система заданных и представленных в таблице 18 переходов приводит к тому, что у общности или человека появляется сценарий, обеспечивающий достижение нужных результатов в данном коммуникативном контексте. Но продвижение в формируемом институциональном контексте отнюдь этим сценарием и возможностью его реализации не заканчивается, поскольку коллектив или группа могут выходить за рамки сценария к мыследействовательной коммуникации (переходить от клетки 6 опять к клетке 1) и начинать новый цикл движения, проблематизируя исходный сценарий и уточняя зону построения новых институциональных контекстов. В том же случае, когда сценарий не проблематизируется, но превращается в устойчивую основу повторяемого действия, происходит переход к режиму технологизации действия.

На основе представленных процессов перехода в таблице 18 предполагается разработать специальные игровые тренинги, обеспечивающие формирование компетентностей, необходимых для эффективного действия в новых институциональных контекстах.

ГЛАВА 7 | Построение антропных онтологии — новая философская программа

Принципиально новым шагом формирования и развития представлений о мыследеятельности является построение на их основе новой онтологии, при помощи которой раскрывается учение о человеке. Речь не идёт о том, чтобы осуществить антропологическую редукцию представлений о Боге к представлениям о человеке, о которой говорит Бальтасар[1], или антропологическую редукцию представлений о космоприродном универсуме к системе сегодняшних знаний о человеке. Если считать, что познание Бога — это бесконечность и Бог не познаваем на основе нашего ограниченного разума, если считать, что космоприродный универсум бесконечен и человек бесконечен и с точки зрения знаний о нём, и с точки зрения его возможностей, то каким образом можно осуществлять соотнесение разных бесконечностей и бесконечных горизонтов друг с другом. И почему при замыкании и соотнесении этих бесконечных горизонтов мы утверждаем особую роль онтологии человека, антропной онтологии? Но уже при соотнесении этих трёх разных бесконечностей — божественной, космоприродной, антропологической, а мы сюда ещё должны добавить общественно-институциональную и историческую как минимум, мы получаем очень важный результат. Антропная онтология должна быть устроена таким образом, чтобы мощность антропологической бесконечности как некоторого множества состояний и качествований не была бы ниже божественной бесконечности и космоприродной.

Анализ проблем Богопознания, а также теозиса в молитвенной практике подвижников, описанной в Богословии, приводит к утверждению, что человеческой форме возрастания и движения положен предел в виде Богочеловека — Спасителя нашего Иисуса Христа. Из этого исторического факта может быть сделан такой парадоксальный, казалось бы, на первый взгляд, вывод, который, например,

[1] *См.* кн.: Бальтасар. О любви.

предлагает священник о. Алексий (Сысоев), что человек единственная до конца познанная вещь. Поскольку Богочеловек, являясь совершенным человеком, положил границу, идеальный предел, к которому должен стремиться всякий человек, осуществляя в любви и покаянии по милости Божьей обожение (теозис). Стадии, через которые должен пройти человек, осуществляя обожение, бесконечны. Если считать, что спасается человек всем миром, вызволяя одновременно из рабства у смерти животную тварь и природу, то действительное число форм организации сознания и типов «Я», которые должны быть изжиты и преодолены, бесконечное число. На пути обожения (теозиса) человек, находясь в одном теле, должен «потерять» огромное число душ («Мы теряем души, не тела», Н. Гумилёв), пройти через изживания нескольких структур «Эго». Этот процесс продвижения и переходов может быть выдержан человеком лишь при поддержке свыше, по милости Божией, которую человек получает в результате личного молитвенного обращения к Господу. Бесконечность антропологического универсума по отношению к бесконечности Троицы определяется как бесконечный процесс практики антропологического совершенствования, как бесконечное число состояний самовозрастания. Ведь именно возможность совершенствования ставит человека выше ангела — существа бесплотного и идеально-совершенного. Но именно ангелы, видя реальные усилия человека по собственному совершенствованию и с какими трудностями сталкивается человек, совершая над собой усилия, поют ему хвалу на небесах.

Если мы соотнесём бесконечность человеческую и космоприродную, то, безусловно, человеческая бесконечность, прежде всего, проявляется в способности человека осуществлять познание космоприродного универсума. При этом в теологических богословских онтологиях, соотнося бесконечность антропологическую и космоприродную, мы их одновременно соотносим и с бесконечностью божественною. Поскольку основная задача человека при познании космоприродного универсума состоит в восстановлении замысла Творца, создавшего совершенную вселенную и мир. Поскольку пределом человеческого совершенствования является совершенный Богочеловек — Иисус Христос, победивший смерть, рождённый от конкретного человека — Богоматери, то у каждого человека и человечества в целом есть возможность достичь состояния преодоления смерти. Таким образом, познание космоприродной бесконечности — это не внешнемеханическое моделирование противостоящего человеку мёртвого безжизненного объекта, а поиск возможностей

самовозрастания, обеспечивающего воспроизводства космоприродного универсума. Как это формулировал замечательный философ Э.В. Ильенков: «Задача человечества состоит в том, чтобы зажечь новое солнце». То есть преодоление смерти и энтропии, поворот процессов от распада к органическому росту — задача человека и человечества здесь, сейчас, на земле. Человек должен найти возможность не сжигать вселенную, на основе потребления углеводородов уничтожая геологическую и палеонтологическую информацию о процессах происхождения и эволюции живого вещества вселенной, но открыть технологии создания атмосферы и воспорождения жизни в космосе. С этой точки зрения, антропологическая бесконечность — это бесконечность уровней сознания и духовных ступеней человечества, за которыми стоят возможности мышления, действия, понимания, мыслекоммуникации, позволяющие человечеству создавать технологии воспорождения жизни в космосе, а в дальнейшем заселения космоса. Так, на наш взгляд, космический императив — требование выхода человечества в космос и освоение космоса—преломляется через антропную перспективу. Абсолютно нехристианскими представляются нам умонастроения ожидания конца времен, которые в очередной раз никак не наступят. Люди с такими умонастроениями готовы оправдать любые социальные катастрофы, отстраняясь от общественного действия. Любые катастрофы и разрушения, являющиеся результатом корысти и заинтересованности социальных институтов, воспринимаются ими как «знаки» конца времён. Конечно, абсолютно бессмысленными и кощунственно атеистическими, «подрывными» для традиционной русской мысли являются призывы организовать рай на земле, которым и соответствовал богоборческий большевистский проект[1]. Проект рая на земле по свой сути направлен на разрушение различения человека и Бога, следовательно, на демонтаж подвига обожения. Но, с другой стороны, на горизонте антропной перспективы, не допускающей антропологической редукции ни в рамке божественной бесконечности, ни в рамке космоприродной бесконечности, у человека и человечества появляется настоятельная необходимость продвижения в загадке воспроизводства жизни. На пути обожения человек и человечество приближаются к обретению у себя качества Господа, который

[1] Можно при этом всё время стыдливо вспоминать, что у Сталина было начальное богословское образование, и, якобы, он матери поклялся, что царя не убивал. И, слава Богу, возможно начальное богословское образование его остановило от более страшных кощунств, на которые бы пошёл и мавзолейный экспонат и южноамериканский перманентщик.

единственный есть «жизнедаждец» — дарующий жизнь на основе дуновения Духа Святого, который «дышит аще хочет». Поэтому действительным космопроектом человечества является не рай на земле, а воспроизводство феномена жизни в космосе. Это направление антропологической перспективы и должно направлять развитие универсумальной деятельности человечества. С этой точки зрения, ценности антропологического возрастания и могут выступать в качестве своеобразного оператора стратегирования процессов преобразования деятельности.

Деятельностные онтологии возникают как отрицание онтологии природы и связаны с преодолением натурализма как краеугольного мировоззрения, формирующегося на основе онтологии природы. Деятельностный подход позволяет продемонстрировать, что так называемая природа является определённой онтологической конструкцией, сформированной на основе целого ряда допущений в эпоху Возрождения. Материал природы включается в человеческую деятельность и становится предметом преобразований в ней. Сама онтология природы формировалась на основе частичной ассимиляции, частичного демонтажа и вытеснения онтологии Бога и учения о Троице. При построении онтологии Божественной Троицы использовалась платоно-платиновская онтология космоума, демиургического Ума, познающего-обустраивающего космос. Деятельностная онтология, являющаяся результатом сложного исторического процесса освоения, ассимиляции и преобразования предшествующих онтологии в немецкой классической философии и работах К. Маркса, может интерпретироваться и пониматься совершенно по-разному. С одной стороны, деятельность может рассматриваться как общественно-историческая деятельность саморазвёртывания Абсолютного знания, Абсолютного Духа и познания им своего осуществления и манифестации в мире. С другой стороны, деятельность может рассматриваться как всеобщеисторическая реальность общественно-практической деятельности целокупного человечества и исторического развития его институтов. С третьей стороны, деятельность может пониматься как сложившиеся и институционализированные формы социального порядка, власти и господства, а также как совокупность используемых в деятельности машин, технологий, автоматов. Но по отношению к каждому из трёх этих представлений об универсуме деятельности может быть задан вопрос: как в них представлен процесс возрастания человека не только как внешняя характеристика объекта, но и как реальная практика самовозрастания? Поэтому в глобальной перспективе деятельностная онтология может рас-

сматриваться как сброс и отмена всех предшествующих онтологии: и онтологии космо-ума, и онтологии Святой Троицы, и онтологии природы. Если же это не так, необходимо показывать, как предшествующие онтологии воспроизводятся и продолжают работать внутри деятельностной онтологии.

При помощи деятельностных представлений значительно эффективнее и адекватнее описываются машинно-технологические воспроизводимые процессы, чем экземплифицированные, неповторимые уникальные акты действия и активности людей. Из деятельностных описаний вполне могут быть удалены человек и антропологическая перспектива, если только мы перейдём на позиции анализа, прежде всего, технологизируемых систем деятельности. Но антропологический анализ становится совершенно необходим, как только мы начинаем использовать системомыследеятельностный подход, анализировать и выделять мыследеятельностные процессы — процессы действия в ситуации, мышление, коммуникацию, рефлексию, понимание. Эти процессы часто имеют неповторимый уникальный характер и во многом определяются личными способностями и компетенциями людей. По отношению к мыследеятельностному подходу деятельностный подход является особого рода редукцией, ограничивающейся описанием воспроизводимых технологизированных процессов. В какой-то мере прорисовка и анализ процессов мыследеятельности — мышления, коммуникации, действия, рефлексии и понимания, трансценденции и воображения с выявлением способностей и компетенций людей — есть возврат на новых основаниях к античной онтологии космо-ума. Поскольку прорисовка этих процессов и связанных с ними способностей и компетенций, собственно, и определяет, как структурируются институты общественной практики, результаты познания природы, а также создаваемые новые технологии. Точно так же, как новый процесс мышления и новая организация ума определяют изменения космоса, а новые уровни космоса требуют обнаружения новых возможностей ума, точно так же появление новых компетенций и способностей, новых форм организации сознания определяет изменение институциональных контекстов, а новые формы организации предполагают обнаружение новых способностей действия, понимания, мышления, рефлексии и т.д.

Важнейшим остаётся вопрос: в каком направлении осуществляется стратегический сдвиг изменения процессов мыследеятельности? Этот сдвиг может осуществляться в рамках улучшения функционирования действующих институтов и приспособления к реализации

их текущих задач без реального антропологического возрастания возможностей отдельного человека, коллективов и групп. Результатом подобных действий будут быстрое исчерпание представлений о стратегическом и переход к постстратегическим прагматическим калькуляциям. Наша же задача заключается в том, чтобы действительно раскрыть онтологию возрастания возможностей человека и человечества. В этом случае очень важен горизонт антропологического продвижения, которому и должно быть подчинено развитие форм мыследеятельности. Этот горизонт и определяется продвижением человечества к технологиям и возможностям воспорождения жизни в космосе и преодолению смерти. Таким образом, для того чтобы рассматривать развитие мыследеятельностных процессов, очень важно осуществить деконструкцию онтологии, исторически включенных в онтологию мыследеятельности: онтологию космоума, онтологию Святой Троицы и онтологию природы. Эта деконструкция и обнаружение этих онтологии в процессах мыследеятельности обнаруживаются за счёт определения антропологической перспективы роста человека. Этот рост человека выражается, прежде всего, в развитии способностей и «сверхспособностей» (Е.Л. Шифферс), а также компетенций, которые являются для нас ничем иным, как способностями, востребоваемыми в институциональных контекстах. Компетенции — это способности, на которые есть институциональный спрос, и человек, обладающий способностями, знает про это.

Утверждение, что онтология мыследеятельности содержит в себе три другие, исторически предшествующие, но реально действующие онтологии не является, на наш взгляд, простым проговариванием. Да и нет никакого смысла в подобном проговаривании. Это включение, в частности, означает, что всё, что мы знаем про Святую Троицу, и возможность обнаружения её реального присутствия даны нам через молитвенную мыследеятельность и литургическую мыследеятельность. Анализ молитвенной мыследеятельности, структуры коммуникативных актов проделан в начале XX века, например, в работах П. Флоренского в России и Мосса во Франции. Для того чтобы не происходило профанации и человек ощущал действительное присутствие Святой Троицы в литургическом пространстве, его сознание должно быть подстроено к литургическому действию, молитвенному песнопению, личному обращению. Раскрытие энергий сознания, в соответствии с которым осуществляется управление литургической деятельностью, является важнейшей особенностью этой формы мыследеятельности. Подобной особенностью — вовлечённостью

энергий сознания в процесс молитвы или ритуала — определяется, на наш взгляд, например, отличие позиции имяславцев от имяборцев[1]. Для имяславцев в имени Божием содержатся божественные энергии, поскольку так к обращению с этим именем к Богу подстроено сознание, которое способно раскрываться к обнаружению в процессе молитвы энергий, связанных с именем Божьим. Для имяборцев существуют не энергии сознания, но фонетическое звучание конкретного слова вне самой ситуации молитвы и вне молитвенной организации сознания.

Точно так же и представления о природе, поиск новых физических принципов для создания нового класса технологий существуют лишь в соответствующей исследовательской или проектно-разработческой мыследеятельности. Структура этой мыследеятельности, формы мышления и понимания, формы организации действия определяют представления о механизмах природы, технологиях использования природного материала. Таким образом, существует не дуальная онтология природы и деятельности, не троичная онтология Бога, природы и мыследеятельности, но монистическая онтология мыследеятельности, внутри которой могут быть обнаружены содержания других онтологии. Подобная онтологическая организация может быть охарактеризована как плюралистический монизм (Г.П. Щедровицкий). Плюралистический монизм наиболее близкая для наших философских принципов онтологическая организация, позволяющая соорганизовывать множественность и разнородность мыслительных представлений вокруг единого принципа. С какой-то точки зрения онтология мыследеятельности и мыследеятельностных способностей является, прежде всего, формой анализа и вхождения в другие онтологии.

Воспроизведение внутри мыследеятельностной онтологии античной онтологии космо-ума через представление о способностях и компетенциях позволяет поставить вопрос об иерархии способностей и компетенций, обеспечивающих освоение различных институциональных контекстов. Человек, конечно, не существует вне институтов и институциональных рамок, он всегда включён в деятельность определённой организации и занимает в ней чётко очерченное место. Но при наличии конкретных способностей и конкретного уровня организации сознания человек одновременно может существовать в нескольких разных организациях, выполняя в них разные функции.

[1] ***См.:*** **Священник Дмитрий Лескин. Спор об имени Божием. Философия имени в России в контексте афонских событий 1910-х годов. — СПб.: Алетейя, 2004.**

Более того, он оказывается способен связывать контексты действия этих разных организаций, тем самым конструируя новые организационные формы. Человек как бы расслаивает самого себя, делает себя множественным. Но, становясь множественным, человек одновременно сохраняет внутреннее единство. Человек не просто неконтролируемо для себя меняется, попадая каждый раз в новый контекст, он специально определяет осваиваемую и выполняемую им позиционную функцию. Гарантия того, что человек остаётся единым, состоит в возможности человека однажды собирать себя в целое одновременное нахождение в системе разных функциональных структур двух-трёх организаций, что это — как не таинственная возможность мгновенно менять местоположение во времени и пространстве?

Любая иерархия компетенций и способностей, таких как способность рефлексии, рефлексивного мышления, понятийно-категориального мышления, понимания, схематизации, самоопределения, позиционного действия, коммуникативного действия, связанная с актуализацией в сознании людей ценностей более высокого уровня (например, как у Платона — справедливости и общего блага), опирается на некоторые исходные родовые способности, энергийную матрицу сознания, которые являются протосоциальными и протоинституциональными. Эти способности и энергийные уровни сознания являются одновременно исходными для освоения мыследеятельностных способностей следующего уровня и одновременно высшими по иерархии с точки зрения их фундаментальности и возможностей осознания. Способность строить идеальный образ, способность входить внутрь образа и его реализовывать, способность вступать в контакт с сущностями, отличными от самого себя (Богом, другими людьми, вещами), способность выявлять и сохранять собственную идентичность являются той базой, на которой могут формироваться способности следующих уровней и специальные компетенции. Но если вдруг эти специальные компетенции не срабатывают и их приходится отбросить, то человек не оказывается лишённым способности действовать и понимать, он может опираться на исходные протоинституциональные и протосоциальные способности и формы организации сознания. Эти протосоциальные и протоинституциональные способности являются источником мыследеятельности, именно на них опирается человек, строя процессы мыследеятельности, и именно на их основе человек воспроизводит себя как существо, принадлежащее роду и воспроизводящее себя внутри рода. По отношению к процессам мыследеятельности

родовые способности есть не что иное, как удерживаемая человеком пустота, своеобразный эфир — санскритская akasha, через который пропускаются и в который погружаются или, наоборот, из которого появляются и всплывают предметно положительные способности, деятельностная организация мира, другие люди и собственное «Я». Родовые способности отделяют человека от животного и определяют человека как духовное существо, способное стяжать Дух.

Восстанавливая в себе родовую сущность, человек выходит за рамки собственного «Я», он не ограничивает себя своим собственным «ЭГО», в том числе сложившейся и определённо устроенной социальной личиной. Эта выявляемая энергийная матрица родового сознания является основой трансценденции, выхода за свои собственные границы на основе погружения в пустоту всей совокупности знаний, опыта, способностей и компетенций. Именно из подобной пустоты энергийной матрицы родового сознания появляется онтический образ, некоторое новое видение, которое человек адресует реальности. Энергийная матрица родового сознания есть важнейший конституент мира, мир не существует вне соотнесённости с энергийной матрицей сознания. Энергийная матрица родового сознания является аффективно заряженной, и этот аффективный заряд определяет своеобразную цветность пустоты, из которой выплывает или в которую погружён образ мира.

Одна из важнейших задач создания антропных онтологии состоит в том, чтобы представить и описать самоорганизацию человека, способного осуществлять настройку себя на возможности универсальномирового действия в условиях глобализованного мира. Этот человек должен быть способен разрабатывать сценарии, втягивающие в процесс взаимоопределения представителей разных цивилизаций, культур, конфессий. Условием формирования подобных сценариев и участия в их реализации является один из типов трансцендирования — цивилизационное распредмечивание. По аналогии с выдвинутым Г.П. Щедровицким представлением об эпистемическом распредмечивании, цивилизационное распредмечивание представляет собой рефлексивное выявление схем, определяющих сложившийся тип цивилизационного мышления и действия, за которыми стоят цивилизационные институты и выход за рамки этих схем. Эпистемическое распредмечивание у Г.П. Щедровицкого было связано с выявлением схемы научного предмета, определявшей организацию мышления и действия, и построением мышления и действия за рамками данной схемы. Распредмечивание — это всегда процесс трансцендирования, поскольку у человека должно хватить воли и

энергийной мощности выйти за рамки привычной и отработанной формы организации мышления, действия, мыслекоммуникации. Цивилизационное распредмечивание оказывается возможно, если человек способен обострить чувствительность к восприятию и пониманию иноцивилизационных, незнакомых ему форм организации поведения, жизнедеятельности, мышления, действия и коммуникации людей. Но для того чтобы воспринимать иную, инородную активность, сознание должно быть активизировано на некотором исходно базовом, фундаментальном уровне организации, который для нас и связан с уровнем энергийных матриц родового сознания.

Обычно подобное происходит с инопланетянином под угрозой смерти. Человек должен попасть в удалённое ядро другой цивилизации, выйдя за границы цивилизационных форм жизни, которым он принадлежит. При этом в результате подобного перемещения в инородное цивилизационное поле человек не должен ассимилироваться, превратиться в элемент другой цивилизации. Тогда никакого межцивилизационного контакта не произойдёт. Условием восприятия иноцивилизационной организации самых разнообразных типов активности её представителей является сохранение собственной цивилизационной идентичности. Поскольку человек выходит за границы собственной цивилизационной формы и включается в другой цивилизационный контекст, данный тип идентичности было предложено назвать — трансграничная идентичность[1]. Перешагивая через границу, человек сохраняет или даже впервые выявляет собственную идентичность.

Как совершенно справедливо указывает В.В. Малявин, от человека скрыта жизнь представителей другой цивилизации отнюдь не случайно. Это сделано для того, чтобы не разрушать его сознание. Восприятие воочию других иноцивилизационных форм жизни отнюдь не безболезненно для сознания человека. Но сегодня процессы глобализации подталкивают к другой плотности организации межцивилизационных контактов. И в этих условиях человек должен научиться создавать сценарии межцивилизационных взаимодействий, предполагающие выполнение цивилизационного распредмечивания и вхождения в контакт с представителями другой цивилизации на основе непосредственной, внеидеологической сорегуляции и сооптимизации взаимодействий. Подобные межцивилизационные взаимодействия не могут быть осуществлены государственными институтами, поскольку они требуют непосредственных контактов.

[1] ***См.:*** **Громыко Ю.В. Сценарная паноплия. — М., 2004.**

Только на уровне плотного антропологического взаимодействия может быть найдена межцивилизационная синергия[1].

Но для того чтобы особенности иной цивилизационной антропологии были восприняты, участники межцивилизационного диалога должны выйти на определённый уровень активизации сознания. Только на этом уровне оказывается возможно восприятие иноцивилизационных особенностей мышления, понимания, действия, прежде всего ценностные принципы их организации. И лишь после освоения этого уровня могут разрабатываться общие схемы действия.

Очень часто предполагается обратное. Если будут приняты общие схемы деятельности и представителям разных цивилизаций будет понятно, что они вместе должны делать и что они должны достичь, то в ходе реализации этих схем можно будет и разобраться с разноцивилизационными особенностями. Нам представляется, что подобный способ организации контактов был связан с возможностью трансляции западных институтов рынка и индустриальных технологий. Этот период закончился. И в настоящий момент насущно необходимым становится поиск сценариев антропологического самоопределения и взаимодействия. Правильно созданный сценарий обеспечивает вовлечение во взаимодействие до этого скрытых социокультурных ресурсов, и в результате подобного взаимодействия обнаруживаются новые плацдармы действия.

Огромная роль антропного факта в межцивилизационном и межстрановом взаимодействии подтверждается особым значением сегодня телевизионных технологий.

7.1. Системомыследеятельностный (СМД) подход Г.П. Щедровицкого и теория коммуникативного действия Юргена Хабермаса. Точки соотнесения и несопоставимости

В настоящее время я занят большой работой, которая называется «Системомыследеятельностный подход: между Сциллой постмодернизма и Харибдой неомарксизма». Хотя указываются мифологически нагруженные и тяжелые имена, это не означает, что я не люблю постмодернизм или Юргена Хабермаса и Франкфуртскую школу, —

[1] О межцивилизационной синергии *см.:* Генисаретский О.И. Эффекты цивилизационной синергии: стратегии, коммуникации и компетенции ради развития // В кн.: Азиатско-тихоокеанские реалии, перспективы, проекты: XXI век. — Владивосток: Изд. Дальневосточного университета, 2004. — С. 185-192.

наоборот, эти формулировки возникают из очень большой любви. Думаю, что сначала очень важно все-таки понять и определить место системомыследеятельностного подхода в этой ситуации и попробовать в ней максимально размежеваться. С этой точки зрения, очень важны те рамки, которые задавал О.И. Генисаретский, обсуждая столкновение европейского и американского проекта; мне кажется также очень важной характеристика, которую в одной из своих работ сделал Вадим Цымбурский[1], когда он сказал, что, на его взгляд, это борьба взаимоотношений «никаких с растакими». В этой ситуации столкновения «никаких с растакими» (если еще вспомнить фразу Достоевского о том, как русским дорога европейская культура и каждый камень на гамбургском кладбище) возникает некая сложность, связанная с выделением и выкладыванием ряда позиций.

Следующий момент, который кажется мне очень важным: при анализе системомыследеятельностного подхода и работы в ММК получается, что Г.П. Щедровицкий в равной степени утверждал снятие и преодоление не только философской позиции, но и научной позиции. Ему принадлежат очень жесткие утверждения о том, что наука — это «гробокопательница» и «могильщица». Здесь возникает очень важный момент с обнаружением методологической позиции, которая выстраивает и взаимодействует и с философским, и с научным контекстом во всей его полидисциплинарности и разнопредметности, и с оргтехническим контекстом (позиция управления), отличаясь от каждой из этих позиций, когда это удается.

По поводу того, что было сказано при обсуждении постмодернистских авторов, существенным мне представляется следующее. Прежде всего, тут очень красивый тип соотнесений несоотносимого или сопоставлений несопоставляемого, которые проделал О.И. Генисаретский, обсуждая схему многих знаний и идеи Делеза. Хочу напомнить в связи с этим, что в ряде текстов Г.П. Щедровицкого высказана принципиальная мысль о том, что схема многих знаний для него возникала именно как оргтехническая линия, связанная с *управлением* интенциями сознания и мышления. Не просто событийно случалось, но еще и обладало этой возможностью управлять интенциями, что, на мой взгляд, немаловажно. С этой точки зрения, данный ход на событийность, который и красив, и интересен, для меня лежит в ряде анализа и соотнесения с действиями и деяниями, где событие

[1] **Цымбурский Вадим Леонидович — философ, автор ряда монографий, в числе которых: «Россия — земля за великим Лимитрофом / Цивилизация и ее геополитика», «Борьба за евразийскую Атлантиду. Геоэкономика и геостратегия», а также множества статей на темы политики. — *Прим. ред.***

оказывается опережающим деяние и поэтому его можно метафизировать и полагать уходящим за рамки и границы деяний. Это то, что *еще не деяние,* С другой стороны, это *больше, чем деяние*. Когда возникает ставка-бросок, связанный с судьбой, — это выходит за рамки действия и деяния, каким-то странным образом оестествляется, событийно происходит и событийно случается. Почему это важно? Потому что если мы обратим с этой стороны свой взгляд даже просто на название одной из книг Делеза, а именно «Повторение и различие», то мы обнаружим очень важное отсутствие или недоговоренность двух других моментов: повторение, *а не воспроизводству* которое обязательно связано с некоторым актом и нравственным усилием на воспроизводство целостной жизни; а различие у нас отпадет от *различения,* где мы опять за счет собственных усилий, возможностей, стечений обстоятельств и судьбы сумели и ухитрились что-то различить, а не смешать, потому что если мы уберем эти контексты, то тогда повторяющиеся и множащиеся повторения и различия выступят перед нами как фильм, проходящий на экране нашего сознания, фильм, который длится как ряд событий, которые мы можем чувственно воспринимать, переживать и к ним относиться.

Мне показался очень интересным доклад Егора Никулина, но я обострил бы тему, потому что она кажется мне очень важной для метода схематизации, — это проект Деррида по *ихнологии,* «науки о следах», в котором Деррида подбирается к ситуации, где с точки зрения не просто изучения речи, а происхождения речи-языка вполне может быть, что письменность была раньше, чем фонетические звуки речи. В этом контексте я вижу очень интересные типы сопоставления и анализа схем как раз с точки зрения генетического масштаба и анализа. И с этой точки зрения разделение и выделение точек, пересечений и расхождений — это многоуровневая, метауровневая рефлексивная работа над уже выделенным и состоявшимся корпусом схем, которые получили статус не первого, а второго, третьего или какого-то другого языка.

В этих контекстах возникают какие-то совсем другие требования на саморазличение, отношение и проблематизацию, которые невозможно отнести исключительно в разделы философских текстов или научных, потому что они затрагивают уже образование и педагогику, они толкают за собой и требуют, и замечание В.Л. Глазычева очень важно, потому что это есть вопрос об определении в данном контексте миссии методологии заново. То есть необходимо отвечать на вопрос: в чем особая миссия методологии по отношению к условно расплывающемуся (но его можно как-то скрепить) постмодернист-

скому проекту, который не имеет этого единства, или, скажем, по отношению к неомарксистским утверждениям и полаганиям?

С этой точки зрения, обсуждая Хабермаса, я прежде всего обращаю внимание на то, что основная его работа — «Теория коммуникативного действия» (два тома) — издана в 1981 году, а схема мыследеятельности, особая проблематика рассмотрения мыслекоммуникации, экспериментов с мыслекоммуникацией в отношении к мышлению и к практическому действию, — это 1980 год, и за каждым из этих движений, т.е. за работами ММК, и за тем, что делал Хабермас, лежат разные исторические программы. Здесь возникает точка самоопределения и анализа; здесь, безусловно, нужно обсуждать контекст разных исторических программ, разных целей, разной судьбы этих движений и на этом разделении искать некие точки диалога и возможных противодействий.

В частности, Хабермас последовательно описывает и достаточно долго анализирует и обсуждает свою историю, одновременно находясь внутри и за рамками как Франкфуртской школы, так и Института социальных исследований, который был организован эмигрантами в 1940 году в Нью-Йорке. Он последовательно выделяет и противопоставляет те позиции, которые и стали его отличать от всей остальной группы (М. Хоркхаймера, Т.В. Адорно и ряда других ключевых фигур, которые образуют Франкфуртскую школу). Взамен прежних ранних взглядов Франкфуртской школы («марксемы» про развитие производительных сил) Хабермас преимущественное внимание стал уделять системе социальных институтов, преобразующих формы и способы производства, и коммуникации (в публичной форме прежде всего). Публично организованная коммуникация, с точки зрения Хабермаса, стала выполнять функцию преобразования и существенного изменения и фрейдистских, и марксистско-фрейдистских концепций заложенных внутрь человека инстинктов, потому что они при этом становятся предметом коммуникативных проработок и начинают переопределяться за счет вмешательства понимания. Хабермас может быть интересен как один из очень жестких оппонентов попыток сбросить проект Нового времени и модерна: он настаивает на том, что по-настоящему проект Нового времени еще и не начинался, а лишь готовился, а реализация его не состоялась.

Несколько важных, с моей точки зрения, пунктов, которые потом могут быть соотнесены с позицией системомыследеятельностного подхода и ММК.

Юрген Хабермас на основе анализа работ по аналитической философии выделяет область, которая отличается от традиционных струк-

тур действия, — так называемые *коммуникативные действия,* в рамках которых осуществляется достижение понимания между участниками ситуации. Хабермасу важно показать, что понимание, которое должно сложиться в ситуации, — не предзадано и не запрограммировано, не осуществляется автоматически, поэтому нужно как бы запустить сам процесс его строения и формирования. Для обозначения и оконтуривания этой области Хабермас различает ряд типов дискурсов: *теоретический дискурс,* который организуется на основе когнитивных и инструментальных механизмов; *практический дискурс,* который связан с морально-практическими полаганиями и опирается на определение правильности и норму действия; дискурс в форме *эстетической критики,* которая является оценочно-эволютивной по своей природе и строится на основе соотнесения с ценностными стандартами; дискурс в форме *терапевтической критики,* основной характеристикой которого является выразительность, правдоподобность выражений; *дискурс самовыражения и самообъяснения,* который определяется достижением понятности того, что высказывается и основывается на правильности символических структур.

Последовательно развертывая идеи Карла Поппера о множественности миров, Хабермас соотносит с каждым действующим лицом ситуации три мира: объективный мир, социальный мир и субъективный мир. Эти различия трех миров оказываются важны для Хабермаса, чтобы последовательно разложить и сгруппировать разные типы действий: телеологические действия, т.е. связанные с целями, нормативно-регулируемые; драматургические действия, связанные с самопрезентацией; действия, связанные с коммуникацией. Поскольку телеологические действия соотнесены только с объективным миром, а нормативно-регулируемые и драматургические действия — с двумя мирами, соответственно с социальным и объективным миром или с социальным и субъективным миром, то *только коммуникативные действия* связаны с установлением отношений между всеми тремя мирами. В речевых высказываниях по отношению к каждому из этих трех миров есть свои модальности. По отношению к объективному миру делается вывод о том, что это суждение истинно или ложно. По отношению к социальному миру и системе социальных норм — что оно правильное или неправильное, и по отношению к субъективному миру, связанному с терапевтической презентацией, — что оно правдоподобное или неправдоподобное.

Таким образом, на основе выстраиваемой логики высказываний и анализа действенности этой логики показывается форма захвата коммуникативными действиями всех миров.

Вводя еще одно различение и соотнося ситуации и действия, социальное и несоциальное с ориентациями действия, т.е., соответственно, с ориентацией на успех и на понимание, Хабермас последовательно различает *простое инструментальное действие* как действие, ориентированное на успех, которое строится в соответствии с техническими правилами и построено на определении меры воздействия на основе вмешательства во взаимосвязь обстоятельств и результатов, — и *стратегическое действие,* которое Хабермас определяет как степень воздействия, определяющего оцениваемое влияние на принимающего решение контригрока.

Если просто инструментальное действие может быть лишь дополнительно связано с социальными взаимодействиями, то стратегическое действие само исходно представляет из себя *социальное действие,* потому что оно изначально предполагает рефлексивный учет действий контригрока. О коммуникативном действии мы говорим в том случае, когда план действий участников ситуации оказывается связан не с эгоцентрическим вычислением успеха, а с актами, координирующими понимание.

Коммуникативное действие, прежде всего, направлено на выработку общего понимания ситуации. Хабермасу важно как бы замедлить, затянуть и показать особую сферу, в которой нет однозначного моментального проскока к взаимному согласию. Это затянутое движение взаимопонимания образует своеобразный общественный феномен, который дальше, в ряде очень важных пунктов (о которых я скажу), определяет динамику социума. Очень важно при этом ответить на вопрос: где, собственно, это осуществляется, где место для такого организованного коммуникативного действия?

Первоначально Хабермасу нужно конституировать логически саму особенность коммуникативного действия. Он делает это, используя введенное Джоном Остином различение «локутивных», «иллокутивных» и «перлокутивных» актов.

***Локутивные* акты суть речевые высказывания, в которые просто нечто сообщается; такой акт выражает положение дел, строится в отношении к используемым в ходе его осуществления языковым средствам, и изучается семантикой.**

***Перлокутивные* акты — это речевые акты, при помощи которых говорящий нацелен на то, чтобы вызвать некоторый эффект у слушателя. Если он говорит нечто в данной ситуации, то из этого следует то-то. Посредством перлокутивных действий возникает интеграция речевых действий в структуру *стратегических* действий, т.е. осуществляются вмешательство и интервенция в мир, достигается**

эффект посредством того, что нечто делается через то, что говорится. Эффект уже есть налицо, он описывается как состоявшееся извне. С этой точки зрения, перлокутивные акты описываются и характеризуются в отношении к своим результатам и их изучает риторика.

Особый вопрос возникает в отношении к так называемым *иллокутивным* актам. Иллокутивный акт — это действие, которое осуществляется, когда выражается некоторое положение дел, при этом происходит полагание модуса высказывания как признание, приказа, полагания, обещания, предупреждения, т.е. это как бы *двойной акт,* где в одном месте определяется сам характер этого полагания, а во второй части посредством пропозициональной структуры нечто сообщается. Иллокутивный акт может быть охарактеризован следующим образом: действие заключается в том, что что-то говорится. Иллокутивный акт рассматривается в отношении к манифестированной цели и ряду условий ее осуществления. После введения этого различения до сих пор не до конца ясно, каков собственный раздел для этого различения — если ни семантика, ни риторика не подходят, то что за наука должна изучать иллокутивные акты? Примеры иллокутивных актов: S высказал P утверждение, что он P уволил из фирмы (т.е. двойная структура: сделал утверждение и дальше факт — уволил), или: S предупредил P, что он может его не уволить из фирмы. Именно в этих актах, которые Хабермас называет «иллокутивными», разъезжаются структура оценки, которая закладывается извне, и эффект события, который должен произойти изнутри. Другой коммуникант или несколько коммуникантов должны понять сказанное, и здесь возникает зазор их необходимой реакции и понимания. Эта реакция не предрешена и не определена, эффект понимания не снят и не предзадан автоматизмом речи. Именно с этой непредзаданностью Хабермас связывает огромные возможности коммуникативных действий, в отличие от стратегических действий по Максу Веберу, основанных на калькуляции выгод и вычисляемых перемещениях по шкале «цель, средство, результат».

Иллокутивные акты принимаются с точки зрения понимания содержания высказывания, внутренних для речевых актов подтверждений и следующих взаимодействий, возможностей установить связь. Условием этого является принятие или ухватывание заложенного в речевом акте притязания на значимость. Это тоже очень важное различение Хабермаса, потому что он помимо значений выделяет *значимость,* которая должна быть схвачена оппонентом. Мы понимаем речевой акт, если знаем, что делает его приемлемым. Это связано с интерсубъективным признанием речевых намерений. Таким

образом, мы имеем дело с несколько своеобразным *метапониманием* (или рефлексивным пониманием).

Где же осуществляются коммуникативные действия, которые, с точки зрения Юргена Хабермаса, бывают институционально связаны и институционально не связаны?.. Они реализуются, прежде всего, в структуре жизненного мира, где два взаимодействующих (а возможно, и больше) опосредованы при осуществлении коммуникативных действий культурой и языком. Свое взаимодействие они строят на отнесении высказываний к трем мирам: внешнему миру, состоящему из объективных фактов, социальному миру первого коммуниканта, социальному миру второго коммуниканта, и, наконец, внутренних субъективных миров каждого из участников коммуникации.

Следующий важнейший тезис Хабермаса заключается в том, что в современных условиях капиталистического общества его дифференциация и усложнение достигли уровня расщепления социума как системы и как жизненного мира. Возникающие новые институты, которые закрепляют и обеспечивают дифференциацию социума, обязательно должны быть укоренены в структуре жизненного мира. Только в этом случае, решая новые, выделившиеся и обнаруженные задачи, обеспечивая новый уровень свободы и возможностей, новые институты оказываются жизнеспособны, а не исходно формально мертвы. При этом основная тенденция изменения современного капиталистического общества состоит в том, что жизненный мир начинает подчиняться и сводиться на уровень одного из элементов социума, рассматриваемого как система, в которой выделяются различные структуры (экономика, система управления и т.д.). Хабермас видит основной парадокс динамики современного капиталистического мира следующим образом: постоянно происходит и осуществляется рационализация жизненного мира, в котором находятся взаимодействующие индивиды, но возникающий из этого эффект используется каждый раз на все большее усложнение и дифференциацию социальной структуры как системы. Здесь возникает ничем не компенсируемый разрыв, где единственной альтернативой, по мнению Хабермаса, служит проект открытой коммуникативной публичности, в ходе которой может строиться взаимодействие и обеспечение взаимопонимания и согласования выделенных разных миров.

И последнее усложнение, которое необходимо ввести для того, чтобы как-то кратко задать основной идейный блок Хабермаса. С точки зрения Хабермаса, основной момент развития западного общества состоял в том, что речевые структуры, которые обеспечи-

вают его интеграцию и коммуникативные действия, на определенном этапе начинают замещаться средами — средствами, типа власти и денег, которые обеспечивают интеграцию и согласование общества безотносительно к коммуникативным действиям и коммуникативным согласованиям. В этом контексте, на мой взгляд, возникает ряд принципиальных моментов и вопросов, которые позволяют соотнести и сопоставить системомыследеятельностный подход и ту динамику, которая характеризует критическую теорию Юргена Хабермаса.

Первый момент, который мне кажется очень важным и который здесь становится понятным, — *роль схемы мыследеятельности как онтологии,* как принципа (то, что было сделано на основе игрового периода), который позволяет переопределять и трансформировать фактически все структуры, лежащие в актуальном взаимодействии, потому что использование системы мыследеятельностной методологии, схемы мыследеятельности позволяет «протыкать» эти три мира (объективный, социальный и субъективный), переопределять их и изменять их функции и значения. Появляется очень важная проблема, связанная с анализом коммуникативного действия по Юргену Хабермасу: схема мыследеятельности позволяет различать и выделять коммуникацию в мышлении (т.е. собственно коммуникативное мышление) и коммуникативное действие и точно так же позволяет различать «перебросы» из действия и из мышления в слой коммуникации, т.е. собственно коммуникацию, связанную с механизмами действия, и коммуникацию, связанную с механизмами мышления.

Таким образом, по отношению к тому, что Хабермас выделяет в качестве всего одной структуры коммуникативного действия, которую он всеми силами хочет конституировать, институционализировать и защитить, появляется несколько альтернативных структур. Эти структуры выполняют совершенно разные функции, потому что одно дело — ничем не предзаданная свободная коммуникация, в которой что-то впервые должно быть понято посредством взаимодействия участников этой коммуникации, и совсем другое — коммуникация, в которой осуществляется направленная на установление взаимной договоренности (консенсус) проработка некоторых введенных схем действия. Кроме того, есть момент, где нужно еще «дорастить» до структуры действия определенные результаты понимания, когда человек будет предъявлять это действие и противопоставляться другим. Понятно, что эти разные возможности институционализируются на разной основе и их институционализация упирается в разные проблемы.

Второй момент, который становится очевиден и который, по крайне мере для меня, является самым важным в том, что было выращено в структуре игротехнического подхода: *техника проблематизации*. Именно техника проблематизации, а дальше и вопрос ее институционализации, ее институционального места в обществе, как именно такой формы, на основе которой могут возникать преобразование и перестройка системы мыследеятельности. И изменение коммуникации, и действие представляют здесь основной вопрос, поэтому Г.П. Щедровицкий утверждал, что для него ядерной технологией оргдеятельностных игр является технология коммуникации. С этой точки зрения то, что обсуждает Хабермас, конечно, не проблематизационные технологии — это, в лучшем случае, консенсус, а в других вариантах это просто некоторый договор на взаимных основаниях с терапевтическими возможностями, но это не проблематизация, которая может трансформировать и менять систему мышления, форму организации действия и позиционные структуры. Хабермас *не* положил мышление как контролируемую и рассматриваемую форму в структуру жизненного мира, на основе которой строится и действие и понимание. Здесь есть еще одно важное обстоятельство: с этой точки зрения, на мой взгляд, *методология может претендовать на свой собственный тип понимания структуры жизненного мира,* который, прежде всего, связан с шагом перехода из прошлого в будущее, потому что именно напряжение жизненного мира задается через выделение своего, четко определяемого проспективного видения, ретроспективного видения и обнаружения себя на границе между ними.

Заканчивая, я хотел бы поставить два вопроса. Сопоставление теории Хабермаса и работ системомыследеятельностной методологии, прежде всего, ставит вопрос о месте и функции ОДИ как особого типа института. Хабермас считает, что выходом из кризиса постлиберального общества (которым сейчас, в частности, является тщательно изучаемая им Германия) может служить свободная структура публичности, в основе которой лежит коммуникативное действие. В наших условиях возникает совсем другой вопрос: каково место и функции, с одной стороны, института игры, а с другой стороны, техник и технологии проблематизации, которые могли бы быть специально институционализированы.

Следует обратить внимание на очень интересный анализ критики правовой формы на Западе, которую проводит Хабермас. Обсуждая два важнейших принципа построения самой структуры права, а именно принцип, построенный на формулировании отдельных

положений, так называемых клаузул, и принцип, построенный на обосновании, Хабермас указывает на два важнейших момента. Так называемое тотальное проявление западного общества построено на уничтожении, выталкивании этического принципа, который становится исключительно внутренним моментом личности, и поэтому вообще не превращается в способ оценки ситуации. И дальше — опухолевидный рост правовых клаузул, который приводит к тому, что мир жизнедеятельности, где люди могут понимать друг друга, выступать с проектами преобразований общества, становится невозможен. С этой точки зрения, здесь я вижу одну из очень важных мыслительных задач, поскольку мы действительно находимся в открытом пространстве, которое требует продумывания, с одной стороны, реальности и критики западного проекта, а с другой стороны, четкого понимания нашего места в сегодняшней ситуации. И здесь я бы сказал, что те вызовы, которые сегодня существуют, никаких разовых возможностей не содержат. Они требуют упорной борьбы и очень четкого понимания того, в какой тип технократических манипуляций сознания, в какие формы управления коммуникации мы попадаем. Это действительно возникает с очень жесткого определения собственных границ и позиций.

7.2. Постмодернизм как вызов и как проблема современной психологии и политической антропологии

Появление огромного числа работ на Западе, переведённых у нас, которые условно можно отнести к направлению, называемому постмодернизм, является достаточно важным культурным событием, которое требует рассмотрения и размышления над самим феноменом его возникновения и существования в гуманитарных науках. Хотя выделение данной группы весьма условно и оно стало возможно лишь после известной брошюры Лиотарда «Условия постмодерна». То есть как бы и неизвестно, а существует ли организационно подобное направление и есть ли у него определённые концепционные и самое главное онтологические рамки. Хотя в подобном положении дел тоже заключена определённая особенность данного движения — в отличие от сторонников других направлений представители постмодернизма не стремятся к некоторому концепционно-политическому или организационному единству. Общими для всех этих направлений являются попытка и стремление выйти за рамки Нового времени как в широком смысле политической, культуральной и

исторической концепции и модели. Для того чтобы осуществить этот выход, сторонники данного направления стремятся указать или, точнее, обнаружить некоторое определённое зависание в полях, а, точнее, над полями практики, полями культуры, искусства и философии, которое могло бы быть описано и определено как существование на ничейной земле, то есть на территории, которая не может быть отнесена к проекту или исторической эпохе под названием современность или Новейшее время. С этой точки зрения, сторонники данного направления стараются работать прецедентно, то есть им важно каждый раз задать и обнаружить целый набор феноменов, которые не подчиняются сложившимся способам аксиоматизации и концептуализации и в этом смысле не могут быть подведены под старые сложившиеся расчленения и рамки. При этом наиболее критикуемым стилем является концептуально-логическая и понятийная строгость и сухость, которая сразу же оказывается неприемлемой для представителей данного направления — логический метод развёртывания понятийной системы оказывается устаревшим и вышедшим из моды.

Но каким образом можно осуществить выход за рамку и границы проекта Нового времени и развёртывающегося на его основе современности и самое главное, как можно опознать, где ты оказался и куда попал? Всё дело в том, что, создавая саму эту ситуацию исхода — exodus — или выхода за рамки, у нас на самом деле возникают две совершенно разные возможности — это возможность демонтажа модернизации и сброса проекта современности со всеми вытекающими из этого последствиями спуска в варварство и, наоборот, удержание исходного основания проекта модернизации и его надстраивания до новых горизонтов и рамок. Поэтому, на наш взгляд, постмодернизм содержит в себе одновременно и одно и второе: и попытку демонтажа с элементами «провала» в варварство, и попытку осуществления проблематизации и надстройки над проектом современности новых дополнений, принципиально меняющих конструкцию в целом. Мы бы хотели выделить и обозначить всего несколько характеристик, которые нам представляются весьма симптоматичными для того типа сознания, которое оказывается репрезентировано в группе работ, относящих себя к постмодернизму.

Воспроизведение и воспроизводство. Но как вообще можно опознать, что ты куда-то выходишь и продвигаешься? Важнейшей проблемой при этом оказываются проблема воспроизводства и способы её решения. При этом для сознания начинают очень чётко различаться воспроизведение (повторение) и воспроизводство, как

следует из очень интересной книги Ж. Делёза «Повторение и различие». В том случае, когда ставится задача присвоения определённого способа мышления и способа действия, стоящего за ним, мы имеем дело с одной ситуацией, когда подобная задача не ставится, мы можем лишь фиксировать, что какие-то сюжеты, фрагменты информации, особенности восприятия повторяются — вообще феномен повторения, кружения по кругу, верчения становится очень важной метафорой авторов, работающих на основе сюжетов постмодернизма. Воспроизводство же оказывается всегда связано с волевым нравственным деятельностным актом, нацеленным на воспроизводство целого — в этом, собственно, состоят, с нашей точки зрения, философские основания жизнестроительства в традиции Платонизма. Здесь мы подбираемся к одному из ключевых моментов, который нам позволяет осмыслить постмодернизм: развиваться, не воспроизводясь, невозможно. Воспроизводство является обязательным условием присвоения определённой культурно-исторической рамки и вхождения в определённую традицию, определённого способа мышления, который в дальнейшем может быть преодолен, но первоначально он должен быть присвоен и ассимилирован. Постмодернизм не обсуждает условий присвоения рамки модерна. И, собственно, в этой точке возникают две противоположные ориентации, одна из которых связана с демонтажем и сбросом категорий и представлений, полученных в Новом времени, а другая предполагает спуск к ядру, которое лежало в основе проекта Нового времени и во многом определяло его строение и структуру. Скажем, эту линию — движение к средневековому обществу как основе феномена организации всякой социальной жизни с представлением о храмовом синтезе искусств как своеобразном ядре этого общества — последовательно отстаивал и рассматривал П. Флоренский.

Можно утверждать, что за феноменами, обозначенными постмодернизмом, лежат важнейшие характеристики общественной жизни, которые характерны для американского общества. Именно это общество производит такое количество изменений, которое не может быть ассимилировано и освоено простым человеком. Но с другой стороны, как остроумно замечают его исследователи, американское общество разрушится, если оно не будет постоянно изменяться. Можно утверждать, что важнейшая характеристика постмодернизма — это спор и размышление вокруг проекта кардинального общественного изменения и о месте и форме организации сознания человека в этом пока ещё не выложенном или не до конца обрисованном проекте.

Различие и различение: проблематизация как различение и получение нового признания. Сознание, которое только фиксирует повторяемость и различия, перестаёт различать, формировать понятийно-категориальные различения и создавать новые знания. Важнейший вопрос, который принципиально стоит обратить к философам, относящим себя к постмодернизму, состоит в том, а как осуществляется познание с точки зрения их представлений. Остаются ли они верны идеям и требованиям познания, методология и техника которого входят в одно из ядер проекта модерна. С этой точки зрения, как нам представляется, важнейшим оказывается оппозиция различия и различения. Под различием мы понимаем выделяемую и фиксируемую сознанием разницу в воспринимаемых предметах, вещах, образах. Различением мы называем активный мыслительный акт, обеспечивающий дифференциацию знаний и построение нового понятия, которое и фиксирует результат в виде различения. За процессом и актом различения стоит процесс проблематизации имеющегося представления и знания. Если познающая общность и принадлежащий к ней субъект оказываются не способны осуществлять процесс познания и строить различение, они будут только фиксировать различия на основе восприятия и памяти. Поэтому важнейшим типом методологии и философии, которая будет востребоваться в подобной ситуации, будет философия эстезиса — восприятия разных представлений и возможностей. Один из важнейших вопросов, связанных с анализом данного направления, состоит в том, как конституирован и как организован коллективный субъект, общность, осуществляющая познание, и второй, вытекающий отсюда вопрос, как данная познающая общность вписывает себя в определённую традицию познания и относится к другим традициям. Здесь, как нам кажется, возможны три ответа на данный вопрос. Первый — попытка снятия всего множества традиций в одной единственной традиции, которая освоена данным коллективным субъектом. Это снятие может быть панлогическим — тогда мы имеем дело с различными разновидностями гегельянства, идеологическим, критическим, религиозным и т.д. Второй вариант состоит в попытке осуществить ответы на доступные и понятные вопросы, поставленные в других традициях с позиции собственной общности, осуществляющей познание. Эту вторую форму организации познающего коллективного субъекта можно было бы охарактеризовать как монизм в мышлении и плюрализм в коммуникации. Его реально очень трудно достичь, но как обозначаемый и декларируемый идеал он возможен. Наконец, третий вариант декларирует последовательную идею множественнос-

ти и равнозначности всех миров, которые манифестируют и представляют разные общности, осуществляющие познание. В случае последовательного осуществления этого третьего варианта мы получаем отказ от онтологического мышления и нас, прежде всего, начинает интересовать формы организации сознания, per se, и способы воздействия на него. Это не означает, что в двух выделенных других направлениях не представлено интереса *к* организации сознания и рассмотрению сознания. Этот интерес, безусловно, имеется и он прорабатывается. Но при двух предыдущих подходах сознание оказывается организовано и связано с задачами познающего или преобразующего проектирующего мышления. В данном же случае мы имеем дело исключительно с сознанием как таковым — воспринимающим, понимающим, переживающим, воображающим. Получается, что постмодернизм является конкретным абсолютным воплощением идеи множественности миров, заявленным К. Поппером, в котором идея множественности развивается до представления о равнозначности и равновозможности любых миров. Сама идея множественности миров — объективного мира, субъективного мира и мира идей и идеального — является невероятно продуктивной, если ещё и показывается, как в определённой ситуации на основе, скажем, нового идеального представления преобразуется объективный мир и меняется субъективный мир, то есть появляется нечто, что протыкает и пронизывает «вакуоли» разных миров. Или демонстрируется, что бесконечное разнообразие миров разных личностей, их неповторимость и несводимость друг к другу и бесконечная вариативность вдруг оказываются при определённых институционально-социальных или информационно-технологических условиях невероятно бедными и единообразными. Подобная идея равнозначной и обязательной множественности всех миров означает отказ от онтологического познания, нацеленного на проблематизацию и смену базовой предельной онтологии, то есть в конечном счёте от поиска истины в классическом традиционном смысле.

Сознание как единое поле-вместилище исторически разноудалённых дискурсов и понятийных парадигм» представленных одновременно, которые могут выкладываться в любом порядке» отказ от принципа тождества исторического и логического. Исходя из предыдущего пункта, становится понятным, почему для многих авторов, относящих себя к направлению постмодерна, принципиальным является возможность одновременного выкладывания очень многих дискурсов, принадлежащих к разным историческим периодам и эпохам, собираемым и группируемым одновременно в

едином поле. Подобная процедура позволяет избежать догматизма гегелевского толка, связанного с подведением того или другого автора под определенную логически обусловленную схему последовательной соорганизации исторических эпох. Но подобное выкладывание, усиливая момент одновременности процесса познания, которое заново может быть осуществлено из любой исторической точки, принижает момент исторической преемственности познания, в основе которого заложен простой факт, что познание в традиции последующего исследователя предполагает присвоение результатов деятельности предыдущего исследователя. Если, конечно, только не обрывается сама традиция, в этом случае процесс познания приходится начинать снова, с самого начала. Подобное паноптическое, подлежащее кунсткамерному обзору расположение разных форм и способов мыслительного движения позволяет превращать сложную институциональную форму познания множеством невидимых нитей, привязанных к определённой эпохе, всего лишь в форму последовательного линейного, иногда и многоуровневого рассуждения. Возникает ощущение, что любая историческая эпоха, присваиваемая через выкладываемый дискурс, может быть сведена к дискурсу без остатка. Таким образом, критикуемый гегелевский панлогизм и детерминированность понимания и познания исторически разных текстов заданной схемой, принадлежащих разным авторам, оборачиваются сведением институционального мышления и действия к коммуникации, дискурсам и нарративам. Последнее было метко названо О. Генисаретским «сказами».

Отрыв образа от практического предмета и ситуации — симулякры третьего уровня по Бодрияру. Наиболее ярко и значительно тот тип сознания, которое описывает и выявляет постмодернизм, проявляется в предлагаемых представлениях об отсутствии образца или предмета, по отношению к которому создаётся образ. В условиях сегодня специально организованных систем коммуникации оказывается возможным тиражировать образы, которые начинают существовать и жить самостоятельной жизнью. Подобное существование безобъектных образов или симулякров третьего уровня по Бодрияру создаёт совершенно новые условия для анализа форм организации и способов функционирования сознания. Возникает феномен текстов экстериоризированного сознания, которые существуют, тиражируются и действуют безотносительно к существующей ситуации. Они виртуальны и одновременно абсолютно реальны. Собственно, эти симулякры и образуют среду, в которой существует и действует сознание. Способ манипулирования и организации

сознания — это построение виртуальных симулякровых сред, в которых не может вообще ставиться вопрос об истине, но может ставиться вопрос о назначении и функциях данных симулякров. Разрастающаяся система вторичной образности и визуальности обособляется и перестаёт рассматриваться в качестве репрезентационных систем, некоторых существующих независимо и объективно практических предметов и ситуаций. Данные типы симулякров характеризуют не практический предмет и не ситуацию, но являются репрезентационными текстами сознания участников данных ситуаций и данных практических контекстов. Вокруг данных симулякрационных пятен — сред могут формироваться так называемые «вторичные общности», которые за счёт коммуникации поддерживают функционирование и существование определённых визуализированных образований. Данного типа симулякры могут становиться точкой отсчёта для самоопределения и предъявления себя.

Изменение теории идентичности и её фактуры — химеризация субъекта» условие обретение личностной формы и её проработка. Проблематизация устойчивости сознания, плывущий фокусный поток сознания. Одним из важнейших моментов данных групп представлений, которые могут быть отнесены к разряду постмодернистских теорий, является проблематизация представлений об идентичности субъекта. Вернее, происходящие изменения форм самоопределения человека в жизненном контексте и жизненном мире следовало бы назвать произвольной идентификацией. Основания данной идентификации могут выбираться любым самым невероятным образом, начиная от самоназначения себя на определённое место и позицию в виде своеобразного социокультурного самозванства и кончая любыми типами и способами отождествлений. Возникает такое подозрение, что средства массовой информации заместили и преобразовали на основе специфических шоу, хэппенингов, разыгрывающих фальсификаций культурное пространство идентификационных образцов. В этих условиях вопрос об аутентичности идентификации вообще снимается и решается исключительно силовым образом, на основе формируемого при помощи политтехнологий и пиартехнологий символического капитала. Важно убедить других в том, что твоя идентификация допустима и приемлема. Ставить вопрос о том, а насколько подлинным является назначение себя на определённую позицию, не представляется возможным. Единственное исключение составляют группы, которые противостоят постмодернизму как социальному явлению и жёстко отстаивают поддержание и сохранение традиции. С этой точки зрения, красивой моделью,

иллюстрирующей данное обстоятельство, является, например, выдвигаемая Ж. Делёзом, гипотеза о происхождении в истории мышления категории рода и вида. Происхождение категории рода Ж. Делёз рассматривает как своеобразное ристалище и коммуникативный поединок в подлинности и первородстве видов, претендующих на занятие место рода, на выявление в самих себе родовых характеристик, позволяющих подчинять себе другие виды. Своеобразной расплатой (а для многих сторонников постмодернизма преимуществом) за отказ от анализа и обсуждения принципов аутентичности идентификации личности является исчезновение феномена целостности личности. Человек становится произвольно вспыхивающим и движущимся фокусным потоком сознания. Какой-то новый симулякр берется в фокус внимания, и с ним человек может отождествиться без остатка, затем появляется новый симулякр и с ним произойдёт новое отождествление. Вопроса о соотнесении первого отождествления и второго не возникает. Жан Бодрияр называет подобное выделение симулякровых сред своеобразным феноменом «сателлизации» реальности, её своеобразным расщеплением. Спутники реальности существуют и движутся самостоятельно подобно самой реальности — будучи уверены в том, что они реальность.

Коммуникативная глобалистика как семантика обменов без производительного труда, продукта и преобразования. Проектирование инфраструктуры обменов. Обратная сторона веберовского «стального кожуха»—рецепиирующий датчик бесконечного числа вспыхивающих сигналов обмена. Возникает вопрос, а в рамках какого политического целого и возможно глобально-цивилизационного целого оказывается возможен подобный проект человека и его реализация. Ряд представителей постмодернизма определяют и выявляют основные условия данного проекта. В частности, Жан Бодрияр в целом ряде своих работ показывает, что существующее глобальное целое функционирует сегодня прежде всего как коммуникативное целое, как семантика бесконечного числа коммуникативных акторных обменов, где возможность обмена сигнала на сигнал определяет условия встраивания в поток, а возможность встроиться в поток является управляющим фактором по отношению к тому содержанию, которое предъявляется в структуре данных обменов. Эта абсолютно формальная и стирающая смысл предмета семантика обменов подчиняет своей логике процессы производства, распределения, воспроизводства, а также человеческое поведение, город, социальность. Сингалетный бинарный код по типу вопрос — ответ начинает определять способы и формы открытых возможностей

коммуникации. Основным законом становятся закон ценности знака и его специфическая репрессивная функция. Нетрудно заметить, что за так понимаемой структурой коммуникативной пластики стоит особая организация свободно движущегося и перемещающегося по миру финансового капитала, превалирующее и решающее воздействие которого на формы промышленного или инновационно-разработческого капитала сегодня очевидны. Не является ли предложенная Бодрияром модель особого типа мифологией выделяемого им предельного формата и оболочки. Не есть ли разрабатываемая оболочка Бодрияра тоже симулякр? Убедительность в том, что это не симулякр, а реальность, не появляется от того, что ему удаётся придумать и оживить сознание, которое движется внутри и прорабатывает эту оболочку. Проблема состоит в том, можно ли выдвинуть норму анализа подобных процессов и предложить альтернативный проект преобразования происходящего?

Информация и знание. Генезис категорий, знаний, письменности. Вопрос о нормировании общественных процессов, которые рассматривает постмодернизм, связан с двумя проблемами — возможно ли для постмодернизма и в какой форме познание, и какое значение придаёт постмодернизм преобразующему действию? Анализируя разницу между различием и различением, мы выше уже затрагивали первый вопрос. Но не маловажным моментом в определении формы познания, которая является ведущей для постмодернизма, является вопрос о самом существовании знания. Иногда складывается впечатление, что постмодернизм отказывается от модельно-онтологической функции знания, заменяя знание коммуникативным рассуждением. При этом редукция модельно-онтологической функции знания к коммуникативной не означает, что способы действия, процессы, даже категории, не онтологизируются и не рассматриваются в виде независимо существующих объектов, а не особых технических средств организации понимания, социального действия, которые и вызывают подобные эффекты и феномены сознания. Если же обращаться к выделенной выше Бодрияром семантике коммуникативных обменов как объемлющей реальности, то становится очевидно, что в матрице коммуникативных обменов вообще невозможно различать знание и информацию — там может, прежде всего, существовать и перемещаться информация. Постмодернизм не проделывает с этой точки зрения своеобразного метарефлексивного выхода, который называется трансиенденцией (Н.Г. Алексеев) и в классической философии, а также в неофихтианстве (Р. Лаут, Ф. Баадер) связывался с определением трансценден-

тальных условий знания, когда осуществляется рефлексивный выход за рамки сложившейся и устойчиво функционирующей формы организации мышления, которая оестествляется и превращается затем в предмет преобразования. Подобный процесс — или связка процессов (трансценденция вряд ли может представлять какую-то одну мыследеятельностную функцию, скорее всего, это связка самых разных функций — проспективного понимающего мышления, рефлексии, рефлексивного мышления, понимающей рефлексии и т.д.) играют важнейшую роль в социокультурном регилировании и подстройке процессов познания к социальной ситуации. С этой точки зрения, ответом на современные вызовы в виде телевидения, интернета, полит- и пиартехнологий должны являться теории метателевидения, метаинтернета, которые выявляют и определяют условия существования симулякров и манипулирования сознанием.

Как нам представляется, не случайно в работах различных авторов, которых относят к постмодернизму, особый акцент ставится на работе по реконструкции *генезиса* различных культурных образований — категорий (Делёз), языка и письменности (Деррида), социальных институтов (Бодрияр), в отличие от форм употребления этих социокультурных образований. Выдвижение радикальных, очень интересных гипотез, например, идея Дерриды о том, что в основе происхождения языка лежит не возникновение звучащей фонетической речи, а письменность как процесс оставления следов[1], или на нашем языке визуализирующие схемы, оставляет без ответа вопрос, какие выводы возникают из данного знания в актуальной ситуации.

Раздувание (инфляция) коммуникации и вытеснение проектного действия и чистого мышления. В рамках постмодернизма высшим идеалом выступают критические теории и подходы, с точки зрения которых любое проектное действие может быть проанализировано как политически ангажированное и утопичное. При анализе совершённого проектного действия обращение к исходному содержанию проекта до его реализации позволяет всегда выделить в нём ряд допущений, которые являются ошибочными, утопичными и даже абсурдными после его совершения и рефлексии. При подобном анализе мы имеем дело как бы с прочитыванием проектного действия вспять, из реализовавшегося будущего, ставшего настоящим, в прошлое, когда данное проектное действие ещё только замысливалось. Но тем самым, при подобном движении как бы

[1] **Этот процесс должна изучать специальная наука «ихнология» — наука о следах.**

осуществляется подрыв основания, на котором строится проектное преобразовательное действие. С данной точки зрения, позицию постмодернизма можно было бы сформулировать следующим образом: последовательный предельный критицизм против проектирования и проектного действия.

Если теперь объединить данную критику проектного действия с тем, что было сказано нами до этого про знание и процесс познания с позиции постмодернизма, то получается, что постмодернизм описывает и прокламирует такое состояние общественных процессов, при котором процессы коммуникации начинают вытеснять и замещать процессы действия в практических ситуациях и чистого мышления на основе идеализации и схем. Для того чтобы делать какие-либо выводы о том, к чему ведёт подобная тенденция, что происходит с человеком, его сознанием, социальными институтами, в которые включён современный человек, нам необходимо специальное средство, которое позволило бы осуществлять подобный анализ.

Подобным средством и является современный системомыследеятельностный подход или модель единицы деятельности по Давыдову (предложенная им незадолго перед смертью, которую он вырабатывал в дискуссиях с Н.Г. Алексеевым, Ю.В. Громыко, В.И. Слободчиковым) — единство действия обращения, воображения, мышления, рефлексивного мышления, преобразующего действия. Собственно подобное средство позволяет:

- различать действие, мышление, коммуникацию, понимание, рефлексию;
- контролировать, что происходит с мышлением и действием, когда разрастается коммуникация, всё заполняя собой;
- и что происходит с сознанием человека в общественных ситуациях, когда мы имеем дело с подобной коммуникативной инфляцией.

Данное средство в виде схемы необходимо для того, чтобы проиграть и проанализировать, как начинает работать сознание в процессах мышления, коммуникации, действия, если оно оказывается погребено под кодовой бинарно-реагирующей коммуникацей и бесконечным набором симулякров.

Вывод. Важнейший вызов с позиций постмодернизма по отношению к современной психологии, философии и теории политической антропологии — это новые требования на разработку и построение теории сознания как политически ассимилируемой и осваиваемой реальности на основе новых технологий управления.

Очень важно то положение, которое обнаруживает и демонстрирует постмодернизм. В современном обществе, организованном на основе современных технотронных технологий, воздействия на сознание и манипуляции, сознание как бы зависает и может начинать рассматриваться безотносительно к реальности, оно начинает обладать самостоятельным существованием. На основании данного представления может быть поставлена проблема манипулируемости сознанием. Эта манипулируемость может рассматриваться с точки зрения вторжения в сознание, в его оестествлённые, архаизированные пласты, и затрагивания тех слоев сознания, которые до этого не «размораживались», не трансформировались и не изменялись. Становятся возможными расшифровка внутренних полей сознания, вхождение в архитектонику их внутренней организации, прочтение полей сознания и их архетипики — и всё это для того, чтобы превратить сознание в предмет манипулирования и преобразования. Здесь же возникает вопрос: а на основе чего современный человек может быть защищен от подобных вторжений? Только на основе развития «сверхспособностей», позволяющих понимать, как устроена символическая среда манипулирования, и действовать в соответствии с выработанным пониманием. К подобным «сверхспособностям» могут быть отнесены: схематизация, рефлексия, понимание, самоопределение, трансценденция, рефлексивное мышление, понимающее мышление и т.д.

Перед нами налицо в дальнейшем возможное изменение важнейшего расчленения, определяющего предмет поиска и работы: не мышление и действие, не мышление и речь, но зависающее, самодостаточное, не отражающее мир сознание становится главным персонажем. В этой связи необходимы пересмотр функциональной психологии и разработка новой таксономии, классификации и разделения психических феноменов и процессов — то, что Генисаретский назвал в своих работах программой построения психоматики.

Часть вторая

АНАЛИЗ НА ОСНОВЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ РАЗЛИЧНЫХ ОБЛАСТЕЙ ПРАКТИКИ

ГЛАВА 8 От проектного к сценарному подходу: технологии капитализации индивидуального продвижения. Немного о сценировании

Основной поворот, начинающийся сегодня в формах работы с предпринимательским сообществом, с компаниями, с педагогическим сообществом[1], заключается в том, что произошло освоение терминологии и некоторых технологий проектной работы. На это ушло около 10-12 лет. Есть несколько разных центров отношения к проблемам проектирования. Сейчас на повестке дня все более плотное освоение сценарного подхода, возможности разрабатывать сценарии, их реализовывать. Это одна важная тема, на которой я остановлюсь.

Второй момент—это четкое понимание того, что одним из емких рынков становится рынок работы с человеческими ресурсами. Уже возникает конкуренция между HR-менеджментом и PR-группами. Возникают стыки соединения одного и второго. Поэтому проблема технологий, связанных с капитализацией человеческих ресурсов — сначала с формированием человеческого потенциала, потом его перевода в капитал, — составляет второй важный концентр анализа, обсуждения и рассмотрения самых разнообразных подходов.

Обсуждая проблематику проектного подхода, нужно сказать следующее. Проектный подход связан с тремя важнейшими моментами.

Первый момент. Для проектного подхода характерно обязательное формирование разделения ориентации на прошлое и будущее с точки зрения сознания. Это, в том числе, выражается в возможности у людей, у самого себя различать и формировать ретроспективную и проспективную рефлексию. В одном случае наше сознание повернуто назад и мы, прежде всего, занимаемся анализом того, что мы выясняем сложившуюся картину, часто неприглядную, небла-

[1] См.: Громыко Н.В., Громыко Ю.В. Сценирование в мыследеятельностной педагогике // В коллективной монографии «Пушкинское слово». — М.: Пушкинский институт, 2003.

гоприятную, и выявляем основные характеристики, сложности и разрывы, сложившиеся в этой картине. С другой стороны, это проспективная рефлексия, это возможность на основе картинки, происходившей в прошлом, сделать прыжок в будущее. Несмотря на, казалось бы, тривиальный характер этого различения, оно является невероятно креативным, причем на всех уровнях: на уровне консультирования менеджеров, на уровне подготовки ответственных правительственных докладов. Потому что очень часто людям сложно это контролировать, и они, как правило, обсуждая ситуацию, обычно проваливаются в констатацию сложившегося положения дел, и поэтому организация проспективного сознания ответа на вопрос: в чем может заключаться шаг перехода в ближайшее будущее, — такой казалось бы элементарный шаг, за которым уже можно отдельно обсуждать, с антропологической, психологической точки зрения, достаточно серьезные и сложные перебросы и перескоки, когда действительно нужно осуществить переход в совершенно другую плоскость, оказывается чрезвычайно сложным. Одно дело, когда мы обсуждаем, что сегодняшняя капитализация всей рыбной отрасли — это приблизительно один миллиард долларов, и поэтому становится как-то неловко всерьез обсуждать рыбную отрасль. Но мы при этом забываем, что совершенно другой вопрос, скажем, это вопрос о том, какой реально может быть при определенных механизмах и условиях капитализация рыбной отрасли, где надо высчитывать и обсуждать рыбный ассортимент, имеющийся на столе российского потребителя, который ест рыбу, и как рыба дошла до стола российского потребителя через норвежцев, финнов, китайцев и т.д., где возникают совершенно другие механизмы анализа и возможностей. Проделывание самого этого переключения, где можно продемонстрировать и показать, что при том или ином анализе ситуации человек сохраняет ориентацию на прошлое, то есть на данность, на то, что случилось, на то, что существует, имеется, а совершенно другое — это актуализация проспективной рефлексии, если она у человека есть. Потому что, если у человека нет проспективной рефлексии, то дальше возникает другой вопрос — как ее формировать. С точки зрения этого определения можно было бы сказать, что проект — это не что иное, как специальным образом оформленная проспективная рефлексия, связанная схематизмом перехода из прошлой ситуации в будущую. На методологической, достаточно известной, тривиальной, банальной схеме, за которой стоит достаточно много очень сложных механизмов, это обозначается следующим образом *(см.* схему 25):

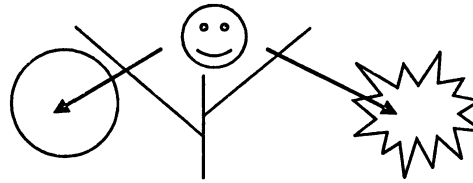

Схема 25.

С одной стороны, у нас есть ретроспективная рефлексия, которая занимается анализом обстоятельств и состояний ситуаций в прошлом, а совсем другое дело — это вопрос о формировании проспективной рефлексии, которая может начать прорисовывать то, что будет происходить с будущим.

Почему я говорю, что при всей тривиальности схемы за ней есть масса очень сложных моментов? Например, на этой схеме можно обсуждать форму встречи человека со своим будущим. Если будущее связано с актуализацией проспективной рефлексии, то именно в этом контексте работают все, казалось бы, мистические или мифические утверждения, которые делали и Герцен и Толстой, говоря, что будущего нет, потому что мы его делаем. Если у человека нет проспективной рефлексии, то у него нет будущего. Он никакое будущее не простраивает и, следовательно, живет в чужих будущих, простраиваемых и организуемых другими людьми. Это первая отбивка, характеризующая проблематику проектного подхода.

Второй очень важный момент. Я стою на позициях, что проектирование — это всегда оргпроектирование. Даже в тех случаях, когда мы анализируем дизайн-работу, то есть изготовление вещи, или конструкцию вещи, то за художественным конструированием вещи лежит деятельность проектирования, это означает, что была проделана определенная работа по созданию оргпроекта. Этот оргпроект может быть выражен в конструкции некоторой вещи. С этим связаны первые удивления советских дизайнеров, когда Георгий Петрович Щедровицкий организовывал конференцию по дизайну и приезжали американские дизайнеры. Их спрашивали: «Чем вы занимаетесь? В чем ваша профессия?» Они отвечали для наших дизайнеров очень странно. Они говорили: «В принципе мы можем осуществлять дизайн чего угодно — от освещения до походки сенатора». Это было совершенно непонятно, потому что в советском дизайне не различалось художественное конструирование и проектирование.

Проектирование предполагает формирование будущей оргструктуры, либо позиционной оргструктуры, либо какой-то иной оргструктуры, которая и является характеристикой, выражающей содержание и материальность проекта.

Возникает представление, что результатом оргпроекта являются мегамашины или машины из людей. Если нам важно спроектировать некоторую работу, то нам важно построить позиционную мегамашину, то есть ответить на вопрос — какие позиции должны быть соорганизованы для получения качественно нового продукта. Качественно новый продукт — это, как правило, позиционная машинка из людей, где эти позиции должны быть соединены и связаны на получение определенного продукта. В результате может быть изделие (отсюда возникают сложности и трудности) или концепция, написанная на бумаге. Но для того чтобы возникла эта концепция, в ходе работы должны быть установлены связи; в том случае, если это концепция, то коммуникативные связи, в том случае, если это изделие, то в том числе производственные связи между набором позиций, которые до этого никак в пространстве не были связаны.

Если разработать соответствующую программу и концепцию капитализации биоресурсов Дальнего Востока, то для этого необходимо построить оргпроект взаимосвязей рыболовов, судостроителей, тех, кто может заново восстановить промышленность по рыбной переработке, маркетологов и продавцов рыбной продукции. Как только мы начнем это прикидывать на бумаге, то станет понятно, что тут возникают огромные трудности, потому что заставить рыбаков из природной ренты оплачивать разработку и создание рыболовецких судов в принципе невозможно. Произошла самокапсуляция определенных групп, которые выжили и живут на условиях, в том числе, присвоения части природной ренты. Включить их в социально-кооперативные связи представляется достаточно сложно и трудно.

И последний, **третий момент** заключается в том, что проектирование важно различать с рядом находящимися типами деятельности, прежде всего, с исследованием и конструированием. Предметом проектирования является оргпроект или организационная конструкция из людей, которую надо создать. Предметом исследования является новое знание, получаемое либо на моделях, либо за счет проблематизации онтологической картины, но это всегда новое знание. Предметом конструирования является создание некоторой конструкции, которая собирается из элементов структуры. В этом ряду важно

отличать проектирование, связанное с построением оргструктуры из людей. Чаще всего в методологическом оргпроектировании используются позиционные схемы — это выделение позиций, которые должны быть приведены во взаимодействие. Но если мы переходим в структуру промышленного проектирования, бизнес-проектирования, то эти конструкции могут быть другого типа, то есть это могут быть, в том числе, организационные конструкции, то есть организационный дизайн, который создается и осуществляется.

Это моя характеристика важнейших моментов проектирования как типа мыследеятельности. Существует много разных техник. Некоторые считают, что проектирование обязательно надо подпирать прогнозными тенденциями и трендами. Есть другого типа техника, что проект для того и создается, чтобы проотрицать имеющиеся тренды. Основное отличие прогноза от проекта, прогнозирования от проектирования заключается в том, что при всяких оговорках прогнозирование — это попытка продлить в будущее некоторые сложившиеся, прошлые механизмы. На этом строится прогноз в любом случае. А тут уже могут быть разные техники. Вы можете, наоборот, создавать проектную конструкцию, которая будет действовать вопреки и против намечающимся прогнозным тенденциям, которые актуализируются и развертываются. Дальше все зависит от ваших возможностей, ресурсов, поддержки и так далее.

Если занимать позицию прогнозиста, то, с его точки зрения, когда мы обсуждаем сценарный подход, мы претендуем на то, чтобы менять тренд. Когда вы раскритикуете прогнозную методологию как форму экстраполяции прошлого в будущее и скажите: «Я на самом деле против этих трендов». Он ответит: «О, так на самом деле вы выходите на другой, более хитрый тренд». Здесь всегда есть определенного типа развилка и коммуникативная дискуссия. Возникает вопрос: а был ли у прогнозиста этот другой тренд, пока я не построил этот новый проект? Если его не было, то можно сказать, что он так объясняет себе результаты мой сценарной и проектной работы. И никакой независимой формы выхода в будущее у него нет. В отличие от него я строю некоторое нестандартное действие в данном контексте.

Проекты смогут попадать и в существующий тренд. Но здесь есть большое отличие, заключающееся в том, что поскольку проект дальше надо реализовывать, то в отличие от прогнозных ходов проект предполагает дальше действие. Это стоит за реализацией проекта.

Мое видение, все, что я говорю, — это некоторая субъективная точка зрения, но дальше я бы очень жестко сказал, что никакого

другого перехода в будущее и формирования будущего в принципе у человечества нет. Никакого другого я не знаю и готов любую точку зрения рассмотреть, кроме формирования некоторых организационно-позиционных машинок из людей. В этом лежит ресурс основных ходов и переходов в будущее. Этому сейчас очень сопротивляется накопившийся в нас за 10 лет российский индивидуализм, который уже потихоньку перекрывает американский индивидуализм. Но, с другой стороны, все основные решения лежат в создании здесь нестандартных схем сценарного взаимодействия между независимыми игроками.

Я рассказал П.Г. Щедровицкому одну из любимых баек одного из моих учителей — Побиска Георгиевича Кузнецова, выдающегося российского ученого, друга Эвальда Васильевича Ильенкова, который получил полидисциплинарное образование XXI века. Когда его спрашивали, в том числе американские и немецкие коллеги, где он получил такое образование, он говорил, что он получил его в ГУЛАГе. Была сложная история, как его посадили. Он хотел как следует изучать Маркса, и поэтому ему пришили антикоммунистическую пропаганду. Бараки, в которых он сидел, состояли из одних академиков. Поэтому основное, чем люди там занимались, это междисциплинарные споры, решение всяких проблем, сразу с указанием на ссылки, что надо читать, на какой странице это сказано, любимые друзья Вернадского, биохимики, физики, гумилевцы, этнологи, этнографы и так далее. Его больше всего поразила ситуация с приездом Берии. Когда Берия приехал в их шарашку, то один из академиков задал Лаврентию Павловичу вопрос: «Лаврентий Павлович, а кто мы?» Берия сказал: «Как кто вы? Вы самые уважаемые в стране люди, ученые, вы наш мозг». Видимо, перефразируя ответ старого большевика, которого когда спрашивали — вы член партии, отвечал — я ее мозг. Он тоже им сказал — вы мозг. Они тогда недоуменно спросили: «Лаврентий Павлович, а почему тогда мы здесь?» Он сказал: «Потому что вас в Москве собрать невозможно». С этой точки зрения, при всех ужасах ГУЛАГа ситуация заключалась в том, что создавались и строились мегамашины из людей варварскими и дикими формами, как у нас это бывает, но в принципе очень четко понималось, что принципиально новый качественный продукт заключается в возможности соединить и сблизить принципиально разные позиции, заставить работать людей на одну задачу.

Но здесь есть одно отличие или одна уловка. **Вы все равно правы,** и здесь все различия продолжаются. Если я могу нарисовать позиционную схему, то я могу мыслительно имитировать работу этих

позиций. Поэтому здесь есть еще такая возможность. Я могу сделать машинку из людей, по крайней мере, до тех уровней, до которых позволяет делать эта работа, то есть если мне надо создать технологическую конструкцию, то мне не удастся за счет чисто мыслительной имитации это продолжать. Но на каких-то уровнях, где существует возможность подложить, подсунуть методологический проект и его капитализировать и продать, это можно делать небольшой группой и в одиночку. Но на тех этапах, где осуществляется переход к реальной технологии, возникают все проблемы кооперирования, взаимосвязей и взаимодействий.

При переходе к реальной капитализации, при возможности продемонстрировать некоторый принципиально качественно новый продукт или новые возможности, то есть на этапе предпродаж, это в принципе возможно. Предпринимательский проект возникает, прежде всего, за счет того, в отличие от бизнес-проекта, где выявляется, во-первых, неучтенный ресурс, возникает конструкция принципиально нового продукта и начинают решаться, в том числе, правовые вопросы распилки этого ресурса. Это единственный механизм, на котором четко можно показать, как осуществляется сам переход из прошлого в будущее.

И там и там осознается, что возникает целый класс задач, определяемый не готовым субъектом, четко осознающим свои потребности, которому можно осуществить продажу некоторого принципиально нового продукта. Проблема заключается в том, что продажа нового PR-продукта или некоторой концепции, имиджа связана с необходимостью сдвижки этого человека. А если возникает вопрос сдвижки, капитализации сдвижки, то это должно произойти реально. У него должен выявиться интерес, должен возникнуть мотив на некоторую цель, он должен захотеть. Как говорят очень многие: «Осуществить продажу продукта не удается, потому что клиенты ничего не хотят». А ничего не хотят, потому что не знают, чего вообще хотеть. Возникает с другой стороны вопрос о мотивации, надо чего-то там внутри искать, какие-то мотивы, чуть ли не до пяток доходить, залезать в пространство бессознательного, казалось бы, но на самом деле проблема заключается в другом. Фактически человека надо вытягивать в возможность сдвижки и взятия следующего рубежа и позиции. Вопрос о том, чтобы его в нечто втянуть и заставить сдвигаться, это вопрос человеческих ресурсов, где эту сдвижку можно организовать.

Есть другая тема, которая медленно осознается, но граница возможностей, PR-технологий произошла на последних выборах прези-

дента Буша. Две приблизительно равные политкоманды, за приблизительно одинаковые деньги, на основе приблизительно одинаковой технологии могут довести нацию до шизофрении. Если у вас нет субстанциального основания, за которое вы цепляетесь и которое начинаете выражать, то и понять, почему то или иное предпочтение, невозможно. Эти предпочтения лежат в других характеристиках и возможностях. Вы попадаете в ситуацию некоторого коммуникативно задаваемого и формируемого произвола. Это проявляется, скажем, совсем в другой области, которая сейчас очень сильно в Штатах развивается, — это эдбастеры (adbusters), то есть рекламобойцы. Можно посмотреть в книжке Кляйн, ее недавно перевели, она называется «No logo». Там показано, что уже достаточно давно существует движение на Западе, где люди называют себя рекламобойцами. Они ставят специальную задачу взрывать и стирать рекламное воздействие за счет его специальной дискредитации. Появление такого типа технологий говорит, что выборы президента Буша, когда вся страна в результате выбрала ментально дифициентную высшую фигуру, это действительно прецедент. Достотачно посмотреть сайт известного европейского интеллектуала Эко, который специально записывает высказывания Буша и показывает, что это просто дебил, то есть человек с умственной дефициентностью. Но вокруг этого были самые горячие сражения, люди чуть не порезали друг друга во Флориде. Из этого следует, что выпущенная на откуп данная технология, не имеющая под собой основ, приводит к тому, что человек, группа людей могут стать на пустом месте шизофрениками. Возникают споры, описанные Свифтом, про тупоконечников и остроконечников. Люди на пустом основании могут начать резать друг друга, кричать: «Нет, только тупоконечность! Тупоконечность — это абсолютно идеальная форма!» И так далее.

Очень важно понимать, что никакого сидящего в животе мотива нет, который механически проявляется и вас куда-то зовет. Есть работы начала XX века, которые опубликовали в основном неокантианцы, например, Наторп, в которых показано, что все игры с мотивами, которые создала, прежде всего, британская психология, появились как ущерб и деффициентность с постановкой целей и формированием смысла будущего. Поскольку осмыслять будущее и ставить цели трудно, то эту всю непроделанную работу загоняют внутрь человека и говорят: «Сейчас в вас такой мотив говорит».

Но за этим стоит реальная проблема, про которую я и говорю. Для того чтобы формировать имидж человека как средство его дея-

тельности, нужно добиваться того, чтобы он сделал сдвижку, в том числе ставил цели, осуществлял некоторый шаг. Такие технологии есть, они известны. Один мой друг, успешно занимающийся PR-компаниями, политическим PR-ом, говорит: «У меня особая технология. Она заключается в том, что клиент вообще не участвует в PR-компании. Я все за него делаю, все представляю». Я заинтересовался и говорю: «А как ты потом осуществляешь сшивку того, что ты накреативишь, — его образов и его самого?« Он говорит: «Очень просто. Важно, чтобы он с самого начала понимал, что он рискует 25-30 процентами своего дохода. Если он понимает, то все, что происходит помимо него, вызывает у него страшное чувство напряжения. Если это не совпадет, то это будет, может быть, малого, может быть, среднего уровня трагедия. Поэтому с сопереживанием все нормально».

Реально за этим стоит вопрос реальной сдвижки, обеспечивающей продвижение, то есть сдвижки компетенций, которые могут быть потом капитализированы.

У краткосрочного, среднесрочного и долгосрочного проектирования есть свои диапазоны и возможности. Мы в России живем в таких условиях, когда у нас нет ни доктрины России, ни четкого понимания её интересов. Но теоретики этого дела, и я с ними согласен, утверждают, что чем более долгосрочная перспектива, тем она должна быть не более абстрактной, а сложнее и эшелонирование простроена. Это и есть борьба за ресурсы, которая ведется уже сейчас.

Вообще нужно различать краткосрочные, среднесрочные и долгосрочные проекты, которые находятся друг с другом в разных модальных отношениях. Для разных коллективов и разных корпораций это разные сроки. Если создавать абстрактный проект на неопределенное будущее, то он просто не будет работать.

Очень важна масштабированность времени, прежде всего, того с кем работаешь, их возможностей. Может быть краткосрочный проект, период которого месяц.

Мне представляется, что на уровне страны проекта не может быть, и я сейчас попробую объяснить почему.

Есть еще одна важная особенность проектного метода, который был точно выявлен одним из моих соратников, умершим в прошлом году, замечательным методологом Никитой Глебовичем Алексеевым. Первая программа Георгия Петровича Щедровицкого «О путях исследования мышления как деятельности» написана в соавторстве с этим человеком. Он утверждал следующую важную вещь проектного подхода. Проектный подход — это такого типа форма работы, при

которой замысел никогда не совпадает с реализацией. Проект устроен таким образом, что то, что мы замыслили, никогда точно не совпадает с тем, как мы реализуем. Именно это позволяет утверждать, что проектный подход является новой альтернативной формой познания и исследования. До этого триста лет человечество считало, что единственной формой познания является исследование. На этом построена немецкая классическая философия. XX век и его основной вызов, прежде всего, через разные формы инженерии, стал показывать, что существует другая, не менее мощная, интересная и равновозможная по целому ряду основания форма познания — проектирование и проект. Создавая проект и опуская его в некоторую ситуацию, получаем набор новых характеристик, которые мы не могли предусмотреть, создавая этот проект. Более того, возникает утверждение, что в том случае, если замысел абсолютно совпадает с реализацией, то это не проект и его проектировать не надо.

Здесь возникает серьезная сложность, которая, с одной стороны, связана с вашим вопросом, может ли существовать проект «Россия» как проект, а с другой стороны, это прямой вопрос о проблеме корпоративного предпринимательства. Когда центров создания возможных проектов несколько, когда есть несколько групп или несколько людей, имеющих собственный проект и стремящихся его реализовать, мы признаем, что проект — это всегда организационный проект, то у нас возникает ситуация, где начинают сходиться и сочленяться несколько разных перспектив, спроецированных на единую ситуацию.

Здесь начинает вступать в силу другого типа логика. В этом случае у нас меняется проекция того, что нам приходится обсуждать. Представим, что у нас есть ситуативный обвод, в котором имеется несколько человек, у которых есть конструкции по поводу того, что необходимо делать, но эти конструкции принципиально разные, за ними стоят их разные интересы и разные особенности.

Если я, не обращая внимания на других, начинаю жестко накладывать свою конструкцию, то у меня начинают возникать дисфункции. В тот момент, когда я начинаю понимать, что мне надо разбираться не столько со своей конструкцией, которую я создал, сколько с обводом, в котором я нахожусь, и есть еще другие существа с другими конструкциями, то мы переходим из ситуации проектного подхода к проблеме сценариев. В этом случае единицей работы является не некоторое имеющееся у меня мыслительное представление, как должна быть устроена машинка из людей, а совершенно другое — анализ того, что происходит в данный момент и сейчас в том взаи-

модействии, которое является ситуацией. В этом случае я попадаю в ситуацию и основной единицей работы и анализа является ситуация. Отсюда возникает проблематика ситуационного анализа и анализа ситуаций, но факт заключается в том, что собирающей в этом случае конструкцией должен и может быть сценарий. Мне надо осуществлять сценарную проработку, связанную с вопросом о том, как связать и зашнуровать людей с их разными интересами, в том числе с их разными проектами, потенциально возможными проектами. Это становится предметом моей тщательной проработки.

С этой точки зрения, проект «Россия» невозможен, потому что мы выбрались на уровень достаточно диверсифицированных интересов, где необходимо учитывать множественность сценариев, уже выложенных и спрятанных, проводимых подпольно и тайно. Сценарная форма и сценарные решения разных ситуаций необходимы и возможны. Это проблематика, прежде всего, переговорных процессов, их специального стимулирования. Здесь возникает целый ряд достаточно сложных вопросов и моментов. Для того чтобы перейти к организации ситуаций, мне надо определенный набор участников втянуть и выявить их интересы, имеющиеся проекты и превратить это в предмет работы.

Если переводить эту проблематику в проблематику бизнеса, то это тот случай корпоративного предпринимательства, где предприниматели начинают понимать, что каждый из них может быть включен в предпринимательскую схему другого. Обычно это граница, на которой, как правило, происходит развал коллектива как предпринимательской корпорации. С этой точки зрения, так устроен project management. Американский project management как стандарт предполагает, что у некоторой организации, корпорации всего один предприниматель, который может создавать схему нестандартного предпринимательского продукта. Вопрос о том, как быть, если их там возникает два или три, в project management не обсуждается. Там для этого нет места, тогда сыпется вся алгоритмизация, это становится невозможным. Это та ситуация, где в корпорации, в группе, в коллективе возникают два-три самостоятельных существа, каждый из которых может разрабатывать схему и дальше он может другого человека в эту схему включать и показывать, каково его место. Здесь начинается вся проблематика рефлексивных игр — возможности разыгрывания и обыгрываний, с одной стороны (рефлексия вещь бесконечная), с другой стороны, есть жесткий вопрос — это проблема ресурсов. Ресурсы очень ограниченные и небольшие.

Вся эта проблематика выявляет, что, с точки зрения создания и просчета сценариев, проектный подход при всей его эффективности и мощности оказывается абстрактным. Для тех людей, у которых есть проекты и приход в некоторое сообщество, надувание щек и заявление, что у меня точно есть проект, это ничего не означает, потому в сообществе могут быть еще проектировщики. А вот после выявления ситуации начинается проблематика выявления границ ситуации, принятия разговоров и, наоборот, уходов от них, рефлексивных техник включения в свою схему предпринимателей и, наоборот, ухода и закрывания схемы и другие возможности, которые характеризуют сценарный подход и собственно разработку сценариев.

Сообщество представителей системомыследеятельностного подхода проекты делать научилось, и проектов много. Их качество разное. Есть совершенно бессмысленные проекты. Есть очень осмысленные и содержательные проекты. А вот осуществлять сценарную работу, где все встает заново, надо договариваться, надо формировать контур. Работа с топ-менеджером в любой корпорации — это проблема выяснения всех этих отношений, всего набора вопросов, связанного с тем, как считаются предпринимательские схемы, как они складываются. Мне понятно, что здесь как раз абсолютно ничего не отработано. Люди просто по факту притираются, либо распадаются. Это осуществляется на уровне семейных отношений. Здесь и лежат все основные сложности. Перейти от хоть как-то прописываемых и выявляемых проектов к анализу того, как устроена ситуация, как там выстраиваются взаимоотношения между основными игроками, достаточно трудно.

Здесь эти механизмы сборки под проект начинают расходиться. Если я попадаю в ситуацию, где становится четко понятно, что мне упаковать носителей других проектных полаганий не удастся, а в каких случаях это оказывается? Если человек не умеет проектировать, не владеет проектной способностью, он принес чей-то чужой проект, с трудом его запомнил, говорит: «Вот у меня проект», то его упаковать особой сложности не представляет. Ты просто выявляешь границу его представления и компетенции. Но чаще происходит что? Человек приносит какой-то **проект, говорит: «Вот у меня** проект», **ты с** ним **начинаешь разбираться, а дальше оказывается, что это просто, так сказать, посланец из космоса некоторого фокуса автономного проектирования. Нужно договариваться не с ним, он просто переговорщик, а с кем-то другим. В обстановке, когда есть** люди, **которые постоянно осуществляют проектные полагания, то**

загнать их в свой проект невозможно. Потому что это живая деятельность. Это то, что Глазычев давно пытался обсуждать, но архитектурное сообщество глухо к тому, что из себя должна представлять проектная коммуникация в случае сопроектирования. Когда вы что-то намечаете, я что-то намечаю, но поскольку мы автономные фокусы проектного полагания, то я сразу корректирую свое сознание относительно того, что услышал, и строю свои ходы. В этой ситуации становится очевидно, что загнать вас мне в свою проектную конструкцию, даже если я назову это метапроектом или мегапроектом, не удастся, потому что вы проделываете тот же самый ход. Тогда мне придется разбираться с ситуацией. У меня предметом будет не мыслительная конструкция, мой проект, а ситуация, в которой мы с вами находимся. Мы построим схему корпоративного предпринимательства, то есть мы наметим корпоративный контур нашего совместного, успешного действия. Для этого нам надо будет разрешить ситуацию. В одном случае моим предметом является мыслительная конструкция — проект, в другом случае моим предметом становится ситуация, в которой я нахожусь, где есть точки независимого автономного проектного полагания и ходов. Я тут согласен, что с этим надо быть осторожнее, как в организации, так и в ситуации. Если я прихожу в ситуацию, а в ситуации таких фокусов нет, ни у кого нет проектов, то зачем такой сложный сырбор городить? Надо просто разработать проект, предложить его.

Но уже в тех постановках, которые были правильно заданы (и с рыбой так произойдет) и в массе вещей на подобных плацдармах эти точки самостоятельного проектного целеполагания существуют. Их не удастся упаковать в свою конструкцию какой бы хорошей она ни была. Произойдет даже противоречие. Чем лучше я буду это запаковывать, тем это будет вызывать большую злобу и недовольство. Вроде, я лучше и лучше строю, а почему-то другие люди начинают сердиться.

Проект — это только одна точка устойчивости. Я приведу такой интересный пример. В свое время Вадим Леонидович Цымбурский специально анализировал, как менялась военная доктрина в 50-60-е и поздние годы, когда изобрели сначала атомную, а затем водородную бомбу. Он говорит, что в какой-то момент американцы четко сообразили, что ядерное оружие не может являться оружием. Это такое странное оружие, использование которого убивает тебя и весь мир. По его расчетам, они сообразили это раньше нас. По документам. Поскольку ядерное оружие не является оружием, оно является ограничивающим фактором, то в этой рамке что-то

другое должно стать оружием. Ядерный фактор в доктрине «Взаимно обусловленное устрашение» (или сдерживание) менялся на другой предмет, например, сознание жителей на другой территории. Не идея захвата территории, не возможность сбрасывания ядерного оружия, а возможность сдвижки сознания противника.

Здесь точно так же. Проект у меня есть, но поскольку есть другой человек со своим проектом, то проект выступает ограничением разрешения нашей ситуации. Ситуация простая — мы либо вступаем в конфликт, договориться не можем и идем своими дорогами. Это будет означать, что эти проекты надо будет выбросить в ведро. Проект выявил, что я нахожусь на некотором гнезде, кластере зацепления многих разных интересов. Либо я перехожу в совсем другую область. Я считаю, что проект есть, он фиксирует мою позицию, как и проект другого участника его позицию. А разбираться мне надо с ситуацией, в которой я оказался. Для этого и нужен сценарий взаимных действий и взаимных решений. Что там надо будет сделать для возникновения сценария — это другой вопрос. Я пока обсуждаю более простую вещь.

Я обсуждаю границу проектного подхода и сценарного. Сценарный подход возникает в том случае, когда я оказываюсь во взаимодействии с носителями других возможностей проектной работы. Это я отличаю от ситуации, когда никаких других носителей возможности этих проектных полаганий нет. На языке бизнеса — я единственный, кто может разрабатывать предпринимательскую схему, других людей нет. Я могу, конечно, себя запутать, говорить: «Потенциально они все смогут, они хорошие», но точно знаю, что никто не может.

Важно, чтобы у людей не исчезало представление о будущем (это еще более мерзкая ситуация), потому что в этом есть огромный смысл деятельности проектирования вообще. В том случае, когда у людей нет представления о будущем, то общности начинают гнить и разрушаться. Поэтому может произойти промах на первом этапе. Я считаю, что в данном сообществе огромный набор проектных целеполаганий, а там их просто нет. Тогда, если я буду их ждать, а не просто предложу свой простенький проект, что надо делать, то все закончится **очень печально.**

Но я обсуждаю какой случай? **Сценарный подход начинается** с **того момента» где я сцепляюсь с людьми, которые являются центрами автономных проектных полаганий. Они могут это делать и делают в** живом, **реальном времени. Они не являются носителями** чужых проектных **идей. Я прихожу, предлагаю людям проект. Они говорят:**

«У нас тоже проект». Выкладывают, но на самом деле они в этой ситуации не являются автономными субъектами автономных целеполаганий, притащили чьи-то чужие проекты, что-то накомпелировали. Это проявляется в коммуникации и взаимодействии.

Но в том случае, когда я попадаю в ситуацию, где я оказываюсь сцеплен с людьми, являющимися автономными центрами проектных полаганий, то есть это означает, что они могут моментально корректировать свой проектный ход, услышав, что предлагаю им я или кто-то другой, то в этих случаях пытаться загнать людей в собственную проектную конструкцию невозможно. Предметом работы должно стать совершенно другое — собственно сценарий разрешения ситуации.

А исходные проекты либо скорректируются, либо забудутся вообще, либо они окажутся входными билетами в этот мир, как изобретение ядерного оружия привело нас в другой мир. Фрайхер фон Хейд (он командовал особой парашютной группой у Гитлера, Нюрнберга избежал, был другом Канариса, а потом занимался военной доктриной в Мюнхене) в 70-е годы написал интересную книгу, которая называлась по-немецки «Маленькая война», а по-английски «Неправильная война». В ней он утверждал, что военная перспектива конца XX — начала XXI века — это не ядерный Армагедон, его не будет, а маленькие террористические войны без дна. Это такие войны, где не будут действовать никакие договоренности, что с человеком можно будет делать все, можно будет шантажировать правительство и других людей. С этой точки зрения, изобретение ядерного оружия явилось входным билетом в тот мир, в который мы попали. Никто его не употребляет, хотя оно есть, думают: «А вдруг, можно употребить?». Или возникают ходы, прокачиваемые сейчас вовсю американцами, начиная с Сербии. Это так называемые «маленькие ядерные заряды». Но реальностью становится совершенно другой тип войны — террористическая, маленькая война.

Так и здесь. Наличие проектной перспективы, которая задает мою позицию и возможность участия в разговоре с другим. В проекте я фактически прорабатываю собственную идентичность и свои цели. Они там зафиксированы. Но дальше оказывается, что для разрешения ситуации мне надо выстроить коммуникативную конструкцию взаимодействия с теми, у кого есть такая же идентичность и такое же видение перспективы будущего. Здесь требуется специальная сценарная работа. Например, то, что мы немного обсуждали при контакте с людьми, которые заказывают конференцию по ПТЭКу, та же ситуация с китайцами сегодня. Здесь очень нужны ходы, свя-

занные со сценированием, со сценарным подходом. Пока никакого сближения и возможного коммуникативного познания и распасовок с людьми, разрабатывающими предпринимательские схемы на основе китайских стандартов и представлений о нас, о нашей территории, пока не произошло. Именно здесь нужен целый ряд сценариев. В том числе сценарий знакомств, сценарии, позволяющие выявить целый ряд допущений по поводу другой стороны. Как мы друг друга понимаем, что мы принимаем, что отрицаем, в какой мере у нас уже есть заготовленные стереотипы в отношениях друг с другом и так далее. Здесь целый комплекс серьезных работ обустройства такого типа площадки.

В целом ряде важнейших моментов, где мы полагаемся на проектные схемы, например, переорганизация и обустройство рыбной отрасли на Дальнем Востоке, за этим должны стоять специальные сценарии связывания разных сообществ, которые могли бы вступить во взаимодействие друг с другом. Дальше можно было бы выяснять, какие за ним стоят ресурсы. Из этого же возникает целый ряд важнейшей информации и знаний о том, какой тип ресурсов является неучтенным, который должен быть здесь использован и т.д.

Я в данном контексте не обсуждаю, что нужно замысливать проект. На мой взгляд, сценарная работа начинается с того случая, когда проект у вас есть. В Филадельфии спрашивают у дамочек: «Откуда у вас шляпки?». Они отвечают: «Они у нас просто есть». Вот приблизительно тот же случай. Разговор про сценарий начинается с того момента, когда проект у вас просто есть. Если вам надо его замысливать, долго строить — это другой случай, это тоже интересно. Это первый момент. А второй момент, ситуация сценирования — ситуация игрового противоборства и выяснения рефлексивных отношений. Нет такого случая, что все прямо начинают радоваться и строить сценарий. Здесь действует другой известный анекдот, который любил рассказывать Ильенков. «Человек один пришел в зоопарк и долго читал, что ест «слон». Оказалось, что он в день съедает 30 кг свеклы, 20 кг моркови, 10 кг капусты. «Неужели он все это может съесть?» И рядом подметающий дворник сказал: «Да съесть-то он съест, но кто же ему даст-то?» Здесь приблизительно действуют те же самые обстоятельства. Выход на проработку сценария, это в том числе силовые отношения. Это проблема корпоративного предпринимательства, потому что это вопрос, связанный с попыткою другого партнера-кооперанта-конкурента включить в свою предпринимательскую схему.

Кому нужен сценарий?

Он нужен приблизительно тому же, кому нужен проект. С этой точки зрения — никому. Возникает вопрос, а кому нужен доклад на Госсовете. В принципе, никому. Если этот доклад не решает целей *vt* задач. Дальше возникает ситуация, что то лицо, которое должно было заказать этот доклад, не представляет, чего оно хочет само. Те люди, которые будут слушать этот доклад, не представляют, чего они хотят слушать. И в принципе, это приблизительно такая ситуация, как с проектами. В этом смысле разработка сценариев — это такой же тип предпринимательской работы и услуги, как возможность, например, в Китае закупить части для выключателей, их провести, здесь собрать и продать. Если здесь появляется человек, который начинает замечать, что у одного лица нет четко простроенных целей (для чего ему нужен доклад), у других людей нет понимания, как они будут читать, и он может эти дифициенты начать разрешать, т.е. начать выстраивать ситуацию, вокруг которой он дальше построит сценарий, где он нужных участников ситуации, сдвигаясь сам, тоже сдвинет до определенного типа углов данной ситуации. Дальше можно ответить абстрактно, но потом перевести в вопрос техник. Как и проектирование, так и сценирование, так и разработка стратегии опираются на вычисляемую вами на свой страх и риск общественную потребность. Но дальше вы эту общественную потребность должны сами построить, т.е. вы должны довести людей до то, что они вам будут по гроб жизни благодарны. Одного человека вы продвинете на нужное ему, он просто про него еще не знал, следующее властное место. Другим людям предложите, и они обсудят невероятно нужный им продукт, из которого будет немножко ясно, что делать со страной. Получится, что всё произошло само собой, только за одним исключением, что вам за это должны заплатить. Момент того, что это всё не выдумки, проявляется в том, что вы этот сценарий можете раскатать на конкретных участниках ситуации.

Сценарный подход отвечает на следующий вызов — нам нужно придумать новые методы капитализации, коллективизации нашей деятельности, минуя прямое насилие. Потому что насилие — оно всем хорошо, за исключением того (если говорить высоким штилем, но для меня это суть), что оно отнимает у человека возможность любить то, чем он занимается. Насилие энергию любви полностью забирает. Я участвовал в нескольких конференциях, где серьезно обсуждалась продуктивность ГУЛАГов. В некоторых случаях продуктивность была очень высокой. Реальный факт. Однажды Берия приехал и в разговоре с руководством ГУЛАГа сказал, что за пол-

года нужно будет получить технологию производства чистого никеля для легированной стали. Руководитель, военный чин, сказал: «Лаврентий Павлович, ну, за полгода это невозможно, это научное открытие!». Тогда Лаврентий Павлович сказал: «А кто-то там вякает? Если это не будет сделано за пять месяцев, вы сядете в другой ГУЛАГ». И за пять месяцев это сделали. Но эта форма, конечно, не человеческая, она отбирает у человека энергию любви, возможность творчества. Вопрос об альтернативных структурах ГУЛАГа становится здесь очень важным. И, на мой взгляд, здесь есть набор разнообразных типов техник, в том числе антропологических и т.д., которые связаны с вопросом выяснения условий реализации проекта. Граница или условие реализации проекта лежат в возможности учета других фокусов. Через условие реализации проекта у нас появляется возможность обнаруживать держателей, основных держателей (стейкхолдеров) данной ситуации. Следующий момент, это вопрос выявления неучитываемых, бесхозных ресурсов, потому что всякий сценарий всегда строится. Есть держатели проектного видения, а дальше вопрос в том, какие ресурсы за тем или иным проектом. Есть некоторый наивный уровень проектирования, который заключается в том, что у вас в голове появилась некая интересная идея, и огромное количество людей выдаст вам большое число ресурсов. Если такого наивного проективизма нет, если вы понимаете, что социальный механизм упаковки иной, то начинается другой вопрос, а именно, где лежит неучтенный ресурс. Он, как правило, лежит на границе разных проектных полаганий. Дотягивание до этого неучтенного ресурса — это следующий ход, который является принципиальным. Если вы четко можете указать основным держателем ситуации тип неучтенного ресурса, который может быть взят только совместно, то обычно в таких ситуациях уклоняются от совместного участия в действии только люди глубоко больные, глубоко зловредные. Это следующий случай. И, наконец, следующий тип случая — это вопрос демонстрации того, в чем может заключаться совместный ход в том случае, если эти люди договариваются. Этот ход связан с целым рядом возможностей для продвижения, повышения статусов, нахождения нового типа решения.

Капитализируются индивидуальные продвижения. Это один из центральных вопросов. В этом смысле нам нужен другого типа коллективизм, где мы можем совместно продвигаться и людям можно фактически показывать, что продвижение должно быть совместным. Но это не исключает, а более того, делает необходимой индивидуальную капитализацию результатов этого продвижения. И с моей точки

зрения, это очень справедливо. В любой коллективной работе вклады очень разные. И здесь как раз вижу выход за ситуацию ГУЛАГа. Потому что ГУЛАГ, в общем, от капиталистических форм жизнедеятельности отличается двумя вещами. Примерно тем же самым, чем насилие отличается от любовных добровольных отношений. Все делается по любви, по взаимному согласию, по собственному желанию, чтобы вас эксплуатировали. А в ГУЛАГе этого ничего не спрашивают. И другой момент, в этих условиях есть возможность четко просчитывать индивидуальную капитализацию, хотя и с рисками. Это сегодня всех очень интересует. Мы что-то с вами делаем вместе, а результат капитализируется только вами, и мне это совершенно понятно, но перестает устраивать. Грубо говоря, если перейти на бизнес-язык, с носителями собственных предпринимательских схем так поговорить не удастся. Потому что их будет интересовать форма индивидуальной капитализации. То есть в чем может заключаться результат общего продвижения из данной ситуации, и как дальше могут выстраиваться результаты индивидуальной капитализации, которые в политическом, научном, предпринимательском сообществе, безусловно, разняться, но крутятся вокруг трех вещей. Это — повышение статуса, расширение информационных, коммуникативных возможностей и получение доступа к новому типу ресурсов. Поэтому не случайно все новые интересные концепции собственности вертятся вокруг понятия «доступ», где начинаются проблематизироваться представления о собственности, как о владении, т.е. «собственность» XVII-XVIII века. И в какой то мере мы здесь возвращаемся к немецкой концепции собственности. Гегель в «Философии права» писал, что в Германии сталкиваются два понятия о собственности. С одной стороны, понятие о собственности как о владении. С другой стороны, понятие собственности, которое идет от Иоганна Готлиба Фихте, как умение произвести. Ну, а сегодня проблема «произвести» заменяется проблематикой доступа. С моей точки зрения, следующий уровень связан с проблемой личного бессмертия и лежит в антропологической рамке.

На первый взгляд кажется, что в проектировании деятельности есть достаточно четкий результат: образ будущего. Там нет проблемы поиска языка, установления коммуникации... А в сценировании?

Для людей, которые не изощрены в проектной деятельности, есть огромная проблема языка, есть проблема вхождения в контекст совместной работы, есть проблема перестройки сознания, поэтому это вы как бы уже все освоили и оестествили. Вы как по-русски гово-

рите, так и проектируете. С этой точки зрения, такой же путь должен быть осуществлен и со сценированием. Поскольку основой сценирования является анализ ситуации, ситуативный анализ, который предполагает описание ситуации. Продуктом сценария является то, что на английском языке называется «скрипт», т.е. описание ситуации, вариантов её разрешения. Следующим важнейшим компонентом является выявление основных фокусов ситуации, тех фокусов, на которых она держится. Я опираюсь на понятие ситуации, которое придумал Георгий Петрович Щедровицкий, оно на уровне байки. Ситуация возникает в том случае, когда мы не можем продолжать нормальное функционирование, должны что-то с этим делать. Иными словами, у меня есть проект, проектное полагание, но я его реализовывать не могу, поскольку есть ещё другие держатели, другие стейкхолдеры — держатели ресурсов и проектного полагания. Следовательно, они, с точки зрения их возможностей, направления движения ходов выиграют.

Следующий уровень — это организация коммуникативной переговорной площадки между основными держателями ресурсов. А дальше — это анализ того, в чем собственно заключается продвижение нас всех вместе и индивидуальной капитализации этих продвижений. Каждый из шагов требует специального прописывания, анализа. В структуре формирования корпорации предпринимателей все это приходится делать. В том случае, когда собираются несколько держателей предпринимательских схем, их засунуть в единый каркас корпоративной работы не удается. Происходит многократное обсуждение того, в чем заключается ситуация. Для каждого из тех, кто осуществляет проектное полагание, параметры ситуации состоят совершенно в разном. Как, например, в случае с российско-корейским семинаром. То, чем должны обменяться держатели ситуации, — это видение ситуации и выявление той зоны, где описание ситуации предельно не определено и является одним из ресурсов. Ситуативщики и стратегисты — их ресурс заключается в неопределенности описания целого ряда важнейших характеристик. Как у предпринимателей неучтенный ресурс всегда плохо описан, поэтому он и не учтен. Есть возможности разработки языка и такого же типа техник.

Я утверждаю, что онтологической сущностью сценирования является выявление разрывов между стейкхолдерами, держателями ресурса в конкретной ситуации. Это такая хитрая вещь — сценирование. Когда вы говорите: «Вы хотите разрешить ситуацию с рыбой во Владивостоке? Для этого надо договориться всего с тремя людьми. Все остальное забудьте. Вы написали проект, выбросите. Это всё

чушь, это никому не нужно». На самом деле, ситуация заключается в том, что должна произойти коммуникация между тремя людьми. Разрывы во взаимодействии этих людей и определяют всю ситуацию с рыбой. На мой взгляд, это более жесткий, конкретный продукт, чем с проектом. Потому что проект — это бумажно-мыслительная заготовка. К какой мысли я подвожу? Сценирование на порядок более конкретно, чем проектирование, и поэтому ответственно. Проектирование для меня лежит в некотором таком коммуникативном пиаре с очень хорошим отношением к коммуникации и пиару, а ситуативный анализ лежит в структуре реального действия, реальных возможностей. Здесь, естественно, больше рисков, но оно на порядок конкретнее. Если вы четко можете в результате сказать, например, с точки зрения решения проблемы приграничного сотрудничества, кто основные держатели данной темы в Москве и здесь, и сколько их, то тем самым вы создаете важнейший продукт. Когда человек говорит, что у него есть проект, его спрашивают: откуда и где у него проект. Относительно чего? Это фантазмы или какой-то фокус? Как это соотносится с другими фокусами и т.д.? Если вы прописали и выделили сценарий, это означает, что в данном случае Вы выделили нерв и тот разрыв, на котором вообще живет данное обстоятельство дел. Ситуация — это то, что определяет состояние дел в данной области. Вы претендуете на следующее: стоит вам изменить тип коммуникативных контактов и взаимодействий между основными стейкхолдерами ресурсов, изменится сама ситуация. С этой точки зрения, проектирование по отношению к этой работе просто безответственно, с одной стороны. С другой стороны, подготовительно. Можно утверждать, что все проекты нужны для того, чтобы потом забраться в ситуацию. Сдвиг в ситуации определяет, что вы переходите в следующую ситуацию.

Сценирование на порядок более ответственно и опасно, чем проектирование, потому там влезаешь в конкретные взаимоотношения, реальные возможности, обязательства и т.д. Но реальное продвижение дела — это сдвиг ситуации.

Проекты мы уже умеем делать, а сценирование, на мой взгляд, у нас не получается по многим обстоятельствам, оказывается подтехникой сценирования. Если основной результат работы в сценировании заключается в том, чтобы выявить разрывы в ситуации, а потом сдвинуть ситуацию за счет выстраивания отношений основных её держателей, то наличие некоторого проекта — это есть мой входной билет в ситуацию. У каждого, кто входит в ситуацию как участник, есть свой входной билет. Вхождение в ситуацию без биле-

та невозможно. Это тот же самый уровень. Вы не впустите в свой бизнес меня, если я с вами не верчусь на одной площадке. Если вы меня не знаете, то я к вам приду как консалтинг. Это другая функция. А ситуация — это где у основных участников есть свое проектное полагание как входной билет, которое можно проверить, за которым стоит ресурс, напряжение некоторых нитей и т.д. Это есть, собственно, возврат, было правильно подчеркнуто, к коллективной форме, но на новых основаниях. Оказывается, что сценарий на порядок более конкретен, чем проект. Сценарий предполагает выделение и проработку разных проектов. Хотя бы уже поэтому меня освобождает от проектного солипсизма. Проектная работа характеризуется тем, что, если работа ведется на сложной пересекающейся площадке, она человека награждает проектным солипсизмом. Человек оказывается уверенным, что только его видение правильное, что он абсолютно истинен. Есть очень сложный момент, связанный с антропологией и проектной организацией сознания. Проект строится на том, что должно быть видение. А в силу того, что возникает видение, оно переживается как непосредственное, и как некоторая очевидность и откровение. Есть работы Блоха, который обсуждает понятие «проекта», «утопии» и «надежды». В какой-то мере проект по механизму очень близок к пророчеству, только другой градус. Но в силу непосредственности этого переживания он человека одновременно награждает солипсизмом. Человек, переживая это видение как откровение, становится не чувствительным к тому, что есть другие люди, у которых есть такое же откровение. Но если реально ситуация держится на нескольких таких держателях этого видения и они, грубо говоря, сами того не понимая, не дают друг другу двигаться, то выявление этого разрыва и этой несогласованности основ* ных участников, во-первых, является основной задачей продвижения дела, во-вторых, с этой точки зрения проект оказывается более абстрактным, чем сценарий. Сценарий позволяет осуществить действие и продвинуться. Он содержит в себе механизмы общего коллективного продвижения.

По типу деятельности проектирование и сценирование очень близки друг другу, но различаются и разным уровнем рефлексии и понимания. С моей точки зрения, в этом заключалась ошибка Владимира Лефевра, который первым ввел эту проблематику — проблематику рефлексивных конфликтов. Им для анализа рефлексивных процессов была разработана модельная ситуация. Но в реальной структуре переговоров и ситуационном взаимодействии помимо рефлексии и рефлексивных восхождений есть очень важный

момент, как я понимаю другого и как понимают меня в самой этой ситуации.

Сценирование предполагает, что продвижение любого типа деятельности организовано ситуативно. Никакой нормально функционирующей деятельности, двигающейся в обычных финансовых потоках, падающих бюджетов в карман, не существует. Деньги, результаты — они всегда связаны с разрешением какой-то ситуации. Основная масса это понимает. Для того чтобы в определенный момент получить причитающуюся тебе сумму, надо на кого-то наорать, кого-то пнуть, кого-то укусить, кого-то сдвинуть, хотя до всего договорились раньше. Такого типа не совсем нормальные инстинкты — просто означают, что вы работаете в ситуации. Ситуация характеризуется тем, что вам нужно прийти в эту точку, посмотреть, что там происходит, увидеть нечто нестандартное и за что-то дернуть, например, вы обнаружите хвостик Иа, который висит вместо звонка. Вот это есть онтологическое утверждение. Любого типа решения существуют только в ситуации. А за разрешение ситуации в общем-то платят. Поэтому появляется следующий набор людей, который помимо того, что они попадают в ситуацию, ситуации умеют строить. В какой-то момент различить: это ситуация возникла по факту или её гадкий человек создал, становится очень трудно. Поэтому предметом сценирования являются ситуация и её разрешение. И с этой точки зрения, хороший сценарист вообще должен уметь издеваться над проектировщиком. Он будет с ним во всем соглашаться, что проект отличный, но все время будут возникать какие-то обстоятельства, какие-то рассогласования. В принципе проект очень хороший, нужный, но… реализуемый, но… и т.д. Сначала возникает злоба, что тебе пудрят мозги, а потом возникает интерес к такому типу техники. Я расскажу случай , который меня поразил, по поводу того, как обсуждалась программа восстановления Чечни в прошлом году. Христенко специально проделал работу. Ему нужно было программу зарубить, потому что он считал, что все равно разворуют отведенные на неё финансы. И тогда он организовал следующую ситуацию. Когда докладывались результаты подготовки программы, один из участников совещания, с которым у Христенко был предварительный разговор, спросил: «А нам надо восстанавливать народное хозяйство в Чечне или развивать его. Ведь то народное хозяйство Чечни, которое вы намереваетесь восстанавливать, было элементом народнохозяйственного комплекса СССР. А сегодня мы в другой ситуации, когда Чечня должна стать субъектом рыночных отношений, взаимодействуя с другими регио-

нами России». Христенко после этого выступил и сказал, что мы не можем принимать данную программу, поскольку не решён основной вопрос, восстанавливать хозяйство Чечни или развивать его?

Для меня сценирование в предпринимательской деятельности, где оно становится одним из важнейших, начинается с того уровня, когда мы переходим к корпоративному предпринимательству. Когда необходимо соотносить разные предпринимательские схемы. Тут есть известный парадокс: я сам не бизнесмен, но поскольку работаю в этом сообществе, для предпринимателя не существует ограничений в плане взаимодействия с бизнесменами, потому что он может создавать предпринимательскую схему. И собственно этим определяется этот парадокс, почему в бизнесе существует конкуренция, а в рамках предпринимательских подходов существуют не конкуренция, а одноименцы. Конкуренция меняется на то, что я вижу человека, который занимается тем же. А будет ли он конкурентом или я ему не дам быть просто конкурентом? Не дам за счет того, что я просто поверну его чуть в свою схему, переобозначу свой продукт, сделаю его более интересным, более привлекательным. На этом всё как раз и строится. Но когда я попадаю в ситуацию, где человек тоже умеет делать предпринимательские схемы, и у нас начинается жесткое взаимодействие по поводу единого ресурса, то тут возникает проблема, связанная с анализом ситуации. В том случае, если я владею этой техникой, то я могу сделать шаг вперед и на самом деле создать ситуацию, чтобы обострить наши возможности, и мы бы стали выкладывать свои ходы и подходы.

То есть там, где нет конфликта по поводу одного ресурса или одной ситуации, там сценарный подход оказывается ненужен и можно использовать более простые техники организации взаимодействий. Очень сложный вопрос, что такое ресурс. Ресурс у бизнесмена и ресурс у предпринимателя — это совершенно разные характеристики, как и ресурс политического стратегиста. Ресурс выявляется только под создаваемую схему. Понятие ресурса в этом случае становится функциональным. То, что бесхозно, я не предполагаю, для чего это может быть использовано, вообще не является ресурсом. Здесь возникает весь вопрос противоречий и проблем сопоставления разных схем, выявления держателей данной области в отличие от фиктивных. Могут быть фиктивные или назывные держатели ситуации. И вопрос распознавания этого, обозначения этого становится невероятно важным и принципиальным.

С моей точки зрения, сценирование практически не может осуществляться без работы с будущим. Оно — это тот слой, где мы вынуждены на пузе проползать в будущее через конфликты и столкновения с другими интересами. В проектировании у нас возникает ощущение, что мы боги, и мы определяем будущее. Там весь такой высокий пафос Герцена, Толстого, что будущего нет, мы его делаем. Но потом нас ситуация наклоняет, приводит к столкновению с другими такими же «богами», и нам приходится в будущее всякий раз пролезать через ситуацию. И другого варианта вообще-то нет. В этом заключается глубокий вопрос Владимира Козыря про онтологические основания, я его сразу выделил. Мои, в данном случае, онтологические основания заключаются в том, что мы переходим всегда в будущее через разрывную ситуацию. Абстрактного перехода на уровне мыслительного полагания не происходит. Поэтому есть такая интересная штука: буквально перед смертью Георгий Петрович давал свою интерпретацию декартовского дуализма души и тела. Он утверждал, что мы в будущее переходим очень по-разному с точки зрения тела и с точки зрения мысли. С точки зрения мысли в будущее мы переходим через проект, а с точки зрения нашей телесности мы проползаем через конфликтно-разрывную ситуацию. И если с этим разбираться, то можно увидеть, что у некоторых людей будущее, идущее через их телесность, и будущее, идущее через их мысль, не всегда совпадают. Возникает такой шов, рубец. Мыслью я перешел — у меня есть проект. Дальше я прихожу с этой мыслью, а мои то ли соратники, то ли конкуренты начинают душить, давить и не пускать. Возникает конфликт в другой совсем оболочке, мысли и телесности этого самого перехода. Поэтому я так и говорю. С точки зрения проекта, это наш мыслительный переход в будущее, а с точки зрения сценария — это наше реальное, ситуационное, телесное «проползание» в будущее через ситуативноактуальное, настоящее. И они могут не стыковываться. А поскольку переход в будущее обязательно связан с разрешением ситуации, по-другому не происходит, то можно ввести жесткое онтологическое утверждение, которое состоит в том, что всякий переход в будущее (только как практический переход) — это есть способ разрешения ситуации. Это есть сценирование и осуществление этого сценария. Сценарий всегда коллективизирован через участие основных держателей. Те, кто на это не идет, могут остаться в гордом одиночестве, в проектном солипсизме. Человека не принимает сообщество, он пишет свой бумажный проект, его издает и говорит: «Да пошли вы все!..» И таких людей сейчас очень много. Но просто это его индивидуаль-

ный переход. А поскольку он в своем проекте замахнулся на что-то большое, чем он сам, то ничего не происходит. Но при этом я бы не хотел из того, что я говорю, возникла некоторая упрощающая сентенция по типу того: «Да, надо товарищи договариваться!»

Сценарный подход объединяет в себе основу для методов стратегической разведки. И в этом случае, если вы занимаетесь стратегической разведкой, которая очень нужна и в маркетинге, и везде, то вопрос о скрытном сценировании или о ложных вбросах, где вам просто нужна ответная реакция, на мой взгляд, является одним из важнейших типов техник. Я считаю, что при работе с китайцами — это очень важно. Одним из важнейших моментов сейчас является выявление реальных наших образов у китайцев и предъявления им этого. Это может создать некоторую ситуацию. Китайцы живут все-таки в идеологизированном обществе. Если это правильно сделать через выставочную деятельность, через конференцию по ПТЭКу, то может возникнуть другой тип взаимного позиционирования. Для целого ряда задач специально скрытное или провоцирующее сценирование, которое позволяет обнажить позиции, является важной техникой, специально должно прорабатываться и использоваться. Это называется методом провокации. Отсюда и возникает момент, когда вы не просто попадаете в ситуацию, а вы ситуацию специально создаете. Это означает, что у зас есть одновременно несколько сценариев. Вы можете вбрасывать ложный сценарий, который будет вызывать самоопределение. У вас есть заготовленный сценарий, где вы просчитываете реакции. Это выход на управление ситуативным человеческим поведением.

Я размышляю про сценарный подход из методологической позиции, не из позиции политпроектировщика или из позиции предпринимателя. Есть жесткий критерий. Схема должна быть настолько сложной или простой для того, чтобы она обеспечивала решение вашей практической задачи. Если вы приходите в ситуацию, где в данной области вообще нет проектов, то не надо размышлять про сценирование. Нужно проект в мозги всем вбивать за счет лекций, рассылок и т.д. Если вы приходите в область, где есть люди не самостоятельные в своих проектных решениях, а пользуются чужими проектными продуктами, то вам необходимо использовать другую тактику. Нужно проблематизировать их проектные полагания, после чего они замолчат. И вы внедряете свой проект. А если вы приходите в область, где вы сталкиваетесь с носителями самостоятельных проектных полаганий, то вам придется применять технику сценирования. Изощренность этой техники сценирования определяется

тем, насколько держатели ситуации изощрены в рефлексии, в понимании, просчете ресурсов. Насколько у них есть ярко выраженный интерес совместно что-то сделать, потому что его, может быть, придется тоже формировать. У нас есть масса областей, где люди фактически перешли к самоизоляции, самокапсулированию. Для того чтобы их втащить в работу, придется проделать еще специальную операцию по размыканию и растаскиванию скорлупок солипсизма. Ответ очень простой. Простота средств должна определяться эффективностью решения конкретной поставленной задачи.

ГЛАВА 9 | Антропология корректирует экономику: контуры мыследеятельностного понятия собственности

Как мы писали в первой главе, простое внедрение деятельностных принципов в разные контексты общественно-производственной практики, вызывающее интерес и энтузиазм представителей данного практического поля, не воспринимается в России как нечто само собой разумеющееся и безусловно ценное. Основная претензия использующих системомыследеятельностный подход состоит в том, чтобы на основе анализа деятельностных и мыследеятельностных механизмов попробовать осуществить реконструкцию и выявление того, что такое собственность, что такое власть и какие сегодня складываются новые формы господства.

Для нас несомненно, что на основе мыследеятельностного подхода и мыследеятельностной антропологии можно весьма существенно скорректировать представления о собственности. Как известно, в институциональной экономике институт рассматривается как пучки собственности, при этом сама собственность понимается как система контрактов. Держатель контрактов является держателем собственности. Основной пафос мыследеятельностного подхода связан с тремя принципами:

1. **С возможностью выявить мыследеятельностные механизмы построения собственности. Сама так называемая собственность будет представлена как сложно связанные друг с другом процессы коммуникации, мышления, действия, а также пронизывающие их и надстраивающиеся над ними процессы рефлексии, понимания, воображения. То, что собственность — не вещь, хорошо понятно, но дать последовательно мыследеятельностную трактовку собственности никому пока не удавалось.**
2. **С демонстрацией того, что форма организации человека, способного нестандартным образом организовывать и строить мышление, действие, коммуникацию, всегда оказывается мощнее сложившихся организационных рамок и институциональных установлений, образующих эволюционно-историческую**

основу организаций. Другое дело, что антропология всегда осуществляется не в пустоте, но как раз внутри выделенных институциональных рамок.

3. На основе мыследеятельностного подхода необходимы перекомпоновка и разрезание сложившихся, принятых в сообществе и государственно узаконенных механизмов извлечения прибыли и форм производства. Это разрезание и переорганизация предполагают создание новой системы отношений и постановки новых целей. Задача этой перекомпоновки прежде всего заключается в том, чтобы часть (иногда весьма значительную) извлекаемой прибыли направить на воспроизводство и перевооружение действующих инженерно-технических инфраструктур и форм организации мыследеятельности в корпорации.

Эти три выделенных весьма простых обстоятельства позволяют совершенно иначе рассматривать сущность и устройство предпринимательской схемы, нежели, чем это, например, делает методолог СВ. Попов. Для СВ. Попова предпринимательская схема это всегда возможность находить дырки в законодательстве и уходить из-под налогов, либо возможность на законных основаниях, осуществляя недружественное поглощение, приобретать титул владения объектом. Механизмы повышения производительности труда, «что в конечном счёте самое главное для победы нового строя над старым» (В.И. Ленин), и формирование новых более эффективных форм организации производства он не рассматривает. Более того, СВ. Попов считает, что предпринимателя (в его понимании этой позиции) никогда не интересует далёкая завтрашняя перспектива, его внимание направлено на сегодняшние актуальные возможности реально приобрести прибыль. Подобный взгляд на предпринимателя как «санитара леса», может быть, вполне точно отражает сегодняшнее положение дел. Но многие «санитары леса», разбогатев на недружественных слияниях и поглощениях, начинают вкладывать деньги либо в рисковые проекты, либо в проекты, не приносящие прибыль. Из этого вполне может сложиться представление, что по-настоящему предпринимательский проект — это «диполь», «кентавр-объект» из просчитанного высокоприбыльного проекта и рискового, ориентированного на будущее проекта.

Внутри схемы предпринимательского действия на микроуровне должно происходить сложение сегодня хаотизированных в макроэкономической среде и противонаправленных векторов движения — вектора получения прибыли уже сейчас и сегодня (без этого какой же вы предприниматель!), вектора перевооружения фондов и рас-

ширенного воспроизводства и вектора прорыва к новым технологиям следующего социокультурного уклада. Эта упаковка внутрь предпринимательской схемы разнонаправленных движений есть не что иное, как способность коммуникативно соорганизовать и просценировать действия разных, сегодня изолированных друг от друга групп людей — держателей финансовых потоков, разработчиков новых технологий, представителей рекламного бизнеса, имеющих доступ к сознанию потребителей, организаторов производства и т.д.

Построение предпринимательской схемы чем-то напоминает лейбницианское исчисление бесконечно малых. В структуре предпринимательского действия получение прибыли целенаправленно деформировано ценностной ориентацией на шаг продвижения к получению нового продукта или услуги. Внешне эта деформация незаметна — человек получает прибыль и социально успешен. Но на микроуровне эта деформация предполагает сцепленность действия по получению прибыли с действиями по обновлению фондов, освоению прорывных технологий, повышению компетенций участников бизнес-процесса. Именно предприниматель в свой схеме умеет завязать бизнесмена, промышленника, учёного и образователя на плацдарме продвижения своего продукта или услуги. Формируемый предпринимателем сценарий открывает для него новый плацдарм действия, включая во взаимодействия до этого изолированных и разобщённых людей. Для продвижения и в локальной отечественной, и в глобализованной мировой среде создание сценариев необходимо.

Основная проблема развития крупных инфраструктурных отраслей производств, таких как энергетика, транспорт, станкостроение, машиностроение, предполагает включение в финансовый оборот средств, которые могли бы тратиться на обновление фондов и на освоение новых технологий, при помощи которых могут перевооружаться данные отрасли. Вместе с тем норма прибыли, зафиксированная в нефтедобывающих отраслях, в продаже капитала (при финансовых спекуляциях), части торгового бизнеса, долгое время делала нерентабельным производство в энергетике, транспорте. Увеличить же норму прибыли за счёт повышения стоимости электроэнергии, транспортных перевозок в десятки или сотни тысяч раз (чтобы сравняться с прибылью от продажи нефти) невозможно по социальным причинам. Именно поэтому, на наш взгляд, обновление фондов и техническая политика модернизации не были подсоединены к движению финансовых потоков.

Возникла ситуация, которая в сегодняшней политэкономической литературе называется «африканизацией». Она связана с превращением

в естественную природу сложных деятельностных активов, являющихся продуктом многодесятилетнего труда научно-исследовательских институтов, проектно-конструкторских бюро, инженерных групп. Как известно, в Африке есть замечательные пилоты, но поскольку в Африке не производят самолёты, то большинство этих пилотов не знают, откуда самолёты берутся, как самолёты создаются. Они уверены, что самолёты просто существуют, они есть как фактор природы, подобно баобабам, кофейным деревьям и бананам. Превращение инфраструктурных отраслей в природу предполагает, что человек, осуществляющий их эксплуатацию, не знает, как устроен актив с точки зрения его перевоспроизводства (замены изношенного оборудования новым, переподготовки людей) и перевооружения, но просто стремится извлекать из его эксплуатации максимальную прибыль.

Собственность с точки зрения деятельностных механизмов в инженерно-инфраструктурных отраслях укоренена не в системе контрактов, а в возможности построения процессов воспроизводства актива и его модернизации. Конечно, отдельный и очень важный вопрос: как правовым образом этот механизм собственности как «умение воспроизвести» правильно юридически зафиксировать и представить в виде системы контрактов? Но если механизмы воспроизводства отсутствуют, то актив в определённый момент износится и исчезнет, вызвав социальную катастрофу. Поэтому есть вопрос, кто отвечает при любых условиях за сохранение некоторой функции, за стабильное функционирование актива, разрушение и исчезновение которой (этой самой функции) грозит очень серьёзным социальным потрясением. В условиях рыночных турбулентностей доверить сохранность функции решено государству (компании с государственным участием). Именно оно отвечает за то, чтобы социально полезная функция сохранялась. Но социально полезная функция сохраняется в том случае, если запущен процесс воспроизводства актива. Эксплуатация данного актива и его перевоспроизводство могут строиться на основе убыточных механизмов и рассматриваться как неизбежное зло, а могут быть построены на основе непрерывного уменьшения затрат и получения прибыли. Это возможно в том случае, если создаётся система предпринимательских проектов (СБ. Чернышёв). Эта система предпринимательских проектов может быть оформлена как некоторый локализованный очаг рациональной экономики, эффективной эксплуатации фрагмента актива в сфере тотальных потерь и неразберихи.

Можно обозначить три уровня предпринимательских проектов, которые становятся предметом конкретной разработки. Первый,

нулевой уровень предпринимательского проекта обеспечивает преодоление организационной неразберихи и чёткое введение организационных схем, определяющих, кто с кем связан и для решения каких задач. Такой тип предпринимательского проекта чем-то напоминает нормативные организационные схемы разработчиков АСУ, которые считали, что нельзя автоматизировать беспорядок и поэтому сначала должен быть восстановлен нормативный план организации и вместе с ней элементарный здравый смысл.

Второй уровень предпринимательского проекта предполагает серьёзный ответ на вопрос: в чём должен заключаться качественно новый способ организации людей и форм коммуникативных взаимодействий между ними по сравнению с существующим, который будет обеспечивать получение устойчивой прибыли за счёт снижения издержек. Know how предпринимательского проекта второго уровня состоит в новой предлагающейся форме организации. После создания подобного проекта должна быть продемонстрирована на этапе его реализации финансовая успешность. Проекты второго уровня могут быть одноразовыми и непрерывно совершенствующими, показывающими возможность долгосрочной и длительной работы.

Только прохождение корпорации через проекты первого и второго типа в инфраструктурных отраслях позволяет ставить вопрос о предпринимательских метапроектах, затрагивающих вопросы воспроизводства «твёрдых» и, «мягких» активов — «железа» и людей. Собственно проекты третьего типа как раз и оказываются связаны с проблемами собственности актива. Проекты первого и второго типа могут иметь отношение лишь к собственности (приобретению) части прибыли, получаемой от реализации проекта. Проблема воспроизводства и модернизации производственных фондов может быть решена лишь в рамке метапроекта (рефлексивного проекта, надстроенного над несколькими разными проектами), поскольку она затрагивает вопрос долгосрочного многолетнего функционирования производства и, следовательно, оказывается связана с большим числом рисков, а также с соорганизацией в проекте несколько совершенно разных отраслей и систем деятельности. Поскольку воспроизводство фондов одной отрасли может быть обеспечено лишь за счёт деятельности нескольких разных отраслей.

Очень важно понимать, что, несмотря на крайнюю неустойчивость доллара и разрушения во многих западных банках такого финансового института, как long term credit management, многие российские банки заинтересованы иметь застрахованные длинные пассивы и возможность предоставлять долгосрочные кредиты. Для этого важно

лишь, чтобы были отстроены механизмы страхования рисков. В случае перевооружения и модернизации инфраструктурных отраслей можно выделить два типа механизмов страхования — гарантии и решимость государства проводить подобную программу и обеспечивать переток «капитала из сырьевых экспортных отраслей в отрасли с длинным инвестиционным циклом» (А. Ханцев), зафиксированные в виде программы перевооружения, а также финансовые технологии — лизинга, залога, предполагающие использовать фрагменты инфраструктуры в качестве элементов механизма страхования.

Принципиальным условием успешности создания долгосрочного кредитования является демонстрация того, что каждый шаг обновления оборудования может быть представлен как предпринимательский проект, снижающий издержки и повышающий прибыль. Очень важно использование информационных технологий, в частности EAM (Enterprise Asset Management) — управление активами предприятия на основе информационных систем, позволяющих принимать решение о замене части актива или о его ремонте на основе объективных параметров, исключающих субъективный произвол.

EAM, или технология на основе EAM, позволяет создать механизм меченых денег, показывающих, как работает каждый вложенный рубль на обновление конкретного элемента актива внутри предпринимательского проекта. Это чем-то напоминает производство во время Великой Отечественной войны именных танков, подводных лодок и самолётов колхозами, предприятиями. Деньги могут быть закреплены за именными активами, в принципе заинтересованный инвестор может отслеживать, как конкретный актив нарабатывает ROI.

Подобные ухищрения необходимы для того, чтобы направить в инвестиционные пакеты, связанные с развитием силового машиностроения, станкостроения и проектно-разработческих институтов, три потока денег: государственные нефтяные прибыли, с которыми государство не знает, что делать. И уже раздаются голоса, что их надо раздать пенсионерам и поскорее все проесть. Деньги олигархов, которые будут приносить прибыть и будут все возвращены с процентами в течение определённого периода (10-15 лет). И, наконец, народные, чулочные, деньги, которые сегодня не работают. Условием появления третьего потока является создание первых двух. Следует отметить, что в период Рузвельта именно бонды **населения, связанные** с вложением **денег в** электроэнергетическую **отрасль, приносили** устойчивый доход, который нельзя было сравнить с **игрой на бирже.**

Создание механизма энергобондов, энергооблигаций является механизмом изменения в глазах населения облика Чубайса, который в этом случае будет претендовать на роль национального спасителя. Поскольку этот механизм позволяет создать источник устойчивых доходов и одновременно начать перевооружение отечественной промышленности. Подобный механизм в какой-то мере объясняет, зачем делалось всё предыдущее. Условием доверия к данному финансовому инструменту населения является участие в подобном инвестировании государства и олигархов.

Но ключевым условием реализации подобного проекта является подготовка команд менеджеров из разных отраслей (энергетика, машиностроение, станкостроение), специалистов в области управления финансами, госчиновников в единой методологии и на единых принципах сценарного действия. Сценарии подобных действий должны быть специально созданы и разыграны в ходе штабной и подготовительной работы Подобный проект целевой подготовки различных групп менеджеров может стать очень важным предметов разговора Министра образования и науки с другими министрами для формирования специальной межотраслевой группы.

Предположим, что некоторая управляющая компания взяла бы на себя задачу совместно с методологами и консультантами разработки и защиты на правительстве подобного метапроекта. В этом случае группе топ-менеджеров компании необходимо было бы последовательно проиграть и проработать четыре важнейших элемента стратегии:

1. **Структура метапроекта в целом, обеспечивающего соорганизацию предприятий машиностроения и станкостроения на основе финансовых механизмов с проектами перевооружения и модернизации активов компании.**
2. **Совокупность предпринимательских проектов (достаточно плотный соорганизованный пакет этих проектов), непрерывно повышающих доходность конкретных предприятий энергетической отрасли, которые могут демонстрироваться правительству и инвесторам.**
3. **Сценарий обсуждения данного проекта с членами кабинета правительства, определение возможных форм введения элементов проекта в обсуждение и проработку разных министерств.**
4. **Разыгрывание функциональной организационной модели взаимодействия топов компании и антропологической модели, определяющей иерархию компетенций, необходимых во внутренних взаимодействиях и во внешней среде.**

Ключевым для нас является четвёртый пункт, определяющий дееспособность каждого члена команды топов (топ-менеджеров) во внутренних взаимодействиях и во внешних удерживать структуру мегапроекта, определяющего реальный механизм собственности сложного инфраструктурного актива. Нам представляется, что лучшим вариантом проработки этих четырёх элементов стратегии является специальная организационно-деятельностная игра с элементами антропологического тренинга.

9.1. Антропологическая модель специалиста по развивающему консалтингу

При работе с одной молодой и достаточно перспективной консалтинговой фирмой нам было предложено разработать антропологическую модель специалиста по консалтингу и провести организационно-деятельностную игру с целью инициации самоопределения у сотрудников фирмы по отношению к данной модели. Мы с удовольствием приняли данное предложение. Взаимодействуя с руководителем фирмы и сотрудниками на организуемом нами семинаре-школе игротехников, мы стали продумывать по инициативе руководителя данной фирмы проблему преобразующего консалтинга. Основная идея преобразующего консалтинга состоит в том, что специалист по консалтингу в этом случае не является советчиком — консультантом сотрудников фирмы, хотя, возможно, он может давать достаточно много советов. Не является он и универсальным решателем проблем. Специалист по преобразующему консалтингу является профессионалом при осуществлении в данной конкретной организации работ по обеспечению развития, изменения, преобразования данной организации. Мы через запятую употребляем эти понятия, поскольку каждый раз необходимо специально разбираться и анализировать, с чем мы имеем дело — с простым изменением, с целенаправленным преобразованием или с элементом развития. Развитие для нас характеризует такой тип преобразования, когда создаваемый образец деятельности предприятия или фирмы определяет выход за освоенную границу образцов деятельности фирм, с одной стороны, и опирается на естественно складывающиеся тенденции развития деятельности в данной области — с другой.

С нашей точки зрения, для того чтобы фирма проводила преобразующий консалтинг, должны реализовываться как минимум четыре типа работ:

1. Фирма, работая с тем или иным предприятием или организацией, должна уметь выделять ближайший шаг изменения данного типа практики.
2. Коллектив фирмы должен иметь в арсенале набор технологий, самых разнообразных инструментов и средств, позволяющих ему осуществить переход к освоению новых образцов деятельности и новых практик работы.
3. Коллектив фирмы должен иметь представление о типе антропологических изменений, которые должны произойти с сотрудниками фирмы для того, чтобы они могли освоить данные инструменты. Эти изменения должны проходить разные уровни антропологической организации коллектива — от ценностного жизнедеятельностного уровня организации сознания до освоения новых образцов деятельности.
4. Коллектив фирмы должен иметь представления о полном цикле происходящих изменений с данным типом практики от замысла до реализации и формирования изменённого типа практики.

Собственно наличие этих четырёх слоев работы позволяет говорить о том, что данная фирма владеет полным арсеналом средств развивающего консалтинга, поскольку она способна забежать вперёд и увидеть фронтир (границу) деятельности данного предприятия, понять, за счёт какого набора инструментов этот фронтир может быть достигнут, ответить на вопрос, через какие этапы развития и изменения людей и практики в целом необходимо пройти для того, чтобы замысленное было реализовано. Эти четыре обязательных направления работ характеризуют, с нашей точки зрения, важнейшие моменты развёрнутого представления о мыследеятельностном образце практики преобразующего консалтинга в данной конкретной области.

Мы хотим специально обратить внимание на четвёртый тип работы, который для нас в какой-то мере является ключевым с точки зрения организации практики изменений. Всё дело в том, что те фирмы и те организации, которые не проходят через процессы глубинных преобразований и изменений и стремятся сохраниться в некотором успешном, на их взгляд, устойчивом состоянии, обречены на стагнацию и разрушение. Это связано не только с тем, что, находясь в динамично и постоянно меняющемся окружении, самому не меняться невозможно. Если все элементы среды, внутри которой ты находишься, постоянно изменяются, а ты стремишься прекратить изменения, то результатом подобной стратегии будет крах. Но организации, которые не проходят через циклы самоопреобра-

зований, упадка и возрождений, накапливают в себе агрессию и саморазрушаются в дальнейшем. Любой коллектив, точно так же как и человек, обязательно должен проходить через стадии изменений.

Для того чтобы осуществлять функцию развивающего консалтинга по отношению к любой фирме, корпорации, предприятию, данный коллектив должен внутри себя постоянно генерировать процессы «забегания за границу» по отношению к тому или иному образцу практики, конструирования инструментов и средств для формирования новых образцов практики, ускоренного изменения людей, их роста сознания и личности, циклов преобразования коллективной практики. Только многократно прокрутив и проиграв на себе процессы организационных и антропологических изменений, обеспечивающих повышение эффективности практической деятельности, коллектив начинает обладать достаточным опытом для сопровождения и «коучинга» людей, вошедших в практику глубоких изменений, из которых может и не удастся выйти. Тогда изменения закончатся катастрофой и развалом организации. Фирма может выйти в организационно-преобразующее отношение к другой фирме только, если она обладает опытом порождения и реализации изменений. В том случае, если человек толкает коллектив в изменения и глубинные преобразования, через которые он никогда не проходил, его вряд ли можно будет назвать профессионалом в области консалтинга, скорее он соблазнитель.

Из этого отнюдь не следует, что человек или коллектив, который выполняет функции преобразующего консалтинга, должен иметь практику деятельности в данной области. Коллектив должен обладать практикой институциональных и антропологических изменений, именно подобного типа практика является условием успешного консалтинга.

Структура фирмы, которая занимается мыследеятельностью преобразующего консалтинга, должна быть представлена на нескольких разных экранах или досках. Любая сложноустроенная организация обязательно требует мультифасетного представления. На наш взгляд, для работы с фирмой, занимающейся преобразующим консалтингом, необходимо использовать как минимум шесть фасет или экранов. На первом экране должны быть представлены тип преобразования, который инициирует данная организация, работая с другими фирмами, и определение миссии данной консалтинговой фирмы в некотором поле практики. На втором экране должна быть обозначена маркетинговая логика действий фирмы: принципы экономических продаж своих собственных услуг и бизнесстратегии. На третьем

экране должна быть представлена организационно-функциональная структура фирмы с системой мест и профессиональных позиций. Четвёртая доска — экран личностно-профессионального роста, на котором изображаются траектории повышения профессионального уровня и статуса сотрудников фирмы, внутри самой организации и во вне неё. Пятая доска — это экран мыследеятельностных механизмов преобразований, показывающих, как, изменяя коммуникацию, мышление и принципы действия, удаётся строить преобразования практики организации-клиента. Наконец, шестая доска — это экран цикла изменений деятельности, через которые прошёл коллектив данной организации от замысла до конкретного самопреобразования.

Характеризуя данные шесть фасет или экранов, обратим внимание, прежде всего, на следующее. Если, например, для сотрудников консалтинговой фирмы отсутствует миссия собственной фирмы, и они не понимают, какое преобразование организаций-клиентов они осуществляют все вместе, то в этом случае они готовы участвовать в предложении собственных специализированных услуг. Задача для всего коллектива состоит не в том, чтобы на пределе всех мобилизованных возможностей осуществить достаточно сложное преобразование, но как можно дороже продаться организации-клиенту. Таким образом, вместо складывания образца инновационно-преобразовательной деятельности и вместо того, чтобы осмыслять сам намечаемый тип преобразований, основным смыслом работы консалтинговой фирмы будет продажа уже сложившихся и зарекомендовавших себя услуг. Но каким образом в этом случае формировать новую сетку услуг и постоянно обновлять сам их набор?

Осуществляя преобразование фирмы клиента, необходимо каждый раз вырабатывать очень конкретную версию того нового образца работы, который будет осуществлять фирма-клиент после преобразования. Но можно сразу отметить, в чём заключаются основные недостатки профессиональной мыследеятельности очень многих промышленных и коммерческих организаций России. Мы охарактеризуем формы их работы по основным слоям мыследеятельности.

Как правило, у представителей большинства организаций вообще отсутствует распредмеченное концептуальное мышление, осуществляемое на схемах, не привязанное к конкретному специализированному предметному знанию. Либо, в крайнем случае, мы можем столкнуться с засильем абстрактного концептуализма, который никак не соотносится с практикой деятельности данного коллектива или

отдельного профессионала. В этом случае можно говорить о формалистичном, но бессодержательном мышлении.

Мыслекоммуникация и взаимопонимание в большинстве профессиональных коллективов отсутствуют. Его члены не способны понимать ситуацию действия и позиции, а также обращаться с коммуникативным предложением к другим профессионалам, исходно не связанным друг с другом, лишь соприкасающимся по работе в ходе обслуживания общих машин и механизмов. Сегодняшний профессионал сплошь и рядом не способен незаинтересованно, независимо понять, что может делать другой профессионал и затем сделать ему коммуникативное предложение. Во время обмена речевыми репликами обычно сообщается специализированная техническая информация «про железо», но не осуществляется поиск контекста возможного совместного действия в ситуации.

Мыследействие носит в основном механический характер, отсутствует понимание смысла собственного действия, осознание средств и принципов организации действия в данной уникальной специфической ситуации.

Мыследеятельность преобразующего консалтинга предполагает, что коллектив, который его проводит, способен разработать представление о ближайшем шаге развития данной конкретной профессиональной практики. Это означает, что коллектив способен вообразить или понять («увидеть»), как может перспективно строиться практика в данной области. Очень часто это перспективное видение основывается на формировании сценария взаимодействий нескольких сегодня никак не связанных групп позиций. Способность завязать эти позиции в единое целое и является условием формирования видения о следующем шаге преобразования практики. Важнейшая способность профессионала в области преобразующего консалтинга состоит в том, что он может на основе проспективной рефлексии и видения (понимания — воображения) создавать сценарии коммуникативных взаимодействий сегодня разрозненных групп позиций. Эти сценарии объединяют людей, взаимодействие которых может обеспечить получение значительно более сложного продукта, чем тот, который производится сегодня, или системы соотнесённых нескольких продуктов. Подобные сценарии фиксируются на специальных схемах.

В слое коммуникации специалисты по преобразующему консалтингу должны быть способны построить на основе созданных сценариев своеобразную драматургию — обращение ко всем участникам ситуации таким образом, чтобы участникам захотелось разыграть

предложенный им сценарий. Сценарий в слое коммуникации определяет формы обращения и способы взаимодействия.

В слое мыследействия участники разыгрываемого сценария должны построить новую предметность своей работы, то есть определить новые цели, новые формы организации взаимодействия, новые схемы участия в работе.

Реализация сценариев может осуществляться либо на основе уже имеющегося отработанного инструментария в виде средств бюджетирования, финансовых технологий, оргпроектирования и пр., либо необходимо специально разрабатывать и конструировать набор модифицированных средств под специально намечаемую задачу преобразования. Для того чтобы вновь создаваемые и конструируемые средства были освоены, необходимо ответить на вопрос, какая работа должна быть проведена с коллективом, чтобы он оказался в состоянии осваивать эти средства. Это предполагает определение шага антропологических изменений, который должен быть осуществлён. Только попадая в новый специально спроектированный контекст производственной деятельности, участники преобразования оказываются вынуждены осваивать новые средства деятельности.

Наконец, специалист по преобразующему консалтингу должен обязательно спланировать и удержать коллектив клиента на всём цикле преобразований своей профессиональной мыследеятельности: от замысла до его реализации и перевода поисковой новой деятельности в хорошо освоенную отработанную рутинную деятельность. Очень важно в этом случае не перескочить, не завершив одно из намеченных преобразований, к замыслу следующего, не дав себе «срастить» энергию замысла с пониманием возможностей и условий преобразования. Очень важно понимать, что представления о будущей деятельности и её средствах совершенно по-разному выглядят извне преобразования и внутри самого процесса преобразования.

Намечаемые здесь мыследеятельностные характеристики способностей, обеспечивающих преобразующий консалтинг, могут рассматриваться в качестве контура антропологической модели данной профессиональной мыследеятельности. При этом мы исходим из следующего принципа: если антропологическая модель понятна, то можно сделать специальный тренинг по её инициации и культивированию.

Теперь представим, что в данную фирму, занимающуюся преобразующим консалтингом, приходят много молодых перспективных людей, которые осваивают фрагменты консалтинговой мыследеятельности. Мыследеятельность преобразующего консалтинга в этом

случае «размазана» по всему коллективу фирмы. Люди, осваивая один фрагмент работы, получают через аттестацию и повышение статуса возможность осуществлять более сложную работу. По прошествии какого-то времени, пройдя по определённой траектории через разные типы работ и разные уровни этих типов работ, человек уходит в другие организации — на место топов или в другую консалтинговую фирму. Не происходит ли в этом случае так, что индивидуальная капитализация работающих сотрудников превышает корпоративную капитализацию? То есть, попросту говоря, фирма греет космос, а люди к своей выгоде используют фирму как трамплин в собственной карьере? На наш взгляд, всё зависит от нескольких принципиальных моментов организации работы фирмы. Например, намечаемый образец целостного преобразования организаций клиентов может быть настолько сложным и настолько передовым, а деятельность по его осуществлению настолько комплексной, что выпускнику данной фирмы после его работы даже на нескольких местах в этой сложной деятельности потребуется лет 15-20 для того, чтобы воспроизвести некоторый аналог данной деятельности вовне самому. Поэтому попав во внешнюю среду, уйдя из фирмы, её выпускник, если для него лично важен сам данный образец подобной работы, каждый раз будет стремиться воспроизвести данный сложный образец, привлекая к решению новой интересной задачи сотрудников — бывших коллег фирмы. Но подобное будет происходить только в том случае, если сотрудник фирмы, осуществляющий преобразующий консалтинг, будет осмыслять целостную деятельность фирмы в соответствии с её будоражащим замыслом. Если же сотрудник фирмы будет выполнять лишь частные предметные задания, не думая о целом, он спокойно уйдёт из фирмы для того, чтобы продавать свои услуги вовне другим организациям. Другой момент корпоративной капитализации состоит в том, что механизмом перемещения по иерархии должностей и работ в фирме являются специально разработанные критерии действия сотрудников по повышению рейтинга фирмы и расширению плацдарма её социализации. Эти действия могут включать в себя: публикации в модных профессиональных журналах, организацию интернет-дискуссий, вызывающих резонанс в профессиональном сообществе, получение нестандартных заказов, включение в деятельность фирмы новых нестандартных академических и профессиональных сообществ.

В заключение важно вернуться к вопросу, принципиальному для данной главы: а какой механизм собственности данной фирмы? Даже если собственность будет зафиксирована юридически в правах

акционеров фирмы, представлена в пучках контрактов данной фирмы, реальным механизмом собственности являются антропологические способности людей воспроизводить механизм деятельности фирмы, включающий:

- намечаемый шаг преобразования профессиональной практики в соответствии с миссией;
- инструменты и технологии (то ест.ь операционально воспроизводимые способы работы по употреблению выделенных инструментов) по обеспечению преобразования;
- антропологические изменения людей, делающих их способными использовать данные инструменты и технологии;
- цикл изменения практики от замысла преобразования до перехода к устойчивому стабильному функционированию организации на основе освоенных новых инструментов и схем.

9.2. Методологическая проблема развития полномасштабных производительных сил

Посвящается М.Д. Дворцину…

В системно-структурной мыследеятельностной методологии есть очень важное различение деятельности и мыследеятельности при описании действий и активности коллективов и групп различных людей. При разработке решения определённого уровня сложности это решение может имитироваться и проигрываться в коллективной работе собранной группы людей. Но для того чтобы это решение затем реализовалось, оно должно опираться на некоторый общий оестествлённый уровень функционирования большого числа разнообразных коллективов людей.

Мыследеятельность и деятельность — это процессы, различающиеся имитационно-реализационными возможностями. Мыследеятельность — это то, что можно проиграть и проделать в комнате с коллективом или группой людей. Деятельность — это то, что развёртывается в масштабах общественной системы жизнедеятельности и совокупности производственных комплексов. Деятельность — это оестествлённая способность населения страны, вооружённого определёнными инструментальными системами (технологиями), знаниями, способностями, производить продукты заданного качества. Мыследеятельность — это поисково-опробующая активность в ситуации, нацеленная на решение творческих проблем и задач.

Мыследеятельность, осуществляющаяся в ситуации, всегда уникальна и никогда не повторяется. Она обладает экземплефицированным (единичным) рисунком. К ней приложимы определения, которые Н.А. Берштейн — замечательный отечественный физиолог — давал движению, говоря, что это «повторение без повторений». С этой точки зрения, мыследеятельность — это ситуативное единичное творчество. Но если возникает задача необходимости воспроизводства, мы попадаем в совершенно новую, иную ситуацию. Эта ситуация характеризуется рутинными, автоматизационно-бессознательными способами поведения. Это — тот уровень деятельности и труда, который характеризуется наличием или отсутствием технологических процессов.

Возникает вопрос: а зачем вообще нужна абстракция деятельности, если все процессы всегда развёртываются в ситуации, в том числе и процессы организации и построения технологического производства? Эта абстракция нужна, прежде всего, для того, чтобы помыслить и вообразить сложносоорганизованную деятельность всей общественной системы России в целом для того, чтобы описать общественный способ производства России, например, по отношению к общественному способу производства объединённой Европы, Китая, США, Японии. Во-первых, продиагносцировать его наличие или отсутствие. Во-вторых, ответить на вопрос о её качественных характеристиках. После того, как подобная система помыслена, это не означает, что деятельность конкретных коллективов и жизнь этой производственной системы сообщества должна быть организована по законам устройства так простроенного деятельностного объекта. Здесь должен действовать специально разработанный в системно-структурной методологии принцип диспараллелизма конкретной практики как предмета мысли и языков мышления про данный объект. Объект мыслится в одном типе языков, а его реализация осуществляется в системе языков другого типа. Если данное семиотическое требование не выполняется, то мы попадаем в ловушку слома действия формами мыслимости. Мы своим мышлением подменяем конкретную реальную практику, не развиваем и не углубляем представлений о практике. Для того чтобы не попасть в подобную ловушку, построение форм реализации должно строиться иначе, чем выделяемый объект.

Подобные методологические сложности определяются тем, что нам приходится иметь дело в некотором смысле с предельным объектом, вернее с системой из двух предельных объектов — общественным способом производства, вписанным в мировой порядок, как реальным

плацдармом действия и как предметом мысли. Поэтому эта пара объектов мыслью и конкретным предметным действием определённого коллектива или группы удерживается, конечно, по-разному.

В системомыследеятельностной методологии существовало представление о сферах мыследеятельности. Под сферой мыследеятельности понималось такое устройство практики, которое предполагало обязательную соорганизацию пяти-шести процессов: процессы производства, процессы воспроизводства, процессы устойчивого стабильного функционирования, процессы развития, процессы ОРУ (организации, руководства и управления[1]) и, возможно, ещё процессы захоронения. Пересечение и соорганизация данных процессов на конкретном локусе практики образуют сферу деятельности.

Но на этом анализ не заканчивался, поскольку утверждалось, что пересечение разных сфер мыследеятельности друг с другом в том случае, когда определяются функции каждой из этих сфер относительно других, образует полисферу. Может существовать полисфера образования, полисфера науки, полисфера промышленности и производства в том случае, когда мы анализируем, как данная сфера втягивает внутрь себя другие сферы, их преобразует и перестраивает. Так, например, сфера образования втягивает внутрь себя научные фундаментальные прорывы, переводя их в структуру содержания общего образования, втягивает внутрь себя прикладную науку и начинает втягивать внутрь себя следующий ближайший шаг повышения уровня организации производственных процессов и качества труда. В соответствии с работами группы Дворцина, что с другой стороны, многократно было повторено на ОДИ и, например, блестяще эссеистски было зафиксировано Н.Г. Алексеевым — последовательные процессы обеспечивают осуществление стабильного функционирования и выводят на циклы изменений, а параллельные процессы размыкают циклы и выводят на бесконечное число систем и ситуаций развития с новым типом связей и замыканий. Подобный анализ мы может осуществить и в рамках полисферы прорывного научно-методологического творчества. То, что мы до этого называли наукой, должно быть превращено, на наш взгляд, в методологическую полисферу, соорганизующую и объединяющую проектирование, конструирование (прежде всего, онтологическое) и исследование. Образование в полисфере науки представлено, прежде всего, как

[1] Понимание различия этих процессов весьма существенно. С точки зрения системно-категориальной: руководить можно только людьми, управлять только процессами, а организовывать только структуры.

классическое образование, позволяющее преодолеть узкую монопредметную специализационность (или назовём его даже «специализм»), оно оказывается связано с освоением проектного действия и рефлексивного мышления, а также с овладением в рамках нового общего образования типами мыследеятельности — прежде всего проектированием, исследованием, критикой, конструированием, организацией — руководством — управлением, разведкой.

Если мы возьмём теперь сферу производства, то она окажется сегодня связана с технологиями информатизации и внедрением компьютерно-виртуальных систем, за которыми прячутся институциональные стандарты организации процессов производства. Втянутая внутрь производства система проектно-конструкторских разработок и прикладной науки выполняет роль ориентационной основы данной сферы[1]. Она обеспечивает заделы на конкурентоспособное перевооружение производственной сферы. Для того чтобы производственные системы непрерывно развивались, они должны существовать как общедоступные плацдармы для разных разработческих групп — именно в этом случае развитие становится непрерывно осуществляющимся процессом и тогда о волнах Кондратьева — своеобразных колебаниях — процессов роста, стабилизации и стагнации, спада — можно будет забыть[2]. Кстати, в этом только случае о некотором фрагменте практики впервые и можно будет говорить как о сфере, ведь в этом случае процесс развития появится не как нечто фантомное и виртуальное, но как реально осуществляемый режим действия и нециклического продвижения в будущее. Хотя подобное преодоление цикличности одновременно означает разрушение процессов воспроизводства. Их восстановление предполагало бы построение новых скелетных схем — организационно-каркасных рамок самих циклов воспроизводства. В так рассматриваемой производственной полисфере совершенно другие функции начинает приобретать образование. Само образование в этом случае как бы расслаивается. Образование начинает выступать, с одной стороны, в виде институционального устойчивого зафиксированного ядра, обеспечивающего некоторую базовую подготовку для действия в производственной полисфере, с другой стороны, образование выпол-

[1] **Многократные сборки и пересборки деятельности в способности и личностные техники и, наоборот, развёртывание способностей до технологических и объективированных контекстов.**

[2] **Очень интересная мысль М.Д. Дворцина и его группы, состоящая в том, что естественно сложившиеся натуральные процессы волновых колебаний можно переоформлять и перепроектировывать, меняя их суть.**

няет функцию рефлексивно-спецназовской подготовки для людей, захватывающих и оформляющих продвижение в переорганизации производственной сферы, например, за счёт освоения новой техники, и, наконец, образование выступает как специфические программы духовной и методологической подготовки людей по формированию способностей нового более высокого класса — например, умения учиться на протяжении всей жизни, выращивать проблемное мышление — способностей проектирования институциональных контекстов и т.д.

И этот анализ в какой-то степени может продолжаться до бесконечности, поскольку затем на место мыслимых полисфер, как представлены данносте, должны прийти поли-полисферы и так далее. Но эта редукция ad infinitum прекращается, поскольку нам оказывается, во-первых, необходимым помыслить ближайший шаг сдвига трёх этих взаимно завязанных полисфер, организованный как определённое конкретное действие из сферы политики. Во-вторых, с точки зрения имеющихся представлений и знаний, мы на сегодняшний момент можем выстроить представления о сфере знанье-методологического (фундаментально-научного) комплекса, представления о сфере образования, представления о сфере промышленно-производственной, мы можем предложить проекты трёх вышеперечисленных полисфер. Но затем уместно поставить вопрос: это три разные позиционные полисферные проекции единого общественного комплекса, который М.Д. Дворцин называет полномасштабными производительными силами? Ведь только в этом случае всё становится на свои места, поскольку оказывается, что реально должно быть соорганизовано сложное, не познанное пока никем в мире практическое целое — единство образования, научных прорывов и технологических разработок, социальных промышленно-производственных систем[1]. В рамках этого целого могут выделяться одноимённые системы, за которыми стоит **институциональная идентичность** работ, осуществляемая в данном конгломерате процессов — институт образования, институт фундаментальной и прикладной науки, институт промышленности. Именно наличие подобных институтов не даёт этому сложному пересечению процессов в конгломерате распасться и преобразоваться до такой степени, что промышленность уже больше не будет похожа на промышленность, а фундаментальная наука, порождающая идеализационные гипоте-

[1] **Кстати, здесь возникает очень серьёзный вопрос, правомерно ли с точки зрения Г.П. Щедровицкого рассматривать производство как сферу.**

зы, утеряет эту свою функцию. Ведь институты созданы, прежде всего, для того, чтобы транслировать и культивировать некоторый нестандартно высокий уровень квалификационных способностей в практическом контексте. Но эта буквально морфологическая определённость институтов, которая выражается в организационном принципе отрасли, не позволяет ухватывать сложное взаимопересечение комплексов — промышленности, науки и образования. Более того, отраслевое представление не позволяет организовать адекватное существование и действие самого института. Как правило, отраслевое функционирование схватывает лишь идею конкретной функции данного комплекса по отношению к другим комплексам: промышленность должна обеспечивать производство изделий, наука — производство знаний и новых технологий, а образование — выращивание людей с определёнными способностями. Но при пересечении этих функций в рамках полномасштабного комплекса оказывается необходимым осуществлять специальную организацию процессов каждого из этих институтов, которую Г.П. Щедровицкий предложил называть сферной. Это означает, что в построении образования, научных исследований и разработок, промышленно-производственных процессов необходимо выделять организацию пяти-шести процессов: функционирования, развития, производства, воспроизводства, ОРУ и захоронения вместе с демонтажем. Но очень важно учитывать одно весьма простое обстоятельство, что так рассматриваемые сферные процессы определяют характеристики и организацию каждого из институтов — науки, образования, промышленности, но не способы и формы их пересечения друг с другом. Для того чтобы выделять и простраивать пересечение каждого из компонентов внутри комплекса, предполагается введение представлений о полисферной организации процессов. В этом случае процессы производства в одной сфере могут выступать в функции механизмов, обеспечивающих развитие или воспроизводство в другой сфере. Так, производство знаний и технологий в сфере онтологического конструирования и проектно-конструкторских разработок (НАУКА) обеспечивает развитие системы промышленности. Производство в сфере образования в отдельных случаях обеспечивает функцию воспроизводства в системе промышленности, в других случаях выступает там механизмом развития.

Подобные функционально-морфологические пересечения сферных процессов по отношению к разным сферам общественной практики являются понятийно-схематизационным инструментарием (каркасом), который позволяет понятийно удерживать пересечение

трёх указанных комплексов. Но в какой мере этот методологический проект реально определяет изменение общественной практики? Наверное, в минимальной, пока не будет осознано, что вопрос о пересечении и взаимосвязи образования, науки (методологии?) и промышленности — это вопрос о способе общественного производства, включённого в мировой порядок.

Но не забудем основную идею, ради которой мы вводили подобные расчленения, — институционально-индентичное (отраслевое), сферное и полисферное представления есть лишь инструментальные формы методологического оснащения и организации форм взаимодействия трёх комплексов — промышленности, образования, науки, сама конфигурация и пересечение которых требует разработки специальных проектов.

9.3. Почему деятельность? Зачем нужны подобные онтологические построения?

Важнейшее понимание Г.П. Щедровицкого, что деятельность полиматериальна, и она включает внутрь себя не только материальные станки и машины (которые почему-то представителями технократического сознания называются технологиями), но и людей с их способностями, материал сознания, смыслы, нормы поведения, до настоящего момента не потеряло свою актуальность. Если нам важно иметь социально-производственную систему, где человека не только потребляют, но где воссоздаётся его субъектность и субъективность, нам необходимо следует иметь представление о деятельностных процессах. Более того, ведь может так получиться, что трудовое мыследеятельностное искусство, не заменяемое на работу станков и автоматов, сохраняется в производственной системе только в том случае, если рабочий одновременно осуществляет эвристико-изобретательский, управленческий, инженерно-технический тип политруда. В том случае, когда рабочего сводят к исполнению отдельной операции или к контролю за работой автомата, присутствие человека должно быть заменено работой автоматизированных устройств — в этом состоит гуманитарный подход к деятельности человеко-машинных систем.

С другой стороны, важнейший закон деятельности — это закон воспроизводства, утверждал Г.П. Щедровицкий, тем самым обращая внимание на то, что деятельность — это рутина. Это означает, что в тех случаях, когда мы анализируем инновационные процессы, мы всегда сталкиваемся с необходимостью «сшивать» ситуативную

мыследеятельность с устойчиво осуществляемой воспроизводимой деятельностью. Единичное остроумное творческое блистание в ситуации должно завершиться рутинной, миллионы раз автоматически проделываемой работой. Здесь в какой-то мере должен быть осуществлён в обратном направлении тот процесс, который описывал Ленин при возникновении логики, когда говорил, что определённые фигуры мысли должны были повториться миллионы раз в мозгу для того, чтобы превратиться в форму силлогизмов. Здесь должна быть проделана обратная работа — двигаясь от единичных уникальных случаев ситуативной мыследеятельностной работы, необходимо перейти к устойчивым корпоративно-институциональным каркасам функционирования.

Очень важно понимать, что подобную проблему промысливал Аристотель. Именно поэтому, видимо, у него впервые в европейском мышлении и появилась категория формы. Поскольку формами, в подлинном смысле этого слова, являются только формы организации деятельности, морфологическую основу которых образуют корпорации и институты, определяющие, прежде всего, административно-бюрократическую технологизацию и каталогизацию осуществляющихся в них процессов. Только формы деятельности, в прямом смысле слова, и являются предметом проектирования. Проектироваться могут непосредственно не вещи, не люди, не структуры психики и сознания, но формы организации деятельности. Если это так, то грандиозная задача построения общественного способа производства, которую в других словах Марк Давыдович Дворцин формулирует как создание системы полномасштабных производительных сил, предполагает построение совершенно особых экспериментальных предметов практики и особых заготовок. В мыследеятельности на основе игры должны проигрываться и сшиваться особо сложные узлы взаимосвязей исследований, конструкторских разработок, систем производства, образования, а затем на основе этих игр должны восстанавливаться и предлагаться устойчиво функционирующие каркасы институтов и корпораций. Эти устойчивые каркасы институтов и корпораций должны обеспечить взаимосвязь прорывной методологии-науки с созданием новых технологий, трансформирующих производство на основе систем образования. Мыследеятельность в этом случае образует поисково-экспериментальный предмет анализа и разведки на основании опробования нового способа технологической деятельности, затем создаются полномасштабные институциональные и корпоративные формы. Может быть, осуществлять подобный игровой мыс-

ледеятельностный поиск совершенно не нужно, если речь идёт о заданных параметрах функционирования. В этом случае тогда, наверное, можно исходить из определённой заданной аксиоматики и законов. Но нам необходимо задать определённый шаг, определённый ход сдвига промышленной системы, завязанной на прорывную науку и систему образования. В этом случае без выдвижения пробных проектов, их обыгрывания и принятия решений на основе анализа полученных результатов ничего не сделать.

Что же является предметом подобных проб:

проект новой институциональной организации фундаментальной методологии и науки, способных выдвигать, прежде всего, новые онтологические идеи;

проект новой институциональной организации прикладной науки и системы конструкторско-проектных разработок;

проект новой организации управления научно-методологическими исследованиями, проектно-конструкторскими разработками;

проект информационно-поисковых систем, обеспечивающих управление научно-методологическими исследованиями, проектно-конструкторскими разработками;

проект новой институциональной организации общего образования;

проект новой институциональной организации профессионального образования;

проект новой институциональной организации систем переподготовки;

новые системы управления образованием;

проект информационно-поисковых систем, обеспечивающих управление образованием;

проект новой институциональной организации промышленного труда;

проект новой институциональной организации управления развитием производственной системы;

проект информационно-поисковых систем, обеспечивающих управление развитием производственной системы.

9.4. Деятельностью и мыследеятельностные системы и мировой порядок

Проблематика деятельностного подхода состоит, прежде всего, в том, какие сложные естественные социальные процессы, которые осуществляются сами по себе, могут быть артифицированы и после

этого выполняться на основе искусственно созданных механизмов. Так, например, естественно складывающаяся конкуренция, образующая важнейшее завоевание рынка, может ли она развёртываться и осуществляться на основе специально организационно простроенных механизмах. Человеческая деятельность-мыследеятельность является таким образованием, где всё продумывается заново, чтобы затем делаться на основе более высоких степеней духовного освоения. Безусловно, очень сложное общественно-социальное единство-«кентавр» рынок-план предполагает приваривание к простроенным структурам видения государственного промышленного контура, который всего лишь задаёт общую, удерживаемую всеми конфигураторную рамку игры, естественных механизмов самодвижения. Поэтому те, кто предполагает, что вообще не надо видеть сложного государственного инварианта и сложного устройства государственно-промышленной системы, ошибаются. Видеть надо всё, и в шестые или седьмые небеса забираться надо. Другое дело, что это видение затем должно транслироваться всем основным участникам коммуникативного диалога и они, находясь в состоянии конкуренции, совершенно по-особому и по-своему простроят стратегию действия, опираясь на данное видение. При этом, правда, предполагается, что конкуренция абсолютно естественна и всем понятна. Мы в этом не уверены и считаем, что её точно так же надо переделывать, специально проектировать.

Но важнейшая характеристика формирования нового порядка состоит совсем в другом, конечно, не в том, что якобы везде теперь рынок. Она предполагает выделение естественных характеристик процессов, которые являются своеобразным бессознательным социумом. Они действуют неукоснительно и почти что самопроизвольно. Так, одним из таких бессознательных является уровень технологизации производственных процессов. Эта характеристика была выделена замечательным русским экономистом М.Д. Дворциным. Действительно, если завершилось противостояние и мир нарезали в виде множества самых разнообразных социально-политических процессов и систем, то совершенно естественно, что соединяться и связываться в единое органическое целое начнут те процессы, которые принадлежат одному типу органики, между которыми возможна синергия. Для производственно-промышленных систем это определяется уровнем технологизации процессов функционирования. Если эти уровни технологизации разные, то синтетического соединения производственных процессов в единый организм не происходит. Это означает, что произвольное соедине-

ние производственных систем не даёт прироста ни в энергии, ни в технологическом уровне, ни в росте возможностей перестройки и развития. Но уровень технологизации промышленно-производственных процессов и описывается в теоретико-деятельностной онтологии. Соединяется то, что одинаково машинно устроено. То, что устроено немашинно, не технологически-деятельностно, взаимно понимается, разведывается, но не соединяется в единое целое. В лучшем случае существует как предмет целенаправленного понимания.

Таким образом, в единое целое объединяются, прежде всего, системы, являющиеся агрегатами и частями некоей единой машины. Именно в этом случае, выстраиваясь в качестве единого машинообразно технологического целого, они, объединив потенциалы, начинают выступать в качестве единого субъекта. Но, став подобным субъектом, они уже не могут управляться и определяться по логике машинного целого. В системе стратегического управления сложившегося организма логика деятельностно-технологическая, машинная перестаёт работать. Здесь должна включаться архетипика систем сознания, смыслы и ценности, культурно-конфессиональные основания, определяющие назначение и логику действия подобной мегамашины полномасштабных производительных сил. Более того, если перенять для стратегического управления логику построения самой машины, произойдёт гибель и остановка. С большим трудом собранный механизм — корпорация, национальная корпорация, межнациональная корпорация или транснациональная корпорация — не будет управляться. Поскольку для того, чтобы их нацелить, нужны цели и ценности. Использование подобного образования, как корпорации в качестве средства не происходит автоматически. Автоматически он самоуправляется инерционно, а для того, чтобы поставить перед ним определённые задачи, необходимо включить систему смыслов (то есть понимание), ценностей (принципов действия) и целей. Но подобный разрыв между логиками складывания регионов в мег, метарегион, в транснациональную систему и логикой действия нового метанационального субъекта в рамках нового формирующегося мирового порядка и образует противопоставление деятельности и мыследеятельности. Мыследеятельность это тип субъективной активности, который не технологизируется, хотя и нормируется. Таким образом, метанациональный субъект складывается по законам технологий и деятельности, а управляется по законам архетипики сознания, смыслов, ценностей и мыследеятельности.

При этом давайте не совершим ошибку К. Маркса: архетипика сознания, ценности и смыслы не определяются и не детерминируются

технолого-деятельностными характеристиками. Они определяются и задаются совершенно другой логикой. И очень при этом важно, что мыследеятельностная логика вообще не выводится из деятельностно-технологической логики.

Но можно ли здесь просчитать и увидеть хоть какую-либо логику? Да, безусловно, но она задаётся отнюдь не принципом «бытие определяет сознание». Поскольку оказывается, что так называемое технологическое бытие не детерминирует сознание, но действует наряду с ним, по его собственным законам. А каковы же здесь принципы этой самой логики в формировании нового миропорядка? Они приблизительно следующие: выигрыш получает та система, которая после соединения в единую машину технологических составляющих — агрегатов, не должна тратить время на объединение в единое целое несоотносимые мыследеятельностные (этноконфессиональные, аксиологические) формы и системы. И, наоборот, если в структуре суверенной государственности разные конфессионально-мыследеятельностные, мыследеятельностно-аксиологические системы объединены в противоречивое, но целое, то подобный суверенный субъект может поворачиваться разными ценностно-мыследеятельностными сторонами по отношению к другим суверенным субъектам. Более того, в рамках мирового целого разнородность, многоаспектность целого является безусловным богатством. И, наоборот, однородность является проигрышной формой организации. Так, объединённые в структуре Малазийской государственности тамильские индусы, китайские буддисты и даосы, малайские мусульмане выступают очень важным многоаспектным переходником по отношению к мировому порядку из структуры мусульманского континента, где Малайзии отводится важное место страны-лидера модернизаций в исламском мире.

Огромным потенциалом разнородности обладают США, огромным потенциалом разнородности в рамках единой суверенной формы государственности обладал СССР. У России опять появляется возможность совместно с другими странами на постсоветском пространстве сложить единый и при этом разнородный мыследеятельностный организм по отношению к технологически достаточно отсталой, но целостной машине полномасштабных производств.

Так понимаемое соотношение системодеятельностной и системомыследеятельностных онтологии выступает в качестве замены категориального расчленения того, что для Маркса выступало в качестве системы производительных сил, за которой стоял способ производства, и системы производственных отношений. Именно

конструкция из этих двух онтологии и задаёт, на наш взгляд, форму, которая может описывать технологизируемый общественный способ производства и всю совокупность институциональных отношений, которая детерминируется культурной нормативностью и историей. А так называемые производственные отношения преформируются из двух источников — от системы технологических процессов науки, образования и промышленности и от систем культуры, традиции и истории. К. Марксу было важно снять второй тип детерминации производственных отношений. И указать на единое монистическое основание материальной экономики, определяющей структуры всех социокультурных институтов. И подобное обстоятельство, видимо, скоротечно играет свою роль при возникновении нового способа производства, который ещё не главенствовал в истории. Именно на основе действия подобного механизма — возникающий способ производства определяет структуру институтов и соответствующие им формы сознания — можно по аналогии сделать вывод, что все формы сознания определяются способом производства. Но данный тип обобщения, скорее всего, является неверным. Мы сейчас заново вынуждены переоткрывать субстанциональность культуры и духа, ничуть не меньшую, чем субстанциональность материальных процессов производства. Но в России мы попали в парадоксальную ситуацию. У нас разрушаются, можно сказать, на корню уничтожаются материальные процессы производства. Можно ли сделать вывод, что у нас исчезнут любые институциональные отношения? Конечно, нет. Эти отношения нам поставляет традиция и культура.

ГЛАВА 10 | Программа философско-антропологических исследований, обеспечивающих развитие | практики развивающего образования[1]

Сегодня всё в большей степени очень многих людей в России интересует проект полной оригинальной системы национального российского образования, который не просто был бы на уровне мировых образцов, а возможно даже опережал бы эти стандарты и задавал совершенно оригинальную систему антропологического развития российских людей. Все очередные (в интервале полугода — пяти лет) потуги реформирования российского образования и науки привели только к тому, что окончательно стало неясно, где нечто отсталое, что необходимо модернизировать и развивать, а где, наоборот, нечто сверхпередовое, на что все должны равняться. Попытка заразить российскую школу бациллами тестов, что, по мнению многих американских философов образования (например, Томаса Попкевица, Генри Сент-Мориса), является бичом национальной системы образования США, конечно, не может рассматриваться как реальный шаг развития российской системы образования и повышения её качества. После всех этих усреднённых, ускромнённых и скособоченных модернизаций, профилизаций, разгрузок становится всё более очевидно, что подлинной проблемой является вопрос о прорывном опережающем развитии и технологии подобного развития.

Очень важно, чтобы этот проект был устроен таким образом, чтобы его можно было реализовывать и в других государствах земного шара (чтобы он не был доморощенным), но при этом он бы отражал российскую специфику. Таким национальным проектом мирового масштаба, безусловно, является система развивающего образования русского психолога и философа Василия Васильевича Давыдова, созданная совместно с группой его единомышленников и коллег.

[1] Данная глава является докладом, подготовленным для конференции, посвященной 75-летию В.В. Давыдова (Москва, 14-15 сентября, 2005).

Нам представляется, что полная система развивающего образования в масштабах полной средней российской школы должна быть описана с точки зрения трёх важнейших способностей, которые образуют некоторое определённое единство. Система развивающего среднего образования должна обеспечивать выращивание и складывание рефлексивного мышления, инициацию социального проектного действия и разнопозиционное полилогическое понимание, обеспечивающее участие в диалогах людей с разной идентичностью (гражданской, цивилизационной, конфессиональной, этнической). Безусловно, культивирование этих способностей — рефлексивного мышления, проблемной коммуникации и проектного действия (сложно соорганизованная совокупность которых, собственно, и называлась Г.П. Щедровицким системой мыследеятельности[1]) — возможно только в определённом разновозрастном детско-взрослом сообществе, объединяющем несколько разных поколений. С этой точки зрения, «отливание» или закрепление в формальную организацию (машину) «казённой школы» процессов развития и формирования рефлексивного мышления, социального действия, межпозиционной коммуникации, культивируемых в детско-взрослой межпоколенной среде, является безусловно вторичным вопросом по отношению к нормативно-генетической структуре самих этих процессов, типов содержания (дидактике), приёмам их инициации и формирования (методике) и антропологии возрастного развития. Подобное движение от разновозрастной межпоколенной общности к формальной организации мы предлагаем называть вслед за рядом работ В.И. Слободчикова, В.В. Рубцова и членов нашего коллектива генетико-коммунитарным методом, поскольку очень важно инициировать генезис целого ряда процессов и сформировать для их обеспечения соответствующую общностную среду.

Это взятие в единстве процессов рефлексивного мышления, социального проектного действия и межпозиционной полилогической коммуникации позволяет совсем иначе проанализировать систему

[1] **Мыследеятельность, таким образом, это не мыслительная деятельность, не мышление про деятельность и не некая пресловутая слитость/нерасчленённость мышления и деятельности, как предполагают критики этого понятия, а различённая совокупность сложной взаимосвязи процессов мышления, коммуникации, действия и ещё целого ряда недоартикулированных/недовыявленных процессов — понимания, рефлексии, воображения, трансцендирования, воззрительности и т.д. Претензии к первичной пред концептуальной форме опознания данного понятия, вводящей в путаницу, имеет смыл предъявлять к Г.П. Щедровицкому.**

развивающего образования с точки зрения «фукуистских» тем дисциплинарности (власти) и эпистемности (знания). Программа В.В. Давыдова построения практики развивающего образования была направлена на то, чтобы вывести элитарную, но принципиально рассчитанную на всех детей в России школу, за рамки нововременной парадигмы подчинения, иерархического закрепощения и дисциплинарности — известного по Фуко сближения в рамках нововременной парадигмы школы с сумасшедшим домом, призывным пунктом в армию и тюрьмой. Современная дисциплинарность постмодернизма по Фуко как культивируемое принуждение носит, конечно, другой характер мягкого насилия, разрушающего идентичность. Закрытая платная массовая школа всё больше приближается в своём устройстве к кастомизированному супермаркету или тематическому ресторану *(см.* работы Генри Сент-Мориса), а массовая неэлитарная школа к хаотическому чату или борделю, своеобразному «дому толерантности». Ужас социально порабощающего заведения мог быть прёодолён только социокультурными основаниями развития у всех детей способности мышления, преодолением по Будде Шакьямуни авиддьи-незнания. Здесь нам представляется важным открытый характер проекта-программы В.В. Давыдова, открытой в двух совершенно разных, но в одинаковой степени важных смыслах: с одной стороны, рассчитанной на то, чтобы инициировать теоретическое мышление у всех детей России, с другой стороны, предполагающей проведение огромного числа продолжающихся исследований и разработок, обеспечивающих развитие антропологии, дидактики и методики развития.

Нас, с точки зрения развития программы развивающего образования, больше всего интересует старший школьный возраст, который был для нас связан с разработкой метапредметов, проведением ОДИ и реализацией проектов в старших классах средней школы. Сама идея метапредметов была выдвинута в дискуссиях с В.В. Давыдовым и В.И. Слободчиковым в Болгарии, и она связана со сложнейшим, на наш взгляд, вопросом развития мышления — соорганизацией способов рефлексивного отслеживания и преобразования формы мышления и его предметности. Поскольку недостаточное развитие формы приводит к тому, что рефлексивное мышление перестаёт быть рефлексивным и «захлёбывается» в смыслах данного предметного поля, потеря предметности же приводит к тому, что мышление перестаёт быть содержательным, начинает страдать ходульным пустым формализмом и витиеватостью форм выражения. Собственно идея метакогнитивности — метапознания и метапред-

мета и состоит в том, чтобы осуществлять движение одновременно в двух плоскостях — в плоскости предметного содержания и в плоскости анализа и конструктивного преобразования формы. Реализуя данную программу, мы совместно с нашим коллективом разрабатывали на материале разных предметов в экспериментальной школе № 1314 — Проектном колледже, который уже работает по достаточно напряжённой программе 15 лет, метапредметы. Этот опыт описан, созданы учебники по метапредметам и реализуются разработанные учебные программы. Но в данном докладе мы бы хотели обратить внимание на целый ряд проблемных тем, которые требуют исследований и разработок.

Если использовать «ракоходный» метод трансцендентальной философии И.Г. Фихте, позволяющий выявлять основание некоторого мыслительного полагания лишь после того, как осуществлено это полагание, то следует обратить внимание на ряд предпосылок, которые заложены в самой структуре понятия, по В.В. Давыдову, но требуют специальной работы по их реконцептуализации и выявлению. В частности, в знаменитой статье, ставшей классикой изучения мышления, «Анализ строения мыслительного акта» понятие рассматривается как форма, одновременно развёртывающаяся в двух плоскостях: в плоскости предметного действия и в плоскости преобразования моделей. Но при этом возникает принципиальный вопрос, который нас волнует, начиная с нашей кандидатской диссертации, которую мы выполняли под руководством В.В. Рубцова и В.В. Давыдова, возникает ли для ребёнка и при каких условиях сама различённость и разделённость подобных плоскостей и слоев и какие, собственно, процессы стоят за «слоевизацией» рефлексивного сознания в процессах мышления или, как эти процессы называет Жиль Делёз, — стратификацией (связанных с выделением страт или слоев). На наш взгляд, эти процессы весьма фундаментальны, поскольку они, собственно, и позволяют различить плоское и многослойное сознание формирующегося мыслителя, который оказывается в дальнейшем способен отслеживать собственное движение на разных слоях, а также описывать и характеризовать продвижение в каждом из слоев. На наш взгляд, подобная способность вычленять и выделять слои, их ландшафт и организацию, по которым движется мышление, а также возможность оснащать и организовывать своё движение в каждом из слоев в какой-то мере тождественна ясновидению — специфической мыслительной созерцательности. Очевидно, что сходные процессы получили название в работах Якова Александровича Пономарёва «Внутренний план действия» и затем

стали предметом изучения в целом ряде исследований, выполненных под руководством В.В. Давыдова и членов его коллектива.

Рассматривая это понятие — внутренний план действия, мы обратим ещё раз внимание на соотношение категорий внешнего и внутреннего. В соответствии с нашей интуицией в мыследеятельности нет ничего внешнего, что не становится внутренним, и нет ничего внутреннего, что не может быть экстериоризировано и превращено в предмет отношения со стороны другого участника коллективной работы. Поэтому мыследеятельность и мышление в ней осваиваются не за счёт интериоризации, а на основе экстериоризации и предъявления своих собственных представлений, интуиции и видений другим членам образовательной общности.

С другой стороны, принципиальным является вопрос, при каких условиях и как учащийся начинает выделять разные слои мышления на основе рефлексивного сознания и ориентироваться в них, прежде всего, слой той или иной предметности и слой форм организации самого мышления.

И здесь мы сталкиваемся со следующим обстоятельством, хотя многослойная структура действий с предметами, моделирования, действий преобразования моделей является основой для определения строения учебной деятельности ребёнка и формируемых у него учебных действий в соответствии с теорией учебной деятельности, но освоение самой данной двухслойной схемы, различение разных слоев может быть им осуществлено значительно позже. Данную схему выделяет и ориентируется по ней педагог, но отнюдь не учащийся. Здесь мы тоже видим один из интригующих моментов освоения ребёнком понятийного мышления, связанный с различением понятия и схемы, а также понятия и схемы понятия. Как в своё время справедливо указывал Д.Б. Эльконин, если мы данную схему, описывающую и организующую многоплоскостное движение, просто введём в употребление для ребёнка, то ребёнок сведёт двухплоскостную схему к одной плоскости, то есть просто сплющит многоплоскостное, многоуровневое движение к одноуровневому. Именно в силу данной сложности возникает, собственно, проблема генетико-коммунитарной антропологии, нацеленной на то, чтобы специально описывать и анализировать условия генезиса и происхождения целого ряда образований сознания и способностей, которые не могут быть сформированы и присвоены через простое воспроизведение некоторого конечного финального результата.

Возникновение многоплоскостного движения в мышлении предполагает освоение ребёнком принципов организации слоя,

отделённого и обособленного от другого слоя, действительности или экрана. Мы предполагаем, что основное новообразование, которое формируется у младшего подростка, - это как раз представление идеальной действительности, обособленной и отличённой от другой действительности, противопоставляемой другой действительности. Идеальная действительность — это одновременно точка в отличие от другой точки, плоскость бесконечного числа гомогенных точек в отличие от другой плоскости и сфера бесконечного числа плоскостей в отличие от другой сферы. Но основная особенность возникновения и разделения слоев в сознании состоит в том, что каждый выделяемый и обосабливаемый слой являются одновременно экраном сознания, на который может проецироваться содержание любых других экранов. Таким образом, проблема стратификации, как остроумно замечают в своей книги «Тысяча плато» Жиль Делёз и Феликс Гватари, это не просто выделенное и субстанционально отделённое от других кусков и вещей образование, но это — своеобразная пространственно-временная зона, в которой увеличивается интенсивность процессов жизни и взаимодействия ребёнка в общности.

Если ребёнок научается формировать и выделять плоскость своего рассмотрения, на которую он может проецировать содержание любых других плоскостей рассмотрения, а что-то и не проецировать на неё, у него появляется возможность привлечь внимание сверстников и взрослых именно к своему способу понимания конкретного вопроса, именно к своему формирующемуся видению на конкретную вещь или событие. Таким образом, тот, кому удаётся дифференцировать и различать одну плоскость рассмотрения предмета, явления или события от других, невероятно интенсифицирует общение со сверстниками и с представителями других возрастов. Но эта интенсификация предполагает не просто увеличение общего времяговорения или физического пребывания вместе, но возможность сделать предметом обсуждения именно собственное понимание конкретного вопроса. На наш взгляд, это достигается, прежде всего, за счёт овладения технологией построения экранов и проецирования содержания с одного экрана на другой. Перебрасывание содержания с одного зеркального экрана на другой зеркальный экран, отражающих содержание других экранов, рассматривалось Г.П. Щедровицким как механизм сознания. Вполне, на наш взгляд, допустимо предположить, что именно ранний подростковый возраст является периодом формирования «фокусирующегося сознания» в коммуникации между разновозрастными разнопоколенческими

группами. Выявление состояния фокусирующегося сознания и одновременно обнаружение этого состояния у других людей, игра в возможность разных подобных фокусировок в коммуникации создают условие для интенсивного органического переживания бесконечных возможностей понимания других людей и обнаружения себя. С этой точки зрения, безусловно, важно понимать, что экстериоризируются и объективируются эти процессы на основе введения в коллективную работу особого типа коммуникативно-мыслительных средств — экранов, сред, действительностей, слоев, но сам момент живой энергетизации и органический процесс интенсификации взаимодействия не может быть сведен к набору внешне предъявляемых инструментов. Каждое их этих средств имеет свой диапазон действия и своё предназначение:

- **экраны** обозначают возможность отображать ракурс собственного видения и переносить видения других людей на свой собственный экран;
- среды выявляют границы собственного продвижения, взаимодействия и соприкосновения с другими возможными пониманиями (отсюда хорошо выявленная и продемонстрированная Борисом Элькониным система взаимосвязей понятий средина-посредничество, опосредничество в отличие от опосредствования, хотя в немецком языке средство, среда, слой и средина обозначаются одним и тем же словом — das Mittel);
- **действительности** позволяют соотносить понимание с определённой связной системой понятий или знаний, образующих непротиворечивую дисциплинарную область;
- **слои** являются процессом переноса в мышление результатов понимания и выявления разных аспектов знания по отношению к одному и тому же объекту.

Таким образом, для того, чтобы у ребёнка возникли реальность многоплосткостного слоистого мышления и мыслительный акт по Давыдову, позволяющий различать и соединять действие в ситуации с введением идеализации при помощи модели, у него предварительно должны появиться экраны понимания, смысловые коммуникативные среды, знаньевые действительности. С этой точки зрения, возможность дифференцировать и различать действительности разных учебных дисциплин и научных предметов может быть освоена учащимся, если он ориентируется в различных экранах сознания. Энциклопедический формализм современного человека, связанный с культурой поисков в системе гипертекстов интернета, как раз и может быть построен на способности исчислять разные эпистеми-

ческие (знаньевые) действительности и дисциплины и перемещаться не только внутри какой-то одной знаньевой действительности, но и между ними.

В так описанной области важнейшими проблемами являются: вопросы метапознания ребёнком и педагогом самой структуры знания и понятия; рассмотрение генезиса различных типов и форм понимания коммуникативных и транслятивных текстов, ситуаций; воззрительные формы схватывания содержания и контекстов коллективной работы; освоение структур понятий в действительности дисциплин старших классов средней школы; генезис и развитие структур личности в отличие от преобразования структур сознания; роль и функции рефлексивного мышления, понимания, рефлексии в разрешении жизненных ситуаций ребёнка (в частности, в осуществлении жизненного выбора); роль и функция рефлексивного мышления при организации проектного действия, а также, наконец, определённая философская программа, которая нуждается в дальнейшей экспликации и разработке, которая бы обеспечивала развитие системы развивающего и развивающегося образования. Собственно эти перечисленные вопросы и составляют своеобразную программу исследований, обеспечивающих развитие практики развивающего образования в старших классах средней школы и в высшей школе.

Кратко остановимся на вышеперечисленных вопросах. Проблема метазнания, метапредметности знания становится невероятно популярной темой после того, как европейское сообщество поставило вопрос о необходимости анализа форм и способов оборота знания в национальных системах образования в соответствии с принципами эпистемического управления, управления на основе знаний (know ledge management). Можно утверждать, что система развивающего образования задолго до декларирования подобной идеологии сформировала свой оригинальный подход к анализу форм оборота знания в системе образования. Основу этого оборота составляют методы, позволяющие описывать генезис знания и его структуру. В настоящий момент невероятно важно показать, как новый тип знаний может быть получен в системе образования на основе проектной и исследовательской деятельности, а также как основные метапредметные характеристики знания — различение, идеализация, собственно понятие, вскрывающее закономерности процесса генезиса знания, различные формы систематизации знаний оказываются связаны с ростом сознания и формированием личностных структур ребёнка. Достаточно продуктивный ход Г.П. Щедровицкого,

основанный на отчленении структур знания от форм самосознания и личностного роста человека и превращении знания в объективно существующую материальную организованность — вещь, должен быть дополнен в образовательной антропологии прямо противоположным ходом. Этот второй ход предполагает прослеживание своеобразной сращенности форм самосознания, личностных структур самоорганизации и иерархических форм существования знания в каналах трансляции. С этой точки зрения, возможность генетизации знания, переоткрытие существующих открытий есть одновременно определённый уровень развития самосознания и личности. Данная работа осуществляется в нашем коллективе Н.В. Громыко на основе разработанной специальной учебной дисциплины «Метапредмет "Знание"».

В условиях мыслекоммуникации, полилога, проблемных диалогов, разных форм интерпретации текстов, прежде всего не текстов учебников, а текстов подлинников, важнейшей проблемой является анализ процессов понимания. Поскольку именно в среде понимания происходит зарождение и выкристаллизование живой способности рефлексивного мышления, а после на её основе и соответствующих компетентностей. С этой точки зрения, именно герменея — искусство понимания и формирования смысла происходящего — позволяет различать мертвые дисциплинарные системы обучения, основанные на принуждении и внешней дисциплинарности, и открытые для участников, внутри которых он понимает и схватывает не только структуру знаньевого материала, но и предвосхищает ближайший шаг своего продвижения к новым возможностям. То, что обычно рассматривается в качестве мотивирующего смысла, в отличие от притаившегося внутри организма мотива в виде физиологической нужды, представляет переведенный в структуру многоактный процесс понимания[1], когда ученик, сталкиваясь с новым учебным материалом, первоначально лишь предвосхищает, предвидит свой способ действия с ним. Потом он одновременно понимает способы действия на данном учебном материале учителя и других сверстников и одновременно осваивает через понимание саму структуру материала, превращая его в содержания. При этом освоении происходит выход за рамки первоначально намеченных в предвосхищении своих собственных возможностей, процесс,

[1] На наш взгляд, абсолютно неслучайна интуиция Г.П. Щедровицкого о том, что смысл есть не что иное, как процессы понимания, переведенные в структуру.

который Н.Г. Алексеев предложил называть трансценденцией. Эта трансценденция предполагает преодоление сложившихся структур сознания и личностности, форм интерсубъективных взаимодействий в группе, но одновременно и преобразование способа действия с предметом. Этот многоуровневый эволюционный процесс, состоящий из многих актов понимания, формирования своеобразного коллективного организма понимания и взаимопонимания, является важнейшей предпосылкой для роста сознания и личностных структур учащегося. Анализ сложнейшей динамики актов понимания, а также диагностику того, в какой мере данный тип организации обучения обеспечивает развитие понимания, в нашем коллективе осуществляет Л.Н. Алексеева.

В условиях формирования смысловых сред понимания и взаимопонимания у учащегося открывается целый ряд функций, связанный с воззрительным созерцательным схватыванием происходящего. Эти функции лишь условно соотносятся со зрительным анализатором, поскольку они не имеют отношения к сенсорно-перцептивному схватыванию предмета анализа и преобразования. Анализ своеобразного материала воззрительности, различных световых сред, внутри которых формируются предметы понимания в виде образов, символов и схем, представляет очень важное направление развития способности воображения. В работах В.В. Давыдова и В.Т. Кудрявцева было показано, что развитие воображения у дошкольника имеет принципиальное значение для последующего формирования теоретического мышления в начальной школе. Вместе с тем целый ряд созерцательно-воззрительных функций прорисовки происходящего в смысловом поле, выделение идеализации требуют непрерывного развития и в старших классах средней школы. Здесь мы сталкиваемся с необходимостью введения множества новых интеллектуальных функций по аналогии с предложенной О.И. Генисаретским процепцией, позволяющей охватывать всё смысловое поле, в котором в последующем развёртывается процесс понимания и мышления. Таким образом, в данном случае речь не идёт о воображении как о вхождении внутрь некоторого готового образа, но о движении в самом материале воззрительности, о своеобразном процессе созерцательного прозревания. Исследование развития процессов воображения в нашем коллективе осуществляет Э.С. Акопова.

Исследуя процесс формирования понятий в учебных предметах старших классов средней школы, мы сталкиваемся с тем, что классическая схема формирования понятия на основе движения от специфических действий с предметами, воспроизводящих исходное

отношение изучаемой системы, к действиям моделирования, затем преобразования модели требует корректировки. Так, при освоении геометрических понятий в исследовании членом нашего коллектива А.А. Устиловской показано, что формирование геометрических понятий не может быть реализовано в логике «предметное действие — моделирование — преобразование моделей», при освоении содержания идеального объекта. Специфика освоения геометрического понятия предполагает обратное движение, состоящее в материализации и символизации идеального геометрического понимания, в получении геометрической модели, определении ее места в социально-материальном мире (в коммуникации общения с учителем и другими учащимися) и возможности её макетирования на основе материальных предметов и вещей.

К моменту освоения геометрического курса ребёнок, особенно учившийся по программе развивающего обучения В.В. Давыдова, уже получил исходные основы действия моделирования и навыки работы с моделями. Именно поэтому очень важно втянуть его в прямо противоположное образовательное движение, предложив работу с материалом вещей (графических чертежей, фигур), позволяющим «прожить» принципиальную ограниченность вещественных средств для достаточно полного выражения идеального содержания понятия. Ребёнок, таким образом, сначала должен попробовать понять идеальное содержание в коммуникации с учителем и другими детьми, выразить его в словесной форме и продемонстрировать способ понимания этого содержания при помощи построения чертежей. Для этого ребёнок должен осознать границу материализуемого и нематериализуемого в идеальном содержании геометрического понятия на основе операциональных построений.

Важнейшая задача изучения процесса формирования рефлексивного мышления в старших классах средней школы состоит в продвижении ребёнка в проблемных ситуациях, в которых мышление становится не только средством анализа и преодоления затруднения в структурированной предметной области, но и способом формирования собственной позиции в коллективно-коммуникативных взаимодействиях. Попадая в поле оппозиционных точек зрения в образовательных организационно-деятельностных играх, на переговорных площадках в поле реальных социальных взаимодействий, в экспедициях, в специально сценированных симуляционных сессиях учащийся должен понять позиции других участников коммуникативной ситуации и определить свою позицию. Очень часто исходного уровня самосознания и самоопределённости учащегося

недостаточно для занятия самостоятельной позиции в конфликтной ситуации. В этом случае возникает проблема идентичности, которая переживается как «микропотеря» привычного себя в сложившейся системе коммуникативных взаимодействий. Эта «микропотеря» и осознание её причин являются точно так же важнейшим образовательным достижением учащегося, поскольку позволяют прервать привычное обычное понимание и взаимодействие с другими членами коллектива, на какое-то время внутренне замолчать. Обретение собственной коммуникативной, мыслительной, действовательной дееспособности оказывается возможно только в результате обнаружения нового видения и частично нового понимания себя в данной ситуации. Это новое видение, новое понимание, новое осознание себя, которое может выражаться в предъявлении самоопределения при решении, в том числе научно-структурированной проблемы, очень часто предполагает рефлексию и переосмысление привычных форм поведения со сверстниками, взрослыми в обычных ситуациях жизнедеятельности. Этот процесс прохождения через кризисы потери и вновь нахождения «самостного себя» является своеобразной зоной, в которой усложнение форм самосознания оказывается связано с личностным ростом и одновременно с типом усложняющегося осмысления проблемы (проблемного знания). Признание высшей ценности личностной формы существования по отношению к любым типам знания, любым острым социальным вопросам оказывается очень близко, как показано в исследовании члена нашего коллектива А.А. Андрюшкова, к положениям антроподицея в поздних работах отца Павла Флоренского, утверждавшего абсолютную ценность личностного благобытия. Изучение особенностей развития рефлексивного мышления в старших классах средней школы у старшего подростка в нашем исследовательском коллективе организует О.И. Глазунова.

Важнейшей исследовательской проблемой является анализ развития рефлексивного мышления подростка в ситуации социального действия и коммуникации с носителями различных общественных позиций. Связь рефлексивного мышления и социального действия на специально организуемых переговорных площадках изучается Е.В. Хижняковой, а развитие форм самоопределения ребёнка в условиях диалога людей с разной этноконфессиональной и цивилизационной идентичностью является предметов исследования А.А. Андрюшкова.

Обозначенные выше темы и предметы исследований, на наш взгляд, одновременно требуют обсуждения философско-методологических

оснований анализа. В.В. Давыдов обладал редким даром глубинного вечно нового прочтения текстов Г.В.Ф. Гегеля, являясь соратником и другом Э.В. Ильенкова. Нам представляются очень важными анализ и рассмотрение работ позднего И.Г. Фихте, которые, к сожалению, не переведены на русский язык и плохо известены философской отечественной публике. Непереведенность работ позднего И.Г. Фихте, не Фихте периода «яйности» (Ichheit), но философа периода анализа и рассмотрения проблем Абсолюта, позволяет обращаться с ним, используя известную историко-философскую классификационную схему о том, что философская проблематика Канта снята в своих произведениях Фихте, содержание системы Фихте снял в своих работах Шеллинг, его философская система была в свою очередь снята грандиозной системой Гегеля, а гегелевский метод был снят методом К. Маркса. Либо возможен другой подход — отнесения Фихте к догегелевскому и негегелевскому кантианству, хотя совершенно очевидно, что метод Фихте, особенно позднего Фихте, может быть противопоставлен методу И. Канта. С этой точки зрения, очень интересно посмотреть на выделенные нами проблемы исследования развития мышления и знания у старших подростков через призму трансцендентальной философии «Наукоучения 1805 года». Конечно, последовательная развёрнутая экспликация «Наукоучения 1805 года» является отдельной задачей, мы лишь здесь обратим внимание на определённый момент философско-антропологической и знаньево-антропологической нерасторжимости мысли Фихте, близкой нам.

Рассматривая процесс развёртывания знания как способ обретения личностной асамостной формой сознания Абсолюта, Фихте противопоставляет существование знания, выявляемое одновременно и как процесс и как результат, бытию, т.е. любому формально полагаемому представлению об объекте. Существование, рассматриваемое как процесс существования (Existiren) в оппозицию к существованию как структурированному результату, чему-то определённому — экзистенции (Existenz), является моментом бесконечной генетизации, выявления оснований происхождения знания, всё новых и новых структурно-незавершённых процессуальных моментов.

Собственно, в этом бесконечном движении к вскрытию всё новых и новых процессуально незавершённых моментов существования знания и происходит раскрытие Абсолюта. Одновременно Абсолют обнаруживается в сознании как свет через феномен веры, которая по Фихте, являясь способностью, выявляющей и полагающей реальность, может быть слепой, а может быть самоудостоверяющей её основные результаты. В этом втором случае раскрытие форм веры

является ничем иным, как системой наукоучения, обнаруживающей процесс представления разных форм знания.

Реальность Абсолюта для сознания полагается на границе веры и неверия в абсолютную рефлектируемость света. Абсолют же существует для сознания как свет и как основа света, как происхождение света вне всякого света , которую невозможно мыслить, но можно лишь единственное сказать о ней, что она существует. Бог и Абсолют существуют в сознании не в свете, но как свет, как прежде всего самого себя порождающий свет. Реальность же выявляется как продукт темноты, исчезающей в совершенном свете и ясности.

Момент опосредования неверия верой схватывается чистым практическим принципом «Я», который проецирует всякий свет. «Я» является непосредственным представительством протореальности и одновременно реальности. Реальное чистое асамостное «Я» лежит выше, чем то, как мы знаем, самих себя как себя. Это познанное, привычное и неизменное наше «Я» является простым фактом, механическим сращением, без всякого разъяснения и обоснованности, в котором мы перестаём сомневаться, лишь отказавшись от усмотрения абсолютной сущности знания. Продвижение к абсолютному неисследуемому реальному «Я» в оппозицию к схематическому «Я» является одновременно выявлением основы знания в его сущности, как абсолютной самопроецируемости знания.

Выявление же самой формы существования знания и разных уровней его развертывания предполагает установление отношения между тождеством и дистождеством, тождеством в дистождестве и дистождеством в тождестве, а также сущностной этовости к сущностной неэтовости в их непосредственном качественном единстве. Собственно система этих отношений и есть понятие, позволяющее проследить генетизацию и происхождение знания, а также каждый раз устанавливать предел на границе возможного между этовостью и неэтовостью, а также этовостью в неэтовости и неэтовостью в этовости. Понятие, связанное с бесконечным установлением границы выявленного и невыявленного в знании, предполагает работу с формой понятия, определяющего существование знания, которое есть единственная возможность бесконечного, непрерывного выявления процесса его происхождения. В этом случае божественное существование и есть абсолютное понятие. То, что выявлено формой понятия и основано ею, должно быть удержано, невыявленное в форме понятия, но существующее для сознания как предмет последующего постижения выступает в качестве чистого протопонятия.

На основании приведенного краткого анализа данной работы Фихте становится понятно, что рассмотрение понятия как процесса прослеживания генезиса знания в его абсолютных характеристиках было осмыслено и схематизировано Гегелем в результате изучения работ Фихте. Становится понятно, почему такой гордый человек, как Гегель, который, конечно, знал, как бороться с Eitelkeit (тщетой и суетностью[1])! завещал похоронить себя в Берлине в ногах Фихте.

Данный подход трансцендентальной философии позволяет, на наш взгляд, связать проблемы личностного роста, раскрытие различных форм сознания и уровни представленности знания. В этом случае появляется поле для возможности проблематизации и обсуждения подходов религиозно-философской синэргийной антропологии С.С. Хоружего и деятельностного подхода в рамках образовательной антропологии и теории развивающего образования В.В. Давыдова. Безусловно, основные проблемы и противоречия между разными подходами должны разбираться, анализироваться специально.

10.1. Система мыследеятельностной педагогики — основа новой Российской общеобразовательной школы «МЫШЛЕНИЕ ДЛЯ ВСЕХ ДЕТЕЙ!»

Основная идея мыследеятельностной[2] педагогики предполагает реализацию принципиальных философско-антропологических идей Василия Васильевича Давыдова и Георгия Петровича Щедровицкого о включении всех детей, независимо от их социального положения, достатка семей, а также наследственных задатков, в духовную субстанцию мышления. Индивидуально-психологическое разностилевое «думание» отличается от всеобщего мышления, которое либо есть, либо его нет. Осуществляя труд мышления, человек преобразует себя. Всеобщее мышление как развитие мышления у всех и для всех является способом преодоления принципиальной сословности и кастовости общества на основе постановки задачи включения в духовную субстанцию мышления как автопоэзиса — самодеятельности (Selbsttaetigkeit—по Иоганну Готлибу Фихте). Поэтому вхождение в субстанцию мышления следует рассматривать как обретение зоны свободы на основе, как говорил Г.П. Щедровицкий,

[1] *См.* знаменитое место на эту тему в «Феноменологии Духа».

[2] *См.:* Громыко Ю.В. Мыследеятельностная педагогика. — Минск, 2000.

«жесточайшей диктатуры и тоталитаризма его Величества Мышления». Это и есть не что иное, как осознанное духовное служение. Данный проект в какой-то мере является продолжением проекта Просвещения и Нового времени, поскольку он нацелен на то, чтобы сформировать пространство будущего действия на основе рефлексивно-мыслительного переосмысления прошлого, отличающееся от продолжающегося и длящегося настоящего. Но антропологический проект всеобщего мышления одновременно и отличается от эпохи Просвещения, названной Гегелем в «Философии религии» веком рассудочной рефлексии. Речь при этом не идёт о том, что все дети после реализации данного принципа на основе построения специальных мыследеятельностных технологий превратятся в мыслителей одного уровня и типа. Попытка достижения подобной цели являлась бы вариантом своеобразной кибер-антропологической утопии, создающей слишком определённые и формальные образцы мышления, в рамках которых мышление заканчивается. Поскольку мышление всегда является диверсией, нацеленной на разрушение и проблематизацию устоявшихся и общепринятых правил, норм и канонов на основе развития понимания и попытки реализации общепринятых и освоенных мыслительных средств в принципиально новых контекстах.

Задача же заключается совершенно в другом: действительно сформировать способность мышления как своеобразной антропологической практики и пути. На основе осуществления мыслительных актов, укоренённых в субстанции полученных знаний, на основе переоткрытия открытий и прослеживания генезиса знаний и их употребления создать формы мыслительного опыта, опыта актов воображения и понимания, которые могут стать предметом рефлексивного анализа и воспроизведения. Основная заслуга В.В. Давыдова в этой области состояла в том, что им в основу мыслительного акта было положено вообразительно-понимающее действие идеализации, конституирующее изолируемый и обособленный предмет мысли. Г.П. Щедровицким и членами Московского методологического кружка при описании процессов мышления были разработаны форма перевода мыслительных процессов в структуры знаний, а также схемы, позволяющие описывать мышление как процесс замещения объективного содержания знаковыми формами. Собственно эти два важнейших вполне интегрируемых принципа, лежащих в основе описания и организации практики мышления на основе реализации специально создаваемых схем мышления, являются основой разработки новых учебно-методических программ и антропологии

развития человека на основе его вхождения в практику мышления. Полная школа мыследеятельностной педагогики как социокультурного антропологического института имеет следующую организацию.

В начальной школе ребёнка на материале специально сконструированных учебных предметов и специально сценируемых ситуаций учения-обучения включают в процессы понимания — воображения, в процессы построения и преобразования макетов предметов понимания, созданных из материальных предметов, а также знаковых моделей. В средней и старшей школе у ребёнка формируется сфера рефлексивного сознания и способность рефлексивного мышления. Эта способность рефлексивного мышления, которая, прежде всего, формируется на основе специально создаваемых учебных материалов и сценируемых ситуаций учения-обучения, затем должна быть обращена на процесс диалогической коммуникации и понимания, а также на социальное действие учащегося. Школа мыследеятельностной педагогики представляет собой специально организованную среду полной мыследеятельности, соорганизующей процессы мышления, мыслекоммуникации, мыследействия, а также рефлексии, понимания, самоопределения, схематизации и пр., которые последовательно осваивает ребёнок на основе мыследеятельностных способностей. Способность рефлексивного и теоретического мышления у учащегося формируется в школе мыследеятельностной педагогики при работе с метапредметами. Нашим коллективом были сконструированы четыре метапредмета, которые преподаются в старших классах средней школы. Этими метапредметами являются: метапредмет «Знак», метапредмет «Знание», метапредмет «Проблема», метапредмет «Задача». Основная особенность метапредметов состоит в том, что в них учащемуся предъявляется рефлексивная теоретическая действительность, позволяющая выявлять и описывать работу со знаками, проблемами, знаниями, задачами — организованностями мыследеятельности, во-первых, на материале различных традиционных учебных предметов и научных дисциплин, во-вторых, в практических ситуациях. Теория и практика метапредметного обучения готовит ребёнка к будущему — проблемам XXI века, в котором наряду с традиционными обычными институциональными формами политической и социальной деятельности всё больше значение начинают играть метаинституты: институты метаполитики (В.В. Малявин), институты метапромышленности, институты метапознания. Для метаинститутов предметом анализа, преобразования и социальной организации становятся деятельность и социальное поведение человека в традиционных институтах. Именно на основе

рефлексивного мышления, метапредметной организации мышления и метаинституциональной организации деятельности человек оказывается способен к осуществлению трансценденции (Н.Г. Алексеев) и к выходу за границы сложившегося типа социальной практики. Но эта трансценденция должна обладать посюсторонней эффективностью и обнаруживать новые возможности человека. Эти новые возможности учащегося, осваивающего способность рефлексивного мышления, обнаруживаются при построении им социальных проектов и осуществлении социального действия в ситуации, а также при реализации различных стратегий взаимодействия, самоопределения и понимания в ситуации межконфессионального, межэтнического и межцивилизационного диалога. Обучение ребёнка построению социальных проектов и выращивание способности социального действия осуществляются в школе мыследеятельностной педагогики на специально организованных переговорных площадках между управленцами и учащимися, заинтересованными в изменении социальных условий собственной жизни. Выращивание способности самоопределения и обнаружение гражданской, конфессиональной, цивилизационной и этнической идентичности происходит во время этноантропологических экспедиций и в ходе проведения организационно-деятельностных игр. Таким образом, сама схема мыследеятельности оказывается весьма своеобразно представлена и переорганизована в школе мыследеятельностной педагогики в виде рефлексивно-теоретического мышления, социальнопреобразующего действия в ситуации и коммуникации в условиях межконфессионального, межэтнического, межцивилизационного диалога.

Формирование способностей рефлексивного мышления, социального действия, понимания и самоопределения в структуре межконфессионального диалога происходит во множестве специально выстраиваемых социально-институциональных сред. Сам ребёнок мыслит, действует и участвует в коммуникации лишь постольку, поскольку он оказывается членом детско-взрослой общности — когнитивных институтов и эпистемических сообществ: групп, которые осуществляют процесс познания в форме проектирования и исследования и транслируют знания. Данные социально-институциональные среды предполагают определение собственной позиции участника коллективного мышления, коммуникации, социального действия и позиции тех, с кем он взаимодействует. Таким образом, активность ребёнка оказывается опосредована позиционными, ролевыми каркасами в различных институциональных контекстах. Осознание форм востребованности способности учащегося в данном

институциональном контексте превращает её в компетентность. Таким образом, компетентность является ничем иным, как своеобразной рефлексивной огранкой способности в данном институциональном контексте. Для того чтобы превратить способность — возможность строить действие на основе средств — в компетентность, человек должен осознать, в какой форме данная способность востребовается в данном институциональном контексте и по каким параметрам оценивается. В отличие от компетентности, компетенция — это получение права самостоятельно и на собственных основаниях действовать. Подобный подход к формированию способностей — компетентностей —компетенций у человека в различных институциональных контекстах следует назвать генетико-коммунитарной антропологией. Генетико-коммунитарная антропология исследует и проектирует формы взаимодействий участников детско-взрослых общностей в различных институциональных контекстах для прослеживания и инициации генезиса важнейших мыследеятельностных способностей и формирования на их основе компетентностей и компетенций.

Для построения практики мыследеятельностной педагогики необходимо согласование трёх типов разработок: инструкционно-дидактического дизайна, методического конструирования и сценирования, а также антропологической диагностики и исследований. В рамках инструкционно-дидактического дизайна проектируются новые структуры содержания образования, затем на основе выделенного проекта содержания образования создаются сценарии ситуаций учения-обучения, для оценки эффективности реализуемых сценариев необходим анализ того, что происходит с ребёнком в результате образования. Проведение антропологических исследований предполагает ответ на вопрос, как формируется рефлексивное сознание учащегося в системе образования и формируется личность. Основная особенность этого формирования связана с происхождением многомерного сознания, которое предполагает способность ребёнка работать со множеством разных действительностей в форме планшетов, экранов, рамок, фасет. Скринирование (от англ. *Screen* — экран), фреймирование (от англ. *frame*— рамка), фасетизация являются специальными техниками визуализации смыслов. Умение выделять однородные действительности, в которых то, что происходит в ситуации, может рассматриваться и интерпретироваться с точки зрения определённого выделенного аспекта или определённой позиции, является важнейшим антропологическим новообразованием, формирующимся на этапе средней школы мыследеятельностной

педагогики. Проблема состоит не в том, чтобы рассмотреть и переинтерпретировать экраны, рамки, фасеты в качестве посредничества и опосредования между учащимся и другими участниками ситуации учения-обучения. Задача заключается в том, чтобы определить ту сложную границу развития рефлексивно-понимающего сознания ребёнка, при прохождении через которую работа с фасетами, экранами, рамками, действительностями становится условием мышления ребёнка на больших скоростях (О.И. Генисаретский). Идея рассмотрения экранов и фасет в качестве посредника, опосредующего звена между организацией индивидуального понимания и осознания одного человека и другого, является попыткой модернизации языка интериоризации-экстериоризации Л.С. Выготского. Этот язык, на наш взгляд, не работает при анализе процессов мыследеятельности, где внешнее всё время превращается во внутреннее, а внутреннее во внешнее, своё отбрасывается как чужое, а чужая мысль переживается как своя[1].

Вместе с тем работа с экранами понимания, фреймами, действительностями, множественными фасетами оказывается совершенно необходимой в сегодняшней ситуации, где сознание ребёнка формируется под воздействиями телевизионных изображений и на сайтах в сетях интернета. Миссия педагога с точки зрения мыследеятельностной педагогики в современном обществе и состоит сегодня не в обеспечении поголовной грамотности, но в возможностях работы с сознанием ребёнка, которое включено в противоречивые потоки информационных воздействий, меняющих его идентичность, и с личностной позицией ребёнка. Для того чтобы осуществлять подобную работу, педагог должен быть способен понимать ребёнка, уметь диагностировать, что происходит с его сознанием, уметь формировать ситуации самоопределения. Мыследеятельностная педагогика при подобном подходе должна рассматриваться как индивидуализированное антропологическое искусство, а не массовая квазииндустриальная профессия.

Логико-нормативные описания мышления, которые обязательно предъявляются в мыследеятельностной педагогике, задают лишь некоторую формальную основу возможной организации мышления. Эта нормативно-формальная основа может и не стать антропологической природой процессов мышления для данного человека. Но для того чтобы войти в процессы мышления, и помимо абстрактных

[1] *См.:* **Громыко Ю.В. «Выготскианство» за рамками концепции Л.С. Выготского». — М.: Пайдейя, 1998.**

разговоров о мышлении иметь ещё и мыслеобразы, человек должен совершить тяжёлую аскетическую работу самоопреобразования и духовного роста. Это работа духовного роста предполагает выявление целого поля собственной недееспособности, страхов, аффективных переживаний, деэнергетизированности, неумений и неспособностей понимать, мыслить, действовать. Подобный духовный рост предполагает подчинение задачам практики мышления собственной телесно-духовной организации, выработки и обнаружения энергетики мышления. Противопоставления сознания и тела, сознания и личности являются важнейшими оппозициями, которые должны специально анализироваться на основе антропологических исследований в мыследеятельностной педагогике на всех этапах духовного роста педагога и учащегося, вытягивающих себя, как барон Мюнхгаузен за волосы, из трясины несуществования в практику мышления. Поскольку мы говорим о том, что мыследеятельностная педагогика нацелена на формирование всеобщей практики мышления для всех детей, антропологические исследования процессов развития и формирования идентичности должны обеспечить вариативные индивидуализированные описания важнейших типов процессов духовного роста при вхождении в практику мышления разными детьми.

10.2. Постановка проблемы воспитания в России. Концепция эксперимента

1. Сложился ли в России контрсоциальный проект? Вопрос воспитания из разряда узковедомственных и специально опедагогизированных псевдонаучных вопросов превращается в практическую жизненную проблему, как только мы встаём на точку зрения смены поколений. Мы ведь и сами помещены в чреду сменяющих друг друга возрастных колен. Оптимистическое провиденциальное пушкинское

> И наши внуки — в добрый час!
> Из мира вытеснят и нас.

может и не реализоваться. Тогда мы столкнёмся совсем с другим сценарием. И в этом случае мы увидим волчий оскал набирающего силу хищника, который своими когтями и зубами должен отобрать социальные места и ресурс у предшествующего поколения. Закон джунглей, продекларированный шакалом Табаки из Маугли Кип-

линга «Каждый сам за себя!» вместо зова солидарности «Мы — одной крови, ты и я», уничтожает общество, подрывает важнейшую основу взросления — коммуникацию между поколениями по поводу исторического опыта, разрушает трансляцию культуры. Человек, выпадающий из сердечных связей с немощными стариками и детьми, в какой-то мере перестаёт быть человеком. У него появляется вредная и опасная иллюзия, что молодость и сила вечны. Конечно, эта иллюзия быстро проходит, но жить в обществе, состоящем из самодостаточных и обособленных хищников, невозможно.

Поколение конституируется и формируется за счёт миссии. Именно идеальная миссия выводит приблизительно одновозрастные социальные группы из разных стратов и слоев в пространство истории, вечности и бессмертия в отношение к другим поколениям. Если у поколения не появляется миссии, общество ждут потрясения и разрушения. Не формируя миссию, социально активное поколение отбирает у следующего поколения будущее. Поскольку всякое настоящее большое Дело отцов должно быть продолжено Делом детей. И хотя конфликт отцов и детей неизбежен в попытке отцов навязать детям свою миссию, но он менее болезнен, если у отцов миссия всё-таки есть. Если у отцов нет идеальной (часто романтической) исторической миссии, то столкновение поколений приобретает черты циничной социальной разборки и дележа всегда ограниченных ресурсов.

По мнению многих социологов в США, у поколения «бэби бумеров» (baby-boomers), людей, родившихся в результате демографического бума после второй мировой войны, не была сформирована миссия (если не считать таковой разрушение системы социализма и СССР). Именно поэтому сегодняшнее молодое поколение США бросает своему старшему поколению упрёк в том, что у сегодняшней молодёжи нет будущего. США из страны лидера демократии превращаются в страну империалистического хищника, в которой общество потребления задушило общество созидания. Получить высокооплачиваемую работу невозможно в силу того, что идёт непрерывное сокращение рабочих мест, экономика США крайне нестабильна, так как весьма неустойчиво положение доллара, краеугольная ценность американской жизни — безопасность жилища нарушена действиями международных террористов, атмосфера свободы обмена мнениями сменяется подозрительностью и доносительством. И данные характеристики списаны нами не с подписок журналов «Коммунизм» и «Мир социализма», но являются пересказом выступлений самих американцев, например, такого известного

экономиста и общественного деятеля, как Линдон Ларуш, который не раз встречался с Ю.М. Лужковым и обсуждал с ним своё представление о перспективах развития американского общества.

Возникает вопрос: а есть ли у сегодняшнего поколения социально и политически активных россиян миссия? На наш взгляд, эта миссия сегодня только формируется, и вокруг неё идёт достаточно жёсткая и бескомпромиссная борьба. Ставка этой борьбы достаточно высока: сможет ли Россия стать одним из духовных и научных, образовательных и промышленных лидеров в постглобальном мире, обнаруживая своё значимое присутствие в любой точке земного шара. До настоящего момента эта миссия, как справедливо отмечает Ю.М. Лужков, не была проявлена в каких-либо прорывных консолидационных программах Российской Федеральной власти. Вместе с тем отсутствие миссии означает жизнь в постидеологическом обществе, где важнейшим императивом является выживание любой ценой. Коммунизм ушёл, с ним ушёл идеологический ценностный проект, но ничего положительного нового не появилось. Отсутствие миссии означает невыявленные ценности, которые должны признаваться опорой практической успешной жизненной стратегии подрастающих россиян. Вместе с тем, если ценности не предъявляются и не рассматриваются в качестве основы общественного успеха, то присваиваться начинают контрсоциальные идеи, основанные на антигуманистической идеологии — расизма, фашизма. В качестве ценности перестаёт рассматриваться сам общественный порядок, добрососедство и добросердечие.

Человек, который воспитывается в идеологии либералистского экстремизма — достижения персонального богатства любой ценой, достаточно примитивно организован. Если ситуация складывается не так, как он предполагал, и он не может осуществить в данный момент свои планы, то индивидуалистически мыслящий человек оказывается склонен к истеричному отрицанию самой данной ситуации. Нечто подобное проявилось во время международного чемпионата по футболу 2002 года, когда российская сборная проиграла команде Японии. Чемпионат транслировался в Москве на больших телевизионных табло. Неприятие подобного результата вылилось в социальные бунты, драки, погромы иномарок и убийства. Предметом ненависти в подобной социальной ситуации становятся наиболее успешные. Наружу выливается зависть и злоба. Именно в подобной среде социального хаоса и анархических бунтов, когда вспыхивает мятежевойна (Месснер), обществу предлагаются примитивные фашистские идеологии. Основная задача подобных идеологий состоит в

том, чтобы найти виновных в возникшей ситуации, своеобразного «козла отпущения» и превратить его в жертву. Данные фашистские идеологии претендуют на то, что на их основе можно быстро восстановить общественный порядок. Причиной социального напряжения объявляются иностранцы, гастарбайтеры. Они отбирают у местного населения и без того скудный ресурс. Так формируется очень опасный национализм, близкий к нацизму.

Склонность к анархическим выступлениям, хаосу и насилию составляет основу контркультуры и контрсоциального проекта, который все эти годы формировался в России в условиях развала государства. Условием включения молодёжи в контрсоциальный проект является непонимание того, как организованы сегодняшний социум, средства массовой информации и реклама, и как в нём можно эффективно действовать, чтобы его преобразовывать и менять, исходя из собственных целей, вступая во взаимодействие с другими людьми, образуя общественные коалиции. Выдвигавшаяся идеологами бывшего министерства образования цель адаптации выпускника учреждения образования к институтам сегодняшнего социума являлась вредной и бесперспективной, именно поэтому была отброшена. Российское общество находится в стадии эволюционных общественных изменений. Все его институты меняются. Кроме того, в обществе происходят резкие преобразования, социальные катастрофы, по типу, например, дефолта 1998 года, организованного правительством СВ. Кириенко. Если выпускник образовательного учреждения строит свою жизненную стратегию на адаптации к сложившемуся сегодняшнему функционированию социальных институтов, например, к тем формам финансовых взаимодействий, которые сложились до дефолта, он оказывается абсолютно социально неадекватен после произошедших изменений. Складывается определённый парадокс, чем в большей степени молодого человека адаптируют к социуму, тем в большей степени он становится социально неадекватен. И, наоборот, хорошо социально адаптирован к быстро и хаотически меняющемуся российскому социуму оказывается тот человек, который умеет разрабатывать социальные проекты и сценарии общественных преобразований[1]. Этот человек понимает, что общественные преобразования — специально организуемый сложный плацдарм борьбы, состязательности, поиска единомышленников, отстаивания своих ценностей, применение информационных технологий и

[1] Методология общественных изменений разрабатывается методологом СВ. Поповым.

рекламы, лоббирования групповых интересов, повышения уровня организации сознания людей, включённых в коллективное дело. Именно поэтому нашим коллективом было разработано специальное понятие — неадаптивная социализация. Ребёнка, представителя подрастающего поколения, конечно, надо социализировать, но не адаптируя к действующим организациям, а обучая философии, принципам и способам общественного действия. Только в этом случае молодой человек понимает, что адекватно в социуме можно действовать, отстаивая свои ценности, если понимаешь, как устроено общество и как можно разрабатывать социальные проекты, сценарии и вступать на их основе в общественные взаимодействия.

2. Воспитание и способность общественного действия. Если молодого человека не учить принципам и техникам общественного действия, проводить через действие ценностную позицию и достигать социальной успешности в обществе, то выпускник школы или вуза будет социально неадекватен, и в любой момент может стать адептом секты или контрсоциального объединения. Вместо реальной сложной технологии осуществления общественных преобразований, на основе идейного лидерства, использования информационных технологий, повышения уровня организации сознания населения ему будет предложено примитивное объяснение сложившего положения дел. Это объяснение может снять оторопь и страх за счёт согласования своего мнения с мнением вожака группы, но не позволит провести самоопределение и самому осуществить действие.

На наш взгляд, основными важнейшими задачами института, школы, например, создаваемой нами на экспериментальных площадках и в инновационных сетях, школы мыследеятельностной педагогики, являются три фундаментальные группы способностей:

- способность рефлексивного мышления, выращиваемая на основе деятельностного содержания образования;
- способность коммуникативного понимания и взаимодействия в ситуациях межконфессионального, межцивилизационного и межэтнического диалога, формируемая на основе специальных форумов и экспедиций и подготавливающая российских людей к свободному участию в постглобальном мире;
- способность общественного действия, выращиваемая на специальных плацдармах в открытом социуме.

Именно способность общественного действия и является специальным продуктом воспитания, когда подрастающего человека необходимо ценностно допитывать до общечеловеческой мудрости, гражданской дееспособности и социальной успешности в сегод-

няшнем непростом социуме. Общественное действие предполагает выработку общественных представлений, формирование целого ряда способностей, позволяющих человеку ориентироваться в обществе, использовать средства массовой информации и рекламы для введения в общественное сознание своей точки зрения. Если человек не умеет делать последнего, он превращается в телевизионного луддита, который, увидев ненавистного телеведущего или примитивную отупляющую рекламу, готов разбить телевизионное табло.

Почему мы связываем выращивание способности общественного действия с воспитанием? Мы предлагаем различать три совершенно разных понятия воспитания:

- внутришкольное воспитание, связанное с привитием ребёнку определённых ценностей и привычек поведения внутри педагогического процесса;
- воспитание в контексте формирования способности общественного действия в «открытом» социуме;
- воспитание в контексте социокультурного развития, когда человек должен дорастить себя до возможности стать субъектом развития.

В данной статье мы рассматриваем второй тип воспитания, результатом которого является выращивания гражданина и патриота, вырабатывающего свою собственную миссию. Эта работа по воспитанию должна проводиться вне стен школы при взаимодействии школы с различными институтами локального общества, где живёт, проводит досуг, включается в различные дела молодой человек. Но может ли образование ставить перед собой подобную задачу? Ведь школа обычно не стремилась отвечать за то, что происходит с ребенком за стенами школы. Московское образование прошло через целый ряд этапов развития и формирование специальных подходов, обеспечивающих возможность воздействия образования на социум. Перечислим основные важнейшие моменты формирования новых представлений об образовании:

Образование как средство развития региональных общественных систем. Одна из важнейших идей, нашедшая своё выражение и в программе развития «Столичного образования-1», и в программе развития образования в Ханты-Мансийском автономном округе, разрабатываемая центральным региональным отделением РАО совместно с В.В. Рубцовым, Н.Г. Алексеевым, В.И. Слободчиковым. В соответствии с данной идеей образование рассматривается как система технологий, формирующих новых субъектов общественных процессов, новые институты внутри образования и вне него,

консолидирующее общество вокруг ценностей и роли образования в данном регионе. Так понимаемое и рассматриваемое образование развивает и формирует социальную среду.

Межшкольные академии — сетевые субъекты образования. Создание программ дополнительного образования (главный идеолог и разработчик — Г.П. Буданова) позволило выдвигать нестандартные цели обучения, исходя из интересов детей. Часто эти цели оказалось возможным реализовывать, лишь объединяя ресурс разных учебных заведений, формируя сетевые субъекты образования в отличие от учрежденческих. Одним из видов таких сетевых межучрежденческих программ являются межшкольные академии, которые могут осуществлять образование детей по совершенно новой тематике, научной, общественно-политической и всякой иной. Межшкольные академии могут выдвигать учебную или образовательно-разработческую программу на определённый целевой срок, удовлетворяя конкретные запросы детей.

Межотраслевые коалиции: образование в союзе с другими ведомствами. Важнейшим направлением развития образования, обеспечивающим его превращение в социокультурную технологию общественного развития, является формирование межотраслевых коалиций между образованием и другими ведомствами: медициной, культурой, МВД, комитетом по проблемам труда и занятости, комитетом по делам семьи и молодёжи и пр. Именно межотраслевые коалиции позволяют всесторонне рассмотреть конкретную проблему жизнедеятельности детей и консолидировать ресурс для её решения. Важнейшим направлением деятельности межотраслевых коалиций являются целевые контингенты детей — сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, одарённые дети, для работы с которыми разрабатываются специальные технологии и создаются институциональные проекты. Технология межотраслевых коалиций была тщательно и всесторонне разработана в Центральном окружном управлении образования нашим коллективом совместно с В.И. Лопатиной. Формирование межотраслевых коалиций для решения конкретных проблем чётко выделенных целевых контингентов детей позволяет проводить социальная политика средствами образования.

Сфера образования — социальная мультисфера. В том случае, когда образование начинает объединять вокруг себя для решения огромного числа социальных вопросов другие ведомства и начинает консолидировать ресурсы, оно из отрасли превращается в сферу социокультурной деятельности. Собственно эти идеи и разработанные на их основе технологии и были заложены в основу программ «Столич-

ное образование-1, 2, 3». Вместе с тем хорошо понятно, что любое из других ведомств (медицина, культура) может точно так же выходить за рамки ведомственного подхода, формировать межотраслевые коалиции, консолидировать ресурсы, намечать предметы действия. В этом случае область социальной политики города начинает превращаться в полисферу, интегрирующую взаимодействие нескольких разных сфер.

Среды, дружественные к подросткам. Формирование межведомственных коалиций, разработка представлений о сфере образования как средстве развития региональных общественных систем не позволяет ответить на вопрос, а как себя «чувствует» в образовательном и социальном пространстве сам ребёнок, какие он испытывает нужды, как он самоопределяется. Взгляд на социальное пространство с позиций самого ребёнка был нами осуществлён в проекте на грант ЮНИСЕФ «Формирование сред, дружественных подросткам» (основные разработчики — Хижнякова Е.В. и Гуревич А.В.) Именно в этом проекте нами было осознано, что большинство социальных сред города не являются дружественными к подросткам, поскольку в них не предполагается присутствие ребёнка с его целями, с его участием и отношением, с его возможностью выдвижения своих социальных инициатив — подросткового телефона доверия, собственных подростковых интернет-кафе, детской социологической службы. Была осознана основная проблема. Если мы хотим не просто приспосабливаться к складывающейся подростковой субкультуре с ей инфантилизмом, негативизмом, а хотим реально влиять на мировосприятие подростка, мы, с одной стороны, должны находиться с подростками в контакте — предлагаемые инициативы должны быть подросткам интересны, а с другой стороны, подросткам должен предъявляться ценностный проект. На наш взгляд, основу этого ценностного проекта могут составить идеи доблести и справедливости в России. Именно вокруг идей доблести и справедливости могут группироваться другие ценности — свободы, личной независимости, материального успеха, братства. Как нам представляется, и идея независимости, и идея материального успеха отнюдь не противоречат ценностям доблести и справедливости. Но именно в огранке этих ценностей такие притягательные для сегодняшних подростков идеи материального благополучия и независимости приобретают совсем другой смысл и звучание. По мысли замечательно знатока античной Греции Вернера Йегера, античная система политического и социального воспитания-образования, основанная на освоении ценности «арете» — доблести, называлась у древних греков Пайдеей.

Очень важно разрабатывать проект политической и социальной Пайдеи в России.

3. **Идея нового эксперимента. Локальные сообщества на территории как субъекты единого воспитательного пространства.** Рассмотренные нами представления были созданы до проведения эксперимента в Западном административном округе. Идея нового эксперимента по формированию единого воспитательного пространства округа, предложенная нам с Г.П. Будановой для разработки В.А. Бадил, руководителем окружного управления образования, и Л.И. Гусевой, заместителем префекта Западного административного округа по социальной работе, показалась очень интересной. Она, безусловно, лежала в русле идеи формирования практики образования как средства развития региональных общественных систем, но предполагала работу с локальными сообществами на территории. Именно локальные сообщества на территории Западного округа должны были стать участниками формирования единого воспитательного пространства. Нами с Г.П. Будановой было предложено дополнить идею построения «Единого воспитательного пространства округа» подходом, связанным с формированием инфраструктуры детства. Инфраструктура детства представляет собой набор устойчивых институтов на территории округа, обеспечивающих полноценные условиях взросления, социализации, поддержания здоровья образования и развития всех контингентов независимо от социально-стратового и этнического состава. Обсуждение этой идеи с депутатом Московской городской Думы Е.А. Бунимовичем позволило уточнить важнейший замысел эксперимента. С определённого момента дети сами должны превращаться в активных деятелей инфраструктуры детства. Только формирование подобной позиции может преодолеть иждивенчество и инфантилизм одних категорий детей и сделать соучастниками совместной работы других детей, которые протестуют против чрезмерной опеки и требуют самостоятельных дел. Е.А. Бунимовичем была выдвинута интересная идея о том, чтобы сами дети провели аудит всех учреждений, работающих с подростками на территории, и дали бы оценку качества функционирования этих учреждений. В этом случае произошла бы инвентаризация инфраструктуры детства с позиции самих детей как участников совместного проекта. Эта идея была, безусловно, принята для реализации, но оказалось, что для того, чтобы подростки могли вступать во взаимодействие с управленцами, в управах должна пройти интенсивная работа как с управленцами, так и с детьми. В противном случае мы бы просто натравили детей на

«бюрократов», но не смогли бы осуществить социальное действие, понятное по способам осуществления как детям, так и управленцам, так и независимым наблюдателям.

Первоначально считалось, что эксперимент практически уже разработан, поскольку работники управ нарисовали сложные организационные структуры, состоящие из учреждений, работающих с контингентами детей на территории данной управы. Мы благодарны В.А. Бадил, которая, с одной стороны, понимала, что переобозначение на ватманских листах учреждений образования, культуры, медицины и пр. лишь нулевой этап вхождения в эксперимент, с другой стороны, хотела поддержать энергию людей, желающих включиться в совместную работу. Для того чтобы сформировать единое воспитательное пространство округа, нам необходимо было превратить работников образовательных учреждений, работников управ, работников других ведомств, а также детей в субъектов образовательного пространства округа.

- Они должны были определить, что сегодня не делается или недостаточно делается в округе с различными группами детей.
- Что они предлагают делать?
- Какие формы коалиционного взаимодействия представителей управ, других ведомств и учреждений образования, здравоохранения, культуры и пр. могут быть организованы на территории.
- Какие социальные проекты будут разрабатывать и осуществлять сами дети?

Ответ на эти вопросы потребовал серьёзного изменения позиции всех участников эксперимента. С этой целью нами были использованы организационно-деятельностные игры и тренинги.

Задача первого этапа организационно-деятельностных игр и тренингов заключалась в том, чтобы подробно проанализировать и проиграть перспективы реализации проектов, которые выдвигались представителями учреждений образования в качестве элементов инфраструктуры детства. Нам надо было вывести представителей сферы образования за рамки учреждений образования в позицию участников социальных взаимодействий с детьми, которые ведут себя совершенно иначе вне школы. Дети на территории включаются в разные объединения и преследует цели, которые очень часто неизвестны и непонятны представителям учреждения образования. Надо сказать, что коллектив участников эксперимента оказался готов к анализу и пересмотру собственных позиций, а также к предложению новых технологий работы с выделяемыми контингентами детей.

Следующий (второй) этап организационно-деятельностных игр и тренингов был связан с тем, чтобы организовать взаимодействие работников образования, у которых сформировалась позиция обучения детей социальному действию на территории с представителями других ведомств, префектуры и управ. Целый ряд представителей управ начал выдвигать требования к разработке возможных социальных проектов представителями учреждений образования и определять формы своего участия в этих проектах. Для участников игры стало очевидно, что формирование единого воспитательного пространства округа должно быть основано не на планах мероприятий, а на сквозных проектах, держателями и участниками которых являются межведомственные коалиции на территории управ.

Собственно, вот эта межведомственная форма взаимодействий по поводу конкретных сквозных проектов разных учреждений, ведущих работу с детьми независимо от форм собственности, представителей управ и ведомств, и была нами представлена как программа экспериментальной площадки, объединяющей деятельность 57 образовательных учреждений: 39 образовательных школ, 3 учреждения начального профессионального образования, 15 учреждений дополнительного образования детей.

Третий этап организационно-деятельностных игр и тренингов был связан с включением детей в разработку и реализацию социальных проектов, которые должны были экспертировать и оценивать представители управ, префектуры и ведомств. В ходе этой работы выяснилось, что условием реализации выдвигаемых детьми достаточно интересных и перспективных социальных проектов является наличие в управах программ развития территорий. Поэтому для продолжения данной работы необходимо на следующем этапе проводить игры и тренинги с представителями управ по разработке программ, в которых будет определено место социальным проектам детей.

Проведенные нами ОДИ и тренинги были организованы в соответствии с принципами системомыследеятельностного подхода. Основной задачей работы в играх и тренингах являлось различение участникам плана коммуникации и действия. Для того чтобы осуществлять действие, необходимо занять новую позицию на плацдарме игровых взаимодействий. Условием занятия подобной позиции является выдвижение проекта. Участники игры могут противодействовать и не обнаруживать этой новой позиции действия, демонстрируя, что для них нет новой позиции действия, а сохраняется лишь коммуникативная манифестация. Новую позицию

необходимо отстоять и предложить участникам игровых взаимодействий сценарий совместной работы.

В результате проведенной работы нам удалось нарастить гуманитарно-технологическую составляющую инфраструктуры детства, которая помимо зданий, помещений, оборудования, бюджетов, специалистов, работающих с детьми разных возрастов, предполагает выдвижение социальных проектов и сценариев взаимодействия разных групп детей и взрослых на территориях по поводу наиболее наболевших и перспективных вопросов. В отличие от проекта, определяющего социальный результат, который должен быть достигнут любой ценой, сценарий является более мягкой формой организации действия. Сценарий выявляет участников, которым было бы интересно вступить во взаимодействие друг с другом и через какое-то время, возможно, стать соучастниками некоторого сложного социального действия. Выдвижение сценария часто является условием формирования плацдарма социального действия, который до этого отсутствовал.

4. **Новые гуманитарные инструменты инфраструктуры детства.** Формирование единого воспитательного пространства детства на территории Западного округа позволило создать целый ряд новых инструментов для работы с управленцами и детьми, которые могут быть представлены и как отдельные сквозные проекты и как элементы формирующейся новой инфраструктуры. Как мы уже писали выше, для нас воспитание в условиях реального социума связано, прежде всего, с возможностью вывести ребёнка в позицию социального действия, наметить и начать осуществлять общественные изменения. Поэтому выделяемые нами элементы новой гуманитарной инфрастуктуры, прежде всего, являются формами включения детей в практику социального действия. Эти инструменты описаны в целом ряде статей данной коллективной монографии. Мы позволим себе охарактеризовать их лишь весьма кратко:

- **Молодёжные переговорные площадки — от выяснения намерений к соучастию.** Для того чтобы выводить ребёнка в позицию социального действия, он должен понимать, как сегодня устроена управленческая практика на той территории, где он живёт. А для этого он должен уметь вступать в обсуждение с управленцами, властью качества управленческих услуг, которые ему оказываются. Для того чтобы суметь оценить уровень изощрённости управления, человек, помимо критической позиции, должен ещё уметь занимать позицию разработчика управленческой услуги. Только критической позиции недостаточно. В этом случае чело-

век способен понять, почему не реализуются выдвигаемые им предложения: отсутствуют ресурсы, существуют альтернативные запросы со стороны других групп населения, нет подготовленного персонала, осуществляется саботаж или что-то ещё. Открытость систем управления для пользователя управленческих услуг является важнейшей характеристикой гражданского общества. С точки зрения мыследеятельностной организации, переговорная площадка представляет собой форму мыслекоммуникации молодёжи и представителей системы управления, к которой «прикреплён» реконструируемый слой действия. Удерживаясь в коммуникации, необходимо в имитационном режиме проигрывать возможные различные варианты действия. Сохранять свою позицию в ситуации серьёзных переговоров с управленцем можно только в том случае, если удаётся реконструировать действие управленца и намечать действие, которое им будет восприниматься всерьёз. В настоящий момент сложности переговоров возникают для многих управленцев, поскольку ими очень тяжело воспринимается критика детьми их действий. Продвижение в опыте освоения социального действия предполагает, что, выяснив намерения и замысел управленческого действия, подросток может попробовать либо предложить свой замысел, либо поучаствовать в реализации предложенного замысла.

- **Академия социального действия.** Формирование замысла социального действия и обсуждение условий его реализации осуществляется в форме специальных занятий. В рамках данного проекта предполагается, что ребёнок может наметить целый ряд важных для него тем, проанализировать ситуацию на территории управы, предложить социальный проект изменения ситуации в важном для него направлении. После этого предложенный проект обсуждается участниками, в том числе и специально приглашенными профессиональными экспертами с точки зрения последствий реализации замысла действия. Если социальный проект «ломается», участник академии должен уточнять замысел, заново самоопределяться, проводить новый анализ ситуации, выдвигать новую проектную идею. Выдвижение проекта, его критика и уточнение замысла могут осуществляться в виде нескольких тактов работы. Прошедший через несколько этапов уточнений и критики социальный проект может выноситься на переговорную площадку.
- **Неделя осознания: кто есть кто на территории.** В ходе работы представители системы образования и работники управ поняли,

что они отнюдь не всегда хорошо представляют себе, какие молодёжные объединения существуют на данной территории. То, как дети представлены в учреждениях образования, очень часто не соответствует их имиджу вне учебной аудитории. Современная компьютерная культура способствует формированию ускользающего образа подростка, который в каждой новой среде, в каждом новом интернет-чате может придумывать для себя новый облик. Подобная изменчивость человека в современной социальной среде получила название протееобразная личность по имени древнегреческого Бога изменчивости — Протея. Но как можно строить взаимодействия в социуме, если у нас нет ни противников, ни партнёров. Мы просто не знаем, кто есть кто на территории. Для того чтобы преодолеть этот вакуум, предлагается, что на конкретной территории проводится неделя осознания, когда любые молодёжные и взрослые объединения могут заявить о своём существовании, продекларировать свои цели и вступить в общественный диалог. Собственно, для обнаружения подобных лидеров территории и должны работать детские СМИ и детский интернет. Задача воспитательных средств массовой информации состоит в том, чтобы пройти сквозь информационный «туман» и сделать опознаваемыми фигуры основных лидеров и держателей социальных проектов. Этот набор ключевых фигур может достаточно быстро меняться, поскольку для самого подростка быстро изменяется его собственная позиция. Кроме того, подросток должен понимать, как он может входить в публичное пространство и заявлять о своей позиции через интернет или через телевидение.

- **Межпоколенческие коммуникации: обсуждение миссии.** Условием получения опыта осмысленного социального действия является включение во взаимодействия с подростками представителей других поколений. Предметом обсуждения становятся не только замысел действия и механизмы его реализации, но смысл действия. Процессы коммуникации по поводу смысла социального действия представителей разных поколений являются той средой, в которой могут быть поставлены вопросы о миссии поколения.
- **Институт социального предпринимательства.** Выдвижение детьми социальных проектов позволяет поставить вопрос о позиции осуществления общественных изменений. Позиция социального предпринимателя связана с конструированием новых общественных функций и созданием новых институтов, которые нужны

всем и никому в частности. Для продвижения общественного блага нужны новые современные лидеры, которые могут осуществлять общественные изменения. Социальный предприниматель — это, прежде всего, переговорщик, который быстро может выяснить интересы по данному вопросу многих групп людей, создать сценарий их знакомства и взаимопредъявления позиций, а после этого организовать плацдарм продвижения общих интересов. Именно при введении института социального предпринимательства становится понятно, что сфокусированный общий интерес не существует, пока социальный предприниматель не провёл работу по его выявлению. Именно социальный предприниматель является сценаристом общества будущего. Безусловно, все кратко охарактеризованные нами инструменты требуют своего совершенствования и развития в ходе дальнейшей экспериментальной работы.

5. **Новые контуры программы «Столичное образование-4».**

Эксперимент по формированию единого воспитательного пространства в Западном округе позволил выявить ряд важнейших принципов, которые могут стать основой новой программы развития столичного образования. Эти принципы, прежде всего, связаны с идеей формирования коалиций представителей управ, различных ведомств и работников учреждений образования для создания единой инфраструктуры детства на уровне локальных сообществ. Включение локальных сообществ в виде субъектов действия в программу предполагает, что определённые подразделы программы могут быть связаны с инициацией социальных проектов, которые будут разрабатываться и реализовываться самими детьми.

Важнейшим направлением развития образования является создание содержания образования и практики воспитания, обеспечивающих формирование антропологических механизмов гражданской, страновой и цивилизационной идентичности детей и подростков. Ребёнок должен знать, гражданином какой страны он является, каких ценностей и идеалов и почему он придерживается, какими возможностями развития он обладает именно в этой социокультурной среде. В условиях глобализованного мира самоопределённость человека становится важнейшим условием поддержания устойчивого социального порядка и наращивания потенциала страны. Именно поэтому в глобализующемся, очень подвижном неустойчивом мире одной из целей института образования является выращивание российской идентичности. Сформированная идентичность позволяет человеку самому контролировать воздействие на своё сознание средств мас-

совой информации — телевидения, интернета и в нужный момент уметь выключать телевизор и компьютер.

Наиболее важными темами, которые могут быть предметом разработки в социальных проектах самими детьми, являются: подростковое предпринимательство, информационная подростковая среда и мировоззренческое телевидение, подростковое здоровье и новые формы досуга. Развитие в Москве единой инфраструктуры детства предполагает формирование особых институтов, которые позволят подросткам и молодёжи действовать в глобальном мире, осваивать новые формы технопромышленных укладов. Такими институтами, например, являются:

- Молодёжный международный парламент, на сессиях которого можно обсуждать важнейшие проблемы наступившего тысячелетия и принципиально новые молодёжные инициативы;
- Электронный завод, связанный с разработкой электронных технологий следующего поколения и перевооружением российской промышленности.

Эти институты могут быть организованы совместно с инвесторами и политиками других стран. Создание подобных институтов, реально функционирующих, но предназначенных для выращивания способности действия детей в формирующемся на наших глазах будущем мире, позволяет говорить об обществе образования, российской Пайдее. Для анализа уровня организации инфраструктуры детства в Москве необходим международный центр сопоставительных исследований уровня развития инфраструктуры детства в различных столицах мира.

ГЛАВА И Политическая антропология транснациональной безопасности: можно ли предвидеть и исчислять террористические акты?[1]

11.1. О понятии транснациональной (как трансгосударственной) безопасности — продолжение глобализма?

Использование понятия транснациональной безопасности предполагает выделение (исчисление) угроз, источник которых находится за границами данной страны, но их реализация представляет опасность для данного государства и его населения. Собственно, возможность выделять и видеть эти угрозы, которые не могут быть локализованы на территории данного государства, и составляет предмет транснациональной безопасности.

Возможности на основе сбора соответствующих данных и стратегической разведки вычислять подобные угрозы во все времена реализовывались всеми государствами. Причина разрушения и гибели многих государств в истории как раз и связана с наивностью и беспечностью правящих групп и кланов, оказавшихся неспособными вообразить реальность угроз, исходящих с территории других стран. Конечно, для подобных действий нужны специальная информация и геополитическое воображение, в том случае если нам необходимо обратить внимание на то, что результаты понимания организации мира в будущем не совпадают с непосредственно воспринимаемым его образом сегодня. С этой точки зрения, «геополитическое ясновидение», основанное на традиции платонизма, с его особым подчёркиванием роли идеальных образов в отличие от непосредственно чувственно воспринимаемых характеристик составляет прерогативу специально подготовленных «стражей».

Своеобразие настоящего момента состоит в том, что в соответствии с тенденциями глобализации экономики, прежде всего миро-

[1] Данная глава впервые опубликована в виде статьи в журнале «Безопасность Евразии», № 1(19), 2005. — С. 221-249.

вых финансов, каждое из государств сегодня включено в мир как целое и вырабатывает свое собственное представление о мире как целом. Реальная взаимозависимость стран друг от друга как никогда велика, и поэтому выработка понимания этой взаимозависимости является весьма насущным вопросом. Транснациональная безопасность в условиях глобализации предполагает возможность просматривания всего мира с точки зрения поиска угроз собственной стране и её интересам.

Основная проблема состоит в том, насколько данное видение мира как целого с позиций данной конкретной страны согласовано с видением мира как целого с позиций других государств, а также насколько подобное глобальное мировидение институционализировано в системе международных организаций и правовым образом оформлено в соответствии с принципами международного права. Если подобные согласования не происходят и процесс институционализации не проведен, мировое сообщество может быть ввергнуто в ситуацию постоянных конфликтов. Ведь в этом случае любое государство может произвольно для своих соседей начинать действовать, исходя из собственного, достаточно произвольного для других государств представления о мире как целом.

Выработка представлений о мире как целом и определение основных направлений его развития являются предметом достаточно жёсткой конкуренции основных геополитических элит мира, поскольку, предлагая свой «образ воображения» глобализованного мира и представление наиболее перспективного ближайшего шага его развития, оказывают безусловное влияние на всех участников мирового сообщества. Управление через введение в сознание своих собственных представлений как наиболее правдоподобных и ценностно подкрепленных является наиболее мягкой формой формирования интеллектуальной зависимости.

Именно поэтому геополитическое стратегирование и подключение к определённым очагам этого процесса других участников мирового сообщества является реальным процессом «мягкого» передела зон влияния. В этой области самое слабое является самым сильным, правильно созданный образ воображения может влиять на судьбу государств.

В области транснациональной безопасности приходится различать кооперативные и унилатералистские (одностороннюю) инициативы. Именно к последним, на наш взгляд, относится начинание президента США Буша, оформленное в виде концепции preemptive war. После трагедии в Беслане смягчённый вариант данного подхода

в виде превентивных ударов продекларировала и Россия. Кооперативные инициативы в области транснациональной безопасности предполагают, что для борьбы с международной преступностью и международным терроризмом, который, как известно, не знает границ, ряд стран, сквозь территории которых действуют криминальные синдикаты, объединяют свои усилия для вычисления и разрушения дифференцированной сетевой структуры. Страны, добровольно включившиеся в инициативу по кооперативной безопасности, предоставляют друг другу информацию и создают своеобразное панoптическое поле, позволяющее высветить все важнейшие специализированные элементы морфологически разнородной преступной сети.

Основной вопрос, конечно, заключается в следующем: является ли в каждом конкретном случае инициатива транснациональной безопасности особой формой глобализма или данная инициатива транснациональной безопасности опирается на схемы и принципы регионостроительства и является одним из механизмом реализации этих схем?

Следует отметить, что постановка самого вопроса о безопасности является включением сигнала SOS и переключением формата рассмотрения исходной ситуации. Если до этого ситуация получала свои определения с точки зрения, например, международного бизнес-сотрудничества, которое строится на механизмах саморегуляции и самоорганизации предпринимательских групп, то включение формата безопасности предполагает, что данная ситуация выпадает из поля экономического рассмотрения и переходит в формат экстраординарных действий. Позицию ведущих игроков вместо представителей бизнес-сообщества начинают занимать представители развед-сообщества, внешнеполитических и силовых ведомств. Но в одном случае транснациональная безопасность является кооперативной безопасностью в условиях активно ведущегося регионостроительства и реализации масштабных макрорегиональных проектов, в другом же случае транснациональная безопасность является способом остановки регионостроительства и запуском режима чрезвычайности. Нечто подобное происходило с ядерным Корейским кризисом, когда опасность производства и использования Северной Кореей ядерного оружия поменяло весь формат отношений стран в Северо-Восточной Азии, сделав основным игроком этого региона США и выведя Россию из периферийной функции на относительно более значимый передний план двусторонних переговоров с Пхеньяном. Ультимативный разговор с правительством Северной Кореи со стороны администрации США, безусловно, ос-

танавливает все схемы регионостроительства и переводит формы взаимодействия в режим чрезвычайности.

Итак, сама транснациональная безопасность может опираться на две принципиально разные схемы и подключать принципиально разные группы институциональных игроков в общее поле взаимодействий. Предметом транснациональной безопасности являются предупреждение транснациональных преступных действий и наказание их инициаторов и исполнителей. Но если это предупреждение и наказание осуществляются на территории другой страны без участия международных институтов и многостороннего согласования с целым рядом стран подобных действий, мы проваливаемся в ситуацию эрозии норм международного права, связанную с мрачной перспективой непрерывной войны всех против всех.

В современных условиях построение системы транснациональной кооперативной безопасности на основе взаимодействия представителей разных национальных государств является невероятно важной задачей. С другой стороны, именно при координации усилий различных государств по выделению общего предмета взаимодействия в области транснациональной безопасности определяются границы допустимого и недопустимого вторжения одних государств (одного или группы) во внутренние дела других. Нарушение принципа суверенности национального государства под предлогом обеспечения транснациональной безопасности трансформирует предмет борьбы с международным терроризмом в предмет государственного терроризма.

11.2. Всё на продажу? Предпринимательские криминальные схемы и международный терроризм как два основных типа транснациональных преступных действий. Международный терроризм внутри предпринимательских схем нового типа

Двумя очень понятными типами транснациональных преступных действий являются: разработка предпринимательских парале-гальных криминальных схем и террористические акты. В условиях глобализации, в основе которой лежат процессы движения финансовых потоков, основной тип предпринимательских схем строится отнюдь не на инженерно-техническом изобретательстве и даже не на проектировании новых организационных форм. Важнейшим типом предпринимательской схемы является способ организации

финансового потока, позволяющий найти «дырки» в законодательстве и уйти от налогообложения. Созданию условий для проведения финансовых потоков и подчинена задача организационного проектирования. Организуемая форма финансового потока либо не может быть зафиксирована на основе существующих способов контроля над финансовой деятельностью, либо вообще находится в серой зоне, которая не зафиксирована правовым образом как незаконная. Типичным способом подобного действия является, например, недавно выявленная схема бывшего министра финансов в правительстве Гайдара, а сегодня независимого предпринимателя Бориса Фёдорова. См. «Государство, действительно, прежде чем будет проведена либерализация, намерено довести свою долю в газовой монополии до контрольного пакета акций (сейчас у него в активе — 38,37 процента акций компании). Поскольку правительство не без оснований опасается, что в случае либерализации, то есть когда внутренний и внешний рынки акций естественного монополиста будут приведены в соответствие, иностранные покупатели начнут агрессивную кампанию по скупке ценных бумаг «Газпрома».

Собственно, основания для таких опасений и вытекают из депутатского запроса заместителя председателя Комитета Госдумы по промышленности, строительству и наукоемким технологиям Юрия Савельева. По его данным, благодаря использованию серых схем нерезиденты смогли сконцентрировать в своих руках 6,5 процента акций «бюджетообразующей национальной топливно-энергетической монополии». Некоторые эксперты говорят, что количество скупленных иностранцами акций даже больше и подбирается к отметке 15 процентов.

А помогала им в этом активно Объединенная финансовая группа (ОФГ) Бориса Федорова, которая с помощью своих структур регистрировала фирмы в России, которая в интересах иностранцев и покупала акции «Газпрома» (собственниками этих фирм выступали офшоры). Дело в том, что на российских биржах цена одной акции «Газпрома» почти в два раза ниже той, которая торгуется на западных торговых площадках и, в частности, на Франкфуртской бирже. Поэтому нерезиденты и воспользовались лазейкой в законодательстве, чтобы стать обладателями лакомого кусочка.» (Из статьи с примечательным названием «Кто положит конец серым схемам?» — чиновники спорят по поводу спекуляций акциями «Газпрома», источник «Новая газета», взято по адресу — http://informacia.ru/news/news2261.htm).

Борис Фёдоров стал покупать для иностранных компаний и на их деньги акции «Газпрома» через свою ОФГ. Например, в данном

случае предметом транснациональной безопасности могли бы стать скоординированные действия Российского правительства и правительств тех стран, компании зарегистрированные на территории которых вступили в преступный сговор с Фёдоровым. Результатом подобных действий могли бы стать крупные штрафы, наложенные на эти компании в пользу России. Если бы эти действия были бы осуществлены, то Борис Фёдоров был разорен и ославлен как коррумпированный неудачник, растративший деньги иностранных компаний и подорвавший их имидж, соблазнив участием в сомнительных авантюрах. Действия такого типа могли привести к преодолению серых схем в финансовом бизнесе. Но подобные действия осуществлены, конечно, не будут. Таким образом, основной тип криминальных предпринимательских схем, который сегодня приносит огромную прибыль, это именно серые финансовые схемы. Готово ли мировое сообщество бороться с подобными схемами? Вряд ли, поскольку механизмы перемещения глобального финансового капитала и являются общепризнанной сегодня важнейшей формой получения прибыли. Глобализация была и создана специально для того, чтобы сделать возможным подобное движение финансовых потоков по всему миру.

Люди, подобные Б. Фёдорову, действуют в зоне «серых» схем. Вслед за серыми схемами идут «черные»: подделка банковских карточек, продажа оружия, продажа ядерных фабрикатов, распространение наркотиков, продажа человеческих органов для операций по трансплантации, работорговля и поставка секрабынь, а также «отмывание» грязных денег, полученных от всех вышеперечисленных криминальных форм активности. Международная преступность не знает границ, и она давно действует по сетевому принципу с чёткой функциональной организацией сегментов сети: планирующий «мозговой» трест, рекрутинговый, информационный и диспетчерский центры, исполнительские группы на территории национальных государств, группы операционной логистики и менеджмента, группы политического лоббирования и формирования коррупционной поддержки, ядра финансовой поддержки и капитализации. Сегментные морфологически дифференцированные группы сети, как правило, географически распределены между разными регионами и их члены контактируют друг с другом через логистические центры, непосредственно не зная друг друга. Международные группы конвертируют и связывают свои действия поверх границ национальных государств, проникая в национальные банковские системы и системы государственного управления. Для того чтобы быть конкуренто-

способным и обеспечивать свою безопасность, государство вынуждено строить свою деятельность по сетевому принципу, воспроизводя и имитируя внутри себя деятельность сетевых международных групп.

С другой стороны, в получающей всё большее распространение *(см.* статьи Н.И. Неклессы) идее, выдвинутой Михаэлем Либигом (Германия), об астероидных группах (группах «астероидной пыли») проводится мысль, что основу наиболее эффективных террористических транснациональных сетей заложили бывшие работники спецслужб, владеющие всей полнотой информации о деятельности различных систем национальных государств (банковская, информационная, внутренние коды воздушных пространств, армия, полиция государственного управления и т.д.). Исчезнувшие галактики (СССР, Варшавский договор, функционализированные оперативные группы НАТО, ЦРУ, действовавшие в период борьбы с СССР) оставили после себя «астероидную пыль», элементы которой, перейдя после развала СССР от соперничества и противодействий к партнёрству, вполне могут вступать во взаимодействия, формируя сверхдоходные предпринимательские схемы. Но основу предпринимательских схем второго рода составляют сами террористические акты, которые могут реализовывать люди, специально подготовленные ЦРУ и КГБ в период холодной войны для борьбы мировых систем друг против друга.

- **События 11 сентября 2001 года в США,**
- **террористический акт в Испании весной 2004 года, приведший к правительственному кризису, смене премьер-министра и выводу испанских войск из Ирака,**
- **взрыв двух самолётов в России в августе накануне выборов президента Чечни после убийства Ахмада Хаджи Кадырова,**
- **требования к правительству Франции под угрозой убийства двух журналистов, захваченных в Ираке, разрешить носить чёрные платки, закрывающие лицо девушкам-мусульманкам в государственных образовательных заведениях Франции,**
- **захват в школе детей и родителей в Беслане, поставивший под вопрос для значительных групп населения России конституционность действий Президента В.В. Путина и дееспособность органов безопасности,**

показали, что транснациональные преступные группы могут выделять в качестве предмета своего действия смещение правительств и изменение политических режимов национальных государств. Преступные транснациональные группы стали субъектами между-

народной политики. Преступные транснациональные синдикаты не ограничивают свою деятельность лишь получением сверхвысоких доходов в «серой» и «чёрной» неподконтрольной для государства зоне, но вполне могут выполнять заказы по осуществлению политических акций. Очень важно понимать, что члены транснациональных преступных сетей, осуществляющие планирование и координацию операций, принадлежат к интеллектуальной элите, способной разрабатывать каждый раз принципиально новые предпринимательские схемы, сценировать событие и разрабатывать логистику действия, выявляя неподконтрольные зоны для систем национальной безопасности. А непосредственные исполнители террористических акций имеют совершенно иную антропологию и являются специально подготовленными людьми для осуществления демонстрационных актов убийства, которые связаны и с их возможной демонстрационной гибелью. Террористические акты, специально упаковываемые в предпринимательскую схему, могут выполняться людьми, абсолютно неподкупными, осуществляющими действия исходя из идейных убеждений. Тем дороже и выгодней могут быть проданы подобные акты теми, кто знает, как эти акты могут быть использованы.

Чтобы осуществлять борьбу с транснациональной преступностью и обеспечивать транснациональную безопасность, очень важно понимать, что является социальной основой международной преступности, как организуется действие преступных групп, на какие эффекты воздействия на общественное сознание разных стран мира эти группы рассчитывают. Удовлетворительность разрабатываемых представлений, конечно, определяется тем, что мы в дальнейшем сможем вычислять и чётко предвидеть, какими будут следующие атаки международных преступных групп и каковы их схемы действия.

11.3. Постглобализация: глобализация на основе макрорегионализации

Борьба с международной преступностью предполагает, с одной стороны, лишение дееспособности групп или отдельных личностей, которые могут разрабатывать предпринимательские схемы, на основе преступных действий, режиссировать и сценировать криминальные события, осуществлять их логистику, а с другой — уничтожение социальной базы международной преступности на уровне жизнедеятельности конкретных локальных сообществ.

Основным условием уничтожения социальной базы международной преступности является, безусловно, солидарность международного сообщества и, что немаловажно, солидарность локальных сообществ, на территории которых разрабатываются и реализуются элементы криминальных предпринимательских схем. Локальные сообщества, выступая против преступных групп, должны в этом случае понимать, что они защищают свой сложившийся образ жизни и те преимущества, которые у них есть по сравнению с другими сообществами. Если ничего подобного не происходит, то на место одних реализаторов криминальных предпринимательских схем придут другие. Важнейшая проблема, которая была вызвана процессами глобализации, состоит в том, что модель либеральной приватизации, основанной на открытии границ для движения финансовых потоков, привела в очень многих местах земного шара к разрушению сложившихся способов жизни людей. В частности, как указывает Иммануэль Валлерстайн, возникновение исламского фундаментализма как общественной идеологии происходит сразу после развала социалистической системы и является результатом осознания огромными группами населения земного шара, что они навсегда помещены в социальное гетто, из которого нет выхода. Если в период противоборства двух систем существовала надежда создать собственные полномасштабные производительные силы, включающие промышленность, образование, науку, подготовить для этого национальные кадры, то после развала СССР подобные надежды улетучились.

Именно поэтому государства Северо-Восточной Азии, пережив финансовый Азиатский кризис и Российский дефолт, ставят своей задачей регионостроительство. При этом регионализация не отрицает глобализацию, но её дополняет, весьма серьёзно корректируя. При одновременном осуществлении процессов глобализации и регионализации экономики функция глобализации состоит в том, чтобы обеспечивать для страны возможность участвовать во множестве международных процессов, а регионализация позволяет формировать собственные цели и сохранять субъектность собственного действия.

Недавно вышедшая «прорывная» книга Джильберта Розмана, посвященная проблемам прозябающего чахлого регионализма в Северо-Восточной Азии[1], очень верно намечает целый клубок прин-

[1] Gilbert Rosman. Northeast Asia's Stunted Regionalism. Bilateral Distrust in the Shadow of Globalization. Princeton University, Cambridge University Press, 2004.

ципиальных проблем уравновешивания становящегося, но ещё не появившегося регионализма на фоне либерального американского глобализма. Надо отдать должное автору, он вообще является сторонником определённой утончённой концепции равновесности, сбалансированности при рассмотрении и оценке наиболее сложных подходов в анализе международных отношений.

Нам представляется, что подобную идею мегасбалансированности понимают и чувствуют отнюдь не многие. В российской внешней политике идея подобной равновесности очень чётко воспринимается как концептуальная онтологическая мысль прежде всего Евгением Максимовичем Примаковым. Именно Е.М. Примаков[1] в данный момент обращает внимание российского геополитического истеблишмента на то, что очень было бы неблагоразумно поддаться во многом показным (ostencible) антиамериканским жестам европейских кругов. Важнейшая функция России в настоящий момент состоит как раз в том, чтобы сохранять взаимопонимания, контакты и с Европейским союзом и США, в одном случае выступая против односторонности (unilateral) доминирования американской имперской элиты, а в другом случае, разрушая рамки восприятия себя исключительно как поставщика ресурсов и нарушителя европейской местечковости и часто весьма провинциальной законности. То, что Россия 300 лет являлась и является мировой державой, Западной Европе приходится часто демонстрировать через прямые взаимодействия и контакты с США. Хорошо понятно, что любая прямолинейная «пассионарность» и слишком широкий порыв души приведут только лишь к изоляционизму и остракизму. Желание прыгнуть «ширше штанов» есть знак достаточно основательного комплекса. С другой стороны, как показывает тот же Розман, именно боязнь переферийности (не быть мировой державой в каждом акте своего действия) является своеобразным комплексом, посредством которого Россию, судя по всему, сегодня уже разыгрывают мировые державы, например, в Северо-Восточной Азии. С этой точки зрения, отсутствие комплексов предполагает только лишь одно понимание: там, где я что-то строю действительно обоснованное и важное, там и будет центр мира.

[1] ***См,*** **статью с примечательным названием «Ирак на повороте: ревизия высокомерия», насколько мы знаем, статья не публиковалась на русском языке. «Iraq at the Turn: Auditing Arrogance», в журнале «In national interest», http://www.inthenauonalinterest.comM**

На эту статью нам указала Rachel Douglas, которой мы выражаем свою искреннюю признательность.

Но для нас данная книга интересна, прежде всего, двумя следующими моментами. Во-первых, она с необходимостью вводит проблематику сценирования и разработки сценариев[1]. Правда, следует уточнить, мы понимаем под сценариями отнюдь не абстрактные прогнозные тренды и мегатенденции. Для нас сценарии — это, прежде всего, набор реальных позиций, когда действие каждой из них обязательно предполагает участие в предмете действия, в крайнем случае противодействия других позиций. С этой точки зрения сценарный подход предполагает выделение таких ситуаций, в которых действия разных групп людей обязательно «зацеплены» друг с другом. При таких условиях участники ситуации вынуждены vollens nollens искать такой способ действия, который бы вызвал отклик и нашёл поддержку у всех или большинства участников ситуации.

Во-вторых, в этой книге соотносятся и связываются процессы глобализации и регионализации. Процессы глобализации, прежде всего, всегда соотносились с раскрытием финансовых институтов других стран для участия в глобальных финансовых рынках, связанных с перетоком финансов, а также с утверждением единых подходов к правам человека.

Вместе с тем регионализация выступает как способ организации конкретного действия в локальных региональных условиях. Заслуга Джильберта Розмана заключается в том, что он в качестве одного из ключевых условий формирования регионализма в Северо-Восточной Азии выделяет соединение глобализации и регионализма, а отнюдь не их противопоставление. Именно при подобном соединении в едином поле может происходить взаимная коррекция каждого из принципов. В этом случае глобализация перестаёт связываться исключительно с непостоянством и неустойчивостью международных финансовых потоков, к которым должны быть присоединены национальные финансы. Но предполагает в значительно большей степени открытость к самого разного рода требованиям и инициативам, которые предъявляют другие страны. Регионализм при этом выступает как конкретизация самых разнообразных инициатив применительно к конкретному месту действия.

Регионализм, оторванный от глобализации, оказывается тождествен самоизоляции и провинциализму. Глобализация, не опирающаяся на самоопределение и готовность к действию региональных сообществ и локальных групп, превращается в насильственное навязывание внешних норм, часто разрушительных для данной

[1] **Громыко Ю.В. Сценарная паноплия. — М., 2004.**

страны. Как правильно показывает Бодрияр[1], глобализация в этом случае отнюдь не оказывается тождественна универсализации. Наоборот, она выступает в качестве очень частного варианта усреднения особенностей культуры и истории стран региона с точки зрения весьма корыстных интересов отдельной страны — законодателя мод. В этом случае глобализация есть всего лишь заполнение всего пространства земного шара одним и тем же набором способов действии, а отнюдь не выявлением разнообразного. Но именно регионостроительство выступает в качестве условия обнаружения и выявления форм, способов действия и институциональных рамок, которые бы представляли локальные сообщества в данных условиях.

Противопоставление регионализации и глобализации и последующая попытка их соорганизации в качестве рамочной характеристики очень важны для обсуждения проблем транснациональной безопасности. Поскольку именно в этой рамке проблема действия транснациональных (то есть глобализированных) сетевых преступных синдикатов должна быть соотнесена с условиями жизни локального сообщества, в которых действует та или другая преступная группа. Если у локальных сообществ нет принципиальных возможностей организовывать для своей же выгоды взаимодействия с соседними странами, развивать процессы производства, научной и образовательной деятельности, то «открытость», соотносимая с глобализацией, оборачивается выводом из региона самых разнообразных ресурсов: природных, людских, информационных. Именно в подобной ситуации, где человеческий труд обесценивается и становится не сопоставим с рентой от прикрепления к финансовым потокам (финансовым трафикам), всевозможных «откатов», локальные сообщества снижают этические требования к формам заработка и типам занятости. Это связано с одним весьма простым обстоятельством — в подобных условиях надо выживать. Поэтому разнообразные мошенничества по отношению как к своему государству (например, браконьерство или передача рыбных ресурсов в океане японцам, за счёт чего удаётся избежать налогообложения), так и чужому приветствуются. Любая попытка в подобных условиях сделать бизнес прозрачным воспринимается как система введения дополнительного непосильного оброка на и без того растревоженные локальные сообщества (troubled communities).

[1] См. «La Violence du Mondial», in Jean Baudrillard, *Power Inferno* (Paris: Galilee, 2002), pp. 63-83. или английский вариант статьи **The Violence of the Global** — http://www.ctheory.net/text_file.asp?pick=385#bio2.

В этих условиях либеральной финансовой глобализации может быть противопоставлена только лишь разработка международных прорывных инфраструктурных проектов типа «коридоров развития», построение производств следующего техно-экономического уклада, перевооружение существующих производств и т.д. Та роль, которую отводит Джильберт Розман России в рамках северо-восточного региона — поставщик углеводородов и электроэнергии, а также сторона, уговаривающая Северную Корею выполнить требования, обращенные к ней со стороны других стран, есть лишь фиксация сложившихся за последние десять ожиданий, но конечно, ни в коей мере не может рассматриваться в качестве чего бы то ни было пристойного. Но именно прорывные проекты могут мобилизовать локальные сообщества и поднять этический уровень самоорганизации. Без подъёма подобного уровня любые внешние политические меры по борьбе с транснациональной преступностью, по крайней мере серой преступностью, обречены. Более того, они объективно воспринимаются профессиональными группами как способ уничтожения собственных корпораций. Разве с этой точки зрения не был летний финансовый микрокризис в России вызван участием спецслужб в американской международной программе по борьбе с отмыванием финансов? Возникновение кризиса было связано с эпидемией опасений и самых разнообразных ожиданий, которые стали распространяться, прежде всего, среди представителей самого банковского сектора после скандала с «Содбизнесбанком». Различные утверждения о причине этого скандала в диапазоне мнений — слухов от «в этом банке не всё и не всегда было нормально с бухгалтерской отчётностью» до «в основе банка были два бандитских общака, и банк во всю занимался Большой Стиркой «грязных», криминальных денег» указывали на то, что финансовая полиция серьёзно взялась за анализ потоков в финансовой сфере.

Банковское сообщество — одна семья и им лучше знать, как циркулируют и движутся по-разному окрашенные наличности. Сами банковские служащие стали окрашивать через свои опасения цветность финансовых потоков — от незаконных, криминальных «чёрных» до плохо учитываемых серых. Конечно, этим не могли не воспользоваться специалисты по недружественным захватам и приобретениям, которые стали специально распространять слухи, формируя неустойчивость вокруг определённых банков. Но ещё раз подчеркнём, возникшие опасения отнюдь не беспочвенная фобия и психоз обалдевших от прекрасной жизни сверхбогатых людей. Они основаны на точном достоверном знании, что органы серьёзно взялись

в соответствии с международной программой по борьбе с терроризмом за чистку банков, и это — компания. А когда ты попал под нож компании, то остановить начатое действие может, разве что, только президент. Произошло следующее: начав чистить банки в соответствии с требованиями международной программы по борьбе с терроризмом, компетентные органы быстро прошли миллиметры твердого слоя легализации финансовых потоков и попали в безвоздушное пространство конвертации всяких денег во всякие.

Слишком высокие международные стандарты законности и легализации, если они не сопровождаются реальными конкретными выигрышами от участия в стратегических прорывных проектах, воспринимаются любыми группами и сообществами как действия по развалу мало-мальски функционирующих систем жизнедеятельности.

Имеет смысл также осознать, что если в разрабатываемом проекте не соединяются государственное стратегирование и предпринимательское участие с обеих сторон, то в проигрыше оказывается та сторона, с позиции которой предлагается только участие частных лиц. Нечто подобное сегодня происходит в области российско-китайских отношений. Китайское правительство ставит жёсткие стратегические задачи создания международных транснациональных корпораций.

Вот очень интересные выдержки из статьи В. Соколова **«Внешнеэкономическая стратегия КНР: комментарий из Владивостока»,** опубликованной в газете «Регион»:

«Российским специалистам хорошо известна "схема выхода", изложенная в московской китайской газете в декабре 1999 г. и опубликованная В. Гельбрасом. Она имеет прямое отношение и к стратегии "транснационального хозяйствования", и к проблемам ведения мелкого китайского бизнеса в России через Москву, и к функциональности китайских землячеств. Ключевые пункты этого "эскиза" имеют названия в духе классических китайских стратагем: "Взять Амурскую область за основу", "Оживить два глаза", "Проложить две трассы", "Создать единую городскую гряду". Но что скрывается за ними?

"Взять Амурскую область за основу": **одновременно с расширением сотрудничества с этим регионом, полностью использовать его возможности как "аванпоста" для того, чтобы китайские предприятия и товары широким потоком через Амурскую область двинулись во внутренние районы России. Приграничный китайский город Хэйхэ предложено превратить в "коридор" выхода на российский рынок. На острове Хэйхэ предполагается образовать "крупнейший центр оптовой торговли,**

нацеленный на Россию", создать *первый уровень оптового хозяйствования.* Одновременно в многомиллионных российских городах к востоку от Урала предложено открыть китайские торговые центры, управляемые китайцами, которые станут *вторым уровнем оптового рынка.* "Китайский международный торговый город на острове Хэйхэ и китайские центры в российской глубинке будут осуществлять тесный контакт друг с другом, образуя *закрытую надгосударственную структуру прямой, автономной реализации".*

***"Оживить два глаза":* использовать Красноярск и Иркутск в качестве "опорных пунктов проникновения в глубь страны" и, опираясь на них, "излучать влияние".**

***"Проложить две трассы":* открыть путь товарам для оптовой и розничной торговли из Хэйхэ в Красноярск и Иркутск, и туристическую трассу из Хэйхэ к Северному Ледовитому океану и Байкалу.**

" *Создать единую городскую гряде/[1]:* использовать в качестве центра Иркутск и связать воедино Пермь, Челябинск, Екатеринбург, Омск, Новосибирск, "сформировать на их основе широкий единый рыночный покров".

Таков план строительства одной из возможных "Китайских России" (или шире — ИнтерРоссий) с площадки приграничного оптового рынка. Не исключено, что подобная схема заложена и в китайский подход к созданию приграничного торгового комплекса "Пограничный — Суйфэньхэ". Комплекса, который, к сожалению, никак не связан с российской государственной стратегией выращивания собственных геоэкономических "инструментов" для успешного участия в реиндустриализации северо-восточных провинций Китая, а также продолжающемся формировании Северо-Восточной Азии. Увы, но такой стратегии попросту нет!...»

Позволим себе процитировать ещё один весьма красноречивый отрывок из той же статьи:

«В прессе сообщалось, что в 2003 г. официальную процедуру регистрации в столице прошли около 15 тыс. граждан Поднебесной. По данным МВД и ФСБ, в том же году в Москве жили и работали от 50 тыс. до 250 тыс. китайцев, нарушающих российское миграционное законодательство. Основа китайской торговой пирамиды в Москве представлена мелкими частными торговцами крупных оптовых рынков (прежде всего, Измайловского). На вершине находятся крупные компании, подчиненные Министерству внешней торговли и внешнеэкономических связей КНР или тесно связанные с ним. В 1999 г. курируемая Министерством пекинская газета "Guoji jingmao xiaoxi" писала, что многие китайские компании ведут в России коммерческие операции в обход законов.

Даже самые именитые стремятся избежать официального оформления юридического лица. По данным указанного издания, только в Москве 90—95 % товаров частных китайских компаний "не проходит официального таможенного оформления". В 1999—2003 гг. при поддержке Комитета по торговле и инвестициям в Европе при Министерстве внешней торговли КНР и мэрии Москвы была предпринята попытка вытеснить челноков. Для этого в Москве, на пересечении Нового Арбата с Садовым кольцом, был открыт первый китайский супермаркет "Тянь Кэ Лун". В нем видели не только "выставочный центр" качественных товаров из Поднебесной. Аналитики восприняли супермаркет как инструмент конкуренции между китайскими СП и госпредприятиями, с одной стороны, и с китайскими же кооперативами — с другой. Очевидно, что модель "кустарь — челнок — потребитель" пытались заменить на модель "СП — супермаркет — потребитель". Первоначально предполагалось, что большинство руководящих должностей будут занимать китайцы. Однако за ними оставили только три должности, связанные с вопросами финансового планирования и контроля. Но в 2003 г. супермаркет пришлось закрыть. Причиной тому, по словам одного из бывших менеджеров магазина, стало вовсе не отсутствие спроса на китайские товары или эпидемия SARS, а неспособность российских сотрудников наладить эффективное "прозрачное" управление предприятием».

Из материалов, предложенных В.Н. Соколовым, становится очевидным, что в тех случаях, когда со стороны одного участника макрорегиональная стратегия строится на основе взаимодействия государства и предпринимательского сообщества, а со стороны другого во взаимодействии участвует лишь частный бизнес или частные российские граждане, пожелавшие подзаработать, то в результате возникают «серые» предпринимательские схемы, связанные с возможностью различных правовых нарушений — ухода от налогов, нелегальной иммиграцией, «откатами» при получении подряда коррумпированным чиновникам и т.п. В конце концов, полное отсутствие прозрачности не устраивает и китайскую сторону. Межцивилизационной синергии не возникает — всё тонет в тотальной нелегальщине и воровстве. Сам же Китай активно прорабатывает схемы глобального трансграничного проникновения, основанные на государственном участии и поддержке.

Следует иметь в виду, что Россия пережила период первичного накопления капитала, который практически весь был криминальным и нелегальным. Поэтому любая попытка проникнуть за границы «благонравного пятилетия» и оказаться в «доблестном семилетии»

или «героическом десятилетии» чревата опасностями разрушения любого имиджа и любой репутации. Это ставит самую серьёзную для российского бизнес-сообщества проблему — неукоренённости и незащищённости. Любая корпорация может быть обвинена в криминальных преступлениях против государства и в незаконности действий. Подобное всесилие государственной бюрократии порождает чувство безнаказанности чиновников и коррупцию. Поэтому единственный выход президентской администрации — это осуществление равновесных кар справа и слева — посадки олигархов, поскольку так хочет по соцопросам 75-80% населения, и одновременно наказания представителей силовых ведомств — оборотней в погонах, которые организуют посадки и дознания олигархов. Собственно в этом только и состоит некоторое хрупкое равновесие специфически российской плебисцитарной демократии, основанной на выборах большинством населения фигуры президента, получающей авторитарные полномочия[1].

У нас нет точных данных, как проблема амнистии криминальных денег решается в Китае. Хотя осмысление самого того факта, что в КПК на учете состоят и успешно работают миллионеры, предполагает, что китайский коммунист-миллионер может смыть позор преступного прошлого, совершая героическое действие во имя партии и поднебесной. Одно из важнейших направлений борьбы с транснациональной преступностью состоит в том, чтобы построить схемы легализации незаконных доходов. Один мой знакомый китаец-экономист объяснял мне, что термин теневая экономика может в Китае иметь совсем иное прочтение, отнюдь не негативное. В тени находится набирающий силу «зелёный побег нового дела», спасённый приватной тенью от иссушающего солнца государства.

Легализация доходов (на основе подчистки бухгалтерских книг, приведения в порядок отчётности, ликвидации некорректируемой документации) в России уже сегодня становится одним из наиболее выгодных нелегальных бизнесов. После скандалов с аудиторской фирмой Anderson consulting, на уровне фальсификации показателей прибыльности ведущих компаний, стало очевидно, что незаконная легализация доходов в Соединённых Штатах является далеко продвинутой высокоприбыльной индустрией. Но подчеркнём ещё раз, что в России проблема легитимации самого страта крупных собственников является острейшим вопросом.

[1] Понятие плебисцитарной демократии, разработанное Максом Вебером, было введено в оборот для анализа политических российских реалий Миграняном.

Одна из сторон этой проблемы связана с приходом криминала во власть через участие в губернаторских, думских и мэрских выборах. Очень часто человека, занимающегося нелегальным бизнесом, во власть делегируют представители профессионального сообщества, которые понимают, что необходимо трансформировать и изменять сами правовые нормы, поскольку в сложившемся правовом поле нормального выгодного бизнеса не построишь. В подобном случае человек, приходящий из криминализированной области, выполняет благое дело. Он, зная на собственном опыте, каковы условия работы в данной сфере, ищет пути изменения условий бизнеса в данной области. Нечто подобное, на наш взгляд, происходит сегодня в рыбном промысле и освоении биоресурсов на Дальнем Востоке, где, как было сказано президентом Владимиром Путиным во время его приезда во Владивосток в июне 2004 года, — «основная рыба у Вас серая».

На наш взгляд, при оценке того, что происходило с процессами по делу компании ЮКОС, стало очевидно, что крупный российский бизнес не может быть укоренён в системе российского права. Мнение 75% россиян о криминальной форме возникновения всего крупного российского бизнеса — своеобразный тип естественного права перевешивает все типы сконструированной и пролоббированной правовой казуистики. Вряд ли российский бизнес может быть легитимизирован через финансовый капитал или торговый капитал. Попытки разных российских олигархов сформировать позитивный личный имидж на Западе через покупку футбольных клубов, курортов, национальных сокровищ, вывезенных из России, малопродуктивны.

Что остаётся? Вложение денег в прорывные макрорегиональные инфраструктурные проекты. Разработка и финансирование подобных международных прорывных проектов может при определённых условиях превратить извращённого олигарха (crooked oligarchs) в национальных героев. Это должны быть проекты, обеспечивающие выход России к новому технопромышленному укладу на основе создания новых наукоёмких промышленных производств и соответствующей профессиональной подготовки персонала. Именно подобные инфраструктурные инновационно-технологические проекты и могут создать зоны локальных обществ с очень ясными нравственными основаниями, ценностями и, следовательно, укоренённых первоначально в системе естественного права, который затем может быть зафиксирован в системе формального права. Именно эти группы могут осуществлять абсолютно легальный бизнес, правовым образом оформленный бизнес.

В распространённых формах финансового глобализированного капитала и торгового капитала создать зоны твёрдой чистоты и легальности вряд ли удастся. Это не означает, что невозможно бороться с коррупцией и серыми предпринимательскими схемами. Нет, безусловно, можно и нужно это делать. Но подобная борьба чем-то напоминает антидопинговые проверки и защиты в спорте высших достижений, когда одна и та же биохимическая фирма разрабатывает структуру допингового аппарата, который не ловится сегодня антидопинговым оборудованием. Она продаёт этот новый препарат сначала различным спортивным ассоциациям. А через какое-то время, когда спрос на данный препарат падает, она разрабатывает тестовые технологии его определения и продаёт их антидопинговым комитетам по всему миру. Тот, кто придумывает серые предпринимательские схемы, может сначала реализовывать их сам, затем продавать представителям нелегального бизнеса, а через какое-то время Интерполу. При подобном подходе борьба с незаконным бизнесом является делом специализированных органов, а не консолидированного общества. И этот подход чем-то даже напоминает высоко интеллектуальную бизнес-игру, жертвой которой являются локальные общности, которые оказываются вынужденно коррумпированными.

11.4. Трансграничная идентичность и транснациональная безопасность. Паксизация (от латинского *pax*— мир, world) национальных государств. Этносы за границами своего государства

Но в любом случае при определении принципов и подходов к трансграничной безопасности нам приходится иметь дело с трансграничной идентичностью[1] — своеобразным заступом представителей разных стран и государствообразующих этносов за территориальные рамки места своего естественного проживания и, следовательно, также выход за границы социокультурных оснований своей собственной идентичности.

[1] ***См,:*** **Громыко Ю.В. Сценарная паноплия. — М., 2004. Глава «Консциентальная безопасность: фактор региональных трансграничных идентичностей. Интеллектуальный трансферт России в АТР». — С. 210-239. Впервые опубликована в сокращённом варианте в коллективной монографии «Азиатско-тихоокеанские реалии, перспективы, проекты: XXI век.» благодаря усилиям В.Н. Соколова, которому мы выражаем огромную признательность.**

Связана ли трансграничная идентичность с национальной идентичностью? Ответ на этот вопрос не может быть дан в общей форме. Это зависит от достаточно многих факторов. В частности, осуществляется ли формирование мира данной нации, данного этноса спонтанно — естественно или за процессом складывания данного мира стоит специально разработанный геополитический проект — Pax Americana в отличие, например, от Pax Teutonica, или Pax Judaica, опирающийся на естественные процессы затянувшегося возвращения из рассеяния еврейской диаспоры в национальное государство от Pax Russica, образовавшегося в результате нескольких волн эмиграции и тектонической катастрофы развала СССР, или активно формирующийся руководством КПК сегодня Pax Sinica, опирающийся на естественные механизмы коммуникации хуацяо, которые особенно выпукло просматриваются на Таиланде[1], в Малайзии, да и в США и т.д. Как только мы выходим за рамки географии национальных государств к структуре этнокультурных и этноконфессиональных миров (а ведь действительно они есть эти миры — и не только Pax Catholica или шиитско-суннитский Pax Islamica или Pax Orthodoxica, но Pax Mormonica с ядром в Штате Юта или Pax Wahabitica с ядром в Саудовской Аравии), мы попадаем в мир современных, геополитических вопросов, которые в чём-то тождественны проблематике схоластов — «а сколько действительно ангелов может уместиться на конце иглы?». При этом ключевым вопросом является не рассмотрение отдельно взятой этнической диаспоры, а система взаимодействующих за рамками национальных государств множественных миров. Ведь эти множественные миры, являющиеся формой распаковки национальных государств, практически иногда, как нож в масло, могут входить и насыщать территории любых национальных государств. В отдельных случаях такого типа мир мог выполнять особо рода услуги и функции для своего национального государства, где локализовано ядро данного мира. Например, хорошо известна роль Pax Mormonica в деятельности разведслужб и особенно разведсообщества США, а сам Штат Юта не случайно объявлен национальной сокровищницей США, поскольку в нём больше всего на 1000 жителей число людей, свободно говорящих на трёх языках. — Пребывание подростков в миссиях по всему миру хорошее подспорье в кросскультурном языковом образовании мормонов. — В других случаях «мир» ведёт свою собственную политику и автономизиру-

[1] Где даже в таиландском Парламенте весьма часто говорят не по-тайски, но по-китайски.

ется, выворачивая себя из структуры национального государства. Те же самые мормоны, имеющие собственный алмазный фонд и спутник, постоянно повторяют, что они никогда не забудут, как правительство США расстреляло их из пушек возле Чикаго в 1861 году. Или представители индейского народа навахо, имеющие своего президента, свой парламент, своего федерального судью, которые осуществляют поиски финно-угорских братьев, состоявших с ними в родстве, до перехода через Чукотку и Аляску. Собственно, этот «распакованный», раскрывшийся набор пересекающихся миров содержит в себе виртуализированную систему бесконечного числа неразыгранных сюжетов истории, в том числе и потенцированных (пусть очень часто мифологизированных, а как без этого) государственных форм. — Но ведь уверены навахо, что они выращивают в структуре США свою собственную национальную государственность.

Одни миры могут проходить сквозь другие миры, на них «паразитировать», складываться в альянсы. С этой точки зрения, выделение миров в виде особых исторических субъектов, основанное на распаковке полиэтнических национальных государств, в какой-то мере позволяет говорить о конце традиционалисткой истории современности, когда история национального государства с чёткими и однозначными территориальными границами оказывалась по Гегелю Weltgericht — мировой суд.

При этом сама структура трансграничной идентичности является своеобразным антропологическим экспериментом, позволяющим осмыслить изменения, происходящие с исходными типами идентификации. Поскольку могут происходить одновременно три совершенно разных процесса:

- запределивание и выявление абсолютных оснований идентификации, близких к культуростроительству и формированию традиции на основе занятия позиции транслятора культурных оснований в другое место пространства;
- ослабление и отстранение от исходных оснований идентификации и связанная с этим виртуализация идентичности и создание неаутентичных форм идентичности;
- сохранение исходного типа идентичности и прикрепление к носителю дополнительных типов идентичности, в результате чего появляются расщеплённые типы идентичности, ситуативизированная идентичность, коллажированная идентичность.

В каждой из цивилизационных систем есть, безусловно, предельная форма обнаружения и преодоления сложившихся типов идентифицирующей самоопределённости:

- будь это бесконечная американская система ролевых идентификаций, с лежащими в их основе пучками ожиданий-экспектаций;
- даоская пустотность, в которую каждый раз могут быть помещены как незавершённые и частные любые типы самоопределённости;
- суфийское помещение себя на длань Господню и полное раскрытие своего сердце перед Аллахом в исламских традициях;
- или христианское проживание момента Богооставленности вместе с Иисусом Христом в единённом вопрошании: «Или, или лама савафани?»[1].

Выделение разных типов идентичностей является небольшим продвижением в область, внутри которой можно начинать вычислять действие различных типов акторов, включающихся в разные виды криминальных предпринимательских схем. Собственно, этот иденцитарный типологический алфавит должен нам помочь уйти от представлений о китайской диаспоре, чеченской мафии, русской мафии и т.д. Очень важно проанализировать и понять, что происходит с идентичностью того или другого этноса, конфессиональной группы при её расщеплении, виртуализации, театрализации, карнавализации. Переставая принадлежать определённой культурной и духовной традиции, конкретный человек, сбрасывая определённый тип идентичности, сохраняет различимый окрас, своеобразную ауру принадлежности данной идентичности. Но персонажистскую демонстрационную принадлежность к той или иной идентичности можно дизайнировать, имитировать, фабриковать так же, как моделируются одежды, причёска, а сегодня уже и пол.

Здесь мы подходим к важнейшему узлу проблем, определяющему, как складывается предпринимательская схема в области транснационального терроризма. Безусловно, необходимо уточнять вопрос, почему транснациональный терроризм невероятно экономически выгодное предприятие. Фактически, вопрос о прибылях транснационального терроризма связан с проблемой, кто взламывает системы международного права, и сколько стоит разрушение сложившихся международных правовых институтов. Поскольку разрушение сложившегося международного правового уклада, если оно отвечает интересам определённых финансовых групп в одном государстве

[1] *Владимир Вячеславович Малявин* — замечательный культурантрополог и китаевед — считает, что обращение Второй Ипостаси Святой Троицы с этим вопросом к Первой составляет онтологическую основу антропологии идентичности, поскольку именно в этом акте выявляется граница человеческой природы, предоставленной самой себе.

или группе государств, не имеет ограничений в стоимости, то эти прибыли от правового, а затем геополитического передела мира всегда баснословны. Нарушение сложившегося международного правопорядка предполагает в дальнейшем геополитический передел мира и захват в разных формах (аннексия, протекторат, навязанная концессия) территорий до этого независимых государств или государств, включенных в другие территориальные образования. Передел мира как предприятие, сколько бы ни было за него заплачено, всегда приносит баснословные прибыли. Поэтому при разработке предпринимательской схемы в области международного террористического акта, приводящего к госпереворoту (Испания), изменяющему систему международного правового регулирования (унилатерализм действий США после событий 11 сентября), основной вопрос, кто может заплатить за разрабатываемую террористическую операцию.

При обсуждении транснациональной безопасности очень важно различать типы угроз, которые разрабатываются, осуществляются и планируются на территориях нескольких государств: угрозы по отношению к национальным государствам — отдельным или группе, угрозы по отношению к этносам, угрозы по отношению к международным институтам, угрозы по отношению к самому мировому порядку, который олицетворяют большинство стран или несколько стран. Как мы уже сказали, наиболее экономически выгоден геополитический передел мира, предполагающий демонстративный слом сложившихся международных правовых договорённостей и дискредитацию международных институтов. Но вся проблема подобного типа деструкции состоит в том, что в результате ослабления или разрушения международных институтов и формирования правового нигилизма разрушаются международный порядок, устойчивые формы взаимодействия различных государств, и мы попадаем в менее управляемый мир. Основная проблема состоит в том, способно ли государство, осуществляющее геополитический передел, трансформацию международных правовых институтов, сохранить и обеспечить управляемость теми хаотическими формами взаимодействий, в которое погружается мир как целое после нарушения очередной системы правовых договорённостей. После войны международной коалиции под руководством США в Афганистане и Ираке, очевидно, что нет.

Мировой порядок, который поддерживается исключительно за счёт механизма силы, является весьма затратным и крайне неустойчивым. Отсутствует весь набор механизмов оестествления и само-

поддержания, который обязательно включается в действие, когда оказываются задействованы формы естественного права и родового самоопределения. Формирование однополюсных глобализированных империй — это весьма затратный и очень неустойчивый процесс построения искусственно поддерживаемых социальных конструкций.

Виртуальные проекты новых государственных образований, способных якобы воплотить в жизнь нереализованные варианты мировой истории, не имеют никакого отношения к формированию дееспособной государственности и реальным процессам государственного строительства. Лозунг «Каждому этносу по своему государству с чётко закреплённой за ним территорией!» является провокационным и направлен на разрушение мультинациональных государственных образований, таких как Югославия, Россия, Китай, Индия, а затем и США. Другое дело, что подобные общности, реализующие принцип моноэтнической идентичности, сначала должны быть самовообразены (Андерсон) и лишь затем стать субъектами следующего такта геополитического воображения, обеспечивающего перепланирование территориального пространства. При современном уровне развития антропологии и психологии стимулировать и инициировать процессы не только этноизоляционного воображения, но и конфессиоизоляционного, локалистского не представляет никакого труда. Во всяком случае, это может быть талантливо сделано. Независимый Синцзянь и «свободная Мормония» не менее реальны, чем республика Ичкерия. Сецесионистская идентичность может быть выращена в специально организованной и спроектированной символической среде. Другое дело, жизнеспособно ли будет новое формирующееся государство, и какое место ему будет отведено в современном глобальном мире. Работорговля и наркоторговля Ичкерии, безработица и количество самоубийств среди мужского населения в Грузии свидетельствуют о нежизнеспособности новых государственных образований.

В условиях проникновения этнических миров на территории самых разнообразных национальных государств жители той или иной страны должны быть готовы к вступлению в контакт с представителями других этносов, образованию новых органических связей, к улавливанию самой сути межцивилизационных взаимодействий с одновременным выдвижением жёстких требований уважения культуры данной страны. Устраниться от возникающих контактов в результате проникновения на территории национальных государств различных этномиров, это означает проиграть глобализацию. Кроме того, изоляционистский этнос, изоляционистское государство

становится неадекватным мировым процессам и оказывается склонно к самодеструкции просто потому, что оно не понимает, как организован сегодняшний мир. В этой точке нашего рассуждения нам оказывается невероятно близка точка зрения СВ. Кортунова[1], в соответствии с которой безопасность в сегодняшнем мире — это прежде всего адекватность понимания и схватывания реальности происходящих мировых процессов и действие в соответствии с этим пониманием.

11.5. Управление процессами идентификации и терроризм как предпринимательская схема

Одна из проблем транснациональной безопасности связана с контролем за хаотической миграцией больших потоков населения из зоны бедствия. В этом случае должны быть созданы условия для ассимиляции и натурализации этих групп населения в данной стране, должна быть определена хозяйственно-экономическая функция, которую могли бы занять данные группы населения. Если не будут предприняты меры для формирования ассимилятивной идентификации миграционных этнических групп к условиям жизни в данной стране, то данная дезаптированная группа будет постоянным источником беспокойств. Но очень часто информацию о том, кто идёт в данную страну и зачем, можно получить лишь с территории исхода. Хаотической миграции населения из зон бедствия противостоит осознанное регионостроительство и формирование межстрановых инфрастурктур — транспортных, энергетических, технологичесих и т.д. Межцивилизационное, кросскультурное, межэтническое, межконфессиональное взаимодействие при формировании макрорегиона во многом строится на принципах саморегуляции и самоподстройки, хотя, конечно, на них можно воздействовать за счёт информационной политики, введения в оборот специальных образов и материалов, разрушающих взаимопонимание между народами. В условиях взаимодействия и взаимопроникновения разных этномиров друг в друга основные изменения происходят с процессами идентификации представителей разных этносов. Идентичность не является раз и навсегда застывшим качеством, но она подлежит подстройке и изменению в результате взаимодействия этносов друг с другом в

[1] *См.:* Кортунов СВ. Становление политики безопасности. — М.: Наука, 2003.

условиях определённой страновой культуры и государственности. Процессы идентификации могут серьёзно сдвигать и модифицировать самоопределённость представителей разных этносов, конфессий.

Manuel CASTELS в своей работе «The power of identity» предлагает различать проектную идентичность, легитимизирующую идентичность и идентичность сопротивления. Попадая в новую ситуацию, всякий этнос сначала должен осуществить проектную идентификацию, в чём-то меняя свой тип самоопределения. А затем через традицию своего народа построить процесс легитимизирующей идентификации для того, чтобы новый тип действия включить в культуру своего народа. Живой этнос, на наш взгляд, постоянно движется от проектной идентификации в новой ситуации к легитимизирующей, выходя за рамки шаблонных застывших форм сложившейся самоопределённости.

Идентичность сопротивления возникает в ситуации, когда данный народ, представители определённой конфессии поставлены на грань выживания. Именно в этом случае представители этноса, не желающие превратиться в цивилизационную пыль, вынуждены противопоставить себя надвигающемуся цивилизационному порядку и опираться на радикализированные элементы своей традиции. Собственно, идентичность сопротивления и составляет антропологическую основу несимметричной или неправильной войны, которую неверно называют международным терроризмом.

Феномен локальной войны был первоначально выявлен и описан Фрайхером фон Хейдтом в его книге «Kleinkrieg» или в английском переводе «Irregular warfare» в 70-е годы. Фрайхер фон Хейдт в этот период справедливо утверждал, что человечество ждёт отнюдь не ядерный Армагеддон, но применение маленьких войн, локализованных в пространстве и времени, но не имеющих ограничений в интенсивности и зверствах. Именно в рамках локальной войны её исполнители оказываются несдерживаемы никакими международными конвенциями, правовыми установлениями. Феномен локальной, маленькой, но бездонной по интенсивности войны был выделен Фрайхером фон Хейдтом в феномене герильи, партизанских войн.

Партизанские операции являются ответной реакцией на действие неприятельской армии, разрушившей цивилизационный страновой порядок, не желающей его восстанавливать и превращающей население в рабов. Идентичность сопротивления у партизан возникает в ответ на действия неприятельской армии. Она невидна и не нуждается в специальном предъявлении её публике. Партизан

потихоньку выполняет своё дело. В случае современной террористической операции идентичность сопротивления может быть специально сформирована. Важнейшим элементом террористического события является его специальное сценирование и помещение на телевизионный экран, в интернет в форме reality show. Этническая, конфессиональная идентичность террориста является всего лишь своеобразной маской, сформированным обликом персонажа, который демонстрирует готовность совершить в публичном пространстве убийство. Нами было предложено различать процессы идентификации и аутентизации. Аутентичность позволяет описывать меру подлинности заявленной идентичности. Уровень аутентичности (подлинности) процесса идентификации террориста требуется поддерживать только в той степени, чтобы направлять внимание публики на нужный предмет шантажа и сохранять для воспринимающих безусловность его намерений.

Основная задача террористического события — это помещение на экран демонстрируемого акта смерти беззащитного населения. Именно предъявление гражданскому населению внезапной возможности смерти и абсолютной незащищённости любого жителя перед лицом подобной угрозы, трансформирует гражданскую идентичность и вызывает резкое недоверие к власти. Следовательно, в целом террористический акт — это игра на поле искусственных трансформаций и преобразования идентичности. Если для европейского человека этническая и конфессиональная идентичность являются не значимыми (они в соответствии с концепциями постмодернизма — «пластилиновое слово»), то достаточно большой определённостью обладает гражданская идентичность. В многонациональной России этническая и конфессиональная идентичность имеют значительное влияние на самочувствие человека, поэтому болевые сигналы можно посылать по каналам воздействия на символы, связанные с данными видами идентификации, вызывая вражду между этносами и конфессиями.

Но основной вопрос, который возникает при антропологическом и психологическом анализе феномена терроризма—можно ли управлять и до какой степени процессами идентификации? Оказывается, что сегодня в уже весьма значительной степени подобное управление возможно. С одной стороны, можно за счёт телевидения, средств массовой информации формировать человека глобальной экономики, не связывающего себя с национальным государством, живущим по принципу ubi bene, ibi patria. Подобный человек перестаёт себя чувствовать членом консолидированного гражданского общества

данной страны. С другой стороны, можно сформировать причудливую идентичность строителя нового несуществующего государства — нового Халифата, Курдистана, Независимого Техаса и т.д., который будет готов к любым самым разрушительным действиям для того, чтобы реализовать свой проект. Вторжение в энергии сознания возможно, но каковы последствия данного вторжения? Они заключаются в том, что появляется особый тип видоизмененного человека, которого не связывает ни родовая память, ни общность, в которой он социализировался. Будучи сформирован для операций одного типа — верный защитник ислама в борьбе с Советами, или верный защитник социализма в борьбе с американским империализмом — этот человек становится «полковником» мятежевойны, направленной на разрушение любого социального светского порядка. Этот полковник бьёт в одно слабое место современной западной цивилизации — неготовность людей в обычной повседневности к смерти hie et nunc.

Подлинным противником «полковника» из сценария всеобщей мятежевойны является родовой человек, который не боится смерти, поскольку владеет знанием о бессмертии. Именно родовой, религиозный человек способен разоблачить полковника мятежевойны и показать, что полковник является полностью искусственным сконструированным, часто фармакологически и гипнотически, фантомным персонажем, который вообще возможно уже не человек. Поскольку именно родовой религиозный человек может спокойно, не беснуясь, смотреть в лицо смерти, опираясь на знание о своём моменте ухода как на элементе жизни. Это означает, что перед нами в лице террориста «нелюдь», которая не попадает под человеческие правовые юрисдикции. Существо, у которого отключены определённые отделы сознания, демонтирована совесть, и сочувствие приравнивается к псу, заболевшему бешенством. Данное существо подлежит немедленной изоляции и уничтожению, а сохранять его имеет смысл лишь для получения информации о сценарии террористического акта. Основная проблема состоит в том, как данная «нелюдь» на основе вполне достоверных и валидируемых процедур может выявляться и различаться с узниками совести.

Формирование людей с модифицированной специально скомпонованной идентичностью делает возможным создание предпринимательских схем, в ядро которых заложен террористический акт как событие. Если террористам идут на уступки, а после их действий возникает правительственный кризис, значит схема работает и, следовательно, всегда найдётся тот, кто сможет оплатить, например,

смену правительства. Смысл и принципы функционирования данной схемы заключаются в том, что террорист обладает горизонтом своего собственного самостоятельного действия. Он не знает, кто и на каких аукционах будет продавать сценарий его действия. Террориста так и готовят, чтобы он не задумывался о тех рамках, в которых с самого начала помещается данный сценарий террористического события его разработчиками. Приведём некоторые данные из статьи Кирилла Пинюгина «Кровавый бизнес корпорации "Терроризм"», представленном на сайте «Lenta.ru»:

«Корпорация "Терроризм" оказалась причастна к крупнейшей инсайдерской торговле ценными бумагами в истории фондового рынка. За несколько дней до терактов 11 сентября 2001 года на Нью-Йоркской фондовой бирже неожиданно резко вырос объем коротких позиций по акциям авиакомпаний и страховщиков. То есть кто-то был уверен в скором падении котировок ценных бумаг данных компаний. На товарном же рынке таинственные спекулянты, наоборот, делали ставку на будущий рост цены нефти и золота. Как сообщала итальянская газета Corriere della Sera, еще задолго до терактов в США бен Ладен мог быть причастным к биржевым махинациям на Миланской бирже.

Видимо, эти события год назад подтолкнули некоторых чиновников из Пентагона на мысль создать фьючерсный рынок, на котором бы делались ставки на будущие теракты. Отказаться от этой идеи их заставило общественное возмущение подобным цинизмом, а также здравое рассуждение о том, что террористы решатся на очередную биржевую игру, скорее, на обычном товарном или фондовом рынке, чем на подобном "специализированном".

Впрочем, Пентагон может воспользоваться услугами уже существующего подобного рынка — Forsiaht. Там можно, в частности, поставить на то, что до 1 января 2005 года на территории США себя взорвут не менее 3 смертников, расстояние между которыми будет не менее 1 мили, а время между подрывами составит не менее 24 часов. При этом в результате каждого из взрывов должен погибнуть как минимум один человек. А на площадке Tradesports.com можно попытаться угадать не только результаты спортивных соревнований, но и цвет террористической угрозы в США на конец каждого месяца.»

Структура предпринимательской схемы террористического акта имеет следующий вид:

1. **Выделение заказчиков нужного политического преобразования, вступление с ними в коммуникативные отношение, проведение переговоров.**

2. Разработка коммуникативно-презентационного сценария кровавого события или угрозы осуществления данного события, последствия которого должны привести к политическим изменениям.
3. Выделение антропологического «ядра» данной схемы — специально сконструированная идентичность террористов, которая может быть публично предъявлена.
4. Разработка технического сценария осуществления данного действия — транспортная логистика, группы исполнителей и поддержки, подкуп чиновников и т.д.
5. Подготовка к техническому исполнению теракта (взрывные работы, политическое убийство и т.д.).
6. Определение группы инвесторов, которые готовы платить за данный тип политических преобразований, создание финансовой логистики перечисления денег.

Мы говорим именно о структуре предпринимательской схемы, в которой содержатся перечисленные элементы, а не о последовательности действия, поскольку элементы данной структуры могут разрабатываться и реализовываться одновременно.

С точки зрения проблем консциентальной безопасности, связанной с анализом того, что происходит с антропологией сознания, нас больше всего интересует антропологическое ядро данной предпринимательской схемы террористического акта. Речь идет именно о консциентальной безопасности, а не о ментальной, поскольку понятие «ментальный» приобрело смысл внутренних процессов сознания и самосознания человека. Говоря же о консциентальной безопасности, мы намечаем объективируемую сферу сознания, для которой не существует различения на внешнее и внутреннее. Сфере сознания принадлежат средства массовой информации, виртуальные системы образов, культивируемые в интернете и на телеэкране, системы ценностей, формы самоопределения отдельных людей и общностей, смыслы и т.д. Так понимаемая сфера сознания выполняет *не* отражательную функцию по отношению к реальности, но символико-репрезентационную, сама выступая в форме определённой реальности. По отношению к процессам, развёртывающимся в сфере сознания, важно не то, что происходит «на самом деле», а каково отношение к тому, что происходит и как понимается то, что происходит. Впрочем, понимание того, что происходит «на самом деле», тоже осуществляется в сфере сознания.

Конечно, культивирование антропологии террориста как элемента специально создаваемой политико-предпринимательской

схемы сложным образом соотносится с антропологией жертвы, с антропологией общества, находящегося в позиции наблюдателя, а также с теми институциональными условиями, в которых вообще возможен терроризм: система reality show, разрушение иерархии ценностей в современном обществе, тип культивируемого массового сознания общества потребления и т.д. Эти соотношения приблизительно таковы. Искусственно сфабрикованная идентичность террориста, не имеющая никакого отношения к культурно-религиозной традиции, но лишь фиктивно обозначающая принадлежность к ней, демонстрируется на телеэкране. Мы имеем дело с изменённым, сломанным сознанием, точнее никаким сознанием. Перед нами в лице террориста тень человека, сточенная личностная основа. Собственно на эту основу, на это изменённое сознание и наносятся знаковые следы бутафорской идентичности. Сталкивающиеся с террористом заложник и наблюдающий с телеэкрана за актом насилия зритель представляют сознание людей, которые неожиданно помещены в ситуацию возможной смерти и к этой смерти они неготовы. Это не люди с мобилизованным гражданским сознанием. Здесь надо заметить, что западная цивилизация в целом не принимает восприятия смерти, это противоречит базовой форме организации человека потребительского общества, формируемого рекламой, средствами массовой информации. Акт смерти обессмысливает инфраструктуру потребления. Человек потребительского общества — это существо, вечно наслаждающееся жизнью и длящее удовольствие. Как только террорист наталкивается на представителя родового религиозного сознания или носителя мобилизованного гражданского сознания, схема демонстрационного теракта становится невозможной. Внутри террористического процесса появляется человек, который говорит, что с террористами не надо вести переговоров, их надо уничтожить, даже если погибнет и он сам. Фиктивный, камуфляжный облик террориста разрушает гражданский героизм. Именно поэтому террористы пытаются среди группы заложников в первую очередь убить таких людей и выбрать совершенно невинных жертв.

Для акта терроризма уязвимым оказывается радикально-либеральная форма организации сознания, ставящая жизнь отдельного человека выше ценности госуflapcTBeHHOcra(statecraft). Хотя в любом консолидированном обществе ценность государственности (а не конкретных исполнителей государственного аппарата и конкретного чиновничества), подразумевающей сохранение территориальной целостности государства, его суверенности, выше ценности жизни отдельного человека, даже беззащитного ребёнка. При подобной орга-

низации сознания стокгольмский синдром, основанный на отождествлении заложника с террористом, оказывается затруднён. В этом контексте обычно вспоминают слова Ф.М. Достоевского из «Братьев Карамазовых» «про слезинку ребёнка», с которой по ценности ничего не может сравниться. Но, приводя подобный пример, мы подменяем контекст, в котором использовался Ф.М. Достоевским данный образ. В «Братьях Карамазовых» в споре между Иваном и Алёшей речь шла о возможности прощения злодеяния, повлекшего за собой хотя бы слезинку ребёнка. В случае же разрушения государственности слезинку одного ребёнка придётся соотносить с кровью многих и многих детей. Конечно, готовность маленького человека умереть за свою родину не в коей мере не может заменить профессионализма спецслужб, и лучше бы маленького человека не проводить через подобные испытания. Но что делать, если против России объявлена война (В.В. Путин)? Для мобилизованного гражданского сознания абсолютно нормальным является готовность ребёнка умереть за свою родину, и готовность специалиста по безопасности умереть, закрывая своим телом ребёнка. И то и другое является примерами героизма и гражданского мужества. Другое дело, что от маленького ребёнка нельзя требовать героизма.

Терроризм сегодня оказывается возможен, в том числе и потому, что представители гражданского общества не понимают, как в условиях глобализации происходит взаимодействие представителей разных этносов, конфессий, цивилизаций, что происходит с идентичностью жителей данной страны, как на их сознание действуют средства информации и акты сценированного терроризма в форме reality show. Терроризм, ставя человека и общество перед ужасом смерти, слишком сужает поле восприятия и не позволяет взглянуть на происходящее со стороны и дать возможность осмыслить, что происходит. Вместе с тем важнейшая проблема профилактики террористических актов состоит в анализе и выявлении последствий разрушения общества в результате произошедших страшных событий.

11.6. Метаинституциональный подход к анализу терроризма как символического действия

Нам представляется, что одним из важнейших условий, позволяющих анализировать условия транснациональной преступности, вырабатывать средства их предупреждения на основе инициации

новых форм самоопределения людей в условиях глобализованного мирового сообщества, является новый тип рефлексивных метаинститутов, таких, как метаполитика[1], метателевидение, метаэкспертиза. Эта приставка «мета» означает, что предметом действий этих институтов является анализ и осознание сложившихся форм действия и поведения людей, а также сложившиеся формы действия традиционных институтов. Новые метаинституты должны сформировать особую сферу демонстрационности и паноптичности, позволяющей понять представителю гражданского общества политику, специалисту по безопасности как устроено сегодняшнее глобализованное общество и как в нём работают, движутся и действуют информация, знания, финансовые потоки, институты власти, традиция. Институт метаполитики позволяет осознать ограничения существующего политического действия, а также зависимость эффективности политических действий от уровня развития компетенций, форм организации сознания, эффективности функционирования общественных и государственных институтов и превратить существующие политические институты в предмет отношения. Метателевидение показывает, как сегодня управляют сознанием человека на основе предоставляемой ему информации, метаэкспертиза показывает, что результаты экспертизы во многом определяются теми разными подходами к разработке знаний, которые реализуют эксперты, делающие заключения. Говоря о метаинститутах, мы отнюдь не призываем к формированию новых обществ, учреждений и организаций. Новые метаинституты формируются, прежде всего, на основе метаинституционального действия, которое осмысляется не как развёртывающееся в пустоте, но в уже существующей достаточно плотной и символически организованной институциональной среде. И в сегодняшнем обществе, в сегодняшних политических институциональных условиях метаинституциональное действие может специально культивироваться. В какой-то мере метаинституциональный подход строится на очень простом феноменологическом допущении: в современном обществе ничего не может приниматься за чистую монету, всё требует символической, институциональной, эпистемической и антропологической реконструкции. Только на основе осмысления результатов этой реконструкции может планироваться политическое действие, например, по предупреждению

[1] **Термин метаполитика впервые стал употреблять в своих работах В.В. Малявин, мы использовали термины метаинтернет, метапромышленность, метапредметное знание.**

терроризма как элемента предпринимательской схемы. Терроризм является особым институционально-символическим действием, который можно реконструировать и исчислять только на основе метаинституционального подхода. Уничтожение башен-близнецов международного торгового центра и разрушение за счёт взрыва самолёта международного отдела в Пентагоне по борьбе с терроризмом 11 сентября являются демонстрационным (ostensible) символическим действием. Захват школы взрывниками в Беслане является символическим действием. Эти символические структуры действия существуют в разных предпринимательских схемах, поскольку они предназначены для решения разных политических задач и сценировались так, чтобы вызвать ужас и шок у разных аудиторий. Но восстанавливать смысл террористического действия как символического акта и исчислять предпринимательскую схему, являющуюся основой специально сценированного террористического акта, можно только на основе метаинституционального подхода.

Для нас метаинституциональный подход предполагает проведение мыследеятельностного анализа события с выделением процессов мышления, коммуникации, ситуационного действия и использованием игровых методов для моделирования, сценирования и проживания события, которое подлежит игровой реконстуркции. Собственно концептуальное и символическое мышление, акты коммуникации и обращений, ситуационное действие и образуют метаинституциональную основу для анализа всего поля любых действующих институтов. Предвидеть террористические акты — это, значит, владеть видением глобального действия, внутри которого помещается сценарий теракта, уметь выявлять форму организации сознания основных персонажей, уметь реконструировать форму их символической коммуникации с аудиторией, которой предназначен теракт как сообщение, и уметь восстанавливать мышления тех, кто замысливает террористические акты, конструирует предпринимательскую схему по продаже замысливаемого террористического акта инвесторам. Всякое человеческое действие является символическим действием. Форма действия восстанавливается на основе анализа материальных следов и символических следов предыдущего действия в сознании и понимании людей. Отсюда философы постмодернисты Деррида, Агамбен акцентрируют значение символических следов любого акта действия и предлагают создать специальную семиотическую дисциплину ихнологию (от др. греческого *ихнос*— след) для изучения способов интерпретационной реконструкции форм действия на основе анализа символических следов действия. Точно так же как специа-

листы-взрывники на основе изучения всех обстоятельств организации взрыва могут восстановить диверсионную школу и личность взрывника-учителя, точно так же по символической схеме теракта, представленного как особый тип сообщения в reality show, можно предвидеть, каков будет следующий теракт, вычислить потенциального заказчика. Так, переход от теракта в московском театре на спектакле «Норд-ост» к теракту в Бесланской школе связан со сменой аудитории, к которой обращен теракт. Если теракт на спектакле «Норд-ост» был обращен к российскому среднему классу, и сообщение звучало приблизительно так: «Даже в Москве вам никогда не будет гарантирована безопасность вашей жизни, вы нигде не сможете спокойно расслабиться и получать удовольствие, пока президент не прекратит свою политику», то послание из Беслана звучит уже совершенно иначе. Оно обращено и к российской аудитории и западной аудитории, и смысл его следующий: «Российский репрессивный режим не может обеспечить безопасность даже детям. Он жертвует жизнью детей, лишь бы достичь своих преступных целей. Российская власть не дееспособна».

Хорошо понятно, что следующий теракт должен быть связан с угрозой экологической катастрофы на складе с ядерным или химическим оружием, на ядерной электростанции, он будет обращен исключительно к западной аудитории и смысл его будет следующий: «Российская система безопасности и российская армия не могут обеспечить безопасность не только своего населения, но и населения всего земного шара от экологической катастрофы. Только присутствие войск НАТО может гарантировать поддержание законности и порядка. Суверенитетом России можно и нужно пожертвовать в интересах всего человечества». Конкретный тип сценария, тип инвестора, антропологическая организация исполнителей точно так же могут быть реконструированы, но для этого необходимы разработка и проведение со специалистами по безопасности специальных организационно-деятельностных игр. В этих играх предметом проработки должны стать сценарии будущих возможных терактов и предпринимательские схемы, на основе которых разрабатывается теракт как символическое послание.

* * *

Международный терроризм, представляя собой новый вызов безопасности мирового сообщества, показывает неподготовленность разведсообщества, специалистов по безопасности к новым

формам метяжевойны[1], которые ведутся хорошо подготовленными сетевыми группами. Всё дело в том, что международный терроризм понимает и реагирует на современные тенденции, которые приведут к складыванию нового устройства мира, тем самым опережая разведсообщество в понимании и реакции на эти тенденции. Перечислим важнейшие характеристики международной террористической деятельности и необходимые для борьбы с ними компетенции:

1) террористическую войну ведут не государства, но различные *нелегальные общественные группы,* очень часто при скрытой поддержке государственных организаций или отдельных чиновников в госаппарате конкретных стран. Субъектами террористической войны сплошь и рядом являются так называемые «астероидные группы» — бывшие сотрудники спецслужб и (или) их клиенты, которые готовились для диверсионной борьбы спецслужбами разных стран. Таким образом, современная **мятежевойна** — это сотрудничество нелегальных международных организаций и сотрудников государственных организаций разных стран;
2) террористические операции планируют и осуществляют *сетевые многофункциональные группы,* построенные по образцу ступенчатой ракеты. Отдельная группа, выполняющая специализированную задачу, не знает про структуру всей сети. Выполнив свою функцию, данная группа исчезает из поля действия сети. Сетевой принцип организации управления, как правило, неизвестен людям, «просидевшим свои штаны» в государственных организациях и привыкшим к выполнению чужих приказов, а не к выдвижению собственных инициатив. Можно сразу сказать, что человек, имеющий опыт работы в административной системе пирамидального подчинения, никогда не сумеет раскрыть и обнаружить сетевую организацию, создаваемую «под случай»[2]. Навык построения сетей можно освоить только в новых системах предпринимательства при разработке технологий производства, отсутствующих пока на рынке товаров и услуг, но на которые непременно будет потребительский спрос;

[1] Этот термин был введён одним русским белым офицером, оказавшимся в Аргентине. Близкий по смыслу термин — irregular warfare — был предложен немецким специалистом в области военного дела Фрайхером фон Хейдтом.

[2] Такие организации называют «адхоккратией» (от лат. *ad hoc*— «под данный случай») в отличие от бюрократии.

3) **в основе всех террористических операций лежат современные *предпринимательские технологии,* связанные с разработкой особых *схем действия,* позволяющих формировать денежные пулы, не учитываемые государственными налоговыми органами. Очень часто эти денежные накопления осуществляются за счёт нахождения дырок в законодательстве. Так называемое «отмывание денег» есть не что иное, как сложная предпринимательская схема, основанная на знании банковского законодательства данной страны, финансовой логистики, налогового законодательства, форм пенсионных и других социальных отчислений, современных форм бухучёта. Человек, не способный разрабатывать предпринимательские схемы, не сможет обнаружить технологию отмывания денег, при помощи которой финансируется 98% всех террористических операций. Коррупция — это элемент предпринимательской схемы в виде так называемого «отката» за выгодные подрядные работы от госчиновника. Интересной областью формирования предпринимательских схем является *передел собственности*— так называемый бизнес по недружественным захватам и поглощениям;**
4) **террористические операции строятся на глубоком понимании и учёте *психологии современного обывателя,* поскольку назначение террора — вызвать ужас и шок у гражданского населения. Поэтому всякая террористическая операция строится по принципу «reality show» специально *сценированной* театральной постановки. Террорист, готовя акцию устрашения, заранее думает, как всё это будет выглядеть на телеэкране. Поэтому специалист по терроризму, который не владеет навыками *сценирования,* никогда не сможет предугадать, как будет происходить терракт;**
5) **для проведения террористической операции отнюдь не надо получать информацию из закрытых источников. Большая часть нужной информации сегодня может быть получена из интернета. Другое дело, что человек, планирующий террористическую операцию, должен в кратчайшие сроки определять, какая информация ему доступна, а какая отсутствует, какая информация является фиктивной и неполной, а какая достоверна и точна. Для того чтобы подобным образом работать с информацией, современный террорист должен быть «неистовым *эпистемологом*[1]» — специалистом по теории знания. В эпоху экономики**

[1] **Термин Сеймура Пэйперта.**

знаний и knowledge management (управление на основе знаний) так и должно быть. К сожалению, большинство сегодняшних сотрудников разведки и работников администрации президента не являются «неистовыми эпистемологами».

Обсуждённые нами вопросы касались проблемы борьбы с терроризмом. Не менее сложным вопросом является проблема изменения идентичности (сознания и воли) людей за счёт потребления ими кинопродукции, телевизионных материалов и информации. Средний человек проводит за телевизором не менее 4-6 часов в день. За это время оказывается серьезное воздействие на сознание человека, человек меняется, и человека меняют. Но, как правило, подобные процессы изменения идентичности людей специально не анализируются.

Вместе с тем современная война — это не только война за захват территорий. Всю территорию страны, как правило, и не надо захватывать. Достаточно захватить, например, лишь нефтеносные районы. На всей остальной территории пусть правит мятежевойна. Чаще всего для этого необходимо выиграть войну за мнение аудитории, наблюдающей за войной. Иначе мирные демонстрации пацифистов сорвут проведение военной операции. Но можно вести войну не по захвату территорий, а по захвату сознания людей[1]. Это достигается за счёт изменения идентичности людей. Если человек, например, перестаёт отождествлять себя с родной страной и её ценностями и становится (в своём воображении) подданным другого государства, то можно считать, что состоялась *цивилизационная перевербовка,* то есть человек уже фактически принадлежит другой цивилизации, другой идее.

Человек, занимающийся стратегической разведкой и безопасностью, должен прекрасно разбираться, как на основе современных средств информации происходит цивилизационная перевербовка, разрушение сознания людей, отождествляющих своё будущее с данной конкретной страной, как программируется национальная рознь и т.д. Но для того чтобы вычислять и анализировать средства и формы подобных воздействий, профессионал в области транснациональной безопасности должен использовать новые гуманитарные технологии.

[1] **Такой тип войн называется консциентальными (от *conscience* — сознание).**

11.7. Стратегическая оборонная инициатива — последняя попытка создать структуру конвергентного всемирного развития на основе мобилизации сил всего человечества. Как завязать индикативное планирование, долгосрочные инвестиции и хаотический рынок?[1]

История вопроса. В своей исторической речи 23 марта 1983 года в телевизионном обращении к нации Президент США Рональд Рейган, верховный главнокомандующий американскими вооружёнными силами, объявил новую стратегическую военную доктрину США. Рейганом было заявлено, что ядерное оружие не следует с этого момента рассматривать в качестве предельного и окончательного оружия, против которого не существует защиты. Рейган обратился к американским учёным — патриотам и призвал их сделать так, на основе создания оружия защиты, уничтожающего ядерные ракеты в полёте, чтобы ядерное оружие стало рассматриваться как устаревшее и недееспособное. Физическая возможность подобных оборонных систем вооружения основывалась на излучении направляемой энергии лазерами и потоками частиц (laser and particle beams). Создание подобной оборонной системы должно освободить США от ядерного шантажа, а всё человечество от термоядерного уничтожения.

[1] **При работе над данной статьёй нам были любезно предоставлены материалы Ratchel Douglas — давнего соратника Линдона Ларуша. Ей мы выражаем свою искреннюю признательность. К данным материалам относятся:**

1. **The economic impact of relativistic beam technology. An Executive Intelligence Review multi-client special report. David Goldman — economic editor, Richard Freeman — economic analyst, Sylvia Brewda — economic analyst, Marsha Freeman — Science and technology editor, June 15, 1983;**
2. **Steven Bardwell Beam-weapon program: boost to productivity in Executive Intelligence Review, December 28, 1982, 24-26 pp.**
3. **Marsha Freeman A «great enterprise» in NASA's tradition, ibid, 26-29 pp.**
4. **Sylvia Brewda How beam weapons would spur recovery, ibid, 29-33 pp.**
5. **Fusion Energy Foundation. Special Report. The strategic Defence Initiative: Its scientific, economic, and strategic dimensions. Proceedings of the conference sponsored by Fusion Energy Foundation and Schiller Institute, April 22-23, 1986, Tokyo, Japan — published in Executive Intelligence Review, May 2, 1986, 24-61 pp.**
6. **Carol White Laser technologies and the next industrial revolution, in Executive Intelligence Review, April 2, 1985, 18-25pp.**

Ранее нами была проработана книга H. Horeis, M. Liebig Strahlenwaffen. Militarstrategie im Umbruch. Verlag fur Wehrwissenschaften, Munchen, 1985.

См. также кн.: Громыко Ю.В. Сценарная паноплия. Новая повестка дня для президента. — М., 2004.

Данная доктрина до её объявления Рональдом Рейганом по телевидению была выдвинута и разработана в своих основных концептуальных чертах разносторонним учёным, родоначальником физической экономики, политическим деятелем, близким другом выдающегося русского учёного Побиска Кузнецова—Линдоном Ларушем и отцом американской водородной бомбы Эдвардом Теллером.

Лирическое отступление. Зачем же и для чего нам необходимо копаться в этой истории двадцатилетней давности? Эта реконструируемая ситуация нам необходима, прежде всего, для того, чтобы попробовать помыслить мир как целое. Собственно эта попытка помыслить мир как целое и была осуществлена в своё время в практике переговоров выдвижения и реализации проекта стратегической оборонной инициативы представителями абсолютно разных, как казалось в тот период, противоположных по своим устремлениям политических систем.

Попробовать помыслить мир как целое очень многим сегодня страшно — поскольку это и есть в соответствии с данной задачей возврат к младогегельянской программе Карла Маркса, но реализуемой на других философских и методологических основаниях — деятельностного подхода, критике феномена революций как локомотивов истории, роли и функций идентичности представителей разных конфессий, наций и этносов и других достижений политической антропологии и культурантропологии, теории мыследеятельности, анализе перспектив развития полномасштабных производительных сил и т.д. Возникает даже при попытке подхода к данной теме очень серьёзное постмодернистское подозрение: «А кто это тот субъект, который пытается нам навязать своё целостно-глобалистское видение, а с какой позиции он это делает». Не тоталитарный ли это трансцендентный субъект, уходящий в чёрную сферу невоспроизводимости его воззрений и идей для обывателя, существующего в мареве мира повседневности. Но нам сегодня кажется, что чем больше приводится доводов в пользу запрета подобного мышления, его незаконности и недопустимости, тем тщательней этот способ мысли должен разрабатываться и осуществляться. Поскольку в нём лечение от многих бед. Вместе с тем при обсуждении данной темы нам бы хотелось остаться на позиции just thought.

СОИ как механизм прояснения мозгов. Итак, возвращаясь снова и снова к событиям 20-летней давности, возникает проблема попытки понимания мира как целого, принципов его экономического и геостратегического и геополитического развития. И та возникшая точка сводимости, реальной, а не фиктивной конвергенции двух систем,

заново и заново позволяет начать понимать, что всё-таки происходило в этот период реального обращения представителей двух разных миров друг к другу.

Анализ подобной проблемы тут же натыкается на целый ряд нежизненных бесперспективных иллюзий, которые до сих пор образуют основу всего поля нашей общественно-политической жизни. Одна из этих иллюзий состоит в том, что точкой, к которой должна стремиться наша страна, является экономика развитых капиталистических стран. Именно в действующей экономике этих стран была воплощена вожделенная устремлённость правящий элиты Ельцинского периода. Очень часто представления этих людей напоминают инвалидов, страдающих от фантомных болей. Органа уже у человека нет, но кожа или ранка на этом органе продолжает зудеть и чесаться. Так и хочется попросить данного человека, чтобы он лучше не чесал то, что его беспокоит, поскольку данного образования просто нет в природе. Это лишь его собственный фантом воображения. Например, страшно справедливая и страшно сильная Америка — венец и воплощение всемирной справедливости и идеалов демократии. Это либо экономика Западной Европы, либо экономика США. В ответ на подобного типа упования возникает, конечно, симметричный ответ — идеология изоляционизма, в соответствии с которой единственным заслуживающим внимания плацдармом и страной является Россия, как некоторый таинственный особый нетронутый мистический остров, который всеми силами надо защищать и любить. На этом острове свои совершенно особые законы, например, холодная температура, из которой и надо исходить, как из важнейшего фактора, определяющего наш способ анализа. Безусловно, каждое из данных мировосприятий основано на весьма искренних и плохо скрываемых чувствах. И хотя мы уважаем чувства, высказываемые данными людьми, мы абсолютно не разделяем те иллюзии, в которые они искренне верят, отстаивая свои позиции. Тем более, что за этими иллюзиями стоят неподвижные и жёстко сформированные фантомы воображения.

Проблема, на наш взгляд, в данном случае состоит в следующем: перейти из постсоветского хозяйственно-экономического пространства, условно называемого Российская Федерация, в хозяйственно-экономическое пространство, называемое Европейский Союз или США, не удастся. Мы не обсуждаем в данном случае правильной или неправильной является выбранная точка перехода. Кому-то этот оазис под стеклянным защитным колпаком рыночной экономики (Бродель) будет казаться притягательным. Для кого-то он будет

выглядеть прибранным, симметричным и абсолютно упорядоченным… кладбищем — это дело опыта, знаний и вкуса. Для нас же в данном случае важна совершенно другая позиция. Невозможен сам переход, как бы при этом он не рисовался. Чем-то это целеполагание со стремлением стать демократической экономикой Запада напоминает известное определение коммунизма, которое дал лектор из общества знаний любопытствующему дедушке в сельском клубе: коммунизм — это горизонт человечества. А горизонт — это линия, которая всё время удаляется по мере приближения к ней. Так вот таким же горизонтом всего прогрессивного человечества является экономика западных развитых стран. И даже скромные попытки помыслить аккуратные шаги подобного приближения: сначала через 15 лет стать Португалией (или, может, Болгарией?), воспринимаются удивительно комично, если, конечно, не принимать в расчёт стремление уменьшить численность населения России и территориальную протяжённость до размеров Португалии. Идея — не становиться Португалией и быть самим собой, то есть Россией, и формировать экономический уклад в мировом целом во взаимодействии со всеми странами земного шара — при подобном подходе, видимо, даже и не рассматривается...

Попытка ответить на вопрос: а что такое заложено в социокультурном и социоэкономическом укладе России, что отличает её от всех других стран, кроме беспорядка и общей неустроенности, наталкивается тоже на весьма серьёзные трудности. Мы по-прежнему не знаем своей страны. Но я бы сказал, что мы не знаем своей страны в структуре мирового целого, как важнейшее звено и рычаг его преобразования.

Именно на этапе попытки выработать стратегическую оборонную инициативу это достаточно хорошо понималось тем, кто являлся разработчиком данной инициативы...

Стратегическая оборонная инициатива в концептуальной рамке мирового развития. Основная идея стратегической оборонной инициативы состояла в том, чтобы предложить руководству СССР, находящемуся в ситуации экономического истощения ресурсов, гонкой вооружений, осуществить научно-технический и социокультурный рывок совместно с США. Было предложено перейти от геополитической рамки стратегии MAD (взаимно удостоверяемого устрашения Mutually Assured Destruction, по-английски MAD звучит как «сумасшествие»; здесь возникает соответствующая игра слов) к стратегии развёртывания оборонной инициативы, не позволяющей осуществлять термоядерный «пробой» системы обороны противника.

Основная проблема конвергенции двух экономик друг в друга и документы, которые направлены на выявление состояния экономики Соединённых Штатов, показывают, что эти экономики, имея совершенно разное устройство, в равной степени находились в состояния разрегулирования и стагнации. Мобилизационный трудовой порыв населения, связанный с необходимостью победы в войне, закончился. Население baby boomers расслаблялось, трудовые ресурсы деградировали. При этом основная проблема советской экономики состояла в неправомерно деградационном сморщенном сплющенном развитии гражданского сектора. Основная проблема американской экономики состояла в том, что движение и развитие финансового капитала, связанного с действием финансовых систем и групп, так называемых «fondi», задушило и остановило развитие промышленного капитала, связанного с формированием новых производств, повышением производительности труда, формированием новых типов отраслей на основе освоения результатов научно-технического прогресса.

В чём же могла состоять точка сводимости движения двух принципиально разных укладов и экономических форм. С высоты птичьего полета анализа и обсуждения самой методологии SDI это кажется сегодня совершенно очевидным. Речь шла о важнейших принципиальных шагах продвижения в будущее всего целостного миропорядка.

Задача группы, которая программировала стратегическую оборонную инициативу, заключалась в том, чтобы осуществить следующую полномасштабную научно-техническую революцию, направленную на формирование нового лазерно-промышленного энергетико-гидрогенного уклада.

Это научно-техническая революция планировалась как всемирная, её было невозможно осуществить только в одной отдельно взятой за какое-нибудь место стране (читатель, не подумай чего-нибудь плохого, например, за горло, что было проделано в России, начиная с 1917 года).

Основным противником подобного действия являлись финансово-ростовщический капитал и финансовая олигархия, которые не желали развития новых форм промышленности и повышения её эффективности на основе новейших достижений научно-технического прогресса. С этой точки зрения, советские обществоведы, защищая бесконечные диссертации о борьбе социализма и империализма, проспали важнейший тип противоречия в последней трети XX века — противоречия между финансовым и промышленным капиталом. Поскольку слово «капитал» обозначает вещь, это понятие — морфологическое, а перефразируя известные слова Ф. Энгельса, можно

сказать, что политическая экономия, если она мыслит, она использует категорию процесса, то следует говорить о борьбе и противостоянии финансовой и промышленной капитализаций. Спроектированная и сценированная промышленная капитализация, собственно, и обеспечивает развитие общества.

Финансовая и промышленная капитализация, вступая в противоборство друг с другом, стремятся подчинить каждый из процессов себе, и поэтому могут возникать финансово-промышленная и промышленно-финансовая капитализации. Где в первом случае движение инвестиционного капитала подчинено задачам развития новых типов производств и практик, а в другом случае преобразования индустриальной системы подчинено задаче получения прибыли.

Формально-рассудочное квазиматематическое мышление, которому абсолютно всё равно, какую реальность и во имя чего упорядочивать, очень быстро встаёт на сторону финансовой капитализации. Во-первых, математика позволяет лучше вычислять проценты, а также определять период удвоения вложенного капитала. Физико-философское мышление стремится к проблематизации исходных физических принципов, с которыми должна быть связана научно-промышленная революция.

Достаточно показательным являются представления о постиндустриальном информационном обществе. Именно финансовая капитализация породила глобализацию, используя для этих целей телекоммуникационные технологии и связь, поскольку для того, чтобы осуществлять покупку и перепродажу валют на разных финансовых рынках, необходимо уничтожить расстояние и знать в конкретный данный момент, сколько стоит одна и та же валюта, акции одной и той же компании на разных биржах: в Нью-Йорке, Франкфурте, Токио, Лондоне.

Очень странно смотреть документы, в которых концептуализировались основные идеи промышленного рывка на основе стратегической оборонной инициативы. Поскольку основной принцип концептуализации этого продвижения — это прорывная программа, которая должна была обеспечить продвижение промышленных систем США и России далеко вперёд. При этом движителем этой программы рассматривался отнюдь не рынок, но принципиальные научные идеи. То есть SDI концептуализировалась и замышлялась отнюдь не на основе существующего спроса и сложившейся рыночной инфраструктуры, но полномасштабного научно-промышленного долгосрочного развития в перспективе на 15-20 лет. Агентами этого проекта выступали отнюдь не предприниматели» не частные

группы, но государство, соответствующие агентства которого планировали и сценировали данный тип развития.

Безусловно, подобная программа могла вызвать огромное подозрение со стороны различных структур СССР, поскольку складывалось два соотносящихся друг с другом основных впечатления. Программа разрабатывается как прорывная ударная комсомольская стройка, в ходе которой должна быть осуществлена мобилизация населения и получены, кровь из носу, результаты. И всё это только усиливало подозрение: не имитируют ли «американские ястребы» нашу ментальность и не пытаются ли они неумело копировать то, что никогда не делали — строительство ДНЕПРОГЭС, пятилетку за четыре года, подъём целинных и залежных земель и т.д. И второй момент: заложенные в программы гипотезы о потенциальных результатах ещё не были оформлены как продукты, которые точно можно получить в лабораториях и пощупать. То, чем свободно оперировали в основных концептах SDI, опиралось только на одну голую «мысль», платоновскую идею. Но наше руководство хорошо знало, что в реальных-то политических программах никто на одни голые идеи не опирается, в этих программах, очень эффективных с точки зрения социальной притирки, а отнюдь не получения новых результатов, главное — это не идеи, а социальные отношения и контакты: того подтолкнуть, этому подсобить — и т.д. Это только особые в России существа — главные конструкторы, которые всегда придумывали должность и полномочия под себя так, чтобы никто у них эти полномочия не смог бы отобрать, могли бы увидеть в данной программе нечто до боли знакомое—выстраивание из идеи полноценной сложнейшей деятельности, из ничего, из систем вне рынка, из мысли — новые рыночные поля востребованных в будущем продуктов. Ещё один человек и его коллектив могли бы опознать в данной программе особый способ движения через проблематизацию и пойди туда не знаю куда и принеси то не знаю что — способ движения, который он последние 20 лет успешно описывал — программную методологию организационно-деятельностного движения. Этим человеком был Георгий Петрович Щедровицкий. Но Щедровицкий в этот период считался диссидентом, и ему подобные программы для чтения не давали.

Поскольку данная программа рассматривалась как способ конвергенции государств с различным общественно-политическим строем, то в группы взаимодействия были натолканы самые разнообразные идеологоразведполитические организации, задача которых состояла в том, чтобы в ходе этого движения по сближению подтолкнуть страну противника как можно ближе сконвергироваться, получить

дополнительную развединформацию, возможно, и нанести нашей стране определённый урон. Но это об организациях, которые по ходу решали свои собственные задачи. Основной же коллектив разработчиков — группа Линдона Ларуша исходила из совершенно других задач. Она поставила своей целью определить сопоставительный уровень разработок и философско-концептуального осмысления в данной области и ответить на вопрос, могут ли быть установлены зоны и точки сводимости. Были многочисленные поездки и беседы с российскими учеными. О части из них нам рассказывал сам Линдон Ларуш и Побиск Георгеевич Кузнецов. Было установлено, что уровень советских разработок в различных областях формирования лазерного оружия, новых видов энергии, биофотоники, оптических лазеров либо немножко опережает американский, либо приблизительно находится на том же самом уровне. Было оценено, что советская разработческая наука и экспериментальная, прежде всего оборонная, промышленность в состоянии осуществить то же самое революционное продвижение, какое планировалось сделать в развитых странах в соответствии с определёнными концептами стратегической оборонной инициативы. Слабым звеном была обозначена связь оборонной промышленности и промышленности, производящей гражданскую продукцию. И здесь стали обсуждаться принципы, как можно помочь развитию советской промышленной системы в целом, объединяющей производство продукции военного и гражданского назначения.

Собственно исходя из данных представлений, из возможности осуществления подобного социокультурного рывка становится совершенно очевидным, каким снижением уровня представлений является так называемая инновационная экономика, а также понятие национальной инновационной системы. Как однажды остроумно заметил один из экспертов, означает ли идея инновационной экономики, что мы должны срочно превращаться в Японию и скупать патенты, полностью ликвидировав и выправив в себе способность производить принципиально новые открытия и выдвигать новые онтологические гипотезы, предполагающие реализацию новых физических принципов. Инновационная экономика является не чем иным, как идеей окончательного демонтажа и разрушения Российской фундаментальной прорывной науки. Но интересно опять же то, что с точки зрения SDI русские наряду с целым рядом умирающих учёных США, таких как Эд. Теллер — американский отец водородной бомбы, владели этими принципами полномасштабного социокультурного прорыва, изменяющего основные принципы всей системы современных производств, обеспечивающих развитие научно-ис-

следовательских и образовательных институтов. Следует отметить, что подобные идеи не имеют никакого отношения к длинным волнам Кондратьева и даже принципам модной сегодня инновационной экономики. Всё дело в том, что и волны Кондратьева, показывающие закономерно прогнозируемую смену различных производственных укладов, и идеи экономических институтов, в основе которых лежат пучки собственности, являются объяснительными схемами, рассказывающими нам, как устроены хозяйственные и экономические системы после того, как они образовались. То есть это система аргументации post hoc. А дальше вступает в действие известная логическая ошибка post hoc ergo propter hoc. Раз мы так можем объяснить — не организовать, не сделать, а всего лишь объяснить, что произошло, то, естественно, и в будущее мы будем забрасывать свои объяснительные схемы, ожидая их реализации.

Мне очень неприятно, читатель, но мы опять подбираемся к любимой теме К. Маркса—одиннадцатому тезису. Я имею в виду одиннадцатый тезис из работы К. Маркса «Тезисы о Феейрбахе»: «Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его». В соответствии с этим знаменитым тезисом в мире функционирует один из самых популярных обществоведческих журналов «Eleventh thesis». Всё дело в том, что прорывное развитие различных полей и систем практики предполагает не только ограниченную творческую деструкцию Йозефа Алоиза Шумпетера, но и деструкцию весьма масштабную и не творческую, направленную на преодоление сложившихся отношений собственности и власти. Поэтому, когда говорят о том, что экономика России должна начать развиваться не за счёт продажи углеводородов, то речь должна идти об огромной социокультурной и политической трансформации нашего общества, связанной со смещением, преобразованием сложившихся форм собственности и фокусов власти. О чём, впрочем, очень убедительно пишет философ, политолог Джереми Рифкин, обсуждая не российские, но американские реалии в одном из своих бестселлеров «Гидрогеновая революция», где рассматривается возможность получения энергии из тяжелого водорода. Но основной смысл данной революции для данного автора состоит в освобождении от зависимости покупать углеводородное сырьё у Саудовской Аравии, а также демократизировать процессы потребления электроэнергии. Кстати, подробный анализ элементов гидрогеновой революции обсуждался и в концепции стратегической оборонной инициативы[1].

[1] *См.:* **Steven Bardwell, military editor Beam weapon program: boost to productivity. Pages 24-26 in Executive Intelligence Review, December 28. 1982.**

В чём **же состояло содержание проекта «Стратегическая оборонная инициатива»?** Авторы стратегической оборонной инициативы исходили из того, что СССР имеет очень здравую и продуманную военную стратегию термоядерного удара, построенную на основных достижениях традиции XIX века германской военной науки. При определённых условиях, считали авторы SDI, Советы могут начать полномасштабную ядерную войну, первыми нанеся удар по Соединённым Штатам Америки и одновременно также по союзникам и друзьям Соединённых Штатов. В том случае, если продумывать стратегическую защиту от подобных ядерных ударов, то средства защиты должны быть способны разрушить от 3000 до 5000 советских ракет и комплектов боеголовок. Система стратегической оборонной инициативы должна быть способна, осуществляя упреждающее разрушающее воздействие, охватить от 3000 до 5000 целей для защиты от ракет на стадии запуска ракет и обеспечения их перемещения, а затем также быть способной засечь и уничтожить от 30 000 до 50 000 объектов, представляющих собой боеголовки, обнаруженные на промежуточном этапе их задействования.

С точки зрения авторов концепции SDI, оружие, основанное на использовании кинетической энергии, неспособно справляться с уничтожением боеголовок на этапе их промежуточного задействования — отделения от ракеты-носителя. Основное назначение оружия, которое построено на использовании кинетической энергии, состоит в том, чтобы осуществлять перехват ракет на стадии их полёта. Для этого средства перехвата должны будут запускаться с низкоорбитальных платформ. И поэтому подобного типа средства обороны могут быть легко разрушены существующими советскими технологиями.

В противоположность данному подходу эффективная противоракетная оборона предполагает, что флотилии ракет и боеголовок должны разрушаться на основе насыщения «окон», через которые могут проходить траектории этих летательных аппаратов на основе вспышек генераторов, использующих рентгеновское излучение, а также усиленных средств излучения, создающих адекватную для подобного эффекта плотность нейтронных потоков. Для разрушения ракет и боеголовок, которые не были уничтожены в «окнах», необходимы лазеры и так называемое оружие, связанное с излучением частиц. Огневая мощность и мобильность подобного оборонного оружия в четыре-пять раз превышает огневую мощность оружия, основанного на принципах кинетической энергии.

Итак, полная система обороны должна включать в себя несколько частей. Первая линия обороны — так называемая **система зонной**

защиты должна была включать несколько слоев лазерных боевых станций в космосе, либо находящихся постоянно на околоземной орбите, либо запускаемых в случае опасности. На основе этих лазерных излучений предполагалось разрушать вражеские ракеты, как только они протыкают атмосферу над местом их взлёта, поскольку именно в этой точке ракеты наиболее уязвимы. Необходимо было иметь три пояса защиты, каждый из которых должен был уничтожать 90 процентов уцелевших ракет, ориентируясь на максимально возможное количество запускаемых ракет. Технологией, которую предполагалось использовать для этой части системы, являлись лазеры, использующие рентгеновское излучение. Накачка или снабжение энергией этих лазеров должно было осуществляться на основе ядерных взрывов. Предполагалось, что эти лазеры будут выбрасывать такой интенсивный разряд энергии по целям, находящимся на расстоянии в тысячи миль, что металлическая оболочка ракет в точке соприкосновения будет взрываться в плазму.

Вторая линия обороны, называемая **система точечной защиты,** была предназначена для разрушения тех ракет, которые прошли невредимыми через систему зонной защиты. Одно из предложений для создания этой линии обороны состояло в необходимости использовать обычные лазеры высокой мощности, расположенные на земле, нацеливаемые и фокусируемые при помощи зеркала, расположенного на околоземной орбите и находящегося в данный момент над местом расположения лазера.

Наконец, те немногочисленные ракеты, которые прошли нетронутыми через систему зонных защит и оказались вне диапазона действия лазеров системы точечной защиты, должны были бы разрушаться **системой окончательной защиты** большего диапазона действия. Основу этой системы должны были составить излучение ускоренных частиц или волночастиц (accelerated particle beams or wavicle beams).

В основе реализации стратегической оборонной инициативы лежали, по мысли её авторов, важнейшие достижения и открытия релятивистской физики. Благодаря этим открытиям, оказалось возможным создавать и направлять когерентные потоки светообразной энергии, движущиеся на скоростях либо приближающиеся, либо совпадающие со скоростью света. В отличие от обычного света, «волны» подобных лучей движутся параллельно друг другу, имеют приблизительно одну и ту же длину волны или «цвет». Когерентные излучения лазеров и подобных устройств могут перемещаться на значительные расстояния, не рассеиваясь, могут прекрасно

фокусироваться, они могут фокусироваться на молекулы и атомы. Мгновенно перемещаясь на расстояния в тысячи миль к цели, данные излучения содержат достаточно энергии, чтобы испарить любой известный материал и быстро проделать дырку в цели.

Как мы уже писали выше, данные идеи вызвали раздражение у многих представителей советской и американской науки, поскольку им казалось, что предлагаемая программа содержит в себе идеи, которые ещё никто не реализовывал. Политический истеблишмент и олигархические группы обеих стран данная программа напрягала по совершенно другой причине.

Стратегическая оборонная инициатива — чертёж социокультурного мультипромышленного рывка, который мощнее всякой инновационной экономики.

Выдвигая концепцию стратегической оборонной инициативы, её авторы сформулировали основные направления прорывной научно-исследовательской программы. Важнейшие направления этой программы были суммированы следующим образом:

1. **Освоение физики ядерного синтеза как важнейшего энергетического высокой мощностью потока в поперечном сечении.**
2. **Освоение импульсов наиболее когерентных форм электромагнитного излучения, которые связываются прежде всего с развитием лазерной техники.**
3. **Овладение процессами организации плазмы оптической биофизики, нелинейной спектрографии, биофотоники, выводящих нас за границы внутренних ограничений, так называемых биотехнологий.**

Для продвижения в этих трёх вышеперечисленных направлениях необходимо развитие соответствующего компьютерного обеспечения, действующего в режиме реального времени. Основу подобных компьютерных систем должны были составить аналогово-дигитальные гибриды для работы с нелинейными процессами крупного масштаба, позволяющие рассчитывать нелинейные функции дифференциальной геометрии.

Для решения технологических проблем, преодоление которых являлось необходимой предпосылкой создания лучевого (лазерного) оружия, необходимого для выполнения стратегической миссии — разрушения баллистических ракет с околоземной орбиты, предполагалось продвинуться в следующих направлениях:

1. **Сенсоры и захват цели на автоматическое сопровождение. Совер* шенствование длинноволновых инфракрасных сенсоров и других, более экзотических, телескопов и детекторов.**

2. **Обработка информации: интеграция крупномасштабных схем и создание новых компьютерных алгоритмов для обработки больших массивов информации в режиме реального времени.**
3. **Лазеры высокой мощности: газовые и химические лазеры в мультимегаджоулевом диапазоне с частотой повторения десятки импульсов в секунду**
4. **Прецизионная оптика: создание зеркал с диаметром, превышающим 30 футов, с дифракционным ограничением.**
5. **Магнетизм, материалы и пульсационная мощность: технологии, связанные с созданием сверхпроводимых высокомощностных магнитов, материалов, способных противостоять средам с высокой плотностью радиации, импульсные источники питания, взаимодействующие с лазерами, излучателями частиц, магниты высокой интенсивности.**
6. **Космическая инженерия: способность запускать большое число аппаратов и машин в космос для поддержания и мониторирования функций, осуществляемых на оборудовании.**

Для детальной проработки этих важнейших направлений реализации стратегической оборонной инициативы и мобилизации учёных, способных вести исследовательскую и разработческую работу в заданных направлениям, была учреждена специальная структура Fusion Energy Foundation (Фонд Энергии ядерного синтеза — FEF). Именно сотрудники этого фонда проделали специальную работу по выявлению уровня разработки советских учёных в вышеперечисленных отраслях. Сотрудниками этого фонда были выделены ключевые направления развития различных направлений промышленности на основе продвижения в программе создания критических технологий, необходимых для реализации SDI.

1, **Получение дешёвой энергии на основе ядерного синтеза, ядерные технологии второго поколения на основе использования тяжёлого водорода в том же топливном цикле, который реализуется при порождении солнечной энергии.**
2. **Получение новых материалов на основе обработки исходного сырья плазмовыми фонарями, перевода исходного сырья в ионизированное состояние, магнитная и центрифугальная сепарация. Новые возможности очистки металлов, рециклинга отходов, превращения элементов. Следующий шаг развития этого класса технологий состоит в извлечении редких изотопов, создании специального ядерного покроя (nuclear tailoring) для достижения нужных характеристик материалов и сплавов.**

3. **Новые принципы металлообработки на основе лазеров, революция в станкостроении на основе осуществления дешёвыми лазерами сварки, резки, формовки, сверления, а также отжига, дифференцированной кристаллизации, термической обработки поверхностей.**
4. **Химическая обработка: химические реакции, вызванные ядерной радиацией или воздействием фрагментов расщепления ядра, обеспечивающие создание синтетических топлив, производство водорода, газификация углей. Использование лазеров для контроля за обработкой пищевых продуктов.**
5. **Создание систем для контроля процессов, которые развёртываются на субмикросекундном уровне, что невероятно важно для управления энергиями высокой плотности и неустойчивыми состояниями плазмы.**

В соответствующих концептуальных документах, посвященных проблеме SDI, отмечалось, что важнейшая задача организации социокультурного прорыва и новой индустриальной революции состоит в том, чтобы создать механизмы, при которых разнообразные новые орудия и машины, например, лазеры, создаваемые в контуре работ над программой, могли бы в дальнейшем осваиваться небольшими предпринимательскими группами. Основная проблема распространения технологий, формируемых на основе новых физических принципов на всю национальную хозяйственную экономическую систему — это выделение долгосрочных кредитов на 10-18 лет с низкой процентной ставкой. Но вся проблема развития экономики США в тот период говорит о том, что подобные финансовые механизмы не работали. Краткосрочные кредиты, увеличение задолжностей и финансовые спекуляции являлись основными характерными моментами американской финансовой политики. Заставить американскую экономику развиваться можно было лишь только перед лицом советской угрозы. Как мы уже говорили, жёсткие формулировки SDI о советской угрозе, нацеленной на нанесение Советским Союзом первым термоядерного удара по Америке, с одной стороны, соответствовали их искреннему пониманию положения дел, а с другой стороны, были направлены на то, чтобы сложить совершенно другую расстановку сил и повернуть США и СССР к новой социокультурной и научно-технической революции. Мы говорим о единстве социокультурной и научно-технической революций, поскольку предполагаемый научно-технический рывок оказывается весьма опасен без развития самого человека и его институтов, в том числе без повышения нравственного уровня сознания человека.

Следует обратить внимание на то, что мы, может быть, излишне подробно и несколько громоздко описывали критические технологии и направления промышленного развития, с одной стороны, необходимые для создания лазерного оружия, а с другой — обеспечивающие ближайшее техническое развитие целого ряда промышленных отраслей для того, чтобы показать, что сам тип выявляемого направления движения был связан с освоением технологий, которые основаны на новых физических, новых природных принципах. Конечно, сама возможность осуществления ядерных взрывов в космосе многим представителям зелёной мальтузианской идеологии кажется кощунственной и ужасной, но в рамках данной программы — это необходимый шаг овладения и контроля за процессами расщепления ядра и ядерного синтеза. Более того, альтернатива, видимо, выглядит следующим образом: либо прорыв к дешёвой и безопасной ядерной энергии и созданию технологий, работающих на новых физических принципах, либо политика вашингтонского консенсуса и поддержание условий жизни на планете лишь для золотого миллиарда, в который Россия, судя по всему, никогда не попадает.

Но почему именно подобная альтернатива, почему подобное противопоставление?

По одной простой причине — современному финансовому капиталу невыгодно осуществлять социокультурную и научно-техническую революцию, основанную на прорыве к технологиям, работающим на новых физических принципах. Подобный прорыв создаёт новые источники богатства, формы капитализации, изменяет структуру собственности и, следовательно, связан с рисками изменения сложившихся форм власти. Поэтому ростовщический капитал, определяющий одну из традиционных форм роста, сохранения и преумножения финансового капитала, никогда не пойдёт на подобные риски.

С другой стороны, финансовый капитал — это капитал, работающий прежде всего с сознанием. Для того чтобы управлять краткосрочными кредитами и закреплять обывателя растущим долговым бременем, его необходимо подчинить правилам игры. Для этого из него необходимо сформировать респектабельного алчущего потребителя, не думающего о будущем. Именно поскольку финансовый капитал работает с сознанием, он создаёт свою форму управления научно-техническими разработками, поворачивая их в свою сторону. Именно поэтому появляется информационное общество, постиндустриализация на основе совершенствования технологий телекоммуникации и оцифровки промышленных активов. Представителям

финансового капитала необходимо знать о состоянии валют и стоимости акций в данную секунду на всех биржах земного шара. Необходимо точно понимать, насколько выгодней данный актив разместить в другой стране с более дешёвой стоимостью сырья и рабочей силы, ликвидировав траты на социальное воспроизводство.

Именно поскольку финансовый капитал работает с сознанием, мы перешли от войн, связанных с прямым столкновением воюющих сторон, к войнам на интерпретацию, локальным (ограниченным) войнам террористического устрашающего действия, предметом которых является цивилизационная перевербока и слом идентичности. Но эта тема требует специального разговора.

Почему SDI не была поддержана руководством СССР? Неисчезающая актуальность целей страны в контексте мирового развития, SDI, которая могла стать средством решения многих проблем советской экономики, не была понята и поддержана советским руководством. Ю.В. Андропов, сменивший Л.И. Брежнева, категорически отверг идею стратегической оборонной инициативы. Интересно, что переговорщик от советской стороны по этому вопросу отмечал, что особенно серьёзные опасения вызвала идея передачи двумя сторонами друг другу технологических секретов; всё остальное было возможно, всё обсуждать, всё намечать, строить различные стратегии. «Если мы вам передадим свои технологические секреты, вы нас обгоните и затем уничтожите» — был ответ. Следовательно, советское руководство прекрасно понимало, в чём основной момент уязвимости советской экономики — возможность выводить прорывные технологии за рамки военно-промышленного сектора и осуществлять на их основе полномасштабное воспроизводство и переорганизацию всей российской промышленности, а также связанные с промышленностью сектора фундаментальной и разработческой науки и образования. О том, что данная программа действительно была нацелена на реальный сдвиг основной финансово-экономической парадигмы и стоящей за ней власти, свидетельствует и такой факт. Идеолог этой программы Линдон Ларуш угодил в американскую тюрьму в 1988 году по сфабрикованному делу и просидел в ней до 1994 года. Сегодня, когда абсолютно доказано, что данное дело не **имеет** под собой никаких оснований, становится ещё раз совершенно ясно, что SDI очень серьёзно затрагивала интересы финансовых групп, которые реально управляют миром.

С российской стороны, пожалуй, единственная группа, которая тут же смогла осмыслить весь позитивный потенциал данного предложения, была коллективом Чернышёва—Платонова. Коллективом

Чернышёва — Платонова было зафиксировано[1], что создание с обеих сторон независимых оборонных комплексов на основе принципиально новых фундаментальных технологий ставит человечество неизбежно на грань термоядерной катастрофы. Поэтому в соответствии с их замыслом должна была существовать единая администрация подобной программы. Данную программу, разработку которой готовил коллектив Чернышёва — Платонова, было предложено назвать «Космический щит». «Можно даже сформулировать это как специальную математическую задачу, подобную которой решал академик Раушенбах: если имеются в космосе две и более системы, включающие лазерный компонент и если даже в каждую заложен чисто оборонительный алгоритм, то логика развития взаимодействия в борьбе между ними такова, что неизбежно разгорится самоубийственный полномасштабный конфликт. Неизбежно!

Космический щит должен быть единым. Он не может таким образом состоять из частей, принадлежащих разным хозяевам. Но, с другой стороны, его нельзя отдавать в руки одной из стран, иначе он становится колоссальным дестабилизирующим фактором»[2].

Основное назначение данной программы помимо политико-стабилизационных целей на этапе прихода к власти Горбачёва состояло в том, чтобы встроить высокотехнологичный советский сектор ВПК в мировую экономику. — «Если бы ракетно-космические вооружения нашей и других стран поэтапно, шаг за шагом, превращались в общеземную, единую собственность, управляемую международным агентством, мы могли бы разомкнуть цикл воспроизводства нашего военно-промышленного капитала и какую-то согласованную его часть наряду с другими странами, владеющими баллистическими ракетами, замкнуть на мировой аэрокосмический инвестиционный фонд в рамках этого международного агентства. Наши капиталы, включившись в единый международный цикл расширенного воспроизводства, продолжали бы работать внутри страны, но с гораздо большей эффективностью. Завод, производящий спутники, останется на месте, но получит инвестиции от международного фонда, космодром в Плесецке не превратится в блошиный рынок или немецкую автономию, а будет арендоваться международным агентством в качестве именно космодрома, носителем станет одна из наших военных ракет, не взорванных в котло-

[1] См.: С. Платонов. После коммунизма.

[2] *См.:* рукопись из дичнрго архива СБ. Чернышёва — неопубликованное интервью с Сергеем Чернышевым, аналитиком Центра политического анализа, руководимого А. Бессмертных, президентом интеллектуального клуба «Гуманус»: **СПАСИБО РЕЙГАНУ ЗА НАШЕ СЧАСТЛИВОЕ ДЕТСТВО?**

ване на Нижней Волге, а выкупленных фондом за валюту, запуск спутника будет осуществляться и контролироваться нашими специалистами, не торгующими редиской и не перекупленными Ливией, а получающими зарплату в международном агентстве "Космический щит"»[1].

Следует отметить, что сама идея международного агентства, не принадлежащего ни одной стране, своеобразной международной администрации планеты при ООН, может пониматься совершенно по-разному. Оно может пониматься как структура своеобразного мирового правительства, которое и проектировал после второй мировой войны знаменитый английский философ Бертран Рассел. Под Мировым правительство понимается не смешной жидомассонский заговор, а реально действующий клуб наиболее влиятельных мировых политиков. Смысл мирового правительства заключался в создании клуба государств, владеющих ядерным оружием. Можно предположить, что Н.С. Хрущев, который реально начал конвергенцию СССР с США — двух государств с принципиально разным политическим устройством — принял идею мирового правительства. Но следует отметить, что идея мирового правительства — это организационный проект финансового капитала, поскольку свободно по всему миру перемещаются именно мировые деньги, не зная границ и этнических различий, конфессионально-национальной идентичности. Промышленный капитал, основанный на длинных циклах социального воспроизводства — прежде всего людей, способных создавать новые технологии и их использовать, не может освободиться от смешных для промышленного капитала патриотических чувств, сентиментальной привязанности к своему народу и стране. Поэтому Н.С. Хрушёв, осуществляя конвергенционный проект сближения СССР с Западом, реально встал на сторону финансового капитала. И здесь мы приходит к некоему парадоксальному заключению. Ничто так легко не продаётся в структуре взаимодействующих государств с разным общественно-идеологическим устройством, как убеждения. Если за убеждениями не стоит вполне определённый способ действия, связанный с прорывом к новым научно-техническим технологиям и социокультурному развитию, то идеологическая непримиримость становится важным потребительским товаром в структуре различных consensus opinion conferences, форумов и конгрессов. Следует отметить, что группа Л. Ларуша стремилась разрушить подобное мировое правительство, которое уже в 60-х годах являлось зародышевой структурой процессов глобализации.

[1] Там же.

Вторая трактовка международного агентства, предлагавшегося группой Чернышёва — Платонова, заключалась, на наш взгляд, в рассмотрении его в качестве постоянно действующей открытой переговорной площадки. В рамках этой площадки можно было бы намечать наиболее интересные решения по созданию Космического Щита и использованию новых технологий для развития не только ВПК, но и всей системы гражданских производств. Но работать в структуре подобной площадки советское руководство было неспособно, поскольку оно не имело целей развития страны, не понимало необходимости научно-технического прорыва и не верило в способность советских учёных его осуществить. С другой стороны, замыкать советское ВПК в контур мировой экономики, капитализировать его для расширенного воспроизводства никто и не собирался. Подобное можно было бы делать только под дулом ядерной советской угрозы. Это связано со следующим обстоятельством: прорывные научно-технические разработки и системы экспериментальных советских производств являлись зародышем следующей формации развития мировой хозяйственной системы в целом. Их невозможно было напрямую соединять со сложившимися устоявшимися типами производств. Они выступали революционизирующим, проблематизирующим элементом сформировавшихся систем практики. В целом же советский промышленный уклад, особенно то, что касается гражданского сектора промышленности, развития транспортных инфраструктур и систем связи, был отсталым и нежизнеспособным. Поскольку продукция гражданского сектора определяла состояние жизни населения, то в целом получалось, что мы штурмовали небо в соответствии с принципами XX века, имея при этом бытовые условия XVII века. Но капитализация элитарных систем Российского ВПК при включении их в мировую экономику была бы возможна лишь при преобразовании складывающихся финансовых политик развитых стран. Например, необходимо было создание структуры типа Евразийского банка реконструкции и развития, который бы мог выдавать долгосрочные кредиты под низкий процент предпринимательским группам, оплачивая из этого кредита покупкут сырья и зарплату на основе приёмки результатов выполнения проектов. В целом же самая институциональная конструкция, обеспечивающая развитие, должна иметь следующий вид. Государственные органы, являющиеся держателем всех основных инфраструктур, которые необходимо развивать, получая программы и проекты их развития от научно-разработческих групп через систему национального банка (он не должен быть приватизирован, обязательно должен быть государственным,

а не частным банком), должны обеспечивать кредитование предпринимательских групп, способных реализовывать отдельные элементы этих проектов и программ. Организация развития страны предполагает, чтобы определённая позиционность сохранялась за всеми элементами схемы — были представители государственных органов власти, заинтересованные в развитии страновых инфраструктур в целом, были бы научные группы, разрабатывающие прорывные проекты и были бы предпринимательские группы, способные самоинициативно реализовывать предпринимательские проекты. Разрушение определённости любого из элементов на этой схеме сразу делает её нежизнеспособной. Например, слом государственной позиции и попытка всё начинать строить из фокуса предпринимательской самоорганизации закончатся новой экспроприацией накопленных предпринимательских ресурсов через вмешательство неадекватного государства в распределение предпринимательской прибыли.

Мы же в настоящий момент реализуем предельный экстремистский вариант либеральной доктрины, считая, что и государством должны управлять люди, не чуждые предпринимательской жилки, имеющие свой бизнес. И действительно, целый ряд уважаемых людей в Кремлёвской администрации, в правительстве рассуждают приблизительно следующим образом: «Ну, что такое, например, Коль? Вот он ушёл на пенсию, и у него ничего кроме пенсии нет. Если же я уйду с поста министра, то какой бы я новый пост потом ни занимал, у меня крупный бизнес в Черногории». Но всё дело в том, что предприниматель, помещённый в государственную структуру, перестаёт быть предпринимателем, он становится лоббистом, коррупционером, но не предпринимателем. Казалось бы, очень полезно, если в государственной системе работает чиновник, который до этого имел успешный опыт работы в бизнесе, он лучше понимает бизнесменов. Но очень важно, чтобы при работе в государственных органах у человека воспроизводилась идентичность стража государства (по Платону), заинтересованного не в построении локальной выгодной сделки, а в обеспечении долгосрочного развития страны в целом.

Сегодняшний финансовый капитал живёт в процедуре кратковременных сделок. Это совершенно очевидно из анализа способов действия представителей финансового капитала в правительстве Фрадкова. Длинные инвестиционные циклы не являются предметом интереса членов данного правительства. Поэтому и процессы социального и технологического воспроизводства — собственно то, из чего и возникают условия новой капитализации, — не рассматриваются в качестве предмета управления. Основная маниакальная

мысль человека, придерживающегося подобных принципов, состоит в том, как осуществить краткосрочные траты данного бюджетного года и как не оказаться приписанным общественным мнением к группе, с которой будет связываться разворовывание финансового обеспечения конкретной программы. Поэтому трат должно быть как можно меньше, и они не должны быть связаны с непредвиденными обстоятельствами будущего. Совершенно очевидно, что в правительстве должен появиться пост «смотрящего» за выделенными значительными средствами на реализацию прорывной инфраструктурной программы. Как нам кажется, в этом и могла бы состоять очень важная роль людей, прошедших через службу в органах безопасности.

Именно наличие в правительстве человека или группы лиц, «смотрящих» за работой длинных денег и не дающих их разворовать при реализации масштабного проекта, могло бы актуализировать концептуальный опыт SDI и обеспечить постановку целей прорывного развития страны. Начаться подобная программа могла бы в целом ряде различных областей, например, в энергетике, в гидрогенерации, и быть связана с переоборудованием гидроэлектростанций, восстановлением плотин и русла рек, подготовкой инженерных кадров, при создании российской электронной промышленности, при создании коридоров развития на основе построения скоростных электромагистралей, на основе использования поездов на электромагнитной подвеске. Как ни парадоксально, но исходной точкой реалистичной капитализации могли бы стать подобные проекты.

Прорывные цели развития страны, сомасштабные СОИ, необходимы для нормального антропологического существования молодого поколения, поскольку у поколения должна быть миссия. В СОИ подобная миссия содержалась. Не случайно директором института социальных и политических проблем РАН, член.-корр. РАН В.Н. Кузнецовым[1] утверждается, что постановка национальной цели является важнейшей задачей всех общественных наук, и именно в этой области ведётся очень жёсткая борьба, направленная на размывание подобной цели и слом мобилизационной идентичности. На наш взгляд, постановка целей прорывного развития страны является задачей гуманитарных наук в их взаимодействии с естественными науками, как это было для Линдона Ларуша при разработке СОИ и для тех — с советской стороны, кто не побоялся его понять.

[1] Кузнецов В.Н. Общенациональная цель: безопасность и благополучие человека как фундаментальная проблема российских общественных наук. О некоторых дискуссионных аспектах интерпретации миссии российской социологии в XXI веке. — М., 2004.

Формат 60х90 1/16. Объем 31,5
Заказ 432. Тираж 500

Отпечатано с готового оригинал-макета в
ООО "Великолукская городская типография»
182100, Псковская область, г. Великие Луки, ул. Полиграфистов, 78/12
Тел./факс (811-53) 3-62-95
E-mail: zakaz@veltip.ru